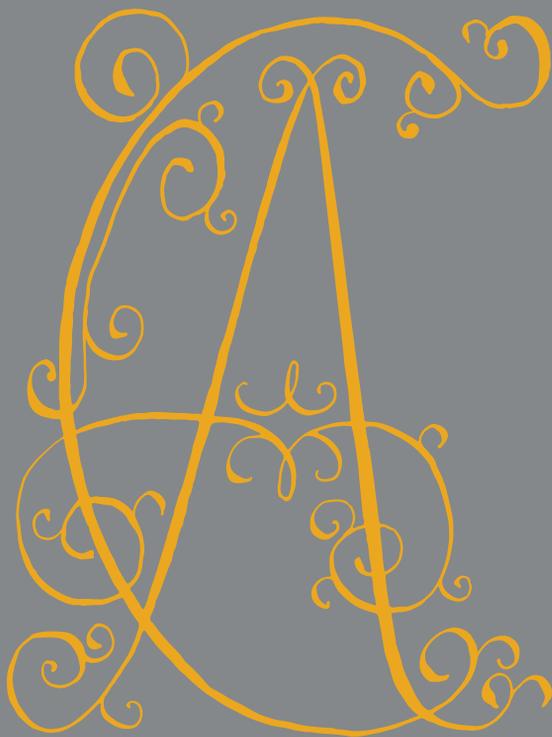

Славянский АЛЬМАНАХ

ISSN 2073-5731

Slavic
ALMANAC

3-4·2020

Институт славяноведения РАН

Славянский Альманах

3-4 · 2020

Slavic
ALMANAC

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2020

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2020. — Вып. 3–4 /
глав. ред. К. В. Никифоров. — М.: Индрик, 2020. — 608 с.

ISSN 2073-5731

DOI 10.31168/2073-5731

Очередной выпуск «Славянского альманаха» (№ 3–4 за 2020 г.) отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, языкознания, этнолингвистики, литературоведения и истории науки. Хронологический охват материалов — от Средневековья до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Институт славяноведения РАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Адрес: 119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А.
Институт славяноведения РАН
Тел.: +7 (495) 938-17-80
Сайт: <https://inslav.ru/zhurnal-slavyanskiy-almanah>
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Периодичность: 4 номера в год
Тираж: 500 экз.
Издается с 1997 г.

© Институт славяноведения РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Издательство «Индрик», 2020

Slavic Almanac 2020. Issues 3–4 /

Moscow: Indrik, 2020. — 608 p.

ISSN 2073-5731

DOI 10.31168/2073-5731

This issue of “Slavic Almanac” (3–4, 2020) reflects the main directions of complex academic Slavic studies. The edition includes articles and materials on the history of Slavic peoples, linguistics, etnolinguistics, literary studies and history of science. The chronological span of the publications is from the Middle Ages to date. The issue will interest both researchers and a wide range of readers.

FOUNDER: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
PUBLISHING HOUSE “INDRIK”

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A.

Institute of Slavic Studies RAS

Phone: +7 (495) 938-17-80

Website: <https://inslav.ru/zhurnal-slavyanskiy-almanah>

E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Frequency: 4 per year

Circulation: 500 copies

Published since 1997

© Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2020

© Authors, 2020

© Publishing house “Indrik”, 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Никифоров К. В., главный редактор,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Борисёнок Ю. А., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Вендина Т. И., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Влашич-Анич А., Институт старославянского языка, Загреб, Хорватия

Дзиффер Д., Университет Удине, Удине, Италия

Димич Л., Белградский университет, Белград, Сербия

Женюх П., Институт славистики САН, Братислава, Словакия

Запольская Н. Н., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Зуппан А., Австрийская академия наук, Вена, Австрия

Номати М., Славяно-евразийский исследовательский центр
Университета Хоккайдо, Саппоро, Япония

Плотникова А. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Радева В., Софийский университет, София, Болгария

Робинсон М. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Розман А., Университет Любляны, Любляна, Словения

Станков Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Старикова Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Узенёва Е. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

РЕДАКЦИЯ

Дронов М. Ю., ответственный секретарь,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Александрова А. К., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кирилина Л. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кочегаров К. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Макарец М. М., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Трефилова О. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Шатько Е. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

EDITORIAL BOARD

Nikiforov K. V., Editor-in-Chief, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Borisyonok Yu. A., Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russian Federation

Dimić L., University of Belgrade, Belgrade, Serbia

Nomachi M., Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Plotnikova A. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Radeva V., University of Sofia, Sofia, Bulgaria

Robinson M. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Rozman A., Univeristy of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia

Stankov N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Starikova N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Suppan A., Austrian Academy of Sciences, Vienna, Austria

Uzeneva E. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vendina T. I., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vlašić-Anić A., Old Church Slavonic Institute, Zagreb, Croatia

Zapolskaya N. N., Lomonosov Moscow State University, Moscow,
Russian Federation

Ziffer G., Univeristy of Udine, Udine, Italy

Žeňuch P., Institute of Slavistics, Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovakia

EDITORIAL OFFICE

Dronov M. Yu., Executive Secretary, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexandrova A. K., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kirillina L. A., Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Kochegarov K. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Makartsev M. M., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Shatko E. V., Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Trefilova O. V., Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Содержание

История

- Неменский О. Б. (Москва)*. Модели межконфессиональных отношений в ранней православной полемике после Брестской унии 12
- Флоря Б. Н. (Москва)*. Внутриполитический кризис на Правобережной Украине в конце лета — осенью 1669 г. 25
- Дронов М. Ю. (Москва)*. Этноконфессиональные особенности и национально-культурная жизнь русинского населения Габсбургской монархии в восприятии М. М. Левченко в 1849 г... 38
- Фролова М. М. (Москва)*. Коварная статистика, или как создаются историографические мифы (из истории болгарского города Ловчи во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) 60
- Носов Б. В., Марней Л. П. (Москва)*. Региональная политика Российской империи в первой половине XIX в.: Царство Польское (1815–1830 гг.) 81
- Горный А. С. (Гродно)*. Белорусские национально-демократические и полонофильские организации в межвоенной Польше 106
- Тимофеев А. Ю. (Белград)*. Столетие Первой мировой войны в Сербии: война памятников 127

Языкознание

- Поливанова А. К. (Москва)*. Писцы и филиграни Егоровско-Барсовского хронографа конца XVI в. 150
- Вернер И. В. (Москва)*. «Славянская гексаглотта» как социокультурный и языковой эксперимент русских славянофилов конца XIX в. 175
- Якушкина Е. И. (Москва)*. Лексика восточногерцеговинского и шумадийско-воеводинского диалектов сербского языка в сопоставительном аспекте 194
- Чиварзина А. И. (Москва)*. Особенности обозначения синего цвета в названиях растений и грибов в южнославянских диалектах ... 211

Этнолингвистика

- Агапкина Т. А. (Москва)*. Параллели в области вербальной магии у восточных и южных славян: «житийный» текст как заговор 225
- Валенцова М. М. (Москва)*. Еще раз об архаике в гуральской традиционной культуре 245
- Вилимек В. (Острава, Волгоград)*. Номинации лекарственных растений в Тешинской Силезии, мотивированные их лечебным действием 270

Литературоведение

- Войводиц Я. (Загреб)*. Андрич и Пастернак: два романа о творчестве (к проблеме семантики зимы) 289
- Перушко И. (Загреб)*. От Ленина до нэпмана, от голода до яств: нэповская Москва глазами Булгакова и Крлежи 314
- Бенчич Ж. (Загреб)*. «Сомнамбула в тумане» Татьяны Толстой, или «Жизнь есть сон» в необарочной манере 338
- Злыднева Н. В. (Москва)*. Вброд через реку перемен: категория границы в романе Дубравки Угрешич 363
- Королькова П. В. (Москва)*. Поиск национальной и жанровой идентичности в современной русской и венгерской литературной сказке (на примере творчества А. А. Кабакова, А. Д. Степанова и А. Мошони) 383
- Гусев Ю. П. (Москва)*. Возможности реализма (размышления в связи с «новым» романом Лайоша Мештерхази) 399
- Шатько Е. В. (Москва)*. «Сараево. План города»: специфика хронотопа 412
- Громинова А. (Трнава), Барковская Н. В. (Екатеринбург)*. Опыт феноменологической онтологии в книге Ивана Штрпки «Куда плащ, туда и ветер» (2018) 423

История науки

- Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л. (Москва)*. Белорусское имя Я. Ф. Головацко 442
- Робинсон М. А. (Москва)*. Методологическое новаторство В. Н. Перетца в изучении истории литературы. К 150-летию со дня рождения ученого 449

<i>Соколовская О. В. (Москва)</i> . Эмилий Диллон, англо-русский ученый, и его архив в США	473
<i>Кудрявцев А. А., Гусев Н. С. (Москва)</i> . Балканская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1946 г. и ее влияние на развитие советско-болгарских связей в области археологии	492
<i>Старикова Н. Н. (Москва)</i> . Галина Яковлевна Ильина. К 90-летию со дня рождения	519

Публикации

<i>Чуркина И. В. (Москва)</i> . Краткая автобиография Петера Когоя	528
<i>Пилипенко Г. П., Ясинская М. В. (Москва)</i> . Воспоминания о войне (по материалам полевых исследований 2016–2019 гг. в Белоруссии, Польше, Словении, Италии, Аргентине и Уругвае)	541

Рецензии и обзоры

<i>Симова А. С. (Москва)</i> . «Выдающийся, но неизвестный» болгарский царь: новое исследование о правителе средневекового болгарского царства Иване Асене II	560
<i>Борисёнок Ю. А. (Москва)</i> . «Польско-белорусский узел» 1918–1921 гг. в интерпретации современной польской историографии	568
<i>Баринов И. И. (Москва)</i> . Белорусская эмиграция в Чехословакии: взгляд из Прешова	579
<i>Шевченко К. В. (Минск)</i> . Анатомия национально-территориальных конфликтов в Центральной и Восточной Европе в 1938–1949 гг.	583
<i>Байдалова Е. В. (Москва)</i> . Новый взгляд на эволюцию украинского литературоведения	591

Юбилеи

<i>Дронов М. Ю., Серапионова Е. П. (Москва)</i> . К 60-летию Мирослава Даниша	599
Сведения об авторах	600

Content

History

<i>Nemensky O. B. (Moskva)</i> . Modelling the interreligious relations in the early Orthodox polemics after the Union of Brest	12
<i>Florya B. N. (Moscow)</i> . The domestic political crisis in the Right-Bank Ukraine in the late summer-autumn of 1699.....	25
<i>Dronov M. Yu. (Moscow)</i> . Ethnoconfessional features and national-cultural life of the Ruthenian population of the Habsburg monarchy in the perception of M. M. Levchenko in 1849	38
<i>Frolova M. M. (Moscow)</i> . Treacherous statistics or how historiographic myths are created (from the history of the bulgarian town of Lovcha during the Russo-Turkish War of 1877–1878)	60
<i>Nosov B. V., Marney L. P. (Moscow)</i> . The regional policy of the Russian Empire in the first half of the 19th century: The Kingdom of Poland (1815–1830)	81
<i>Gorny A. S. (Grodno)</i> . Belarusian national democratic and polonophilic organizations in interwar Poland.....	106
<i>Timofeev A. Y. (Belgrade)</i> . The centenary of World War I in Serbia: A war of monuments.....	127

Linguistics

<i>Polivanova A. K. (Moscow)</i> . Scribes and paper of the late 16th century Yegorov-Barsov Chronograph	150
<i>Verner I. V. (Moscow)</i> . “Slavic hexaglot” as a sociocultural and linguistic experiment of Russian Slavophiles of the late 19th century	175
<i>Yakushkina E. I. (Moscow)</i> . The vocabulary of the Eastern Herzegovina and Shumadia-Voyvodina dialects of the Serbian language in a comparative aspect	194
<i>Chivartzina A. I. (Moscow)</i> . Lexical implementation peculiarities of the blue colour in the names of plants and mushrooms in the South Slavic dialects.....	211

Etnolinguistics

<i>Agapkina T. A. (Moscow)</i> . Parallels in the verbal magic in the Eastern and Southern Slavs: the “life” of things as a charm plot	225
<i>Valentsova M. M. (Moscow)</i> . Once again about archaism in the Góral traditional culture	245
<i>Vilímek V. (Ostrava, Volgograd)</i> . Denominations of Herbs in Těšín Silesia motivated by their therapeutic effects.....	270

Studies of literature

<i>Vojvodić J. (Zagreb)</i> . Andrić and Pasternak: Two Novels about Creativity (the problems of winter's semantics)	289
<i>Peruško I. (Zagreb)</i> . From Lenin to the NEPmen, from famine to gluttony: Moscow during the NEP through the eyes of Bulgakov and Krleža	314
<i>Benčić Ž. (Zagreb)</i> . Tatyana Tolstaya’s “Sleepwalker in a Fog” or “The Life is a Dream” in a Neobaroque manner.....	338
<i>Zlydneva N. V. (Moscow)</i> . Forging the stream of changes: The concept of <i>border-zone</i> in the novel by Dubravka Ugresic	363
<i>Korolkova P. V. (Moscow)</i> . Looking for national and genre identity in the modern Russian and Hungarian author fairy tale (on the example of the texts by A. Kabakov, A. Stepanov and A. Mosonyi)	383
<i>Gusev Yu. P. (Moscow)</i> . The capabilities of realism: Some reflections on the “new” novel of Lajos Mesterházy.....	399
<i>Shatko E. V. (Moscow)</i> . “Sarajevo. Plan grada”: The specifics of the chronotope	412
<i>Grominová A. (Trnava), Barkovskaya N. V. (Yekaterinburg)</i> . The experience of phenomenological ontology in the book of Ivan Štrpka “Where the cloak, there is the wind” (2018).....	423

History of science

<i>Labyntsev Yu. A., Shchavinskaya L. L. (Moscow)</i> . The Belarusian estate of Ya. F. Golovatsky.....	442
<i>Robinson M. A. (Moscow)</i> . The innovative methodology of V. N. Peretz in the research of literary history. To the 150th anniversary of the birth of the researcher.....	449

<i>Sokolovskaya O. V. (Moscow)</i> . Emile Dillon, an English-Russian researcher, and his archive in the USA.....	473
<i>Kudryavtsev A. A., Gusev N. S. (Moscow)</i> . The Balkan archaeological and ethnographic expedition of the Academy of Sciences of the Soviet Union in 1946 and its influence on the development of Soviet-Bulgarian relations in archaeology.....	492
<i>Starikova N. N. (Moscow)</i> . Galina Yakovlevna Ilyina: On the occasion of her 90th Birthday.....	519

Publications

<i>Churkina I. V. (Moscow)</i> . A brief autobiography of Peter Kogoy.....	528
<i>Pilipenko G. P., Jasinskaja M. V. (Moscow)</i> . Memories of the World War II (based on field researches of 2016–2019 in Belarus, Poland, Slovenia, Italy, Argentina and Uruguay).....	541

Reviews

<i>Simova A. S. (Moscow)</i> . An “outstanding but not famous” Bulgarian tsar: a new study about Ivan Asen II, the ruler of the medieval Bulgarian Empire.....	560
<i>Borisyonok Yu. A. (Moscow)</i> . The “Polish-Belarusian Knot” 1918–1921 in the interpretation of modern Polish historiography.....	568
<i>Barinov I. I. (Moscow)</i> . The Belarusian emigration in Czechoslovakia: A view from Prešov.....	579
<i>Shevchenko K. V. (Minsk)</i> . An anatomy of national-territorial conflicts in Central and Eastern Europe in 1938–1949.....	583
<i>Baydalova E. V. (Moscow)</i> . A new approach to the evolution of the Ukrainian literary studies.....	591

Anniversaries

<i>Dronov M. Yu., Serapionova E. P. (Moscow)</i> . On the 60th anniversary of Miroslav Daniš.....	599
About the Authors.....	605

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

О. Б. Неменский
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Модели межконфессиональных отношений в ранней православной полемике после Брестской унии

В статье анализируется восприятие взаимоотношений с католиками и государственной властью Речи Посполитой, свойственное православным полемистам в начальный период полемики после заключения Брестской церковной унии 1596 г. Выделяются две модели межконфессиональных отношений, основанных на принципиально различных оценках прошлого опыта жизни под католической властью и характера современного конфликта. Определяется территориальное расхождение этих направлений полемики, связанных с двумя основными центрами общественной активности православного населения страны. Выделяемые различия определялись существенными расхождениями в истории вхождения отдельных земель с преимущественно восточнохристианским населением в состав польского государства. Характер проблем православного населения этих земель во многом определяла разница в их историческом опыте и конфессиональной структуре их высшего класса. Уже на ранних этапах полемики (по материалам текстов, написанных до 1610 г.) можно говорить о формировании двух моделей межконфессиональных отношений в православной среде. Одна из них оказалась связана главным образом с виленской братской средой и была представлена преимущественно православными деятелями в Великом княжестве Литовском, вторая — с юго-восточными землями страны, главным образом со Львовом и Острожским кружком.

Ключевые слова: *межконфессиональная полемика, православие, униатство, Речь Посполитая, Великое княжество Литовское, Польша, Вильна, Львов, Брестская уния.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.1.01

Все сложные в религиозном плане сообщества пытаются выработать свои модели межконфессиональных отношений, обыкновенно определяемые тем компромиссом, на который вынуждена идти господствующая группа для сохранения внутривнутриполитического спокой-

ствия. Однако в ситуации социального конфликта наличествующая система начинает так или иначе оспариваться со стороны всех крупных религиозных групп. Это позволяет ставить вопрос о тех моделях, которые присутствуют в сознании культурных деятелей, представляющих их интересы, а также о противоречиях, которые возникают уже внутри отдельных конфессиональных сообществ.

Конец XVI — начало XVII в. в Речи Посполитой было временем многостороннего кризиса в отношениях между представителями различных христианских конфессий, вызванного активной контрреформационной политикой власти. Будучи направленной в первую очередь на борьбу с протестантизмом, она нарушила и относительно мирную модель сосуществования с многочисленным православным населением государства. Чрезвычайно сложные условия, в каких оно оказалось после заключения Брестской церковной унии Киевской митрополии с Римом в 1596 г., определили необходимость борьбы за свои права и за приемлемую модель межконфессиональных отношений. Это время ознаменовалось расцветом православно-униатской и также православно-католической полемики, касавшейся широкого круга вопросов — не только богословских, но и исторических, политических и правовых.

Ситуация осложнялась существенными различиями в правовом положении территорий с преимущественно восточнохристианским населением. Это касалось и обширных древнерусских земель Великого княжества Литовского, и новых земель польской Короны, аннексированных ею у Великого княжества в 1569 г. во время обсуждения условий Люблинской унии, и тех территорий, которые уже давно были подчинены польской властью (в первую очередь Русского воеводства с центром во Львове). Разница в историческом опыте и конфессиональной структуре высшего класса во многом определяла и характер проблем православного населения этих земель.

Великое княжество Литовское было во многом уникальным государством Европы, которому с ранних этапов существования была свойственна многоконфессиональная структура общества. В результате принятия литовской верхушкой католицизма после заключения Кревской унии в конце XIV в. православное большинство оказалось в откровенно ущемленном положении, но ситуация стала изменяться уже в 30–40-е гг. XV в. Тогда великокняжеская власть стала проводить политику уступок православному населению, вызванную необходимостью поддержки внутривнутриполитического спокойствия и сохранения лояльности подданных в неблагоприятных внешнеполитических

условиях. К середине XV в. произошел переход от предоставления особых прав католикам к наделению православных и католиков общими «христианскими» правами. Однако это относилось только к светским подданным (шляхте и мещанам), о равенстве церквей речи не шло. В таких условиях возникло понятие «христианства» как общества христиан разных конфессий, что нашло отражение и в государственном законодательстве.

Формирование поликонфессионального понятия христианства, о котором пишет Б. Н. Флоря, было очень ранним для Европы тех лет. Такая модель межконфессионального мира (а точнее перемирия) претерпела существенное усложнение с началом эпохи Реформации и активным распространением протестантских учений. Акт Варшавской конфедерации 1573 г., ставший при коронации Стефана Батория частью королевской присяги, был инициирован протестантами, но включал в себя упоминания и о православной шляхте.

Однако такая система вызывала жесткое неприятие со стороны католического духовенства и самого Рима. В условиях начавшейся Контрреформации межконфессиональные отношения довольно быстро стали вновь жестко конфронтационными. Конфликт между католическими властями и православным населением перешел в открытую фазу после введения григорианского календаря (то есть с 1582 г.) и достиг своего пика после заключения Брестской церковной унии, в результате которой православие оказалось де-факто на нелегальном положении.

Вместе с тем благодаря образованию единой Речи Посполитой произошла активизация контактов двух ведущих центров православной культуры — Вильны и Львова, а также началась консолидация православной шляхты и мещанства в деле защиты своих интересов. Надо при этом отметить, что на западнорусских землях польской Короны православие было в гораздо худшем положении, чем в Великом княжестве Литовском, в связи с их давним подчинением Польше и в целом периферийным положением в государстве. На этих территориях государственная власть не имела причин идти на существенные компромиссы и пытаться договариваться с православными.

Модель межконфессионального мира в ранней Речи Посполитой основывалась не только на политической прагматике королевской власти и логике Реформации, но и на самой идеологии Речи Посполитой. *Rzeczpospolita* — центральный политический термин эпохи и высшая политическая ценность — виделась идеалом общественного устройства, которое было уже реализовано предками, но впослед-

ствии искажено, а потому его требовалось как-то исправлять. Сама эта модель государственности была порождением мысли эпохи Ренессанса и как таковая имела чисто светское происхождение. Она сама по себе не задавала никакой рамки для государственной политики в отношении иноверцев, но предполагала единое сословное сообщество граждан с равными правами, в связи с чем сформировалась особая концепция «народа шляхетского». Светская ренессансная идеология «Речи Посполитой» была чужда и кругам католического духовенства. Знаменитый католический проповедник Петр Скарга был апологетом монархии и большим критиком «смешанной» модели и широких прав шляхты.

В модель «Речи Посполитой» не вписывались и православные представления тех лет. Сложившаяся в местной западнорусской традиции концепция народа как всесословного церковного целого (сообщество прихожан поместной церкви) прямо противоречила шляхетско-сословному пониманию «народа». Это особенно ярко проявлялось в правовом вопросе¹. Православные представления, жестко привязывая право народов к религии и церкви, нарушали идею правового единства граждан Речи Посполитой. Западнорусская идентитарная традиция расширяла понятие «народа» на всех членов Русской церкви (т. е. ее местной митрополии), тем самым расширяя корпоративно-сословные правовые нормы на всю совокупность православных страны, всех «людей русских»².

Можно сказать, что местная православная традиция выработала свою модель межконфессионального мира, которая заключалась в утверждении, что у каждого народа своя вера³ и права народов Речи

1 См. об этом: *Неменский О. Б.* Право народа в православной мысли Речи Посполитой конца XVI — первой половины XVII века // *Славяноведение*. 2012. № 4. С. 3–11.

2 Подробнее см.: *Неменский О. Б.* Русская идентичность в Речи Посполитой в конце XVI — первой половине XVII в. (по материалам полемики литературы) // *Религиозные и этнические традиции в формировании национальной идентичности в Европе. Средние века — Новое время*. Сб. ст. / под ред. М. В. Дмитриева. М., 2008. С.180–197.

3 *Флоря Б. Н.* Отражение религиозных конфликтов между противниками и приверженцами унии в «массовом сознании» простого населения Украины и Белоруссии в первой половине XVII века // *Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — первой половине XVII в.* / отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 1996. Ч. II. С. 154.

Посполитой должны быть гарантированы королевской властью. Такая модель естественным образом сочеталась с резко негативным отношением к религиозному насилию. Еще до Брестской унии эта тема заняла важное место в православной полемической литературе.

Как представляется, уже на ранних этапах полемики (я остановлюсь на периоде до 1610 г.) можно говорить о формировании двух моделей межконфессиональных отношений в православной среде. Одна из них оказалась связана главным образом с виленской братской средой, вторая — с юго-восточными землями страны, главным образом со Львовом и Острожским кружком.

Северный (виленский) центр был настроен компромиссно: его представители высказывались против униатов, но за Речь Посполитую и короля как христианского монарха. Южный центр выступал радикально против «римской веры» и католических властей. В сочинениях, связанных с Виленским братством, основной темой являлась защита «прав и вольностей народа русского», тогда как южане концентрировались на призывах к сопротивлению и терпению. Виленчанам была свойственна положительная оценка прошлого межконфессиональных отношений, тогда как галичане оценивали его максимально негативно. При этом полемисты из Вильны главным своим оппонентом и, можно сказать, врагом видели униатов, тогда как львовяне нередко вообще как бы и не замечали униатов, видя в них лишь очередную вариацию «латинников».

Так, автор очень известного православного сочинения «Апокрисис» (1597–1598 гг.), говоря про свою сторону «мы, греческой религии люди»⁴, подчеркивает, что они «и право, и конфедерации, и привилеи, и обычаи, и другие основания вольности веры имеют»⁵. При этом он заявляет, что они короля «с плачем просят, чтобы, согласно привилеям, народу русскому и литовскому данным, духовных властей религии греческой не прижимал»⁶. Автор этого сочинения, возможно, был протестантом, но несомненно, что он был в тесных отношениях с виленским православным Свято-Духовским братством, которое и издало польскоязычный вариант книги.

4 Апокрисис. Сочинение Христофора Филалета // Русская историческая библиотека. Т. VII. СПб., 1882. Стб. 1332.

5 Апокрисис. Стб. 1788.

6 «С плачем просимо, абы, ведлуг привилеов, народови Рускому и Литовскому наданных, урядов духовных релѣи Греческой не заглумял». Апокрисис. Стб. 1292.

Понятие «Речи Посполитой» употребляется в этом культурном центре довольно активно, но несколько иначе, чем это было принято в польской среде. Распространено было выражение «вся Речь Посполитая милая Отчизна наша»⁷. При этом государство виделось не столько «общим делом», сколько именно Королевством, и на первый план выдвигалась именно своя лояльность монаршей власти, доказательству чего посвящалось значительное место полемических сочинений. Автор «Антиграфа»⁸ старается акцентировать лояльность в самопрезентации: «Мы, верные подданные его королевской милости, милостивого нашего господина»⁹. Все его внимание заострено на защите «прав и свобод (и еще свободы совести) стародавнего народа нашего российского»¹⁰.

В ярко выражающем эту линию сочинении Мелетия Смотрицкого «Тренос» 1610 г. говорится о трех «верах» русского народа: это «вера в Бога, вера в Отчизну и вера в королей господ своих, которую мы целой и неизменной до конца жизни сохраняем»¹¹. Автор говорит об обидах, нанесенных униатами «верным и ни в чем не подозреваемым, никаким законом не обвиненным подданным его»¹².

Более того, он развивает мысль о браке Церкви — матери народа Русского — с Королем польским, являющимся народу отцом: «Возжелал король красоты моей, красивейший среди людей, и, полюбив меня, вечным браком с собою связал. Я детей ему родила и воспитала, а они от меня отреклись», — сказано уже об униатах¹³. То есть католический король для него, несомненно, является христианским монархом. И здесь

⁷ *Theophil Ortholog (Смотрицкий М.)*. Threnos, to iest Lament iedney ś. Powszechny Apostolskiey wschodney Cerkwie... Wilno, 1610. S. 5–6. Посвящения.

⁸ Сочинение 1608 г., авторство явно не Мелетия Смотрицкого, хотя нередко ошибочно ему приписывается. См.: *Waczyński B. Czy Antigráfico jest dziełem Maksyma (Melecjusza) Smotryckiego? // Roczniki Teologiczno-Kanoniczne*. Lublin, 1949. Nr 1.

⁹ «мы, wierni poddani iego krol. m. naszego m. pana». См.: Антиграф // Русская историческая библиотека. Т. XIX. СПб., 1903. Стб. 1152.

¹⁰ «praw y swobod (a nadto wolności w sumnieniu) starożytnego narodu naszego Rosiyskiego». Антиграф. Стб. 1152.

¹¹ «A krotko mówiąc wiarę Bogu, wiarę Oyczyźnie, wiarę Krolom Panom swoim w cale y nienaruszenie do ostatniego żywota terminu dochowawszy y po śmierci umrzeć nie mogli». См.: Threnos. S. 4 нenum.

¹² Там же.

¹³ Threnos. S. 1об.

мы видим воспроизведение того самого понятия о многоконфессиональном христианстве. «Благородный русский наш народ»¹⁴ для Смотрицкого — «в вере православный, в любви к Отчизне горячий, в послушании и верности королям господам своим всегда искренний»¹⁵.

Автор «Антиграфа» очень позитивно оценивает историю властвования польских королей над Русью и говорит о царящем вот уже 600 лет религиозном мире в государстве: «в этой вольной Речи Посполитой нашей»¹⁶ униаты взрывают «этот золотой мир, скрепленный вечной взаимной любовью, уже шестьсот лет в этой стране сохраняемый»¹⁷. А король предстает как надежный защитник «прав, привилегий и свобод нашего народа»¹⁸. Эта линия полемики будет развиваться и дальше, найдя свое полноценное воплощение в виленском «Синописисе» 1632 г.

Совершенно иной взгляд мы находим у представителей южно-го кружка полемистов. Они высказывают гораздо более жесткое отношение к «римской вере», а соответственно и к польским властям, ее насаждающим. Уже у Герасима Смотрицкого в сочинении «Ключ Царства небесного» (1587), в значительной своей части посвященном введению григорианского календаря, этот шаг расценивается как окончательный отход Рима от христианства. Папа Григорий XIII «мѣсяцы иначе покрестилъ, христианскую пасху з жидовскою далеко отменилъ, и опаць посадилъ»¹⁹, в связи с чем автор задается вопросом: «А сей пакъ теперъ третій законъ отъ кого поданъ хто вѣдаеть якъ сего законодавца назъвати, кгдажь не отъ Мойсея, а ни отъ Христа»²⁰. «Заходный костелъ» «забыл Бога Спаса своего, и закона отъ него поданого»²¹, и теперь «своего папежа Христомъ именуеть»²². Однако ход времени «не римского бога сила и справа, хотя бы и всѣ кардиналы собралъ»²³. Наименование пап «римскими богами» — в данном случае уже не просто полемический прием, оно ведет за собой и выводы о нехристианском характере всего королевства.

14 «Zacny narod nasz Ruski».

15 Ibid. S. 5–6. Посвящения.

16 Антиграф. Стб. 1161.

17 Антиграф. Стб. 1157.

18 Антиграф. Стб. 1184.

19 «Ключъ царства небеснаго». С. 252.

20 Там же. С. 257.

21 Там же. С. 258.

22 Там же. С. 264.

23 Там же.

Так, для Клирика Острожского римляне — это однозначно не христиане: он строго разводит «христиан» и «папезников»²⁴. В известном львовском сочинении «Пересторога» (1605 г.) вообще нет общего с католиками христианства. «Западная сторона [...] в всемь противны суть Евангелию»²⁵, — пишет автор. Есть православные и римляне: «Потомкове княжатъ Рускихъ зъ вѣры православной на Римскую выкрестилися»²⁶. Более того, он доказывает, что апостола Петра вообще не было и не могло быть в Риме, а потому Рим не по праву Петру наследует²⁷. При этом правовой аспект полемики, защищающий старые права, сохраняется: автор описывает «старые права», подтвержденные Стефаном Баторием.

Главное свойство латинников, по мнению автора «Перестороги», — это насилие в отношении русского народа. Он пишет, что «нарушеніе праву дѣется и квалтомъ до вѣры примушаютъ», при этом «Турковъ, Татаровъ, Жидовъ, невѣрниковъ и погань тутъ мѣшкаючихъ у вѣрѣ ихъ не ломають, только народови Рускому»²⁸. Он описывает эти гонения: «То тежъ у короля собѣ зъеднали, абы не только духовного, але и свѣтского вряду не давати никому, кто не есть папезовъ, а Русинь коли не есть унѣятомъ, и напередъ у незнаемыхъ пытають, если Полякъ, чи есть католикъ, а если Русинь, чи есть унѣять»²⁹. Автор «Перестороги» выступает против насилия в делах веры, в связи с чем турецкий царь идеализируется им в противоположность польскому королю и Риму: «Присмотримся жъ, яко той поганинь, урожонный непріятель, вѣры не ломлетъ, не губить за вѣру, не мучить, маѣтностей земныхъ не забираетъ, до своей вѣры гвалтомъ не примушаетъ, яко Римская столица»³⁰. Римляне «на вѣру православную и святую не словомъ Божимъ, але мечемъ воюють»³¹.

24 *Клирик Острожский*. История о разбойничьем Флорентийском соборе. 1598 // Русская историческая библиотека. СПб., 1903. Т. XIX. Стб. 440.

25 Пересторога 1605 г. // Акты Западной России. СПб., 1851. Т. IV. Док. № 149. С. 230.

26 Там же. С. 205.

27 Там же. С. 230–233.

28 Там же. С. 215–216.

29 Там же. С. 229 (слова «одного из Львовского братства» на сейме, в ответ И. Потеею).

30 Там же. С. 235.

31 Там же.

Еще один очень значимый галичанский автор, ярко выражающий описываемые особенности, — Иоанн Вишенский³² — монах Зографского монастыря на Афоне и один из крупнейших западнорусских православных полемистов конца XVI — начала XVII в. Родом он был из Судовой Вишни в Галицкой Руси — городка, который был центром большой политической жизни, так как в него съезжалась шляхта на местные сеймики (к его округу относились Львовская, Перемышльская и Санокская земли Русского воеводства). В 1590-х гг. Вишенский уже жил на Афоне, но сохранял тесные контакты с Львовским братством. Все его произведения — это послания и письма на родину.

Для Вишенского католики — это еретики или даже язычники. Принятие католицизма русскими князьями он описывает как «ныне межы ляхи князеве руские все поеретичели и христианства истинное веры отступили»³³. Такие люди для него как бы теряют свою русскую идентичность вместе с христианской: «русине бывший, благочестивый христианин прежде»³⁴. «Як ныне нест хвалы Богу ни мало з Лядское земле, и христианство в конец исчезе и погибе»³⁵. Он говорит о «лживом священстве латынского почту», ведь «дух святыи от костела латынского отогнан есть»³⁶. Беды исходят «от тое поганское латынское науки»³⁷, «жидовской слепоте латынского рода»³⁸ и т. п. Надо отметить, что униатства при этом как бы и нет, не в нем видится главный враг, оно лишь часть латынства. Упомянув, опять же, реформу календаря как последний акт разрыва с христианством, Вишенский говорит папе Римскому: «ни в чесом любве и едности с православными не имашы, и уже от всех частей тела церковного и съборной апостолской церкви отсецлся еси и отщепил»³⁹.

32 См. подробнее: *Неменский О. Б.* Особенности этно-конфессиональной идентичности автора в сочинениях Иоанна Вишенского // Белоруссия и Украина. М., 2012. Вып. 4. С. 115–143.

33 *Вишенский И.* Книжка Иоанна мниха Вишенского от Святыя Афонския горы // Вишенский И. Сочинения. М.; Л., 1955. С. 33.

34 Там же. С. 39.

35 Там же. С. 47.

36 *Вишенский И.* Краткословный ответ Петру Скарге // Вишенский И. Сочинения. М.; Л., 1955. С. 195.

37 Там же. С. 163.

38 Там же. С. 154.

39 *Вишенский И.* Книжка Иоанна мниха Вишенского от Святыя Афонския горы... С. 110.

Такое жесткое восприятие католицизма определяет и абсолютно нетерпимое отношение к польскому государству. Короля Польского Вишенский называет Навуходоносором, который «ставит выше своего достоинства одушевленного идола папу; посылает проповедники езуиты, абы все поклонилися папе». «Тогда разярився Навуходоносор, кроль польский, повелевает разжещи пещь бед, скорбий, гонений и всяких досад лютых на трие отроки, останка народа руского, яко за сим волю бедами на поклонение идола преложит»⁴⁰. Насилие является вторым важнейшим признаком латинства наравне с почитанием идола папы Римского: «Не явно ли всему свету есть, яко только в папину главу и насильство верованью согласни твои латынники суть»⁴¹.

Значительное внимание он уделяет описанию гонений, организуемых на православных папой Римским и польским королем. И здесь особенно интересным представляется характеристика этапов ущемления прав, которые организует польская власть в отношении к православным. Так, вначале «латина христианом православным творят, отновляюще прежде бывшее идолопоклонство и гонение», предлагая поклониться папе, принять его «самосмышленный закон, календар новоутворенный» и почитать «всю прелест наша веры». Если же православный не принимает новой веры, то против него обрушивается вся «власт мирская, градская и повсюду», которой королем наказано: «не дадейте Руси не едино пространство в жизни их, в судех по Руси не поборайте, паче же и кривдите, в суседстве любви не покажуте, ниже с ними не общете, паче же их ненавидите». Ущемление прав распространяется на все сферы жизни: «в куплях, торгах, ремеслах русин с папешником волности единой да не имат; в цехах ремесницких русину быти не достоин, доколе ся не попапешит; на власти войтовства и бурмистровства и прочих строителств от русского народа да ся не поставляют, доколе ся у папежа не уверуют».

Если же и после этого русины «своей христианское веры отступити и папе идолопоклонитися не хошут», то наступает этап ущемления их в церковной жизни: разоряются храмы, налагается запрет на отправление празднеств, а по новому календарю «святити и праздновати с силою понудите». «Аще же и еще не послушают», то на следующей стадии предпринимаются еще более жесткие действия в отношении православия: «сакрамент Христов обезчестете, на землю пролейте и ногами попереете и потопчите, церкви запечатуите и от всех стран

40 Вишенский И. Краткословный ответ Петру Скарге. С. 141–142.

41 Там же. С. 153.

беднотворете и досаждайте». На завершающей стадии, «аще же ни в сими досадами им не одолеете», власть лишает русских людей личной свободы и прибегает к телесному воздействию, вплоть до убийства: «в темницах затворяйте и без вин вины на них налагайте, бийте, безчестете и убийте в имя найсвятейшего папы»⁴². По сути, Вишенским дана очень подробная характеристика государственной политики в отношении православных, которая не оставляет ни единого шанса на совместную мирную жизнь.

В целом представляется весьма вероятным, что такая разница между двумя линиями полемики объясняется в первую очередь различием исторического пути, который прошло православное население в этих столь разных частях теперь единой страны. Положение православных как незначительного меньшинства на окраине коронных земель (в Галичине) побуждало к иному взгляду на государственность и характер католической веры и власти, чем у православного населения Великого княжества Литовского. В их представлении мирной модели межконфессиональных отношений просто не существовало, а Брестская уния воспринималась лишь как новый этап уже давно идущих гонений.

Источники и литература

Theophil Ortholog (Смотрцикий М.). Threnos, to iest Lament iedney ś. Powszechny Apostolskiej wschodniej Cerkwie... Wilno, 1610. Pag. 1–219.

Waczyński B. Czy Antygrafe jest dziełem Maksyma (Melecjusza) Smotryckiego? // Roczniki Teologiczno-Kanoniczne. Lublin, 1949. Nr 1. S. 183–210.

Антиграф // Русская историческая библиотека. Т. XIX. СПб., 1903. Стб. 1149–1300.

Апокрисис. Сочинение Христофора Филалета // Русская историческая библиотека. СПб., 1882. Т. VII. Стб. 1003–1820.

Вишенский И. Книжка Иоанна мниха Вишенского от Святыя Афонския горы // Вишенский И. Сочинения. М.; Л., 1955. С. 7–129.

Вишенский И. Краткословный ответ Петру Скарге // Вишенский И. Сочинения. М.; Л., 1955. С. 130–160.

Клирик Острожский. История о разбойничьем Флорентийском соборе. 1598 // Русская историческая библиотека. Т. XIX. СПб., 1903. Стб. 433–476.

⁴² *Вишенский И.* Книжка Иоанна мниха Вишенского от Святыя Афонския горы... С. 120–121.

Неменский О. Б. Особенности этно-конфессиональной идентичности автора в сочинениях Иоанна Вишенского // Белоруссия и Украина. М., 2012. Вып. 4. С. 115–143.

Неменский О. Б. Право народа в православной мысли Речи Посполитой конца XVI — первой половины XVII века // Славяноведение. 2012. № 4. С. 3–11.

Неменский О. Б. Русская идентичность в Речи Посполитой в конце XVI — первой половине XVII в. (по материалам полемической литературы) // Религиозные и этнические традиции в формировании национальной идентичности в Европе. Средние века — Новое время. Сб. ст. / под ред. М. В. Дмитриева. М.: Индрик, 2008. С. 180–197.

Пересторога 1605 г. // Акты Западной России. СПб., 1851. Т. IV. С. 203–236.

Флоря Б. Н. Отражение религиозных конфликтов между противниками и приверженцами унии в «массовом сознании» простого населения Украины и Белоруссии в первой половине XVII века // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI — первой половине XVII в. / отв. ред. Б. Н. Флоря. М., 1996. Ч. II. С. 151–174.

References

“Antigraf.” *Russkaia istoricheskaja biblioteka*, vol. XIX, Saint Petersburg, 1903, stb. 1149–1300.

“Апокрисис. Sochinenie Khristofora Filaleta.” *Russkaia istoricheskaja biblioteka*, vol. VII, Saint Petersburg, 1882, stb. 1003–1820.

Floria, B. N. “Otrazhenie religioznykh konfliktov mezhdru protivnikami i priverzhentsami unii v «massovom soznanii» prostogo naseleniia Ukrainy i Belorussii v pervoi polovine XVII veka.” *Brestskaia uniiia 1596 g. i obshchestvenno-politicheskaja bor'ba na Ukraine i v Belorussii v kontse XVI — pervoi polovine XVII v.* Ed. B. N. Floria, Moscow, 1996, part II, p. 151–174.

Klirik Ostrozhskaa. “Istoriia o razboinich'em Florentiiskom sobore. 1598.” *Russkaia istoricheskaja biblioteka*, vol. XIX. Saint Petersburg, 1903, stb. 433–476.

Nemenskii, O. B. “Pravo naroda v pravoslavnoi mysli Rechi Pospolitoi kontsa XVI — pervoi poloviny XVII veka.” *Slavianovedenie*, 2012, № 4, p. 3–11.

Nemenskii, O. B. “Russkaia identichnost' v Rechi Pospolitoi v kontse XVI — pervoi polovine XVII v. (po materialam polemicheskoi literatury).” *Religioznye i etnicheskie traditsii v formirovanii natsional'noi identichnosti v Evrope. Srednie veka — Novoe vremia*. Ed. M. V. Dmitriev. Moscow: Indrik, 2008, p. 180–197.

Nemenskii, O. B. “Osobennosti etno-konfessional'noi identichnosti avtora v sochineniiakh Ioanna Vishenskogo.” *Belorussiiia i Ukraina*, vyp. 4. Moscow, 2012, p. 115–143.

“Perestoroga 1605 g.” *Akty Zapadnoi Rossii*, vol. IV, Saint Petersburg, 1851, p. 203–236.

Theophil Ortholog (Smotriskii, M.). *Threnos, to iest Lament iedney ś. Powszechney Apostolskiej wschodniej Cerkwie...* Wilno, 1610, pag. 1–219.

Vishenskii, I. “Knizhka Ioanna mnikha Vishenskogo ot Sviatye Afonskiiia gory.” *Vishenskii, I. Sochineniia*. Moscow; Leningrad, 1955, p. 7–129.

Vishenskii, I. *Kratkoslovnnyi otvet Petru Skarge. Vishenskii, I. Sochineniia*. Moscow; Leningrad, 1955, p. 130–160.

Waczyński, B. “Czy Antygrafe jest dziełem Maksyma (Melecjusza) Smotryckiego?” *Roczniki Teologiczno-Kanoniczne*. Lublin, 1949, nr 1, s. 183–210.

Oleg B. Nemensky

*Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

Modelling the interreligious relations
in the early Orthodox polemics after the Union of Brest

The article dwells upon the Orthodox polemics on the relations with Catholics and the state power of Rzeczpospolita in the initial period after the Church Union of Brest in 1596. Two models of interfaith relations are distinguished, based on fundamentally different assessments of the past experience under Catholic rule and the nature of the modern conflict. The territorial divergence of these lines of controversy is determined, connected with the two main centers of public activity of the Orthodox population of the country. The highlighted dissimilarities were determined by significant differences in the history of the entry into the Polish state of the aforementioned lands with a predominantly Eastern Christian population. The nature of the problems of the Orthodox population of these lands was largely determined by the difference in their historical experience and the confessional structure of their upper class. Already at the early stages of the debate (based on materials written before 1610), we can talk about the formation of two models of interfaith relations in the Orthodox milieu. One of them turned out to be associated mainly with the Vilna fraternal environment and was represented mainly by Orthodox figures in the Grand Duchy of Lithuania, the second — with the southeastern lands of the country, mainly with Lvov and the Ostrog circle.

Keywords: *interfaith polemics, Orthodoxy, Catholics of Eastern Orthodox rite, Uniatism, Rzeczpospolita, Grand Duchy of Lithuania, Poland, Vilna, Lviv, Union of Brest.*

Внутриполитический кризис на Правобережной Украине в конце лета — осенью 1669 г.

В статье рассматриваются массовые выступления населения Правобережной Украины и запорожского казачества против гетмана Петра Дорошенко и его сторонников, сопровождавшиеся вмешательством в события Османской империи. После того, как летом 1669 г. Порты заставила Крым отказаться от поддержки восставших, они потерпели поражение, и в их лагере произошла смена лидера: вместо поддерживавшегося крымскими татарами П. Суховеренко гетманом был избран уманский полковник М. Ханенко. Он и его союзники были осаждены Дорошенко в Умани, но, не получив достаточной поддержки от татар, правобережный гетман был вынужден заключить мир с противниками и снять осаду в конце августа 1669 г. Более того, Крым вновь вопреки распоряжениям из Стамбула оказал помощь противникам Дорошенко, которые в октябре осадили его в Стеблове. Лишь новое вмешательство Порты, направившей значительные силы Белгородской орды на помощь Дорошенко и повторно запретившей Крыму оказывать помощь Ханенко, позволило сторонникам правобережного гетмана снять осаду и нанести противнику решающее поражение. Ханенко бежал на Запорожье, а многие города и местечки Правобережья были оккупированы белгородскими татарами. Свидетельства источников говорят об особой глубине и остроте внутриполитического кризиса в украинском обществе Правобережья, а также показывают, что победу в результате одерживала та сторона (Дорошенко), которая сумела заручиться более мощной внешней поддержкой.

Ключевые слова: *П. Д. Дорошенко, М. Ханенко, правобережное гетманство, Правобережная Украина, казачество, Запорожье, Крымское ханство, Османская империя.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.1.02

В конце 60-х годов XVII в. на территории Правобережной Украины обозначился глубокий внутриполитический кризис, вы-

лившийся к лету 1669 г. в массовые восстания населения против власти гетмана Петра Дорошенко и поддерживавших его общественных сил. Восставшие выступали в союзе с Запорожьем и Крымом. П. Дорошенко оказался в критической ситуации, потеряв поддержку значительной части правобережного казачества, но в решающий момент борьбы восставшие, в свою очередь, лишились помощи татарских союзников и потерпели неудачу. Несмотря на отступление к Умани¹, их войско еще представляло собой достаточно серьезную силу, включая казаков Уманского, Кальницкого, Паволоцкого и Корсунского полков². В Умани произошла смена гетманов — главных руководителей восстания. Ранее как главный вожь восставших выступал Петр Суховеенко. Его кандидатуру, вероятно, поддерживало не только Запорожье, но и крымские татары, в сотрудничестве с которыми восставшие были заинтересованы. С уходом татар в Крым этот фактор утратил свою силу. Восставшие решили избрать на место Суховеенко опытного военного руководителя, который сумел бы дать отпор войску Дорошенко. Им стал многолетний уманский полковник Михаил Ханенко³. Извещая о своем избрании переяславского полковника Дмитрашку Райчу — одного из авторитетных лидеров левобережного казачества, он призывал его «по часту... докучати» Дорошенко и сообщал о своем намерении выступить против него вместе с Запорожьем «и с частию орды». Таким образом, восставшие выражали намерение продолжать борьбу, несмотря на открытую поддержку, которую оказала Дорошенко Османская империя, заставив крымских татар отказаться от помощи его противникам. Это несомненно говорит о глубине и остроте обозначившегося внутривосточного конфликта. При этом имели место надежды на восстановление сотрудничества с Крымом и Запорожьем. С этой целью «в Успенский пост» (то есть в августе 1669 г.) на Запорожье направился Ю. Хмельницкий⁴.

1 См. об этом подробнее: *Флоря Б. Н.* Внутривосточный кризис на Украине весной — летом 1669 г. // *Славянский альманах.* 2020. № 1–2. С. 46–66.

2 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (АИОЗР). СПб., 1878. Т. 9. 1668–1672. № 13. Стб. 63.

3 О своем избрании он сообщал переяславскому полковнику Дм. Райче 13 июля 1669 г. — Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 229 (Малороссийский приказ). Оп. 2. № 5. Л. 21–21об.

4 См. «распросные речи» Ивана Онущенко — РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 228об.–229.

Имелись надежды и на сотрудничество с левобережным гетманством. 30 июля М. Ханенко обратился с посланием к левобережному гетману Демьяну Игнатовичу (Многогрешному)⁵. Сообщая о своем избрании «от полковников и всего низового товариства», он призывал «войсками с обеих сторон к Чигирину приходити». Письмо это стало первым в ряду аналогичных посланий, направлявшихся левобережному гетману в конце лета и осенью 1669 г.

Учитывая характер универсалов, рассылавшихся Петром Суховеенко в начале восстания⁶, есть основания предполагать, что за этими призывами стояли планы создания после свержения Дорошенко единого украинского гетманства в союзе и под покровительством Крыма. Именно так понимал планы Суховеенко и Ханенко Демьян Игнатович, когда он писал царю, «что их... к великому государю желательства нет, а желание их к хану крымскому, а говорят, де, что они ни у которого государя в подданстве быти не хотят, а чтоб жити в совете»⁷. В реальность таких планов ни левобережный гетман, ни левобережная старшина не верили, и никакого ответа на свои обращения М. Ханенко не получил.

Обращает на себя внимание такая деталь послания М. Ханенко, что его сторонники не пропускают к Петру Дорошенко послов султана, которые везут к нему знаки власти. Это еще раз показывает стремление противников Дорошенко продолжить борьбу с ним, несмотря на покровительство правобережному гетману со стороны Османской империи.

Главным источником сведений о событиях, происходивших в конце лета — начале осени 1669 г., являются письма М. Ханенко Демьяну Игнатовичу. В письме от 26 августа⁸ он сообщал, что Петр Дорошенко подошел к Умани с «серденяцким войском», «приманив иных полковников», которые «были на нашу руку». Таким образом, часть казачества после победы Дорошенко перешла на его сторону. Умань была осаждена, осада продолжалась, как 10 сентября сообщал Ханенко Демьяну Игнатовичу, «час немалой» и армия Дорошенко понесла серьезные потери⁹. О упорной обороне Умани говорит и сообщение коменданта Белой Церкви, что «из города от осаженных еже-

5 АЮЗР. Т. 9. № 9/І. Стб. 43.

6 Там же. СПб., 1872. Т. 7. № 32.

7 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 368об.

8 АЮЗР. Т. 9. № 9/ІІ. Стб. 45.

9 Там же. № 9/ІІІ. Стб. 46.

день великие вылоски бывают»¹⁰. Очевидно, что, несмотря на измену «полковников», в Умани находились еще достаточно значительные военные силы¹¹. В итоге правобережный гетман, по оценке М. Ханенко, «хотя и не хотел отступить, уступил».

События развивались не так, как хотел Дорошенко, хотя он старался создать у населения иное представление. В универсале, направленном в Каневский полк, он сообщал, что к нему под Уманью пришел посол султана с 10 тыс. белгородских татар «по салтанову велению»¹². В универсале Дорошенко, предназначенном для жителей левобережных Ромен, объявлялось, что крымских татар «с Украины выгнали», а Белгородской орде султан приказал «сколько нам будет надобно помогати»¹³. Сообщение о встрече с послом султана отвечало действительности, но гораздо сложнее обстояло дело с помощью со стороны Белгородской орды. От взятых позднее в плен белгородских татар выяснилось, что попытки выполнить приказ султана натолкнулись на упорное сопротивление Крыма, требовавшего, «чтобы они войною в черкаские города не ходили» и отправили с послом султана к Дорошенко «небольших людей»¹⁴. В итоге к гетману Дорошенко был отправлен лишь отряд из 1000 чел. во главе с Кучук-мурзой. Очевидно, отсутствие серьезной военной поддержки с османской стороны стало одной из причин, побудивших Дорошенко снять осаду с Умани и заключить соглашение с противниками. Об условиях соглашения сообщается в «Летописи Самовидца». Войска Дорошенко не были впущены в город, не состоялось и формального признания его власти. Вожди восстания «тилко обещовалися приехати к нему до Чигирина»¹⁵.

Таким образом, П. Дорошенко не смог подавить сопротивления противника, а тот не собирался соблюдать условия соглашения. Когда

10 Вести — куранты 1656 г. 1660–1662 гг. 1664–1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1 / изд. подгот. В. Г. Демьяновым при участии И. А. Корнилаевой. Завершение работы над изд. и подгот. к печати: Е. А. Подшивалова, С. М. Шамин; под ред. А. М. Молдована и Ингрид Майер. М., 2009. № 176. С. 416.

11 По сведениям Дм. Райчи, там находилось 5-тысячное войско. См.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 23об.

12 Там же. Л. 27об.–28.

13 Там же. Л. 26.

14 Там же. Л. 39об.–41об.

15 Літопис Самовидця / видання підготував к. ф. н. Я. І. Дзира. Київ, 1971. С. 108.

осада была снята, 26 августа М. Ханенко снова предлагал левобережному гетману совместный поход на Чигирин. Очевидно, у него были основания рассчитывать на поддержку местного населения и на заключение союза с Крымом. М. Ханенко ожидал результатов поездки Ю. Хмельницкого. 10 сентября он писал Демьяну Игнатовичу, что выступит в поход «дождався орды».

Из Запорожья Ю. Хмельницкому удалось установить контакты с крымской знатью¹⁶. Положение дел обсуждалось в Бахчисарае, где после двухнедельных дебатов¹⁷ было принято решение о заключении союза. В письме от 21 августа¹⁸, отправленном из Бахчисарая от имени «ясновельможных беев крымских» и мурз и «от всего посольства крымского и ногайского и черкесского», говорилось о посылке на Украину войска во главе с Батыршой-мурзой «против вашего неприятеля». Помощь будет оказана, «хотя турки поволят или не поволят». Первым подписал текст Ширин-бей, глава могущественного рода Ширинов. Вместе с татарами направился на Правобережье Ю. Хмельницкий в сопровождении конного и пешего войска из Запорожья¹⁹. 21 августа Батырша с войском, как сообщает русский представитель в Крыму Г. Михайлов, выступил в поход²⁰. Однако когда хан узнал о приезде к Умани посла султана, он приказал Батырше вернуться в Крым²¹. Из-за этого выступление против Дорошенко задержалось. Пауза, впрочем, была недолгой. В начале октября Ю. Хмельницкий смог добиться, чтобы Батырша-мурза выступил в поход.

По свидетельству «Летописи Самовидца», это войско направилось к Ханенко «после Покрова»²². В октябре 1669 г. военные действия приобрели широкий размах. О том, что происходило в это время на Правобережье, сохранился ряд отрывочных свидетельств. Они не позволяют создать связную картину событий, но дают возможность выявить некоторые важные их особенности. Так, сохранились два

16 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 229–229об.

17 См. об этом в письме М. Ханенко гетману Демьяну от 20 октября — РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 181.

18 АЮЗР. Т. 9. № 10. Стб. 49.

19 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 229об.

20 Там же. Ф. 123 (Сношения России с Крымским ханством). 1669 г. № 1. Л. 23.

21 Там же. Л. 26–27.

22 Літопис Самовидця. С. 109.

рассказа²³ о событиях, происходивших в расположенной недалеко от Умани Торговице. Дело не ограничилось тем, что «Тороговица и иные при нем в близи будучие городки к Ханенку приклонилися». В городке стоял гарнизон («залога») Дорошенко — 200 сердюков. Этих людей, «отобрав от них ружье», отдали татарам. Сохранилось и свидетельство, что в двух других городах — Калниболоте и Ольховце — «серденят Дорошенковых побили»²⁴.

Уже на первом этапе движения против Дорошенко одним из главных требований восставших была ликвидация серденяцких войск. Осенью 1669 г. также имели место направленные против них репрессивные акции. Нельзя не видеть в этом свидетельство очевидного обострения внутривосточного конфликта на Правобережье.

Сохранился и ряд свидетельств о положении, сложившемся на Правобережье в конце октября. Посол гетмана Демьяна С. Жидетцкой рассказывал в Москве 2 ноября, что посланцы М. Ханенко и татар потребовали от Дорошенко, чтобы он «шол в раду на Росаву»²⁵, на традиционное место больших собраний и избраний гетманов. Попытка собрать такую раду, где Дорошенко законным образом мог бы быть отстранен от власти, была предпринята летом 1669 г. Теперь, по-видимому, его противники вновь намеревались осуществить план, который утвердил бы зависимость гетманов от казачества. Так как на раде летом 1669 г. было принято решение о роспуске «серденяцких» войск, то неудивительно, что Дорошенко, получив такое предложение, перед тем, как идти на раду, «хотел соититца с пехотою с серденяцкими полки, и Дорошенку с пехотою соититца не дали»²⁶. Одновременно сохранилось сообщение, что полки Белоцерковский и Паволоцкий «стоят под Ольховцом», то есть недалеко от Умани²⁷.

Эти сообщения очень существенно дополняет и разъясняет такой важный источник, как письмо М. Ханенко гетману Демьяну, написанное 20 октября²⁸, в лагере под Звенигородкой, поселением, расположенным недалеко от Ольховца. М. Ханенко сообщал, что он «полки Корсунский, Белоцерковский, Паволоцкий, Брасловский, Кальницкий

23 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 155 (рассказ чернеца из Трехтемирова), 157 (письмо Дм. Райче гельмазовского сотника).

24 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 230.

25 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 147об.

26 Там же.

27 Там же. Л. 157об.

28 Там же. Л. 180–181.

и пешие (т. е. «серденяцкую пехоту». — *Б. Ф.*) в Ольховце осадил». Вероятно, Ольховец должен был стать базой для похода на Умань, там собрались полковники и туда прибыло «серденяцкое» войско. Затем, однако, началось восстание, полковники оказались отрезаны от своих полков, а восставшие стали пополнять войско Ханенко. В письме сторонника Дорошенко, черкасского полковника Якима Головченка²⁹ (об этом документе еще будет идти речь), упоминается, что Ханенко выступил против Дорошенко, «несколько учиня полковников». Очевидно, он формировал полки из перешедших на его сторону казаков³⁰. В этих условиях, очевидно, и дошло дело до блокады Ольховца. К сожалению, источники в дальнейшем ничего не сообщают о том, что происходило в Ольховце и вокруг него. Ясно только, что Ханенко обладал достаточно большой военной силой, чтобы такую блокаду осуществить.

Сохранились и свидетельства о действиях в сложившейся ситуации гетмана Дорошенко. По сообщениям из Белой Церкви, он приказал ближайшему соратнику Я. Лизогубу собирать полки у Лисянки для похода на Умань³¹. Сам гетман, как отмечалось далее, «в поле не въезжает, а дожидаетца новых татар, по которых он послал», то есть, очевидно, Белгородской орды. По оценкам автора указанных известий, перевес был на стороне Ханенко. Говоря о «полках», стоявших на стороне Дорошенко, он отметил, что сторонники Ханенко и татары «великим нападением на их города наезжают». В другом сообщении из Белой Церкви³² сообщается о том, с чего началось решительное столкновение главных сил сторон. Согласно ему, казацко-татарские войска «пришли прямою дорогою на Чигирин» и под Ольховцем нанесли поражение передовым отрядам вражеской армии. Известия о последующих событиях читаются уже в рассказах, записанных на Левобережье.

24 октября гельмазовский сотник сообщал Дмитрашке Райче, что Дорошенко «осадили в Стеблове» — городе на р. Рось, на дороге из Корсуни в Умань. К 24 октября осада длилась уже несколько дней, так как сотник сообщал, что «каневского полковника (по-видимому, Я. Лизогуба), который пошел было для помочи Дорошенку... в Канев

29 АЮЗР. Т. 9. № 31.

30 В письме Ханенко Дм. Райче от 20 октября упоминается, что с ним находятся назначенные им полковники торговщкий и подольский. См.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 181об.

31 Вести — куранты... Ч. 1. № 181. С. 442.

32 Там же. № 186. С. 460.

прогнали со всем полком»³³. Гетман Дорошенко, таким образом, снова оказался в критической ситуации. По свидетельству «Летописи Самовидца», крепость в Стеблове штурмовали «и юж на валу казаки были»³⁴.

Упомянутое выше послание М. Ханенко от 20 октября проливает свет на надежды и планы руководителей восстания. Посылая гетману Демьяну текст письма крымской знати из Бахчисарая, он с энтузиазмом писал, что «Хмельницкой покойной того учинити не мог». Он ожидал скорого прихода новых крымских войск: «Калга солтан в готовности с ордами в Перекопе... которого ожидаем». По-видимому, М. Ханенко полагал, что такие свидетельства покончат с колебаниями левобережного гетмана и их совместные действия станут, наконец, возможными. «А мы с Батыршею мурзою, — писал он, — конечно тебе обещаваем, что во всем Заднепріе не будут татаровя и ногою быть»³⁵.

Для подобных расчетов М. Ханенко были определенные реальные основания. Г. Михайлов в своих дневниковых записях отметил под 21 октября, что у хана со всей знатью была «дума» и было принято решение хану «итти войною самому в черкаские городы на Дорошенка да на Серка»³⁶. Но прежде чем хан смог выступить в поход, произошло новое военное столкновение, которое завершилось победой сторонников Дорошенко.

По-видимому, блокируя Стеблов и Ольховец, М. Ханенко разделил свои силы, и этим воспользовался противник. Важное событие произошло 29 октября. После продолжавшихся целый день приступов к Стеблову татарско-казацкий лагерь у этого городка подвергся ночному нападению сторонников Дорошенко во главе с кошевым Серко и полковником Лизогубом, повторившим свою попытку освободить Дорошенко. По свидетельству разных источников, армия Ханенко потерпела поражение, ее лагерь вместе с артиллерией попал в руки победителей. Конная часть войска спаслась

33 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 157об.

34 Літопис Самовидця. С. 109. Сохранилось и сообщение, записанное 4 ноября в Киеве, что «чинили к тому местечку приступ с утра до вечера». См.: *Петровський М.* Нариси історії України XVII — початку XVII століть. [Т.] I (досліді над літописом Самовидця). Харків, 1930. Прил. № 13. С. 404.

35 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 180об.–181.

36 РГАДА. Ф. 123. 1669 г. № 1. Л. 33.

бегством, Серко преследовал ее вплоть до Умани. Казацкая пехота была перебита и взята в плен³⁷.

Эта военная неудача сопровождалась серьезными переменами в соотношении сил. На этот раз правительство султана озаботилось точным исполнением своего приказа. Важный османский сановник — паша Силистрии привел на театр военных действий главные силы Белгородской орды³⁸. По оценке Дмитрашки Райчи, белгородских татар было «несколько десять тысяч», а во главе этого войска был «сам салтан с мурзами»³⁹. Одновременно Батырша-мурза «с многими людьми» ушел в Крым⁴⁰, а хан так и не выступил в поход. От султана к нему прибыл посланец Аин-ага с приказом, чтобы хан «в черкаские города на гетмана Дорошенко войною не ходил»⁴¹. Как представляется, эти изменения в соотношении сил и были причиной того, что вожди восставших, не пытаясь закрепиться в Умани, бежали на Запорожье.

Краткую, но емкую характеристику событий после битвы при Стеблове содержит «Летопись Самовидца». П. Дорошенко подчинил себе центр восстания — Умань, где он участников восстания казнил, а «людей чолнійших вибрал до вязення в Чигирин», а затем «орду тую білагородскую постановил зімовати по усей Україні аж до Дністра»⁴². Это очень важное сообщение вполне подтверждается свидетельствами современных событиям источников. Комендант Белой Церкви сообщал своему правительству, что Дорошенко разместил («rozkwartygował») Белоцерковскую орду «во всех полках, местечках и хуторах». В Умани была размещена тысяча татар, большие отряды татар были направлены на земли Белоцерковского полка⁴³.

37 Сообщения о сражении под Стебловом см.: Літопис Самовидця. С. 109; Вести-куранты... Ч. 1. № 186. С. 460; АЮЗР. Т. 9. № 31; Петровський М. Нариси... Прил. № 12–13.

38 Літопис Самовидця. С. 109. Как сообщал И. Гизель, паша «стоит под Уманью в местечке Березни от Умани в 6 милях... а прислан, де, он вместо воеводы над всеми казаки». См.: РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 308.

39 АЮЗР. Т. 9. № 33/II.

40 РГАДА. Ф. 123. 1669 г. № 1. Л. 42.

41 Там же. Л. 54.

42 Літопис Самовидця. С. 109.

43 Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego / zebr. i wyd. F. Kluczycki. Kraków, 1880. T. 1. Cz. 1. N 221. S. 462–463 (донесение от 21 ноября 1669 г.).

На Левобережье приходили сведения об отрядах татар, стоявших в местах близко к Киеву — в Макарове, Мотовиловке, Василькове, Фастове. Отряды были немалыми — в Макарове 1000 чел., столько же в Мотовиловке⁴⁴. Как сообщал в декабре 1669 г. в Москву Иннокентий Гизель, архимандрит Киево-Печерской лавры, которой принадлежал Васильков, эти татары местным жителям «в хлебе и скотом велие разорения и нищету зделали, а иных христиан рубят и в полон берут»⁴⁵. Вероятно, так же обстояло дело и в других местах.

Фактическая оккупация Белгородской ордой земель Правобережного гетманства показывает, что, несмотря на одержанную победу, Дорошенко и его сторонники ощущали непрочность своего положения и для укрепления своих позиций стремились опереться на поддержку оказавшейся в их распоряжении серьезной внешней силы.

Таким образом, осенью 1669 г. на землях Правобережного гетманства произошло новое массовое выступление населения против Дорошенко и установленных им порядков. Противостояние приняло более острые формы, чем ранее, о чем говорят действия восставших по отношению к «сердюкам», а Дорошенко снова оказался в критической ситуации. Это свидетельствовало о столкновении в украинском обществе Правобережья серьезных враждебных сил. Характер и причины данного конфликта нуждаются в специальном исследовании.

Можно сделать еще одно важное наблюдение. При определенном равновесии в украинском обществе боровшихся между собой сторон победа доставалась той, которая могла получить более серьезную внешнюю поддержку. Осенью 1669 г. победителем вновь вышел Дорошенко, однако его успех одновременно являлся и военно-политической победой Османской империи. Белгородская орда смогла подчинить население Правобережья власти Дорошенко, но вряд ли действия татарских отрядов могли вызвать симпатии к гетману и его политике.

К этому следует добавить, что Дорошенко не смог полностью подавить враждебные ему силы. Его противники находили убежище на Запорожье, где М. Ханенко был избран кошевым атаманом⁴⁶. Контролировать положение на Запорожье Дорошенко не мог. В январе 1670 г. посол гетмана Демьяна Игнатовича, генеральный есаул

44 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 310.

45 Там же. Л. 317.

46 Літопис Самовидця. С. 110.

М. Гвинтовка, сообщал в Москве, что Ханенко и его сторонники на Запорожье, «собрався, на весну хотят приходиться на Дорошенко воиною»⁴⁷. Так создавалась почва для новых внутриполитических кризисов на Правобережье. Заслуживает особого внимания последовательно враждебная позиция Запорожья по отношению к Дорошенко и во время восстания, и после него⁴⁸. Эта позиция, судя по наблюдениям о событиях 1669 г., несомненно отражала настроения значительной части украинского общества.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб.: Типография В. В. Праца, 1872. Т. 7. 1657–1663, 1668–1669. VI+10+398 с.; СПб.: Типография М. Эттингера, 1877. Т. 9. 1668–1672. [2]+26 стб.+988 стб.+24 с.

Вести — куранты 1656 г. 1660–1662 гг. 1664–1670 гг.: Русские тексты. Ч. 1 / изд. подгот. В. Г. Демьяновым при участии И. А. Корнилаевой. Завершение работы над изд. и подгот. к печати: Е. А. Подшивалова, С. М. Шамин; под ред. А. М. Молдована и Ингрид Майер. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 856 с.

Літопис Самовидця / видання підготував к. ф. н. Я. І. Дзира. Київ: Наукова думка, 1971. 208 с.

Петровский М. Нариси історії України XVII — початку XVII століть. [Т.] I (досліди над літописом Самовидця). Харків: Державне видавництво України, 1930. 454 с.

Флоря Б. Н. Внутриполитический кризис на Украине весной — летом 1669 г. // Славянский альманах. 2020. № 1–2. С. 46–66.

Akta historyczne do objaśnienia rzeczy polskich służące. T. 2 (w dwu częściach): Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego / zebr. i wyd. F. Kluczycki. T. 1. Cz. 1. Kraków: w drukarni “Czasu” pod zarządkiem J. Łakocińskiego, 1880. L+750 s.

47 РГАДА. Ф. 229. Оп. 2. № 5. Л. 351.

48 Кошевой атаман Г. Пелех уже в декабре 1669 г. предлагал гетману Демьяну выступить против Дорошенко. См.: там же. Л. 363об.–364.

References

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (Moscow).

Akta historyczne do objaśnienia rzeczy polskich służące, t. 2 (w dwu częściach): *Pisma do wieku i spraw Jana Sobieskiego*. Zebr. i wyd. F. Kluczycki, t. 1, cz. 1. Kraków: w drukarni “Czasu” pod zarządkiem J. Łakocińskiego, 1880. L+750 p.

Akty, odnosiaszhiesia k istorii Iuzhnoi i Zapadnoi Rossii, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissieï, vol. 7, 1657–1663, 1668–1669. Saint Petersburg: Tipografiia V. V. Pratts, VI+10+398 p.

Akty, odnosiaszhiesia k istorii Iuzhnoi i Zapadnoi Rossii, sobrannye i izdannye Arheograficheskoi komissieï, vol. 9, 1668–1672. Saint Petersburg: Tipografiia M. Ettingera, 1877, [2]+26 stb.+988 stb.+24 p.

Floria, B. N. “Vnutripoliticheskij krizis na Ukraine vesnoj — letom 1669 g.” *Slavyanskij al'manah*, 2020, no 1–2, p. 46–66.

Litopys Samovydcia. Vydannia pidgotuvav k. f. n. Ia. I. Dzyra, Kyïv: Naukova dumka, 1971, 208 p.

Petrovskii, M. *Narysy istorii Ukraïni XVII — pochatku XVII stolit'*, [vol.] I (doslidy nad litopysom Samovydcia), Harkiv: Derzhavne vydavnytstvo Ukraïny, 1930, 454 p.

Vesti — kuranty 1656 g. 1660–1662 gg. 1664–1670 gg.: Russkie teksty, part 1. Izd. podgot. V. G. Dem'yanovym pri uchastii I. A. Kornilaevoj. Zavershenie raboty nad izd. i podgot. k pečati: E. A. Podshivalova, S. M. Shamin. Pod red. A. M. Moldovana i Ingrid Majer, Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2009. 856 p.

Boris N. Florya

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The domestic political crisis in the Right-Bank Ukraine in the late summer-autumn of 1669

The article examines the mass riots of the population of Right-Bank Ukraine and the Zaporizhia Cossacks against Hetman Petro Doroshenko and his supporters. They were accompanied by the Ottoman Empire intervening in the events. After the Porta forced Crimea to abandon the support of the rebels in the summer of 1669, they were defeated, and a change of leader took place in their camp: instead of P. Sukhoveenko, who was supported by the Crimean Tatars, an Uman colonel M. Khanenko was elected hetman. He and his allies

were besieged by Doroshenko in Uman, but without enough support from the Tatars, the right-bank hetman was forced to make peace with his opponents and lift the siege at the end of August 1669. Moreover, Crimea again, contrary to orders from Istanbul, provided assistance to Doroshenko's opponents, who in October besieged him in Stebliv. Only the new intervention of the Porta, which sent significant forces of the Belgorod Horde to help Doroshenko and once again forbade Crimea to provide assistance to Khanenko, allowed the supporters of the Right-Bank hetman to lift the siege and inflict a decisive defeat on the enemy. Khanenko fled to Zaporizhia, and many cities and towns of the Right Bank were occupied by the Belgorod Tatars. The sources testify a particular depth and acuteness of the domestic political crisis in the Ukrainian society of the Right Bank, and also show that in the end the victory was won by the side (Doroshenko) that managed to gain more powerful external support.

Keywords: *P. D. Doroshenko, M. Khanenko, Right-Bank hetmanship, Right-Bank Ukraine, Cossacks, Zaporizhia, Crimean Khanate, Ottoman Empire.*

**Этноконфессиональные особенности
и национально-культурная жизнь
русинского населения Габсбургской монархии
в восприятии М. М. Левченко в 1849 г.**

Статья посвящена вышедшей в 1855 г. публикации Михаила Михайловича Левченко (1830–1891 или 1892) «Воспоминания о походе в Венгрию в 1849 году. (Записки пехотинца)». Участник Венгерской кампании пехотинский офицер М. М. Левченко (малороссийский патриот, впоследствии известный лексикограф и этнограф) воочию познакомился с бытом различных народов Австрийской империи. Значительное внимание офицер уделил восточнославянскому населению Венгрии и Галиции — русинам. В отличие от других участников Венгерского похода, дневники и мемуары которых были опубликованы, Левченко изначально живо интересовался славянством, поэтому четко характеризовал русинов как «соплеменников нашим малороссам». При этом, несмотря на определенные познания в области славяноведения, в тексте Левченко содержатся и явные неточности, анализирующиеся в данной статье. Огромное впечатление на Левченко произвела зарождавшаяся национально-культурная жизнь русинов, особенно галичан, развитие литературы и образования. По всей видимости, пребывание Левченко в 1849 г. в землях Габсбургской монархии с восточнославянским населением оказало заметное влияние на всю его дальнейшую деятельность. Так, примечательно, что Левченко популяризировал в России этноним *русин* в качестве общенационального названия для всех малороссов и русинов.

Ключевые слова: *Венгерский поход 1849 г., гуцулы, карпаторусины, М. М. Левченко, русины, сотаки, украинцы.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.1.03

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00346 «Дипломаты, публицисты, ученые-путешественники о Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе Нового времени: от наблюдений к знаниям».

Среди важнейших событий в истории российской внешней политики XIX столетия особое место занимает Венгерский поход 1849 г., когда многотысячная армия под командованием генерал-фельдмаршала И. Ф. Паскевича-Эриванского (1782–1856) поспешила на помощь дому Габсбургов в подавлении революционного восстания в Венгрии. Это восстание (в венгерской национальной и советской традициях — революция) охватило Венгрию годом ранее. Вмешательство России в конфликт было обусловлено выполнением союзнических обязательств по постановлениям Венского конгресса 1814–1815 гг. Основная масса русских войск, насчитывавших около 180 тыс. человек, вступила в австрийские владения в мае 1849 г. Осенью того же года, уже после капитуляции венгров, армия возвратилась на родину. Крайне любопытным аспектом Венгерского похода явились непосредственные встречи русских военных с местным восточнославянским населением — русинами¹.

Первым опубликованным свидетельством о встречах подобного рода, по-видимому, стали «Воспоминания о походе в Венгрию в 1849 году. (Записки пехотинца)» Михаила Михайловича Левченко (1830–1891 или 1892). Они вышли в 1855 г. под псевдонимом *Богуслав Лугинский* в «Москвитяине»², а на следующий год были перепечатаны без указания авторства в «Журнале для чтения воспитанникам военно-учебных заведений»³.

Впечатления пехотного офицера М. М. Левченко о русинах (несомненно, как и о других народах, населявших Австрийскую империю) любопытны прежде всего тем, что впоследствии данный автор сыскал известность как малороссийский лексикограф и этнограф. Левченко родился в семье мелких дворян в г. Конотопе Черниговской губернии. Образование получил в Конотопском уездном училище, Полтавском кадетском корпусе и Дворянском полку в Санкт-Петербурге. После

1 Этноним *русины* (прилагательное *русинский*) используется нами в качестве базового и нейтрального названия для обозначения всех восточных славян Габсбургской монархии (кроме буковинских великороссов-липован). В наши дни большинство их потомков относит себя в национальном отношении либо к украинцам, либо к карпаторусинам.

2 *Лугинский Б. [Левченко М. М.]*. Воспоминания о походе в Венгрию в 1849 году. (Записки пехотинца) // *Москвитяин*. 1855. № 8. Кн. 2. С. 83–118; № 10. Кн. 2. С. 53–84.

3 *[Левченко М. М.]*. Из воспоминаний о походе в Венгрию в 1849 году // *Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений*. 1856. № 486. С. 145–196; № 487. С. 273–319.

окончания Венгерской кампании служил ротным офицером в одном из московских кадетских корпусов. Выйдя в отставку, перебрался в Херсонскую губернию, где занялся сельским хозяйством. В 1869 г. переехал в Киев. В 1870-е гг. стал книготорговцем. Скончался скоропостижно в своем имении на Херсонщине (сведения о дате смерти расходятся).

По своему мировоззрению М. М. Левченко примыкал к украинофилам, состоял в известной киевской организации «Стара громада», однако был далек от идеологических крайностей. Как автор он публиковался в разных периодических изданиях (кроме уже упомянутых, в журналах: «Сельское хозяйство», «Основа», «Одесский вестник», «Киевская старина» и др.). В 1874 г. в Киеве вышел его главный труд — «Опыт русско-украинского словаря»⁴. Кроме этого в течение всей жизни он усиленно популяризировал фольклор своей малой родины. Особое внимание Левченко привлекало сохранение памятников малороссийской старины.

По некоторым данным, псевдоним *Лугинский* происходит от Лугинки — одного из уголков Конотопа, где жили его родители⁵. При этом в литературе фигурирует его другой похожий псевдоним, *Лучинский*. На наш взгляд, не исключено, что он мог появиться вследствие неправильной интерпретации литеры *г* на письме. К сожалению, в малочисленных публикациях, посвященных Левченко⁶, достаточно

4 *Левченко М.* Опыт русско-украинского словаря. Киев, 1874. В предисловии автор отметил: «При составлении настоящего словаря, для объяснения слов книжного русского языка, я придерживался преимущественно украинского, как самого распространенного, наречия южно-русского языка...» (С. I). Таким образом, слово *украинский* в названии труда все-таки имеет отличное от современного значение.

5 *Матвієнко А.* Захисник нашої пам'яті // День. 2012. 30 листопада — 1 грудня. № 219–220. С. 11.

6 См.: *Материалы для словаря псевдонимов / собрано С. Железняком [С. И. Пономаревым] // Русский календарь на 1881 г. А. Суворина. СПб., 1881. С. 283; Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. II. Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита К–П. М., 1957. С. 114, 127–128, 257; Т. IV. Новые дополнения к алфавитному указателю псевдонимов. Алфавитный указатель авторов. М., 1960. С. 276; *Енциклопедія українознавства. Словникова частина / гол. ред. В. Кубійович. Т. 4. Paris; New York, 1962. С. 1271; Дзенделівський Й. О.* Левченко Михайло Михайлович // Українська мова. Енциклопедія. Вид. 2-е, випр. і доп. Київ, 2004. С. 292; *Енциклопедія історії України. Т. 6. Ла–Мі. Київ, 2009. С. 93; Матвієнко А.* Захисник...

расхождений и его наследие все еще ожидает профессионального скрупулезного исследования.

«Воспоминания» Левченко являются интересным источником, касающимся самых разных этносов, населявших Австрийскую империю, и прежде всего славян⁷. В «Воспоминаниях» Левченко впервые обращается к русинской теме, рассказывая читателю о немадьярских народах Венгерского королевства: «В северо-западной части Венгрии, как я уже сказал, живут, по большей части, *словаки* (здесь и далее курсив автора. — М. Д.); в северо-восточной — *русины* или *русянки*, соплеменники нашим малороссам; в юго-западной — *сербы* и *хорваты*; а в юго-восточной — *валахи*»⁸. Таким образом, для Левченко было очевидно этническое тождество русинов с малороссами Российской империи. Отметим, что другие участники Венгерского похода, познакомившиеся с русинским населением, затруднялись столь четко охарактеризовать его этническую принадлежность. Так, например, Д. П. Сонцов (1803–1875) заметил в Карпатах лишь «карпатских славян» или «словаков», несмотря на их униатское вероисповедание⁹. М. Д. Лихутин (?–1882), говоря о «славянском племени, русняках», констатировал: «Родственное сходство с нами заметно во всем», находя конкретные параллели с белорусами и жителями западных губерний¹⁰. В другом месте он же назвал русинов «славянами русского племени»¹¹. А. Л. Верниковский писал о них просто как о «русской народности»¹², а П. В. Алабин (1824–1896) — как о «русском народе»¹³. Е. Е. Михаловский упоминает «русинов» как жителей «словацкой

7 См. новейшую публикацию: *Рошонци И.* Тема славянского языкового родства и многоязычия в воспоминаниях русских офицеров — участников Венгерской кампании 1849 г. // Центральноевропейские исследования. 2019. Вып. 2 (11). М.; СПб., 2020. С. 61–79.

8 *Лугинский Б.* [Левченко М. М.]. Воспоминания о походе... № 8. Кн. 2. С. 94.

9 *Сонцов Д.* Из воспоминаний о Венгерской кампании. (Заметки участника и очевидца). (Из I-й книги «Девятнадцатого Века», историко-литературного сборника, издаваемого П. И. Бартеневым.) М., 1871. С. 7–8.

10 *Лихутин М. Д.* Записки о походе в Венгрию в 1849 году. М., 1875. С. 38–39.

11 Там же. С. 271.

12 *Верниковский А. Л.* Венгерский поход 1849 года. Воспоминания армейского офицера // Русский архив. 1885. № 12. С. 513.

13 *Алабин П.* Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–56, 1877–78 годах. [Ч. I.] Венгерская война. Самара, 1888. С. 26.

деревни»¹⁴, очевидно, ставя знак равенства между русинами и словаками. А барон А. И. Дельви́г (1813–1887) был, по его собственному признанию, «поражен» сходством русинских крестьян с «крестьянами великорусского племени»¹⁵. Таким образом, в отличие от других авторов, Левченко уже в 1849 г. (и точно в середине 1850-х) обладал уже несколько более глубокими познаниями в славяноведении, ориентируясь в классификациях, принятых в тогдашней науке.

В одном из примечаний автор оценивает численность отдельно взятых русинов Венгерского королевства в 400.000 человек, подчеркивая, что они, «главнейше, заселяют Мармарошский комитат»¹⁶. непонятно, откуда Левченко позаимствовал эту цифру, поскольку она точно не совпадает ни с одной из неофициальных оценок других авторов 1826–1852 гг., как и с данными официальных переписей населения 1840 и 1850 гг.¹⁷ Так же неясно выделение Мараморшского комитата и игнорирование других регионов проживания русинов. Уже эта деталь наталкивает на мысль, что Левченко недостаточно ориентировался в географии их расселения.

Левченко косвенно затрагивает русинскую проблематику и когда констатирует отличия между западными и восточными словаками: «Словаки разделяются на собственно словаков, иначе называемых угерскими славянами, и сотаков. Центральным пунктом поселений первых можно назвать г. Нитру, а последних г. Шарош¹⁸. [...] Наречие

14 Павлов И. [Михаловский Е. Е.] Воспоминания о Венгрии. Походные записки 1849 года. Страница из истории 1 батареи 4 артиллерийской бригады // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1910. Кн. 5. С. 12 (пагинация 2-я).

15 Дельви́г А. И., барон. Мои воспоминания. Т. 2. 1842–1858. М., 1913. С. 207.

16 Лугинский Б. [Левченко М. М.]. Воспоминания о походе... С. 79.

17 См.: Магочій П. Р. Формування національної самовідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948) / Авторизований переклад з англійської. Ужгород, 1994 (Поличка «Карпатського краю», № 3–6 (18)). С. 204–205.

18 По всей видимости, Левченко путает населенный пункт с одноименным историческим Шаришским комитатом (слов. *Šariš*, венг. *Sáros*), средневековым центром которого был Шаришский град, превратившийся к XIX столетию в развалины. Ныне Шаришский град находится на территории городка Вельки-Шариш (слов. *Veľký Šariš*, венг. *Nagysáros*). Вместо Шариша Левченко скорее должен был указать современный ему центр региона — Прешов (слов. *Prešov*, венг. *Eperjes*).

сотаков ближе подходит к малорусскому»¹⁹. В другой части воспоминаний, говоря о жителях неназванной деревни близ г. Кошице²⁰, Левченко утверждает, что они «состоят из сотаков, составляющих племя среднее, сколько можно заметить по их языку, между словаками и русинами»²¹.

Нам не удалось выяснить, откуда конкретно автор позаимствовал свою классификацию словаков. Однако интересно, что в качестве одного из компонентов Левченко упоминает именно сотаков. Дело в том, что данное название (слов. *Sotáci*) происходит от употребляемого в сотацких говорах вопросительного местоимения *so* [со] — вместо словацкого литературного *čo* [чо] и присутствующего в большинстве восточнословацких говоров *co* [цо] («что»). По-видимому, здесь Левченко ошибочно называет сотаками всех восточных словаков, к большинству которых, действительно, применимо созвучное название — цотаки (от *co*). Сотаки в узком смысле слова проживали восточнее ареала, указанного автором, а именно не в Шаришском (или Абовском, в который входил г. Кошице), а в Земплинском комитате. Свою оригинальную точку зрения на сотаков Левченко вновь представил в претендующей на научность статье, написанной в 1860 г.²² При этом, однако, несмотря на некорректное использование терминов, Левченко прав в том, что из всех словаков именно сотаки стоят к русинам по языку ближе всего.

Ценным свидетельством об ассимиляционных процессах на крайнем юго-западе русинского ареала (конкретно на территории русинско-словацко-венгерского этнического пограничья, в границах современной Венгрии) является рассказ Левченко о ночлеге в деревне «Битонь» (Бёкёнь (венг. *Bököny*))²³ в Саболчском комитате.

19 Лугинский Б. [Левченко М. М.]. Воспоминания о походе... № 8. Кн. 2. С. 94–95.

20 По-видимому, речь идет о населенном пункте Барца (слов. *Barca*, венг. *Bárcza*) — ныне части города Кошице.

21 Лугинский Б. [Левченко М. М.]. Воспоминания о походе... № 10. Кн. 2. С. 74.

22 «Сотаки, живущие в Шаришской столице, составляют переход от русинов к словакам» (Левченко М. Места жительства и местные названия русинов в настоящее время // Основа. 1861. № 1. С. 265).

23 Относительно формы *Битонь*, используемой Левченко, интересно, что в Венгерском королевстве было еще одноименное местечко *Bököny*, ныне находящееся на территории Румынии. Его альтернативным назва-

Бёкёнъ запомнилась офицеру благодаря целой серии неожиданных встреч с русинами, находившимися на разных стадиях ассимиляции. Приведем данный фрагмент:

Прийдя на квартиру, я приказал денщику купить мне молока; хозяин, поняв слово *молоко*, приказал тотчас жене своей подать его, а сам повел ко мне длинную речь на венгерском языке, примешивая славянские слова, из которых я разобрал только: валахская вера; наконец, видя, что я все-таки не понимаю его, обратился к углу, где стояли иконы, и прочел на славянском языке Отче наш; тогда только я догадался, в чем дело: хозяин хотел объяснить, что он с нами одной веры.

Между тем жена его вышла из хаты и чрез несколько времени возвратилась в сопровождении какой-то старухи, одетой так, как одеваются деревенские женщины в Малороссии. [...]

Разговорившись с этой старухой, я узнал, что все жители как этой, так и прилежащих деревень — малоруссы, или, как их здесь называют, русняки, но так омадьярены, что только старики помнят родной язык. — В школах, находящихся здесь в каждой деревне, учат по-венгерски, даже, в последнее время, разосланы по церквям священные книги на венгерском языке, а на славянском запрещено исправлять службу. Встреча русинов в здешней стороне очень меня удивила, тем более что даже на народописной карте славян Шафарика они здесь не обозначены²⁴.

Основываясь на впечатлениях Левченко, получается, что неподалеку от Дебрецена он встретил русинов, причем не грекокатолического, а православного вероисповедания («валахская вера»). Вероятно, речь идет о некотором недоразумении. Действительно, русины,

нием было *Buttyin*. Большинство жителей этого населенного пункта составляли православные румыны. См.: *Fényes E. Magyarország geographiai szótára, mellyben minden város, falu és pusztá, betűrendben körülméyesen leíratik. I. köt. Pesten, 1851. 63. old.* Исходя из этого можно предположить, что альтернативное название *Buttyin* или использовалось также применительно к деревне под Дебреценом, или же было ошибочно установлено Левченко по справочной литературе, уже во время работы над текстом воспоминаний.

²⁴ *Лугинский Б. [Левченко М. М.]. Воспоминания о походе... № 10. Кн. 2. С. 70–71.*

поселившиеся в Бёкёни в 1660–1670-х гг.²⁵, первоначально являлись православными христианами, независимыми от Рима. Однако, по крайней мере по состоянию на 1849 г., несмотря на отчетливое православное самосознание, они, как и абсолютное большинство русинов Венгерского королевства, были уже униатами. Согласно светской статистике, в середине XIX в. здесь проживали 120 римокатоликов, 2006 грекокатоликов (униатов), 8 лютеран и 30 иудеев²⁶. По официальным данным Грекокатолической церкви, в бёкёнском приходе насчитывалось в 1847 г. — 1617, а в 1856 г. — 1918 прихожан (вместе с грекокатоликами из ближайших окрестностей, приписанных к данному приходу, его общая численность составляла, соответственно, 1688 и 2039 человек). Официальными языками проповеди здесь являлись в 1847 г. русинский и венгерский (*Lingva Ruthenica et Hungar.[ica]*), а в 1856 г. — венгерский, русинский и румынский (*Lingva Hungarica, Ruthenica et Valachica*)²⁷.

Размышляя о конфессиональной принадлежности жителей Бёкёни на момент посещения деревни Левченко, напрашивается вывод, что у русинских грекокатоликов, проживавших в непосредственном соседстве с венграми и словаками, при контакте с православными

25 *Udvaru И.* Русины в Венгерском Королевстве // Тривалість регіональних культур. Русини і українці на їхній Карпатській батьківщині та за кордоном. Нью-Йорк, 1993 (Східно-європейські монографії, No. CCCLXV). С. 122.

26 См.: *Fényes E.* Magyarország geographiai szótára, melyben minden város, falu és puszta, betürendben körülményesen leíratik. I. köt. Pesten, 1851. 63. old.

27 См.: *Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Munkácsiensis, pro anno Domini MDCCCXLVII.* Ungvarini, [1847]. P. 119; *Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Munkácsiensis, pro anno Domini MDCCCLVI.* Kassoviae, [1856]. P. 113–114. В свете вопроса о возможном присутствии здесь православных (не униатов) интересны различия между церковными данными 1847 и 1856 гг., а также вышеприведенной светской статистикой. Любопытно и упоминание в шематизме 1856 г. румынского языка проповеди. К слову, нельзя исключать и то, что именно хозяин, принимавший у себя Левченко, в отличие от других жителей, был румынского происхождения и православного вероисповедания. Впрочем, сам автор истолковал упоминание «валахской веры» исключительно в конфессиональном смысле, заметив в Бёкёни исключительно русинов, находившихся на разных стадиях ассимиляции.

актуализировалась их прежняя конфессиональная идентичность²⁸. При этом сам Левченко, обладавший широким общим кругозором и живо интересовавшийся историей и культурой, оказался не в состоянии разобраться в местной религиозной ситуации. Возможно, этому способствовал и большой языковой барьер (учитывая ассимиляционные процессы в Бёкёни), потому что в других местах он не смешивал православных и грекокатоликов. Однако важно, что кроме Левченко православных в этом селе нашел и другой участник Венгерского похода — М. Д. Лихутин²⁹.

Упоминание в рассказе о Бёкёни известной карты из труда П.-Й. Шафарика «Славянское народописание»³⁰ подтверждает ранний интерес автора к зарубежному славянству. Однако есть основания предполагать, что Левченко все-таки внимательно не проштудировал работу чешско-словацкого ученого. Так, например, Шафарик, в отличие от русского офицера, локализует упомянутых нами выше сотаков во вполне ожидаемых местах³¹.

Познания Левченко об угорских русинах расширились после ночлега «в местечке Санто, населенном русинами»³². Речь идет о Абауй-

28 В данной связи невольно вспоминаются наблюдения настоятеля русской церкви в Ироме близ Буды и Пешта о. Константина Кустодиева (1838–1876), сделанные им через два с лишним десятилетия после Венгерского похода: «...угро-руссы суть униаты и отделены от церкви православной. Но не все то отделено в самом деле, что отделено официально: жизнь не всецело укладывается в официальные рамки. [...] угро-русский народ мало знает о папе и совсем не знает об униии» (*Кустодиев К., прот. Церковь угорских русских и сербов в их взаимоотношении*. М., 1873. С. 3). В другой своей работе Кустодиев воспроизводит диалог, якобы произошедший между императором Александром I и русинским («русским») священником одного из сел по пути из Мишкольца в Кошице в 1821 г. Хотя было очевидно, что священник — грекокатолик, на прямой вопрос императора он после кратких размышлений признал себя православным (см.: *Кустодиев К., прот. Конгресс католиков Венгрии и угорские русские*. (Письма из Пешта). [Ч. I.] М., 1871. С. 45–46).

29 См.: *Лихутин М. Д.* Записки о походе... С. 38–39.

30 [*Шафарик П. И.*] Славянское народописание, составленное П. И. Шафариком / пер. с чеш. И. Бодянского. С картою. М., 1843; *Šafárik P. J.* Slowanský národopis / S mapou. W Praze, 1842; 1849.

31 См.: [*Шафарик П. И.*] Славянское народописание... С. 92.

32 *Лугинский Б.* [*Левченко М. М.*]. Воспоминания о походе... № 10. Кн. 2. С. 73.

санто (венг. *Abaijszántó*)). Оставим на совести автора то, что русины здесь все-таки были в меньшинстве. Так, грекокатолики, коих насчитывалось 432 человека, заметно уступали по численности римокатоликам (1727), иудеям (1172) и кальвинистам (825)³³.

Местечко запомнилось Левченко и, видимо, приняло в его восприятии более русинский характер прежде всего благодаря общению с местным грекокатолическим священником, к которому офицер попал на постой: «Мне досталось стоять у униатского священника, родом венгерца, довольно образованного человека. С ним вместе ходил я к вечерне в униатскую церковь, которая с виду больше походит на польский костел, чем на православную церковь. Служение производится на славянском языке, в котором сильно заметно малорусское произношение. Буква *ъ* везде произносится как *i*. После вечерни я разговорился с хозяином, принимавшим меня, как и все венгерцы, у которых мне приходилось стоять на квартире, очень радушно. Он рассказал мне, что в здешней стороне Венгрии чистых венгров мало, а жители состоят из словаков-кальвинистов и русинов-униатов»³⁴. Этим священником, по-видимому, являлся о. Иосиф Лукач (*Josephus Lukats*), который числился настоятелем столь не похожего для Левченко на православные церкви каменного храма Вознесения Господня (*Ecl. mur. ad Ascensionem Christi Domini*)³⁵. Примечательно, что в данном случае, несмотря на богослужение на церковнославянском языке, офицер четко понимает, что имеет дело именно с униатским приходом. Хотя Левченко и называет своего нового знакомого «венгерцем», общение между ними происходило, соответственно, на польском и словацком языках³⁶, что, видимо, лишь подтверждает приведенный священником тезис об отсутствии в регионе «чистых венгров».

33 См.: *Fényes E. Magyarország geographiai szótára, mellyben minden város, falu és puszta, betürendben körülményesen leiratik. IV. K. Pesten, 1851. 63. old.*

34 *Лугинский Б. [Левченко М. М.]. Воспоминания о походе... № 10. Кн. 2. С. 73.*

35 См.: *Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Eperiessensis, pro anno Domini MDCCCXXXVI, ab erecta sede episcopali anno XXVI. Eperiessini, 1846. P. 92; Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Eperjessensis, pro anno Domini MDCCCLI, ab erecta sede episcopali anno XXXI. Eperiessini, [1851]. P. 72.*

36 *Лугинский Б. [Левченко М. М.]. Воспоминания о походе... № 10. Кн. 2. С. 73.*

«Неописанный восторг» Левченко вызвало знакомство со священнической библиотечкой, а именно, обнаружение в ней «малорусского или русинского букваря» (вероятно, «Книжицы читальной для начинающих») (Въ Будинѣ градѣ, 1847) о. Александра Духновича (1803–1865)). «Причина моего восторга та, что, видя эту книжечку, я убедился, что есть на земной поверхности уголок, где грамотность распространяется на малорусском языке, следовательно, малорусская словесность может существовать для того, чтобы приносить пользу, распространяя между моими соплеменниками полезное знание...»³⁷, — констатирует будущий лексикограф Левченко, убедившийся, что речь, признаваемая им своей, может использоваться отнюдь не только в быту или одной лишь художественной литературе.

В разных частях текста³⁸ упоминаются еще четыре известные Левченко русинские грамматики (все — галицийские): Карела (Карла) Владимира Пихлера (1811–1865), «на немецком языке, [...] отличается своей точностью и краткостью»³⁹, о. Иосифа Лозинского (1807–1889), «очень подробная, но вместе с тем очень неопределятельная»⁴⁰, о. Ивана Вагилевича (1811–1866)⁴¹ и о. Левицкого (1801–1860), «последняя считается лучшею из всех»⁴².

Еще упоминания Левченко удостоились «несколько литературных сборников»: «Русалка днѣстровая» (в тексте — «Днѣстровска Русалка») и «Мотыль», фольклорные сборники «Pieśni polskie i ruskie

37 Лугинский Б. [Левченко М. М.]. Воспоминания о походе... № 10. Кн. 2. С. 73.

38 См.: Там же. С. 73–74, 79.

39 Pichler K. W. Kurzgefasste russinische Sprachlehre. Lemberg, 1849.

40 [Łoziński J.] Grammatyka języka ruskiego (mało-ruskiego) napisana przez Ks. Józefa Łozińskiego. W Przemyślu, 1846.

41 Вагилевичъ І. Грамматика языка малорусского въ Галиціи. Львовъ, 1845.

42 По-видимому, имеется в виду одно из следующих изданий: Lewicki J. Grammatik der ruthenischen oder klein russischen Sprache in Galizien. Przemyśl, 1834; Левицкій І. Грамматика языка русского въ Галиціи, розложена на пытанья и втповѣди. Въ Перемышли, 1849.

43 Русалка днѣстровая. У Будимѣ, 1837. Левченко указывает в качестве места издания г. Пешт. Следует иметь в виду, что города Пешт, Буда и Обуда были объединены в Будапешт только в 1873 г., однако, по-видимому, Буда (Будим) и Пешт гораздо раньше ассоциировались друг с другом.

44 По-видимому, имеется в виду издание, вышедшее в действительности во Львове (а не в Перемышле, как утверждает Левченко): *Мохъ Р.*

ludu galicyjskiego» Вацлава Михала Залеского (1799–1849) («Вацлава з Олеська»)⁴⁵ и «Ruskoje wesile» («Русское Весилье») о. И. Лозинского⁴⁶, изданные во Львове переводы Гоголя «на малороссийский язык»⁴⁷, а также газеты — «Зоря Галицка» («Зоря Галицька»)⁴⁸ и «Вѣстникъ для Русиновъ Австрійской державы» («Вѣдєньскій Вѣстникъ»). О последнем издании Левченко признается, что сам его не видел⁴⁹.

Несколько поверхностные познания о народах Австрийской монархии, вынесенные, очевидно, из литературы, привели Левченко к конфузу отнюдь не только в случае сотаков, обнаруженных им под Кошице. Так, он упоминает одну ночевку, «в деревне, названия которой не помню, заселенной гуцулами, т. е. горцами русинского (малорусского) племени, живущими по Бескодам...»⁵⁰. Таким образом, Лев-

Мотыль на малорускомъ языцѣ. Въ Львовѣ, 1841. Его автором являлся о. Рудольф Мох (1816–1892).

45 *Pieśni polskie i ruskie ludu galicyjskiego. Z muzyką instrumentowaną przez K. Lipińskiego / zebrał i wydał Wacław z Oleska. We Lwowie, 1833. Wacław z Oleska* — псевдоним В. М. Залеского (Wacław Michał Zaleski), галицийского польского этнографа, литератора и политика (в 1848–1849 гг. губернатора Королевства Галиции и Лодомерии).

46 *Ruskoje wesile opysanoje czerez J. Łozińskoho. W Peremyszły, 1835. Весілля* (укр.), *wesele* (пол.) — свадьба.

47 Очевидно, имеется в виду издание: *Гоголь Н. Тарась Бульба. Повѣсть изъ запорожской старины / На галицко-рускій языкъ переведена П. Д. Ф. Г[оловацк]имъ. Львѣвъ, 1850. В действительности из-за проблем с цензурой данная книга увидела свет лишь в 1851 г. (см.: Малкин В. Русская литература в Галиции. Львов, 1957. С. 38). На основе как этого, так и других примеров становится ясно, что хотя бы с частью литературы Левченко ознакомился уже после Венгерского похода, но до 1855 г.*

48 «Зоря Галицка» (в 1852–1857 гг. «Зоря Галицькая») издавалась во Львове в 1848–1857 гг. Левченко ошибочно указывает в качестве издателя Галицко-русскую матицу. В действительности газету издавала Главная русская рада. См.: *Галушко М. Зоря Галицка // Українська преса в Україні та світі XIX–XX ст. Історико-бібліографічне дослідження. Т. 1. 1812–1890 рр. Львів, 2007. С. 116–121.*

49 *Лугинский Б. [Левченко М. М.]. Воспоминания о походе... № 10. Кн. 2. С. 79. «Вѣстникъ для Русиновъ Австрійской державы» (в 1853–1866 гг. «Вѣстникъ») издавался в Вене в 1850–1866 гг. См.: Комариця М. Вѣстникъ для Русиновъ Австрійской державы // Українська преса... С. 128–134.*

50 *Лугинский Б. [Левченко М. М.]. Воспоминания о походе... № 10. Кн. 2. С. 75.*

ченко обнаруживает гуцулов отнюдь не где-нибудь в Марамороше, а на склонах Бескидов, в границах современной Словакии. «Язык этих горцев есть наречие русинского; но в нем много слов и оборотов речи словацкого языка», — довершает картину автор, не оставляя сомнений, что ему встретились не гуцулы, а даже не граничащие с гуцулами южнокарпатские лемки (если использовать небесспорную, но самую известную классификацию карпатских этнографических групп на бойков, лемков и гуцулов). Примечательно, что в труде П.-Й. Шафарика «Славянское народописание», с которым, как можно подумать, был знаком Левченко, гуцулы упоминаются, однако, естественно, не на пограничье со словаками⁵¹.

Интересно, что, находясь в походе, Левченко, возможно, все же встретился с настоящими гуцулами, однако не из Венгрии, а из соседней Галиции. На эту мысль наводит следующее воспоминание автора: «Дорогою мы встретили батальон русинских стрелков, шедших к Коморну и состоявших, большею частью, из гуцулов. Стрелки эти были одеты в свой народный костюм: в казакины или кафтаны красного сукна, стянутые кожаными поясами, усеянными медными пуговицами; к этим козам прикреплены были патронташи; на головах имели войлочные шляпы: сверх казакинов накинута была короткая бурка с капишонами из грубого серого сукна»⁵². Речь идет о Батальоне русских (т. е. русинских) горных стрелцов — военном формировании, созданном в Галиции по инициативе Главной русской рады (ориг. *Головна Руска Рада*, укр. *Головна руська рада*), первой политической организации галицких русинов (1848–1851). В задачи этого батальона входила защита галицийско-венгерской границы от возможного проникновения отрядов повстанцев⁵³.

Еще одна описанная автором ситуация то ли вскрывает фантазии пылкого патриота Малороссии, то ли свидетельствует о недопонимании во время общения с местными жителями. Так, Левченко вспоминает: «5-го сентября пришли мы в м. Орлик, получившее свое название от известного наперстника Мазепы, украинского генерального писаря, Филиппа Орлика, долгое время жившего здесь. Я никак не мог добиться, здесь ли он умер; но предание о нем свежо в памя-

51 См.: [Шафарик П. И.] Славянское народописание... С. 24.

52 Лугинский Б. [Левченко М. М.]. Воспоминания о походе... № 10. Кн. 2. С. 76.

53 См.: *Кревецький І. Баталіон руських гірських стрільців // Записки Наукового товариства імени Шевченка. 1912. Т. CVII. Кн. I. С. 52–72.*

ти жителей»⁵⁴. По-видимому, здесь имеются в виду Нижни-Орлик (русин. *Нижній Верлих*, укр. *Нижній Орлик*, *Нижній Верлих*, слов. *Nižný Orlik*, венг. *Alsó-Orlich*) и (или) Вишни-Орлик (русин. *Вышній Верлих*, укр. *Вишній Орлик*, *Вишній Верлих*, слов. *Vyšný Orlik*, венг. *Felső-Orlich*) — населенные пункты в Шаришском комитате Венгерского королевства (ныне — в Свидницком округе Прешовского края Словацкой Республики). Исходя из датировок первых письменных упоминаний обоих Орликов (соответственно в 1357 и 1414 гг.)⁵⁵, версия Левченко о происхождении топонима является надуманной. Генеральный писарь Войска Запорожского Филипп Орлик (1672–1742) скончался в г. Яссы (Молдавское княжество, ныне — в Румынии)⁵⁶. Наличие в «Воспоминаниях» подобных моментов несколько снижает степень общего доверия к точности изложения событий.

Описание пребывания в Восточной Галиции Левченко сопровождал кратким историческим экскурсом и дополнительным разъяснением своей позиции относительно места русинов в славянском мире. Эту часть воспоминаний Левченко предварил следующим красноречивым пассажем: «Так как Галиция не совсем чужда нам — русским, во-первых потому, что большею своею частью (округами Львовским и Станиславовским) составляла древнюю русскую область, известную сначала под именем “Червленской земли”, а впоследствии под именем королевства Галицкого, а во-вторых тем, что в большей части своей территории, а именно в двух вышеупомянутых округах, заселена одноплеменными нам русинами, т. е. русскими: вследствие этих двух причин, да позволено будет мне сказать несколько слов о прошедшем и настоящем этой страны»⁵⁷. Учитывая, что в других частях текста Левченко соотносит русинов лишь с малороссами, отождествление их с русскими, в широком смысле слова, невольно вызывает подозрение, не является ли это исправлением редакции «Москвитянина».

Впрочем, когда речь заходит о языке, Левченко последовательно говорит о нем как о малорусском в своей основе (пускай, в духе своей

54 Лугинский Б. [Левченко М. М.]. Воспоминания о походе... № 10. Кн. 2. С. 76.

55 Красзнавчий словник русинів-українців. Пряшівщина / гол. ред. Ф. Ковач. Пряшів, 1999. С. 407, 450.

56 См.: Чухліб Т. В. Орлик Пилип Степанович // Енциклопедія історії України. Київ, 2010. Т. 7. Мл–О. С. 636.

57 Лугинский Б. [Левченко М. М.]. Воспоминания о походе... № 10. Кн. 2. С. 77.

эпохи, и смешивая понятия *язык* и *наречие*), при этом выделяя местные отличия: «Язык русинов, как я уже сказал, есть наречие малорусское; но как они находятся в ближайшем соседстве с поляками, чем малоруссы, то в их наречие вошло больше польских слов, а от соседства с венграми вошло много венгерских [...]; меж тем как в малорусский язык, от соседства с татарами, вошло много татарских слов. Кроме того, в словосочетании русинского языка есть некоторые особенности, как например, отделение от глаголов местоимения *ся*; они говорят: де ты *ся* барыв, вместо — де ты барывся и т. п.»⁵⁸.

Особое внимание Левченко уделяет описанию успехов галицких русинов в сфере образования, перечисляет известные ему периодические и непериодические издания, дает положительную оценку просветительской деятельности местного грекокатолического духовенства. В частности, он упоминает о публикации австрийских законов и преподавании по-русински в народных школах, гимназиях во Львове и Станиславове, во Львовском университете, а также о деятельности основанной в 1848 г. Галицко-русской матицы — «общества [...], имеющего целью распространять в Галиции образованность на русинском языке». «Это показывает, как быстро распространялось бы просвещение, если б оно везде вводимо было на родных языках»⁵⁹, — вставил в свой пассаж Левченко, намекнув на гораздо более слабые позиции малорусского слова в России.

Соприкосновение с галицкими русинами произвело на Левченко серьезнейшее впечатление. Возможно, именно поэтому он склонялся к принятию в качестве, как бы мы сегодня сказали, общеукраинского названия именно этнонима *русины*. Об этом, например, свидетельствуют известные тексты Левченко «Места жительства и местные названия русинов в настоящее время» и «Заметка о русинской терминологии», опубликованные на страницах журнала «Основа» соответственно в № 1 и № 7 за 1861 г. В первом из текстов дается попытка этнографического районирования малороссов по обе стороны российско-австрийской границы. Данная статья так и начинается: «В настоящее время южноруссы, малоруссы, или, правильнее, русины, живут...»⁶⁰. Второй текст посвящен выработке украинской научной терминологии.

58 Там же. С. 79. *Баритися* (укр.) — мешкать, медлить, задерживаться.

59 Там же. С. 79–80.

60 *Левченко М.* Места жительства и местные названия русинов в настоящее время // *Основа*. 1861. № 1. С. 263.

По всей видимости, Левченко стремился привить использование этнонима *русин* и в личном общении с единомышленниками. В Российском государственном архиве литературы и искусства сохранились его письма к земляку по г. Конотопу — филологу и библиографу Степану Ивановичу Пономареву (1828–1913). Так, например, в письме Левченко от 15 ноября 1859 г., описывая издательские инициативы П. А. Кулиша, также уроженца Черниговской губернии, автор применяет к ним такие термины, как «учебник на русинском языке» и «журнал русинский»⁶¹.

Хотя в середине XIX в. этноним *русин* еще не был полностью забыт на Левобережье (в частности, он бытовал в историческом фольклоре), все-таки, думается, его использование Левченко применительно к местным малороссам выглядело весьма экстравагантно. Предполагаемым нами объяснением склонности к подобной этнической терминологии являются именно воспоминания о пребывании в Галиции.

* * *

«Воспоминания о походе в Венгрию в 1849 году. (Записки пехотинца)» М. М. Левченко являются ценным, хотя и подчеркнуто субъективным источником, не лишенным явных неточностей и натяжек.

Несомненно, что, готовясь к публикации «Воспоминаний», Левченко заметно дополнил свои походные записи 1849 г. В тексте встречаются отсылки к авторитетам, в частности к П.-Й. Шафарику, хотя при внимательном рассмотрении открывается поверхностное знакомство автора с научным творчеством великого слависта.

В отличие от других участников Венгерского похода, затруднявшихся точно охарактеризовать этническую принадлежность русинов, Левченко, интересовавшийся славянским миром, однозначно констатировал этноязыковое единство русинов Австрийской империи с малороссами Российской империи. При этом он отнюдь не игнорировал очевидные диалектные различия, объясняя их влиянием поляков, венгров и татар. Любопытно, что в некоторых местах «Воспоминаний» русины, вполне в духе официальной идеологии дореволюционной России, называются также просто русскими.

Крайне интересны наблюдения Левченко над актуальным этноконфессиональным обликом жителей русинского этнического пограничья в Венгрии: офицеру довелось лично встретиться с носителями русинского диалекта и православного конфессионального самосозна-

61 См.: РГАЛИ. Ф. 402. Оп. 1. Ед. хр. 178. Л. 9–10.

ния там, где сегодня проживают лишь ассимилированные потомки этих людей — венгры-грекокатолики.

Подлинное восхищение автора вызвало присутствие в Галиции малорусской речи в официальной и образовательной сферах, что на тот момент контрастировало с ситуацией в южных губерниях Российской империи. Очевидно, что представленный Левченко обзор галицийских институций и печатных изданий, пускай плохо структурированный и с неточностями, представлял определенную ценность и интерес для русской читающей публики 1850-х гг.

По всей видимости, участие в Венгерском походе и знакомство с русинским населением Габсбургской монархии дополнительно стимулировало у Левченко как его малороссийский патриотизм, так и интерес к славяноведению. В противном случае сложно объяснить, почему уроженец Левобережной Малороссии отстаивал этноним *русин* в качестве общенационального.

Источники и литература

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

Алабин П. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1853, 1854–56, 1877–78 годах. Самара, 1888. XLVIII+160+V с. [Ч. I.] Венгерская война.

Вагилевичъ І. Грамматика языка малорусского въ Галиціи. Львовъ, 1845. XXIII+181 с.

Верниковский А. Л. Венгерский поход 1849 года. Воспоминания армейского офицера // Русский архив. 1885. № 12. С. 519–538.

Гоголь Н. Тарась Бульба. Повѣсть изъ запорожской старины / на галицко-рускій языкъ переведена П. Д. Ф. Г[оловацк]имъ. Львѡвъ, 1850. 172 с.

Дзендзелівський Й. О. Левченко Михайло Михайлович // Українська мова. Енциклопедія. Вид. 2-е, випр. і доп. Київ: Вид-во «Українська енциклопедія» ім М. П. Бажана, 2004. С. 292.

Дельвиг А. И., барон. Мои воспоминания. М., 1913. Т. 2. 1842–1858. 448 с. Энциклопедія історії України. Київ: Наукова думка, 2009. Т. 6. Ла–Мі. 790 с.

Энциклопедія українознавства. Словникова частина / гол. ред. В. Кубійович. Т. 4. Paris; New York, 1962. 1600 с.

Кревецький І. Баталіон руських гірських стрільців // Записки Наукового товариства імени Шевченка. 1912. Т. CVII. Кн. I. С. 52–72.

Кустодиев К., прот. Конгресс католиков Венгрии и угорские русские. (Письма из Пешта). [Ч. I.] М., 1871. 47 с.

Кустодиев К., прот. Церковь угорских русских и сербов в их взаимоотношении. М., 1873. 44 с.

Левицкий И. Грамматика языка русского в Галиции, розложена на пытанья и втповѣди. Вь Перемышли, 1849. 162 с.

Левченко М. Места жительства и местные названия русинов в настоящее время // Основа. 1861. № 1. С. 264–267.

Левченко М. Опыт русско-украинского словаря. Киев, 1874. 188 с.

[*Левченко М. М.*] Из воспоминаний о походе в Венгрию в 1849 году // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1856. № 486. С. 145–196; № 487. С. 273–319.

Лихутин М. Д. Записки о походе в Венгрию в 1849 году. М., 1875. 277 с.

Лугинский Б. [*Левченко М. М.*] Воспоминания о походе в Венгрию в 1849 году. (Записки пехотинца) // Москвитянин. 1855. № 8. Кн. 2. С. 83–118; № 10. Кн. 2. С. 53–84.

Магочій П. Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948) / Авторизований переклад з англійської. Ужгород, 1994 (Поличка «Карпатського краю», № 3–6 (18)). 296 с.

Малкин В. Русская литература в Галиции. Львов, 1957. 164 с.

Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1957. Т. II. Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита К–П. 388 с.; 1960. Т. IV. Новые дополнения к алфавитному указателю псевдонимов. Алфавитный указатель авторов. 559 с.

Матвієнко А. Захисник нашої пам'яті // День. 2012. 30 листопада — 1 грудня. № 219–220. С. 11.

Материалы для словаря псевдонимов / собрано С. Железняком [С. И. Пономаревым] // Русский календарь на 1881 г. А. Суворина. СПб., 1881. С. 281–300.

Мохъ Р. Мотыль на малорускомъ языцѣ. Вь Львовѣ, 1841. 40 с.

Павлов И. [*Михаловский Е. Е.*] Воспоминания о Венгрии. Походные записки 1849 года. Страница из истории 1 батареи 4 артиллерийской бригады // Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. 1910. Кн. 5. С. 1–16 (пагинация 2-я).

Рошонци И. Тема славянского языкового родства и многоязычия в воспоминаниях русских офицеров — участников Венгерской кампании 1849 г. // Центральноевропейские исследования. 2019. Вып. 2 (11). М.; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 60–79.

Сонцов Д. Из воспоминаний о Венгерской кампании. (Заметки участника и очевидца). (Из I-й книги «Девятнадцатого Века», историко-литературного сборника, издаваемого П. И. Бартевым.) М., 1871. 32 с.

Удвари И. Русины в Венгерском Королевстве // Тривалість регіональних культур. Русини і українці на їхній Карпатській батьківщині та за кордоном. Нью-Йорк: Колумбійський університет, 1993 (Східно-європейські монографії, No. CCCLXV). С. 103–139.

Українська преса в Україні та світі XIX–XX ст. Історико-бібліографічне дослідження. Львів: Оріяна-Нова, 2007. Т. 1. 1812–1890 рр. 560 с.

[Шафарик П. И.] Славянское народописание, составленное П. И. Шафариком / пер. с чеш. И. Бодянского. С картою. М., 1843. VIII+174 с.

Fényes E. Magyarország geographiai szótára, melyben minden város, falu és puszta, betürendben körülméyesen leiratik. Pesten, 1851, I. köt., 312. old.; IV. köt., 285. old.

Lewicki J. Grammatik der ruthenischen oder klein russischen Sprache in Galizien. Przemyśl, 1834. [8]+XXVI+212+59+[11] s..

[Łoziński J.] Grammatyka języka ruskiego (mało-ruskiego) napisana przez Ks. Józefa Łozińskiego. W Przemyślu, 1846. 129 s.

Pichler K. W. Kurzgefasste russinische Sprachlehre. Lemberg, 1849. 35 s.

Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Eperiessensis, pro anno Domini MDCCCXXXVI, ab erecta sede episcopali anno XXVI. Eperiessini, 1846. 203 p.

Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Eperjessensis, pro anno Domini MDCCCLI, ab erecta sede episcopali anno XXXI. Eperiessini, [1851]. 156 p.

Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Munkácsiensis, pro anno Domini MDCCCXLVII. Ungvarini, [1847]. 303 p.

Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Munkácsiensis, pro anno Domini MDCCCLVI. Kassoviae, [1856]. 307 p.

Šafarik P. J. Slowanský národopis / S mappau. W Praze, 1842. XII+190 s.; 1849. XII + 192 s.

References

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (Moscow).

Alabin, P. *Chetyre voiny. Pokhodnye zapiski v 1849, 1853, 1854–56, 1877–78 godakh.* Samara, 1888, [part I.] Vengerskaia voina. XLVIII+160+V p.

- Del'vig, A. I., baron. *Moi vospominania*. Moscow, 1913, vol. 2. 1842–1858, 448 p.
- Dzdznelivs'kyĭ, Ĭ. O. "Levchenko Mykhailo Mykhailovych." *Ukrains'ka mova. Entsyklopediia*. Vyd. 2-e, vypr. i dop. Kyĭv: Vyd-vo "Ukrains'ka entsyklopedia" im. M. P. Bazhana, 2004, p. 292.
- Entsyklopediia istorii Ukraïny*. Kyĭv: Naukova dumka, 2009, vol. 6. La–Mi. 790 p.
- Entsyklopediia Ukraïnoznavstva. Slovnykova chastyna* / ed. V. Kubiiovych. Paris; New York, 1962, vol. 4, 1600 p.
- Fényes, E. *Magyarország geographiai szótára, mellyben minden város, falu és puszta, betürendben körülméyesen leiratik*. Pesten, 1851, I. köt., 312. old.; IV. köt., 285. old.
- Hohol', N. *Tarasъ Bul'ba. Povrĭst' yzъ zaporozhskoï staryny* / na halytsko-ruskiĭ iazykъ perevedena P. D. F. H[olovatsk]umъ. L'vovъ, 1850. 172 p.
- Krevets'kyĭ, I. "Batalion rus'kykh hirs'kykh stril'tsiv." *Zapysky Naukovoho tovarystva imeny Shevchenka*. 1912, book I, vol. CVII, p. 52–72.
- Kustodiev, K., prot. Kongress katolikov Vengrii i ugorskie russkie. (Pis'ma iz Peshta). Moscow, 1871, [part I.], 47 p.
- Kustodiev, K., prot. Tserkov' ugorskikh russkikh i serbov v ikh vzaimootnoshenii. Moscow, 1873, 44 p.
- Levchenko, M. "Mesta zhitel'stva i mestnye nazvaniia rusinov v nastoiashchee vremia." *Osnova*. 1861, № 1, p. 264–267.
- Levchenko, M. *Opyt russko-ukrainskogo slovaria*. Kiev, 1874, 188 p.
- [Levchenko, M. M.]. "Iz vospominaniĭ o pokhode v Vengriu v 1849 godu." *Zhurnal dlia chteniia vospitannikam voenno-uchebnykh zavedeniĭ*. 1856, № 486, p. 145–196; № 487, p. 273–319.
- Levytskiĭ, I. *Hrammatyka iazyka russkoho vъ Halytsiĭ, rozlozhena na rytan'ia y wprovody*. Vъ Peremyshly, 1849. 126 p.
- Lewicki, J. *Grammatik der ruthenischen oder klein russischen Sprache in Galizien*. Przemyśl, 1834. [8]+XXVI+212+59+[11] s.
- Likhutin, M. D. *Zapiski o pokhode v Vengriu v 1849 godu*. Moscow, 1875. 277 p.
- Luginskiĭ, B. [Levchenko, M. M.]. "Vospominaniia o pokhode v Vengriu v 1849 godu. (Zapiski pekhotintsa)." *Moskvitianin*. 1855, № 8, book 2, p. 83–118; № 10, book 2, p. 53–84.
- [Łoziński, J.] *Grammatyka języka ruskiego (mało-ruskiego) napisana przez Ks. Józefa Łozińskiego*. W Przemyślu, 1846. 129 p.
- Mahochiĭ, P. R. *Formuvanniia natsional'noi samosvidomosti: Pidkarpats'ka Rus' (1848–1948) / avtoryzovanyĭ pereklad z anhliĭs'koï*. Uzhorod, 1994 (Polychka "Karpats'koho kraiu", № 3–6 (18)), 296 p.
- Malkin, V. *Russkaia literatura v Galitsii*. L'vov, 1957, 164 p.
- Masanov, I. F. *Slovar' psevdonimov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deiatelei*. Moscow, 1957, vol. II. Alfavitnyĭ ukazatel' psevdonimov. Psevdonimy

russkogo alfavita K–P, 388 p.; Moscow, 1960, vol. IV. Novye dopolneniia k alfavitnomu ukazateliu psevdonimov. Alfavitnyĭ ukazatel' avtorov, 559 p.

“Materialy dlia slovaria psevdonimov / sobrano S. Zhelezniakom [S. I. Ponomarevym].” *Russkii kalendar' na 1881 g. A. Suvorina*. Saint Petersburg, 1881, p. 281–300.

Matvienko, A. “Zakhysnyk nashoi pam'iaty.” *Den'*. 2012, 30 lystopada — 1 hrudnia, № 219–220, p. 11.

Mokhъ, R. *Motyĭ' na maloruskomъ iazykыsъ*. Vъ L'vovъ, 1841, 40 p.

Pavlov, I. [Mikhailovskii, E. E.] “Vospominaniia o Vengrii. Pokhodnye zapiski 1849 goda. Stranitsa iz istorii 1 batarei 4 artilleriiskoi brigady.” *Zhurnal Imperatorskogo Russkogo Voennno-Istoricheskogo Obshchestva*. 1910, book 5, p. 1–16.

Pichler, K. W. *Kurzgefasste russinische Sprachlehre*. Lemberg, 1849. 35 p.

Roshontsi, I. “Tema slavianskogo iazykovogo rodstva i mnogoiazychiia v vospominaniiah russkikh ofitserov — uchastnikov Vengerskoi kampanii 1849 g.” *Tsentral'noevropeiskie issledovaniia*. 2019. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2020, vyp. 2 (11), p. 60–79.

Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Eperiessensis, pro anno Domini MDCCCXXXVI, ab erecta sede episcopali anno XXVI. Eperiessini, 1846, 203 p.

Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Eperjessensis, pro anno Domini MDCCCLI, ab erecta sede episcopali anno XXXI. Eperiessini, [1851], 156 p.

Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Munkácsiensis, pro anno Domini MDCCCXLVII. Ungvarini, [1847], 303 p.

Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Munkácsiensis, pro anno Domini MDCCCLVI. Kassoviae, [1856], 307 p.

[Shafarik, P. I.] *Slavianskoe narodopisanie, sostavlennoe P. I. Shafarikom / Per. s chesh. I. Bodianskogo*. S kartoiu. Moscow, 1843. VIII+174 p.

Sontsov, D. *Iz vospominaniĭ o Vengerskoi kampanii. (Zametki uchastnika i ochevidtsa). (Iz I-ĭ knigi «Deviatnadsatogo Veka», istoriko-literaturnogo sbornika, izdavaemogo P. I. Bartenevym.)* Moscow, 1871, 32 p.

Šafarik, P. J. *Slowanský národopis / S mappau*. W Praze, 1842, XII+190 s.; 1849, XII+192 s.

Udvari, I. “Rusyny v Vengerskom Korolevstve.” *Tryvialist' rehional'nykh kul'tur. Rusyny i ukraĭntsi na ikhniĭ Karpats'kii bat'kivshchyni ta za kordonom*. New York: Columbia University Press, 1993 (Skhidno-ievropeis'ki monohrafiĭ, No. CCCLXV), p. 103–139.

Ukraĭns'ka presa v Ukraĭni ta sviti XIX–XX st. Istoryko-bibliohrafichne doslidzhennia. L'viv: Oriiana-Nova, vol. 1. 1812–1890 rr., 560 p.

Vahylevychъ, I. *Hrammatyka iazyka maloruskoho vъ Halyciy*. L'vovъ, 1845.

Vernikovskii, A. L. “Vengerskii pokhod 1849 goda. Vospominaniia armeiskogo ofitsera.” *Russkii arkhiv*. 1885, № 12, p. 519–538.

Mikhail Yu. Dronov

Institute of Slavic studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Ethnoconfessional features and national-cultural life
of the Ruthenian population of the Habsburg monarchy
in the perception of M. M. Levchenko in 1849

The article is devoted to the publication published in 1855 by Mikhail Mikhailovich Levchenko (1830–1891 or 1892) “Memories of the campaign in Hungary in 1849. (Notes of an infantryman)”. A member of the Hungarian campaign, infantry officer M. M. Levchenko (a little Russian patriot, later a well-known lexicographer and ethnographer) personally got acquainted with the life of various peoples of the Austrian Empire. The officer paid considerable attention to the East Slavic population of Hungary and Galicia — Ruthenians. Unlike other participants of the Hungarian campaign, whose diaries and memoirs were published, Levchenko was initially keenly interested in Slavs, so he clearly characterized the Ruthenians as “tribesmen of our Little Russians”. At the same time, despite certain knowledge in the field of Slavic studies, Levchenko’s text also contains obvious inaccuracies, which are analyzed in this article. Levchenko was greatly impressed by the nascent national and cultural life of Ruthenians, especially Galicians, and the development of literature and education. Apparently, Levchenko’s stay in 1849 in the lands of the Habsburg monarchy with an East Slavic population had a noticeable impact on all his further activities. Thus, it is noteworthy that Levchenko popularized in Russia the ethnonym *Rusyn* as a national name for all Little Russians and Ruthenians.

Keywords: The Hungarian campaign of 1849, Hutsuls, Carpatho-Ruthenians, M. M. Levchenko, Rusyns, Sotaks, Ukrainians.

**Коварная статистика,
или как создаются историографические мифы
(из истории болгарского города Ловчи во время
русско-турецкой войны 1877–1878 гг.)**

В статье благодаря привлечению комплекса опубликованных мемуаров и официальных документов освещаются взаимоотношения русских, болгар и турок во время освобождения г. Ловчи (совр. Ловеч) отрядом полковника А. Г. Жеребкова 5 (17) июля 1877 г. и захвата города турецким отрядом Рифат-паши 15 (27) июля 1877 г. В Ловче проживали 12 (по другим сведениям, 10) тыс. человек, из них 7/10 были мусульмане (турки и цыгане). Турецкие дома и лавки после бегства турецкого населения при наступлении русских на город были разграблены и частью сожжены вооруженными болгарами, которые пришли с русским отрядом из Тырново и Сельви (совр. Севлиево), вместе с самими жителями-болгарами. Казаки также смогли отыскать военную добычу в опустошенных турецких кварталах, но они довольствовались лишь немногим и ценным, поскольку быстрота и маневренность в схватке с противником недостижима на коне, перегруженном поклажей. Отряд подполковника Бакланова вынужден был отступить к Сельви из-за значительно превосходящих сил противника. Турецкий отряд практически не встретил сопротивления со стороны болгар, жителей Ловчи, спасавшихся бегством, и учинил над болгарским населением, не успевшим уйти, насилие и резню, которые были остановлены Рифат-пашой по просьбе мусульман города. Выявляется, что в существующей историографии значительно завышено число погибших болгар. Воссозданы пути выстраивания историографического мифа в формате статистических данных о числе жертв среди болгарского населения г. Ловчи.

Ключевые слова: *русско-турецкая война 1877–1878 гг., Ловча, А. Г. Жеребков, П. Д. Паренсов, Рифат-паша, болгары Ловчи.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.1.04

Любая война сопряжена не только с потерями в личном составе воюющих сторон, но и с гибелью мирных жителей, на территории

проживания которых происходят сражения. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в связи с отступлением русских войск летом 1877 г. из ранее захваченных городов и селений Розовой долины, г. Эски-Загра (совр. Стара-Загора), а также из г. Ловчи (по-турецки — Lovdscha или Lovtscha, а по-болгарски — Ловеч) оставшееся в своих домах или не успевшее уйти болгарское население подверглось насилию и резне возвратившимися турками. В существующей историографии (П. А. Гейсман, А. М. Зайончковский, Н. И. Беляев, Г. Георгиев и В. Топалов, Ц. Генов, Н. Кунчева и др.) достаточно хорошо изучены военные действия русской армии по двукратному освобождению г. Ловчи от турок (5 июля и 22 августа 1877 г.). Привлечение комплекса опубликованного мемуарного наследия и документов «Сборника материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове» позволяет раскрыть взаимоотношения русских, болгар и турок, а также воссоздать пути выстраивания историографического мифа в формате статистических данных о числе жертв среди болгарского населения г. Ловчи.

12 (24) апреля 1877 г. Российская империя объявила войну Турции, 15 июня русские войска форсировали Дунай, 25 июня Передовой отряд генерал-лейтенанта И. В. Гурко с боем овладел г. Тырново и затем направился за Балканы. 30 июня население Тырново торжественно встречало главнокомандующего Дунайской армией великого князя Николая Николаевича. 1 июля к нему обратились болгары г. Сельви (совр. Севлиево) с просьбой защитить их город от резни башибузуков и черкесов. В тот же день туда отправились казаки, которые в течение нескольких дней отбивали атаки турок¹.

4 июля вечером из Тырново на усиление казаков в Сельви был выслан отряд под командованием флигель-адъютанта полковника А. Г. Жеребкова в составе 2-го эскадрона лейб-гвардии Казачьего Его величества полка и сотни 23-го Донского казачьего полка при двух орудиях. 5 июля отряд Жеребкова, к которому присоединились и казаки, стоявшие в Сельви, разгромил башибузуков и черкесов у деревни Аканджилари (ныне — Петко Славейков), которая находилась в 12 верстах от Сельви по дороге к Ловче. Полковник Генерального штаба П. Д. Паренсов писал, что после этого боя решили не возвра-

¹ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове (далее — СМ). СПб., 1899. Вып. 25. С. 58–59, 75–76.

щаться, а далее следовать на Ловчу². По пути сломили сопротивление башибузуков у хана Павликиане, а затем точным артиллерийским огнем «смели» две роты низама (регулярной пехоты) и башибузуков, засевшие в окопах перед городом³.

Город Ловча лежал в узкой долине протекавшей причудливыми зигзагами р. Осмы и с трех сторон был окружен высокими скалистыми горами, а с восточной — виноградниками. По сведениям австрийского путешественника Ф. Каница, в 1871 г. в Ловче насчитывалось до 12 тыс. человек, большинство из них было мусульманами — 1200 домов, христианских — 800 домов, или 4800 человек. Город был разделен на восемь мусульманских кварталов, четыре христианских и один цыганский⁴. Русский офицер С. П. Полушкин писал, что в июле 1877 г. в Ловче проживало около 10 тыс. человек, из них турки составляли 7/10 населения⁵. (Эти же цифры указаны в известной книге военного корреспондента В. В. Крестовского⁶.) Подполковник Спокойский-Францевич, ловченский окружной начальник, в донесении тырновскому губернатору от 7 сентября 1877 г. сообщал, что город делился на девять кварталов: семь турецких и два болгарских. Турецких домов насчитывалось 1450, а болгарских — 920, мечетей 16, мельниц 15, пекарен 16, церквей три⁷. Мусульманский квартал города лежал внизу, на пологом берегу р. Осмы, а болгарский «лепился по уступам южной стороны котловины»⁸, как отмечал Паренсов.

Ловча являлась одним из самых богатых городов Придунайской Болгарии⁹. Болгары вели обширную торговлю кожами, которые от-

2 *Паренсов П. Д.* Из прошлого. Воспоминания офицера Ген. штаба. СПб., 1901. Ч. 1. С. 299.

3 *СМ.* СПб., 1898. Вып. 2. С. 241.

4 *Каниц Ф.* Очерки Болгарии (Из второго тома сочинения Каница) // Военный сборник. 1877. № 5. С. 159.

5 *Полушкин С. П.* Записки лейб-гвардии казачьего офицера // Сборник военных рассказов, составленных офицерами — участниками войны 1877–1878 гг. СПб., 1879. Т. 4. С. 593.

6 *Крестовский В.* Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878). СПб., 1879. Т. 1. С. 427.

7 *СМ.* СПб., 1905. Вып. 40. С. 245.

8 *Паренсов П. Д.* Из прошлого. С. 300.

9 *Музаффер паша, Тальят бей.* Отбраната на Плевен по официални и частни документи, събрани под ръководството на мяшира Гази Осман паша от дивизионния генерал Музаффер паша, адютант на Н. И. В. Султана и подполковника от генералния щаб Тальят бей, адютант на мяшир Гази Осман паша. София, 1901. С. 31–32.

правлялись во Францию и Австрию. Но мусульмане здесь преобладали, поэтому «всё, начиная со зданий в городе, носило совершенно восточный характер»¹⁰, — замечал Каниц. Болгарское население Ловчи, и мужчины, и женщины, знали турецкий язык, как свидетельствовал протоиерей Евстафий Попстефанов (1849 — после 1934), который сам прекрасно говорил и читал по-турецки, даже имел Библию, напечатанную на турецком языке¹¹.

Город Ловча соединялся хорошими дорогами с Систово (около 80 верст), через Плевну (35 верст) с Никоподем (75 верст), через Сельви (35 верст) с Тырново (75 верст), на юг с Трояном (30 верст), откуда шла дорога к Троянскому проходу через Балканы.

Но вернемся к отряду полковника Жеребкова. Казаки и лошади от жары, продолжительного движения без водопоя утомились донельзя. Поэтому Жеребков принял решение спуститься для отдыха в город, откуда уже приходили болгары, прося занять город и заявляя, что турецкая пехота ушла врассыпную, частью в Турский Извор (совр. Болгарски-Извор), частью в Плевну¹², а вместе с ней и жители-турки. Русский отряд, окруженный народом, торжественно вступил на площадь Ловчи¹³. Полковник Паренсов прочитал воззвание Александра II, в котором сообщалось, что Россия вступила в войну, чтобы освободить христиан от турецкого рабства, и даст всем народам равные права¹⁴. Три священника отслужили краткий благодарственный молебен с провозглашением многолетия русскому императору. Казаки целовали крест и Евангелие, болгары прикладывались к ногам русских воинов, целовали их руки, несли вина, фрукты, бросали из окон цветы, женщины подносили платки, вышитые по краям цветным шелком, прося принять эти дары на память как знак их сочувствия к усталости казаков. Восторг народа был громадный¹⁵.

Место для бивака казаки выбрали вне города, по направлению к Плевне, на лугу полуострова, образованного Осмой. Добраться сюда из Ловчи можно было лишь по длинному крытому мосту, перекинутому через реку. По приказанию Жеребкова мост был занят караулами при входе на него и выходе.

10 Каниц Ф. Очерки Болгарии. С. 159.

11 Освобождение 1878. Спомени. София, 1978. С. 410, 411, 416.

12 Паренсов П. Д. Из прошлого. С. 300.

13 Полушкин С. П. Записки... С. 593.

14 Освобождение 1878. Спомени. С. 402.

15 Полушкин С. П. Записки... С. 593.

На бивак «болгары, наперерыв усердствуя друг перед другом, натащили живых баранов, овощей, фруктов и вина». Паренсов подчеркивал, что «за многие припасы болгары ничего не брали, а за что и брали, то весьма дешево»¹⁶. Устроившись на биваке, казаки отправились осматривать город.

В Ловче «турецкие дома еще задолго до нашего прибытия были ограблены болгарами и сожжены»¹⁷, — констатировал сотник Владикавказского полка А. В. Верещагин, брат известного художника. То же самое происходило в Систово (15 июня), Тырново (25 июня) и в той же Ловче 22 августа, во время повторного освобождения: когда еще в разгаре было ожесточенное 12-часовое сражение, жители-болгары опустошали покинутые турками дома¹⁸. Кроме горожан, в грабежах принимали участие и болгары, сопровождавшие отряд Жеребкова с самого Тырново и Сельви.

Полковник Паренсов не мог не рассказать о достаточно неприглядном явлении, которое потом повторялось везде, где ему приходилось бывать с русскими отрядами, и которое омрачало отношение и его самого, и других офицеров к болгарам. Пока отряд стоял на биваке, посторонних людей, кроме продавцов продуктов питания, не было видно, но «как только отряд трогался с места... в тылу его всегда появлялись вооруженные с головы до ног болгары на маленьких местных лошадях». На расспросы русских они обыкновенно отвечали, что бежали от турецких насилий из той местности, куда теперь направлялся отряд, или что они едут в качестве проводников и переводчиков, «на всякий случай». «Зная местную обстановку, зная, где можно ожидать встречи с турками, — писал Паренсов, — они ехали обыкновенно там, где было безопаснее, в хвосте отряда, а иногда и впереди его, но всегда исчезали куда-то незаметно всякий раз, как мы разбивали турецкий отряд, а в особенности когда разоряли какое-нибудь селение. Они нагоняли потом отряд, и я часто замечал у них какое-нибудь благоприобретение: то вместо плохой лошадки очутится отличная, явится новое оружие, новый костюм и тому подобное». Паренсов писал, что некоторых из этих вооруженных болгар он знал уже в лицо и по имени, «так как они аккуратно появлялись при выступлении отряда в районе известной местности». Эти личности, подчеркивал русский офицер,

16 Паренсов П. Д. Из прошлого. С. 302.

17 Верещагин А. В. Новые рассказы (1855–1895). СПб., 1900. С. 11.

18 См.: Гамулецкий В. П. Из недавнего прошлого. В походе и в битве // Русский вестник. 1878. Т. 136. № 8. С. 616.

«должны быть отнесены к разряду *шакалов*, потому что на поверку выходило часто, что они вовсе не ограбленные беженцы, совсем не из того города или селения, куда мы в этот раз направлялись, а просто следуют за отрядом с целью пожить на счет турок, а иногда, и это, конечно, в лучшем случае, свести старые личные счета»¹⁹.

Однако впоследствии среди горожан Ловчи распространилась версия о том, что именно казаки начали разбивать и грабить турецкие лавки, к ним присоединились болгары, пришедшие из Тырново и Сельви, а затем только некоторые жители Ловчи. Другие же поспешили начертить на своих лавках кресты, чтобы дать знать русским, что это болгарские лавки и их не следует трогать²⁰.

Профессор д-р Ст. Петков спустя 50 лет сетовал: «Никто не знал, что это взятие Ловчи было лишь актом рекогносцировки, но не длительное освобождение. Никто не догадался предупредить население, чтобы оно воздержалось грабить турецкие дома и лавки. Никто не вспомнил, что накануне появления русских турки не стали резать болгар и, убегая, ни на кого не посягнули, оставляя свое имущество на благоволение болгар». Петков полагал, что турки при своем возвращении были бы милостивее к болгарам и оплатили бы той же мерой, если бы нашли свои дома и лавки в целостности и сохранности»²¹.

Несмотря на то, что расхищение турецкого добра началось еще при появлении отряда Жеребкова и стремительном бегстве турок из города, казаки сумели найти многое в опустевших турецких домах, поскольку у их палаток появились «красные кумачовые платки, одеяла, перины, подушки и разное тряпье»²², — сообщал Верещагин. Впрочем, и сам он ничуть не брезговал подобными трофеями. Правда, разбирая груды турецкой и болгарской одежды, которые ему принес его денщик, и любуясь тонкими, как паутина, женскими шелковыми рубашками с золотым шитьем, полотенцами «с вышивками всевозможных узоров», сотник думал о своем приятеле В. В. Стасове²³. Как

19 *Паренсов П. Д.* Из прошлого. С. 303.

20 *Банчев Т.* Спомени от бегството ни от Ловеч в Севлиево при освобождението на Ловеч // Ловеч и Ловчанско. Кн. V. София, 1934. С. 54.

21 *Петков Ст.* Как се освободи гр. Ловеч от русите преди 50 години (лични спомени) // Град Ловеч (бележки и спомени) по случай 50 г. от освобождението на града (1877–1927). Ловеч, 1927. С. 13.

22 *Верещагин А. В.* Новые рассказы. С. 11.

23 *Стасов В. В.* (1824–1906) — русский музыкальный и художественный критик, историк искусств, общественный деятель.

он обрадуется, если Верещагин привезет ему эти вышивки, как начнет восклицать: «Чудесно, прекрасно, великолепно»²⁴.

Известно, что казаки не чурались военной добычи. Но они довольствовались немногим и ценным, поскольку быстрота и маневренность в схватке с противником недостижима на коне, перегруженном поклажей. Следует обратить внимание также и на то немаловажное обстоятельство, что отряд Жеребкова частью состоял из казаков конвоя главнокомандующего, и тот был суров к подобному «промыслу».

А болгарин нес турецкое достояние в свой дом. «Из города потянулись мимо нашего лагеря вереницы пеших и конных болгар с выюками разного добра, — писал Верещагин. — Они настолько были навьючены награбленным турецким добром, что от самих всадников, из-за всего этого имущества, торчали только головы да свесившиеся до самой земли красные здоровые ноги»²⁵.

7 июля отряд Жеребкова выступил из Ловчи, оставив в городе две сотни (одну 23-го, другую 30-го Донских казачьих полков). Полковник мотивировал свое решение возвращаться в Тырново тем, что ему не было дано «категорического приказа занять Ловчу», а только поддержать казаков в Сельви и отогнать турок. Кроме того, лейб-казаки составляли конвой главнокомандующего и должны были к нему вернуться.

Перед отъездом из Ловчи Жеребков с офицерами организовали городскую стражу из 100 местных болгар, учредили городские караулы, снабдили их оружием, отобранным казаками да и самими болгарами у турок, «произвели выборы местных властей при посредстве всеобщей подачи голосов», одним словом, «устроили в городе самоуправление и самоохранение»²⁶.

9 июля 1877 г. есаул Лавров, командир 6-й сотни 23-го Донского казачьего полка, доносил полковнику Жеребкову о положении дел в городе и его окрестностях. На расстоянии 15 верст от Ловчи турецких войск не наблюдалось. Лишь небольшие шайки башибузуков и черкесов в 15–50 человек ежедневно делали набеги из Турского Извора на болгарские селения с целью грабежа. Против них посылались разъезды. В самом городе была сформирована полиция, которая следила за порядком и благоустройством. Благодаря этим мерам стали возвращаться турецкие семейства с изъявлением покорности²⁷. Надо сказать,

24 *Верещагин А. В.* Дома и на войне, 1853–1881: Воспоминания и рассказы А. Верещагина. СПб., 1886. С. 283.

25 *Верещагин А. В.* Новые рассказы. С. 14.

26 СМ. Вып. 2. С. 241; *Паренсов П. Д.* Из прошлого. С. 302–303.

27 СМ. Вып. 26. СПб., 1899. С. 4–5.

что казаки полковника Жеребкова распространяли по турецким селам и кварталам прокламации, в которых объявлялось о гарантировании жизни и безопасности имущества мирным мусульманам, отдающим свое оружие и желающим жить в мире с болгарами.

Из этого донесения Лаврова мы узнаем, что стража для охраны подступов к городу увеличилась до 400 человек пеших и 60 конных болгар; большая заслуга в ее организации принадлежала жителю г. Шумена Н. Воинову. Три турецкие водяные мельницы, расположенные в самом городе, были переданы в распоряжение старейшин — священника Т. Мишакова и А. Кунчева. (Т. Мишаков являлся одним из участников подготовки Апрельского восстания 1876 г., а А. Кунчев был богатым купцом, торговавшим хлопчатобумажной пряжей и ситцем и пользовавшимся уважением у турецкой администрации²⁸). Русский офицер считал долгом доложить о том, что эти болгары проявляли необыкновенное усердие и распорядительность при выполнении тех «приказаний, которые послужили к установлению порядка в городе и к привлечению турок сложить оружие»²⁹.

Отряд Жеребкова возвратился в Тырново 9 июля утром. К этому времени главнокомандующий получил известие о поражении русских войск под Плевной 8 июля, куда из Видина форсированным маршем прибыли войска Осман-паши (18 таборов пехоты, 4 эскадрона и 9 батарей). Великий князь тут же распорядился о посылке туда подкреплений. Один из отрядов под командованием подполковника Бакланова, командира 23-го Донского казачьего полка, должен был следовать к Плевне через Сельви и Ловчу, собрав по дороге казачьи сотни. Соединившись с Кавказской казачьей бригадой полковника И. Ф. Тутолмина у Плевны, увеличившийся отряд поступал под общее временное командование генерал-майора М. Д. Скобелева. В задачи отряда входили прикрыть дороги из Плевны на Ловчу, Сельви и Тырново и выявление сил противника у Плевны³⁰. Отряд Бакланова в составе 4,5 сотен прибыл в Ловчу 11 июля вечером и расположился за городом. В нескольких докладных записках Паренсов указывал на необходимость присутствия гарнизона в городе из-за опасного соседства с Плевной и скопищ черкесов к западу, юго-западу и северо-западу от Ловчи³¹.

28 Кунчев М. А. Анастас Тодоров Кунчев // Ловеч и Ловчанско. Кн. V. С. 79.

29 СМ. Вып. 26. С. 4–5.

30 СМ. Вып. 2. С. 244–245.

31 СМ. Вып. 26. С. 43–44, 50.

14 июля Паренсов отправился в Караагач (совр. г. Левски) к Тутолмину для согласования совместных действий. Вечером туда прибыл из Ловчи и Скобелев. Выяснив обстановку, он доложил начальнику полевого штаба армии генерал-адъютанту А. А. Непокойчицкому о том, что отряд Бакланова не только не мог содействовать наступлению на Плевну, но сам находился в опасном положении. Скобелев считал необходимым занять Ловчу пехотой, уничтожить скопище черкесов и башибузуков в Турском Изворе, Телише и Микре, что позволит отряду Бакланова появиться в тылу турецкой армии, занимавшей Плевну, и облегчить операции генерал-лейтенанта барона Н. П. Криденера, командира IX армейского корпуса³². Главнокомандующий в телеграмме барону Криденеру от 14 июля (7.40 час. утра) сообщал, что вчера из Плевны турки «в больших силах» двинулись к Ловче. Их следовало атаковать, не допустить до Сельви и «гнать их по пятам»³³. Вечером в тот же день Криденер ответил, что с рассветом на Ловчу в Дренов двинется бригада Тутолмина и что будут приняты дальнейшие меры³⁴. Но противник его упредил.

Осман-паша, отбив атаки русских войск у Плевны 8 июля, решил завладеть Ловченской позицией, важной для прикрытия операций плевненского отряда и путей от Плевны в Софию через Орхание. Кроме того, Ловча вместе с Плевной составляли единый фронт против русской армии. Осман-паша сформировал колонну из шести батальонов пехоты (4000 человек), шестиорудийной батареи, кавалерии из черкесов под командованием бригадного генерала Рифат-паши. Турецкий отряд вышел около 10 час. вечера 14 июля и на рассвете следующего дня подошел к Ловче³⁵.

15 июля в 10 час. утра подполковник Бакланов докладывал главнокомандующему о том, что около 6 час. утра из Плевны показались неприятельские колонны, состоявшие из разных родов войск. Желая раскрыть силы турок, Бакланов занял позицию впереди Ловчи по дороге к Плевне. Турки, установив на ближайшей высоте 6 орудий, открыли огонь по казакам, которые отвечали туркам из своих двух орудий, но их дальноточность была ниже. Простояв с час под артиллерийским огнем, а также имея перед собой превосходящие силы противника, Бакланов отдал приказ отступить к Сельви и занял позицию в 15 верстах

32 Там же. С. 57.

33 Там же. С. 59.

34 Там же. С. 60.

35 *Музаффер паша, Тальят бей. Отбраната...* С. 32–33.

от Ловчи³⁶. Потери русских были минимальны (один легкораненый казак и один без вести пропавший), потому что Бакланов еще прежде нашел тропинку, по которой можно было провезти орудия, хоть и с трудом, и которая выводила на шоссе к Сельви, минуя Ловчу. Бакланов признавал, что если бы казаки отходили под огнем неприятеля через город, то их положение оказалось бы критическим: жители города, турки, увидев отступление казаков, явились вооруженными и стали их преследовать. Из этого факта подполковник сделал вывод, что прежде они сдали негодное оружие, припрятав лучшее³⁷.

Болгарская исследовательница Н. Кунчева подчеркивала, что в то время как казаки отступали на восток от города, болгарские добровольцы дрались с наступающими черкесами и башибузуками; около 200 человек полегли на улицах Ловчи³⁸. Она опиралась на сведения, полученные из воспоминаний Д. Брынякова, секретаря при ловчанской митрополии, спасшегося бегством в Сельви, а также подпоручика Ф. В. фон Герберта, британского подданного, служившего в войске Осман-паши и 15 июля 1877 г. находившегося в Плевне. Впрочем, последнего Кунчева цитировала выборочно. А он писал, что слышал (а не читал донесения), что «в Ловче казаки отошли почти тотчас, а болгарское население, которое русские вооружили и организовали, билось яростно, но напрасно. Правосудие быстро осуществилось: несколько сотен были убиты»³⁹. Д. Брыняков сообщал, что городская милиция из болгарской молодежи, около 300 человек, стояла на постах на въезде в болгарский квартал Хармането, на пути наступления турок, и решила выполнить свой долг, остаться и отбить турок, пожертвовав собой, защищая город⁴⁰. Но данное свидетельство вызывает сомнение. Об этом подвиге юношей молчит, например, протоиерей Евстафий Попстефанов, который не покинул город и подробно рассказал о тех страшных днях. К тому же жители Ловчи обязательно увековечили бы героическую смерть своих сограждан-милиционеров, как они сделали это в память о Ц. Шишкове, установив на месте его

36 СМ. Вып. 26. С. 68.

37 Там же. С. 76.

38 Кунчева Н. Първото освобождение на Ловеч през руска-турската освободителна война 1877–1878 година // Военноисторически сборник. Кн. 5. 1987. С. 22.

39 Херберт Ф. У. фон. Отбрана на Плевен 1877 (писана от участник в нея). София, 1929. С. 112.

40 Освобождението 1878. Спомени. С. 429–430.

гибели камень с надписью: «Отсюда геройски защищал город от черкесов и был убит согражданин Цацо Шишков 15 июля 1877 г. Вечная ему память»⁴¹. Шишков, видя, что первые ворвавшиеся в город черкесы и башибузуки убивают его бегущих соплеменников, стал стрелять из окна своего дома по нападавшим и сумел остановить их. Но турки подожгли его дом. Он был убит, когда перебежал через дорогу в дом своего брата. Д. Брыняков указывал, ссылаясь на показания очевидцев, что из своего винчестера Шишков сумел убить до 30 черкесов и башибузуков⁴².

В обстоятельной книге участников Плевенской эпопеи Музафферпаши и Талаат-бея, исследование которых основывалось на турецких документах, ничего не сообщалось о жертвах в Ловче, но упоминалось, что город охраняли казаки и большое число болгар, которым было роздано оружие. Однако туркам не было оказано почти никакого сопротивления, и они взяли город практически без единого выстрела⁴³. В воспоминаниях русских офицеров и в донесениях подполковника Бакланова вообще ничего не говорится о защите Ловчи вооруженными болгарам. В мемуарах Ст. Петкова содержатся очень важные сведения: когда в городе пронеслась весть, что «из Плевны идет огромная турецкая сила, глашатай стал созывать всё свободное мужское население на последнюю оборону — кто с ружьем, кто с пистолетом, кто с лопатой, кто с топориком, кто как может, тем и поможет. Но увьи!». «Молодежь и граждане» забрались на Чилинскую стену и холм Хисаря (где находятся остатки византийской крепости; хисар от тур. — крепость) и издалека наблюдали за боем казаков и турок⁴⁴. А протоиерей Евстафий Попстефанов вспоминал, что именно турки, оставшиеся в городе, первыми стали стрелять по болгарам из засады, из своих домов, а болгары все спасались бегством или пытались спрятаться⁴⁵.

Весьма информированный военный корреспондент В. В. Крестовский писал, что казаки неустрашимо встретили врага, чтобы дать жителям возможность уйти из города. Некоторые из мужчин взяли с собой оружие, но у большинства не хватило духу последовать их примеру. Дальнейшие размышления автора показывают, как человек, пусть даже и имевший чин штабс-ротмистра лейб-гвардии Уланского

41 Там же. С. 407.

42 Там же. С. 430.

43 *Музаффер паши, Тальят бей*. Отбраната... С. 33–34.

44 *Петков Ст.* Как се освободи... С. 14–15.

45 Освобождението 1878. Спомени. С. 404.

Его величества полка, но не принимавший участия в тех событиях, «легко» разрешает ситуацию. Крестовский был уверен, что в Ловче удалось бы избежать резни, «если бы было организовано правильное сопротивление; но так как у жителей не было на это достаточной смелости, то сопротивление отдельных лиц могло не задержать, а только ожесточить неприятеля»⁴⁶.

16 июля Бакланов докладывал главнокомандующему, что до позднего вечера 15 июля посредством разъездов он вел наблюдение за турками, ставшими лагерем у Ловчи, причем пехота расположилась впереди города по направлению к Плевне, а кавалерия занимала ближайшие высоты в сторону Сельви. Болгарская часть Ловчи была охвачена огнем⁴⁷.

В следующем донесении (16 июля, вечер) полковник Бакланов сообщал, что, по сведениям болгар, турецкий отряд состоял из 4 тыс. человек при 12 орудиях (что неверно). Болгары также рассказывали, что в Ловче турки «много перерезали болгар, не разбирая ни пола, ни возраста»⁴⁸.

Командир XI армейского корпуса генерал-лейтенант князь А. И. Шаховской, получив донесение от Тутолмина⁴⁹ и сведения от бежавших болгар о занятии Ловчи турецкой регулярной пехотой в 3–4 тыс. человек, приказал Скобелеву немедленно ехать в Дреново и выяснить положение дел в Ловче, с тем чтобы по возможности вновь овладеть городом⁵⁰. Паренсов, который сопровождал Скобелева, вспоминал, что Дреново было наполнено беженцами из Ловчи, среди которых он встретил много знакомых лиц, виденных им во время его двукратного пребывания там. Все их рассказы сводились к одному: «Турки пришли, всех зарезали, всех убили»⁵¹. Из расспросов Паренсову удалось выяснить, что «было побито более 1000 человек». Двух из трех священников, которые служили молебен при взятии русскими Ловчи 5 июля, повесили, а третьего оставили в живых, чтобы хоронить убитых болгар⁵². К Верещагину поступили иные сведения: турки лишили жизни одного священника, служившего молебен 5 июля, а также тех

46 *Крестовский В.* Двадцать месяцев... С. 428.

47 *СМ.* Вып. 26. С. 76.

48 Там же. С. 76–77.

49 Там же. С. 71.

50 Там же. С. 65.

51 *Паренсов П. Д.* Из прошлого. С. 314.

52 Там же. С. 315.

болгар, которые изъявили наибольшую радость при вступлении отряда Жеребкова в Ловчу, остальных же заставили рыть укрепления⁵³.

Генерал-майор Д. Г. Анучин, помощник заведующего гражданскими делами князя В. А. Черкасского, констатировал, что беглецов из Ловчи в Тырново было немного, и «последствия ловченской резни были скорее нравственные. Мы впервые убедились, что возвращение турок в оставленные было ими места губительно для христианского населения»⁵⁴.

В русских и зарубежных газетах печатались статьи о бойне, произведенной турками в Ловче. Чтобы судить о той информации, которой были заполнены страницы газет, достаточно ознакомиться со статьёй из «Русских ведомостей», одной из наиболее влиятельных русских газет середины 70-х годов XIX в., — «Избиение христиан в Ловче». Газета перепечатала письмо корреспондента венской газеты «Presse», находившегося в Тырново. Он сообщал, что резня в Ловче длилась целый день и ночь, «пока не были избиты все христиане Ловчи» и двух соседних деревень, искавшие спасения в стенах города. Автору не было известно точное число убитых, так как «ни один христианин не рискнет пробраться в город». И тем не менее журналист пытался хотя бы приблизительно определить размеры происшедшей трагедии. Он указывал, что в Ловче имелось до 500 болгарских домов и в двух деревнях еще 200 домов, «так что всё болгарское население можно положить в 4 000 душ, из коих едва 300 успело бежать в Сельви и Тырново»⁵⁵.

Вопрос о числе жертв невероятно деликатен и сложен, поскольку ценность человеческой жизни не поддается измерению. И всё же. В архиве городской общины Ловеча хранился список в 295 погибших и умерших жителей города в результате той страшной резни. Он был опубликован в одной из книг серии «Ловеч и Ловчанско» в 1934 г. Но еще в 1899 г. об этом списке сообщил болгарский исследователь Г. Димитров, который изучал этот документ, вероятно, консультируясь с очевидцами тех событий, поскольку он сумел установить, что среди погибших (у него указано 290 человек) было много детей, 80 стариков и всего 19 женщин⁵⁶. Эти уточнения использовал и редакционный

53 *Верецагин А. В.* Дома и на войне. С. 265.

54 *Анучин Д. Г.* Князь В. А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии. 1877–1878 гг. // Русская старина. 1895. Т. 84. № 12. С. 20.

55 Избиение христиан в Ловче // Русские ведомости. 1877. № 191.

56 *Димитров Г.* Страданията на българите и освобождението на България през 1877–1878 год. Стара-Загора, 2007. С. 261, 267–168.

комитет серии «Ловеч и Ловчанско», который в 1934 г. уже не обладал возможностями определить возраст жертв, имея в списке только имена⁵⁷. Важно, что и в издании, посвященном 50-летию освобождения г. Ловеча (1927 г.), т. е. до публикации этого списка, указывалось, что при возвращении турок в городе было убито около 300 человек болгар⁵⁸.

В серию сборников «Ловеч и Ловчанско» были включены многие воспоминания жителей города. Так, Ив. М. Костов, уроженец Ловчи, а в 1930-е годы адвокат в Русе, очевидно, со слов своих родных, заявлял, что в Ловче было убито около 2500 человек, из них 700–800 жителей города, а остальные — крестьяне из соседних сел, прибежавшие в Ловчу искать спасение⁵⁹.

Ст. Петков рассказал о том, как башибузуки и местные турки, прорвавшись в город, стреляли и рубили направо и налево всех, кого настигали, как врывались в дома богатых болгар, грабили и убивали. Он писал, что убийства в городе и его окрестностях продолжались несколько дней. Сколько человек погибло, никто точно не знает. Петков сообщал, что вскоре после освобождения Ловеча насчитали более 2600 жертв. Верна ли эта цифра, он не был уверен⁶⁰.

Последнюю книгу (VI) серии «Ловеч и Ловчанско» открывала статья болгарского генерала в запасе Ст. Хр. Кокилева. Он написал ее на основе всех пяти книг серии, предоставленных ему ее редакцией, а также труда полковника болгарского Генерального штаба Б. Брынекова «Действия около гр. Ловеч през освободителната война 1877 г.» (Ловеч, 1928) (Действия у г. Ловеч во время освободительной войны 1877 г.). Генерал, обильно цитируя воспоминания Ст. Петкова, отметил, что резня продолжалась несколько дней, и по приблизительным оценкам были убиты более 2600 человек⁶¹. Если Петков сомневался в верности этих сведений, то Кокилев воспринял их как данность, не считая нужным навести какие-либо дополнительные справки и не

57 Освобождението на гр. Ловеч през 1877 г. // Ловеч и Ловчанско. Кн. V. С. 51–53.

58 Град Ловеч, исторически бележки до освобождението му // Град Ловеч (бележки и спомени) по случай 50 г. от освобождението на града. С. 7.

59 *Костов Ив. М.* Освобождението на Ловеч и ролята на Иванчо Павлов Касабов (Ахмака) // Ловеч и Ловчанско. Кн. V. С. 57–58.

60 *Петков Ст.* Как се освободи... С. 24.

61 *Кокилев Ст. Хр.* Борбите около гр. Ловеч, водени за неговото освобождение през 1877 година // Ловеч и Ловчанско. София, 1934. Кн. VI. С. 9.

принимая во внимание опубликованный в V книге список погибших. Необходимо подчеркнуть, что в работе полковника Брынекова, уроченца Ловеча, такой информации нет.

Следует заметить, что в первом болгарском фундаментальном исследовании русско-турецкой войны 1877–1878 гг. («Кратка история на освободителната война 1877–1878 г.») его авторы, Г. Георгиев и В. Топалов, не называя числа погибших, писали, что башибузуки погубили бóльшую часть болгарского населения Ловчи, а в последующие дни предали болгарские селения огню и мечу, поэтому и окрестности, где надеялись укрыться бежавшие из города жители, не стали для них надежным убежищем⁶².

В сборнике документов «Освобождение Болгарии от турецкого ига. 1877–1878 гг.» документ № 220 снабжен комментарием, в котором его авторы, опираясь на труд Георгиева и Топалова, посчитали возможным дать и число погибших в Ловче болгар, взяв его не из упомянутого списка, а из статьи генерала Кокилева (вероятно, звание обязывало верить представленным им материалам)⁶³. По всей видимости, немалую роль сыграли идеологические и политические соображения: такое число жертв должно было свидетельствовать о той мере страданий и потерь болгар, которые они претерпели от турок (правда, было указано не 2600, а 2500 человек погибших). С другой стороны, может быть, авторы комментария не располагали другими книгами серии «Ловеч и Ловчанско». А подсчеты военных корреспондентов в 1877 г. в расчет не брались. Авторитет данного сборника документов был настолько велик, что болгарские историки Ц. Генов⁶⁴ и Н. Кунчева повторили эту цифру в своих исследованиях: около 2500 человек жителей Ловчи и окрестных деревень погибли «от ятаганов фанатизированных орд» — и сослались на сборник, а не на статью Кокилева⁶⁵. В научно-популярной литературе, например, об истории и архитектуре Ловеча, вероятно, опираясь на работу Кокилева, пишут о 2600

62 Георгиев Г., Топалов В. Кратка история на освободителната война 1877–1878 г. Преглед на военните действия. София, 1958. С. 142.

63 Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1964. Т. 2. С. 257.

64 В монографии Ц. Генова, изданной на русском языке, стоит другая цифра — более 1500 человек. См.: Генов Ц. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и подвиг освободителей. София, 1979. С. 117.

65 Генов Ц. 90 години от освобождението на Ловеч // Военноисторически сборник. 1967. № 6. С. 128; Кунчева Н. Първото освобождение на Ловеч... С. 22.

убитых за несколько дней⁶⁶, в Википедии в статье «Ловеч» стоит та же цифра — 2600 человек.

В качестве иллюстраций и одновременно доказательства совершенных турками злодеяний болгарские ученые используют яркие отрывки из корреспонденций известных журналистов В. В. Крестовского и В. И. Немировича-Данченко, в которых рассказывалось о зверствах башибузуков и черкесов в Ловче⁶⁷. Крестовский, слыша жуткие истории от болгар-очевидцев, пришедших в Тырново, сравнил резню в Ловче с Варфоломеевской ночью⁶⁸.

Для действительного понимания ситуации в Ловче после прихода туда турецких войск важен рассказ упоминавшегося выше Ив. М. Костова, который сообщил, как была остановлена резня. Оказывается, бесчинства башибузуков ужаснули некоторых мусульман — жителей города⁶⁹. По просьбе болгар двое уважаемых турок (один из них по имени Касап (мясник) Бекир) явились к командиру турецкого отряда и просили прекратить расправу. Тот ответил, что это наказание болгарам за их жестокость к турецкому населению во время прихода русских. Два старца возразили, что это неверно, что они живы, а преступления по отношению к туркам вершили пришедшие с казаками болгары из Сельви и Тырново. Паша внял их словам и к тому же по их совету поселился в доме богатого болгарина Иванчо Касабова (Ахмака), крупного торговца кожей, благодетеля Касап Бекира и деда автора воспоминаний. Ахмака также просил пашу о милости к христианам. По приказу паши уважаемые жители города, среди них Касап Бекир, поп Цоко (священник Ст. Калчев), в сопровождении солдат ходили по кварталам города, виноградникам и кричали, чтобы спрятавшиеся болгары выходили и что паша приказал не делать им более вреда. Так спаслись от гибели уцелевшие болгары и остановилось разрушение Ловчи⁷⁰, утверждал Ив. Костов. И другой очевидец тех событий,

66 *Иванчев Б.* Ловеч през вековете. София, 1973. С. 14.

67 *Крестовский В.* Двадцать месяцев... С. 428–429; *Немирович-Данченко В. И.* Год войны (дневник русского корреспондента) 1877–1878. СПб., 1878. Т. 2. С. 65–66.

68 *Крестовский В.* Двадцать месяцев... С. 428.

69 По утверждению Г. В. Попова, закончившего училище в Плевне и затем работавшего учителем в Ловче, турки в Ловче были более мягкими и гуманными, чем плевенские (*Попов Г. В.* Какво помня от Ловеч от преди 62 години // Ловеч и Ловчанско. София, 1931. Кн. III. С. 232).

70 *Костов Ив. М.* Освобождението... С. 57–58.

Т. Банчев, тогда еще ребенок, сумевший спастись от свирепств башибузуков, свидетельствовал, что паша, командовавший турецким отрядом, стал покровителем для многих болгар⁷¹.

Полковник Паренсов и сотник Верещагин констатировали, что в Ловче в первую очередь были убиты те болгары, которые радушно встречали русских 5 июля 1877 г., что свидетельствовало не о стихийном преследовании всех без разбора, как это представлялось по рассказам беженцев, а о планомерном выявлении наиболее ревностных пособников русских. Так, по сообщению Мирона А. Кунчева, внука Анастаса Тодорова Кунчева, оказавшего отряду Жеребкова деятельную помощь и назначенного управителем города, на его деда и брата деда ночью напал турецкий полицейский (заптие), который хотел их убить. Следовательно, братья Кунчевы не покинули Ловчу утром, вместе с казаками, а считали возможным остаться в своих домах. Они спаслись, выстрелив в турка, и пришли в Сельви. Жена А. Кунчева с двумя детьми убежала в лес, а 8-летний сын Асен находился при отце, который отвел его на 4 км от города и в местечке Сливека у «Кровавых камней» бросил на произвол судьбы. Турки не обратили на ребенка никакого внимания, так как не знали, чей это сын. Мальчик позднее был подобран неким Стратиеолу из Дрыстене. Через 40 дней, когда русские во второй раз вошли в Ловчу, Кунчев вернулся в родной город, нашел свою жену и детей живыми, но всё его имущество (дом, товары) было разграблено. Точно так и Христо П. Никифоров, исполнявший должность начальника города и стражи, смог спастись⁷². Нет в списках погибших и имени попа Т. Мишакова, о котором сообщал в своем донесении есаул Лавров. По свидетельству протоиерея Евстафия, его друг священник Т. Мишаков сумел вместе с казаками уйти в Сельви и вернулся в Ловеч после его освобождения 22 августа⁷³. Но был убит священник Л. Лилов⁷⁴.

Д. Ганчев, выпускник Киевской духовной академии, во время войны переводчик штаба армии, впоследствии преподаватель Военной академии в Софии, проезжал через Ловчу в конце августа 1877 г. Он констатировал, что болгары много выстрадали после прихода турок. Вместе с войском Рифат-паши вернулись турки — жители Ловчи и окрестных сел. Увидев свои дома разграбленными, они предались мще-

71 Банчев Т. Спомени... С. 56.

72 Кунчев М. А. Анастас Тодоров Кунчев. С. 79–80.

73 Освобождението 1878. Спомени. С. 423–424.

74 Освобождението на гр. Ловеч през 1877 г. С. 53.

нию, «больше резали и убивали, меньше грабили». В уцелевшем хане, где остановились на отдых Ганчев и его спутники, хозяйка рассказала им о том, что в тот день слышала выстрелы, плач и мольбы, видела, как разбили ворота хана, нашли ее мужа, спрятавшегося в конюшне, выволокли его на двор и убили, а затем ограбили хан, пристрелили свинью и забрали всё, что им приглянулось. Когда русский капитан спросил вдову, как это турки не посягнули на нее, услышали в ответ: «Женщина я, не посягнули, убьет их Господь!»⁷⁵ Таким образом, красивая и молодая болгарка и помыслить не могла, что над ней могли надругаться. Это явно противоречит нашим представлениям о том, как турки поступали с христианками после взятия ими городов и сел.

Но как быть с описанием ловченских зверств в книгах Крестовского и Немировича-Данченко? Известно, что Крестовский не был очевидцем событий, а писал со слов болгар. Его статья «Занятие Сельви, Ловчи и Плевны», датируемая 9 июля (Тырново), не содержала рассказа о неистовствах турок в Ловче. Он был дан в примечании к указанной статье при подготовке корреспонденций с Балканского фронта к изданию особой книгой — «Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878)».

Немирович-Данченко также не являлся свидетелем тех ужасов, а побывал в Ловче проездом в декабре 1877 г. Он видел пустые дома с зияющими рамами без стекол, выбитыми дверьми. И именно они, вероятно, привели его к утверждению, что «в самом городе нет дома, стены которого не слышали бы воплей бесчисленных жертв турецкого варварства, нет улицы, где бы грудами не валялись женщины и дети с перерезанными горлами...»⁷⁶. Только дело в том, что путь журналиста (дорога на Сельви) пролегал через безлюдные не болгарские, а турецкие кварталы, дважды опустошенные болгарами. Не следует забывать и о концептуальной направленности сообщений русских военных корреспондентов.

Таким образом, число жертв турецкого насилия в Ловче в 2500 человек, указанное в сборнике «Освобождение Болгарии от турецкого ига» и ставшее впоследствии аксиомой в болгарской литературе, превышает реальное число погибших почти в 10 раз. Для истины же пагубно как завышение, так и преуменьшение числа погибших жителей Ловчи и его окрестностей.

Без сомнения, русско-турецкая война 1877–1878 гг. негативным

⁷⁵ Ганчев Д. Спомени. Велико Тырново, 2005. С. 78–79.

⁷⁶ Немирович-Данченко В. И. Год войны. С. 65.

образом отразилась на г. Ловче, вызвав значительное уменьшение его населения — только не за счет убитых во время резни болгар, а из-за массового исхода турецкого населения, что привело к действительному обезлюдиванию города. Начальник Ловче-Сельвинского отряда генерал-лейтенант П. П. Карцов констатировал в сентябре 1877 г., что «в Ловче и окрестностях нет ни одного турка»⁷⁷. 7 сентября 1877 г., согласно донесению ловченского окружного начальника Спокойского-Францевича, «граждан находится в городе около 1200 человек, кроме жен и детей»⁷⁸. По официальной переписи населения Болгарии, проведенной 31 декабря 1880 г., в г. Ловче в то время проживало 5898 человек вместе с войсками — вместо 12 тыс. (или 10 тыс.) человек до войны. Многие турки после подписания Берлинского договора 1878 г. возвратились в Ловчу, чтобы, продав свое имущество, покинуть город навсегда. Экономический потенциал Ловчи резко сократился, и хозяйственная деятельность не могла достичь прежнего, довоенного уровня. К тому же в 1899 г. была построена железная дорога София — Плевен — Шумен — Варна, и Ловча осталась в стороне от основного потока товаров.

Но город стал практически моноэтническим — болгарским. (Согласно переписи 1926 г. болгары составляли здесь 94,78%.)⁷⁹

Источники и литература

Анучин Д. Г. Князь В. А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии. 1877–1878 гг. // Русская старина. 1895. Т. 84. № 12. С. 47–67.

Банчев Т. Спомени от бегството ни от Ловеч в Севлиево при освобождението на Ловеч // Ловеч и Ловчанско. София: Печатница П. Глушков, 1934. Кн. V. С. 54–56.

Верещагин А. В. Дома и на войне, 1853–1881: Воспоминания и рассказы А. Верещагина. Изд. 2-е. СПб.: Тип. Н. А. Лебедева, 1886. 600 с.

Верещагин А. В. Новые рассказы (1855–1895). Скобелев за Дунаем и в Ахал-Теке (воспоминания очевидца 1877–1881). СПб.: Типография Э. Арнольда, 1900. 373 с.

⁷⁷ *Карцов П. П.* Воспоминания участника минувшей войны // СВР. СПб., 1879. Т. 5. С. 329.

⁷⁸ СМ. Вып. 40. С. 245.

⁷⁹ *Иширков А.* Населението на град Ловеч // Ловеч и Ловчанско. София, 1930. Кн. II. С. 126, 127.

Гамулецкий В. П. Из недавнего прошлого. В походе и в битве // Русский вестник. 1878. Т. 136. № 8. С. 760–802.

Генов Ц. 90 години от освобождението на Ловеч // Военноисторически сборник. 1967. № 6. С. 127–132.

Генов Ц. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и подвиг освободителей. София: София Пресс, 1979. 241 с.

Георгиев Г., Топалов В. Кратка история на освободителната война 1877–1878 г. Преглед на военните действия. София: Изд-во на Българската комунистическа партия, 1958. 415 с.

Град Ловеч, исторически бележки до освобождението му // Град Ловеч (бележки и спомени) по случай 50 г. от освобождението на града. (1877–1927). Ловеч: Печатница «Светлина» на Ст. Рясков, 1927. С. 3–8.

Иванчев Б. Ловеч през вековете. София: «Реклама», 1973. 87 с.

Избиение христиан в Ловче // Русские ведомости. 1877. № 191.

Каниц Ф. Очерки Болгарии (Из второго тома сочинения Каница) // Военный сборник. 1877. Т. 115. № 5. С. 141–179.

Карцов П. П. Воспоминания участника минувшей войны // Сборник военных рассказов, составленных офицерами — участниками войны 1877–1878 гг. СПб., 1879. Т. 5. С. 284–433.

Кокилев Ст. Хр. Борбите около гр. Ловеч, водени за неговото освобождение през 1877 година // Ловеч и Ловчанско. София, 1934. Кн. VI. С. 5–18.

Костов Ив. М. Освобождението на Ловеч и ролята на Иванчо Павлов Касабов (Ахмака) // Ловеч и Ловчанско. Кн. V. С. 57–59.

Крестовский В. Двадцать месяцев в действующей армии (1877–1878). Письма в редакцию «Правительственный вестник». Изд. исправ. и доп. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1879. Т. 1. 608 с.

Кунчев М. А. Анастас Тодоров Кунчев // Ловеч и Ловчанско. Кн. V. С. 78–80.

Кунчева Н. Първото освобождение на Ловеч през руска-турската освободителна война 1877–1878 година // Военноисторически сборник. 1987. Кн. 5. С. 16–24.

Музаффер-паша, Тальят бей. Отбраната на Плевен по официални и частни документи, събрани под ръководството на мюшира Гази Осман паша от дивизионния генерал Музаффер паша, адютант на Н. И. В. Султана и подполковника от генералния щаб Тальят бей, адютант на мюшир Гази Осман паша / превод на Д. Х. Иванов и К. Козловски, запасен полковник. София: книжарница на Д. Голов, 1901. 320 с.

Немирович-Данченко В. И. Год войны (дневник русского корреспондента) 1877–1878. СПб.: Новое время, 1878. Т. 2.

Освобождението 1878. Спомени. София: Български писател, 1978. 999 с.

Освобождението на гр. Ловеч през 1877 г. // Ловеч и Ловчанско. Кн. V. С. 51–53.

Паренсов П. Д. Из прошлого. Воспоминания офицера Ген. штаба. СПб.: В. Березовский, 1901–1904. Изд. испр., доп. 1901. Ч. 1. На войне. 444 с.

Петков Ст. Как се освободи гр. Ловеч от русите преди 50 години (лични спомени) // Град Ловеч (бележки и спомени) по случай 50 г. от освобождението на града. (1877–1927). Ловеч: Печатница «Светлина» на Ст. Рясков, 1927. С. 10–27.

Полушкин С. П. Записки лейб-гвардии казачьего офицера // Сборник военных рассказов, составленных офицерами — участниками войны 1877–1878 гг. СПб., 1879. Т. 4. С. 550–618.

Попов Г. В. Какво помня от Ловеч от преди 62 години // Ловеч и Ловчанско. София: придворна печатница А.Д., 1931. Кн. III. С. 231–234.

Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1899. Вып. 25, 26; 1905. Вып. 40.

Херберт Ф. У. фон. Отбрана на Плевен 1877 (писана от участник в нея). София: печатница С. М. Стайков, 1929. 300 с.

References

“Grad Lovech, istoricheski belezhki do osvobozhdenieto mu.” *Grad Lovech (belezhki i spomeni) posluchaĭ 50 g. ot osvobozhdenieto na grada. (1877–1927)*. Lovech: Pечатnica “Svetlina” na St. Riaskov, 1927, p. 3–8.

“Izbienie hristian v Lovche.” *Russkie vedomosti*, 1877, no. 191.

“Osvobozhdenieto na gr. Lovech prez 1877 g.” *Lovech i Lovchansko*, vol. V, Sofia: Pечатnica P. Glushkov, 1934, p. 51–53.

Anuchin, D. G. “Kniaz’ V. A. Cherkasskiĭ i grazhdanskoe upravlenie v Bulgarii. 1877–1878 gg.” *Russkaia starina*, 1895, vol. 84, no. 12, p. 47–67.

Banchev, T. “Spomeni ot begstvoto ni ot Lovech v Sevlievo pri osvobozhdenieto na Lovech.” *Lovech i Lovchansko*, vol. V, Sofia: Pечатnica P. Glushkov, 1934, p. 54–56.

Gamuleckii, V. P. “Iz nedavnego proshlogo. V pohode i v bitve.” *Russkiĭ vestnik*, 1878, vol. 136, no. 8, p. 760–802.

Genov, C. “90 godini ot osvobozhdenieto na Lovech.” *Voennioistoricheski sbornik*, 1967, no. 6, p. 127–132.

Genov, C. *Russko-tureckaia voĭna 1877–1878 gg. i podvig osvoboditelei*. Sofia: Sofia Press, 1979, 241 p.

Georgiev, G., Topalov, V. *Kratka istoriia na osvoboditelnata voĭna 1877–1878 g. Pregled na voennite deĭstviia*. Sofia: Izd-vo na Bŭlgarskata komunisticheska partiia, 1958, 415 p.

Herbert, F. U. fon. *Otbranana Pleven 1877 (pisana ot uchastnik v neia)*. Sofia: pechatnica S. M. Stajkov, 1929, 300 p.

Ivanchev, B. *Lovech prez vekovete*. Sofia: "Reklama", 1973, 87 p.

Kanic, F. "Ocherki Bolgarii (Iz vtorogo toma sochineniia Kanica)." *Voennyi sbornik, 1877*, vol. 115, no. 5, p. 141–179.

Karcov, P. P. "Vospominaniia uchastnika minuvshei voiny." *Sbornik voennyh rasskazov, sostavlenykh oficerami — uchastnikami voiny 1877–1878 gg.* Saint Petersburg, 1879, vol. 5, p. 284–433.

Kokilev, St. Hr. "Borbite okolo gr. Lovech, vodeni za negovoto osvobozhdenie prez 1877 godina» *Lovech i Lovchansko*, vol. V, Sofia: Pechatnica P. Glushkov, 1934, p. 5–18.

Kostov, Iv. M. "Osvobozhdenieto na Lovech i roliata na Ivancho Pavlov Kasabov (Ahmaka)» *Lovech i Lovchansko*, vol. V, p. 57–59.

Krestovskij, V. *Dvadcat' mesiacev v deistvuuiushchei armii (1877–1878)*. *Pis'ma v redakciyu "Pravitel'stvennyi vestnik"*. Corrected edition. Saint Petersburg: Tipografiia ministerstva vnutrennih del, 1879, vol. 1, 608 p.

Kunchev, M. A. "Anastas Todorov Kunchev." *Lovech i Lovchansko*, vol. V, p. 78–80.

Kuncheva, N. "Pŭrvoto osvobozhdenie na Lovech prez ruska-turskata osvoboditelna voina 1877–1878 godina." *Voenoistoricheski sbornik*, 1987, vol. 5, p. 16–24.

Muzaffer-pasha, Taly Jatbej. *Otbranata na Pleven po oficialni i chastni dokumenti*, sŭbrani pod rŭkovodstvoto na mjushira Gazi Osman pasha ot divizionniia general Muzaffer pasha, adjutantna N. I. V. Sultana i podpolkovnika ot generalniia shtab Taly Jatbej, adiutant na mjushir Gazi Osman pasha / prevod na D. H. Ivanov i K. Kozlovski, zapasen polkovnik. Sofia: knizharnica na D. Golov, 1901, 320 p.

Nemirovich-Danchenko, V. I. *God voiny (dnevnik russkogo korrespondenta) 1877–1878*. Saint Petersburg: Novoe vremia, 1878, vol. 2, 342 p.

Osvobozhdenieto 1878. Spomeni. Sofia: Bŭlgarski pisatel, 1978, 999 p.

Parensov, P. D. *Iz proshlogo. Vospominaniia oficera Gen. shtaba*. Saint Petersburg: V. Berezovskii, 1901–1904, vol. 1. *Na voine*. Corrected edition. 1901, 444 p.

Petkov, St. "Kak se osvobodii gr. Lovech ot rusite predi 50 godini (lichni spomeni)." *Grad Lovech (belezhki i spomeni) po sluchaŭ 50 g. otosvobozhdenieto na grada. (1877–1927)*. Lovech: Pechatnica "Svetlina" na St. Rjaskov, 1927.

Polushkin, S. P. "Zapiski leiŭ-gvardii kazach'ego oficera." *Sbornik voennyh rasskazov, sostavlenykh oficerami — uchastnikami voiny 1877–1878 gg.* Saint Petersburg, 1879, vol. 4, p. 550–618.

Popov, G. V. "Kakvo pomnia ot Lovech ot predi 62 godini." *Lovech i Lovchansko*. Sofia: pridvorna pechatnica A. D., 1931, vol. III, p. 231–234.

Sbornik materialov po rusko-tureckoŭ voine 1877–1878 gg. Na Balkanskom poluostrove. Saint Petersburg, 1899, vol. 25, 26; 1905, vol. 40.

Vereshchagin, A. V. *Doma i na voĭne, 1853–1881: Vospominaniia i rasskazy A. Vereshchagina*. Second edition. Saint Petersburg: Tip. N. A. Lebedeva, 1886, 600 p.

Vereshchagin, A. V. *Novye rasskazy (1855–1895). Skobelev za Dunaem i v Ahal-Teke (vospominaniia ochevidca 1877–1881)*. Saint Petersburg: Tipografiia E. Arnol'da, 1900, 373 p.

Marina M. Frolova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Treacherous statistics or how historiographic myths are created
(from the history of of the bulgarian town of Lovcha
during the Russo-Turkish War of 1877–1878)

The article highlights the relationship between Russians, Bulgarians, and Turks during the liberation of Lovcha city (modern Lovech) by the detachment of colonel A. G. Zhrebkov on July, 5 (17), 1877 and the capture of the city by the Turkish detachment of Rifat Pasha on July, 15 (27), 1877, based on published memoirs and official documents. The population of Lovcha was 12 000 (according to other sources, 10 000) people, 7/10 of which were Muslims (Turks and Roma). After the escape of the Turkish population during the Russian advance on the city, Turkish houses and shops were looted and partly burned by armed Bulgarians who came with a Russian detachment from Tarnovo and Selvi (modern Sevlievo), together with the Bulgarian residents. The Cossacks were also able to find war loot in the devastated Turkish quarters, but they were content with only a few and valuable items, since speed and maneuverability in a fight with the enemy was unattainable on a horse overloaded with baggage. The detachment of lieutenant colonel Baklanov was forced to turn back to Selvi due to significantly superior enemy forces. The Turkish detachment met almost no resistance from fleeing Bulgarians, residents of Lovcha, and started the violence and massacre on them, which was stopped by Rifat Pasha at the request of the city's Muslims. It is revealed that in the existing historiography the number of dead Bulgarians is significantly overestimated. The author recreates the ways of creating a historiographical myth in the format of statistical data on the number of victims among the Bulgarian population of Lovcha city.

Keywords: *Russo-Turkish War of 1877–1878, Lovcha, A. G. Zhrebkov, P. D. Parensov, Rifat Pasha, Bulgarians of Lovcha.*

Региональная политика Российской империи в первой половине XIX в.: Царство Польское (1815–1830 гг.)

Статья посвящена обсуждаемым в новейшей российской историографии проблемам региональной политики Российской империи в начале XIX в., особенностям государственно-правового статуса и административной практики Царства Польского, когда вырабатывались основные принципы и особая структура управления окраинами империи, когда на ее периферии сформировались особые регионы в историческом и национально-культурном отношении. Политика российского правительства по отношению к Царству Польскому зависела как от основополагающих тенденций международных отношений в Центральной и Восточной Европе, что нашло отражение в международных договорах, так и от внутриполитического развития империи и особенностей политического, правового, социального, экономического, культурного процессов в Царстве и на польских землях в составе Австрии и Пруссии. Все эти аспекты оказывают влияние на дискуссию, которую ведут историки и правоведы по вопросу о государственно-правовом статусе вошедшей в 1815 г. по решению Венского конгресса в состав Российской империи части земель бывшего Княжества Варшавского. Основополагающими принципами политики Российской империи в Царстве Польском в первой половине XIX в. были сочетание самодержавия (с отдельными элементами просвещенного абсолютизма), опирающегося на централизованное бюрократическое управление, и относительно децентрализованных политико-административных и сословных структур, предполагавших наличие местного самоуправления.

Ключевые слова: *Российская империя в I половине XIX века, конституционный период истории Царства Польского, уния личная и реальная, национальная политика, национальные отношения, административное устройство национальных окраин, автономное управление, интеграция в общеимперскую административную и правовую системы.*

На протяжении всей истории российской государственности, по крайней мере с образования в XV в. на северо-востоке русских земель Российского централизованного государства, одной из центральных проблем отечественной истории была история взаимоотношений Московского государства (Замосковского края) с входившими в состав державы Рюриковичей и Романовых землями и народами. Указанная проблематика имеет богатейшую историографию. Однако при всех самых разнообразных особенностях исторических областей, составлявших Российское государство и нередко сохранявших «живые следы прежней автономии», ни в административной практике России, ни в общественно-политической мысли вплоть до рубежа XVIII–XIX вв. не было представлений о некоем политическом, административном, имперском ядре и о регионах на окраинах империи.

Эти представления начинают формироваться в начале XIX столетия, когда в состав Российского государства по международным договорам входили территории от Закавказья до Финляндии, отличавшиеся как от империи в целом, так и друг от друга по историческим, социально-экономическим, политическим, религиозным и культурным условиям и по уровню развития. Среди таких присоединенных к империи территорий было и Царство Польское. Проблеме польских земель и прежде всего Царству Польскому принадлежит в новейшей российской историографии особое место в исследованиях, посвященных особенностям национального, социального и политического положения «окраин Российской империи» в XIX в., их взаимоотношении с «имперским центром», специфике правового и административного статуса этих территорий и живущих там народов. В настоящей статье мы рассматриваем главным образом воззрения и концепции, сформировавшиеся в отечественной исторической науке, не обращая специально к анализу польской историографии.

Особая региональная политика как специфическое направление внутренней политики Российского государства формировалась с начала XIX в. не только по мере территориального расширения империи, которое на западных рубежах к этому времени практически достигло своего предела, а прежде всего по мере складывания и совершенствования в центре и на местах бюрократического государственного аппарата. Последний имел на присоединенных землях существенные особенности по сравнению с общеимперскими учреждениями, дополнявшиеся особым территориальным делением, особым законодательством и особой администрацией. Специфический государственно-правовой, административный и сословный статус этих территорий

был обусловлен внутренними (природно-географическими, общеисторическими, этносоциальными) и внешними факторами (соотношением сил на международной арене, территориальным разделом и разделом сфер влияния между великими державами на востоке Европы). При этом нельзя не принять в расчет отмеченного в историографии влияния субъективных геополитических воззрений монархов, видевших себя вершителями судеб Европы и населявших ее народов¹. Весьма вероятно, что на формирование принципов региональной политики оказала влияние идеология Просвещения, еще сохранявшая в первой четверти XIX в. свое влияние в России и на востоке Европы. В частности, по мнению Ш.-Л. Монтескье, монархии, покоряющие «окрестные страны», сохраняли все атрибуты прежней власти: «те же суды, те же законы, те же обычаи, те же привилегии», ничего нельзя было изменить, «кроме армии да имени государя»². В этом же духе М. М. Сперанский строил планы «по созданию вокруг русских территорий пояса провинций, при управлении которым следует учитывать местные особенности»³.

Окончание наполеоновских войн и эпоха Реставрации определили судьбу разделенной Польши. По постановлениям Венского конгресса и соглашениям, подписанным Австрией, Пруссией и Россией в 1815 г., в частности, предусматривалась передача большей части территории Герцогства (Княжества) Варшавского в вечное и наследственное

1 Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред. С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов. М., 1998. С. 383–384.

2 *Монтескье*. О духе законов или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т. д. К чему автор прибавил новые исследования о законах римских, касающихся наследования, о законах французских и о законах феодальных. СПб., 1900. С. 145.

3 *Ютиккала Э.* История Финляндии с древности до стабилизации самостоятельности в 1939 г. // Прибалтийско-финские народы: История и судьбы родственных народов / сост. Мауно Йокиппи. Ювяскюля, 1995. С. 53; *Новикова И. Н.* Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX в.) / отв. ред. П. И. Савельев. М., 1997. С. 130. См. также: *Кодан С. В., Февралёв С. А.* Местное право национальных регионов в правовой системе Российской империи. Вторая половина XVII — начало XX в. М., 2012. С. 23; *Каснэ С. И.* Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 119.

владение российскому императорскому дому. Образованное таким образом Царство Польское (в польской традиции именовавшееся Королевство Польское) должно было находиться «под особенным управлением» в составе Российской империи. Царству Польскому император предполагал «даровать, по своему благоусмотрению, внутреннее устройство», а «поляки, как российские подданные, так равномерно и австрийские, и прусские» должны были «иметь народных представителей и национальные государственные учреждения, согласные с тем образом политического существования, который [...] будет признан за полезнейший и приличнейший для них»⁴.

В отличие от Австрии и Пруссии, которые на присоединенных польских землях, вопреки собственным обещаниям, не ввели представительных учреждений и всячески ограничивали свободу передвижения, торговли и судоходства в границах Речи Посполитой 1772 г., Царству Польскому была дарована конституция, а в решении вопросов внутренней жизни — право на собственное, хотя и значительно ограниченное, законодательство и самоуправление⁵.

Споры между российскими и польскими правоведами и историками о государственно-правовом статусе Царства Польского сводятся к толкованию постановлений Венского конгресса и польской Конституции 1815 г., Органического статута 1832 г., законодательных актов наместников и Административного совета Царства Польского 1832–1862 гг. и ведутся, начиная с XIX столетия, на границе государственного и международного права⁶. Российские и польские праведы и историки определяют объединение под властью одного монарха двух и более государств как унию (личную и реальную). Польские исследователи, которые рассматривают союз Российского государства и Царства Польского как личную унию, полагают, что она являлась

4 *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1876. Т. 3. С. 237–238, 319–320, 336–337; Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Собрание 1 (ПСЗ-1). Т. 33. 1815–1816. № 25824. С. 64–70; № 25827. С. 78–87; № 25863. С. 146–147.

5 *Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М.* История государства и права Польши. М., 1980. С. 332; *Зеленева И. В.* Геополитика и геостратегия России (XVIII — первая половина XIX века). СПб., 2005. С. 192–193.

6 *Пергамент М. Я.* Юридическая природа реальной унии: Учение о соединении государств. М., 2016. С. 3; *Мартенс Ф. Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. СПб., 1887. Т. 1. С. 232–250.

продолжением заключенных первой Речью Посполитой уний с Литвой, Швецией, Саксонией, а также планов создания «тройственной унии» с Россией в XVII в.⁷ В российской историографии, помимо сторонников личной и реальной унии⁸, существует ряд исследователей, рассматривающих Российскую империю как единое государство, предоставлявшее «широкую местную автономию» некоторым присоединенным территориям, которые ранее были самостоятельными государствами с незначительным числом русского населения⁹.

Российскому правительству в условиях, когда были достигнуты пределы внешней экспансии в Европе и ограничены внутренние ресурсы для ее продолжения, необходимо было обеспечивать внешнюю безопасность и геополитическую устойчивость империи¹⁰. Во внешней политике потребовалось заключение международных договоров,

7 Глембоцкий Х. Почему не удался опыт польско-российского соглашения в виде Царства Польского в 1815–1830 гг. Геополитика польско-российского соглашения // Остафьевский сборник. М., 2017. Вып. 13. С. 155.

8 Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 555–564; Ивановский В. В. Русское государственное право. Казань, 1898. Т. 1. Ч. 2. С. 327; Пергамент М. Я. Юридическая природа реальной унии... С. 122–136; Ващенко А. В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи (1815–1830 гг.). Дисс. ... к. ю. н. М., 2000. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01000292944> (дата обращения: 01.08.2020); Ващенко А. В. Проблема юридического содержания понятия «реальная уния» на примере Царства Польского // Право и права человека: сборник научных трудов юридического факультета МГПУ / отв. ред. А. В. Звонарев. М., 2002. Кн. 5. С. 281–291; Андреева Н. Н., Ващенко А. В., Звонарев А. В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи. М., 2015. С. 41–42, 45–46.

9 Третьякова Е. С. Основные направления международно-правового сотрудничества Российской империи в XIX веке / под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуж. юриста РФ С. В. Кодана. М., 2016. С. 20. См. также: Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1893. Т. 1. С. 188–192; Канцлер А. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 1997. С. 89; Кутафин О. Е. Российская автономия. М., 2006. С. 44–45; Национальные окраины Российской империи. С. 361–362.

10 Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное право национальных регионов в правовой системе Российской империи. Вторая половина XVII — начало XX в. М., 2012. С. 21, 29–30; Андреева Н. Н., Ващенко А. В., Звонарев А. В. Правовой статус Царства Польского... С. 23–24.

определявших государственные границы, режимы приграничных территорий, правила пропуска людей, транспорта, грузов и товаров¹¹. Важнейшими элементами внутренней политики стали охрана статус-кво и сотрудничество с нерусскими элитами. Предоставление присоединенным в начале XIX в. территориям особого статуса позволяло удерживать новые владения и обеспечивать лояльное отношение к интересам империи проживавшего там населения¹².

Традиционно вхождение в состав Российской империи новых территорий носило «жалованный характер». Эта форма пожалования была применена и в 1815 г., когда майским манифестом царь объявлял «о присоединении к Империи Российской обширнейшей части Герцогства Варшавского, под наименованием Польского Царства» и об организации внутреннего управления «оного на особенных правилах, свойственных наречию, обычаям жителей, и к местному их положению примененных»¹³, а также в июне именным указом Сенату — об изменении титула российского императора¹⁴.

11 *Третьякова Е. С.* Основные направления... С. 15.

12 *Дамешек И. Л., Дамешек Л. М.* Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск, 2009. С. 60; *Зеленева И. В.* Геополитика и геостратегия России... С. 194–195; *Ващенко А. В.* Правовой статус Царства Польского... С. 86–87; *Чернуха В. Г.* Проблемы изучения империи и имперская функция паспорта // Исторические записки. 2003. № 6 (124). С. 134–135; *Четвертков А. М.* Правовое положение западных национальных районов Российской империи в первой четверти XIX в. Автореферат дисс. ... к. ю. н. М., 1987. С. 12, 16; *Стольников В. В.* Разработка и реализация политики Российской империи в отношении национальных окраин в XVI–XVIII вв. Дисс. ... к. и. н. М., 2005. С. 187–196; *Третьякова Е. С.* Основные направления... С. 20; *Рибер А.* Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе / под ред. А. И. Миллера. М., 2004. С. 36; *Глембоцкий Х.* Почему не удался опыт польско-российского соглашения... С. 159.

13 ПСЗ-1. Т. 33. № 25842. С. 117–119; Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881) / изд. Н. Г. Сергеевского. СПб., 1907. С. 14–15. См. также: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. М., 1972. Серия 1. 1801–1815 гг. Т. 8. Май 1814 г. — ноябрь 1815 г. / ред. коллегия: А. Л. Нарочницкий (отв. ред.) [и др.]. С. 344; *Макарова Г. В.* Россия и создание конституционного Королевства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 / отв. ред. С. М. Фалькович. М., 2010. С. 92.

14 ПСЗ-1. Т. 33. № 25875. С. 195.

Объединение Российской империи и Царства Польского скрепляла Конституция 1815 г. С социально-политической точки зрения, Конституционная хартия закрепляла сословное и политическое господство польской землевладельческой шляхты, на которую распространялись все конституционные привилегии, права и свободы. Конституция предоставляла весьма ограниченные права городскому сословию. Крестьянство, составлявшее подавляющее большинство населения, было практически лишено конституционных прав и, несмотря на формальную личную свободу, на деле оставалось в вотчинной власти помещиков.

Конституция 1815 г. была призвана продемонстрировать так называемую «отделенность» Царства Польского от Российской империи, что, в частности, находило выражение в клятве на верность конституции, которую должны были приносить российские цари, когда короновались польской короной. При этом особо оговаривалось, что коронация должна проходить в Варшаве. Империя и Царство были связаны одним монархом и общей правящей династией, что закреплялось в едином законодательстве о престолонаследии. Без участия царя (короля) Польши невозможно было изменить конституцию. Законодательная власть вверялась двухпалатному сейму, постановления которого получали силу закона после утверждения их императором, который на время своего отсутствия назначал наместника, обладавшего всей полнотой власти «за исключением права издавать органические статуты, отменять высочайшие рескрипты, созывать сеймы, сеймики и т. д.»¹⁵. Исполнительная власть передавалась Правительственным комиссиям (министерствам). Некоторые элементы национальной «обособленности» Царства были сохранены в государственной символике (на гербе польский белый орел располагался на фоне двуглавого орла российского)¹⁶, в употреблении польского языка в качестве государственного (французский язык сохранился в переписке императора с законодательными и исполнительными учреждениями Царства), в существовании отдельной от российской польской армии¹⁷. В Царстве Польском не было создано единых с империей

¹⁵ *Аскенази Ш.* Царство Польское 1815–1830 гг. М., 1915. С. 29–31; *Askenazy S.* Rosya–Polska 1815–1830. Lwów, 1907. S. 68–69.

¹⁶ *Аскенази Ш.* Царство Польское. С. 29–31; *Askenazy S.* Rosya–Polska. S. 68–69.

¹⁷ *Ващенко А. В.* Правовой статус Царства Польского... С. 74–75; *Аверин М. Б.* Великое княжество Финляндское и Царство Польское в

органов власти, а вопросы внешней политики и аппарат ведомства иностранных дел находились в ведении Петербурга. Трактаты, заключенные Российской империей, были обязательны для исполнения только тогда, когда в них упоминалось Царство Польское. Перепиской с представителями иностранных государств занималась созданная при Константине Павловиче дипломатическая канцелярия¹⁸.

Декларируя в манифестах сохранение местного права и привилегий Царства Польского, российская верховная власть на практике, устраняя несоответствие между общегосударственной правовой системой и местным законодательством, постоянно вносила изменения в правовую систему, а также административную и судебную практику Царства, что в конечном счете влекло за собой и определенную эволюцию и государственно-правового статуса Царства Польского, и сословного положения проживавшего на его территории населения¹⁹.

Подобное развитие событий предвидел один из выдающихся государственных деятелей Пруссии того времени — барон Штейн, который в письме к Александру I из Вены в октябре 1814 г. писал: «Конституция, которая объединила всю русскую Польшу в одно политическое целое, под именем Царства Польского, и превратит ее в государство, соединенное с Российской империей, разрушит единство ее внутреннего управления, затруднит его действия, будет поддерживать в русских поляках мечты о возрождении их независимости, а среди тех, которые достанутся остальным державам, — причины к брожению и стремления к отделению. Следовательно, такой порядок вещей будет содержать в себе элементы разъединения между Россией как абсолютной монархией и Польшей как конституционным

государственном механизме Российской империи (середина 60-х годов XIX века — 1881 год). М., 2003. С. 15–16; Четвертков А. М. Правовое положение западных национальных районов Российской империи... С. 21–22; Бахлов И. В. От империи к федерации: историко-политологический анализ трансформации имперских систем в федеративные. Саранск, 2004. С. 279–280, 326–238; Студницкий В. Польша в политическом отношении, от разделов до наших дней. СПб., 1907. С. 26; Skowronek J. Od Kongresu Wiedeńskiego do Nocy Listopadowej. Warszawa, 1987. S. 16.

18 Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. История государства... С. 331, 334–337; Выдрин Р. И. Национальный вопрос в русском общественном движении // Голос минувшего. 1915. № 1. С. 101; Третьякова Е. С. Основные направления... С. 15–17.

19 Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное право... С. 45, 47.

государством. Россия в таком исключительном положении Царства Польского найдет причины к зависти и всегда будет рада заменить унию инкорпорацией. Польша же будет беспокоиться о сохранении своих прав, и ее беспокойство примет мятежный характер, свойственный нации. Унию сменит система постепенного захвата, которая в конечном результате, после ряда новых потрясений, приведет либо к покорению, либо к отложению Царства Польского»²⁰.

Интеграция Царства в общеимперскую правовую и административную систему была одной из основных проблем как царского правительства в Петербурге, так и властей в Варшаве, однако необходимость учитывать административно-политические и финансовые трудности, а также возможность дестабилизации обстановки приводили к отказу от создания в первой трети XIX в. единого имперского законодательства²¹, которое бы среди прочего распространялось и на Царство Польское. Использование централизации и децентрализации в правовом регулировании, наряду с определенной управленческой и правовой самостоятельностью вошедших в состав империи земель, приводило к тому, что сначала окраины получали собственное законодательство, а затем и «особое управление»²². Наряду с системой централизованного бюрократического управления абсолютистского государства в начале XIX столетия создавались относительно децентрализованные политико-административные структуры, предполагавшие наличие местного самоуправления²³.

Однако постепенно российский император отступает от взятых ранее обязательств, что нашло выражение в особом статусе в. кн. Константина как главнокомандующего польской армией и военных властей, в установлении должности министра — государственного секретаря, в назначении Н. Н. Новосильцева комиссаром при Административном совете, в ликвидации должности наместника после

20 *Аскенази Ш.* Царство Польское. С. 19–20.

21 *Кодан С. В., Февралёв С. А.* Местное право... С. 31–32.

22 *Чернуха В. Г.* Проблемы изучения империи... С. 136–137; *Раскин Д. И.* Система институтов Российской имперской государственности кон. XVIII — нач. XX в.: Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2006. С. 7.

23 *Дамешек И. Л., Дамешек Л. М.* Сибирь в системе имперского регионализма... С. 53–54; *Ивановский В. В.* Административное устройство наших окраин. Казань, 1891. С. 7–8; *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX века). СПб., 1998. С. 15.

смерти в 1826 г. Ю. Зайончека, во введении цензуры, в изменениях порядка созыва и работы сейма. Все эти мероприятия, в той или иной степени, были направлены на ревизию конституции и ограничение конституционных свобод²⁴.

Польское Ноябрьское восстание 1830 г. вспыхнуло во многом под влиянием революционного кризиса в Европе и революций в Бельгии и во Франции. Поднявшие знамя национального освобождения вдохновленные событиями на западе Европы молодые офицеры-заговорщики получили массовую поддержку со стороны варшавских низов. Аристократические верхи польского общества и генералитет польской армии в большинстве своем присоединились к восстанию в расчете на компромисс с царским правительством. Однако Николай I взял курс на военное подавление восстания при условии безоговорочной капитуляции повстанцев. Добившись военной победы, царь в дальнейшем рассматривал Царство Польское как завоеванную провинцию и не считал себя связанным постановлениями Венского конгресса 1815 г. В то же время, основываясь на принципах Священного союза (легитимизма, статуса кво и интервенции), он не отказался от формального соблюдения венских соглашений 1815 г. Основываясь на своем праве «даровать» фундаментальные законы Царству, он отменил Конституцию 1815 г., что способствовало пересмотру законодательства Царства Польского, унификации и постепенному поглощению местных правовых систем общегосударственными²⁵. Формальной политической самостоятельности («отделенности») Царства Польского был нанесен сильнейший удар, однако в условиях чрезвычайного положения в период наместничества И. Ф. Паскевича, благодаря авторитарной практике князя Варшавского и его особым отношениям с царем, администрация Царства сохранила в значительной степени в своей практической деятельности фактическую независимость от петербургских властей. Тем

24 *Выдрин Р. И.* Национальный вопрос в русском общественном движении. С. 101, 104; *Писаревский Г. Г.* Из истории конгрессового Царства Польского (1815–1830) при Александре I. По неизданным архивным документам. Смоленск, 1926. С. 21; *Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи / под ред. В. В. Черкесова.* СПб., 2003. Т. 1. С. 299–300; *Дамешек И. Л., Дамешек Л. М.* Сибирь в системе имперского регионализма... С. 33; *Западные окраины Российской империи / науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М., 2007.* С. 83–84.

25 *Кодан С. В., Февралёв С. А.* Местное право... С. 45–46; *Чернуха В. Г.* Паспорт в России. 1719–1917 гг. СПб., 2007. С. 219–220.

не менее по своему государственно-правовому статусу и в области законодательства Царство Польское после 1831 г. утратило по сути дела все прежние фундаментальные конституционные учреждения, в первую очередь институты народного представительства. Конституция 1815 г. была заменена Органическим статутом 1832 г., что с формальной юридической точки зрения и не противоречило конституционным нормам, основанным на постановлениях Венского конгресса и самой Конституции 1815 г., но означало, однако, ее полную отмену.

Органический статут, изданный в феврале 1832 г., но не введенный в действие вследствие военного положения, отменил представительные учреждения, поставив во главе Царства наместника и Административный совет, и значительно ограничил компетенции трех оставшихся комиссий, утративших статус министерств и названных дирекциями²⁶. В 1841 г. был упразднен Государственный совет Царства Польского, осуществлявший контрольные функции в отношении структур исполнительной власти и бывший одной из высших судебных инстанций. Наличие Государственного совета, роль которого в конституционной системе Царства Польского была относительно невелика, политические верхи польского общества рассматривали как важный атрибут государственной власти, а его ликвидация стала своего рода актом понижения государственно-правового статуса Царства Польского. Создание тогда же в Петербурге Комитета по делам Царства Польского при Государственном совете империи только подчеркивало это обстоятельство. Происходили и другие изменения. На гербе Царства польский орел, так же как и другие гербы, переместился на крылья российского орла, собственная армия была ликвидирована, а вместо существовавших воеводств в 1845 г. территория была разделена на пять губерний.

Период приоритета и изолированности управления и системы права Царства Польского от общероссийской правовой системы, продолжавшийся с 1815 по 1832 г., после восстания 1830–1831 гг. постепенно трансформировался в процесс интеграции польского законодательства в российское, который после восстания 1863–1864 гг. только усилился²⁷.

²⁶ Выдрин Р. И. Национальный вопрос в русском общественном движении. С. 119–120; Аскенаси Ш. Царство Польское 1815–1830 гг. С. 33; Radziszewski H. Skarb i organizacya władz skarbowych w Królestwie Polskiem. Warszawa, 1908. Т. 2 (1831–1867). S. 55.

²⁷ Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное право... С. 11, 26, 163–165.

В период политического кризиса в России 1859–1861 гг. и в начале эпохи великих реформ Александр II, рассчитывая на компромисс с польскими дворянами-землевладельцами, а также с аристократическими и бюрократическими верхами Царства Польского, с одной стороны, призывал их «оставить бесплодные мечтания», а с другой — в контексте реформаторского процесса на рубеже 1850–1860-х гг. выразил согласие восстановить относительную административную самостоятельность Царства. Возобновилась работа Государственного совета, на чем настаивали польская аристократия и бюрократические верхи, выступавшие за сотрудничество с царскими властями. Это стало одним из важных положений реформаторской программы А. Велепольского²⁸. Были созданы выборные губернские и уездные советы. Особый статус Царства должно было подчеркнуть назначение наместником брата императора в. кн. Константина Николаевича. Однако большинство польского дворянства, представленного Земледельческим обществом, отвергло правительственный проект крестьянской реформы в Царстве Польском, в основе которого лежал принцип государственного посредничества между помещиками и крестьянами в разрешении крестьянского вопроса. Более того, польские помещики заявили претензию на передачу себе всей полноты государственной власти, что в совокупности стало одной из решающих причин Январского восстания 1863 г.²⁹

Таким образом, с 1815 г. до середины 1860-х гг. наряду с сохранявшимся особым государственно-правовым и административным статусом Царства Польского во всех областях центрального и местного управления наблюдалась постепенная и устойчивая тенденция интеграции его в общеимперскую систему.

Сохранять государственное единство, соблюдая баланс интересов, в условиях, когда в состав Российской империи вошли территории, населенные народами, имевшими богатый исторический опыт собственной государственности, не всегда удавалось³⁰. Поиск оптимальной модели управления окраинами происходил в течение всего XIX в. При этом учитывались политические, экономические, нацио-

28 Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. / отв. ред. С. М. Фалькович. М., 2016. С. 691–720.

29 Ивановский В. В. Русское государственное право. Т. 1. Ч. 2. С. 327–328.

30 Ващенко А. В. Правовой статус... С. 151; Дамешек И. Л., Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма... С. 65.

нальные особенности регионов³¹. Царство Польское вошло в состав Российского государства в период административных преобразований и создания в 1826–1832 гг. Свода законов Российской империи. В ряде новейших исследований отмечается, что в это время наряду с законами, действующими «во всем пространстве империи», разрабатывались общие принципы для законов местных, действие которых ограничивалось отдельными областями³².

Согласно оценке современных российских исследователей, развитие политических отношений Российской империи с политической элитой и населением Царства до 1830 г. представляло процесс объединения собственно польского законодательства и политических традиций с правовыми и политическими системами государств, под управлением которых находились земли Речи Посполитой после разделов и до начала XIX в. Отмена конституционного устройства Царства Польского после восстания 1830–1831 гг. и его трансформация после восстания 1863–1864 гг., когда территория с особым статусом стала Привислинским краем, привели в конечном итоге к интеграции политической и правовой систем Царства в общеимперскую³³ и к превращению «польской части империи из государственной автономии в административно-территориальную единицу»³⁴.

Статус вошедшего в состав Российской империи Царства Польского был закреплен международными договорами, положения которых не могли ограничить «властные, управленческие и законодательные функции российского монарха». В любой момент российский император мог или расширить, или «отказаться от взятых на себя обязательств»³⁵. Подобная позиция соответствовала «аристократическому характеру»

31 Ремнев А. В., Савельев П. И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России (вместо введения) // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века) / отв. ред. П. И. Савельев. М., 1997. С. 17.

32 Обзорение исторических сведений о Своде законов. Составлено из актов, хранящихся во II Отделении Собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1837. С. 111–112; Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное право... С. 38, 49.

33 Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное право... С. 43, 182–183, 193–194.

34 Кодан С. В. Статус Царства Польского в составе Российской империи в 1830–1850-е гг. // Актуальные проблемы правовой науки: Межвузовский сборник научных трудов / сост. и отв. ред. С. О. Шаляпин. Вып. 3. Архангельск, 2003. С. 17.

35 Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное право... С. 45.

международных отношений, в соответствии с которыми европейские государи создавали зависимые территориально-государственные образования, таким образом решая не только судьбы народов, но и целых государств³⁶. Государственное управление и государственное устройство Царства определялись законодательством Российской империи и Конституционной хартией 1815 г. Государственная власть в Царстве Польском представляла собой соединение неограниченного самодержавия, когда окончательное решение оставалось за верховной властью, «с конституционным порядком в национальном регионе империи»³⁷. Причины, которые привели к уничтожению конституционных порядков, кроются в несовпадении государственных интересов империи как целого и его мятежной окраины, в религиозных, культурных, социальных, национальных факторах, территориальном вопросе³⁸. Равновесие «между центральными и территориальными административными и правовыми учреждениями»³⁹, а также между «самодержавием в российском центре» и «политической свободой на нерусской периферии»⁴⁰ было неустойчивым. Если в первой трети XIX в. в национальной политике преобладали тенденции толерантности и прагматизма, что с точки зрения имперских властей диктовалось потребностью решения геополитических задач и необходимостью обеспечения внешней и внутренней безопасности, а также поддержания стабильности социальных процессов в условиях изменения системы государственной власти при императиве консервации системы государственного управления, то в период после Ноябрьского восстания 1830 г. стала все больше набирать силу тенденция интеграции статуса, правовой системы и администрации Царства в общеимперскую государственно-политическую систему.

36 Ващенко А. В. Проблема юридического содержания понятия «реальная уния»... С. 289–290.

37 Красняков Н. И. Имперский фактор в государственном управлении России XVIII — начала XX в. М., 2011. С. 228, 247. См. также: Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное право... С. 35.

38 Ващенко А. В. Правовой статус... С. 156–162; Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М., 1999. С. 7; Писаревский Г. Г. Из истории конгрессового Царства Польского... С. 31–32; Рибер А. Изучая империи // Исторические записки. 2003. Т. 6 (124). С. 86–91; Кантелер А. Россия — многонациональная империя. С. 158–159.

39 Рибер А. Сравнивая континентальные империи. С. 37.

40 Ливен Д. Империя на периферии Европы: сравнение России и Запада // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 83.

В 1830–1850-е гг. «изменение в национальной политике [...] нашло отражение в расширении использования общеимперского законодательства на тех территориях, где действовало местное законодательство». Интенсивность этого процесса зависела от того, насколько лояльны к российской власти были элиты окраин. Неприятие проводимой региональной политики пресекалось, в том числе и с применением военной силы⁴¹.

Созданная в Царстве Польском система взаимодействия центра и периферии существовала до тех пор, пока имперский центр не стал навязывать в качестве универсальной собственную модель развития и систему ценностей. Равновесие было нарушено восстанием 1830–1831 гг., подавление которого стало началом процесса трансформации окраины с особым статусом в провинцию⁴². Однако при формировании региональной политики во второй половине XIX в. российское правительство должно было учитывать и существовавшую автономию и конфессиональные особенности Царства Польского, а также незначительное присутствие в этом регионе русского населения (чиновники, воинские гарнизоны, поселенцы)⁴³. Разрешение противоречия самодержавного и конституционного принципа в непрочном союзе России и Царства Польского заключалось в конечном итоге в выборе одной из альтернатив: интеграции Царства в состав Российской империи либо борьбы польского общества с самодержавием до его свержения.

Источники и литература

Аверин М. Б. Великое княжество Финляндское и Царство Польское в государственном механизме Российской империи (середина 60-х годов XIX века — 1881 год). М.: ИГ Юрист, 2003. 163 с.

Андреянова Н. Н., Ващенко А. В., Звонарев А. В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи. М.: Зерцало-М, 2015. 128 с.

Аскенази Ш. Царство Польское 1815–1830 гг. М.: Книгоиздательство писателей в Москве, 1915. 168 с.

41 *Кодан С. В.* Статус Царства Польского... С. 29.

42 *Дамешек И. Л., Дамешек Л. М.* Сибирь в системе имперского регионализма... С. 65.

43 *Кодан С. В.* Статус Царства Польского... С. 20; *Кантелер А.* Россия — многонациональная империя. С. 89.

Бардах Ю., Леснодорский Б., Пиетрчак М. История государства и права Польши. М.: Юридическая литература, 1980. 559 с.

Бахлов И. В. От империи к федерации: историко-политологический анализ трансформации имперских систем в федеративные. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2004. 652 с.

Ващенко А. В. Проблема юридического содержания понятия «реальная уния» на примере Царства Польского // Право и права человека: сборник научных трудов юридического факультета МГПУ. М.: Логос, 2002. Кн. 5 / отв. ред. А. В. Звонарев. С. 281–291.

Ващенко А. В. Правовой статус Царства Польского в составе Российской империи (1815–1830 гг.). Дисс. ... к. ю. н. М., 2000. 182 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01000292944> (дата обращения 01.08.2020).

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. М.: Издательство политической литературы, 1972. Серия 1. 1801–1815 гг. Т. 8. Май 1814 г. — ноябрь 1815 г. / ред. колл.: А. Л. Нарочницкий (отв. ред.) [и др.]. 800 с.

Выдрин Р. И. Национальный вопрос в русском общественном движении // Голос минувшего. 1915. (Год издания III). Январь. № 1. С. 100–123.

Глембоцкий Х. Почему не удался опыт польско-русского соглашения в виде Царства Польского в 1815–1830 гг. Геополитика польско-русского соглашения // Остафьевский сборник. М., 2017. Вып. 13. С. 154–173.

Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М.: Индрик, 1999. 272 с.

Дамешек И. Л., Дамешек Л. М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск: [б. и.], 2009. 389 с.

Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX в.). СПб.: ЛИСС, 1998. 1000 с.

Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Издание юридического книжного магазина Н. К. Мартынова, 1908. 599 с.

Западные окраины Российской империи / науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 608 с.

Зеленева И. В. Геополитика и геостратегия России (XVIII — первая половина XIX века). СПб.: Издательство СПбГУ, 2005. 270 с.

Ивановский В. В. Административное устройство наших окраин. Казань: Типография императорского университета, 1891. 47 с.

Ивановский В. В. Русское государственное право. Казань: Типография императорского университета, 1898. Т. 1. Ч. 2. 672 с.

Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи / под ред. В. В. Черкесова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. Т. 1. 577 с.

Канпелер А. Россия — многонациональная империя: возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 344 с.

Каспэ С. И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 256 с.

Кодан С. В. Статус Царства Польского в составе Российской империи в 1830–1850-е гг. // Актуальные проблемы правовой науки: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3 / сост. и отв. ред. С. О. Шаляпин. Архангельск: Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2003. С. 15–30.

Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное право национальных регионов в правовой системе Российской империи. Вторая половина XVII — начало XX вв. М.: Nota Bene, 2012. 196 с.

Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814–1881) / изд. Н. Г. Сергеевского. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1907. 148 с.

Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1909. Т. 1. Введение и общая часть. 623 с.

Красняков Н. И. Имперский фактор в государственном управлении России XVIII — начала XX в.: Монография. М.: NOTA BENE, 2011. 374 с.

Кутафин О. Е. Российская автономия. М.: Проспект, 2006. 768 с.

Ливен Д. Империя на периферии Европы: сравнение России и Запада // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / под ред. А. И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 71–93.

Макарова Г. В. Россия и создание конституционного Королевства Польского // Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2010. С. 11–108.

Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб.: Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1876. Т. 3. 550 с.

Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. СПб.: Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1887. Т. 1. 424 с.

Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в. / отв. ред. С. М. Фалькович. М.: Индрик, 2016. 775 с.

Монтескье. О духе законов или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т. д. К чему автор прибавил новые исследования о за-

конах римских, касающихся наследования, о законах французских и о законах феодальных / пер. с франц. под редакцией А. Г. Горнфельда, вступ. ст. М. М. Ковалевского. СПб.: Издание Л. Ф. Пантелеева, 1900. 706 с.

Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / отв. ред.: С. Г. Агаджанов, В. В. Трепавлов. М.: Славянский диалог, 1997. 416 с.

Новикова И. Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века) / отв. ред. П. И. Савельев. М.: ЗАО «Первый печатный Двор», 1997. С. 130–148.

Обозрение исторических сведений о Своде законов. Составлено из актов, хранящихся во II Отделении Собственной его императорского величества канцелярии. СПб.: В типографии II Отделения Собственной е. и. в. канцелярии, 1837. 202 с.

Пергамент М. Я. Юридическая природа реальной унии: Учение о соединении государств. М.: Ленанд, 2016. 152 с. (Из наследия мировой политологии. № 64).

Писаревский Г. Г. Из истории конгрессового Царства Польского (1815–1830) при Александре I: По неизданным архивным документам. Смоленск: [б. и.], 1926. 48 с.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Санкт-Петербург: Печатано в типографии II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Собрание I. Т. 33. 1815–1816. 1180 с.

Раскин Д. И. Система институтов Российской имперской государственности кон. XVIII — нач. XX в. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб.: Нестор, 2006. 54 с.

Ремнев А. В., Савельев П. И. Актуальные проблемы изучения региональных процессов в имперской России (вместо введения) // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века) / отв. ред. П. И. Савельев. М.: ЗАО «Первый печатный Двор», 1997. С. 5–18.

Рибер А. Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе / под ред. А. И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. С. 33–70.

Рибер А. Изучая империи // Исторические записки. М.: Наука, 2003. Вып. 6 (124). С. 86–131.

Стольников В. В. Разработка и реализация политики Российской империи в отношении национальных окраин в XVI–XVIII вв. Дисс. ... к. и. н. М., 2005. 205 с.

Студницкий В. Польша в политическом отношении, от разделов до наших дней. СПб.: [Б. и.], 1907. 198 с.

Третьякова Е. С. Основные направления международно-правового сотрудничества Российской империи в XIX веке: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуж. юриста РФ С. В. Кодана. М.: Юрлитинформ, 2016. 168 с.

Чернуха В. Г. Паспорт в России. 1719–1917 гг. СПб.: Лики России, 2007. 293 с.

Чернуха В. Г. Проблемы изучения империи и имперская функция паспорта // Исторические записки. М., 2003. Вып. 6 (124). С. 132–142.

Четвертков А. М. Правовое положение западных национальных районов Российской империи в первой четверти XIX в.: Автореферат дисс. ... к. ю. н. М.: [Б. и.], 1987. 23 с.

Ютиккала Э. История Финляндии с древности до стабилизации самостоятельности в 1939 г. // Прибалтийско-финские народы: История и судьбы родственных народов / сост. Мауно Йокиппи. Ювяскюля: Антена, 1995. С. 39–95.

Askenazy S. Rosya–Polska 1815–1830. Lwów: Altenberg, 1907. 206 s.

Radziszewski H. Skarb i organizacya władz skarbowych w Królestwie Polskiem. T. 2 (1831–1867). Warszawa: Skład główny w księgarni E. Wende i S-ki (T. Hiż i A. Turkuł), 1908. 357 s.

Skowronek J. Od Kongresu Wiedeńskiego do Nocy Listopadowej. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza RSW «Prasa — Książka — Ruch», 1987. 80 s.

References

Andreyanova, N. N., Vashchenko, A. V., Zvonarev, A. V. *Pravovoy status Tsarstva Pol'skogo v sostave Rossiyskoy imperii*. Moscow: Zertsalo-M, 2015, 128 p.

Askenazi, Sh. *Tsarstvo Pol'skoe 1815–1830 gg.* Moscow: Knigoizdatel'stvo pisateley v Moskve, 1915, 168 p.

Askenazy, S. *Rosya–Polska 1815–1830*. Lwów: Altenberg, 1907, 206 s.

Averin, M. B. *Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe i Tsarstvo Pol'skoe v gosudarstvennom mekhanizme Rossiyskoy imperii (seredina 60-kh godov XIX veka — 1881 god)*. Moscow: IG Yurist, 2003, 163 p.

Bakhlov, I. V. *Ot imperii k federatsii: istoriko-politologicheskii analiz transformatsii imperskikh sistem v federativnye*. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 2004, 652 p.

Bardakh, Yu., Lesnodorskiy, B., Pietrchak, M. *Istoriya gosudarstva i prava Pol'shi*. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1980, 559 p.

Chernukha, V. G. “Problemy izucheniya imperii i imperskaya funktsiya pasporta”. *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 2003, vyp. 6 (124), p. 132–142.

Chernukha, V. G. *Pasport v Rossii. 1719–1917 gg.* Saint Petersburg: Liki Rossii, 2007, 293 p.

Chetvertkov, A. M. *Pravovoe polozhenie zapadnykh natsional'nykh rayonov Rossiyskoy imperii v pervoy chetverti XIX v. Avtoreferat dissertatsii ... k. yu. n.* Moscow: [b. i.], 1987, 23 p.

Dameshek, I. L., Dameshek, L. M. *Sibir' v sisteme imperskogo regionalizma (1822–1917 gg.)*. Irkutsk: [b. i.], 2009, 389 p.

Dyakin, V. S. *Natsional'nyy vopros vo vnutrenney politike tsarizma (XIX — nachalo XX vv.)*. Saint Petersburg: LISS, 1998, 1000 p.

Glembotskiy, Kh. “Pochemu ne udalsya opyt pol'sko-rossiyskogo soglasheniya v vide Tsarstva Pol'skogo v 1815–1830 gg. Geopolitika pol'sko-rossiyskogo soglasheniya”. *Ostaf'evskiy sbornik*. Moscow, 2017, vyp. 13, p. 154–173.

Gorizontov, L. Ye. *Paradoksy imperskoy politiki: Polyaki v Rossii i russkie v Pol'she (XIX — nachalo XX v.)*. Moscow: Indrik, 1999, 272 p.

Institut general-gubernatorstva i namestnichestva v Rossiyskoy imperii, ed. V. V. Cherkesov. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2003, vol. 1, 577 p.

Ivanovskiy, V. V. *Administrativnoe ustroystvo nashikh okrain*. Kazan': Tipografiya imperatorskogo universiteta, 1891, 47 p.

Ivanovskiy, V. V. *Russkoye gosudarstvennoe pravo*. Kazan': Tipolitografiya imperatorskogo universiteta, 1898, vol. 1, part 2, 672 p.

Kappeler, A. *Rossiya — mnogonatsional'naya imperiya: vozniknovenie, istoriya, raspad*. Moscow: Progress-Traditsiya, 1997, 344 p.

Kaspe, S. I. *Imperiya i modernizatsiya: Obshchaya model' i rossiyskaya spetsifika*. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2001, 256 p.

Kodan, S. V. “Status Tsarstva Pol'skogo v sostave Rossiyskoy imperii v 1830–1850-e gg.”. *Aktual'nye problemy pravovoy nauki: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*, vyp. 3, ed. S. O. Shalyapin. Arkhangel'sk: Pomorskiy gosudarstvennyy universitet imeni M. V. Lomonosova, 2003, p. 15–30.

Kodan, S. V., Fevralyov, S. A. *Mestnoe pravo natsional'nykh regionov v pravovoy sisteme Rossiyskoy imperii. Vtoraya polovina XVII — nachalo XX v.* Moscow: Nota Bene, 2012, 196 p.

Konstitutsionnaya khartiya 1815 goda i nekotorye drugie akty byvshego Tsarstva Pol'skogo (1814–1881), izd. N. G. Sergeevskogo. Saint Petersburg: Tipografiya A. S. Suvorina, 1907, 148 p.

Korkunov, N. M. *Russkoe gosudarstvennoe pravo*. Saint Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha, 1909, vol. 1: Vvedenie i obshchaya chast', 623 p.

Krasnyakov, N. I. *Imperskiy faktor v gosudarstvennom upravlenii Rossii XVIII — nachala XX vv.* Moscow: Nota Bene, 2011, 374 p.

Kutafin, O. E. *Rossiyskaya avtonomiya*. Moscow: Prospekt, 2006, 768 p.

Liven, D. "Imperiya na periferii Yevropy: sravnenie Rossii i Zapada". *Rossiyskaya imperiya v sravnitel'noy perspektive*, ed. A. I. Miller. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2004, p. 71–93.

Makarova, G. V. "Rossiya i sozdanie konstitutsionnogo Korolevstva Pol'skogo". *Pol'sha i Rossiya v pervoy treti XIX veka. Iz istorii avtonomnogo Korolevstva Pol'skogo. 1815–1830*, ed. S. M. Falkovich. Moscow: Indrik, 2010, p. 11–108.

Martens, F. F. *Sobranie traktatov i konventsiy, zaklyuchennykh Rossiey s inostrannymi derzhavami*. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva putey soobshcheniya (A. Benke), 1876, vol. 3, 550 p.

Martens, F. F. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh narodov*. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva putey soobshcheniya (A. Benke), 1887, vol. 1, 424 p.

Mezh dvukh vosstaniy. Korolevstvo Pol'skoe i Rossiya v 30–50-e gody XIX v., ed. S. M. Falkovich. Moscow: Indrik, 2016, 775 p.

Montesk'e. *O dukhe zakonov ili ob odnosheniyakh, v kotorykh zakony dolzhny nakhodit'sya k ustroystvu kazhdogo pravleniya, k nravam, klimatu, religii, torgovle i t. d. K chemu avtor pribavil novye issledovaniya o zakonakh rimskikh, kasayushchikhsya nasledovaniya, o zakonakh frantsuzskikh i o zakonakh feodal'nykh*. Perevod s frantsuzskogo pod redaktsiey A. G. Gornfel'da, so vstupitel'noy stat'ey M. M. Kovalevskogo. Saint Petersburg: Izdanie L. F. Panteleeva, 1900, 706 p.

Natsional'nye okrainy Rossiyskoy imperii: stanovlenie i razvitie sistemy upravleniya. Eds. S. G. Agadzhanov, V. V. Trepavlov. Moscow: Slavyanskiy dialog, 1997, 416 p.

Novikova, I. N. "Velikoe knyazhestvo Finlyandskoe v imperskoy politike Rossii". *Imperskiy stroy Rossii v regional'nom izmerenii (XIX — nachalo XX veka)*. Ed. P. I. Savel'ev. Moscow: ZAO "Pervyy pechatnyy Dvor", 1997, p. 130–148.

Obozrenie istoricheskikh svedeniy o Svode zakonov. Sostavleno iz aktov, khranyashchikhsya vo II Otdelenii Sobstvennoego imperatorskogo velichestva kantselyarii. Saint Petersburg: V tipografii II Otdeleniya Sobstvennoye. i. v. kantselyarii, 1837, 202 p.

Pergament, M. Ya. *Yuridicheskaya priroda real'noy unii: Ucheniye o soyedinenii gosudarstv*. Moscow: Lenand, 2016, 152 p. (Iz naslediya mirovoy politologii. № 64).

Pisarevskiy, G. G. *Iz istorii kongressovogo Tsarstva Pol'skogo (1815–1830) pri Aleksandre I: Po neizdannym arkhivnym dokumentam*. Smolensk: [b.i.], 1926, 48 p.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii s 1649 goda. Saint Petersburg: Pechatano v tipografii II Otdeleniya Sobstvennoy ego imperatorskogo velichestva kantselyarii, 1830, sobranie 1, vol. 33, 1180 p.

Radziszewski, H. *Skarb i organizacya wladz skarbowych w Królestwie Polskiem*, t. 2 (1831–1867), Warszawa: Skład główny w księgarni E.Wende i S-ki (T. Hiż i A. Turkuł), 1908, 357 s.

Raskin, D. I. *Sistema institutov Rossiyskoy imperskoy gosudarstvennosti kon. XVIII — nach. XX v. Dissertatsiya v vide nauchnogo doklada na soiskanie uchenoy stepeni doktora istoricheskikh nauk*. Saint Petersburg: Nestor, 2006, 54 p.

Remnev, A. V., Savel'ev, P. I. "Aktual'nye problemy izucheniya regional'nykh protsessov v imperskoy Rossii (vmesto vvedeniya)". *Imperskiy stroy Rossii v regional'nom izmerenii (XIX — nachalo XX veka)*, ed. P. I. Savel'ev. Moscow: ZAO "Pervyy pechatnyy Dvor", 1997, p. 5–18.

Riber, A. "Izuchaya imperii". *Istoricheskie zapiski*. Moscow: Nauka, 2003, vyp. 6 (124), p. 86–131.

Riber, A. "Srvnnyaya kontinental'nye imperii". *Rossiyskaya imperiya v sravnitel'noy perspective*, ed. A. I. Miller. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2004, p. 33–70.

Skowronek, J. *Od Kongresu Wiedeńskiego do Nocy Listopadowej*. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza RSW "Prasa — Książka — Ruch", 1987, 80 s.

Stol'nikov, V. V. *Razrabotka i realizatsiya politiki Rossiyskoy imperii v otnoshenii natsional'nykh okrain v XVI–XVIII vv. Dissertatsiya... k. i. n.* Moscow, 2005, 205 p.

Studnitskiy, V. *Pol'sha v politicheskom otnoshenii, ot razdelov do nashikh dney*. Saint Petersburg: [b. i.], 1907, 198 p.

Tret'yakova, Ye. S. *Osnovnye napravleniya mezhdunarodno-pravovogo sotrudnichestva Rossiyskoy imperii v XIX veke*, ed. S. V. Kodan. Moscow: Yurlitinform, 2016, 168 p.

Vashchenko, A. V. "Problema yuridicheskogo soderzhaniya ponyatiya «real'naya uniya» na primere Tsarstva Pol'skogo". *Pravo i prava cheloveka: sbornik nauchnykh trudov yuridicheskogo fakul'teta MGPU*, book 5, ed. A. V. Zvonarev. Moscow: Logos, 2002, p. 281–291.

Vashchenko, A. V. *Pravovoy status Tsarstva Pol'skogo v sostave Rossiyskoy imperii (1815–1830 gg.)*. Dissertatsiya... k. yu. n. Moscow, 2000, 182 p. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01000292944> (accessed: 01.08.2020).

Vneshnyaya politika Rossii XIX i nachala XX veka. Dokumenty Rossiyskogo ministerstva inostrannykh del. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1972, seriya 1, 1801–1815 gg., vol. 8, may 1814 g. — noyabr' 1815 g., ed. A. L. Narochnitskiy, 800 p.

Vydrin, R. I. "Natsional'nyy vopros v russkom obshchestvennom dvizhenii". *Goals minuvshogo*, 1915 (vol. III), yanvar', no 1, p. 100–123.

Yellinek, G. *Obshchee ucheniye o gosudarstve*. Saint Petersburg: Izdanie yuridicheskogo knizhnogo magazina N. K. Martynova, 1908, 599 p.

Yutikkala, E. "Istoriya Finlyandii s drevnosti do stabilizatsii samostoyatel'nosti v 1939 g." *Pribaltiysko-finskie narody: Istoriya i sud'by rodstvennykh narodov*, ed. Mauno Yokipii. Yuvyaskyulya: Antena, 1995, p. 39–95.

Zapadnye okrainy Rossiyskoy imperii, eds. M. Dolbilov, A. Miller. Moscow: Novoye literaturnoe obozreniye, 2007, 608 p.

Zeleneva, I. V. *Geopolitika i geostrategiya Rossii (XVIII — pervaya polovina XIX veka)*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, 2005, 270 p.

*Boris V. Nosov, Lyudmila P. Marney,
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences*

The regional policy of the Russian Empire in the first half of the 19th century:
The Kingdom of Poland (1815–1830)

The article is devoted to the problems of the regional policy of the Russian Empire at the beginning of the 19th century discussed in the latest Russian historiography, to the peculiarities of the state-legal status and administrative practice of the Kingdom of Poland. It was the time when basic principles and a special structure of management at the outlying regions of the empire were developed, and when special (historical, national, and cultural) regions were formed on the periphery of the Empire. The policy of the Russian government in relation to the Kingdom of Poland depended both on the fundamental trends in the international relations in Central and Eastern Europe (as reflected in international treaties), as well as on the internal political development of the empire, and the peculiarities of political, legal, social, economic, cultural processes in the Kingdom and on Polish lands in Austria and Prussia. All these aspects have an impact on the debate that historians and legal experts are conducting on the state and legal status of parts of the lands of the former Principality of Warsaw that were included in the Russian Empire in 1815 by the decision of the Congress of Vienna. The fundamental political principles of the Russian Empire in the Kingdom of Poland in the first half of the 19th century were a combination of autocracy (with individual elements of enlightened absolutism), based on centralized bureaucratic control, and relatively decentralized political, administrative and estate structures, which assumed the presence of local self-government.

Keywords: the Russian Empire in the first half of the 19th century, the constitutional period in the history of the Kingdom of Poland, personal and real union, national politics, national relations, the administrative structure of outlying national regions, autonomous government, integration into the general imperial administrative and legal system.

УДК 94(476) “1921/1939”
ББК 63.3(0)61

А. С. Горный
Гродненский государственный университет
им. Янки Купалы
(Гродно, Республика Беларусь)

Белорусские национально-демократические и полонофильские организации в межвоенной Польше

Автор статьи выделяет три течения белорусского национального движения на западнобелорусских землях в Польше в межвоенный период: леворадикальное, национально-демократическое и полонофильское. Если деятельность белорусских левых радикалов в Западной Беларуси была достаточно подробно освещена в рамках советской историографии, то в изучении деятельности белорусских национально-демократических и полонофильских политических структур до сих пор существует большое количество лакун. Белорусские национально-демократические организации в межвоенной Польше (Белорусская христианская демократия, Белорусский крестьянский союз, группа В. Годлевского «Белорусский фронт», Православное белорусское демократическое объединение и др.) использовали в своей деятельности легальные формы борьбы за национальные права белорусов, добивались объединения белорусских земель и создания независимого белорусского государства по примеру европейских республик. Представители полонофильского течения в белорусском движении (Краевой союз, Временная белорусская рада, Белорусская радикальная народная партия, группа Луцкевича-Островского и др.) придерживались идеи сотрудничества с институтами польской власти для достижения национально-культурных уступок для белорусского народа. В отличие от национально-демократического течения, белорусские полонофилы не пользовались широкой поддержкой у населения и существовали фактически только благодаря финансовой поддержке польских властей.

Ключевые слова: *белорусское национальное движение, межвоенная Польша, Западная Беларусь, национальный вопрос, христианская демократия, полонофильство.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.1.06

Заключение Рижского мирного договора в 1921 г. стало началом нового этапа в новейшей истории Беларуси, когда западная часть белорусских земель оказалась в составе польского государства. Политическая деятельность белорусского населения на этих территориях происходила в рамках раздела белорусского национального движения на три конкурирующих течения: леворадикальное, национально-демократическое и полонофильское. Представители белорусских левых радикалов, стремившиеся изменить существующий в межвоенной Польше политический строй революционными методами, отдавали предпочтение нелегальным формам деятельности и обращали большое внимание не только на национальные, но и на социальные вопросы в своей деятельности. Однако важной составляющей общественно-политической жизни Западной Беларуси были легальные формы деятельности, которые практиковали белорусские национально-демократические и полонофильские организации.

В советской историографической традиции деятельность белорусских национально-демократических активистов в Западной Беларуси, которые критически относились к коммунистическому движению, подвергалась как фактологическому искажению, так и оценочному остракизму. Классическим примером здесь может быть комплексная монография В. Полуян и И. Полуян о национально-освободительном движении в Западной Беларуси, изданная в 1962 г. В ней белорусские национально-демократические организации представлялись как «буржуазно-националистические группировки», которые «маскировали» свою подрывную деятельность под демократическими фразами¹. В 1990-е и 2000-е, после методологических изменений в исторической науке на постсоветском пространстве, в Беларуси и Польше появился ряд исследований, где на основе ранее неизвестных источников раскрывались отдельные сюжеты деятельности белорусских национально-демократических структур в Западной Беларуси².

1 *Полуян В., Полуян И.* Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920–1939 гг. Минск, 1962. С. 106.

2 *Ладысеў У.* Беларуская Хрысціянская Дэмакратыя — Беларускае Народнае Аб'яднанне // Палітычныя партыі Беларусі. Мінск, 1994. С. 78–86; *Мазько Э.* Ідэалагічныя падставы дзейнасці Беларускай Хрысціянскай Дэмакратыі (1917–1939 гг.) // Гістарычны альманах. 2000. № 1. С. 71–76; *Вашкевіч А.* Эвалюцыя Беларускай Хрысціянскай Дэмакратыі ў святле яе палітычных праграмаў (1917–1939 гг.) // Спадчына. 2006. № 1. С. 22–28; *Пагарэлы А.* Да праблемы выбару эвалюцыйнай парадэгмы сацыяльных

Тем не менее до сих пор остаются малоисследованными некоторые аспекты истории этих организаций, как, например, их численность и влияние на провинциальные структуры западнобелорусского общества. О деятельности отдельных организаций, таких как Белорусский крестьянский союз, на сегодняшний день вообще отсутствуют комплексные исследования в историографии.

К национально-демократическому течению можно отнести такие белорусские политические организации Западной Беларуси, как Белорусская христианская демократия (БХД, белор. *Беларуская хрысціянская дэмакратыя*), Белорусский крестьянский союз (БКС, белор. *Беларускі сялянскі саюз*), группа В. Годлевского «Белорусский фронт» (белор. «*Беларускі фронт*»), Православное белорусское демократическое объединение (ПБДО, белор. *Праваслаўнае беларускае дэмакратычнае аб'яднанне*). Особенностью этого течения было то, что все эти организации стремились объединить белорусские земли и создать независимое белорусское государство по образцу европейских государств с республиканской формой правления. В целом это течение считало образцом политической программы Третью уставную грамоту Белорусской народной республики (БНР) от 25 марта 1918 г., а дату провозглашения независимости БНР стремилось увековечить среди белорусского населения межвоенной Польши в форме ежегодных торжеств³.

Наиболее влиятельной партией национально-демократического течения белорусского движения в Западной Беларуси в межвоенный период была Белорусская христианская демократия. Ее история отсчитывается с мая 1917 г., когда различные кружки белорусских ксендзов — сторонников белорусского национального движения в Петербурге — объединились в Христианско-демократическое объединение (белор. *Хрысціянска-дэмакратычная злучнасць*) во главе с кс. Фабианом Обрантовичем⁴. В 1918 г. организация перенесла свою деятельность на белорусские земли и несколько лет фактически являлась неформальным объединением католических священников, которые в своей духовной практике использовали белорусский

змен Беларускай Хрысціянскай Дэмакратыяй міжваеннага перыяду // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2018. Т. 50. S. 97–120; *Moroz M.* “Krynica”. Ideologia i przywódcy białoruskiego katolicyzmu. Białystok, 2001.

³ *Чарнякевіч А., Вашкевіч А.* 25 сакавіка: вытокі нацыянальнага свята // *Arche*. 2008. № 3. С. 62–85.

⁴ *Станкевіч А.* 3 Богам да Беларусі: збор твораў. Вільня, 2008. С. 501.

язык. Кардинальные изменения в жизни белорусских христианских демократов произошли в 1926 г. на волне радикализации белорусского движения в Польше, вызванной появлением Белорусской крестьянско-рабочей громады. 24 октября 1926 г. Христианско-демократическое объединение было переименовано в Белорусскую христианскую демократию, была принята партийная программа и сформирован Центральный комитет партии, куда вошли как духовные, так и светские деятели (председатель — П. Карузо, члены комитета — кс. Адам Станкевич, Альбин Степович, кс. Винцент Годлевский и др.)⁵.

Идеологические основы БХД базировались, как и в других европейских христианско-демократических партиях, в основном на социальных энцикликах руководства Католического костела, и в первую очередь на энциклике «*Regum Novarum*» папы Льва XIII. Неприятие классового раздела общества на основе марксистских идей и христианская мораль были в полной мере свойственны и белорусским христианским демократам. Представители БХД рассматривали белорусский народ как крестьянский, что исключало, по их мнению, классовую борьбу в марксистском понимании. Основой развития общества признавалась частная собственность, однако партия выступала за ее ограничение и передачу крупной собственности в коллективное пользование. По земельному вопросу программа БХД была достаточно радикальной — крупные земельные владения должны были передаваться белорусским крестьянам без выкупа в рамках трудовой нормы⁶. Отдельным пунктом в программных документах БХД шли вопросы религиозного характера, например, требование белорусизации Православной церкви и Католического костела в Западной Беларуси, а также развитие семейных отношений на основе христианской морали. В политическом плане БХД была сторонницей легальных парламентских форм борьбы, а ее идеалом была белорусская независимая демократическая республика. Своими геополитическими союзниками белорусские христианские демократы считали литовцев и украинцев⁷. Необходимо отметить,

5 U 10-ja ūhodki “Krynicy” // *Bielaruskaja krynica*. 1926. Nr 38. S. 3.

6 *Мазько Э.* Ідэалагічныя падставы дзейнасці Беларускай Хрысціянскай Дэмакратыі (1917–1939 гг.). С. 73; *Вашкевіч А.* Эвалюцыя Беларускай Хрысціянскай Дэмакратыі ў святле яе палітычных праграмаў (1917–1939 гг.). С. 24.

7 Кароткі нарыс беларускага пытання. Мінск, 2009. С. 292.

что в деятельности партии участвовали не только католики, но и православные белорусы.

В межвоенный период представители БХД провели три съезда своей организации — в 1927, 1928 и 1931 гг. На первом съезде БХД, который прошел 6 ноября 1927 г. в Вильно, к примеру, участвовало 129 членов партии и 50 приглашенных гостей⁸. С этой точки зрения представляется актуальным вопрос о численности активистов БХД, который до настоящего времени практически не освещен в историографии. Значительное количество сторонников партии действовало в Вильно в среде студентов-белорусов местного университета и учащихся Виленской белорусской гимназии. Традиционно организацию поддерживали патриотически настроенные католические священники, однако в декабре 1928 г. виленский архиепископ Р. Ялбжиковский своим распоряжением запретил духовенству принимать участие в деятельности БХД⁹. Также относительно небольшое количество сторонников христианской демократии действовало в провинции в различных поветах Западной Беларуси, в основном на территории этнографической Виленщины. Например, в 1927 г. в гминные самоуправления Виленского воеводства были избраны 19 представителей БХД¹⁰. Существовали также и пассивные сторонники организации, которые ограничивались только распространением партийной газеты «Источник» (белор. «Крыніца»). Так, в 1935 г. в 16 западнобелорусских поветах Польши эту газету выписывало более 550 человек¹¹. По нашему мнению, количество партийных активистов БХД в Западной Беларуси не превышало цифры в 300 человек, а численность сторонников организации в целом могла составлять более 1000 человек.

В январе 1936 г. после долгих внутрипартийных дискуссий была разработана более радикальная программа белорусских христианских демократов, а БХД была переименована в Белорусское народное объединение (БНО). В новой программе партии особенно чувствовался дух того времени — организация признавала демократические лозунги равенства и общественной справедливости,

8 Zjazd przedstawników Białoruskiej Chrześcijańskiej Demokracji 6.IX.1927 h. // Białoruskaja krynica. 1927. Nr 47. S. 1.

9 Станкевіч А. З Богам да Беларусі: збор твораў. С. 541.

10 Wybory gminne // Przegląd Wileński. 1927. Nr 13. S. 3.

11 Віслаўх С. Нацыянальныя адносіны на тэрыторыі ўсходніх ваяводстваў // Arche. 2018. № 1. С. 320.

выступая против всяких форм диктатуры: капитализма, фашизма и коммунизма¹². По этой причине БНО во второй половине 1930-х гг. сблизилась с деятелями Коммунистической партии Западной Беларуси в рамках деятельности антифашистского Народного фронта в Польше. Определенное «полевение» организации вызвало критику со стороны части христианских демократов, лидером которых стал ксендз В. Годлевский. В июне 1936 г. группа Годлевского, куда в основном входили белорусские студенты Виленского университета, начала издавать собственный печатный орган «Белорусский фронт» (белор. «*Беларускі фронт*»). Газета призывала белорусских активистов отказаться от участия в Народном фронте, который, по их мнению, являлся «чужой ориентацией», не свойственной для белорусского национального движения¹³. Группа Годлевского и БНО просуществовали в Западной Беларуси до начала Второй мировой войны.

Второй по значимости белорусской национально-демократической организацией в межвоенной Польше был Белорусский крестьянский союз. Генезис этой структуры можно проследить в событиях 1925 г., когда в белорусской депутатской фракции польского парламента произошел раскол и часть депутатов во главе с Брониславом Тарашкевичем создала отдельную леворадикальную фракцию Белорусской крестьянско-рабочей громады. Некоторые депутаты, не согласные с этим шагом Тарашкевича, начали создание собственной организации, которая должна была апеллировать к проблемам крестьянского населения и впоследствии стать противвесом радикальным и просоветским лозунгам БКРГ. Инициаторами появления подобной структуры стали белорусские депутаты Фабиан Еремич и Василий Рогуля¹⁴.

Организационно Белорусский крестьянский союз оформился 24 марта 1926 г. на конференции его сторонников в Вильно, где была принята программа союза и выбран Центральный комитет во главе с В. Рогулей. БКС выступал за объединение белорусских земель в независимое демократическое государство, добивался передачи земли

¹² *Moroz M.* “Krynica”. Ideologia i przywódcy białoruskiego katolicyzmu. S. 199.

¹³ *Vaškevič A.* Група “Беларускі фронт” і “...змаганьне з чужацкімі фронтамі” // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2006. Т. 26. S. 73.

¹⁴ *Partje polityczne białoruskie* // *Informator społeczno-polityczny Województwa Wileńskiego / opracowany przez Wydział Bezpieczeństwa Publicznego Urzędu Wojewódzkiego w Wilnie*. Z. 4, rozdz. 3. Wilno, 1927. S. 14.

без выкупа малоземельным и безземельным крестьянам, выступал за развитие хуторов и ликвидацию польского военного осадничества в Западной Беларуси¹⁵. В целом программа БКС была практически идентична программе БХД, кроме религиозных постулатов, которые затрагивались представителями союза в меньшей степени. Более того, в 1926 г. эти две организации заключили соглашение о сотрудничестве, результатом которого было, например, создание культурно-просветительного Белорусского института хозяйства и культуры (белор. *Беларускі інстытут гаспадаркі і культуры*)¹⁶. Также БКС активно сотрудничал с белорусской эмиграцией, в частности с представителями Рады БНР, с белорусскими антипольскими деятелями в Чехословакии, Латвии и Литве¹⁷.

Активисты БКС в основном действовали в провинциальных структурах организации, и в меньшей степени — в Вильно. Например, в июле 1927 г. на очередной конференции БКС присутствовало 35 участников, 22 из которых прибыли из различных поветов Западной Беларуси и только 5 — из Вильно¹⁸. Тем не менее позиции союза в западнобелорусской провинции были достаточно скромны, по сравнению, например, с тысячными структурами леворадикальной БКРГ. По нашему мнению, количество сторонников БКС не превышало 1000 человек, многие из которых проявляли куда большую активность в Белорусском институте хозяйства и культуры, чем в первой организации.

На волне популярности христианско-демократических идей в среде белорусских национальных активистов в ноябре 1927 г. в Вильно было создано Православное белорусское демократическое объединение. Организация позиционировала себя как партию, членом которой мог быть каждый белорус, который поддерживал партийную программу, фактически скопированную с программы БХД¹⁹. Основателями ПБДО были как представители православного духовенства, так и светские православные деятели: сенаторы польского

15 3 арганізацыйнага жыцця Беларуск. Сялянскага Саюзу // Сялянская ніва. 1926. № 11. С. 2.

16 Туронак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі. Вільня, 2006. С. 103.

17 Кароткі нарыс беларускага пытання. С. 279.

18 Справаздача з канфэрэнцыі Беларускага Сялянскага Саюзу // Сялянская ніва. 1927. № 58. С. 1.

19 Праваслаўна-Беларускае Дэмакратычнае Аб'яднаньне (праграма) // Праваслаўная Беларусь. 1927. № 3. С. 2–4.

парламента от белорусского меньшинства Вячеслав Богданович и Алексей Назаревский, православный священник Лука Голод. Фактическим инициатором и лидером организации был В. Богданович, который с помощью нее транслировал в белорусском политическом поле идеи канонического единства православных в Польше с Московским патриархатом и белорусизации Православной церкви на западнобелорусских землях. ПБДО во многом выполняло определенные инструментальные функции для проведения предвыборной кампании в польский парламент в блоке с БХД и БКС, в которой активно участвовал В. Богданович. После проведения выборов 1928 г. организация не проявляла никакой активности и резко пропала с политической сцены Западной Беларуси²⁰. Единственной значимой заслугой деятелей ПБДО было издание журнала «Православная Беларусь» (белор. «Праваслаўная Беларусь»).

Правое крыло национально-демократического направления представляла Белорусская национал-социалистическая партия, созданная в Западной Беларуси в 1936 г. под руководством Ф. Окинчица. Белорусские национал-социалисты, во многом копировавшие политическую программу немецкого нацизма, выступали за создание независимой белорусской республики, но весьма критически относились к развитию демократических институтов и капитализма в сельском хозяйстве, которые называли «пустым доктринерством»²¹.

Белорусские национально-демократические организации как сторонники независимости Беларуси подвергались жесткой критике со стороны белорусского пропольского (полонофильского) движения. Представители этого течения высказывали идеи сотрудничества с польскими властями для достижения определенных национально-культурных и политических уступок для белорусского народа, даже ценой отказа от идеи независимой Беларуси. Деятельность белорусских полонофилов в белорусской советской историографии 1920–1980-х гг. рассматривалась фрагментарно и, как и в отношении национально-демократических организаций, получала отрицательную оценку²². Только на современном этапе развития исторических

20 Białorusini // Sprawy narodowościowe. 1927. Nr 5–6. S. 550–551.

21 Праграма Беларускай Нацыянал-Сацыялістычнай Партыі // Новы шлях. 1936. № 1. С. 1–5.

22 Ладысеў У. Ф. Шлях да свабоды: з гісторыі рэвалюцыйна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі ў 1919–1939 гг. Мінск, 1978. С. 37, 70–71.

знаний в трудах как белорусских, так и польских историков были более детально раскрыты аспекты функционирования белорусских полонофильских организаций и их взаимоотношений с властями межвоенной Польши²³.

Первой белорусской полонофильской организацией, возникшей на территории Польши после заключения Рижского мирного договора, был Краевой союз (белор. «*Краёвая сувязь*»), образованный в Вильно 24 апреля 1921 г. В его состав входили В. Пупко (председатель), В. Шишков, Я. Бекиш, А. Кабычкин и др. Инициатором создания организации был известный белорусский пропольский активист Павел Алексюк, который фактически являлся главой Краевого союза²⁴. Согласно программным документам, организация стремилась развивать белорусское национальное самосознание в духе краевого сближения с польским народом, выступала за автономию западнобелорусских земель и присоединение территории восточной Беларуси к Польше. Важным программным компонентом Краевого союза был антибольшевизм. Полонофилы критически относились к тем белорусским группам, которые опирались либо на Литву, либо на Советскую Россию²⁵.

В течение 1921 г. Краевой союз создал свои филиалы в нескольких деревнях и местечках северо-западной Беларуси, которые, однако, фактически не проявляли никакой активности. Организация контролировала около семи виленских кооперативов, пекарню и оптовые склады, которые получали значительное количество продукции от польских властей на льготных условиях²⁶. Чтобы расширить свои политические идеи, Краевой союз издавал газету на белорусском языке латинским шрифтом «*Jednaść*», которая была ориентирована в основном на католическое население Виленского края. Ее фактиче-

23 Чарнякевіч А. Беларускія паланафілы і Грамада. 1925 — пачатак 1927 г. // Гістарычны альманах. 2006. Т. 12. С. 64–78; Горны А. Узаемаадносінны беларускіх паланафільскіх арганізацый з польскімі ўладамі ў Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд // Вестник Полоцкого университета. Сер. А, Гуманитарные науки. 2015. № 9. С. 44–49; Gomółka K. Białoruskie partie i organizacje prorządowe w II Rzeczypospolitej // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1997. Т. 7. S. 63–74.

24 LCVA. F. 15. Ap. 2. B. 483, l. 9.

25 LCVA. F. 22. Ap. 1. B. 42, l. 15; Nasze credo // *Jednaść*. 1921. № 1. S. 1.

26 Januszewska-Jurkiewicz J. Dwie “krajowe” inicjatywy białoruskie na Litwie Środkowej // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2001. Т. 16. S. 205–206.

ским редактором был белорусский писатель А. Левицкий (псевдоним Ядвигин Ш.). Для православного белорусского населения организация издавала газету кириллическим шрифтом «Родная крыша» (белор. «*Родная страха*»). Однако, по данным польских властей, газеты Краевого союза не имели значительного числа читателей среди белорусского населения, предпочитавшего национально-демократические издания, такие как газета «Источник» (белор. «*Крыніца*») ²⁷.

Несмотря на некоторые организационные шаги, деятельность Краевого союза не имела значительного успеха в белорусской политической среде межвоенной Польши. Вся экономическая и финансовая сторона работы Краевого союза, которая полностью поддерживалась из польского бюджета, контролировалась исключительно П. Алексюком. Лидер белорусских полонофилов в этот период приобрел репутацию политического авантюриста и неблагонадежной фигуры в белорусском национальном движении. Из-за отсутствия широкой поддержки в начале 1922 г. организация прекратила свою деятельность и сама ликвидировала свою организационную структуру ²⁸.

Наследницей Краевого союза стала Организация белорусских беспартийных активистов (белор. *Арганізацыя беларускіх беспартыйных актывістаў*, далее ОББА), которая была образована в феврале — марте 1922 г. в Гродно. Ее лидерами были бывшие члены белорусской антибольшевистской партии «Зеленый дуб» и сторонники генерала С. Булак-Балаховича — Евгений Миткевич, Иван Шурпа и Вячеслав Адамович. ОББА не имела развернутой политической программы и выставила минимум требований — реализация культурных прав и улучшение материального быта белорусского населения в Польше. Белорусские «активисты» совместно с местными польскими властями в основном работали над обеспечением хозяйственного благосостояния сельского населения, пропагандировали идею сближения с Польшей и критиковали антипольскую позицию белорусских национально-демократических и леворадикальных групп. 23 апреля 1922 г. организация провела в Гродно «белорусский съезд Гродненского повета», на котором была принята резолюция в духе лояльности Польше ²⁹.

Во время парламентских выборов в Польше 1922 г. представители ОББА выступали против Блока национальных меньшинств, куда

27 LCVA. F. 22. Ap. 1. B. 42, l. 35 atv.

28 LCVA. F. 15. Ap. 2. B. 483, l. 9–9 atv.

29 *Gomółka K.* Białoruskie partie i organizacje prorządowe w II Rzeczypospolitej. S. 64; Беларускі З'езд // Беларускі шлях. 1922. № 2. С. 3.

входили белорусские национально-демократические организации, однако полностью провалили собственную избирательную кампанию. Недовольные мелкими результатами работы «активистов», польские власти в 1923 г. прекратили их финансирование. Одной из причин этого был тот факт, что деятели ОББА, не обладавшие хорошими моральными качествами, занимались скорее финансовыми авантюрами, нежели настоящей политикой³⁰. Примером этого может быть биография Е. Миткевича, который несколько раз обвинялся в кражах крупных денежных сумм, а параллельно также являлся тайным осведомителем польских спецслужб³¹.

Политическая ситуация в Западной Беларуси в 1924 г. предопределила появление в регионе новых полонофильских сил. Переход белорусских депутатов в сейме в оппозицию польскому правительству, рост прокоммунистического партизанского движения на так называемых «восточных окраинах», рост государственной полонизации белорусов усилили радикальные и антипольские настроения в белорусской общественно-политической жизни. Это обстоятельство создало почву для активизации тех политических групп, которые сопротивлялись бы выросшей радикализации и активно пропагандировали бы лояльность к польскому государству. Поэтому 21 сентября 1924 г. несколько белорусских пропольских активистов созвали в Вильно «конференцию представителей белорусских демократических партий, крестьянства и интеллигенции», результатом которой стало создание полонофильской Временной белорусской рады (бел. *Часовая беларуская рада*, с 1926 г. носила название Белорусская национальная рада). В президиум организации вошли: председатель — Арсений Павлюкевич, заместители председателя — Гасан Конопацкий и Всеволод Бильдюкевич³².

Временный характер новообразованной организации объяснялся тем, что она должна была подготовить и созвать «съезд Западной Беларуси», на котором планировалось избрать постоянное национальное представительство белорусов в Польше³³. Организация выступала за национальное согласие всех жителей так наз. «кресов» и призывала белорусов быть лояльными к институтам польского государства. Программные документы ВБР включали требование территориальной

30 Кароткі нарыс беларускага пытання. С. 101.

31 *Чарнякевіч А.* Постаці беларускага нацыянальнага руху ў Гродне 1909–1939 гг. (біяграфічны даведнік). Мінск, 2003. С. 171–173.

32 БДАМЛіМ. Ф. 3. Воп. 1. Спр. 189. Арк. 5–5 адв.

33 Там же. Арк. 5.

автономии Западной Беларуси, особенности которой, правда, никак не уточнялись, а также предусматривали проведение земельной реформы и отмену польских военных поселений. Представители ВБР негативно оценивали деятельность белорусской фракции в польском парламенте, которую считали вредной, обвиняя белорусских депутатов в распространении революционных и антигосударственных настроений. Значительное место в политической программе ВБР было уделено пропаганде антикоммунизма³⁴. Следует отметить, что многие члены этой полонофильской организации во время Советско-польской войны были членами антибольшевистских вооруженных формирований, в частности А. Павлюкевич, А. Кабычкин, Н. Кернажицкий и А. Сокол-Кутыловский принимали участие в Слуцком восстании 1920 г., а Г. Конопацкий был командующим белорусских дивизий польской армии. Наиболее ярким показателем антикоммунистических настроений членов ВБР стало то, что лидер организации А. Павлюкевич был одним из организаторов покушения Б. Каверды на полпреда СССР в Польше П. Войкова в 1927 г.³⁵

Одной из основных задач ВБР было установление тесных отношений с польскими властями для решения проблем белорусского меньшинства в Польше. В 1924–1925 гг. члены ВБР провели около десятка встреч с польскими официальными лицами на разных уровнях, от премьер-министра до виленского воеводы. На этих аудиенциях обсуждались различные вопросы социально-экономической жизни населения Западной Беларуси: проблема национального школьного образования, помощь бедным хозяйствам, реформирование аппарата управления и органов самоуправления³⁶. Однако эти встречи белорусских полонофилов с властями не имели практического результата. Единственным исключением стало разрешение на организацию курсов белорусского языка для учителей начальных школ в Вильно и Кракове, которое делегация ВБР получила после посещения министра публичного образования и вероисповеданий в 1925 г.³⁷

Временная белорусская рада была единственной белорусской политической организацией, поддержавшей майский переворот

34 Наша праграма // Беларускае слова. 1926. № 1. С. 1.

35 *Каверда Б.* Покушение на полпреда Войкова // Часовой. 1984. № 647. С. 13–14.

36 Дэлегацыя Беларускай Рады ў Варшаве // Грамадскі голас. 1924. № 33. С. 2.

37 LCVA. F. 15. Ap. 2. B. 232, l. 345.

1926 г., в результате которого к власти в Польше пришли сторонники Ю. Пилсудского. Члены ВБР провели 11 агитационных митингов в поддержку новой власти в нескольких повятах Западной Беларуси³⁸. Такую активность полонофилов приветствовало польское правительство, которое выделяло им значительные суммы денег для расширения агитации. ВБР получило основную финансовую поддержку из бюджета Виленского воеводства. Согласно архивным свидетельствам, советник виленского воеводы Д. Петровский напрямую выплачивал А. Павлюкевичу денежные субсидии от властей³⁹. Однако, как подчеркивали сторонники Павлюкевича, он бесхозяйственно распоряжался деньгами, присвоив себе их часть. Так, в мае 1925 г. Павлюкевич взял себе 800 злотых в качестве пенсии, заплатив 400 злотых своему секретарю и потратив от 300 до 400 злотых на большую арендную плату за комнаты в отеле Соколовского в Вильно, где располагался секретариат ВБР⁴⁰. Поэтому в 1928 г. из-за личных конфликтов с Павлюкевичем из организации вышли наиболее активные деятели, что фактически стало причиной ликвидации ВБР.

В 1927 г., чтобы снизить напряженность в белорусском обществе после разгрома БКРГ, некоторые польские политики предложили организовать издание белорусского проправительственного журнала. Реализовать эту инициативу, по предложению известного польского общественно-политического деятеля Леона Василевского, должен был белорусский писатель пропольских взглядов Франц Уместовский, стоявший у истоков белорусского национального движения и имевший репутацию одного из основоположников белорусской прессы. В марте 1927 г. он начал издавать в Вильно журнал «Белорусский день» (белор. «*Беларускі дзень*»). Среди прочего, этот журнал развивал идею «краёвості» в виде призыва к братскому сотрудничеству белорусов, поляков, литовцев и других народов западнобелорусского региона. Вскоре вокруг издания начала формироваться группа сторонников, в которую вошли бывший коммунистический активист М. Гурин-Морозовский, студенты Е. Бартуль, И. Зенюк, общественные деятели Е. Миткевич, М. Кравцов и другие⁴¹.

38 Горны А. Узаемаадносіны беларускіх паланафільскіх арганізацый з польскімі ўладамі ў Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд. С. 47.

39 LCVA. F. 131. Ap. 3. B. 468, l. 115.

40 LCVA. F. 15. Ap. 2. B. 232, l. 76.

41 A-lis. Gudai, lenkų politika ir mes // Vilniaus Aidas. 1927. № 52. P. 1; Наш шлях // Беларускі дзень. 1927. № 3. С. 1–2.

В октябре 1927 г. на базе группы Уместовского была образована Белорусская радикальная народная партия (БРНП). Прилагательное «радикальная» в названии партии присутствовало специально для воздействия на крестьянство. БРНП выдвинула умеренные требования об улучшении экономического и культурного положения белорусского народа в рамках польского законодательства⁴². В политической сфере партия выступала за предоставление северо-восточным воеводствам Польши территориальной автономии с сеймом в Вильно. В начале 1928 г. Уместовский и его партия стали активно участвовать в избирательной кампании в польский парламент, агитируя за сторонников правительства и Ю. Пилсудского⁴³. После выборов БРНП не проявлял никакой политической активности, как и Уместовский в целом, опубликовав последний номер «Белорусского дня» в октябре 1928 г.

На рубеже 1920–1930-х гг. на проправительственные позиции перешли некоторые известные представители белорусского национально-освободительного движения в Западной Беларуси. Этот переход был связан с разгромом Белорусской крестьянско-рабочей громады польскими санационными властями, когда некоторые бывшие члены этой партии решили отказаться от радикальной деятельности и начать поиск компромиссов с властями, чтобы сохранить существующие белорусские культурные и образовательные институты. Для этого необходимо было отделить культурную работу от политической борьбы. Инициатором такого разделения был бывший лидер Громады Бронислав Тарашкевич, который, однако, позже был вынужден отказаться от такой позиции под влиянием рекомендаций коммунистических активистов. Тем не менее тактику компромисса с властью поддержали Антон Луцкевич, Радослав Островский, Александр Ковш, Иосиф Шнаркевич и другие деятели, ранее тесно связанные с БКРГ⁴⁴. В 1928–1929 гг. в Западной Беларуси сформировалась новая политическая группа, которая не имела собственного названия, но была названа политическими оппонентами «белорусской санацией». Также в этот период возникло еще одно, политически нейтральное, название группы, образованное от имен ее лидеров, — группа Луцкевича-Островского⁴⁵. В 1930–1932 гг. под контролем этой группы находился

42 Informator społeczno-polityczny Województwa Wileńskiego. S. 7.

43 БДАМЛіМ. Ф. 3. Воп. 1. Спр. 213. Арк. 6–6 адв.

44 Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху. Вільня-Беласток, 2010. С. 256.

45 Sprawozdanie z życia mniejszości narodowych za październik, listopad i grudzień 1929 r. Warszawa, 1930. S. 23.

Центральный союз белорусских культурно-просветительских и хозяйственных организаций (Центросоюз), а в 1932–1937 гг. — Общество белорусского просвещения (белор. *Таварыства беларускай асветы*).

Основными программными постулатами новообразованной группы были отказ от радикальной политической деятельности, осуществление национально-культурной работы законным путем, признание того, что белорусы являются равноправными гражданами Польши и, следовательно, имеют право на поддержку своего культурного развития со стороны государства⁴⁶. В направлении сотрудничества с государственными структурами группа руководствовалась словами Р. Островского, обращенными к представителям польских властей и гражданского общества: «Если вы искренне и честно удовлетворите законные потребности белорусов, белорусы будут лояльны к польскому государству»⁴⁷. Тем не менее, в отличие от предыдущих полонофильских организаций, группа Луцкевича-Островского критиковала политику польских властей в Западной Беларуси, особенно за полонизацию, сужение белорусского образования и расширение польских военных поселений. Не случайно польские власти определили политическое направление группы Луцкевича-Островского как «конструктивная оппозиция» (польск. *opozycja rzeczowa*)⁴⁸. Однако в условиях полонизации белорусского национального меньшинства, которая особенно усилилась в середине 1930-х гг., даже подобная умеренная позиция считалась неприемлемой для польских властей. Поэтому в 1937 г. властями была ликвидирована последняя полонофильская организация, находившаяся под контролем «белорусской санации», — Общество белорусского просвещения⁴⁹.

Таким образом, белорусские национально-демократические и полонофильские организации в Западной Беларуси представляли то общественно-политическое течение, которое активно использовало легальные формы деятельности в межвоенной Польше. При этом белорусские полонофилы не пользовались большой популярностью

46 Эра. Яшчэ адна — можа апошняя — спроба // Наперад. 1930. № 21. С. 1.

47 Беларуская справа і польскае грамадзянства // Беларускі звон. 1931. № 7. С. 1.

48 LCVA. F. 51. Ap. 7. B. 1008, l. 14 atv.

49 *Вабішчэвіч А.* Таварыства беларускай асветы // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Мінск, 2001. Т. 6. Кн. 1. С. 488.

у белорусского населения по причине их лояльной позиции в отношении польского государства. Это подтверждают цифры голосования во время избирательной кампании в польский парламент в 1928 г. — за белорусский полонофильский список проголосовало около 1000 человек, а за леворадикальный — более 70 000 избирателей⁵⁰. Более популярным в среде молодежи и белорусской интеллигенции было национально-демократическое течение, которое стремилось к созданию независимого белорусского государства в традициях БНР. Однако и это направление не имело широкой сети активистов в западнобелорусской провинции. Белорусские крестьяне в большинстве своем поддерживали леворадикальные структуры, которые поднимали актуальные для деревни социальные проблемы. Тем не менее деятельность белорусских национально-демократических и полонофильских организаций оставила большой след в деле распространения белорусской идентичности и национального самосознания в межвоенной Польше.

Источники и литература

Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАЛіМ). Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas (LCVA).

Беларуская справа і польскае грамадзянства // Беларускі звод. 1931. № 7. С. 1.

Беларускі З’езд // Беларускі шлях. 1922. № 2. С. 3.

Вабішчэвіч А. Таварыства беларускай асветы // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Мінск, 2001. Т. 6. Кн. 1. С. 488.

Вашкевіч А. Група «Беларускі фронт» і «...змаганьне з чужацкімі фронтамі» // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2006. Т. 26. S. 69–91.

Вашкевіч А. Эвалюцыя Беларускай Хрысціянскай Дэмакратыі ў святле яе палітычных праграмаў (1917–1939 гг.) // Спадчына. 2006. № 1. С. 22–28.

Віславух С. Нацыянальныя адносіны на тэрыторыі ўсходніх ваяводстваў // *Агуче*. 2018. № 1. С. 70–358.

Горны А. Узаемаадносіны беларускіх паланафільскіх арганізацый з польскімі ўладамі ў Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд // *Вестник*

⁵⁰ Mniejszości narodowe w wyborach do Sejmu i Senatu w r. 1928. Warszawa, 1928. S. 284.

Полоцкого университета. Сер. А, Гуманитарные науки. 2015. № 9. С. 44–49.

Дэлегацыя Беларускай Рады ў Варшаве // Грамадскі голас. 1924. № 33. С. 2.

З арганізацыйнага жыцця Беларускага Сялянскага Саюзу // Сялянская ніва. 1926. № 11. С. 2.

Кароткі нарыс беларускага пытання. Мінск: Логвінаў, 2009. 396 с.
Коверда Б. Покушение на полпреда Войкова // Часовой. 1984. № 647. С. 13–14.

Ладысеў У. Беларуская Хрысціянская Дэмакратыя — Беларускае Народнае Аб'яднанне // Палітычныя партыі Беларусі. Мінск: Згода, 1994. С. 78–86.

Ладысеў У. Ф. Шлях да свабоды: з гісторыі рэвалюцыйна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі ў 1919–1939 гг. Мінск: Голас Радзімы, 1978. 131 с.

Луцкевіч А. Да гісторыі беларускага руху. Вільня; Беласток: Інстытут беларусістыкі, Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. 346 с.

Мазыко Э. Ідэалагічныя падставы дзейнасці Беларускай Хрысціянскай Дэмакратыі (1917–1939 гг.) // Гістарычны альманах. 2000. № 1. С. 71–76.
Наш шлях // Беларускі дзень. 1927. № 3. С. 1–2.

Наша праграма // Беларускае слова. 1926. № 1. С. 1.

Пагарэлы А. Да праблемы выбару эвалюцыйнай парадыгмы сацыяльных змен Беларускай Хрысціянскай Дэмакратыяй міжваеннага перыяду // Białoruskie Zeszyty Historyczne. 2018. Т. 50. S. 97–120.

Полуян В., Полуян И. Революционное и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии в 1920–1939 гг. Минск: Госиздат БССР, 1962. 224 с.

Праваслаўна-Беларускае Дэмакратычнае Аб'яднанне (праграма) // Праваслаўная Беларусь. 1927. № 3. С. 2–4.

Праграма Беларускай Нацыянал-Сацыялістычнай Партыі // Новы шлях. 1936. № 1. С. 1–5.

Справаздача з канфэрэнцыі Беларускага Сялянскага Саюзу // Сялянская ніва. 1927. № 58. С. 1.

Станкевіч А. З Богам да Беларусі: збор твораў. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2008. 1097 с.

Турунак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2006. 877 с.

Чарнякевіч А., Вашкевіч А. 25 сакавіка: вытокі нацыянальнага свята // Arche. 2008. № 3. С. 62–85.

Чарнякевіч А. Беларускія паланафілы і Грамада. 1925 — пачатак 1927 г. // Гістарычны альманах. 2006. Т. 12. С. 64–78.

Чарнякевіч А. Постаці беларускага нацыянальнага руху ў Гродне 1909–1939 гг. (біяграфічны даведнік). Мінск: Грамадскае аб'яднанне «ВІТ», 2003. 341 с.

Эра. Яшчэ адна — можа апошняя — спроба // Наперад. 1930. № 21. С. 1.

A-lis. Gudai, lenkų politika ir mes // *Vilniaus Aidas*. 1927. № 52. P. 1.

Białorusini // *Sprawy narodowościowe*. 1927. Nr 5–6. S. 550–551.

Gomółka K. Białoruskie partie i organizacje prorządowe w II Rzeczypospolitej // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 1997. T. 7. S. 63–74.

Januszewska-Jurkiewicz J. Dwie “krajowe” inicjatywy białoruskie na Litwie Środkowej // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. 2001. T. 16. S. 205–206.

Mniejszości narodowe w wyborach do Sejmu i Senatu w r. 1928. Warszawa: Wydawnictwo MSW, 1928. 331 s.

Moroz M. “Krynica”. Ideologia i przywódcy białoruskiego katolicyzmu. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2001. 230 s.

Partje polityczne białoruskie // *Informator społeczno-polityczny Województwa Wileńskiego: opracowany przez Wydział Bezpieczeństwa Publicznego Urzędu Wojewódzkiego w Wilnie*. Z. 4, rozdz. 3. Wilno, 1927. S. 3–23.

Sprawozdanie z życia mniejszości narodowych za październik, listopad i grudzień 1929 r. Warszawa: Wydział narodowościowy, 1930. 140 s.

U 10-ja ūhodki “Krynicy” // *Biełaruskaja krynica*. 1926. Nr 38. S. 3.

Wybory gminne // *Przegląd Wileński*. 1927. Nr 13. S. 3.

Zjezd pradstaunikou Biełaruskaj Chryścijanskaj Demokracji 6.IX.1927 h. // *Biełaruskaja krynica*. 1927. Nr 47. S. 1.

References

Biellaruski Dziaržauny Arhiu-Muziej Litaratury i Mastactva (Minsk).

Lietuvos Centrinis Valstybės Archyvas (Vilnius).

A-lis. “Gudai, lenkų politika ir mes.” *Vilniaus Aidas*, № 52, 1927, p. 1.

“Białorusini.” *Sprawy narodowościowe*, № 5–6, 1927, s. 550–551.

“Bielaruskaja sprava i polskaje gramadzianstva.” *Biellaruski Zvon*, № 7, 1931, p. 1.

“Bielaruski zjezd.” *Biellaruski Shlah*, № 2, 1922, p. 3.

Charniakievich, A., Vashkievich, A. “25 sakavika: vytoki nacyjanalnaga sviata.” *Arche*, № 3, 2008, p. 62–85.

Charniakievich, A. “Bielaruskija palanafily i Hramada. 1925 — pachatak 1927 h.” *Gistarychny almanah*, № 12, 2006, p. 64–78.

Charniakievich, A. *Postaci bielaruskaha nacyjanalnaha ruhu u Grodzie 1909–1939 hh. (bijagraficzny daviednik)*. Minsk: Gramadskaje abjadnannie VIT, 2003, 341 p.

“Deliegacyja Bielaruskaj Rady u Varshavie.” *Gramadski golas*, № 33, 1924, p. 2.

Era. “Jashche adna — mozha aposhniaja — sproba.” *Napierad*, № 21, 1930, p. 1.

Gomółka, K. “Białoruskie partie i organizacje prorządowe w II Rzeczypospolitej.” *Białoruskie Zeszyty Historyczne*, t. 7, 1997, s. 63–74.

Gorny, A. “Uzajemaadnosiny bielaruskich palanafilskih arganizacyj z polskimi uladami u Zahodnij Bielarusi u mizhvajenny pieryjad.” *Vestnik Polotskogo universiteta, serija A, gumanitarnyje nauki*, № 9, 2015, p. 44–49.

Januszewska-Jurkiewicz, J. “Dwie “krajowe” inicjatywy białoruskie na Litwie Środkowej.” *Białoruskie Zeszyty Historyczne*, t. 16, 2001, s. 205–206.

Karotki narys bielaruskaga pytannia. Minsk: Logvinau, 2009, 396 p.

Koverda, B. “Pokushenie na polpreda Voikova.” *Chasovoi*, 1984, № 647, p. 13–14.

Ladyseu, U. “Bielaruskaja Hryscijanskaja Demakratyja — Bielarskaje Narodnaje Abjadnannie.” *Palitychnyja partyi Bielarusi*, Minsk, 1994, p. 78–86.

Ladyseu, U. *Shlah da svabody: z historyi revalucyjna-vyzvalienchaha ruhu u Zahodnij Bielarusi u 1919–1939 hh*. Minsk: Golas Radzimy, 1978, 131 p.

Luckievich, A. *Da historyi bielaruskaha ruhu*. Vilnia-Bielastok: Instytut bielarusistyki, Bielarskaje histarychnaje tavarystva, 2010, 346 p.

Mazko, E. “Idealagichnyja padstavy dziejnasci Bielaruskaj Hryscijanskaj Demakraty (1917–1939 hh.)” *Gistarychny almanah*, № 1, 2000, p. 71–76.

Mniejszości narodowe w wyborach do Sejmu i Senatu w r. 1928. Warszawa: Wydawnictwo MSW, 1928, 331 s.

Moroz, M. “Krynica” *Ideologia i przywódcy białoruskiego katolicyzmu*. Białystok: Białoruskie Towarzystwo Historyczne, 2001, 230 s.

“Nash shlah.” *Bielaruskaj dzien*, № 3, 1927, p. 1–2.

“Nashaja pragrama” *Bielarskaje slova*, № 1, 1926, p. 1.

Paharely, A. “Da prabliemy vybaru evalucyjnaj paradygmy sacyjalnyh zmien Bielaruskaj Hryscijanskaj Demakratyja mizhvajennaga pieryjadu.” *Białoruskie Zeszyty Historyczne*, t. 50, 2018, p. 97–120.

“Partje polityczne białoruskie.” *Informator społeczno-polityczny Województwa Wileńskiego: opracowany przez Wydział Bezpieczeństwa Publicznego Urzędu Wojewódzkiego w Wilnie*. Z. 4, rozdz. 3. Wilno, 1927, s. 3–23.

Poluian, V., Poluian, I. *Revolutsionnoe i natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Zapadnoi Belorussii v 1920–1939 gg*. Minsk: Gosizdat BSSR, 1962, 224 p.

“Pragrama Bielaruskaj Nacyjanal-Sacyjalistychnaj Partyi.” *Novy Shlah*, № 1, 1936, p. 1–5.

“Pravaslauna-Bielarskaje Demokratychnaje Abjadnannie (pragrama).” *Pravaslaunaja Bielarus*, № 3, 1927, p. 2–4.

- “Spravzdacha z kanferencyi Bielaruskaga Sialanskaga Sajuzu.” *Sialanskaja Niva*, № 58, 1927, p. 1.
- Sprawozdanie z życia mniejszości narodowych za październik, listopad i grudzień 1929 r.* Warszawa: Wydział narodowościowy, 1930, 140 s.
- Stankievich, A. *Z Bogam da Bielarusi: zbor tvorau.* Vilnia: Instytut bielarusistyki, 2008, 1097 p.
- Turonak, J. *Madernaja gistoryja Bielarusi.* Vilnia: Instytut bielarusistyki, 2006, 877 p.
- “U 10-ja ūhodki „Krynicy” *Bielaruskaja krynica*, № 38, 1926, s. 3.
- Vabishchevich, A. “Tavarystva bielaruskaj asviety.” *Encykłapiedyja historyi Bielarusi*, vol. 6, book 1, 2001, p. 488.
- Vashkievich, A. “Grupa “Bielaruski front” i “zmahannie z chuzhackimi frontami.” *Białoruskie Zeszyty Historyczne*, t. 26, 2006, p. 69–91.
- Vashkievich, A. “Evalucyja Bielaruskaj Hryscijanskaj Demakratyi u sviatlie jaje palitychnyh prahramau (1917–1939 hh.)” *Spadchyna*, № 1, 2006, p. 22–28.
- Vislavuh, S. “Nacyjanalnjaja adnosiny na terytorii ushodnih vajavodstvau.” *Arche*, № 1, 2018, p. 70–358.
- “Wybory gminne.” *Przegląd Wileński*, № 13, 1927, s. 3.
- “Z arganizacyjnaga zhyccia Bielarusk. Sialanskaga Sajuzu.” *Sialanskaja Niva*, № 11, 1926, p. 2.
- “Zjezd pradstaunikou Bielaruskaj Chryścijanskaj Demakracyi 6.IX.1927 h.” *Bielaruskaja krynica*, № 47, 1927, s. 1.

A. S. Gorny

Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus)

Belarusian national democratic and polonophilic organizations
in interwar Poland

The author of the article identifies three trends of the Belarusian national movement in the Western Belarusian lands in Poland during the interwar period: the radical left-wing, the national-democratic, and the polonophilic. The activities of the Belarusian radical left-wing in Western Belarus have been studied in detail in the Soviet historiography. There are still many gaps in the activities of Belarusian national-democratic and polonophilic political structures. Belarusian national democratic organizations in interwar Poland (The Belarusian Christian democracy, The Belarusian Peasant Union, V. Hadleuski’s group “The Belarusian front”, The Orthodox Belarusian democratic association, etc.) used in their ac-

tivities legal forms of fight for the national rights of Belarusians, sought to unite Belarusian lands and to create an independent Belarusian state following the example of European republics. The polonophiles in the Belarusian movement (The Regional Union, The Temporary Belarusian Rada, The Belarusian Radical People's Party, the Luckievich-Astrouski group, etc.) adhered to the idea of cooperation with the institutions of the Polish authorities in order to achieve national and cultural concessions for the Belarusian people. The Polonophiles did not enjoy wide support among the population and existed due to the financial help of the Polish authorities.

Keywords: *the Belarusian national movement, interwar Poland, Western Belarus, national question, Christian democracy, polonophilism.*

УДК: 94 (491.11+47) «1914/2014»
ББК: 63.3 (4Юго.Сер) 6-7

А. Ю. Тимофеев
Белградский университет,
Институт новейшей истории Сербии
(Белград, Сербия)

Столетие Первой мировой войны в Сербии: война памятников

Юбилей Первой мировой войны в Сербии стал поводом для обострения общественной дискуссии и привлечения внимания к подъему ревизионизма в странах НАТО. Страх от ревизии истории Первой мировой войны влиял на сербское общество и элиты в канун столетнего юбилея. Ответной реакцией обеспокоенных сербских элит стала широкая череда мероприятий, организованных в Сербии и Республике Сербской. В рамках проведения мемориальных мероприятий к юбилею особое значение получили памятники, которые были установлены и восстановлены сербскими властями и их иностранными партнерами. Это были памятники сербскому патриоту Г. Принципу, прославленному Железному полку, женщине-добровольцу Милунке Савич, традиционным фигурам сербской памяти о Первой мировой войне. В то же время не удалось увековечить в монументальных формах память о начальнике сербской военной разведки Д. Димитриевиче-Аписе, лидере сербской националистической организации «Черная рука», которая покровительствовала организации «Млада Босна», подготовившей покушение на Франца Фердинанда. На этом общем фоне особое значение получили русско-сербские памятники Первой мировой войны в Сербии — Николаю II и боевому братству двух народов. Установленные памятники стали мемориальными объектами и в то же время привлекают различные политические силы, выражающие свои симпатии и антипатии путем символических жестов по отношению к новым памятникам.

Ключевые слова: *ревизионизм, историческая память, столетие Первой мировой войны, Николай II, Г. Принцип, русско-сербские связи.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.1.07

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00163.

Тяжело было не заметить волны ревизионизма, которая поднялась в 2013 г. в общественном сознании Центральной и Юго-Восточной Европы. Обвинения Сербии и России в том, что они были истинными поджигателями Первой мировой войны, уже давно звучали в рамках ревизионистской историографии, и шире — в публичных выступлениях отдельных историков и политиков из США и Западной Европы. По словам современного сербского историка М. Белаяца, «необходимость консолидации НАТО побуждала к поиску компромисса с традиционными германскими представлениями», что вело к ревизии истории мировых войн на Западе еще с начала 50-х годов¹.

Страх перед ревизией истории Первой мировой войны двигал сербским обществом и лидерами сербских элит в канун столетнего юбилея. В статье под говорящим названием «Г. Принцип стрелял в оккупанта» белградская полуофициальная газета «Политика» возмущалась в сентябре 2013 г.: «Немецкий “Вельт” и американский “Уолл-стрит джорнэл” приравнивают Молодую Боснию к Аль-Каиде и объявляют Гаврилу Принципа террористом и праотцом бен Ладена»².

Ответной реакцией обеспокоенных сербских элит стала широкая череда мероприятий, организованных в Сербии и Республике Сербской. Началась настоящая «война памятников». Эту войну инициировали планы сараевского муниципалитета восстановить памятник эрцгерцогу Францу Фердинанду и его супруге Софии на месте покушения. Впервые эта идея возникла в Сараево в рамках Виртуального музея Сараевского покушения³. Боснийские политики в ноябре 2013 г. серьезно обсуждали постройку памятника Францу Фердинанду⁴.

Практически речь шла о восстановлении памятника, установленного 28 июня 1917 г. и демонтированного после окончания Первой

1 *Белаяц М.* Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны. М., 2015. С. 299–301.

2 *Радисављевић З.* Гаврило Принцип је пуцао у окупатора // Политика. 2013. 20. септембра.

3 *Rizvić S., Krezić A.* Interaktivni modeli Ferdinanda i Sofije za projekat Virtuelnog muzeja sarajevskog atentata // Digitalizacija kulturne baštine Bosne i Hercegovine. Drugi međunarodni simpozij. Sarajevo: Društvo za DTKB, 2010.

4 *Власти Сарајева намјеравају да подигну споменик аустроугарском престолонаследнику Фердинанду* // Глас Српске. 2013. 4. јуна.

мировой войны. Уже в 2004 г. боснийские исследователи выяснили, что детали памятника сохранились⁵.

Проблема была в противоречивой фигуре самого Франца Фердинанда — клерикала, истового католика и антисемита. Представители либеральных кругов боснийских мусульман осудили эту идею в форме открытого письма некоего молодого жителя Сараево о том, что город не нуждается в памятнике Францу Фердинанду⁶. Окончательным приговором памятнику стала негативная статья информационного портала «Радио Свободная Европа»⁷. В результате этой кампании было решено ограничиться в Сараево конференциями и публичными шоу (имперский поезд из Вены и концерт Венской филармонии в здании городского совета), не доводя дело до монументальных изменений в городском ландшафте. Заосторожничавшие европейские спонсоры просто отказались дать денег сараевским мечтателям. По словам боснийских политиков, городские власти были готовы выделить не более 15 тысяч евро, а общая смета составляла 75 тысяч, и спонсоров не нашлось⁸.

Добавим, что проявление щедрости в выделении средств на памятники не характерно для современной западной культурной дипломатии на Балканах. В качестве примера можно привести памятник «Благодарность к Франции за помощь в годы Первой мировой войны», установленный в 1930 г. на Калемегдане. Этот памятник оказался к началу XXI в. в аварийной ситуации — мрамор постамента облупился, бетон потрескался, и даже бронзовая скульптура (символ Франции) лопнула у основания⁹. Стоимость реконструкции памятника, являющегося историческим наследием, составила, по оценке совместной комиссии

5 *Kučuk-Sorguč I.* Prilog historiji svakodnevice: Spomenik umorstvu — okamenjena prošlost na izdržavanju stoljetne kazne // Prilozi Instituta za istoriju u Sarajevu. 2005. № 34. S. 61–66.

6 *Abaz M.* Pismo mladog Sarajlije: Sarajevu ne treba spomenik Francu Ferdinandu! 27 novembar 2013. URL: <https://www.6yka.com/novosti/pismo-mladog-sarajlije-sarajevu-ne-treba-spomenik-francu-ferdinandu> (дата обращения: 05.07.2020).

7 *Arnautović M.* Treba li Sarajevu spomenik Francu Ferdinandu. 2. decembar/prosinac 2013. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/treba-li-sarajevu-spomenik-francu-ferdinandu/25187490.html> (дата обращения: 05.07.2020).

8 *Филиповић М.* Нема пара за споменик Францу Фердинанду // Вечерње новости. 2014. 3. фебруар.

9 *Бракочевић М.* Пропада споменик захвалности Француској // Политика. 2013. 20. јула.

министерств обороны Сербии и Франции, 400 тысяч евро. Франция в 2012 г. согласилась выплатить лишь половину суммы. При этом сербская сторона была готова сразу же перечислить свою часть средств из бюджета Министерства по делам социальной защиты и ветеранов, курирующего памятники. Французская сторона смогла предоставить деньги только в 2017 г., в результате пятилетнего сбора средств. При этом французское правительство выдало из бюджета лишь 40 тысяч евро от Министерства обороны, а остальное было собрано «с миру по нитке» с невероятным трудом от различных дарителей¹⁰.

В 2013 г. под влиянием общей дискуссии о роли Г. Принципа и угрозы Сараево восстановить памятник Францу Фердинанду сербские правящие элиты (власти Сербии и Республики Сербской в Боснии) решили усилить сакрализацию фигуры Г. Принципа в общественном мнении. Тем более что до этого ни одного памятника-скульптуры Г. Принципу в Сербии (да и во всей Югославии) не было. Власти Белграда в декабре 2013 г. в честь Принципа и его соратников из «Младе Босне» решили восстановить на центральном рынке Зелени Венац историческую кафану «Златна моруна» («Золотая белуга»), служившую излюбленным местом сбора четников и заговорщиков из Старой Сербии и Боснии и Герцеговины¹¹. В то же время было решено поставить в Восточном Сараево и Белграде памятники Г. Принципу. Памятник Г. Принципу в Республике Сербской был открыт, как и планировалось, 27 июня 2014 г.¹² Установка грандиозного памятника Г. Принципу в Белграде на Калемегдане встретила на своем пути непреодолимые трудности¹³. Особенно сопротивлялась этой идее либеральная часть интеллектуальной элиты сербского общества, что выразилось в негласном саботаже и публичной критике на страни-

10 Од Француске 200.000 евра за обнову споменика. Тањуг. 13. новембра 2017. URL: <https://mondo.rs/Info/Beograd/a1056524/Francuska-daje-200.000-evra-za-obnovu-Spomenika-zahvalnosti-zoj-zemlji-na-Kalemegdanu.html> (дата обращения: 05.07.2020).

11 *Белић Н., Мучибабић Д.* Обнова «Златне моруне» у част Принципа и «Младе Босне» // Политика. 2013. 19. децембра.

12 Споменик Принципу у Источном Сарајеву. РТВ. 27. јун 2014. URL: http://www.rtv.rs/sr_lat/region/spomenik-principu-u-istocnom-sarajevu_498590.html (дата обращения: 05.07.2020).

13 Грандиозни споменик Принципу на Калемегдану? Мондо. 22.01.2014. URL: <https://mondo.rs/Info/Srbija/a654844/Grandiozni-spomenik-Principu-na-Kalemegdanu.html> (дата обращения: 05.07.2020).

цах порталов характерного направления (например, Радио свободная Европа)¹⁴. Лишь намного позже (к дню Св. Вида — 28 июня 2015 г.) в Белграде появился небольшой памятник Г. Принципу как подарок Республики Сербской¹⁵. Бронзовый двухметровый памятник весом в 350 кг встал на низеньком бетонном постаменте, облицованном тонкой гранитной плиткой, в небольшом Финансовом парке, скрытом среди правительственных зданий центра столицы¹⁶.

В 2016–2018 гг. Сербия обогатилась рядом небольших провинциальных памятных мест, связанных с Первой мировой войной, профинансированных из местных бюджетов. В октябре 2016 г. в с. Игриште у г. Куршумлия (Южная Сербия) местные жители построили памятник прославленному Железному полку, сформированному из жителей Южной Сербии¹⁷. В г. Инджия (Северная Сербия) 28 июня 2018 г. поставили памятник женщине-добровольцу Милунке Савич, сербскому герою Первой мировой войны¹⁸. В Лазареваце (Центральная Сербия) в течение 2018 г. был восстановлен Памятник-усыпальница героям Колубарской битвы¹⁹. В октябре 2018 г. в Прокупле был поставлен памятный крест Железного полка²⁰ с портретами героев части²¹. Наконец, в июне 2019 г. на территории городской больницы г. Ниш (Южная Сербия) был открыт памятный барельеф шотландской женщине-врачу Э. Инглис, лечившей сербских раненых в этом городе в годы Первой мировой

14 *Cvetković Lj.* Šta će Beogradu spomenik Gavrilu Principu. 9 juni/lipanj, 2015. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/sta-ce-beogradu-spomenik-gavrilu-principu/27062580.html> (дата обращения: 05.07.2020).

15 *Николић М.* Ево где ће бити постављен споменик Гаврилу Принципу у Београду // Блиц. 2015. 9. јуна.

16 Постављање споменика Гаврилу Принципу у Београду // Блиц. 2015. 26 јуна.

17 *Љ. М.* У Игришту откривен први споменик «Гвозденом пуку» // Јужне вести. 2016. 4. октобра.

18 *Мајсторовић Г.* За Видовдан спомен обележје Милунки Савић // Сремске новине. 2018. 27. јуна.

19 За обнову Спомен-костурнице Колубарске битке у Лазаревцу 12 милиона динара из градског буџета. 25. јануара 2018. URL: <https://www.ekapija.com/news/2011410/za-obnovu-spomen-kosturnice-kolubarske-bitke-u-lazarevcu-12-miliona-dinara-iz> (дата обращения: 05.07.2020).

20 *Љ. М.* Откривен споменик јунацима Гвозденог пука у Прокупљу // Јужне вести. 2018. 12. октобра.

21 *Љ. М.* Гвоздени пук коначно добија споменик у Прокупљу // Јужне вести. 2016. 17. августа.

войны²². Последним юбилейным жестом такого рода стала реконструкция Часовни мучеников дня св. Вида на сербском православном кладбище в Сараево в Боснии²³. Все эти памятники были сравнительно небольшими, даже по местным провинциальным меркам. Эта общая скромность памятников связана с традиционной крестьянской экономностью сербского общества, не желавшего выделять на них деньги, с наличием возведенных до Второй мировой войны общегородских памятников героям Первой мировой войны практически в каждом сербском городе²⁴, а также с определенным противодействием идее установления памятников сербским героям Первой мировой войны со стороны местных либеральных кругов, негативно воспринимающих усиление сербского национального самосознания и антизападные культурные проекты²⁵.

Особенно показательной в этом плане была драма вокруг праха и памяти начальника сербской военной разведки Д. Димитриевича-Аписа, лидера сербской националистической организации «Черная рука», которая покровительствовала организации «Млада Босна». Его прах покоится на кладбище Зейтенлик в Салониках. Д. Димитриевича-Аписа расстреляли по приговору королевского суда в 1917 г., а в 1954 г. посмертно оправдали решением суда титовской Югославии²⁶. Идея о возвращении останков полковника Аписа в Белград в рамках юбилея Первой мировой войны вызвала целую бурю протестов сербских либералов. Они возмущались героизацией организатора «зверского убийства в Сараево»²⁷. Министерство обороны и лично министр А. Ву-

22 *Ј. Ц. М.* У КЦ Ниш у знак захвалности постављен портрет шкотске докторке // *Јужне вести*. 2019. 27 јуна.

23 Освештана капела Сарајевско-Видовданских хероја на Кошеву. 12. октобра 2019. URL: <http://www.mitropolijadabrobosanska.org/vijest1574.html> (дата обращения: 05.07.2020).

24 *Суботић В., Опачић П., Миљанић Г., Павловић П.* Меморијали ослободилачких ратова Србије. Књ. 1 (т. 1 и т. 2), књ. 2. Београд: Влада Републике Србије, Министарство рада, запошљавања и социјалне политике: БеоСинг: Републички завод за заштиту споменика културе, 2006.

25 *Антонић С.* «Хитлери» из нашег твитера. 19. април 2020. URL: <http://www.nspm.rs/kolumne-slobodana-antonica/hitleri-iz-naseg-tvitera.html> (дата обращения: 05.07.2020).

26 *Вишняков Я. В.* Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века: монография. М.: МГИМО, 2012. С. 12, 21, 47.

27 LSV: Sahrana Apisa na Kalemegdanu — povratak Crne ruke. 3 novembra 2015. URL: <http://rs.n1info.com/Vesti/a105917/Reakcije-na-sahrana-Apisa-na-Kalemegdanu.html> (дата обращения: 05.07.2020).

лин, лоббировавший это перезахоронение, так и не смогли вернуть прах Д. Димитриевича-Аписа в Белград²⁸. В результате этого Белград получил памятник боснийскому сербу Г. Принципу, нажавшему на спусковой крючок в Сараево. В то же время прах главы сербской разведки, уроженца Белграда, вложившего в его руку сербские военные гранаты Васић М1904/12 и ввезенный для нужд сербской армии пистолет Браунинг М 1910 № 19074, так и остался в безымянной могиле с номером 5027 на чужбине²⁹. Не осуществилась и идея об установке памятника этому видному герою сербской военной истории, выдвинутая к столетию гибели Д. Димитриевича-Аписа³⁰.

На этом общем фоне особое значение получили русско-сербские памятники Первой мировой войны в Сербии, вставшие на стражу исторической памяти в последние годы. Стоит подчеркнуть, что и до 2014 г. Сербия в этом плане была особенной страной, на территории Белграда в межвоенный период возникло значительное число мемориальных комплексов Первой мировой войны³¹. Даже неофициальным символом Белграда стал памятник Победителю в Первой мировой войне, установленный в крепости Калемегдан³². Два наиболее значимых стоят на Новом кладбище в Белграде. Первый памятник — усыпальница 3.529 известных и 1.074 неизвестных сербских защитников Белграда 1914–1915 гг. Вторым мемориальным комплексом в нескольких десятках метров от первого стало захоронение 91 известного и 10 неизвестных русских воинов, погибших в годы Первой мировой войны на Балканах. Оба выразительных памятника спроектированы гениальным русским скульптором Романом Николаевичем Верховским, при сотрудничестве с В. П. Загороднюком и Ж. Лукичем (сербский памятник) и с В. В. Сташевским (русский памятник). Русский памятник был до 2014 г. самым крупным в мире монументом, посвя-

28 *Лакић С., Радишић Н.* «Повратак» Аписа поделио Србију // Блиц. 2015. 31. августа.

29 *Богдановић Б.* Оружје сарајевских атентатора // Историјске свеске Андрићевог института. 2014. № 6. С. 11–20.

30 *Захтев Српске лиге: Споменик Апису у центру Београда* // Вечерње новости. 2017. 26. децембар.

31 *Божовић А.* Меморијали Првог светског рата на подручју Београда. Одбрана. Специјални прилог. 2014. № 112. С. 1–32.

32 *Вучетић Р.* Побеђени победник. Полемике уочи постављања Мештровићевог споменика // Годишњак за друштвену историју. 1999. № 2. С. 110–123.

ценным русским солдатам Первой мировой войны. На сегодняшний день он все еще держит пальму первенства среди памятников русским солдатам Первой мировой войны вне России³³.

В то же время на территории Сербии находится и еще одна группа надгробных русских памятников, связанных с местами захоронений русских военнопленных, умерших или убитых в австрийском плену на территории нынешней Воеводины (участки на трех кладбищах в Нови-Саде, а также участки на городских кладбищах в Сомборе, Зреняине, Сенте, Белой Церкви и Кикинде)³⁴. Посольством РФ в Сербии была организована реконструкция этих участков. К 2014 г. была завершена и реставрация русского некрополя на Новом кладбище, который включает ряд могил эмигрантов, а также захоронение останков начальника штаба Верховного главнокомандующего в 1915–1917 гг. генерала М. В. Алексева³⁵. Не удалось лишь реконструировать и увековечить память о русских военнопленных на самом большом кладбище в центральной Сербии — в г. Смедерево. Там на центральном военном кладбище оккупационных сил хоронили русских солдат, погибших в плену на территории оккупированной Сербии в 1916–1918 гг.³⁶

В преддверии столетнего юбилея Первой мировой войны, в 2014 г., в Сербии появилось несколько мемориальных памятников, подаренных крупными российскими фондами. В начале 2014 г. начались переговоры о возведении в прогулочной зоне парка у крепости Калемегдан памятника русским и сербским солдатам, погибшим в Первой мировой войне³⁷. Этот памятник, открытый 18 сентября 2014 г., подарил городу Центр национальной славы России Фонда Андрея Первозванного. Авторами памятника, изготовленного на производ-

33 Россия на Сербском фронте Первой мировой войны. Помощь армии и флота России Королевству Сербия в 1914–1918 гг. / сост. А. Ю. Тимофеев, Д. Кремич. М.: Вече, 2014. С. 268–271.

34 *Живановић М.* И крст и петокрака. Руски гробни комплекси у Југославији у 20. веку. Београд: ИНИС, 2020. С. 44–147.

35 Први светски рат и руска некропола. 1 августа 2014. URL: <http://www.ambasadarusije.rs/sr/vesti/prvi-svetski-rat-i-ruska-nekropola> (дата обращения: 05.07.2020).

36 *Дукић Б.* Немачко ратно гробље у Смедереву. Смедерево: Народна библиотека, 2010. С. 106.

37 *Булатовић Р.* Ово је споменик који ће у Београду бити подигнут српским и руским војницима // Блиц. 2014. 23 јула.

ственной базе Союза художников в Санкт-Петербурге, был авторский коллектив под руководством действительного члена РАХ скульптора А. С. Чаркина и архитектора Ю. М. Павлова³⁸.

В то же время, с начала 2014 г., в г. Топола в центральной Сербии была начата подготовка к установке еще одного памятника русско-сербского боевого братства в Первой мировой войне. Памятник установили на месте бывшей военной больницы, в которую поступали раненые участники сражений на Цере и Колубаре³⁹. Памятник, выполненный художником А. В. Есинским в духе русских средневековых памятных крестов, был открыт 2 августа 2014 г.⁴⁰ Сам проект памятного креста, посвященного двум монархам-мученикам — Николаю II Романову и князю Лазарю, фигуры которых были вырезаны у подножия креста, — начал реализовываться с августа 2013 г.⁴¹

В один ряд с этими небольшими русско-сербскими памятниками, установленными по всему пространству проживания сербского народа в 2014 г., стоит поставить и двухметровый памятник, появившийся 21 июня в Баня-Луке. В уютном городском сквере неподалеку от городской гимназии был установлен стокилограммовый бронзовый бюст Николая II типовой работы З. Церетели. Памятник был подарен фондом Василия Великого и Российским военно-историческим обществом⁴².

Самым крупным и монументальным проектом, увековечившим русско-сербские связи периода Первой мировой войны в 2014 г., стал, безусловно, памятник Николаю II, установленный в центре Белграда. Местом установки памятника стал участок земли, приобретенный императорской Россией в конце XIX в. у сербского дипломата Дж. Симича под посольство⁴³. Член «Черной руки» Б. Симич называл это здание

38 *Белић Н.* Споменик руским и српским војницима палим у Великом рату // Политика. 2014. 18. септембра.

39 *Чалија Ј.* Бели крст у спомен на црне дане // Политика. 2014. 19. августа.

40 *Ненковић Б.* Руси подижу крст у Тополи // Ало! 2014. 27. јуна.

41 *Есинская И.* Поклонный Крест святым Царям в Сербии, в г. Тополе. 19 сентября 2013. URL: https://fondvladimira.ucoz.ru/news/poklonnyj_krest_svjatym_carjam/2013-09-19-1.

42 Бања Лука: Додик и Шоголев открили споменик цару Николају II. 21. јуна 2014. URL: <https://www.intermagazin.rs/banjaluka-dodik-i-sogolev-otkrili-spojenik-caru-nikolaju-ii/>.

43 *Несторовић Н. Б.* Грађевине и архитекти у Београду прошлог столећа. Београд: Удружење југосл. инжењера и архитекта, 1937. С. 27.

неформальным центром внешней политики Сербии в предвоенные годы⁴⁴. После революции 1917 г. и последовавших за ней трагических событий над этим зданием до конца тридцатых годов продолжал реять русский флаг, выражая симпатии короля Александра Карагеоргиевича к русской эмиграции. В нижней части русского участка русские эмигранты возвели комплекс Русского дома Николая II⁴⁵. Советские дипломаты смогли получить участок в свою собственность лишь в 1945 г., когда СМЕРШ изгнал оттуда оставшихся в стране русских эмигрантов⁴⁶. В бывшем здании российского посольства расположилось торговое представительство СССР. В 1950 г. под предлогом аварийности здания оно было выселено и снесено титовскими властями, стремившимися уничтожить все следы былого влияния России в Белграде⁴⁷. В то же время и в рамках тех же настроений титовцы снесли и памятник красноармейцам в центре Белграда⁴⁸. В 1958 г. СССР предоставил Югославии под постройку посольства в Москве участок земли на улице Мосфильмовской, а ФНРЮ — участок на улице Делиградской в Белграде для возведения советского посольства. Участок же под бывшим посольством (кадастровый номер 548) перешел в руки города, но так и не был использован для строительства, сохранив облик старого «русского участка», превращенного в Девичий парк (по имени соседней улочки). В 1980-х гг. у советских дипломатов возникла идея о возвращении бывшего участка царского посольства в лоно русского влияния.

Речь шла об установке памятника Николаю II, последнему русскому монарху из династии Романовых, отношению к которому в Сербии

44 Марко (Симић Б.) Никола Хартвиг. Спољна политика Србије пред светски рат. // Нова Европа. 1928. № 8. С. 256–277.

45 Москва — Сербия, Белград — Россия. Сборник документов и материалов. Т. 4 / прир. А. Тимофеев., Г. Милорадовић, А. А. Силкин. М.; Белград: Архив Србије — Главное архивное управление города Москвы, 2017. С. 743–745.

46 Тимофеев А.Ю. Сопротивление немецкой оккупации в Сербии и русская эмиграция в годы Второй мировой войны // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 238–271.

47 Здравковић И. М. Кућа Стојана Симића — Симићево здање // Годишњак Музеја града Београда. 1954. № 1. С. 206–208.

48 Црвена армија и руска емиграција у Југославији за време Другог светског рата у огледалу анти иб-овске пропаганде / сост. А. Тимофејев. Београд: Укронија, 2018. С. 9–29.

традиционно отличалось чувством глубокого уважения (из-за его помощи Сербии в годы Первой мировой войны)⁴⁹. Когда 29 октября 2013 г. в Белград из Москвы прибыла рабочая группа, ее с распростертыми объятиями встречали и в президентском дворце, и в здании горсовета. Было принято решение об установке скульптуры Николая II работы академика РАХ Г. И. Правоторова, которая создавалась и устанавливалась в сотрудничестве с председателем правления Союза художников России А. Н. Ковальчуком. Успешный творческий тандем был дополнен сотрудником Управления по защите памятников культуры г. Белграда архитектором и художником З. Туичем. Именно последний вписал памятник в ландшафт, спроектировал преобразование полузаброшенного участка на склоне в компактный, но уютный многоуровневый парк, а также предложил дополнить его мемориальным барельефом о существовавшем здесь посольстве Российской империи.

В декабре 2013 г. был сформирован Организационный комитет по установке памятника, в который вошли многочисленные сербские и российские официальные лица, деятели культуры и искусства. Этот комитет в составе 19 человек обратился непосредственно к Комиссии по памятникам и названиям площадей и улиц при Скупщине города Белграда с инициативой об установке памятника царю Николаю II в Белграде. Ответом на это обращение стало решение об установлении памятника, принятое переходным «временным органом управления города», которое подписал 11 апреля 2014 г. его член — Н. Чович⁵⁰.

К октябрю 2014 г. в Сербии завершились работы по подготовке парка и гранитного мемориального камня высотой в 1,7 м с бронзовым медальоном с изображением здания российского императорского посольства в Белграде. В то же время в России была закончена подготовка монумента и памятника (общим весом свыше 40 тонн и общей высотой в 7,5 метров). Глыба емельяновского гранита и массив памятника прибыли в Сербию в октябре 2014 г., и 11–12 октября была выполнена установка памятника, который был открыт и освящен 16 ноября 2014 г.

Памятник стал важной реперной точкой в окружающей городской среде. Благодаря законченным к весне 2015 г. работам по благоустрой-

49 *Живановић М.* Успомене на цара Николаја II код Срба уочи и после Првог светског рата // *Историјске свеске*. 2015. № 16/17. С. 32–39.

50 Одлука Привременог органа града Београда о подизању споменика руском цару Николају II. 11. април 2014. Бр. 110-2431/14-С-20 // *Службени лист града Београда*. 2014. № 34. С. 11.

ству прилегающего парка подножие памятника стало излюбленным местом отдыха молодежи и туристов. События вокруг этого парка получили неожиданное трагическое продолжение зимой 2016/2017 г. Когда в результате авиакатастрофы 25 декабря 2016 г. в Сочи погибла большая часть Академического ансамбля песни и пляски Российской армии имени А. В. Александрова, скупщина Белграда решила увековечить память этого любимого в Сербии коллектива и переименовала парк вокруг памятника в Парк имени Александрова. Это было сделано по инициативе министра культуры Сербии В. Вукосавлевича, который в 2014 г. на месте руководителя городского отдела культуры активно помогал установлению памятника Николаю II⁵¹. Символическим фактом можно назвать то, что верхняя терраса парка (с памятником и памятным камнем) проектировалась в формах, близких к очертаниям фундамента бывшего здания, в результате чего памятник Николаю II находится примерно там же, где век назад в актовом зале посольства находился императорский портрет. Круг исторической памяти, таким образом, замкнулся⁵².

Завершил эпопею создания русско-сербских памятников к годовщине Первой мировой войны маленький бюст Николаю II в с. Ритешич у города Добой в Республике Сербской. Этот памятник был возведен Обществом сербско-русской дружбы и единства православных народов в рамках идущего с 2009 г. возведения в этом селе монастыря Матроны Московской и русского этносела⁵³. Маленький бюст был выполнен воеводинским скульптором И. Шетером и скорее относится к направлению наивного искусства, однако своей примитивной простосердечностью он еще теплее и непосредственнее выразил чувства сербов по отношению к России и ее помощи в годы Первой мировой войны⁵⁴.

51 Београд добија парк Александров и парк Гаврила Принципа // Политика. 2017. 20. априла.

52 ИАБ (Историјски архив Београда). Ф. Урбанистички планови. Д. «План Руског дома. Добро руске државе. Парцела 547, 548. К.О.Белград-5. 1935».

53 Откривена спомен-биста цару Николају Другом. 30. септембра 2017. URL: <https://www.rtrs.tv/vijesti/vijest.php?id=271651> (дата обращения: 05.07.2020).

54 Игор Шетер — биста Цар Николај Други Романов. URL: http://www.art-igor.com/busts_files/Ruski_Car_Nikolaj_II_Romanov_vajar_Igor_Seter.html (дата обращения: 05.07.2020).

Рассматривая картину в целом, можно заметить, что намечавшаяся война памятников (Франца Фердинанда против Г. Принципа) не получила развития. Празднование юбилея Первой мировой войны в Сербии и Боснии вылилось в карнавалы торжества. Прошедшие юбилеи оставили за собой новые и восстановленные старые памятники, к которым по-прежнему возлагают цветы и у которых произносят речи политики и дипломаты⁵⁵. Сербские политики собираются теперь и у памятника Николаю II, так как плато вокруг памятника удобно для митингов у президентского дворца и Республиканского избиркома⁵⁶.

В то же время памятники Мировой войне становятся объектами вандализма, имеющего непростые корни. Еще полвека назад сотрудники югославской службы безопасности кулуарно сообщали советским коллегам, что «в партийном и государственном аппарате, в органах печати Югославии имеется определенная группа людей, которые сознательно стремятся рассердить русских, чтобы вызвать ответный огонь, разжигать полемику, заставить Советский Союз пойти на сужение экономических, военных, научных и культурных связей с Югославией и тем самым облегчить влияние США»⁵⁷. Ярким примером этих действий стало нападение анонимных активистов на памятник Николаю II, расписавших его спреем. Они принадлежали к псевдолевацкой группе «Urbana gerila», регулярно критикующей сербский национализм, кириллицу и русофилов⁵⁸. Эти ряженые псевдолеваки, скрывающие свое лицо из опасения перед реакцией разгневанных народных масс, никогда не критикуют американский империализм, но нападают на «русскую экспансию на Балканах». Поэтому их деятельность сочувственно освещает телеканал N 1, принадлежащий американским инвесторам⁵⁹. В сентябре 2019 г. неизвестные также

55 Боцан-Харченко: Споменик руским војницима симбол неутуђивих веза Србије и Русије // Данас. 2019. 11. новембра.

56 Протест испред РИК-а // Вечерње новости. 2016. 30. априла.

57 Улунян А. А. «Послепражский 1969-й»: советские дипломатия и разведка в поисках союзников и противников на Балканах и в Европейском Средиземноморье. М.: URSS-ЛЕНАНД, 2016. С. 89, 123.

58 Zašto smo išarali spomenik ruskom caru Romanovu, gradsku upravu, pravni fakultet? 26. јуна 2017. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1519790481375096&id=1371068086247337 (дата обращения: 05.07.2020).

59 Stojanović M. Urbani gerilci opominju nišku vlast: Duhoviti plakati, cveće u rupama u asfaltu. 31. marta 2019. URL: <http://rs.n1info.com/Vesti/>

отпилили бронзовую фигуру св. Георгия Победоносца с русско-сербского памятного креста на Калемегдане. Впрочем, в этом случае речь, вероятно, шла о краже цветных металлов (их регулярно воруют даже со старых кладбищенских могил)⁶⁰. Эти события отражают скрытые войны отдельных группировок, за спиной которых стоят конкретные силы. Имели место и действия противоположного характера. В ноябре 2018 г. восстановленный памятник благодарности Франции исписали черным спреем⁶¹, в память о натовских бомбардировках в 1999 г., в которых активно участвовали ВВС Франции, и как ответ на унижение Сербии во время парада в Париже в 2018 г.⁶²

Возрождение сербских национальных чувств, основанное на памяти о Первой мировой войне, не нравится вполне определенным кругам⁶³. Глорификация Г. Принципа, празднование Дня перемирия в Первой мировой войне как Дня победы и национальной гордости вместо скорби и тотального траура, сведение общенациональной памяти о Первой мировой войне к героям и жертвам, вместо внимания к рядовым «антигероям», — все это вызывает критику юбилейных мер в либеральных СМИ⁶⁴. В то же время видимое сокращение размаха и скудость риторики празднования Дня победы официальным Белградом в 2014 г. и отказ от установления масштабных самостоятельных памятников в столице (не подаренных Баня-Лукой и Москвой, а заказанных Белградом) не смогли не остаться незамеченными сербскими

a472499/Urbani-gerilci-opominju-nisku-vlast-Duhoviti-plakati-cvece-u-rupama-u-asfaltu.html (дата обращения: 05.07.2020).

60 Срамота на Калемегдану! Ништа више није свето! Вандали оскрнавили српско-руски споменик, украли вредну бисту Светог Ђорђа // Курир. 2018. 18. септембра.

61 Црним спрејом на споменик захвалности Француској. 13. новембра 2018. URL: https://www.b92.net/info/komentari.php?nav_id=1468809 (дата обращения: 05.07.2020).

62 *Buisson J.-C.* Commémoration du 11 novembre: la Serbie injustement humiliée // *Le Figaro*. 2018. 13 novembre.

63 Лингвистичко-бихејвиористичке методе «преумљавање» Срба. Начини ширења непријатељске пропаганде на социјалним мрежама. 30. априла 2020. URL: <https://medium.com/@analitika.rs/лингвистичко-бихејвиористичке-методе-преумљавање-срба-542f2327280d> (дата обращения: 05.07.2020).

64 *Šarenac D.* Mir, pobeda, pomirenje ili čemu Srbiji služi Prvi rat. 6. decembra 2019. URL: <https://pescanik.net/mir-pobeda-pomirenje-ili-cemu-srbiji-sluzi-prvi-rat/> (дата обращения: 05.07.2020).

патриотическими кругами. Общий характер юбилейных торжеств в Сербии отражает сложность и противоречивость современного внешнеполитического курса Белграда.

Источники и литература

Антонић С. «Хитлери» из нашег твитера. 19. април 2020. URL: <http://www.nspm.rs/kolumne-slobodana-antonica/hitleri-iz-naseg-tvitera.html> (дата обращения: 05.07.2020).

Бања Лука: Додик и Шоголев открили споменик цару Николају II. 21. јуна 2014. URL: <https://www.intermagazin.rs/banjaluka-dodik-i-sogolev-otkrili-spomениk-caru-nikolaju-ii/> (дата обращения: 05.07.2020).

Белаяц М. Кому нужна ревизия истории? Старые и новые споры о причинах Первой мировой войны. М.: Алгоритм, 2015. 368 с.

Белић Н. Споменик руским и српским војницима палим у Великом рату // Политика. 2014. 18. септембра.

Белић Н., Мучибабић Д. Обнова «Златне моруне» у част Принципа и «Младе Босне» // Политика. 2013. 19. децембра.

Београд добија парк Александров и парк Гаврила Принципа // Политика. 2017. 20. априла.

Богдановић Б. Оружје сарајевских атентатора // Историјске свеске Андрићевог института. 2014. № 6. С. 11–20.

Божовић А. Меморијали Првог светског рата на подручју Београда. Одбрана. Специјални прилог. 2014. № 112. С. 1–32.

Боцан-Харченко: Споменик руским војницима симбол неутуђивих веза Србије и Русије // Данас. 2019. 11. новембра.

Бракочевић М. Пропада споменик захвалности Француској // Политика. 2013. 20. јула.

Булатовић Р. Ово је споменик који ће у Београду бити подигнут српским и руским војницима // Блиц. 2014. 23. јула.

Вишняков Я. В. Военный фактор и государственное развитие Сербии начала XX века: монография. М.: МГИМО, 2012. 440 с.

Власти Сарајева намјеравају да подигну споменик аустроугарском престолонаследнику Фердинанду // Глас Српске. 2013. 4. јуна.

Вучетић Р. Побеђени победник. Полемике уочи постављања Мештровићевог споменика // Годишњак за друштвену историју. 1999. № 2. С. 110–123.

Грандиозни споменик Принципу на Калемегдану? Мондо. 22.01.2014. URL: <https://mondo.rs/Info/Srbija/a654844/Grandiozni-spomениk-Principu-na-Kalemegdanu.html> (дата обращения: 05.07.2020).

Дукић Б. Немачко ратно гробље у Смедереву. Смедерево: Народна библиотека, 2010. 172 с.

Есинская И. Поклонный Крест святым Царям в Сербии, в г. Тополе. 19 септембра 2013. URL: https://fondvladimira.ucoz.ru/news/poklonnyj_krest_svjatym_carjam/2013-09-19-1 (дата обраћања: 05.07.2020).

Живановић М. И крст и петокрака. Руски гробни комплекси у Југославији у 20. веку. Београд: ИНИС, 2020. 568 с.

Живановић М. Успомене на цара Николаја II код Срба очи и после Првог светског рата // Историјске свеске. 2015. № 16/17. С. 32–39.

За обнову Спомен-костурнице Колубарске битке у Лазаревцу 12 милиона динара из градског буџета. 25. јануара 2018. URL: <https://www.ekarija.com/news/2011410/za-obnovu-spomen-kosturnice-kolubarske-bitke-u-lazarevcu-12-miliona-dinara-iz> (дата обраћања: 05.07.2020).

Захтев Српске лиге: Споменик Апису у центру Београда // Вечерње новости. 2017. 26. децембар.

Здравковић И. М. Кућа Стојана Симића — Симићево здање // Годишњак Музеја града Београда. 1954. № 1. С. 206–208.

Игор Шетер — биста Цар Николај Други Романов. URL: http://www.art-igor.com/busts_files/Ruski_Car_Nikolaj_II_Romanov_vajar_Igor_Seter.html (дата обраћања: 05.07.2020).

Ј. Ц. М. У КЦ Ниш у знак захвалности постављен портрет шкотске докторке // Јужне вести. 2019. 27. јуна.

Лакић С., Радишић Н. «Повратак» Аписа поделио Србију // Блиц. 2015. 31. августа.

Лингвистичко-бихејвиористичке методе «преумљавање» Срба. Начини ширења непријатељске пропаганде на социјалним мрежама. 30. априла 2020. URL: <https://medium.com/@analitika.rs/лингвистичко-бихејвиористичке-методе-преумљавање-срба-542f2327280d> (дата обраћања: 05.07.2020).

Љ. М. Гвоздени пук коначно добија споменик у Прокупљу // Јужне вести. 2016. 17. августа.

Љ. М. Откривен споменик јунацима Гвозденог пука у Прокупљу // Јужне вести. 2018. 12. октобра.

Љ. М. У Игришту откривен први споменик «Гвозденом пуку» // Јужне вести. 2016. 4. октобра.

Мајсторовић Г. За Видовдан спомен обележје Милунки Савић // Сремске новине. 2018. 27. јуна.

Марко (Симић Б.) Никола Хартвиг. Спољна политика Србије пред светски рат // Нова Европа. 1928. № 8. С. 256–277.

Москва — Србија, Белград — Русија. Сборник докумената и материјала. Т. 4 / прир. А. Тимофеев, Г. Милорадовић, А. А. Силкин. М.;

Белград: Архив Србије — Главное архивное управление города Москвы, 2017. 1006 с.

Ненковић Б. Руси подижу крст у Тополи // Ало! 2014. 27. јуна.

Несторовић Н. Б. Грађевине и архитекти у Београду прошлог столећа. Београд: Удружење југосл. инжењера и архитекта, 1937. 101 с.

Николић М. Ево где ће бити постављен споменик Гаврилу Принципу у Београду // Блиц. 2015. 9. јуна.

Од Француске 200.000 евра за обнову споменика. Тањуг. 13. новембра 2017. URL: <https://mondo.rs/Info/Beograd/a1056524/Francuska-daje-200.000-evra-za-obnovu-Spomениka-zahvalnosti-zoj-zemlji-na-Kalemegdanu.html> (дата обращения: 05.07.2020).

Одлука Привременог органа града Београда о подизању споменика руском цару Николају II. 11. април 2014. Бр.110-2431/14-С-20 // Службени лист града Београда. 2014. № 34. С. 11.

Освештана капела Сарајевско-Видовданских хероја на Кошеву. 12. октобра 2019. URL: <http://www.mitropolijadabrobosanska.org/vijest1574.html> (дата обращения: 05.07.2020).

Откривена спомен-биста цару Николају Другом. 30. септембра 2017. URL: <https://www.rtrs.tv/vijesti/vijest.php?id=271651> (дата обращения: 05.07.2020).

Постављање споменика Гаврилу Принципу у Београду // Блиц. 2015. 26. јуна.

Први светски рат и руска некропола. 1. августа 2014. URL: <http://www.ambasadarusije.rs/sr/vesti/prvi-svetски-rat-i-ruska-nekropola> (дата обращения: 05.07.2020).

Протест испред РИК-а // Вечерње новости. 2016. 30. април.

Радисављевић З. Гаврило Принцип је пуцао у окупатора // Политика. 2013. 20. септембра.

Россия на Сербском фронте Первой мировой войны. Помощь армии и флота России Королевству Сербия в 1914–1918 гг. / сост. А. Ю. Тимофеев, Д. Кремич. М.: Вече, 2014. 317 с.

Споменик Принципу у Источном Сарајеву. РТВ. 27. јун 2014. URL: http://www.rtv.rs/sr_lat/region/spomenik-principu-u-istocnom-sarajevu_498590.html (дата обращения: 05.07.2020).

Срамота на Калемегдану! Ништа више није свето! Вандали оскрнавили српско-руски споменик, украли вредну бисту Светог Ђорђа // Курир. 2018. 18. септембра.

Суботић В., Опачић П., Миљанић Г., Павловић П. Меморијали ослободилачких ратова Србије. Књ. 1 (т. 1 и т. 2), књ. 2. Београд: Влада Републике Србије, Министарство рада, запошљавања и социјалне политике:

БеоСинг: Републички завод за заштиту споменика културе, 2006. 476 с., 402 с., 591 с.

Тимофеев А. Ю. Сопротивление немецкой оккупации в Сербии и русская эмиграция в годы Второй мировой войны. // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 238–271.

Улуњан А. А. «Послепражский 1969-й»: советские дипломатия и разведка в поисках союзников и противников на Балканах и в Европейском Средиземноморье. М.: URSS-ЛЕНАНД, 2016. 400 с.

Филиповић М. Нема пара за споменик Францу Фердинанду // Вечерње новости. 2014. 3. фебруар.

Црвена армија и руска емиграција у Југославији за време Другог светског рата у огледалу анти иб-овске пропаганде / сост. А. Тимофеев. Београд: Укронија, 2018. 265 с.

Црним спрејом на споменик захвалности Француској. 13. новембра 2018. URL: https://www.b92.net/info/komentari.php?nav_id=1468809 (дата обраћања: 05.07.2020).

Чалија Ј. Бели крст у спомен на црне дане // Политика. 2014. 19. августа.

Abaz М. Pismo mladog Sarajlije: Sarajevu ne treba spomenik Francu Ferdinandu! 27. novembar 2013. URL: <https://www.6yka.com/novosti/pismo-mladog-sarajlije-sarajevu-ne-treba-spomenik-francu-ferdinandu> (дата обраћања: 05.07.2020).

Arnautović М. Treba li Sarajevu spomenik Francu Ferdinandu. 2. decembar/prosinac 2013. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/treba-li-sarajevu-spomenik-francu-ferdinandu/25187490.html> (дата обраћања: 05.07.2020).

Buisson J.-C. Commémoration du 11 novembre: la Serbie injustement humiliée. // Le Figaro. 2018. 13 novembre.

Cvetković Lj. Šta će Beogradu spomenik Gavrilu Principu. 9. juni/lipanj, 2015. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/sta-ce-beogradu-spomenik-gavrilu-principu/27062580.html> (дата обраћања: 05.07.2020).

Kučuk-Sorguč I. Prilog historiji svakodnevice: Spomenik umorstvu — okamenjena prošlost na izdržavanju stoljetne kazne // Prilozi Instituta za istoriju u Sarajevu. 2005. № 34. С. 61–66.

LSV: Sahrana Apisa na Kalemegdanu 3 — povratak Crne ruke. 3. novembra 2015. URL: <http://rs.n1info.com/Vesti/a105917/Reakcije-na-sahrana-Apisa-na-Kalemegdanu.html> (дата обраћања: 05.07.2020).

Rizvić S., Krezić A. Interaktivni modeli Ferdinanda i Sofije za projekat Virtuelnog muzeja sarajevskog atentata // Digitalizacija kulturne baštine Bosne i Hercegovine. Drugi međunarodni simpozij. Sarajevo: Društvo za DTKB, 2010. С. 1–11.

Stojanović M. Urbani gerilci opominju nišku vlast: Duhoviti plakati, cveće u rupama u asfaltu. 31. marta 2019. URL: <http://rs.n1info.com/Vesti/a472499/Urbani-gerilci-opominju-nisku-vlast-Duhoviti-plakati-cvece-u-rupama-u-asfaltu.html> (дата обращения: 05.07.2020).

Šarenac D. Mir, pobeda, pomirenje ili čemu Srbiji služi Prvi rat. 6. decembra 2019. URL: <https://pescanik.net/mir-pobeda-pomirenje-ili-cemu-srbiji-sluzi-prvi-rat/> (дата обращения: 05.07.2020).

Zašto smo išarali spomenik ruskom caru Romanovu, gradsku upravu, pravni fakultet? 26. juna 2017. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1519790481375096&id=1371068086247337 (дата обращения: 05.07.2020).

References

Abaz, M. *Pismo mladog Sarajlije: Sarajevu ne treba spomenik Francu Ferdinandu!* 27. novembar 2013. URL: <https://www.6yka.com/novosti/pismo-mladog-sarajlije-sarajevu-ne-treba-spomenik-francu-ferdinandu> (accessed: 05.07.2020).

Antonić, S. "Hitleri" iz našeg tvitera. 19. april 2020. URL: <http://www.nspm.rs/kolumne-slobodana-antonica/hitleri-iz-naseg-tvitera.html> (accessed: 05.07.2020).

Arnautović, M. *Treba li Sarajevu spomenik Francu Ferdinandu. 2. decembar/prosinac 2013.* URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/treba-li-sarajevu-spomenik-francu-ferdinandu/25187490.html> (accessed: 05.07.2020).

Banja Luka: Dodik i Šogolev otkrili spomenik caru Nikolaju II. 21. juna 2014. URL: <https://www.intermagazin.rs/banjaluka-dodik-i-sogolev-otkrili-spomenik-caru-nikolaju-ii/> (accessed: 05.07.2020).

Belaiats, M. *Komu nuzhna revizija istorii? Starye i novye spory o prichinakh Pervoĭ mirovoj voĭny.* Moscow: Algoritm, 2015, 368 p.

Belić, N. "Spomenik ruskim i srpskim vojnicima palim u Velikom ratu" *Politika*, 18. septembra. 2014.

Belić, N., Mučibabić D. "Obnova «Zlatne morune» u čast Principa i «Mlade Bosne»." *Politika*, 19. decembra. 2013.

"Beograd dobija park Aleksandrov i park Gavрила Principa." *Politika*, 20. aprila. 2017.

"Bocan-Harčenko: Spomenik ruskim vojnicima simbol neotuđivih veza Srbije i Rusije." *Danas*, 11. novembra 2019.

Bogdanović, B. "Oružje sarajevskih atentatora." *Istorijske sveske Andrićevog instituta*. no 6, 2014, p. 11–20.

Božović, A. "Memorijali Prvog svetskog rata na području Beograda." *Odbrana. Specijalni prilog*, no. 112, 2014, p. 1–32.

Brakočević, M. "Propada spomenik zahvalnosti Francuskoj." *Politika*, 20. jula 2013.

Buisson, J.-C. "Commémoration du 11 novembre: la Serbie injustement humiliée." *Le Figaro*, 13 novembre 2018.

Bulatović, R. "Ovo je spomenik koji će u Beogradu biti podignut srpskim i ruskim vojnicima" *Blic*, 23. jula 2014.

Crvena armija i ruska emigracija u Jugoslaviji za vreme Drugog svetskog rata u ogledalu anti ib-ovske propagande; sost. A. Timofejev. Beograd: Ukronija, 2018, 265 p.

Crnim sprejom na spomenik zahvalnosti Francuskoj. 13. novembra 2018. URL: https://www.b92.net/info/komentari.php?nav_id=1468809 (accessed: 05.07.2020).

Cvetković, Lj. *Šta će Beogradu spomenik Gavrilu Principu*. 9. juni/lipanj, 2015. URL: <https://www.slobodnaevropa.org/a/sta-ce-beogradu-spomenik-gavrilu-principu/27062580.html> (accessed: 05.07.2020).

Čalija, J. "Beli krst u spomen na crne dane." *Politika*, 19. avgusta 2014.

Grandiozni spomenik Principu na Kalemegdanu? 22.01.2014. URL: <https://mondo.rs/Info/Srbija/a654844/Grandiozni-spomenik-Principu-na-Kalemegdanu.html> (accessed: 05.07.2020).

Dukić, B. *Nemačko ratno groblje u Smederevu*. Smederevo: Narodna biblioteka, 2010, 172 p.

Esinskaia, I. *Poklonnyĭ Krest sviatym Tsariam v Serbii*, v g. *Topole*. 19 sentjabria 2013. URL: https://fondvladimira.ucoz.ru/news/poklonnyj_krest_sviatym_carjam/2013-09-19-1 (accessed: 05.07.2020).

Filipović, M. "Nema para za spomenik Francu Ferdinandu." *Večernje novosti*, 3. februar. 2014.

IAB (Istorijski arhiv Beograda), F. Urbanistički planovi. D. "*Plan Ruskog doma. Dobro ruske države. Parcela 547, 548. K.O.Belgrad-5. 1935*".

Igor Šeter — bista Car Nikolaj Drugi Romanov. http://www.art-igor.com/busts_files/Ruski_Car_Nikolaj_II_Romanov_vajar_Igor_Seter.html.

J. C. M. "U KC Niš u znak zahvalnosti postavljen portret škotske doktorke." *Južne vesti*, 27. juna 2019.

Kučuk-Sorguč, I. "Prilog historiji svakodnevice: Spomenik umorstvu — okamenjena prošlost na izdržavanju stoljetne kazne." *Prilozi Instituta za istoriju u Sarajevu*, no. 34, 2005, s. 61–66.

Lakić, S., Radišić, N. "«Povratak» Apisa podelio Srbiju." *Blic*, 31. avgusta 2015.

Lingvističko-bihejviorističke metode "preumljavanje" Srba. Načini širenja neprijateljske propagande na socijalnim mrežama. 30. aprila 2020. <https://medium.com/@analitika.rs/lingvističko-bihejviorističke-metode-preumljavanje-srba-542f2327280d> (accessed: 05.07.2020).

Lj. M. "Gvozdeni puk konačno dobija spomenik u Prokuplju." *Južne vesti*, 17. avgusta 2016.

Lj. M. "Otkriven spomenik junacima Gvozdenog puka u Prokuplju." *Južne vesti*, 12. oktobra 2018.

Lj. M. "U Igrištu otkriven prvi spomenik «Gvozdenom puku»." *Južne vesti*, 4. oktobra 2016.

LSV: Sahrana Apisa na Kalemegdanu - povratak Crne ruke. 3. novembra 2015.
URL: <http://rs.n1info.com/Vesti/a105917/Reakcije-na-sahrano-Apisa-na-Kalemegdanu.html> (accessed: 05.07.2020).

Majstorović, G. "Za Vidovdan spomen obeležje Milunki Savić." *Sremske novine*, 27. juna 2018.

Marko (Simić, B.) "Nikola Hartvig. Spoljna politika Srbije pred svetski rat." *Nova Evropa*, no. 8, 1928, p. 256–277.

Moskva — Serbiia, Belgrad — Rossiia. Sbornik dokumentov i materialov. T. 4. / prir. A. Timofeev, G. Miloradoviĥ, A. A. Silkin. Moscow; Belgrad: Arhiv Srbije — Glavnoe arkhivnoe upravlenie goroda Moskvy, 2017, 1006 p.

Lenković, B. "Rusi podižu krst u Topoli" *Alo!*, 27. juna 2014.

Nestorović, N. B. *Građevine i arhitekti u Beogradu prošlog stoleća*. Beograd: Udruženje jugosl. inženjera i arhitekta, 1937, 101 p.

Nikolić, M. "Evo gde će biti postavljen spomenik Gavrilu Principu u Beogradu." *Blic*, 9. juna 2015.

Od Francuske 200.000 evra za obnovu spomenika. 13. novembra 2017. URL: <https://mondo.rs/Info/Beograd/a1056524/Francuska-daje-200.000-evra-za-obnovu-Spomenika-zahvalnosti-zoj-zemlji-na-Kalemegdanu.html> (accessed: 05.07.2020).

"Odluka Privremenog organa grada Beograda o podizanju spomenika ruskom caru Nikolaju II. 11. april 2014. Br. 110-2431/14-S-20." *Službeni list grada Beograda*, no. 34, 2014, p. 11.

Osveštana kapela Sarajevsko-Vidovdanskih heroja na Koševu. 12. oktobra 2019. URL: <http://www.mitropolijadabrobosanska.org/vijest1574.html> (accessed: 05.07.2020).

Otkrivena spomen-bista caru Nikolaju Drugom. 30. septembra 2017. URL: <https://www.rtrs.tv/vijesti/vijest.php?id=271651> (accessed: 05.07.2020).

"Postavljanje spomenika Gavrilu Principu u Beogradu." *Blic*, 26. juna 2015.

"Protest ispred RIK-a." *Večernje novosti*, 30. april 2016.

Prvi svetski rat i ruska nekropola. 1. avgusta 2014. URL: <http://www.ambasada-rusije.rs/sr/vesti/prvi-svetski-rat-i-ruska-nekropola> (accessed: 05.07.2020).

Radisavljević, Z. "Gavrilo Princip je pucao u okupatora." *Politika*, 20. septembra. 2013.

Rizvić, S., Krezić, A. "Interaktivni modeli Ferdinanda i Sofije za projekat Virtuelnog muzeja sarajevskog atentata" *Digitalizacija kulturne baštine Bosne i Hercegovine. Drugi međunarodni simpozij*. Sarajevo: Društvo za DTKB, 2010, s. 1–11.

Rossiia na Serbskom fronte Pervoĥ mirovoj voĥny. Pomoshch' armii i flota Rossii Korolevstvu Serbiia v 1914–1918 gg.; ed. A. Iu. Timofeev, D. Kremich. Moscow: Veche, 2014, 317 p.

Spomenik Principu u Istočnom Sarajevu. RTV. 27. jun 2014. URL: http://www.rtv.rs/sr_lat/region/spomenik-principu-u-istocnom-sarajevu_498590.html (accessed: 05.07.2020).

“Sramota na Kalemegdanu! Ništa više nije sveto! Vandali oskrnavili srpsko-ruski spomenik, ukrali vrednu bistu Svetog Đorđa.” *Kurir*, 18. septembra 2018.

Stojanović, M. *Urbani gerilci opominju nišku vlast: Duhoviti plakati, cveće u rupama u asfaltu*. 31. marta 2019. URL: <http://rs.n1info.com/Vesti/a472499/Urbani-gerilci-opominju-nisku-vlast-Duhoviti-plakati-cvece-u-rupama-u-asfaltu.html> (accessed: 05.07.2020).

Subotić, V., Opačić, P., Miljanić, G., Pavlović P. *Memorijali oslobođilačkih ratova Srbije. Vol. 1 (t. 1 i t. 2.), vol. 2*. Beograd: Vlada Republike Srbije, Ministarstvo rada, zapošljavanja i socijalne politike; BeoSing: Republički zavod za zaštitu spomenika kulture, 2006, 476 p., 402 p., 591 p.

Šarenac, D. *Mir, pobeda, pomirenje ili čemu Srbiji služi Prvi rat. 6. decembra 2019*. URL: <https://pescanik.net/mir-pobeda-pomirenje-ili-cemu-srbiji-sluzi-prvi-rat/> (accessed: 05.07.2020).

Timofeev, A. Iu. “Soprotivlenie nemetskoj okkupatsii v Serbii i russkaia emigratsiia v gody Vtoroi mirovoi voiny.” *Rossiiskaia emigratsiia v bor'be s fashizmom*. Moscow: Dom russkogo zarubezh'ia im. A. Solzhenitsyna, 2015, p. 238–271.

Ulunian, A. A. «*Posleprazhskii 1969-ï*» [Tekst]: *sovetskie diplomatiia i razvedka v poiskakh soizuznikov i protivnikov na Balkanakh i v Evropejskom Sredizemnomor'e*. Moscow: URSS-LENAND, 2016, 400 p.

Vishniakov, Ia. V. *Voennyi faktor i gosudarstvennoe razvitie Serbii nachala XX veka: monografiia*. Moscow: MGIMO, 2012, 440 p.

“Vlasti Sarajeva namjeravaju da podignu spomenik austrougarskom prestolonasljedniku Ferdinandu.” *Glas Srpske*, 4. juna 2013.

Vučetić, R. “Pobedeni pobjednik. Polemike uoči postavljanja Meštrovićevog spomenika.” *Godišnjak za društvenu istoriju*, no. 2, 1999, p. 110–123.

Za obnovu Spomen-kosturnice Kolubarske bitke u Lazarevcu 12 miliona dinara iz gradskog budžeta. 25. januara 2018. URL: <https://www.ekapija.com/news/2011410/za-obnovu-spomen-kosturnice-kolubarske-bitke-u-lazarevcu-12-miliona-dinara-iz> (accessed: 05.07.2020).

“Zahtev Srpske lige: Spomenik Apisu u centru Beograda.” *Večernje novosti*, 26. decembar 2017.

Zašto smo išarali spomenik ruskom caru Romanovu, gradsku upravu, pravni fakultet? 26. juna 2017. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1519790481375096&id=1371068086247337 (accessed: 05.07.2020).

Zdravković, I. M. “Kuća Stojana Simića — Simićevo zdanje.” *Godišnjak Muzeja grada Beograda*, no.1, 1954, p. 206–208.

Živanović, M. *I krst i petokraka. Ruski grobni kompleksi u Jugoslaviji u 20. veku*. Beograd: INIS, 2020, 568 p.

Živanović, M. “Uspomene na cara Nikolaja II kod Srba uoči i posle Prvog svetskog rata.” *Istorijske sveske*, no. 16/17, 2015, p. 32–39.

Alexey Y. Timofeev
University of Belgrade, The Institute for Recent History of Serbia
(Belgrade, Serbia)

The centenary of World War I in Serbia: A war of monuments

The anniversary of the First World War in Serbia has become an occasion for exacerbating public discussion and drawing attention to the rise of revisionism in NATO countries. Fear of a revision of the history of World War I influenced Serbian society and elites on the eve of the centenary. The concerned Serb elites responded with a wide range of events organized in Serbia and Republika Srpska. Within the framework of the commemorative events dedicated to the anniversary, monuments, installed and restored by the Serbian authorities and their foreign partners, have received special significance. These were monuments to the Serbian patriot G. Princip, to the famous Iron Regiment, to the woman volunteer-soldier Milunka Savic. They are traditional figures of the Serbian memory of the First World War. At the same time, Serbian authorities did not succeed in their attempt to perpetuate in monumental forms the head of the Serbian military intelligence D. Dimitrievic-Apis, the leader of the Serbian nationalist organization Black Hand, which patronized the Mlada Bosna organization that prepared the assassination on Franz Ferdinand. The Russian-Serbian monuments of the First World War in Serbia presenting Nicholas II and the military brotherhood of the two peoples were of special significance. All new monuments have become memorial sites and at the same time attractive points for various political forces expressing their sympathies and antipathies through symbolic gestures towards them.

Keywords: revisionism, historical memory, the centenary of the First World War, Nikolai II Alexandrovich Romanov, G. Princip, Russian-Serbian ties.

УДК 930.272:[811.163.1+811.161.1](045)
ББК 63.2

А. К. Поливанова
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Писцы и филиграни Егоровско-Барсовского хронографа конца XVI в.

Данная статья посвящена описанию двух древнерусских рукописей конца XVI в., содержащих текст Русского хронографа в редакции 1512 г. Хранящиеся ныне в двух разных рукописных собраниях Москвы, они были определены как части единого целого в работе М. В. Щепкиной и Т. Н. Протасьевой, однако не были прежде полноценно описаны. Первая рукопись (РГБ, соб. Егорова № 202) частично иллюстрирована, а во второй (ГИМ, соб. Барсова № 1695) оставлены места для инициалов и миниатюр. По предположению А. А. Турилова, двухчастный хронограф предназначался для царя Федора Иоанновича, но не был завершен по причине его смерти в 1598 г. В настоящей статье подробно разобраны филиграни, почерки, орфография и язык (в частности, акцентуация) двухчастного хронографа.

Егоровский хронограф написан на бумаге одного сорта тремя разными писцами. Барсовский хронограф — на бумаге семи сортов, но одним почерком, который удалось отождествить с одним из почерков Егоровского. При этом одну из филиграний Барсовского хронографа удалось определить точно: она представлена в литовских рукописях 1593 и 1594 гг.

Ключевые слова: *древнерусский язык, рукописи, XVI век, Русский хронограф, акцентуация, филиграни.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.2.01

0. Статья посвящена двум рукописям конца XVI в., вместе представляющим список Русского хронографа в редакции 1512 г. Хранящиеся ныне в двух разных рукописных собраниях Москвы, они были идентифицированы как части единого целого в работе М. В. Щепкиной и Т. Н. Протасьевой (Щепкина, Протасьева 1958: 54–55), однако не были прежде полноценно описаны.

Первой половиной двухчастного хронографа, которую я буду далее называть Егоровским хронографом, является лицевая руко-

пись № 202 из собрания Е. Е. Егорова, хранящегося в Российской государственной библиотеке, а второй частью — хронограф № 1695 из собрания Е. В. Барсова в Государственном историческом музее (далее — Барсовский хронограф).

Егоровский хронограф кратко описан Л. Н. Пушкаревым (Пушкарев 1983: 37–39). Историю Егоровской коллекции рукописей изучал Ю. Д. Рыков, установивший, что Е. Е. Егоров купил лицевой хронограф у собирателя икон, рукописей и старопечатных книг И. Л. Силина в 1896 г. (Рыков 1986: 70). Изучением миниатюр Егоровского хронографа занимался Г. П. Георгиевский, который полагал, что он является частью Лицевого летописного свода 1560–1570-х гг. (Георгиевский 1933: 36). Позже Б. М. Клосс датировал филигрань этой рукописи примерно 1580–1590-ми гг., опровергнув, таким образом, предположение Г. П. Георгиевского (Клосс 1980: 206). Акцентуацию Егоровского хронографа изучил А. А. Зализняк (Зализняк 1985). Барсовский хронограф не привлекал внимания исследователей.

Далее последовательно рассмотрены и сопоставлены филиграни, почерки, орфография и язык двухчастного хронографа. Я обратилась к данной теме, выявив различия в языковых особенностях Егоровского и Барсовского хронографов: изученная мною акцентная система глаголов и существительных Барсовской рукописи показала существенные ее отличия от Егоровской¹.

Описание каждого хронографа дается в следующем порядке: филиграни, содержание, оформление, датировка, почерк, орфография и язык. Такой не совсем традиционный порядок описания я выбрала неслучайно. Описание начинается с филиграней и содержания, так как именно эти характеристики сигнализируют о том, что эти рукописи являются частями одного целого и, следовательно, должны изучаться в сравнении.

1. Егоровский хронограф

Рукопись большого формата, 1°, содержит 1442 листа, с большим количеством миниатюр. Написана крупным красивым полууставом. Переплет твердый, обтянут кожей, с застежками со стершейся позолотой. При переплете использована бумага с водяным знаком «АО» типа Тромонин № 1103 (1811 г.) (Пушкарев 1983: 37).

¹ Об акцентуации *i*-глаголов Барсовского хронографа см. (Поливанова 2018).

1.1. Филигрانی

Егоровский хронограф написан на бумаге одного сорта с филигранью, изображающей две переплетенных между собой колонны, увенчанных короной. Колонны стоят на рамке, в которой, вероятно, было написано имя изготовителя бумаги, не поддающееся прочтению (далее — филигрань I).

Г. П. Георгиевский относил эту филигрань к филиграням Эдмона Дениза — № 4432–4436 по каталогу Ш.-М. Брике (Briquet 1907; Георгиевский 1933: 36). Между тем, как отметил Б. М. Клосс, эта филигрань больше похожа на филигрань № 4437 по каталогу Ш.-М. Брике, встречающуюся в документах 1584–1592 гг. (Клосс 1980: 206), следовательно, датировать рукопись можно примерно 1580–1595 гг.

1.2. Содержание

Егоровский хронограф разделен на 113 глав. Первые две главы имеют названия «О божестве, о святой Троице, о вере и о прочих вещах» и «Изложение о вере», тогда как первая глава Русского хронографа редакции 1512 г. называется «О шести днях». Эта глава является третьей в Егоровском хронографе. Согласно О. В. Творогову (Творогов 1975: 192), две первые главы, которые представлены в Егоровском хронографе, в некоторых рукописях предшествовали основному содержанию Русского хронографа, но не являлись его составной частью. С третьей главы Егоровского хронографа начинается последовательное повествование о событиях от сотворения мира до Рождества Христова. Подробное сопоставление содержания Егоровского хронографа с текстом Русского хронографа 1512 г. дано в описании Л. Н. Пушкарева (Пушкарев 1983: 37–39).

1.3. Оформление

Хронограф иллюстрирован, но не до конца: по подсчету Г. П. Георгиевского, выполнена 1261 миниатюра и 700 свободных мест оставлено под миниатюры (Георгиевский 1933: 36). Миниатюры имеются на л. 1–589, 597–803, 1048–1120, отсутствуют на л. 590–596, 804–1047; л. 1121 — последний, где для них оставлено место (на л. 1043–1047 нарисованы рамки для миниатюр). Большие красочные инициалы представлены на л. 1–596, а далее отсутствуют.

1.4. Датировка и заказчик

На изготовление рукописи с большим количеством миниатюр должно было быть затрачено много средств. Очевидно, что она создавалась для очень богатого заказчика, возможно для царя.

В 1599 г. в Москве была создана новая редакция Русского хронографа, так называемая Пространная редакции 1599 г. (Творогов 1975: 208). Наличие в Егоровском хронографе редакции 1512 г. позволяет датировать его временем до создания новой редакции. По водяным знакам она может быть датирована концом XVI в.

По предположению А. А. Турилова, заказчиком незавершенной роскошной рукописи мог быть Федор Иоаннович, умерший в начале 1598 г.²

1.5. Почерки

Хронограф написан полууставом одним почерком (А), за исключением нескольких листов, полностью написанных двумя другими почерками³: 1) л. 413, 414 — почерк В; 2) л. 597, 604, 613, 620 — почерк С. На наличие в рукописи трех почерков, а не одного указал А. А. Зализняк (Зализняк 1985: 220)⁴.

Основной почерк имеет две яркие особенности: писец А употребляет только трехмачтовую букву *т*, наблюдаются определенные закономерности в распределении графем *и* и *ї*, см. табл. 1.

Таблица 1. Распределение графем *и* и *ї* у писца А

	и	ї
перед гласными	никогда	всегда
после буквы <i>н</i>	никогда	всегда
в приставке <i>при-</i>	очень редко	почти всегда
на конце слова	редко	часто
в конце строки	редко	часто
после букв <i>в, л, м, р</i>	редко	часто

2 Я признательна А. А. Турилову за консультацию по этому вопросу.

3 На каждом листе рукописи весь текст, включая киноварные записи, написан каким-то одним почерком, т. е. в рукописи нет ни одного листа, в написании которого участвовали бы два и более человека.

4 А. А. Зализняк предполагал, что и л. 694 написан другим почерком, однако это не так. Возможно, А. А. Зализняк имел в виду лист по другой нумерации, но я такой лист не смогла обнаружить.

Вот некоторые примеры употребления графемы *ї*: *трѣхъ* (1b₁₂), *кнѣгы* (15b₁₆), *испытати* (5a₄), *е҃гїпетъ* (103a₃₋₄), *сърїна* (119a_{7,9}), *лїцы* (127a₄), *исполїні* (71b₅), *амїнь* (20b₄).

Возможно, графема *ї* служит писцу А и для передачи ударения: можно заметить, что в словоформах с ударным звуком [i] пишется либо восьмеричное *и*, и тогда над ним, как правило, стоит знак ударения, либо десятеричное *ї*, и тогда знак ударения обычно отсутствует, ср.: *єдїница* (6a₇) – *єдїницы* (7a₁₄); *рахіли* (286b₉) — *рахіли* (198b₁₅); *міром* (1319b₁₀) — *міръ* (66b₁₂); *птїца* (43a₂) — *птица* (38a₇); *авїса* (150a₃) — *авїса* (188a₁). Между тем показанная в табл. 1 специфика распределения графем *и* и *ї* в Егоровском хронографе не позволяет уверенно утверждать, что употребление графемы *ї* связано с ударением.

В почерке В, как и в основном (А), используется трехмачтовая *т*, однако после *н* встречается обычное *и*. В почерке С трехмачтовое начертание *т* не встречается, а *ї* стоит только перед гласной, как в большинстве рукописей этого времени.

1.6. Орфография и язык

Ниже перечислено несколько важных особенностей языка писца А.

1.6.1. Надстрочные знаки

В Егоровском хронографе используются следующие надстрочные знаки:

- а) «*˘*» – оксия (акут), знак ударения;
- б) «*˙*» – вария, знак ударения на последней букве в слове (в Егоровском хронографе используется редко);
- в) «*ˆ*» – придыхание, ставится над гласной в начале слова или над гласной, которая следует за другой гласной;
- д) «*˚*» – паерок, стоит на месте опущенных редуцированных.

Примеры: *лоуѣа солнеѣнаѣ* (1279b₁₅), *моужоу* (1280b₇), *наѣаша* (1300b₁₃), *предваряешы насъ* (1301b₁₅), *Обещанное* (1373a₇₋₈), *ѣада* (1308b₁₃), *Облачашеса во одежоу* (1256a₁₃), *обычаю* (1256b₁₃), *ибо многацы надбюшеса* (1269a₁₅), *ты воспросилъ еси насъ* (301b₅₋₆).

рой «о широкое» (О) передает фонему [ô], а «о узкое» (o) – фонему [ɔ], см. (Зализняк 1985: 208, 220).

1.6.5. Акцентная система глаголов

Егоровский хронограф акцентуирован примерно на 50 процентов.

Акцентуация рукописи подробно рассмотрена А. А. Зализняком; эта рукопись является одним из источников книги «От праславянской акцентуации к русской» (Зализняк 1985), ее материал вошел и в словарь «Древнерусское ударение» (Зализняк 2019)⁵.

Согласно А. А. Зализняку, в старовеликорусский период акцентные системы подразделялись в первую очередь на западные и восточные (Зализняк 1985: 368). По выделенным им признакам акцентная система глаголов Егоровского хронографа относится к восточной зоне; подробнее см. (Зализняк 1985: 220).

2. Барсовский хронограф

Рукопись большого формата, 1°. Содержит 1338 листов, не считая трех листов в конце рукописи, подклеенных позже. Переплет XX в., с надписью «хронограф» на корешке.

Имеющаяся в рукописи и используемая мною сплошная чернильная нумерация арабскими цифрами, относящаяся к XVIII или XIX в., имеет многочисленные сбои, поэтому ей следует уделить внимание, прежде чем переходить к описанию рукописи. Нумерация выполнена на одной стороне листа, в верхнем правом углу.

Первые 15 листов с оглавлением не пронумерованы. Нумерация начинается после них, номера проставлены на каждом листе и доходят до числа 1319 на последнем листе. Вся рукопись пронумерована до последнего листа.

Некоторые сбои нумерации позволяют проследить историю рукописи в поздний период. Лист с номером 726 находится между листами 728 и 729. Внизу переставленного л. 726 имеется приписка почерком XVII в.: «помехи в переплете сеи лист читаи ниже двух листов». При этом, судя по содержанию, этот лист находится на своем месте, следовательно, он был возвращен на свое первоначальное место уже после того, как рукопись была пронумерована. Листы с 1054 по 1061, напротив, находятся не на своем месте, а на сто листов ниже. Эта ошибка переплетчика, по-видимому, была вызвана ошибкой при

⁵ В работах А. А. Зализняка Егоровский хронограф сокращается как «Хр.».

сплошной нумерации листов: дело в том, что листы между л. 1136 и 1182 имеют номера 1037–1081 (ниже они обозначаются мною как л. 1037*, 1038* и т. д.). Перечислю иные ошибки, вызванные недосмотром при нумерации: пропущены номера 554, 555, 566, 1065 (первой нумерации), 1066 (первой нумерации), 1131, 1135, 1184, 1188, 1219, 1220, повторяются номера листов 448, 496, 543, 735, 1136, 1062*, 1063*, 1070.

Несмотря на то что в Барсовском хронографе представлена только поздняя нумерация, писец всё же вел подсчет листов. Об этом свидетельствуют выполненные его рукой пометы: 1) на поле л. 127 написано «лѣтꙋ рѣи», т. е. 'лист 138', а на поле л. 138 написано «лѣтꙋ рѣзъ», т. е. 'лист 127'; 2) внизу в правом углу тысячного листа написано «а» '1000'; 3) на обороте листа 1320 (на этом листе заканчивается повествование хронографа) в самом низу запись: «а̄ г̄ т̄ к̄ е̄ листо̄», которая должна подразумевать, что в рукописи было 1325 листов (такому прочтению мешает буква «г̄», но если присмотреться к надписи внимательнее, то виднеются бледные буквы «с» и «о» слева и справа от «г̄», следовательно, те буквы, что отчетливо видны сейчас, были позднее обведены, а первоначально там было написано «а̄ г̄ ст̄о̄ к̄ е̄ листо̄», т. е. 1325 листов). Между тем в рукописи насчитывается 1328 листов или 1343 листа, если считать оглавление.

2.1. Филиграни

Барсовский хронограф написан на бумаге семи сортов. Основная часть рукописи написана на бумаге с той же филигранью I, что и в Егоровском хронографе (см. п. 1.1). Исключение составляет 21 лист. Это листы 688–692, 700, 797, 824, 876, 883, 889, 898, 900, 903, 904, 984, 985, 913–916, они представляют еще шесть видов бумаги с филигранями: 1) «топор»: л. 688–692, 700 (далее — филигрань II); 2) «лилия»: л. 797 (III); 3) «кувшин 1»: л. 824, 876, 898, 900 (IV); 4) «кувшин 2»: л. 883, 889, 903, 985 (V); 5) «кувшин 3»: л. 904, 984 (VI); 6) «щиток»: л. 913–916 (VII). Ниже представлено описание этих филиграней.

Филигрань II. 7 см × 5 см. Польский герб Топор, с полумесяцем наверху, в картуше. Идентична филиграни № 1700 по каталогу Э. Ла-

6 Таким образом, листы с номерами 1062 и 1063 встречаются в рукописи по три раза: и на своем законном месте, и по два раза там, где листы между л. 1136 и 1182 имеют номера 1037–1081.

уявничюса, представленной в литовских рукописях из Тракая 1593 г. и из Расейня 1594 г. (Laucevičius 1967a: 125–126, 197; Laucevičius 1967b: 230).

Филигрань III. 3 см × 2 см. Лилия на длинном стебле, снизу стебель оканчивается ромбом. Напоминает филигрань № 7012 из каталога Ш.-М. Брике (1597 г.). Правда, стебель лилии на филигрань из каталога Ш.-М. Брике заканчивается снизу не ромбом, а маленьким кругом.

Филигрань IV. 5,5 см × 2,2 см. Кувшин под короной, украшенной цветком, ручка кувшина изображена двойной линией слева и тоже украшена цветком, ножка кувшина прямая. Ср. похожие филигранные в каталоге Ш.-М. Брике: № 12630 (1534 г.), № 12813 (1582 г.).

Филигрань V. 6,5 см × 2,5 см. Кувшин под короной, с цветком на крышке, ручка кувшина изображена слева двойной линией и тоже украшена цветком, ножка изогнута. В центре кувшина, возможно, инициалы, которые не поддаются прочтению. Ср. близкие филигранные в каталоге Ш.-М. Брике: № 12752 (1554 г.), № 12739 (1556 г.), № 12746 (1556 г.), № 12792 (1574 г.), № 12811 (1594 г.).

Филигрань VI. 5,6 см × 2,4 см. Кувшин с крышкой, ручка кувшина изображена слева двойной линией и украшена цветком, ножка кувшина прямая. Крышка украшена четырьмя цветками, образующими пирамиду — на трех цветках возвышается четвертый. В центре кувшина, возможно, инициалы, которые не поддаются прочтению. Ср. филигрань в каталоге Ш.-М. Брике № 12598 (1544 г.).

Филигрань VII. 3 см × 2,5 см. Щиток с правой перевязью в виде рутовой короны (герба Саксонии). Тот же герб представлен на филигрань № 1210 из каталога Ш.-М. Брике, датируемой 1576 г. Между тем контур (очертания) гербового щита ближе к контуру щита, представленному на филигрань № 887 из каталога Ш.-М. Брике, также датируемой 1576 г.

2.2. Содержание

Барсовский хронограф начинается 110-й главой и заканчивается 208-й. В этих 99 главах хронологически последовательно, без пропусков, изложены события всемирной истории от Рождества Христова до взятия Константинополя, что соответствует второй половине Русского хронографа редакции 1512 г.

Все нестыковки в изложении вызваны перестановкой листов в данной рукописи. Из 193-й главы фрагмент повествования о Савве

Сербском попал в 170-ю главу, в которой рассказывается о царствовании императора Льва VI Мудрого. Кроме этого, в главу 198-ю, в которой повествуется о правлении сербского короля Стефана (Стефана Уроша III), вставлена тетрадка из 189-й главы, в которой повествуется о правлении Юрия Долгорукого. Об этих ошибках на полях внизу сделаны замечания. На обороте листа под номером 1091 (193-я глава) написано: «Смотри в р̄б главе 8 листов», и на листе с номером 839 (170-я глава) внизу: «С сего листа и до осми следующих продолжает перемешанное житие Савы Сербского». На обороте листа 1053⁷⁷ (198-я глава) внизу написано: «См. через 8 листов ниже». Вышеперечисленные приписки, судя по почерку, скорее всего, сделаны в XVIII в., возможно, тем же писцом, который нумеровал листы. В 189-й главе замечания на полях отсутствуют. О неправильном расположении восьми листов понятно не только из контекста, но и по нумерации: в 189-й главе листы с номерами с 1054 по 1062 отсутствуют, а в 198-й за листом с номером 1053, который встречается в третий раз, следуют листы с номерами с 1054 до 1062, которые и по содержанию, и по нумерации как раз попадают в 189-ю главу, соответственно, эта тетрадка подшита не на своем месте. Весь остальной текст хронографа идет без пропусков и последовательно.

2.3. Оформление

Барсовский хронограф должен был быть иллюстрирован — в начале и в конце глав оставлены места для миниатюр. Оставлено место и для инициалов, на некоторых листах даже есть их контурные заготовки (143а, б; 144б; 227б; 246б; 247а; 263б; 653а; б, 818б; 1078а, б; 1081б; 1094б).

В некоторых местах предполагались и большие миниатюры на разворот:

1. На развороте 1096б–1097а строки текста начинаются на л. 1096б и продолжаются на л. 1097а. В тексте на этом развороте рассказывается о Липицкой битве 1217 г. между Юрием и Константином Всеволодичами. Под текстом оставлено примерно пол-листа свободного места для большой миниатюры.

2. На развороте 1107б–1108а (где повествуется о взятии Владимира Батыем) строчки тоже начинаются на одном листе, а продолжаются на другом и внизу тоже оставлено место для большой миниатюры.

⁷⁷ Символ «ʹ» обозначает, что лист с этим номером уже встречался: здесь имеется в виду лист, пронумерованный как 1053 третий раз.

3. На развороте 789b–790a тоже идет единый текст, который описывает путь из варяг в греки, и этому тоже должна была быть посвящена большая миниатюра.

2.4. Датировка и заказчик

Редакция Русского хронографа 1512 г. имеет точную датировку благодаря указанию в 161-й главе «О отложении мяса иноком», в которой повествуется об истории монашеского поста, о том, с какого времени монахи перестали есть мясо, и произведен расчет лет до составления текста хронографа — до 1512 г. В Барсовском же хронографе хронологические выкладки в 161-й главе, которые позволили бы точно датировать рукопись, отсутствуют.

Учитывая большой формат, хорошую бумагу и задуманные миниатюры, можно предположить, что и эта рукопись создавалась для царя. Принимая во внимание датировку бумаги и то, что перед нами хронограф редакции 1512 г., можно сделать вывод, что и он писался для Федора Иоанновича, как и описанный выше Егоровский хронограф.

2.5. Почерки

Основной текст Барсовского хронографа написан полууставом, одним почерком. Как удалось установить, это один из дополнительных почерков Егоровского хронографа, а именно почерк С.

В рукопись самим писцом внесены некоторые добавления, преимущественно киноварью: 1) на многих листах на местах отсутствующих инициалов вписаны маленькие буквы (см., например, л. 144а, 145–198, 706–749); 2) на листах 112а, 126а, 133b, 145а, 784b, 1276а проставлены дополнительные ударения: или поверх имеющихся, или вторые в слове, или в словах, в которых изначально ударения не стояло⁸; 3) многочисленные заметки на полях: это и буквами записанные номера листов, и картинки, иллюстрирующие написанное, и даты, о которых идет речь на листе, и разные другие пометы⁹; 4) на

8 Добавленные ударения вставлены красным, и здесь я и их передаю знаком «'»: л. 126а — **в**идѣ^бже; л. 145а — **п**рореч^е, **п**опуст^и **т**ако, **п**риит^и; л. 784b — **а**фетовы^е же, **з**а^подъ и **п**олоу^нощна^а; л. 1276а — **п**риид^е, **м**итрополит^ъ.

9 Некоторые примеры помет на полях: на л. 112а наверху написано **антиохъ**; на л. 126а на полях — **даніи**^а **пррѣ**^к; на л. 126b на полях сделана киноварью запись: **лис**^т **рлї** (ср. об этом п. 2.2 выше).

некоторых листах добавлены в слова сверху красным пропущенные буквы¹⁰; 5) на листе 264а, на котором находится текст **и постави на томъ столпѣ ѡбразъ члчъ мѣданъ имъи на главѣ седмъ лучъ**, красным нарисована картинка «лицо с семью лучами».

Кроме этого, есть некоторое количество помет, сделанных, судя по всему, Е. В. Барсовым. Приведу лишь один пример: на заднем форзаце (нахзаце) черными чернилами сделана запись «см. 1096об.», отсылающая к рассказу о битве на Липице, где должна была находиться большая миниатюра (см. п. 2.3 выше). В этом тексте теми же чернилами подчеркнуто имя богатыря «Добрыня Златой Пояс» (Добрыня Никитич). В рукописи можно встретить и другие барсовские подчеркивания.

2.6. Орфография и язык

Ниже перечислено несколько важных особенностей языка писца С.

2.6.1. Надстрочные знаки

В рукописи используются те же надстрочные знаки, что и в Егоровском хронографе, без особых отличий в употреблении («́» — оксия (акут), «̀» — вария, «^» — придыхание, «^» — паерок), см. п. 1.6.1. Единственный надстрочный знак, у которого наблюдаются отличия в употреблении, — вария. Здесь вария используется чаще.

2.6.2. Графемы

В хронографе используются следующие графемы: а, ѿ, б, в, г, д, е, ж, з, и, ї, к, л, м, н, о, о, п, р, с, т, оу, у, ѝ, ф, ѳ, х, ѡ, ѡ, ц, ч, ш, щ, ѣ, ы, ь, ѣ, ю, а, а также ѕ и зъ только в числовом значении.

Употребление графем ѿ и ѡ

ѿ используется только в начале слова или в начале корня после приставки, а ѡ встречается в любой позиции. Примеры: **лю|бѡ**^{Прае3Pl} (239b₄₋₅), **любѡше**^{Impf2-3Sg} (386a₅, 386a₉, 427b₅, 824b₁₆, 1117a₄), **любѡше**^{шт-PartBrevNPlm} (968b₆), **любѡмѡ**^{м-PartPlcнAPлн} (824b₁₀), **оуѡзвѡса**^{3SgAor} (483a₂, 609b₄), **оуѡзвѡса**^{3SgAor} (467b₂), **оуѡзвѡса**^{3SgAor} (420a₉), **оуѡзвѡ**^{н-PartBrevNSgm} (861b₇), **бѡше** (972b 11), **ѡвѡшасѡ** (216b₂).

¹⁰ На л. 126а в предложении «**пррочество данїѡл|во совершїса**» вставлена буква ї. На л. 633в в слово «**богомѣрскїи**» вставлено го.

Употребление графем и и ї

И используется в любой позиции, кроме позиции перед гласной. Буква ї используется регулярно только в позиции перед гласной, но встречается и на конце слова. Примеры: **біёмъ** (754a₂), **біютьса** (792b₁₄), **рѣжуціи** (535b₁₁), **били** (1260a₅), **восіаѣтъ** (876a₅), **оуставиши** (1049^а₇), **лежаци** (1297b₁₆), **написати** (332a₂₋₃).

Четкого распределения графем **оу / у / ъ** не наблюдается. Чаще используется **оу**, другие варианты тоже встречаются, но факультативно. Примеры: **ѡбращаѡхса** (1076b₃), **ѡброучѣнѣ** (1025b₇), **боудоутъ** (455a₄, 496b₁₀, 1052^а₁₂), **вѡдѣ** (1101a₉), **потребуи** (390b₁₋₂).

Графемы **ѡ** и **ѡ** встречаются только в именах собственных. Различия в их употреблении не наблюдается. Ср.: **матѡанъ** (1b₄) и **матѡанъ** (1a₂), **памѡиръ** (1b₁) и **памѡира** (1a₃).

2.6.3. Употребление гласных после шипящих

Таблица 3. Употребление гласных после шипящих писцом С

	а	ѡ	оу / у / ъ	ю	ы	и (ї)
ж	+	-	+	-	+	+
ч	+	-	+	+	-	+
ш	+	-	+	-	+	+
щ	+	-	+	-	+	+

Иллюстрации к таблице:

ж: **слоужаѣ** (652a₁, 1268a₁), **рѣжуціи** (535b₁₁), **слоужихъ** (1253b₁₀), **низложы** (1234b₆), **положиса** (1264b₄), **положиша** (277b₁₁);

ч: **печалиса** (846a₆), **плачаса** (695a₂), **наскачуца** (1004b₁), **плачущи** (214b₈), **плачущеса** (372b₉), **плачуща** (829b₇), **чюдодѣйствуетъ** (1317a₉), **почюдиса** (400b₉), **оумоучю** (342a₁₂), **оумоучи** (247b₆₋₇);

ш: **низложиша** (409b₁₂), **положиша** (278a₅), **шоумачи** (994a₁₂₋₁₃), **боудеши** (827a₉), **ѡставшихъ** (888b₃);

щ: **живоуца** (231a₉), **живоуцоу** (796a₆, 811a₁₂), **живоуци** (794b₇, 912a₁₁), **смышлщыхъ** (455a₈).

2.6.4. Соотношение ѣ и є

В безударной позиции ѣ может заменяться на є. Ср.: **цѣловá** (364b₁), **цє|ловáша** (986a_{2,3}), **цѣловáвъ** (1104a₄), **цє|ловáль** (1305b₁₄₋₁₅).

2.6.5. Графемы класса О

Для передачи фонем /о/ и /ѡ/ в рукописи используются три графемы класса О: **о**, **О**, **ѡ**. Они распределяются следующим образом: **О** используется только в ударной позиции, при этом над ним знак ударения проставляется факультативно; **о** — в любой позиции, а **ѡ** — только в позиции после гласной или в начале слова.

Примеры: **ноСИТЬ** (1048^б₆), **ноСИТІ** (209a₇), **но|СИТ ли** (828a_{7,8}), **ѡБНОВА́А** (1218a₆), **ѡБРѢТОУ́ХЪ** (730a₆, 776b₆), **ѡБРѢТЕ** (272a₅), **ѡБРѢТОША** (427b₃), **ѡБРѢТО́ША** (274b₉), **возлѡжатъ** (1316b₁₂), **во|зложИ** (223a_{5,6}), **испѡ|льнѡсѡ** (1060^б₁₁₋₁₂).

Как и в Егоровском хронографе, здесь представлена широколи-терная система графем класса О.

2.6.10. Акцентная система глаголов

Рукопись хорошо акцентуирована, примерно на 70 процентов.

По классификации А. А. Зализняка, акцентную систему глаголов Барсовского хронографа следует отнести к западной зоне. В кратких формах *н*-причастий а. п. с ударение падает на суффикс (типа *процѣно*), краткие формы именительного падежа единственного числа *н*-причастий *ν*-корневых и *а*-глаголов а. п. с имеют ударение на корне (типа *продáнь*, например **предáнь**, л. 650b₉), инфинитивы *с*-корневых глаголов имеют ударение по модели *нѣсти* – *несті́ся*, встречается тематизация ударения в глаголах а. п. *а* (типа *видѣти*), презенс с неслоговым корнем имеет ударение на первом слоге (типа *вѡзметь*). Между тем представлены и черты восточной зоны: сохранение подвижного ударения *ν*-корневых глаголов в *л*-причастиях. Подробнее об этих акцентных особенностях см. (Зализняк 1985: 343, 344, 352, 358, 364, 369).

3. Сопоставление Егоровского и Барсовского хронографов

Несмотря на то что Егоровско-Барсовский хронограф — это одно целое, из данного выше описания видно, что у этих рукописей есть целый ряд различий. Это и бумага, и почерк, и акцентная система, и нумерация глав.

Сходства и различия двух рукописей представлены в табл. 4.

Таблица 4. Сходства и различия Егоровского и Барсовского хронографов

Рукопись	Листы	Филиграни	Содержание	Миниатюры	Почерки	
Егоровский хронограф	1–22	I	Главы 1–2: Богословское введение	Красочные инициалы и миниатюры	A	
	23–412				B	
	413–414					
	415–590					
	590–596				Красочные инициалы, под миниатюры оставлено место	A
	597–694			Главы 3–113: Русский хронограф, до Рождества Христова	Красочные миниатюры, для инициалов оставлено место	A с включениями C
	695–803					
	803–1047				Оставлено место для инициалов и миниатюр	
	1048–1120				Красочные миниатюры, для инициалов оставлено место	A
1120–1442		Оставлено место для инициалов и миниатюр				
Барсовский хронограф	1–687		Главы 110–208: Русский хронограф, от Рождества Христова	Красочные инициалы и миниатюр, включая миниатюры на целый разворот	C	
	688–916	I с включениями II, III, IV, V, VI, VII				
	917–1338	I с включениями V, VI				

Среди различий удивляет, что номер первой главы второго тома не является следующим по отношению к номеру последней главы первого тома, однако Егоровский хронограф заканчивается фразой *бл̑го ѣсть мнѣ ꙗко жива кесара оставивъ и азъ оуже оумираю,*

которую произносит перед смертью **нѣкто изъ вельможъ**, а Барсовский начинается с родословия Богородицы словами **отъ колѣна нафанова сѣна двѣдѣ**, т. е. непосредственно со следующей фразы Русского хронографа редакции 1512 г.¹¹ Можно предположить, что два разных писца переписывали хронограф с одного оригинала, заранее отметив место, до которого должен был писать первый. При этом писец первой части добавил две вступительные главы богословского содержания (**ѡ бжѣтвѣ ѡстѣи трѣцѣ і ѡ вѣрѣ и проѡчихъ многихъ вещьхъ** и **изложение о вѣрѣ**), отсутствовавшие в протографе или не имевшие там нумерации. Соответственно, когда он приступил уже непосредственно к самому тексту хронографа, ему пришлось первую главу назвать третьей, что и вызвало, главным образом, нестыковку со второй частью. Кроме того, в первой части деление на главы и их названия, в отличие от второй части, не всегда совпадает с делением в других рукописях Русского хронографа, за счет чего в тексте оказывается 113 глав вместо 112 (или 110, если не учитывать первые две дополнительных главы).

Тому, что Егоровский хронограф красиво иллюстрирован, в то время как Барсовский только был для этого подготовлен, находится довольно простое объяснение. Отсутствие миниатюр начиная с л. 804 в Егоровском хронографе и во всем Барсовском хронографе, по предположению А. А. Турилова, объясняется наступившей во время работы над двухчастным хронографом смертью Федора Иоанновича, после чего надобность в лицевом хронографе отпала и художник прекратил свою работу.

¹¹ Ср. (ПСРЛ т. 22: 230–231).

134
1323

кінцрцаі восхипієсть моу
лнпелъ вь вротекіи женоу
єго рече же александръ мнѣ
аньдгонъ копитоломѣю сн
це александръ шешесвойны
ивъземшїи женоу єго іудпї
мпрїєго пполомїнрече ко
александроу аньдгонѣ сошво
рнсе вь корє александръ же прї
ше ношїю свойны воєкроусъ
їношїю прншешеша жгоша
сєланхъ онї же во збоукшєса
вопрошаху окуны и повелѣ
александръ во зопнпн азъ
єсмы аньдаоулъ црѣ прїше
сомногою снлою велювамъ

и рече мойсей ко вѣроу молютиса
 ги согрешивша людие снй грѣхъ
 великъ сотвориша себѣ бо
 ги златы иныне аще оубо
 такиши мѣртвѣхъ снй
 то остави аще ли ни то испи
 шимъ и скнигѣ своѣ кни
 же написанъ ма еси рече же
 гыкмоисю иже согрешилъ
 естъ комнѣ того и звергоу
 ѡкнигѣ своѣ ныне жетпы
 иди и возведи людина мѣ
 стое жереко тебѣ и англа
 моего послю прелице мѣ твоѣ
 вонже день присещю во
 зложы на нѣ грѣхъ и хъ ни то

Илл. 2. Егоровский хронограф, разворот 413б–414а, почерк В

414
У
БИТЬ ЛЮДИМНОСОГРЕШЕННА
РАДИ ТЕЛѸ А ЕЖЕ СОТВОРИ ДА
РОУЪ НА ГОРѢ СІНАИ СТЕН МОИ
СЕЙ МОЛАШЕ БГА ОМ А СПО
ДОЮ ПОБИТЬ ЛЮМНОГЪ

ЕУЖЕ ТЪ КМОИСІЮ ВЗЫДИ
ДО ПОУДУ И АЗЪ ПОСЛОУ ПРЕ

613 X
 ДОЖЫКТОМУ ЯВИТИСЯ ИМЪ
 АРХАБЪЖИИ МАНЕИЖИМЕГО
 ЧЛН СОЛТАВ. СОТЪКОРИЩА ЖЕ РЪКЪ
 СЛМИ ПЛОШАНИЦЫ.

ПОТОМЪ РЪТЕ МАНЕИ КЖЕ
 И КЪ ВЪЕИ СЕМЫНИ СЕМЕ
 РТИ ОУМРЕБЕ ЯКОБГАВИ
 ДЪХОМЪ И ДАТЕНШИЖЕ ЖИНА

863

младорастно едрѣво. ни мр
за ни дыханіа сверѣпыхъ вѣ
трѣ. ни тоу чныа дожда ни
зноннаго вара ни граднаго
наше ствѣа поне стн не мо
жетъ ноуа звлаіть нно
стѣго нѣ то вѣдоу по коу
шаіть еа не коренн сокроуши
ти. аще же шма тѣ жъ сло
дыхателныхъ вѣ во змо жетъ
изъѣжати быва етъ нѣ коу
но. еадъ бо іако же гла тѣ во
зрастныи вѣ вѣ трехъ мно
жа етвѣрдо естество нма
енце шнъ хоудыи вѣ зрасто
ць енъ лвовъ баграно роны

Илл. 4. Барсовский хронограф, лист 863а, почерк С

Источники и литература

Барсовский хронограф — Государственный исторический музей (Москва), собрание Е. В. Барсова, № 1695, хронограф, бумага, 1°, 1338+3 л.

Егоровский хронограф — Российская государственная библиотека (Москва), ф. 98 (собрание Е. Е. Егорова), № 202, хронограф, конец XVI в., бумага, 1°, 1442 л.

Георгиевский 1933 — *Георгиевский Г. П.* Русская миниатюра XVI века // *Владимиров М., Георгиевский Г. П.* Древнерусская миниатюра: 100 листов миниатюр с описанием и статьями. М.: Academia, 1933. С. 31–45.

Зализняк 1985 — *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. 428 с.

Зализняк 2019 — *Зализняк А. А.* Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 870 с.

Клосс 1980 — *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. 312 с.

Поливанова 2018 — *Поливанова А. К.* Акцентуация *i*-глаголов в хронографе XVI в. из собрания Е. В. Барсова // *Slověne = Словѣне*. 2018. Vol. 7. № 2. С. 47–61.

ПСРЛ т. 22 — Полное собрание русских летописей. Т. 22: Русский хронограф. Ч. 1: Хронограф редакции 1512 года. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1911. 576 с.

Пушкарев 1983 — Описание списков хронографа редакции 1512 г., хранящихся в ГБЛ / составитель Л. Н. Пушкарев. М.: Ин-т истории СССР, 1983. 204 с.

Рыков 1986 — Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина: Указатель / отв. ред. Ю. Д. Рыков. Т. 1. Вып. 2: (1917–1947). М.: Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина, Отдел рукописей, 1986. 381 с.

Творогов 1975 — *Творогов О. В.* Древнерусские хронографы. Л.: Наука, 1975. 322 с.

Щепкина, Протасьева 1958 — *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н.* Сокровища древней письменности и старой печати. М.: Сов. Россия, 1958. 86 с.

Briquet 1907 — *Briquet C. M.* Les Filigranes: Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600, avec 39 figures dans le texte et 16,112 fac-sililés de filigranes: 4 vol. Genève; Paris, 1907.

Laucevičius 1967a — *Laucevičius E.* Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Vilnius: Lietuvos TSR Mokslų akademijos Centrinė biblioteka, 1967. 288 p.

Laucevičius 1967b — *Laucevičius E. Popierius Lietuvoje XV–XVIII a.: Atlasas*. Vilnius: Lietuvos TSR Mokslų akademijos Centrinė biblioteka, 1967. 578 p.

References

Briquet, C. M. *Les Filigranes: Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600, avec 39 figures dans le texte et 16,112 fac-similés de filigranes*. Genève; Paris, 1907, 4 vols.

Georgievsky, G. P. “Russkaia miniatiura XVI veka.” *Drevnerusskaia miniatiura: 100 listov miniatiur s opisaniem i stat'iami*, by M. Vladimirov, G. P. Georgievsky, Moscow: Academia, 1933, p. 31–45.

Kloss, B. M. *Nikonovskii svod i russkie letopisi XVI–XVII vekov*. Moscow: Nauka, 1980, 312 p.

Laucevičius, E. *Popierius Lietuvoje XV–XVIII a.* Vilnius: Lietuvos TSR Mokslų akademijos Centrinė biblioteka, 1967, 288 t.

Laucevičius, E. *Popierius Lietuvoje XV–XVIII a.: Atlasas*. Vilnius: Lietuvos TSR Mokslų akademijos Centrinė biblioteka, 1967, 578 t.

Opisanie spiskov khronografa redaksii 1512 goda, khраниashchikhsia v GBL, ed. by L. N. Pushkaryov. Moscow: Institut istorii SSSR, 1983, 204 p.

Polivanova, A. K. “Aktseutuatsiia i-glagolov v khronografe XVI v. iz sobraniia E. V. Barsova.” *Slověne*, vol. 7, no. 2, 2018, p. 47–61.

Rukopisnye sobraniia Gosudarstvennoĭ biblioteki SSSR imeni V. I. Lenina: Ukazatel', ed. by Iu. D. Rykov, vol. 1, part 2: (1917–1947). Moscow: Gosudarstvennaia biblioteka SSSR imeni V. I. Lenina, Otdel rukopiseĭ, 1986, 381 p.

Shchepkina, M. V., Protasieva, T. N. *Sokrovishcha drevneĭ pis'mennosti i staroĭ pečati*. Moscow: Sov. Rossiia, 1958, 86 p.

Tvorogov, O. V. *Drevnerusskie khronografy*. Leningrade: Nauka, 1975, 322 p.

Zaliznyak, A. A. *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniia i slovar'*. Moscow: LRC Publishing House, 2019, 870 p.

Zaliznyak, A. A. *Ot praslavianskoĭ aktsentuatsii k russkoĭ*. Moscow: Nauka, 1985, 428 p.

Anastasia K. Polivanova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Scribes and paper of the late 16th century Yegorov-Barsov Chronograph

The article is dedicated to description of two late sixteenth-century manuscripts containing the Russian Chronograph in the 1512 recension. Held today in two separate Moscow manuscript collections, they were identified as parts of a single whole in the work of M. V. Shchepkina and T. N. Protasieva, yet they have not previously been comprehensively described. The article offers a detailed analysis of the watermarks, hands, orthography, and language (in particular regarding accentuation) of this bifurcated chronograph.

The first manuscript is kept as no. 202 in the collection of E. E. Yegorov in the Russian State Library. The second is no. 1695 in the collection of E. V. Barsov in the State Historical Museum. The Yegorov manuscript was written on the same type of paper by three distinct scribes, whereas the Barsov manuscript was written on seven different types of paper yet in a single hand that may be identified as that of one of the scribes of the Yegorov manuscript. Furthermore, it has been possible to identify one of the watermarks in the Barsov manuscript precisely: it is watermark no. 1700 in the E. Laucevičius' catalogue — the Polish Topór coat of arms beneath a crescent moon on a cartouche, which is represented in Lithuanian manuscripts of 1593 and 1594.

The pages of the Yegorov manuscript are two-thirds given to illumination, whereas the Barsov manuscript provides space only for miniatures and initials. It has been proposed by A. A. Turilov that this bifurcated chronograph was intended for Tsar Fedor Ioannovich, but was not completed due to his death in 1598.

Keywords: Old Russian, manuscripts, 16th century, Russian Chronograph, accentuation, watermarks.

«Славянская гексаглотта» как социокультурный и языковой эксперимент русских славянофилов конца XIX в.

В статье рассматриваются социолингвистические причины возникновения принадлежавшего П. А. Гильтебрандту проекта издания Нового Завета на шести славянских языках и его неудачи; определяется роль этого проекта в славянофильской общественно-политической и филологической программе; идентифицируются издания новозаветных переводов на разные славянские языки, использованные в напечатанном фрагменте гексаглотты; характеризуются языковые особенности этих переводов. Представленные параллельно с церковнославянским и русским, болгарский, сербский, чешский и польский евангельские переводы были призваны актуализовать «общеславянскую» кирилло-мефодиевскую традицию и реализовать славянофильскую идею объединения славян на основе единства церковного языка. Из всех запланированных изданий состоялась лишь церковнославянско-чешская диглотта, языковые особенности которой дают основания оценивать филологический статус проекта как претензию на альтернативные «конвергентные» кодификации литературных славянских языков. Сходство с языковой программой проекта обнаруживает также русский перевод Нового Завета К. П. Победоносцева.

Ключевые слова: Новый Завет, переводы, славянские языки, церковнославянский язык, кирилло-мефодиевское наследие, славянофильство.

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.2.02

Отмечавшийся славянами в 1863 г. тысячелетний юбилей Моравской миссии благодаря усилиям русских филологов славянофильского толка не только стал стимулом для публикации первоисточников и исследований, связанных с начальной эпохой славянской письменности, но и придал изучению кирилло-мефодиевского наследия церковный и политический статус. Символично соединившееся с празднованием тысячелетия России в 1862 г., наступившее на следующий год тысячелетие славянской азбуки было ознаменовано, прежде все-

го, возобновлением церковного почитания св. Кирилла и Мефодия. Поскольку древнейшая служба первоучителям славянским в XVII в. не вошла в состав официального печатного месяцеслова 1682 г., епископом Смоленским Антонием была составлена новая служба, одобренная Синодом и напечатанная в Москве и Белграде (Филарет 1969: 42–43). 11 мая 1862 г. эта служба была впервые совершена в России, и в домовом храме Московского университета состоялись первые торжества. В 1863 г. указом Святейшего Синода 11 мая было объявлено днем празднования памяти солунских братьев. В 1869 г. в честь тысячелетия кончины св. Кирилла состоялись очередные торжества, церковные и общественные, а празднование тысячелетия кончины св. Мефодия в 1885 г. носило уже характер не только государственный, но общеславянский и, шире, общехристианский. Россия оказалась во главе славянских торжеств, прошедших также в Австро-Венгрии, Сербии, Болгарии и Черногории (Поповкин 2009). Инициированные Святым престолом празднования для славян-католиков в Велеграде, состоявшиеся ранее¹, были восприняты в России негативно вследствие отказа от службы по-славянски и способствовали усилению антикатолической риторики (Белякова, Токарева 2015: 90–94).

Обращение к памяти славянских первоучителей на церковном, политическом и государственном уровне включало в себя и филологическую составляющую: язык был признан основным объединяющим славян фактором, единство старо-, а затем церковнославянского языка было призвано преодолеть взаимную неприязнь некоторых славянских народов. В 1865 г. под редакцией М. П. Погодина был издан «Кирилло-Мефодиевский сборник» (Кирилло-Мефодиевский сборник 1865), в котором были опубликованы и первоисточники, и статьи самого Погодина, И. С. Аксакова, Ф. И. Буслаева, А. Е. Викторова, А. Ф. Гильфердинга, А. А. Горского, К. И. Невоструева, С. А. Соболевского, трактовавшие миссию солунских братьев в ангажирован-

¹ Празднествам предшествовал выход 30 сентября 1880 г. посвященной славянским первоучителям энциклики папы Льва XIII *Grande typus*, которая была адресована славянам-католикам и объявляла 5 июля в календаре вселенской Римской Церкви праздником свв. Кирилла и Мефодия. Сами Велеградские торжества, собравшие поляков, чехов, моравян, словаков и лужичан, носили характер альтернативного российскому объединению славян. Однако славянская литургия в Велеграде так и не состоялась: служба прошла на латыни, и лишь похвала Богородице была пропета по-чешски (Поповкин 2009).

но-политическом ключе и проводившие очевидные аналогии между объединением славян посредством языка Кирилла и Мефодия и необходимостью подобного же объединения через тысячу лет. Погодин даже назвал свою статью «Окружное послание к славянам» (Погодин 1865), что недвусмысленно отсылало к «Окружному посланию» патриарха Фотия восточным патриархам 867 г. (Фотий 1999), и в этой статье, сетуя на распри между славянами, роль объединителя прочил России и русскому языку.

К моменту празднования юбилейного «мефодиевского» года П. А. Гильтебрандтом была разработана программа издания «общеславянского» Священного Писания на базе Санкт-Петербургской синодальной типографии. Эта программа была изложена в записке, поданной в 1885 г. на имя обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева и озаглавленной «Чем и как Святейший Синод должен почтить тысячелетнюю годовщину Мефодиева дня?»². В качестве юбилейного издания Гильтебрандт предлагал издать по одной главе каждой из 27 книг Нового Завета на 7 языках: греческом, церковнославянском, русском, болгарском, сербском, польском и чешском. При этом для польского и чешского была оговорена целесообразность использования чешского Нового Завета 1475 г. и краковской Библии Яна Леополиты 1561 г. соответственно, и к каждому из текстов предполагалось присоединить «русскую» транслитерацию на основе общеславянской азбуки А. Ф. Гильфердинга, изданной в 1871 г. Последняя была составлена на базе русского гражданского алфавита с добавлением нескольких дополнительных знаков.

Помимо общеславянской азбуки изданный Славянским благотворительным комитетом труд Гильфердинга содержал два фрагмента Евангелия от Матфея (Мт. 20) и Иоанна (Ин. 15; 26), опубликованных параллельно на разных славянских наречиях и в общеславянской транслитерации (Гильфердинг 1871). Евангельские тексты были напечатаны Гильфердингом по-разному: болгарский был признан совершенно удовлетворяющим общеславянскому правописанию и повторял константинопольское издание Нового Завета 1866 г., церковнославянский был представлен древним текстом (Остромировым Евангелием 1056–1057 гг.) и текстом неуказанного издания XIX в. Все остальные тексты были напечатаны параллельно в национальной орфографии и на «всеславянской» азбуке: сербский — по изданию перевода Вука Караджича 1867 г. в Пеште, хорватский (чакавский) — по венециан-

2 Издано в: (Кравецкий 2013: 241–244).

скому изданию 1586 г., «словено-хорватский» (кайкавский) — по загребскому изданию 1807 г., словенский — по люблянскому изданию 1856 г., «угро-словенский» — по изданию 1847 г. в Кёсеге, чешский — по пражскому изданию 1868 г. (готическим шрифтом) и венскому изданию 1866 г. (в современной графике), серболужицкий — по берлинским изданиям 1859 г. (верхнелужицкий) и 1860 г. (нижнелужицкий) (оба готическим шрифтом), польский — по берлинскому изданию 1866 г., для словацкого текста издание указано не было.

Предложенное Гильтебрандтом в 1885 г. издание фрагментов Евангелия на семи языках, таким образом, уже имело прецедент. Однако «годовщинным», хотя и программным, изданием Гильтебрандт не предполагал ограничиться: с одной стороны, он намеревался «соблюсти доброе завещание» Кирилла и Мефодия, с другой — «снять часть обузы» с Британского библейского общества. Во исполнение второй задачи было запланировано издать весь Новый Завет на четырех языках (болгарском, сербском, польском и чешском) с прибавлением к каждому изданию церковнославянского и русского текстов. Это должны были быть, по Гильтебрандту, четыре серии трехязычных изданий, т.е. церковнославянско-русско-болгарское, церковнославянско-русско-сербское, церковнославянско-русско-польское, церковнославянско-русско-чешское. Использовать эти издания, по-видимому, предполагалось у славян, проживавших как в России, так и за ее пределами³.

Проект славянской полиглотты был поддержан К. П. Победоносцевым и передан в Министерство народного просвещения. Однако планировавшееся первым и считавшееся особенно важным издание славяно-русско-польской триглотты не состоялось: Варшавский учебный округ идею поддержал и предложил издать и церковнославянско-русско-литовскую триглотту, однако Виленский учебный округ дал резко отрицательный отзыв, мотивированный опасениями колонизации края и католизации православных (Кравецкий 2013: 246). Тем не менее в 1891 г. в «Славянском календаре» был напечатан подготовленный П. А. Гильтебрандтом образец «Славянской гексаглот-

³ «Для распространения этих изданий в местах болгарских, сербских, чешских и т. д. существует целая дружина из крестьян-ходебщиков Орловской или Калужской губернии. Эта дружина существует уже три или четыре года и ведет свое дело очень успешно, распространяя синодальные и другие русские издания по славянским землям» (цит. по: Кравецкий 2013: 243).

ты» — Пасхального Евангелия (Ин. 1:1–17) на церковнославянском, русском, болгарском, сербском, чешском и польском языках, за которым следовал набранный глаголицей церковнославянский фрагмент Евангелия и составленная А. Ф. Гильфердингом двумя десятилетиями ранее «Азбука славянских наречий» на кириллической основе (Гильтебрандт 1891).

Что представляли собой эти тексты с лингвистической точки зрения и какие источники были для них использованы? Как и в случае с текстами на общеславянской азбуке в издании Гильфердинга, для этой презентационной публикации Гильтебрандт воспользовался уже готовыми славянскими переводами (однако, в отличие от Гильфердинга, не указав источники). Русский был представлен вышедшим впервые в издании 1860 г. Синодальным переводом⁴. Следующий за ним болгарский текст воспроизводился в переводе Петко Славейкова, сделанном с церковнославянского языка и впервые изданном в Константинополе в 1866 г. (Новый Завет)⁵, а затем в 1871 г. (Ветхий и Новый Завет). В отличие от перевода Неофита Рыльского 1840 г., ориентированного на македонский (юго-западноболгарский) диалект (Иванова 2006), Славейков опирался на восточноболгарский языковой узус (Иванова 1996). Перед публикацией текст Славейкова был отредактирован и согласован с переводом Рыльского, в итоге оказался весьма удачным и много раз переиздавался до появления Синодального болгарского перевода в 1925 г. Переведенный с греческого болгарский текст Славейкова идеально подходил для целей панславянской триглотты. Оформление этого текста (орфография с юсом большим, ятем, фитой, членными формами через дефис) и его языковые характеристики максимально подчеркивали преимущество нового болгарского литературного языка по отношению к церковнославянскому (в издании 1867 г. болгарский текст был напечатан параллельно с церковнославянским). Немаловажным, по-видимому, было и то, что Славейков учитывал и русский перевод Нового Завета, подготовленный и изданный РБО в 1822 г. (Иванова 2010). В издании Гильтебрандта перевод Славейкова не претерпел никаких изменений, за исключением одного текстового исправления — в Ин. 1:9 в соответствии с церковнославянским текстом удалено местоимение *той*.

4 В 1860 г. было издано Четвероевангелие, в 1862 г. — Апостол. Полный русский синодальный перевод Библии был напечатан в 1876 г.

5 В 1867 г. в Нью-Йорке вышло двуязычное церковнославянско-болгарское издание этого текста.

Сербский текст был напечатан в переводе Вука Караджича без каких-либо изменений. Как известно, Караджич перевел Новый Завет по заданию Российского библейского общества очень быстро, всего за полгода, закончив его в 1820 г. Однако опубликован текст был лишь через 27 лет⁶, поскольку первоначально получил отрицательные отзывы со стороны консервативных сербских церковных властей (Гудков 1999). В течение всего этого времени Караджич несколько раз редактировал текст (сохранилось по крайней мере четыре рукописи перевода со следами исправлений) (Мошин 1974: 604). Исправления эти имели эволюционный характер: Караджич постепенно отказался от идеи абсолютного доминирования народного языка как основы литературного и развернул последний в сторону историзма и традиции. В язык перевода был внесен довольно существенный ряд фонетических, грамматических, лексических, синтаксических и стилистических изменений, которые вернули определенную преемственность нового сербского языка по отношению к книжному языку XVI–XVIII вв., а тем самым и сблизили сербский с опирающимися на книжно-письменную традицию другими славянскими литературными языками (Тяпко 2002: 206–210). Права на издание перевода Караджича были приобретены Российским библейским обществом, которое многократно текст переиздавало. Как и в болгарском случае, где переводу Славейкова предшествовал славяно-болгарский вариант Нового Завета Неофита Рыльского, переводу Караджича было отдано предпочтение перед альтернативным славяно-сербским переводом Афанасия Стойковича (изданным в 1824 г. РБО, однако затем запрещенным российскими властями).

Чешский текст представлен Кралицкой Библией, впервые вышедшей в шеститомном издании 1579–1593 гг. (Новый Завет — 1593–1594 гг.), затем в однотомном издании 1596 г. Третье, отредактированное издание 1613 г. легло в основу многочисленных последующих переизданий: так, с 1800 до 1885 г. вышло как минимум 29 изданий (Dittman 2012: 310–312). К текстовым поправкам, как и в болгарском переводе, относится отказ от местоимения *tentot'* в Ин. 1: 9 (его нет и в остальных переводах — церковнославянском, русском, сербском и польском). Так же как в русском и болгарском переводах, в чешском

⁶ Один из экземпляров первого издания сербского Нового Завета 1847 г. с дарственной надписью был подарен В. Караджичем М. П. Погдину. С последним Караджич тесно общался, приобретал книги для его собрания.

тексте выделены курсивом слова «для ясности и связности речи»⁷. К таким случаям относятся чтения Ин. 1: 8 *poslan byl* и Ин. 1: 12 *totiž* (см. ниже в таблице): этих чтений нет в чешских библейских изданиях XIX в., однако первое из них присутствует как в русском Синодальном переводе, так и в первом издании Кралицкой Библии, а второе совпадает с курсивным чтением *сирьчь* в болгарском тексте Славейкова. Таким образом, налицо стремление Гильтебрандта к определенной «гармонизации» текста всех славянских переводов, а также к распространению на них принципов издания Синодального русского текста.

Польский текст представлен Библией Якуба Вуйка 1599 г. (Новый Завет отдельным изданием вышел в 1593 г.). Библия Вуйка в течение 300 лет была для поляков каноническим католическим переводом с латыни (но с привлечением также греческого текста), выдержавшим за это время около 20 переизданий. На протяжении XIX в. Новый Завет в переводе Вуйка неоднократно выходил отдельным изданием или в составе полной Библии как в Российской империи, так и за ее пределами (в Германии, Австрии, Северной Америке) (Smereka 1950). Так, с началом деятельности РБО в 1813 г. Новый Завет был издан в 1815 г. в Петербурге, в 1819 г. в Москве, в 1821 г. в Варшаве, полная Библия вышла в Москве в 1821–1822 г. Польский текст в публикации Гильтебрандта идентичен ближайшим по времени варшавским изданиям Библии с иллюстрациями Г. Доре (1873–1874 гг., переиздано в 1878 г.)⁸.

Таким образом, для публикации гексаглотты Гильтебрандта никаких новых переводов на славянские языки сделано не было. Более того, кажется весьма вероятным, что Гильтебрандт обратился именно к тем изданиям, которые уже были использованы филологами славянофильского или панславянского толка. В частности, в вышедшей впервые в 1877 г. работе Ф. В. Ржиги «Сравнительные этимологические таблицы славянских языков», представлявшей собой один из первых опытов сравнительной грамматики славянских языков, среди привлеченных текстов на первом месте, еще перед памятниками письменности, были перечислены издания Нового Завета: болгарский Новый Завет в константинопольском издании 1872 г., сербский Новый

⁷ Таким способом не соответствующие буквально греческому оригиналу слова были обозначены переводчиками Синодального русского издания 1876 г. Эта разметка оставлена в неприкосновенности в последующих переизданиях. Болгарский перевод П. Славейкова также использует этот прием.

⁸ (Pismo Święte 1873–1874).

Завет в будапештском издании 1867 г., пражский Новый Завет 1851 г. и польский Новый Завет в берлинском издании 1870 г. (Ржиги 1878: IV).

Для обоих выбранных Гильтебрандтом южнославянских языков были использованы последние по времени и наиболее удачные с лингвистической точки зрения библейские переводы, которые очевидно указывали на их преемственную связь с церковнославянским. Публикация болгарского и сербского текстов параллельно с церковнославянским и русским должна была наглядно показать и синхронную связь этих языков с русским.

В случае с западнославянскими текстами, которые уже имели свою более чем трехсотлетнюю традицию, такая связь вовсе не была очевидной для читателя — носителя как чешского или польского языков, так и русского. В связи с этим русские апологеты панславизма возлагали определенные надежды на универсальную славянскую азбуку, несколько вариантов которой в это время появилось. Предпочтение при этом отдавалось, конечно, азбуке на основе русской кириллицы, и поэтому в публикации Гильтебрандта после Евангелий следовала таблица такой азбуки в версии Гильфердинга, созданной в 1871 г.

Все славянские тексты были в определенной степени «гармонизированы»: несмотря на текстуальные и лингвотекстологические различия, связанные с различными источниками славянских переводов, была предпринята попытка согласовать тексты между собой. За образец оформления был взят русский Синодальный перевод: ему полностью следуют пунктуация, использование прописных букв во всех славянских текстах, а также принцип курсивного выделения смысловых, но дословно не соответствующих оригиналу переводов. Можно допустить, что проект предполагал в дальнейшем более существенную лингвотекстологическую работу со славянскими евангельскими переводами, чем в программной публикации (ср. ниже в таблице чешский перевод Н. П. Апраксина).

Эти далеко идущие планы объединения славян через язык, причем через язык церковный, который в XIX в. еще в полном согласии со средневековым представлением мыслился как репрезентация образцового литературного языка, сегодня выглядят изначально утопичными. Проект в задуманном Гильтебрандтом виде в итоге так и не был реализован, но за одним исключением. И это исключение дает некоторые основания думать, что определенные шансы на воплощение в жизнь у славянофильской идеи «языка межславянского общения» и «взаимно-славянской конвергенции» всё же были.

Единственным реализованным проектом стала славяно-чешская диглотта — двуязычный текст Нового Завета, изданный Синодальной типографией в Санкт-Петербурге в двух томах (1892–1897 гг.) параллельно на чешском и церковнославянском языках. Издание было подготовлено протоиереем Н. П. Апраксиным, настоятелем русской церкви в Праге, который отредактировал чешский текст, сверив его с церковнославянским, греческим и старшими чешскими переводами (Новый Заветъ 1897).

Поставленная Гильтебрандтом задача сближения славянских языков через возвращение к общему письменному наследию была осуществлена Апраксиным с помощью Кралицкой Библии 1579–1594 гг., ставшей наряду с католическим изданием Библии 1864 г. чешским источником переводчика, и современного Апраксину церковнославянского текста, напечатанного в издании параллельно с новым чешским переводом, который сам Апраксин назвал «русским»⁹.

Перевод Апраксина получил исключительно положительные отзывы как в Чехии, так и в России: в 1898 г. в обеих странах были опубликованы рецензии на этот труд, авторы которых единодушно отмечали лингвистические достоинства нового чешского перевода и, в духе идей славянского единения через язык, указывали на важность церковнославянского посредства для взаимопонимания чехов и русских. Знарок чешской библейской традиции Я. Карафиат, выпустивший в 1887 г. критическое издание Кралицкой Библии, написал восторженную рецензию, в которой признал превосходство «русского» перевода Апраксина над кралицким текстом (Karafiát 1898: 43–46). Анонимный русский рецензент в журнале «Христианское чтение» указывал, что для чехов церковнославянский язык оказывается ближе, чем русский, по «корнепроизводству и отчасти этимологии», а для русских параллельный текст «открывает богатые сокровища чешского языка, сохранившего общеславянские корни слов» (А. В. 1898: 126–127). Таким образом, поставленная Гильтебрандтом и реализованная Апраксиным задача актуализации «общеславянской» кирилло-мефодиевской традиции была прочитана и воспринята бо-

⁹ В фондах Национального музея в Праге хранится рукописный текст Н. П. Апраксина, содержащий выписки из чтений «кралицкого», «католического» и «русского» текста, расположенные последовательно в трех столбцах. Текст представляет большой интерес как с точки зрения принципов перевода, так и в отношении использованного католического чешского издания: (Apraksin 1897).

лее чем адекватно. Новый Завет в переводе Апраксина изначально предназначался для чехов, переселившихся на Волынь в 1860-е гг. и перешедших в православие (Vaculík 1997). Однако вскоре этот текст стал востребован Чешской православной церковью, уже в XX в. был переиздан и ныне имеет официально признанный статус канонического текста для чехов, исповедующих православие.

«Русский» чешский перевод представляет собой последовательную, целенаправленную церковнославянскую интерференцию на различных языковых уровнях (прежде всего и больше всего на лексическом уровне), результаты которой призваны вернуть в чешский литературный язык его изначальную близость к церковнославянскому и наглядно эту близость «визуализовать» с помощью параллельного представления славянских текстов. При этом эта намеренная интерференция не является внесением чужеродного в чешский язык, так как Апраксин очень осмысленно и языкотворчески использует возможности именно чешского языка: если речь идет о лексике, то он выбирает для своего перевода соответствующие церковнославянскому однокоренные синонимы, которые присутствуют либо в современном, либо в старочешском языке (Вернер 2018: 99–101).

На уровне грамматики и синтаксиса влияние церковнославянского языка представлено не столь сильно, однако и здесь можно выделить не просто единичные формы, уподобленные церковнославянским, но довольно последовательно представленные тенденции. «Открытыми» для церковнославянского влияния выступают «смежные» грамматические формы, имеющие общее происхождение, но различающиеся на синхронном уровне объемом реализуемых в них грамматических категорий и/или статусом в системе литературного языка.

Это своего рода «конвергентный» перевод, реализующий собой попытку возвращения к идеалу единого славянского литургического языка и к общему для славян кирилло-мефодиевскому наследию. Лингвистически он очень удачно воплотил в себе идею реставрации в чешском литературном языке «общеславянской» традиции, с одной стороны, а с другой, стал «перспективной» попыткой предложить вариант складывающегося литературного чешского языка как консервативно ориентированного «славянизированного» чешского.

Ин. 1: 1–17			
Церковнославянский текст в изданиях П. А. Гильтебрандта и Н. П. Апраксина	Русский Синодальный текст в издании П. А. Гильтебрандта	Чешский текст в издании П. А. Гильтебрандта	Чешский текст в издании Н. П. Апраксина
Въ началѣ вѣ Слово, и Слово вѣ къ Бѣ, и Бѣ въ Слово.	1 Въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Богъ.	1 Na počátku bylo Slovo, a to Slovo bylo u Boha, a to Slovo byl Bůh.	1 Na počátku bylo Slovo, a Slovo bylo u Boha, a Bůh bylo Slovo.
Ѣ. Сѣи вѣ иконѣ къ Бѣ:	2 Оно было в началѣ у Бога:	2 To bylo na počátku u Boha:	2 To bylo na počátku u Boha:
Г. всѣ Тѣмъ выша, и безъ Него ничтоже высть, еже высть.	3 все чрезъ Него начало быть, и безъ Него ни что не начало быть, что начало быть.	3 všecky věci skrze Ně učiněny sou, a bez něho nic není učiněno, což učiněno jest.	3 všecko skrze Ně učiněno jest, a bez Něho nic není učiněno, což učiněno jest.
Д. Въ Тѣмъ живѣтъ вѣ, и живѣтъ вѣ свѣтъ чловѣкъмъ;	4 Въ Немъ была жизнь, и жизнь была свѣтъ чловѣковъ;	4 V Něm život byl, a život byl světlo lidí;	4 V Něm život byl, a život byl světlo lidí;
Е. и свѣтъ во тмѣ свѣтитса, и тма егѣ не ѡбѣтъ.	5 и свѣтъ во тмѣ свѣтитъ, и тма не ѡбьяла его.	5 a to Světlo v temnostech svítí, ale tmy ho neob-sáhly.	5 a Světlo ve tmě svítí, a tma ho neobjala.
Ж. Высть чловѣкъ посланъ ѡ Бѣ, и ма ема ѡианъ:	6 Былъ чловѣкъ, посланный отъ Бога, имя ему Иоаннъ;	6 Byl člověk poslaný od Boha, jemuž jméno bylo Jan;	6 Byl člověk poslaný od Boha, jméno mu Jan:
З. сѣи прѣде во свидѣтельство, да свидѣтельствоетъ ѡ Свѣтѣ, да вси вѣрѣ имѣтъ ема.	7 онъ пришелъ для свидѣтельства, чтобы свидѣтельствовать о Свѣтѣ, дабы всѣ увѣрвали чрезъ него.	7 ten přišel na svědectví, aby svědčil o tom Světle, aby všickni uvěřili skrze Něho.	7 ten přišel na svědectví, aby svědčil o Světle, aby všickni uvěřili skrze něho.
И. Не вѣ той свѣтъ, но да свидѣтельствоетъ ѡ Свѣтѣ:	8 Онъ не был свѣтъ, но былъ посланъ, чтобы свидѣтельствовать о Свѣтѣ:	8 Nebyl on to Světlo, ale poslán byl, aby svědectví vydával o tom Světle.	8 Nebyl on Světlo, ale poslán byl, aby svědectví vydal o Světle:

<p>ѿ. вѣ Свѣтъ истинный, Иже просвѣщаетъ всякаго человѣка, грядѣщаго въ миръ:</p>	<p>9 былъ Свѣтъ истинный, Который просвѣщаетъ всякаго чело­вѣка, приходящаго въ миръ:</p>	<p>9 Bylo to pravé Světlo, Kteréz osvĕcuje každého človĕka, přicházejícího na svět:</p>	<p>9 bylo Světlo pravé, Kteréz osvĕcuje každého človĕka, přicházejícího na svět;</p>
<p>ѿ. въ мирѣ вѣ, и мирѣ Тѣмъ высть, и мирѣ Егò не позна:</p>	<p>10 въ мирѣ былъ, и миръ чрезъ Него началъ быть, и миръ Его не позналъ:</p>	<p>10 na světě byl, a svět skrze Něho učinĕn jest, ale svět Ho nepoznal:</p>	<p>10 na světě byl, a svět skrze Něho učinĕn jest, a svět Ho nepoznal;</p>
<p>ѿ. во своѡ прїиде, и свои Егò не прїаша.</p>	<p>11 пришелъ къ своимъ, и свои Его не приняли.</p>	<p>11 do svého vlastního přišel, a vlastní Jeho nepřijali Ho.</p>	<p>11 do vlastního přišel, a svoji Ho nepřijali.</p>
<p>ѿ. Слицы же прїаша Егò, даде имъ власть чадомъ Бжїимъ быти, вѣрѡущымъ во имя Егò,</p>	<p>12 А тѣмъ, которые приняли Его, вѣрующимъ во имя Его, далъ власть быть чадами Божиими,</p>	<p>12 Kteříž pak koli přijali Jej, dal jim moc syny Božími býti, totiž těm, kteříž věří ve jméno Jeho,</p>	<p>12 Kteříž pak koli přijali Ho, dal jim moc syny Božími býti, těm, kteříž věří ve jméno Jeho,</p>
<p>ѿ. Иже не ѡ кровѣ, ни ѡ похоти плòтскїа, ни ѡ похоти лижескїа, но ѡ Бга родїшася.</p>	<p>13 которые не отъ крови, ни отъ хотѣнїа плоти, ни отъ хотѣнїа мужа, но отъ Бога родились.</p>	<p>13 kteříž ne ze krve, ani z vůle těla, ani z vůle muže, ale z Boha zplozeni sou.</p>	<p>13 kteřížto ne z krve, ani z vůle těla, ani z vůle muže, ale z Boha rozeni jsou.</p>
<p>ѿ. И Слово плѣть высть, и вселиса въ ны, и видѣхомъ славѣ Егò, славѣ ѿка Єдинороднагò ѡ Оца, исполнь вѣсти и истины.</p>	<p>14 И Слово стало плотию и обитало съ нами, полное благодати и истины; и мы видѣли славу Его, славу, какъ Единороднаго отъ Отца.</p>	<p>14 A Slovo to tělo učinĕno jest, a přebývalo mezi námi, a vidĕli sme slávu Jeho, slávu jakožto Jednorozeného od Otce, plné milosti a pravdy.</p>	<p>14 A Slovo tělem učinĕno jest a přebývalo mezi námi, plné blahodati a pravdy, i vidĕli jsme slávu Jeho, slávu jakožto Jednorozeného od Otce.</p>

<p>ѣ. ꙗѡаннѣ свидѣтельствѣеть ѡ Нѣмѣ и възвѣа глагола: Сѣи вѣѣ, ѣгоже рѣхъ: Ѣже по мнѣ градый предо мною вѣеть, ꙗкѡ первѣе мнѣ вѣѣ:</p>	<p>15 Иоаннь свидѣтельствуеть о Немѣ и восклицая говорить: Сей был Тотъ, о Ко- торомъ я сказалъ, что Идущій за мною сталь впе- реди меня, потому что былъ прежде меня.</p>	<p>15 Jan svědectví vydával o něm, a volal řka: Tentot' jest, o Němž jsem pravil, že po mně přišed předšel mne, nebo přednější jest než já;</p>	<p>15 Jan svědčí o Něm a zvolal, řka: Tentot' byl, o Němž jsem pravil: Kterýž po mně jde, přede mnou byl, nebo prvnější byl nežli já.</p>
<p>ѕ. и ѡ исполненїа ѣго мы вси прїахомъ и вѣгъ воз вѣгъ;</p>	<p>16 и отъ полноты Его всѣ мы приня- ли и благодать на благодать;</p>	<p>16 a z plnosti Jeho my všickni vzali sme, a to milost za milost;</p>	<p>16 A z plnosti Jeho my všickni vzali jsme, i blahodat' nad bla- hodat':</p>
<p>ѕ. ꙗкѡ законъ Моѡсеомъ данъ вѣеть; вѣгъ (же) и ѣстина ꙗѣсъ Хрїтоомъ вѣеть.</p>	<p>17 ибо законъ данъ черезъ Моисея; бла- годать же и истина произошли черезъ Иисуса Христа.</p>	<p>17 nebo zákon skrze Mojžiše dán jest, ale milost a pravda skrze Ježiše Krista stala se.</p>	<p>17 nebo zákon skrze Mojžiše dán byl, blaho- dat' pak a pravda skrze Ježiše Krista se stala.</p>

Еще одним опытом преломления идей возвращения к общеславянскому прошлому в рамках отдельно взятой национальной традиции можно считать труд К. П. Победоносцева, инициировавшего в 1892 г. редактирование Синодального русского перевода Нового Завета (Победоносцев 1892), а в 1906 г. опубликовавшего собственный перевод (Победоносцев 1906)¹⁰. В предисловии к этому изданию декларирован принцип сближения русского евангельского текста с церковнославянским, а применение этого принципа на лексическом уровне обнаруживает сходство с переводческой практикой Апраксина в «русском» чешском переводе: Победоносцев расширяет сферу употребления тех русских лексем, которые по происхождению являются церковнославянизмами и имеют статус устаревших, книжных и поэтических (Алексеев 2002; Реморова 2017). Победоносцев использует церковнославянизмы не только на лексическом, но и на всех остальных языковых уровнях.

¹⁰ Репринтное переиздание осуществлено в 2000 г. Российским библейским обществом.

В своей работе Победоносцев учел оставшийся в рукописи фундаментальный труд профессора Санкт-Петербургской духовной академии Н. Н. Глубоковского (Глубоковский 1892), созданный в ответ на исходившее от самого Победоносцева предложение отредактировать Синодальный перевод и обстоятельно рассматривавший последний с точки зрения верности греческому оригиналу и соответствия нормам русского языка. До нас дошел и написанный Глубоковским в 1902 г. разбор выполненного Победоносцевым перевода Евангелия от Иоанна (Глубоковский 1902–1903), содержащий конструктивную критику текста (Реморова 2009).

Эти в целом удавшиеся прецеденты создания славянизированных вариантов литературного языка, ставших образцами церковно-книжного стиля, оказались несколько дистанцированы от предлагавшегося Гильтебрандтом издания славянской гексаглотты. Однако, будучи, безусловно, прямым продолжением славянофильских идей церковного книгоиздания, они позволяют взглянуть на проект несколько иначе и считать, что в социокультурной ситуации славянского мира конца XIX в. определенные шансы на успех у этого проекта всё же были.

Источники и литература

А. В. 1898 — *А. В.* Новый Завет Господа Нашего Иисуса Христа на церковно-славянском и чешском языках. Вып. 2: Деяния и послания св. апостолов с Апокалипсисом. СПб. 1897 // Христианское чтение. 1898. № 1. С. 126–127.

Алексеев 2002 — *Алексеев А. А.* Переводы Священного Писания на русский язык // Православная энциклопедия. Т. 5. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. С. 153–161.

Белякова, Токарева 2015 — *Белякова Н. А., Токарева Е. С.* Кирилло-Мефодиевские юбилеи в России и СССР в контексте конструктов национальной и религиозной идентичности в странах славянского мира и выстраивания отношений с католицизмом // Научный диалог. Екатеринбург, 2015. № 1 (37). С. 85–94.

Вернер 2018 — *Вернер И. В.* Чешская Библия в истории русской культуры и письменности и vice versa: чешско-церковнославянский Новый Завет Н. П. Апраксина 1892–1897 гг. // Славяноведение. 2018. № 2. С. 94–109.

Гильтебрандт 1891 — *Гильтебрандт П. А.* Славянская гексаглотта, или Библия на шести славянских языках // Славянский календарь на

1891 год. Издание Санкт-Петербургского благотворительного братства. Петроград, 1891. С. 161–167.

Гильфердинг 1871 — *Гильфердинг А. Ф.* Общеславянская азбука с приложением образцов славянских наречий. СПб.: Слав. благотвор. ком. на счет суммы, пожертв. И. А. Посоховым, 1871. СХХIX с.

Глубоковский 1892 — *Глубоковский Н. Н.* Общие указания по вопросу об исправлении славянского и русского переводов Нового Завета и замечания на славяно-русский текст Евангелия от Матфея; Евангелия от Марка; Евангелия от Луки; Евангелия от Иоанна. РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Ед. хр. 55. 1892 г.

Глубоковский 1902–1903 — *Глубоковский Н. Н.* <На перевод Победоносцева>. РНБ. Ф. 194. Ед. хр. 53. <1902–1903>. Л. 6–17.

Гудков 1999 — *Гудков В. П.* Из истории сербских переводов и изданий Нового Завета // Роль библейских переводов в развитии литературных языков и культуры славян. М.: Институт славяноведения РАН, 1999. С. 19–21.

Иванова 1996 — *Иванова Д.* Славейковата Библия (1871) и руският евангелски превод през XIX в. // Пловдивски ун-т «Паисий Хилендарски». Научни трудове: Филология. 1996. Т. 34. Кн. 1. С. 103–110.

Иванова 2006 — *Иванова Д.* Неофитовият превод на Новия завет в контекста на книжовноезиковите процеси през Възраждането // Специализиран портал Liternet. URL: https://liternet.bg/publish17/d_ivanova/neofitoviat.htm (дата обращения: 20.03.2020).

Иванова 2010 — *Иванова Д.* Русские издания Библии и болгарская традиция перевода Библии в эпоху Возрождения // Болгария и Россия (XVIII–XX век): взаимопознание / ред. Г. Д. Гачев, Р. Дамянова. М.: Институт славяноведения РАН, 2010. С. 191–201.

Кирилло-Мефодиевский сборник 1865 — Кирилло-Мефодиевский сборник в память о совершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России, изданный, по определению Московского общества любителей русской словесности, М. Погодиным, в Синодальной типографии. М., 1865. 555 с.

Кравецкий 2013 — *Кравецкий А. Г.* Петербургские полиглотты конца XIX века / Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка 2012–2013. М.: Древлехранилище, 2013. С. 241–244.

Мошин 1974 — *Мошин В.* Вуков Нови Завјет // *Караџић В. Ст.* Сабрана дела. Књ. 10: Нови завјет. Београд: Просвета, 1974. С. 604.

Новый Заѳтъ 1897 — Новый Заѳтъ Господа нашего Иисуса Христа на церковно-славянскомъ и чешскомъ языкахъ = Nový Zákon Pána našeho Ježíše Krista na církevně-slovanském i českém jazyce. Выпускъ 1:

Св. Евангеліе = Svazek 1: Sv. Evangelium. СПб., 1892. Выпускъ 2: Дѣянїя и посланїя св. Апостоловъ съ Апокалипсисомъ = Svazek 2: Skutkové a Epištoly sv. Apoštolů se Zjevením sv. Jana. СПб., 1897.

Победоносцев 1892 — <Победоносцев К. П.> Об исправлении русскаго перевода книг Священнаго Писанїя // Прибавленїя к церковным ведомостям, издаваемым при Святейшем Правительствующем Синоде. № 33. 1892. СПб.: Синодальная тип., 1892. С. 1129–1130.

Победоносцев 1906 — *Победоносцев К. П.* Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа в новом русском переводе К. П. Победоносцева: Опыт к усовершенствованїю перевода на русскїй языкъ священных книг Нового Завета. СПб.: Синодальная тип., 1906. 631 с.

Погодин 1865 — *Погодин М. П.* Окружное посланїе к славянам, 1862 года Марта 25, в день Благовещенїя // Кирилло-Мефодїевскїй сборник в память о совершившемся тысячелетїи славянскон писменности и христіанства в Россїи, изданный, по определенїю Московскаго общества любителей русскон словесности, М. Погодиным, в Синодальной типографїи. М., 1865. С. 542–549.

Поповкин 2009 — *Поповкин А.* Мефодїевскїй Юбилей 1885 года в судьбах славянских народов // Русская народная линия. Православїе. Самодержавїе. Народность. Информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru/analitika/2009/05/23/mefodievskij_yubilej_1885_goda_v_sud_bah_slavyanskih_narodov (дата обращенїя: 20.03.2020).

Реморова 2009 — *Реморова Е. Е.* Н. Н. Глубоковскїй и К. П. Победоносцев: о творческом взаимодействїи в деле перевода на русскїй языкъ Нового Завета // Сибирскїй филологическїй журнал. 2009. № 1. С. 125–130.

Реморова 2017 — *Реморова Е. Е.* Евангелскїй перевод К. П. Победоносцева: о некоторых особенностях словарнаго состава // Вестник Волгоградскаго государственнаго университета. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16. № 4. С. 78–88. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.6>

Ржига 1878 — *Ржига Ф. В.* Сравнительные этимологическїе таблицы славянских языков: древнеславянскаго, русскаго, польскаго, лужицко-сербскаго, чешскаго, словенскаго, сербскаго и болгарскаго. СПб.: тип. Имп. Академїи наук, 1878. 244 с.

Тяпко 2002 — *Тяпко Г. Г.* Концепцїи литературнаго языка и переводы Библии у сербов, хорватов и словенцев в XIX веке // Роль переводов Библии в становленїи и развитїи славянских литературных языков / отв. ред. Л. Н. Смирнов. М., 2002. С. 196–248.

Филарет 1969 — *Филарет (Вахромеев)*. Церковно-богослужбное почитание святых братьев Кирилла и Мефодия в России // Журнал Московской Патриархии. 1969. № 6. С. 51–52; №7. С. 41–46.

Фотий 1999 — *Свт. Фотий, патр. Константинопольский*. Окружное послание / пер. с греч. П. В. Кузенкова // Альфа и Омега. 1999. № 21. Т. 3. С. 57–81.

Apraksin 1897 — *Apraksin Mik. P.* Srovnání odchylek ve třech českých překladech Nového Zákona. Správně textu kralického, katolického a ruského v překladě // Knihovna Národního muzea v Praze. Sign. I B 13. Dar autorův 16.XII.1897.

Dittman 2012 — *Dittman R.* Dynamika textu Kralické bible v české překladatelské tradici. Olomouc, 2012. 431 s.

Karafiát 1898 — *Karafiát J.* Nový Zákona Pána našeho Ježíše Krista na církevně-slovanském i českém jazyce. Petrohrad 1892 a 1897 // Reformované listy. 1898. № 3. S. 43–46.

Pismo Święte 1873–1874 — Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu podług textu łacińskiego Wulgaty / przekład X. Jakóba Wujka, zatwierdzoney przez Stolicę Apostolską. Wydanie nowe z objaśnieniami podług J. Fr. Al-lioli, zaaprobowane przez Konsystorz Archidiecezyi Warszawskiej, ozdobione 230 ilustracyami Gustawa Doré. Warszawa: Michał Glücksberg, 1873–1874. [Tom 1]. MDCCCLXXIII [1873]; [Tom 2]. MDCCCLXXIV [1874].

Smereka 1950 — *Smereka W.* Zarys bibliograficzny ważniejszych wydań Biblii Ks. Wujka (1593–1950) // Ruch Biblijny i Liturgiczny. Kraków, 1950. S. 64–91. Rok 3, styczeń-kwiecień 1950, № 1–2.

Vaculík 1997 — *Vaculík J.* Dějiny Volyňských Čechů I. Léta 1868–1914. Praha: Sdružení Čechů z Volyně a jejich přátel, 1997. 211 s.

References

Alekseev, A. A. “Perevody Sviashchennogo Pisaniia na russkii iazyk.” *Pravoslavnaia éntsiklopediia*, vol. 5, 2003, p. 153–161.

Beliakova, N. A., Tokareva, E. S. “Kirillo-Mefodievskie iubileiu v Rossii i SSSR v kontekste konstruktov natsional’noi i religioznoi identichnosti v stranakh slavianskogo mira i vystraivaniia otnosheniĭ s katolitsizmom.” *Nauchnyiĭ dialog*, no. 1 (37), 2015, p. 85–94.

Dittman, R. *Dynamika textu Kralické bible v české překladatelské tradici*. Olomouc, 2012, 431 s.

Gudkov, V. P. “Iz istorii serbskikh perevodov i izdaniĭ Novogo Zaveta.” *Rol' bibleĭskikh perevodov v razvitii literaturnykh iazykov i kul'tury slavian*, ed. by L. N. Smirnov, Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 1999, p. 19–21.

Ivanova, D. "Neofitoviiat prevod na Noviiia zavet v konteksta na knizhovnoezikovite protsesi prez Vüzrazhdaneto." *Spetsializiran portal Liternet*, https://liternet.bg/publish17/d_ivanova/neofitoviiat.htm. Accessed: 20 Mar. 2020.

Ivanova, D. "Slaveikovata Bibliia (1871) i ruskiiat evangelski prevod prez XIX v.": *Plovdivski universitet «Paisii Xilendarski». Nauchni trudove: Filologiiia*, 1996, vol. 34, kn. 1, p. 103–110.

Ivanova, D. "Russkie izdaniia Biblii i bolgarskaia traditsiia perevoda Biblii v èpokhu Vozrozhdeniia". *Bolgariia i Rossiia (XVIII–XX vek): vzaimopoznanie*, ed. by G. D. Gachev, R. Damianova, Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2010, p. 191–201.

Kravetsky, A. G. "Peterburgskie poliglotty kontsa XIX veka." *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo literaturnogo iazyka 2012–2013*, Moscow: Drevlekhranilishche, 2013, p. 241–244.

Moshin, V. "Vukov Novi Zavjet," *Karadžić V. Ct. Sabrana dela*, knj. 10: Novi zavijet, Beograd: Prosveta, 1974, p. 604.

Popovkin, A. "Mefodievskii lubilei 1885 goda v sud'bakh slavianskikh narodov." *Russkaia narodnaia liniia. Pravoslavie. Samoderzhavie. Narodnost'. Informatsionno-analiticheskaiia sluzhba*, http://ruskline.ru/analitika/2009/05/23/mefodievskij_yubilej_1885_goda_v_sud_bah_slavyanskih_narodov. Accessed: 20 Mar. 2020.

Remorova, E. E. "N.N. Glubokovskii i K.P. Pobedonostsev: o tvorcheskom vzaimodeistvii v dele perevoda na ruskiit iazyk Novogo Zaveta". *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, 2009, no. 1, p. 125–130.

Remorova, E. E. "Evangel'skii prevod K. P. Pobedonostseva: o nekotorykh osobennostiakh slovarnogo sostava". *Vestnik VolGU, Seriiia 2, Iazykoznanie*, vol. 16, no. 4, 2017, p. 78–88. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.6>.

Smereka, W. "Zarys bibliograficzny wazniejszych wydań Biblii Ks. Wujka (1593–1950)". *Ruch Biblijny i Liturgiczny*, rok 3, styczeń-kwiecień 1950, no. 1–2, s. 64–91, Kraków, 1950.

Tiapko, G. G. "Kontseptsii literaturnogo iazyka i perevody Biblii u serbov, khorvatov i sloventsev v XIX veke". *Rol' perevodov Biblii v stanovlenii i razvitii slavianskikh literaturnykh iazykoved* by L. N. Smirnov, Moscow, 2002, p. 196–248.

Vaculík, J. *Dějiny Volyňských Čechů I. Léta 1868–1914*. Praha: Sdružení Čechů z Volyně a jejich přátel, 1997, 211 s.

Verner, I. V. "Cheshskaia Bibliia v istorii ruskoii kul'tury i pis'mennosti i vice versa: cheshsko-tserkovnoslavianskii Novyi Zavet N. P. Apraksina 1892–1897 gg." *Slavianovedenie*, no. 2, 2018, p. 94–109.

Inna V. Verner

*Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow,
Russia)*

“Slavic hexaglot” as a sociocultural and linguistic experiment of Russian Slavophiles in the late XIXth century

The article discusses the sociolinguistic reasons for the appearance of P. A. Hiltebrandt’s draft publication of the New Testament in the six Slavic languages and its failure. The role of this project in the Slavophile socio-political and philological program is determined; the editions of New Testament translations into various Slavic languages used in the printed fragment of hexaglot are identified; the linguistic features of these translations are characterized. Presented in parallel with Church Slavonic and Russian, gospel translations in Bulgarian, Serbian, Czech and Polish were intended to actualize the “common Slavic” Cyril and Methodius tradition and realize the Slavophile idea of uniting the Slavs based on the common church language. Of all the planned publications, only the Church Slavonic-Czech diglot took place. Its linguistic features give reason to evaluate the philological status of the project as a claim to alternative “convergent” codifications of literary Slavic languages. A similarity with the language program of the project is also found in the K. P. Pobedonostsev’s Russian translation of the New Testament.

Keywords: New Testament, translations, Slavic languages, Church Slavonic language, Cyril and Methodius legacy, Slavophilism.

УДК 811.163.41'286(045)
ББК 81.416.4

Е. И. Якушкина
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Лексика восточногерцеговинского и шумадийско-воеводинского диалектов сербского языка в сопоставительном аспекте

В статье анализируются результаты анкетирования носителей восточногерцеговинских (области Маняча и Ливаньско-Поле в западной Боснии) и шумадийско-воеводинских говоров (области Раджевина и Подгорина в северо-западной Сербии) по 370 вопросам, охватывающим базовые тематические группы лексики. По сравнению с областью Раджевина ответы информантов из западной Боснии содержат больше лексики, отличной от литературного языка, однако большинство боснийских диалектизмов функционирует в говоре наряду со словами, тождественными литературным. Диапазон лексических различий между западнобоснийским говором и говором Раджевины составляет 27%, но половина этого числа также приходится на дублетные пары. Ряд дифференциальных лексем демонстрирует четкие ареальные противопоставления между говорами западной Боснии и шумадийско-воеводинскими говорами северо-западной Сербии (*димљак* — *оџак*, *гулити* — *љушитити*, *увор* — *креста*, *гра* — *пасуљ*, *мрква* — *шангарепа*, *цеста* — *пут*, *тара* — *разбој*, *крув* — *хлеб*). Западнобоснийский корпус неоднороден, южные говоры, тяготеющие к адриатическому ареалу, содержат больше архаизмов и лексики, характерной для западной части сербскохорватского ареала.

Ключевые слова: *сербский язык, диалектология, лексикология, лингвогеография, восточногерцеговинский диалект, шумадийско-воеводинский диалект.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.2.03

Восточногерцеговинский и шумадийско-воеводинский диалекты распространены в центральной части сербскохорватского диа-

Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-012-00471 «Ареальное членение и ареальные связи сербскохорватских говоров в области лексики».

лектного континуума и относятся к штокавскому наречию. Точнее, данные диалекты принадлежат к так называемому новоштокавскому, то есть инновационному типу говоров. Восточногерцеговинский и шумадийско-воеводинский диалекты составляют основу сербского литературного языка, а восточно-герцеговинский также и хорватского. В отличие от соседних староштокавских говоров, а также чакавских и кайкавских, в этих говорах произошла перетяжка ударения и сформировалась четырехакцентная система, утратилось различие по форме между дательным, творительным и предложным падежами множественного числа в склонении имен существительных, прилагательных и местоимений.

Восточногерцеговинский диалект распространен преимущественно в Боснии и Герцеговине, на северо-западе Черногории, в западной Сербии и ряде областей Хорватии (Славонии, Кордуне, Лике и др.). Носителями этого диалекта являются сербы, черногорцы, хорваты и бошняки. Шумадийско-воеводинский диалект распространен только на территории Сербии, в северо-западной и центральной ее части и в Воеводине. Таким образом, сербский восточногерцеговинский диалект занимает территорию к западу от шумадийско-воеводинского и граничит с чакавским и кайкавским наречиями, хотя и не имеет с ними в фонетике и морфологии специфических общих черт. А шумадийско-воеводинский занимает центральное положение в сербском лингвистическом пространстве и граничит на востоке с косовско-ресавскими говорами, которые в свою очередь граничат с торлакскими, имеющими большую близость к болгарским.

Данная статья посвящена проблеме лексического варьирования в пределах современных новоштокавских сербских говоров, а именно западной и восточной их части. Данная проблема исследуется на примере лексических признаков говоров сел Манячи и Ливаньско-Поле, относящихся к восточногерцеговинскому диалекту, с одной стороны, и говоров Раджевины и Подгорины, принадлежащих к шумадийско-воеводинскому диалекту, — с другой. Проблема лексической дифференциации западной и восточной части сербского языкового новоштокавского ареала практически не разработана в сербской лексикологии и диалектологии, диалектный атлас сербского языка находится лишь на стадии подготовки¹. В работах Павла Ивича встречаются

¹ В 1958 г. началась работа над проектом сербскохорватского диалектного атласа. После распада Югославии в Сербии приступили к созданию национального сербского атласа, но пока эту работу не удалось довести до

отдельные наблюдения над лексическим разграничением западных и восточных штокавских говоров, но в большей степени они касаются противопоставления говоров шчакавских (на которых говорят хорваты и бошняки) и штокавских (на которых говорят сербы, черногорцы, хорваты и бошняки) (Ивић 1985: 39). Не существует и систематического описания лингвогеографических особенностей лексики восточногерцеговинского и шумадийско-воеводинского диалектов. В сербских диалектологических описаниях лексические особенности данных диалектных групп сводятся только к характеру заимствований (наличие турцизмов, германизмов, унгаризмов, романизмов) (Ивић 1994: 136; Окука 2008: 68–69, 136). Между тем проблема лексического варьирования в сербском новоштокавском ареале представляется очень актуальной в связи с поиском изоглосс, выделяющих западную и восточную части сербской языковой территории.

Материалы и методы исследования

Настоящее исследование выполнено в рамках проекта по изучению ареальных характеристик сербской и хорватской лексики и продолжает серию статей, посвященных лексике Боснийской Краины (Якушкина 2019; Якушкина 2019а). В целях реализации проекта был предпринят сбор диалектного лексического материала по анкете, составленной на базе вопросника «Сербскохорватского диалектного атласа». По данному вопроснику в ходе двух экспедиций был собран материал в двух селах в окрестностях г. Баня-Лука (область Маняча, села Кола и Ситница) и г. Мркониц-Град (села Шеховцы, Подрашница и Барачи (Горица))², говоры которых относятся к западнбоснийской подгруппе восточногерцеговинского диалекта. Всего было опрошено 15 информантов. В окрестностях г. Баня-Лука сбор материала производился по вопроснику, насчитывавшему около 500 вопросов, а в дальнейшем материал собирался по сокращенной анкете, состоящей из 370 вопросов³.

конца, поскольку сербские диалектологи параллельно заняты в нескольких международных лингвогеографических проектах (Милорадовић 2017).

2 Село Шеховци прилегает к Маняче, а Подрашница и Барачи находятся южнее.

3 Из первоначального вопросника были исключены семантические вопросы, а также вопросы, предположительно характеризующиеся невысокой степенью лингвогеографической релевантности (*отвара ти, опет, онда, пре, после, тако, толико, редак, дубок, низак* и др.).

Собранный полевой материал был дополнен данными анкеты, отражающими лексику еще одного сербского западнобоснийского говора, носители которого в настоящее время покинули свою родину, — говора села Бастаси (область Ливаньско-Поле, общ. Босанско Грахово, село расположено примерно в 70 км к юго-западу от Мрконич-Града). Эти данные были предоставлены носителем говора, профессором Баянлукского университета Драгомиром Козомара, за что автор выражает ему глубокую благодарность.

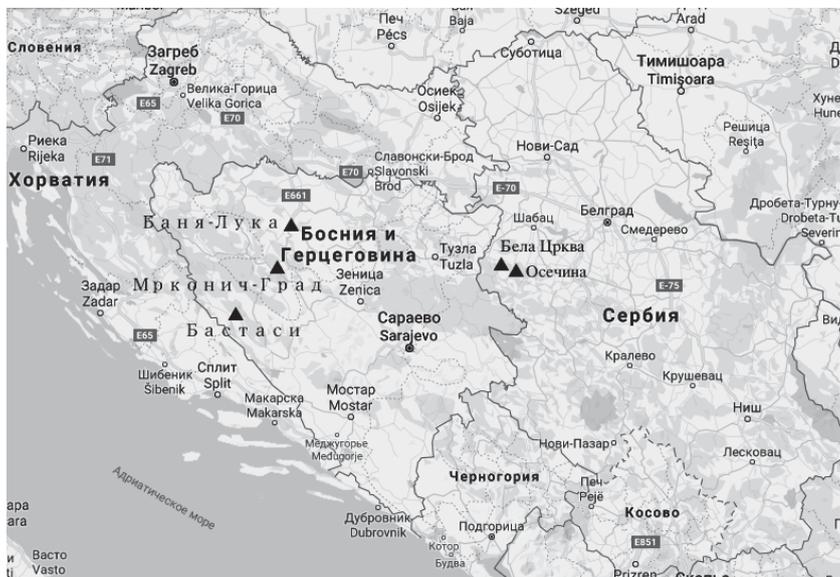
Говоры западной Боснии отличаются некоторыми периферийными чертами по сравнению с наиболее типичными представителями восточногерцеговинского диалекта — говорами юго-восточной подгруппы. Они характеризуются отсутствием имперфекта, сохранением старых падежных форм в дательном, творительном и местном падежах множественного числа, редукцией гласных и др. (Ивић 1994: 168).

Шумадийско-воеводинский материал представлен данными двух анкет, отражающими говор с. Бела-Црква (область Раджевина) и г. Осечина (обл. Подгорина), расположенных в северо-западной Сербии к северо-западу от г. Валева (расстояние между пунктами 15 км) (см. карту № 1). Материал из с. Бела-Црква был записан от носителя говора, сотрудника Института сербского языка САНИ Мирьяны Петрович-Савич⁴, а материал из г. Осечина был записан от информанта Милены Савич (1953 г. р.). Говор с. Бела-Црква относится к группе шумадийско-воеводинских говоров, в которых рефлекс ятя имеет статус особой фонемы. Говоры Раджевины и Подгорини территориально близки к восточногерцеговинским⁵.

В целях описания лексического варьирования в новоштокавском ареале в данной работе сопоставляются говоры восточногерцеговинского и шумадийско-воеводинского типа по следующим основным критериям: степень близости к словарному фонду литературного языка; степень взаимной близости; дифференциальные лексические признаки каждой из групп говоров по отношению друг к другу. Также сопоставление проводится и внутри каждого диалектного типа с целью выяснения его лексической однородности. Основные методы,

4 Автор благодарит М. Савич-Петрович за значительную помощь в проведении данного исследования.

5 П. Ивич отмечает, что шумадийско-воеводинские говоры к западу от Лига находятся под сильным влиянием восточногерцеговинского диалекта (Ивић 1985: 74).

<Карта № 1: Обследованные населенные пункты>

применяемые в данной работе, — сопоставительный и статистический.

Результаты исследования

Лексическая вариативность внутри западнобоснийского корпуса. Различия между лексикой с. Бастаси, самого южного из исследованных нами сел западной Боснии, и лексикой с. Кола, самого северного в обследованной области, составляют приблизительно 10%. В говоре Бастаси присутствуют следующие слова, не характерные для говора Кола: *нев^нста* ‘сноха’, *сватови* ‘свадьба’, *шишиа* ‘бутылка’, *пирла* ‘воронка для переливания жидкости’, *подрум* ‘хлеб’, *прасетњак* ‘свинарник’, *тањур* ‘тарелка’, *цукар* ‘сахар’, *прч* ‘некастрированный козел’, *дижва* ‘ведро для дойки’, *пуле* ‘осленок’, *кезме* ‘поросенок’, *уш-коп^нти* ‘кастрировать’, *кљуцавац* ‘дятел’, *тука* ‘индюшка’, *п^нјевац* ‘петух’, *улиште* ‘улей’, *св^нјетла баја* ‘светлячок’, *тара* ‘ткацкий станок’, *мољац* ‘моль’, *оток* ‘остров’, *јавити* ‘подзывать домашнюю птицу’, *пуше* ‘дует (о ветре)’, *дуљина* ‘длина’, *мучати* ‘молчать’, *дид* ‘тесть’, *сић* ‘ведро’, *мливо* ‘мука’, *драча* ‘акация’. Лексика Бастаси обнаруживает больше, чем в Кола, лексем, характерных для запада или периферии сербскохорватского ареала, ср.: *оток*, *тука*, *пуше*, *тањур*, *дуљина*, *пуле*, *пирла*, *цукар*, *мучати*, *сватови*. Из типичных для западнобоснийских

говоров архаизмов⁶ (*жельезо* ‘железо’, *ђела* ‘миска, глубокая тарелка’, *мрква* ‘морковь’, *гра* ‘фасоль’, *лаче* ‘штаны’ и др.) в говоре Бастаси не представлены слова *жлица* ‘ложка’ и *плата* ‘простынь’, вместо которых употребляются турцизмы *каш^uка* и *чашаф^e*. Кроме того, в говоре Бастаси фиксируются архаизмы: *мучати* ‘молчать’, *пл^шесан* ‘плесень’, *вари се* ‘варится’, *смеће* ‘мусор’ (без дублета *ђубре*).

Лексику Кола по сравнению с Бастаси отличают слова *ришак* ‘картофель’, *шљеја* ‘бревно, переброшенное через реку’, *пири* ‘дуть (о ветре)’, которые можно считать локализмами, и лексемы *јефта* ‘неделя’, *пир* ‘свадьба’, *тржница* ‘рынок’, *парник* ‘ровесник’, *старац* ‘тесть’. В сербских говорах лексемы *јефта*, *пир*, *тржница*, вероятно, ограничены боснийской территорией: *тржница* и *јефта* в сербской диалектной лексикографии других областей не фиксируются, о принадлежности лексемы *пир* к западнобоснийским говорам свидетельствует соответствующая карта Общеславянского лингвистического атласа (ОЛА 2015). Лексемы *парник* и *старац* фиксируются рядом сербских диалектных словарей в Воеводине, Шумадии, но не в восточной Сербии (*парник*: Петровић, Капустина 2011: 202; *парњак*: РСГВ 3: 207); *старац* ‘тесть’ (Далмација 2004: 287; Петровић, Капустина 2011: 276; РСГВ 4: 132).

Лексика сел Шеховци, Подрашница и Барачи, находящихся примерно на полпути между Кола и Бастаси, закономерно носит переходный характер. Бастаси и села в окрестностях Мрконич-Града объединяются рядом важных лексических изоглосс, связывающих эти говоры с Адриатическим побережьем (романизм *пирла* ‘воронка для переливания жидкости’, см. ОЛА 2007, где в нескольких чакавских и зетско-сеницких говорах фиксируется лексема *pirija*) и, шире, с западом сербскохорватского ареала (глагол **puchati* ‘дуть (о ветре)’: *кад ветар пуне*). Данные говоры объединяются также лексемами *драча* ‘акация’, *тара* ‘ткацкий станок’, *дижва* ‘ведро для дойки’, *варим* (*ручак*) ‘готовлю (обед)’, *маказе* ‘ножницы’ (в Кола — только *ножице*). С другой стороны, здесь встречаются многие слова, характерные для Кола и отсутствующие в Бастаси: *ришак*, *пири*, *јефта*, *пир*, *старац* ‘тесть’.

Говоры сел Шеховци, Подрашница и Барачи содержат некоторые элементы, не зафиксированные нами в других обследованных селах: *царза*

6 Под архаизмами мы понимаем лексику праславянского происхождения, которой на части территории распространения сербского языка, а именно в центральных и восточных областях сербской языковой территории, соответствуют заимствования и новообразования.

‘юбка’, *крај* ‘нить’, *ороз* ‘петух’, *ангир* ‘некастрированный конь’, *дојимо* ‘дойть’, *пасуљ* ‘фасоль’ (наряду с *гра*), *справна* (о корове) ‘стельная’.

Лексическая вариация внутри шумадийско-воеводинского корпуса. Анкеты из с. Бела-Црква и г. Осечина содержат приблизительно 20% различных или частично совпадающих ответов (фонетические варианты не учитывались). Приведем примеры лексических противопоставлений, записанных от информантов из г. Бела-Црква и с. Осечина: *коса* — *власи* ‘волосы’, *бубац* — *бубрег* ‘почка (орган)’, *задруга* — *породица* ‘семья’, *одати* — *шетати* ‘гулять’, *сикирати се* — *бринути се* ‘беспокоиться’, *заручница* — *вереница* ‘помолвленная девушка, невеста’, *старац* — *таст* ‘тесть’, *баба* — *ташта* ‘теща’, *сашивотак* — *шав* ‘шов’, *ципела* — *кундура* ‘туфля’, *цеп* — *шпаг* ‘карман’, *авлија* — *двориште* ‘двор’, *цреп* — *ћерамида* ‘черепица’, *ватраљ* — *жарач* ‘железное приспособление для перемешивания топлива в печи’, *мердевине* — *лотре* ‘приставная лестница’, *крпара* — *ћилим* ‘ковер’, *влаша* — *боца* ‘бутылка’, *буре* — *бачва* ‘бочка’, *кабо* — *кофа*, *видрица* ‘ведро’, *ћаса* — *чинија* ‘миска’, *квас* — *квасац* ‘дрожжи’, *наћве* — *корито* ‘деревянная посуда для замешивания теста’, *врити* — *кључати* ‘кипеть’, *љуштити* — *чистити* ‘снимать кожуру, очищать’, *просути* — *пролије* ‘пролить’, *окомак* — *кочањ* ‘вылущенный кукурузный початок’, *ольна* — *комушина* ‘листья от кукурузного початка’, *пешке* — *пешице* ‘пешком’, *крепала* — *липсала* ‘пасть, сдохнуть (о скотине)’, *перуштина* — *живина* ‘домашняя птица’, *шишмиш* — *слепи миш* ‘летучая мышь’, *спуж* — *пуж* ‘улитка’, *светњак* — *свитац* ‘светлячок’, *жила* — *корен* ‘корень’, *вења* — *клека* ‘можжевельник’, *грм* — *жбун* ‘куст’, *пруће* — *шибље* ‘прутья’, *маказе* — *ножице* ‘ножницы’, *пут* — *друм*, *иада* ‘дорога’, *брод* — *газ* ‘брод’, *валови* — *талас* ‘волна’, *паре* — *новац* ‘деньги’, *ћон* — *пенце* ‘подошва’.

Степень близости лексики говоров к словарному фонду литературного языка. Большая близость к словарному фонду литературного языка лексики Раджевины и Подгорины, чем говоров западной Боснии, является предсказуемой в силу периферийного характера западнобоснийских говоров. В анкете из с. Бела-Црква зафиксировано всего 6% лексики, не представленной в словаре сербского литературного языка РСЈ 2007 или представленной в другом значении (фонетические варианты как отдельная лексема не рассматривались). Это следующие лексемы: *бубац*, *бубало* ‘почка’ (*боли ме бубац*), *одати* ‘гулять’, *бут* ‘верхняя часть ноги у человека’, *задруга* ‘семья’, *палоција* ‘ровесник’, *братичкиња* ‘дочь брата’, *сестричкиња* ‘дочь сестры’, *пуница* ‘жена шурина’, *вето (одело)* ‘старая (одежда)’, *сашивотак* ‘шов’,

бошча ‘фартук’, *супрет* ‘пепел’, *бешика* ‘колыбель’, *астал* ‘стол’, *ћиндиџа* ‘полдник’, *ужина* ‘обед’, *перуштина* ‘птица’, *бурњак* ‘дождевой червь’, *окомак*, *корен* ‘вылущенный кукурузный початок’, *олна* ‘листья от кукурузного початка’, *светњак* ‘светлячок’, *бостан* ‘арбуз’. Часть слов из этого списка имеет в говоре дублеты, совпадающие с литературными словами, а на долю диалектизмов, у которых в говоре нет подобных дублетов, приходится 4% от общего количества лексики в анкете. Такое же число было получено и при анализе лексики западнобоснийского говора села Кола (Якушкина 2019а). Однако в говоре Кола заметно выше доля дублетных пар, состоящих из диалектного и литературного слова (16%). Высокий процент дублетности в этом говоре согласуется с данными карт ОЈА, часто демонстрирующими на территории Боснии зону лексической вариативности (*луг* и *ливада*, *коса* и *власи* и др.). Таким образом, мы наблюдаем, что лексика говора села Бела-Црква более гомогенна, в меньшей степени насыщена дублетами.

Лексические различия между говорами с. Бастаси и с. Бела-Црква и г. Осечина. Из 370 вопросов в Бастаси записано 100 лексем (27%), не зафиксированных в говоре Бела-Црква, из них половина приходится на дублетные пары. Это значит, что доля значений, которые выражаются в этих говорах с помощью различных лексем, составляет 13,5%. Большая часть дифференциальной лексики относится к области домашнего быта и хозяйства.

Приведем список слов, которые употребляются в Бастаси и не зафиксированы в Бела-Црква и Осечина или зафиксированы там в другом значении: *образ* ‘лицо’, *губ^нца* ‘губа’, *диван^нти* ‘разговаривать’, *мучати* ‘молчать’, *затјевак* ‘затылок’, *зглоб^н* ‘сустав’, *црна цигара* ‘печень’, *шетају* ‘гуляют’, *лети* ‘бежит’, *бедра* ‘часть ноги от бедра до колена’, *вамилиџа* ‘семья’, *сестрана* ‘дочь сестры’, *куљава* ‘беременная’, *сватови* ‘свадьба’, *нев^нста* ‘сноха’, *дид^н*, *пунац* ‘тесть’, *пун^нца* ‘теща’, *шурњава* ‘жена шурина’, *роба*, *одеја* ‘одежда’, *пулиџа*, *пуце* ‘пуговица’, *лаче* ‘брюки’, *каџиш* ‘пояс, ремень’, *спона* ‘застежка’, *прегача*, *кецеља* ‘фартук’, *ограда* ‘забор’, *цигла* ‘черепица’, *пенџер* ‘окно’, *маша* ‘приспособление для перемешивания топлива в печи’, *жељезо* ‘железо’, *луг* ‘пепел’, *димљак* ‘дымоход’, *тепик* ‘ковер’, *смеће* ‘мусор’, *сто* ‘стол’, *уже* ‘веревка’, *шишиа* ‘бутылка’, *пирла* ‘воронка для переливания жидкости’, *подрум* ‘хлев’, *прасетњак* ‘свинарник’, *на двору* ‘на улице’, *надво* ‘на улицу’, *сић* ‘ведро для воды’, *мливо* ‘мука’, *риџа* ‘рис’, *ћела* ‘миска’, *тањур* ‘тарелка’, *герма* ‘дрожжи’, *крув* ‘хлеб’, *жмаре* ‘шкварки’, *разрезати* ‘разрезать’, *гул^нти* ‘очищать кожуру’, *вари се* ‘варится’, *цу-*

кар ‘сахар’, *пл^несан* ‘плесень’, *уље* ‘растительное масло’, *комуша* ‘початок кукурузы без зерен’, ‘листья, в которые завернут кукурузный початок’, *млин* ‘водяная мельница’, *благо* ‘скот’, *кошара* ‘хижина пастухов’, *прч* ‘некастрированный козел’, *варен^нка* ‘сырое молоко после дойки’, *дижва* ‘посуда для дойки’, *пуле* ‘осленок’, *прас^нца* ‘самка свиньи’, *кезме* ‘поросенок’, *ушкоп^нти* ‘кастрировать’, *оро* ‘ястреб’, *кљуцавац* ‘дятел’, *грак^не* ‘каркает (о вороне)’, *увор* ‘петушинный гребень’, *тука* ‘индюшка’, *јавимо* ‘подзываем птицу’, *међед^нца* ‘медведица’, *улиште* ‘улей’, *св^нјетла баја* ‘светлячок’, *комарица* ‘комар’, *дебло* ‘ствол’, *боровъача*, *боровн^нца* ‘можжевельник’, *смрека* ‘ель’, *драча* ‘акация’, *ракита* ‘ива прямоствольная’, *печурка* ‘гриб’, *гра* ‘фасоль’, *мрква* ‘морковь’, *црвени лук* ‘лук’, *копрва* ‘крапива’, *жага* ‘пила’, *тара* ‘ткацкий станок’, *нож^нце* ‘ножницы’, *цеста* ‘дорога’, *оток* ‘остров’, *талас* ‘волна’, *пуше* ‘дует (о ветре)’, *локва* ‘лужа’, *дуљина* ‘длина’, *ручник* ‘полотенце’, *застава* ‘флаг’, *крадљивац* ‘вор’, *Дови* ‘праздник св. Троицы’.

Большая часть лексических дифференциальных пар сел Бастаси и Бела-Црква, по всей видимости, лингвогеографически не противопоставляют восточногерцеговинский говор области Ливаньско-Поле шумадийско-воеводинскому говору Раджевины. Они являются следствием предпочтения в говоре той или иной лексемы или следствием случайного семантического сдвига. Например, в противопоставлении *породица* — *задруга* ‘семья’ *задруга*, по всей видимости, локально перенесено на обозначение любой семьи, вместо широко распространенного ‘большая семья’ (ср.: словарь РСЈ вообще не фиксирует у этого слова значение ‘семья’). То же касается противопоставления *шетају* — *одају* ‘гуляют’, *цигла* — *цреп* ‘черепица’, *кецеља* — *бошча* ‘фартук’, *локва* — *барица* ‘лужа’ и др. В целом ряде случаев лексемы из с. Бела-Црква, отсутствующие в с. Бастаси, употребляются в с. Кола в окрестностях Баня-Луки и, следовательно, не являются боснийско-шумадийскими дифференциальными признаками: *углабак* ‘сустав’, *бут* ‘бедро’, *старац* и *баба* ‘тесть и теща’, *мездредине* ‘приставная лестница’, *левак* ‘воронка для переливания жидкости’, *свињац* ‘свинарник’, *стока*, *марва* ‘скот’, *вабит* ‘подзывать птицу’.

Рассмотрим, существуют ли среди перечисленных различия, демонстрирующие четкие ареальные противопоставления между западнобоснийскими говорами восточногерцеговинского типа и шумадийско-воеводинскими говорами северо-западной Сербии⁷. Диффе-

⁷ Определение шумадийско-воеводинских говоров в бассейне Колубары как северо-западных сербских говоров см. в (Ивић 2009: 39).

ренциальные пары: *димљак* — *оцак*, *гулити* — *љушитити*, *увор* — *креста*, *гра* — *пасуљ*, *мрква* — *шангарепа*, *цеста* — *пут*, *тара* — *разбој*, *црвени лук* — *црни лук*, *крув* — *хлеб* были проверены по словарям (Божанић, Тривунац; Букумирић 2012; Гаговић 2004; Далмација 2004; Динић 2008; Елезовић; Жугић 2005; Караџић 1818; Караџић 1852; Лазић 2008; Митровић 1984; Петровић, Капустина 2011; Петровић, Ђелић, Капустина 2013; РСГВ; Стијовић 2014; Томић 1989; Ћупић 1997). Пары *губица* — *усна*, *међедица* — *мечка*, *дебло* — *стабло* были также проверены по картам ОЛА 1988, 2000, 2009. Анализ дал следующие результаты.

Наиболее четкое ареальное противопоставление демонстрирует изоглосса *крув* — *хлеб*. В Хорватии, в западной Боснии как нейтральное обозначение хлеба распространены продолжения лексемы **крихъ*. Восточнее Дрины это слово фиксируется очень редко. Оно отсутствовало в говоре Вука Караджича, который во втором издании своего Словаря снабдил его пометой «славонское». Правда, в иллюстративных текстах во втором издании словаря это слово фиксируется в Паштровичах (s.v. *баба руга*). На территории Сербии это слово встречается в областях Качер и Ужице (Петровић, Капустина 2011: 142; Цвијетић 2014: 178).

Похожую территориальную проекцию имеет противопоставление *тара* (Караџић 1852; Далмација 2004: 298) — *разбој* (Караџић 1818: 700; Петровић, Ђелић, Капустина 2013: 348; Стијовић 2014: 561; Букумирић 2012: 513; Митровић 1984: 280 (в данном словаре зафиксирован дериват); Томић 1989: 125; Петровић, Капустина 2011: 245; РСГВ 3: 428). Изоглоссы *мрква* — *шангарепа*, *међедица* (*медведица*) — *мечка* также разделяют сербские говоры на западный и восточный ареалы, но проходят (или проходили в XIX веке) предположительно несколько восточнее⁸ (см. карту № 2 «Самка медведя: *medvĕdica*» и № 3 «Самка медведя: *течка*»)⁹. На большей части территории Сербии фиксируется слово *мечка* (Караџић 1818: 398; Букумирић 2012: 319; Динић 2008: 409; Елезовић; Жугић 2005: 195; Стијовић 2014: 316; Митровић 1984: 179–180; РСГВ 2: 477). *Мечка* было зафиксировано нами и в ходе

8 Наше предположение основано на том, что в первом издании словаря Караджича, отражающем говор Тршича, зафиксированы «западные» лексемы: *мрква* и *међедица* (наряду с *мечка*).

9 Предлагаемые карты выполнены на основе карты «Общеславянского лингвистического атласа» «Самка медведя» (ОЛА 1988) и отражают изоглоссы *мечка* и *медведица* в упрощенном виде.

Лексема *димњ(љ)ак*, наряду с западнобоснийскими говорами, употреблялась в говоре Вука Караджича, а также встречается на Косове (Букумирић 2012: 128) и в Воеводине (РСГВ 1: 373), тогда как на большей территории Сербии и в Черногории распространен турцизм *оџак* (Караџић 1818; Букумирић 2012: 404; Вујичић; Елезовић; Златановић; Петровић, Ђелић, Капустина 2013: 97; Стијовић 2014: 455 (дериват); Митровић 1984: 229; Петровић, Капустина 2011: 198; РСГВ 1: 373).

Лексема *цеста*, кроме западных сербских говоров, сохранилась в Косово (Букумирић 2012: 662) и в Черногории (Њупић 1997: 540). Возможно, в центральных сербских говорах вытеснена грецизмом *друм*, широко распространившимся в сербских говорах.

Лексема *гра(х)* встречается в говорах Боснии (Далмација 2004: 57), Шумади (Петровић, Капустина 2011: 70; Лазић 2008: 67), восточной Сербии (Митровић 1984: 60; Динић 2008: 110), Черногории (Гаговић 2004: 42), употреблялась в говоре Вука Караджича. Грецизм *пасуљ* Вук Караджич в первом издании своего словаря характеризует как воеводинскую лексему (ср. РСГВ 2: 431), также это слово характерно для Косова (Букумирић 2012: 412; Елезовић), Черногории (Стијовић 2014: 462), Шумади (Петровић, Капустина 2011: 203; Лазић 2008: 222). Таким образом, на сербской территории в основном наблюдается интерференция двух лексем. Однако в западной Боснии *гра* 'фасоль' часто употребляется без дублета, например в с. Кола. Похожая ситуация наблюдается с лексемами *гулити* и *љуитити* 'чистить' (картофель). В Боснии (Кола, Бастаси; Далмација 2004: 62) для обозначения снятия кожуры с плода используется лексема *гулити*. Восточнее, насколько можно судить по имеющимся данным, используются обе лексемы (ср. *гулити* и *љуитити* в Шумади (Петровић, Капустина 2011: 74; Лазић 2008: 71; анкета из с. Бела-Црква), в Воеводине (РСГВ 1: 334; РСГВ 2: 443) и в Черногории (Вујичић). Однако на Косове (Букумирић 2012: 114) зафиксировано только *гулити*. Лексема *увор*, кроме Боснии, встречается в Черногории (Петровић, Ђелић, Капустина 2013: 413), Вук Караджич это слово считал герцеговинским (Караџић 1852). Слово *креста* фиксируется в Дубровнике (Бојанић, Тривунац) и в Воеводине (РСГВ 2: 325).

Некоторые лексемы, которые отличают говор с. Бастаси от говора с. Бела-Црква, представлены в ОЛА, данные которого подтверждают связь записанных в Бастаси лексем с (западной) Боснией. Номинация *губице* 'губы человека', как показывает атлас, характерна в первую очередь для боснийских говоров и некоторых чакавских и славонских,

а *усне* — для всех штокавских. Образ ‘лицо’ на сербскохорватской территории фиксируется в ОЛА в нескольких пунктах в зетско-сеницких говорах, в славонских, западнбоснийских и чакавских говорах в противоположность общесербскохорватской номинации **lice*. Из лексем *зглоб* — *цглабак* для Боснии ОЛА подтверждает только *зглоб*, а продолжения **szgolvъkъ* фиксирует в Шумадии и Воеводине. Изоглосса *бедра* — *бут* также отделяет западную Боснию. *Црна цигара* — номинация, которая точно встречается в западной Боснии и в области Мрковичи (ОЛА 2009).

Некоторые лексические изоглоссы объединяют говор с. Кола и говор с. Бела-Црква и противопоставляют их говору с. Бастаси: *старац*, *баба*, *левак*, *вабити*, *жглавак*, *бут*, *мездревине*, *стока*, *марва*, *омужа*, *ћура*, *острво*, *дува*, *дјетлић* (или *дето*), отсутствие лексемы *прч*.

Выводы. Проведенное исследование показало, что различия между лексикой областей Маняча и Ливаньско-Поле и областей Раджевина и Подгорина количественно примерно равняются вариации внутри одного диалектного типа. Главное типологическое отличие западнбоснийских говоров от говоров северо-западной Сербии¹⁰ — наличие большого числа лексических дублетов. По отношению к литературному языку западнбоснийские говоры и говоры северо-западной Сербии демонстрируют примерно одинаковую близость. По сравнению с говорами Раджевины и Подгорини, говоры Манячи и Ливаньско-Поле характеризуются сохранностью архаизмов — континуантов некоторых праславянских слов, вытесненных в Раджевине и Подгорине турцизмами и грецизмами. Свообразие западнбоснийских говоров по отношению к говорам северо-западной Сербии также определяется лексическими связями с хорватским ареалом.

Источники и литература

Бојанић, Тривунац — *Бојанић М., Тривунац Р.* Рјечник дубровачког говора. [Электронный ресурс]. URL: <http://raskovnik.org/>.

Букумирић 2012 — *Букумирић М.* Речник говора северне Метохије. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2012. 704 с.

Вујичић — *Вујичић М.* Рјечник говора Прошћења (код Мојковца). — Режим доступа: <http://raskovnik.org/>.

¹⁰ См. сноску № 8.

Гаговић 2004 — *Гаговић С.* Из лексике Пиве (село Безује) // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 2004. Књ. 51. С. 1–312.

Далмација 2004 — *Далмација С.* Рјечник говора Поткозарја. Бања Лука: Глас српски графика, 2004. 362 с.

Динић 2008 — *Динић Ј.* Тимочки дијалекатски речник. Београд, 2008. 921 с.

Елезовић — *Елезовић Г.* Речник косовско-метохиског дијалекта. [Електронни ресурс]. URL: <http://raskovnik.org/>.

Жугић 2005 — *Жугић Р.* Речник говора јабланичког краја // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 2005. Књ. 52. 470 с.

Златановић — *Златановић М.* Речник говора Јужне Србије. [Електронни ресурс]. URL: <http://raskovnik.org/>.

Ивић 1985 — *Ивић П.* Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штоквско наречје. Нови Сад, 1985. 215 с.

Ивић 1994 — *Ивић П.* Српскохрватски дијалекти. Њихова структура и развој // Ивић П. Целокупна дела. Сремски Карловци; Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 1994. Т. 3. 319 с.

Ивић 2009 — *Ивић П.* Српски дијалекти и њихова класификација. Сремски Карловци; Нови Сад: Издавачка књижарница Зорана Стојановића, 2009. 221 с.

Караџић 1818 — *Караџић В.* Српски рјечник (1818). Београд, 1969. 928 с.

Караџић 1852 — *Караџић В.* Српски рјечник (1852). [Електронни ресурс]. URL: <http://raskovnik.org/>.

Лазић 2008 — *Лазић А.* Грађа за речник говора Мачве. Шабац, 2008. 385 с.

Милорадовић 2017 — *Милорадовић С.* Лингвистичка географија у Србији — језички записи на картама и њихово читање // Јужнословенски филолог. 2017. Књ. LXXIII, св. 3–4. С. 113–135.

Митровић 1984 — *Митровић Б.* Речник лесковачког говора // Библиотека народног музеја у Лесковцу. Лесковац: Народни музеј у Лесковцу, 1984. Књ. 32. 384 с.

ОЛА — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 1: Животный мир. М.: Наука, 1988. 188 с.; Вып. 2: Животноводство. Warszawa, 2000. 192 с.; Вып. 3: Растительный мир. Минск, 2000. 162 с.; Вып. 4: Сельское хозяйство. Братислава, 2012. 266 с.; Вып. 6: Домашнее хозяйство и приготовление пищи. М.: ИРЯ РАН, 2007. 192 с.; Вып. 8: Профессии и общественная жизнь. Warszawa, 2003. 192 с.; Вып. 9: Человек. Kraków, 2009. 218 с.; Вып. 10: Народные обычаи. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. 276 с.

Петровић, Капустина 2011 — *Петровић Д., Капустина Ј.* Из лексике Качера // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 2011. Књ. 58. С. 1–336.

Петровић, Ђелић, Капустина 2013 — *Петровић Д., Ђелић И., Капустина Ј.* Речник Куча // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 2013. Књ. 60. 461 с.

Плотникова 2004 — *Плотникова А. А.* Етнолингвистическая география южной Славии. М.: Индрик, 2004. 768 с.

РСГВ — Речник српских говора Војводине. Нови Сад, 2019. Књ. 1–4.

РСЈ — Речник српскога језика [Електронни ресурс]. URL: <http://www.srpskijezik.com>

РСЈ 2007 — Речник српскога језика. Београд, 2007. 1561 с.

СТИЈОВИЋ 2014 — *СТИЈОВИЋ Р.* Речник Васојевића. Београд: Чигоја штампа, 2014. 692 с.

ТОМИЋ 1997 — *ТОМИЋ М.* Речник радимског говора // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1989. Књ. 35. С. 1–175.

ТУПИЋ 1997 — *ТУПИЋ Д., ТУПИЋ Ж.* Речник говора Загарача // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1997. Књ. 44. 615 с.

ЦВИЈЕТИЋ 2014 — *ЦВИЈЕТИЋ Р.* Речник ужичког говора. Ужице, 2014. 444 с.

ЈАКУШКИНА 2019 — *ЈАКУШКИНА Е. И.* Диалектне материјале из западне Босније // *Stephanos*. 2019. № 6 (38). С. 44–54.

ЈАКУШКИНА 2019а — *ЈАКУШКИНА Е. И.* Западнобоснијска диалектна лексика у общесербском контексту (на примеру говора Манјачи) // *Наш језик*. 2019. № 50, св. 2. С. 607–615.

ОКУКА 2008 — *ОКУКА М.* *Srpski dijalekti*. Zagreb, 2008. 320 s.

References

Bojanić, M., Trivunac, R. *Rječnik dubrovačkog govora*. URL: <http://raskovnik.org/>.
Bukumirić, M. *Rečnik govora severne Metohije*. Beograd: Institut za srpski jezik SANU, 2012, 704 p.

Cvijetić, R. *Rečnik užičkog govora*. Užice, 2014, 444 p.

Ćupić, D., Ćupić, Ž. “Rečnik govora Zagarača.” *Srpski dijalektološki zbornik*. Knj. 44. Beograd, 1997, 615 p.

Dalmacija, S. *Rječnik govora Potkozarja*. Banja Luka: Glas srpski grafika, 2004, 362 p.

Dinić, J. *Timočki dijalekatski rečnik*. Beograd, 2008, 921 p.

Elezović, G. *Rečnik kosovsko-metohiskog dijalekta*. URL: <http://raskovnik.org/>.

Gagović, S. “Iz leksike Pive (selo Bezujce).” *Srpski dijalektološki zbornik*. Knj. 51. Beograd, 2004, p. 1–312.

Ivić, P. *Dijalektologija srpskohrvatskog jezika. Uvod i štokvsko narečje*. Novi Sad, 1985, 215 p.

Ivić, P. "Srpskohrvatski dijalekti. Njihova struktura i razvoj." Ivić, P. *Celokupna dela*, vol. 3. Sremski Karlovci; Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 1994, 319 p.

Ivić, P. *Srpski dijalekti i njihova klasifikacija*. Sremski Karlovci; Novi Sad: Izdavačka knjižarnica Zorana Stojanovića, 2009, 221 p.

Karadžić, V. *Srpski rječnik (1818)*. Beograd, 1969, 928 p.

Karadžić, V. *Srpski rječnik (1852)*. URL: <http://raskovnik.org/>

Lazić, A. *Građa za rečnik govora Mačve*. Šabac, 2008, 385 p.

Miloradović, S. "Lingvistička geografija u Srbiji — jezički zapisi na kartama i njihovo čitanje." *Južnoslovenski filolog*, LXXIII, sv. 3–4. 2017, p. 113–135.

Mitrović, B. "Rečnik leskovačkog govora." *Biblioteka narodnog muzeja u Leskovcu*. Knj. 32. Leskovac: Narodni muzej u Leskovcu, 1984, 384 p.

Obshchslavianskii lingvisticheskiĭ atlas. Seriiia leksiko-slovoobrazovatel'naia, vyp. 1, Zhivotnyiĭ mir. Moscow: Nauka, 1988, 188 p.

Obshchslavianskii lingvisticheskiĭ atlas. Seriiia leksiko-slovoobrazovatel'naia, vyp. 2, Zhivotnovodstvo. Warsaw, [s. n.], 2000, 192 p.

Obshchslavianskii lingvisticheskiĭ atlas. Seriiia leksiko-slovoobrazovatel'naia, vyp. 3, Rastitel'nyĭ mir. Minsk: [s. n.], 2000, 162 p.

Obshchslavianskii lingvisticheskiĭ atlas. Seriiia leksiko-slovoobrazovatel'naia, vyp. 4, Sel'skoe khoziaĭstvo. Bratislava: [s. n.], 2012, 266 p.

Obshchslavianskii lingvisticheskiĭ atlas. Seriiia leksiko-slovoobrazovatel'naia, vyp. 6, Domashnee khoziaĭstvo i prigotovlenie pishchi. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, 2007, 192 p.

Obshchslavianskii lingvisticheskiĭ atlas. Seriiia leksiko-slovoobrazovatel'naia, vyp. 8, Professii i obshchestvennaia zhizn'. Warsaw: [s. n.], 2003, 192 p.

Obshchslavianskii lingvisticheskiĭ atlas. Seriiia leksiko-slovoobrazovatel'naia, vyp. 10, Narodnye obychai. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2015, 276 p.

Okuka, M. *Srpski dijalekti*. Zagreb, 2008. 320 s.

Petrović, D., Kapustina, J. "Iz leksike Kačera." *Srpski dijalektološki zbornik*. Knj. 58. Beograd, 2011, p. 1–336.

Petrović, D., Čelić, I., Kapustina, J. "Rečnik Kuča." *Srpski dijalektološki zbornik*. Knj. 60. Beograd, 2013, 461 p.

Plotnikova, A. A. *Etnolingvisticheskaya geografiya yuzhnoj Slavii*. Moscow: Indrik, 2004. 768 p.

Rečnik srpskih govora Vojvodine. Knj. 1–4. Novi Sad, 2019.

Rečnik srpskoga jezika. URL: <http://www.srpskijezik.com>

Rečnik srpskoga jezika. Beograd, 2007, 1561 p.

Stijović, R. *Rečnik Vasojevića*. Beograd: Čigoja štampa, 2014, 692 p.

Tomić, M. "Rečnik radimskog govora." *Srpski dijalektološki zbornik*. Beograd, 1989. Knj. 35, p. 1–175.

Vujičić, M. *Rječnik govora Prošćenja (kod Mojkovca)*. URL: <http://raskovnik.org/>.

Yakushkina, E. I. "Dialektne materijale iz zapadne Bosne." *Stephanos*. 2019. № 6 (38), p. 44–54.

Yakushkina, E. I. "Zapadnobosnijskaya dialektnaya leksika v obshchoserbskom kontekste nash (na primere govora Manyachi)." *Nash jezik*. 2019. № 50, sv. 2, p. 607–615 (Yakushkina 2019a).

Ekaterina I. Yakushkina

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

The vocabulary of the Eastern Hercegovina and Shumadia-Voyvodina dialects of the Serbian language in a comparative aspect

The paper deals with the results of a survey of speakers of Eastern Hercegovian (Western Bosnian, Manjača and Livanjsko Polje districts) and Shumadia-Voyvodina dialects (Rađevina and Podgorina districts) on the base of 370 questions covering the main thematic groups of vocabulary. In comparison with Rađevina, the answers of informants from Western Bosnia contain more words different from the literary language. But most of Bosnian dialect words coexist in with words that are identical to the literary language. The range of lexical differences between the Western Bosnian dialect and the Western Serbian dialect is 27%, but half of this number also falls on doublet pairs. A series of differential lexemes demonstrates a clear areal dichotomy between dialects of Western Bosnia and Western Serbia (*dimljak — odžak, guliti — ljuštiti, uvor — kresta, gra — pasulj, mrkva — šangarepa, cesta — put, tara — razboj, krov — hleb*). The Western Bosnian corpus is heterogeneous, and the southern dialects, which tend to the Adriatic area, contain more archaisms and vocabulary characteristic for the Western part of the Serbo-Croatian area.

Keywords: *Serbian language, dialectology, lexicology, linguistic geography, East-Herzegovina dialect.*

Особенности обозначения синего цвета в названиях растений и грибов в южнославянских диалектах¹

Обозначение синего цвета в названиях растений встречается крайне редко по сравнению с другими цветообозначениями. Диалектные словари сербского, болгарского и македонского языков фиксируют немногочисленные примеры таких наименований. В рамках данного исследования привлекался также материал цветообозначений в названиях грибов как близких растениям в наивной картине мира. Синий цвет может быть передан по-разному в зависимости от объекта наименования: в названиях цветов и плодов синий фиксируется преимущественно в конкурирующих лексемах, образованных от корней **модар* и **син*, а в названиях грибов встречаются формы от корней **модар*, **виолет-*, а также от корня **плав-*, характерного для сербского языкового континуума. При анализе общего состава лексем очевидно преобладание номинаций с элементом **модар* по сравнению с основными и наиболее распространенными лексемами болг., мак., серб. *син* и *плав*. Корень **модар* имеет значение пограничного цвета между синим и фиолетовым и, соответственно, используется для наименования растений и грибов, расцветка которых может варьировать в оттенках и по интенсивности.

Ключевые слова: *южнославянские языки, балканославянские языки, наименования растений, наименования грибов, синий, цветообозначения.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.2.04

Введение

Синий цвет ощутимо присутствует в окружающей природе и, будучи цветом неба и моря, выступает своего рода фоном жизни. Однако параллельные исследования во многих европейских языках,

¹ Выражаю глубокую благодарность к. ф. н. Е. В. Верижниковой и д. ф. н. Т. И. Вендиной за ценные замечания и рекомендации при подготовке статьи.

в частности в романских и в латыни, свидетельствуют об отсутствии упоминания синего цвета вплоть до раннего Средневековья не только в описаниях одежд, эмблем родов, в богослужении, но и в лексике — в антропонимике и топонимике: не фиксируется имен, географических названий, которые были бы образованы от корня слова, обозначающего синий цвет². Синий не отображен и в лексике старославянских памятников. Имена же и названия, образованные от корней со значением «белый», «черный», «красный», встречаются повсеместно³.

Вышеприведенное наблюдение подтверждается примерами южнославянских названий растений. Если растение имеет плоды светлого оттенка, то в названии оно маркируется по признаку белого цвета: ю.-серб. *бѣлвина* (Пирот)⁴; ю.-серб. *бѣлка* (Преображенье) — виноград; з.-болг. *бѣлвица* (Логодаж) — слива или черешня с желтыми плодами; ю.-серб. *белдслива*, з.-болг. *бѣловица* (Трын), з.-болг. *бѣлавица* (Доброславци), з.-мак. *белица* (Букойчани — Кичевско) — слива. Если плод растения можно отнести к темной цветовой гамме, то в названии будет присутствовать признак черного цвета: ю.-серб. *црница* (Пирот) — черешня; ю.-серб. *црнка* (Сеяце), ю.-серб. *црница* (Каменица) — виноград; з.-болг. *караманка* (от тур. *kara* ‘черный’) — груша; з.-болг. *карадутка* (от тур. *kara* ‘черный’ и *dud* ‘тутовое дерево’) (Смилево) — шелковица.

Данная статья посвящена рассмотрению тех редких примеров названий растений, в которых присутствует обозначение синего. Синий цвет в южнославянских языках может передаваться целым рядом лексем. Основными производящими корнями выступают: болг., мак. *син* — прасл. **si-* или прасл. **kei-*, срхр. *плав* — прасл. **polъ* ‘светлый, синий’ или прасл. **polъ* ‘светло-желтый, блеклый’. Наравне с вышеупомянутыми широко представлены дериваты от **модар* (прасл.

2 О социальных, художественных, религиозных ценностях, связанных с синим цветом, см.: (Пастуро 2017: 9–10, 25).

3 О цвете в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков см.: (Вендина 1999: 283–284).

4 Здесь и далее примеры взяты из диалектных словарей юго-восточной Сербии и западной Болгарии (Живковић 1987; Златановић 2014; Јовановић 2004; РКМ; Десподски 2009; Младенов 2011; Гъльбов 2000; Вакарелска-Чобанска 2005), а также из обобщающей и фундаментальной работы по фитонимам на территории распространения македонских диалектов (Киш 1996). Локализация лексемы будет указана рядом в скобках.

**madrъ* — с неясной этимологией)⁵: болг. *модър*, серб., мак. *модар*. Компонент «цвет» может присутствовать как в основе однословного наименования растения, так и в составе словосочетания с прилагательным цвета.

Вариативность корней в названиях растений и диалектное членение

В словарях растительных терминов рассматриваемых языков — болгарского, сербского, македонского — может фиксироваться несколько наименований одного растения с основами разного происхождения. Чаще наблюдается вариативность корня ⁺*модар* или ⁺*син* для обозначения синего, входящего в название: болг. *синя хвойна*, мак. *модра смрека*, *сина смрека* — *Juniperus communis* «можжевельник»⁶. Одним из таких примеров является название баклажана: мак. *модар патлиджан* / *син патлиџан* и з.-болг. *син домат* (Трын), з.-болг. *модър патлиџан* (Трын), з.-мак. *морски патлиџан* (Гостивар, Тетово — от *мор*⁷) и ю.-серб. *мор патлиџан* (Косово). Также повсеместно фиксируются примеры, маркирующие баклажаны по признаку черного цвета: мак. *џрн патлиџан*⁸, з.-мак. *џърн патлиџан* (Гостивар). Вариация корней *модар* / *син* возможна и в рамках одного отдельно взятого говора: з.-болг. *модриџа*; *сџнявџ* (Трын) «груша темного сорта».

Интерес представляют названия еще одного растения — терна, терновника, или сливы колючей, — *Rubus spinosa*. В македонских диалектах встречаются преимущественно дериваты от *трн-* в разных фонетических вариантах корня (*трн*, *търн*, *трџн*, *торн*, *терн* и *тѣрн*): *трнка* (Мариово, Кавадаречко), *трџн'ка* (Невкопско), *трнџнка* (Костурско), *трленка*, *трница* (Велешко). В названиях отдельного плода также используются дериваты от *трн-*: *трнинка* (самый распространенный вариант, встречающийся в большей части македонских говоров), а также *трлинка*, *трленка*, *трненка*, *трнка*⁹. Помимо этих

5 Об этимологии данных праславянских корней см.: (Skok 1972: 239–240, 679–680; Фасмер, 3: 313; БЕР 2012: 202–204).

6 О дикорастущих и полезных растениях, распространенных на территории Болгарии и Северной Македонии, см.: (ЛР; СЛ; ПС).

7 По одной из гипотез, происходит от / через греч. *μαύρος* ‘тусклый, темный’, см.: (Beekes 2010: 915; Skok 1972: 484).

8 Пример взят из словаря македонского литературного языка (РМСХТ: 142).

9 Материал взят из индекса к карте Общеславянского лингвистического атласа (Гриценко, Прилипка 2000: 126–127).

основных наименований, фиксируются и более редкие. Указание на цвет в названии этого вида сливы появляется в диал. мак. *царнуслифка* (Воденско), диал. мак. *църна слива* (Охридско, Дойранско), з.-болг. *цр̀нослѝфка* (Самоков). Так обычно характеризуются растения с темными плодами. В районе г. Скопье фиксируется диал. мак. *модра бобинка* (Скопско), выделяющее растение по признаку оттенков синего.

На общей карте южнославянских диалектов особое положение занимают крайние западные македонские говоры, пограничные с Албанией. При картографировании выделяется компактный ареал на македонско-албанском пограничье, где в номинациях рассматриваемого растения используется исключительно корень *син-*: *синул'ка* (Горно-Косоврасти — Дебар), *синатка* (Жировница — Дебар), *синанка* (Ростуша — Дебар), з.-мак. *синица* (Баништа — Дебарско), з.-мак. *синичка* (Стенье, Лескоец — Ресенско, Леска, Глобочани), *сининка* (Гари — Дебар, Држилово — Скопско), *синичка* (Стенье, Лескоец — Ресен, Леска, Глобочани — Мала Преспа). Эти деадъективные дериваты указывают на цвет плода, который также отражен и в общем названии сливы: и.-е. **sloi-ka* «синяя»¹⁰.

В индексах Общеславянского лингвистического атласа «Растительный мир» SI 429 'Один плод тёрна' в населенном пункте под номером 90 (Лазарополе — Дебар) отмечается наименование '*sininka* — *Prunus spinosa*, в то время как на остальной картографируемой территории образований от корня *син-* для обозначения темного сорта сливы не фиксируется¹¹.

По данным ОЛА¹², пограничные с Албанией западномакедонские говоры относятся к зоне, где выявляются следы глубокой архаики в лексико-словообразовательных и фонетико-грамматических областях¹³. Находясь на периферии балканославянского языкового континуума, с одной стороны, и в постоянном контакте с иноязычным албанским населением — с другой, эти славянские говоры могут не только сохранять отдельные элементы системы языка, утраченные в других регионах, но и стать центром инноваций языковых явлений,

10 См.: (Skok 1972: 405).

11 См. некартографированные материалы: (ОЛА 2000: 154).

12 Один том из лексико-словообразовательной серии (ОЛА 1988) и четыре из фонетико-грамматической серии (ОЛА 1988а; ОЛА 1990; ОЛА 1990а; ОЛА 1994).

13 О каталогизации зон архаики в современной Славии по материалам ОЛА см.: (Вендина 2000: 6–24).

что также свойственно периферийным ареалам¹⁴. Этот вопрос требует более глубокого изучения, включая экспедиции и сбор языкового материала в регионе македонско-албанского пограничья.

Оттенки синего в названиях цветов

Наиболее часто синий цвет отображается в названиях цветов: мак. *модра китка* — *Orobanche ramosa*, мак. *модрец*, *трилистен модрец* — *Heratica nobilis*, мак. *модричица* — *Veronica*¹⁵; серб. *модра перуника*, *модар слез*, *модра галица*, *модра коприва*, *модар льлян*; *синь* — *Isatis tinctoria*¹⁶. В словаре Н. Герова фиксируются следующие болгарские наименования растений с компонентом синего: *синя тинтява* — *Gentiana Pneumonante*, *синя ружя* (букв. «синяя роза») — *Iris germanica*, *синя йордечина* — *Iris Sistenisii*, *синя млъчка*, *синя жлъчка* — *Cichorium intybus*, *синя лулачка* — *Dipsacus fullonum*, *синь бъкълчець* — *Scilla bifolia*, *синь минзифарь* — *Crocus vernus*, *сини кокошки* (букв. «синие курочки») — *Aquilegia vulgaris*, *сини кыткы* (букв. «синие букетики») — *Delphinium consolida*¹⁷.

По признаку синего цвета маркируется полевой цветок василек — *Sentaurea cyanis*: срхр. *модра зечина*, *модроцивет*, *модруља*, *модрињак*, *модрец*, *плавуља*, *плавка*; мак. *синчець*, *синок*; з.-болг. *модрата* (Самоков), з.-болг. *синчѐц* (Доброславци), диал. болг. *синигачьки* (от *сини гаџи*, букв. «синие штаны») (Жълтуша, Ардинско), диал. болг. *синьегачьки* (Петров дол, Маданско)¹⁸, а также у Герова находим болг. *синячя*, *синя метла*, *синя метлянка*, *синя былка*, *синѐ цвѣте*, *модра метла*, *синиличкы* (от *сино лице*, букв. «синее лицо»), *синокъ*¹⁹. Василек, растение, содержащее в своем названии корень цветообозначения ⁺*син*, используется в качестве первого референта окружающей действительности в словарном толковании основной цветолексемы болгарского языка: **син** 1. *Който има цвят на синчець, на ясно безоблачно небе; модър* [Цвета василька, цвета ясного безоб-

14 Подробнее о типологических проблемах балканославянского ареала см.: (Цыхун 1981: 3–21).

15 Примеры названий фитонимов взяты из (Кузманоска 2019).

16 Примеры взяты из словаря сербского литературного языка (РСЈ: 709, 1199).

17 Примеры взяты из словаря болгарского языка (Геров 1978: 164).

18 Примеры названий цветов были найдены в (БЕР 2002: 671).

19 См.: (Геров 1978: 164–166).

лачного неба; отсылка к *модър*, который в свою очередь толкуется через *син*] ²⁰. Такое толкование не является типичным для языков, в том числе для языков рассматриваемого региона, где в качестве первого референта синего выступает цвет неба в ясную погоду ²¹, — ср. мак. *син* 1. *Што има боја на ведро небо* [Цвета ясного неба] ²². Использование цвета василька в качестве эталона синего можно объяснить тем, что это растение широко представлено на территории распространения болгарского языка.

Как уже говорилось выше, обозначение синего может использоваться в названии растения, цвет которого близок этому участку спектра. Например, цветок фиалки, ставший основой для создания базового обозначения фиолетового во многих языках мира, заимствованного в рассматриваемые балканославянские литературные языки — болг., мак. *виолетов*, мак. *виолетен*, серб. *виолетан* (нем. *violett* < лат. *viola* «фиалка» ²³), — может передаваться лексемой, во внутренней форме которой присутствует именно понятие синего: мак. *синоличка* «фиалка» (ср. в болг. *синилички* «василек» — цветок синего цвета).

Оттенки синего в названиях грибов

Цвет грибов может варьировать в зависимости от возраста, почв, количества солнечных дней и осадков, поэтому название может отражать какой-то конкретный период их жизненного цикла, имеющий значение для носителей языка. Вышеприведенные цветообозначения — производные от корней *син*, *плав*, *модар* — могут характеризовать не только оттенки синего, но и тесно примыкающие к ним оттенки фиолетового или сероватый с голубым отливом. И наоборот — обозначения фиолетового встречаются в наименованиях объектов синего цвета. Наиболее характерными цветообозначениями в составе названий грибов выступают дериваты конкурирующих корней ⁺*виолет*- и ⁺*модар*, что свидетельствует о близости и даже неразграничении темных оттенков синего, переходящих в фиолетовый и

20 Использовано толкование из словаря болгарского литературного языка (РБЕ: <http://ibl.bas.bg/rbe/>, дата обращения: 01.02.2020).

21 Об универсалиях зрительного восприятия и вопросе обозначения цвета см.: (Вежбицкая 1996).

22 Толкование из словаря македонского литературного языка (Мур-госки 2005: 741).

23 О системе базовых цветообозначений см.: (Berlin, Kay 1969); об этимологии данного слова см.: (Фасмер, 4: 196).

выраженных лексемой *модар*: болг. *виолетка*, *синьовица* или *боровинка* (в основе последнего наименования лежит сравнение с ягодой темных сине-фиолетовых оттенков — ср. болг. *боровинка* «черника», тем более что нередко гриб произрастает на подстилке из опавшей хвои — ср. болг. *бор* «сосна»), мак. *модрикача*, *виолетова габа*, *виолетка*, серб. *модрикача*, *модра котурница* — *Clitocybe nuda*, *Lepista nuda*; мак. *ливадска виолетка* — *Lepista personata*; мак. *виолетова дебелонешка* — *Cortinarius traganus*; мак. *коренеста модринка*, серб. *плавуља* — *Hebeloma radicosum*; мак. *виолетова шапка* — *Muscena puga*; мак. *виолетово-зелена гулапка* — *Russula cyanoxantha*²⁴.

Грибы *Russula virescens* и *Russula cyanoxantha* в южносербском языковом пространстве (Валево) встречаются под следующими названиями: *љубичасто-зеленкаста красница*, *голубача*, *зека*, *сивка*²⁵, — что свидетельствует не только о разном восприятии и способах передачи цвета растения или гриба, но и об общебалканской тенденции именовать объекты неясных оттенков «зелеными»²⁶. Лексема *зека*, наряду с ю.-серб. *зеленка* (Вртогош), ю.-серб. *зелька*, встречается в диалектных словарях в значении «овца, коза, лошадь с шерстью пепельного цвета». С одной стороны, *зека* может трактоваться как наименование, в основе которого лежит сравнение с зайцем, животным серой масти (ср. серб. демин. *зека*, *зеко* от *зец* «заяц»), а с другой стороны, наличие в диалекте вариантов *зеленка*, *зелька* позволяет предположить, что *зека* является сокращенной формой изначально-го наименования, в основе которого лежит признак зеленого цвета²⁷. Кроме того, в диалектах фиксируется название серб. *зелењача* для гриба *Voletus erythropus*, свежий срез которого синееет через несколько секунд²⁸. Таким образом, оба предположения о происхождении *зека* не исключают, а скорее дополняют друг друга, поскольку наименование гриба на основе сопоставления с окрасом зайца подкрепляется общебалканской тенденцией называть не только животных, но и другие

24 О дикорастущих растениях горы Шар-Планина см.: (Шар Планина).

25 Подробнее о народных названиях грибов в сербском см.: (Хаџић: 101, 105).

26 Вопрос обозначения неясных сероватых или блестящих оттенков лексемой со значением «зеленый» поднимался в работах: (Ivić 1995: 87–101; Попович 2011; Račeva 1984; Рачева 2003).

27 См.: (Skok 1973: 648–649).

28 Другие примеры народных названий грибов в сербском см.: (Хаџић: 107).

объекты сероватых оттенков «зелеными»: ср. серб. *зекоња* «1. зеленоватый вол; 2. демин. от заяц», серб. *зекаст* «цвета зайца, сероватый, зеленоватый»²⁹.

Выводы

Синий цвет может быть передан по-разному в зависимости от объекта наименования. Так, в названиях растений синий встречается преимущественно в дериватах от корней ⁺*модар* и ⁺*син*. Для сербского диалектного континуума корень *син*- не является распространенным в значении синего (хотя это значение для *сѣнь* фиксируется³⁰), поэтому в сербских названиях представлены дериваты от корня *плав*-.

В названиях грибов встречаются преимущественно формы от корней ⁺*модар* и ⁺*виолет*-, а для сербского языкового пространства наряду с корнем *плав*- характерно также использование корней со значением «зеленый» для обозначения серовато-синих оттенков грибов.

Внутри каждой из групп данные корни выступают в качестве конкурирующих, поскольку даже в рамках одного диалекта могут встречаться варианты названия с разным цветообозначением.

При том, что в пределах одной группы данные корни встречаются с одинаковой частотой, в целом при анализе общего количества лексем с компонентом, отвечающим за обозначение оттенка рассматриваемого участка цветового спектра, очевидным становится преобладание основ с элементом ⁺*модар*. Эта лексема обозначает темно-синий цвет, а носителями языка (македонского) толкуется через сопоставление с цветом темного неба, затянутого грозowymi тучами: диал. мак. *модар* — *се спрема киша* «*модар* — дело к дождю») (Куманово)³¹. Лексема встречается в наименовании сине-фиолетовых гематомных пятен (мак. *модринка*, серб. *модрица*) и при характеристике болезненных изменений кожи (ю.-серб. *модрењак* «синий, нездоровый» (Вране), диал. мак. *модар човек* — *со здравје не му е весело* «синий человек — со здоровьем невесело» (Куманово), диал. мак. *помодрее*

²⁹ Толкования взяты из словаря сербского литературного языка (РСЈ 2011: 416).

³⁰ Там же: 1199.

³¹ Собственные записи в рамках этнолингвистической экспедиции в район Куманово (Северная Македония) в 2018 году при поддержке РФФ по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования» (рук. акад. С. М. Толстая), № 17-18-01373.

од *пиење* «посинеть от пьянства» (Куманово), диал. мак. *помодрее кад умре* «посинеть после смерти» (Куманово), диал. мак. *модар — нема спиен* «синий — невыспавшийся» (Куманово), ю.-серб. *помодрет од студи* «посиневший от холода» (Косово)). Возможно, это значение пограничного цвета между синим и фиолетовым свидетельствует о более раннем появлении корня ⁺*модар* в значении оттенков синего цвета по сравнению с основными и наиболее распространенными лексемами болг., мак., серб. *син* и *плав*.

Кроме того, эти употребления свидетельствуют и о значимости лексемы, наиболее соответствующей номинации растений и грибов, расцветка которых может варьировать в оттенках и по интенсивности.

Литература

БЕР 2002, 2012 — Български етимологичен речник / съст. В. И. Георгиев и др. Българска акад. на науките, Ин-т за български език. Въ 7 т. София: БАН, 1971–2012 (Доступно на <https://ibl.bas.bg/struktura/balgarska-etimologiya/publikatsii/>).

Вакарелска-Чобанска 2005 — *Вакарелска-Чобанска Д.* Речник на Самоковския говор. София: Марин Дринов, 2005. 392 с.

Вежбицкая 1996 — *Вежбицкая А.* Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 231–291.

Вендина 1999 — *Вендина Т. И.* Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков // Славянский альманах. 1999. С. 277–304.

Вендина 2000 — *Вендина Т. И.* К вопросу о каталогизации зон архаики в современной Славии (по материалам ОЛА) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1994–1996: Сборник статей. М.: Индрик, 2000. С. 6–24.

Геров 1978 — *Геров Н.* Речник на българския език. София: Български писател, 1978. Т. 5 (Р–Я). 640 с.

Гриценко, Прилипко 2000 — *Гриценко П. Ю., Прилипко Н. П.* Карта № 50. Терн, тернь (фонетика) // Общеславянский лингвистический атлас, серия лексико-словообразовательная. Вып. 3. Растительный мир. Минск: Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, 2000. С. 126–127.

Гълъбов 2000 — *Гълъбов Л.* Лексиката на говора в с. Доброславци, Софийско. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2000. 838 с.

Десподски 2009 — *Десподски Ф.* Речник на говора на село Логодаж, Благоевградско. София: Multiprint, 2009. 374 с.

Живковић 1987 — *Живковић Н.* Речник Пиротског говора. Ниш: Провсета, 1987. 188 с.

Златановић 2014 — *Златановић М.* Речник говора југа Србије (провинцијализми, дијалектизми, варваризми и др.). Врање: Учительски факултет у Врању, 2014. 811 с.

Јовановић 2004 — *Јовановић В.* Речник села Каменице код Ниша // Српски дијалектолошки зборник. Београд: САНУ и Институт за српски језик, 2004. Књ. 51. С. 330–693.

Киш 1996 — *Киш М.* Дијалектната лексика од областа на растителниот свет. Скопје: Институт за македонски јазик, 1996. 249 с.

Кузманоска 2019 — *Кузманоска А.* Мал речник на називи на растенија: македонско-француски, француско македонски / Kuzmanoska A. Petit dictionnaire des noms de plantes: macedonien-francais, francais-macedonien. Скопје: Универзитет «Св. Кирил и Методиј», 2019. 103 с.

ЛР — Лечебните растения — природно богатство, лек и поминџк. Нарџчник за журналисти. София: Тара Дизајн ЕООД, 2015. 74 с.

Младенов 2011 — *Младенов А.* Трњските думи. Речник на регионалниот говор. София, 2011. 244 с.

Мургоски 2005 — *Мургоски З.* Речник на македонскиот јазик. Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2005. 948 с.

ОЛА 1988 — Общеславјански лингвистически атлас, серија лексико-словообразователна. М.: Наука, 1988. Вып. 1. Животниот мир. 188 с.

ОЛА 1988а — Общеславјански лингвистически атлас, серија фонетико-грамматическа. Београд: Српска академија наука и уметности, 1988. Вып. 1. Рефлексы *ѐ. 164 с.

ОЛА 1990 — Общеславјански лингвистически атлас, серија фонетико-грамматическа. М.: Наука, 1990. Вып. 2а. Рефлексы *ѐ. 176 с.

ОЛА 1990а — Общеславјански лингвистически атлас, серија фонетико-грамматическа. Warszawa: Ossolineum, 1990. Вып. 2б. Рефлексы *ѐ. 125 с.

ОЛА 1994 — Общеславјански лингвистически атлас, серија фонетико-грамматическа. Warszawa: Instytut Języka Polskiego PAN, 1994. Вып. 3. Рефлексы *ѐ, *ѐ, *ѐ, *ѐ. 164 с.

ОЛА 2000 — Общеславјански лингвистически атлас, серија лексико-словообразователна. Минск: Нацыянальная академия навук Беларусі, 2000. Вып. 3. Растительный мир. 162 с.

Пастуро 2017 — *Пастуро М.* Синий. История цвета / пер. с фр. Н. Кулиш. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 144 с.

Попович 2011 — *Попович Л.* Блеск как прототип цвета в языковой картине мира славян // Балканский спектр: от света к цвету. М: ПРОБЕЛ 2000, 2011. С. 29–33.

ПС — Прирачник за собирачи на лековити билки и шумски плодови. Делчево: Општина Делчево, 2012. 132 с.

РБЕ — Речник на българския език: <http://ibl.bas.bg/rbe/> (дата обращения — 01.02.2020).

РКМ — Речник косовско-метохиског дијалекта. Београд: Планета, 1932. Св. 1. 477 с.

РМСХТ — Речник на македонскиот јазик (со српскохрватски толкувања). Скопје: Институт за македонски јазик, 1966. Т. 3. 601 с.

РСЈ — Речник српског језика. Нови Сад: Матица српска, 2011. 1561 с.

Рачева 2003 — *Рачева М.* Еще раз о «зеленом коне» // Этимология. 2000–2002 / под ред. Ж. Ж. Варбот и др. М., 2003. С. 80–109.

СЛ — Самоникнати лековити, овошни и шумски растенија. Скопје: БФОР. 32 с.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Москва: Прогресс, 1987. Т. 3, 4.

Хацић 1995–1996 — *Хацић И.* Новозабележена народна имена гљива // Наш језик. 1995–1996. Књ. 30, св. 1–5. С. 96–108.

Шар Планина — Шар Планина — природни вредности. Скопје: Македонско еколошко друштво. 82 с.

Цыхун 1981 — *Цыхун Г. А.* Типологические проблемы балканославянского языкового ареала. Минск: Наука и техника, 1981. 230 с.

Beekes 2010 — *Beekes R.* Etymological Dictionary of Greek. Leiden, Boston: Brill, 2010. V. 1–2. 1810 p.

Berlin, Kay 1969 — *Berlin B., Kay P.* Basic color terms: their universality and evolution. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1969. 178 p.

Ivić 1995 — *Ivić M.* O zelenom konju // O zelenom konju. Novi lingvistički ogledi. Beograd: Slovograf, 1995. S. 87–101.

Skok 1972, 1973 — *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1972, 1973. Knj. 2 (K — poni'), 3 (ponii' — Z).

References

Bŭlgarski etimologičen rechnik, ed. by V. I. Georgiev; ed. by [and others], Balgarska akad. na naukite, In-t za bŭlgarski ezik, 7 vols. Sofia: BAN, 1971–2012 (<https://ibl.bas.bg/struktura/balgarska-etimologiya/publikatsii/>).

Beekes, R. *Etymological Dictionary of Greek*, vol. 1–2. Leiden, Boston: Brill, 2010, 1810 p.

Berlin, B., Kay, P. *Basic color terms: their universality and evolution*. Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1969, 178 p.

Despodski, F. *Rechnik na govora na selo Logodazh, Blagoevgradsko*. Sofia: Multiprint, 2009, 374 p.

Gülübov, L. *Leksikata na govora v s. Dobroslavtsi, Sofiisko*. Sofia: Universitetsko izdatelstvo “Sv. Kliment Ohridski”, 838 p.

Gerov, N. *Rechnik na bŭlgarskiia ezik*, t. 5 (R–Ia). Sofia: Bŭlgarski pisatel, 1978, 640 p.

Gritsenko, P. Yu., Prilipko, N. P. “Karta № 50. Tern, tern’ (fonetika.)” *Obshchslavianskiĭ lingvistiĭskii atlas, seriĭa leksiko-slovoobrazovatel’naia*, vyp. 3. Rastitelnyi mir. Minsk: Natsyional’naia akademĭia navuk Belarusi, 2000, p. 126–127.

Hadŭiĭ, I. “Novozabeleŭena narodna imena gljiva.” *Naŝ jezik 30 / 1–5*. Beograd: Institut za srpski jezik, 1995–1996, p. 96–108.

Iviĭ, M. “O zenenom konju.” *O zelenom konju. Novi lingvistiĭki ogledi*. Beograd: Slovoġraf, s. 87–101.

Jovanoviĭ, V. “Reĭnik sela Kamenice kod Niŝa.” *Srpski dijalektoloŝki zbornik*, knj. 51. Beograd: SANU i Institut za srpski jezik, 2004, p. 330–693.

Kiŝ, M. *Dijalektnata leksika od oblata na rastitelniot svet*. Skopje: Institut za makedonski jazik, 1996, 249 p.

Kuzmanoska, A. *Mal reĭnik na nazivi na rastenija: makedonsko-francuski, francusko makedonski / Kuzmanoska A. Petit dictionnaire des noms de plantes: macedonien-francais, francais-macedonien*. Skopje: Univerzitet “Sv. Kiril i Metodij”, 2019, 103 p.

Lechebnite rasteniĭa — prirodno bogatstvo, lek i pominak. Narachnik za zhurnalisti. Sofia: Tara Dizajn EOOD, 2015, 74 p.

Mladenov, A. *Trŭnskite dumi. Rechnik na regionalniia govor*. Sofia, 2011, 244 p.

Murgoski, Z. *Reĭnik na makedonskiot jazik*. Skopje: Filoloŝki fakultet “Blaŭe Koneski”, 2011, 948 p.

Obshchslavyanskiĭ lingvistiĭskii atlas, seriia leksiko-slovoobrazovatel’naia, vyp. 1. Zhivotnyi mir. Moscow: Nauka, 1988, 188 p.

Obshchslavyanskiĭ lingvistiĭskii atlas, seriya leksiko-slovoobrazovatel’naia, vyp. 1. Refleksy *ĉ. Belgrad: Srpska akademija nauka i umetnosti, 1988, 164 p.

Obshchslavyanskiĭ lingvistiĭskii atlas, seriia leksiko-slovoobrazovatel’naia, vyp. 2a. Refleksy *ċ. Moscow: Nauka, 1990, 176 p.

Obshchslavyanskiĭ lingvistiĭskii atlas, seriia leksiko-slovoobrazovatel’naia, vyp. 2b. Refleksy *ġ. Warszawa: Ossolineum, 1990, 125 p.

Obshchslavyanskiĭ lingvistiĭskii atlas, seriia leksiko-slovoobrazovatel’naia, vyp. 3. Refleksy *r, **r, *l, **l. Warszawa: Instytut Języka Polskiego PAN, 1994, 164 p.

Obshchieslavyanskiĭ lingvisticheskiĭ atlas, seriia leksiko-slovoobrazovatel'naia, vyp. 3. Rastitel'nyi mir. Minsk: Nacyanal'naia akademiia navuk Belarusi, 2000, 162 p.

Pasturo, M. *Siniĭ. Istoriia tsveta*, from the Fr. [by N. Kulish]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, 144 p.

Popovič, L. “Blesk kak prototip tsveta v iazykovoĭ kartine mira slavian.” *Balkanskiĭ spektr: ot sveta k tsvetu*. Moscow: PROBEL-2000, 2011, p. 29–33.

Priračnik za sobirači na lekoviti bilki i šumski plodovi. Delčevo: Opština Delčevo, 2012, 132 p.

Racheva, M. “Eshchë raz o “zelenom kone”.” *Etimologija, 2000–2002*, ed. by Zh. Zh. Varbot and others. Moscow, 2003, p. 80–109.

Rečnik kosovskog-metohiskog dijalekta, sveska 1. Beograd: Planeta, 1932, 477 p.

Rečnik na bŭlgarskiia ezik: <<http://ibl.bas.bg/rbe/>> (appeal date — 01.02.2020).

Rečnik na makedonskiot jazik (so srpskohrvatski tolkuvanja), vol. 3. Skopje: Institut za makedonski jazik, 1966, 601 p.

Rečnik srpskoga jezika. Novi Sad: Matica srpska, 2011, 1561 p.

Samoniknati lekoviti, ovošni i šumski rastenija. Skopje: BFOR, 32 p.

Skok, P. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, knj. 2 (K - poni) — 3 (ponii) — Z). Zagreb: Jugoslavenska Akademija Znanosti i Umjetnosti, 1972–1973.

Šar Planina — prirodni vrednosti. Skopje: Makedonsko ekološko društvo, 82 p.

Tsykhun, G. A. *Tipologicheskie problemy balkanoslavianskogo iazykovogo areala*. Minsk: Nauka i tekhnika, 1981, 230 p.

Vakarelska-Chobanska, D. *Rečnik na Samokovskiiia govor*. Sofia: Marin Drinov, 2005, 392 p.

Vasmer, M. *Etimologicheskiĭ slovar russkogo iazyka v chetyrekh tomah*, vol. 3–4/ from Germ. and ed. by O. N. Trubachev. Moscow: Progress, 1987.

Vendina, T. I. “Tsvet v etnokulturnoi sisteme russkogo, staroslavianskogo i drevnerusskogo iazykov.” *Slavianskiĭ almanakh*. Moscow: Indrik, 1999, p. 277–304.

Vendina, T. I. “K voprosu o katalogizacii zon arkhaiiki v sovremennoi Slavii (po materialam OLA).” *Obshchieslavyanskiĭ lingvisticheskiĭ atlas. Materialy i issledovaniia. 1994–1996: Sbornik stateĭ*. Moscow: Indrik, 2000, p. 6–24.

Wierzbicka, A. “Oboznachenie tsveta i universalii zritel'nogo vospriatiia.” *Iazyk. Kultura. Poznanie*. Moscow: Russkie slovari, 1996, p. 231–291.

Živković, N. *Rečnik Pirotskog govora*. Niš: Prosveta, 1987, 188 p.

Zlatanović, M. *Rečnik govora juga Srbije (provincijalizmi, dijalektizmi, varvarizmi i dr.)*. Vranje: Učiteljski fakultet u Vranju, 2014, 811 p.

Alexandra I. Chivarzina

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Lexical implementation peculiarities of the blue colour in the names of plants
and mushrooms in the South Slavic dialects

The basic colour term for blue is extremely rare in the plant nomination in comparison with the widespread derivatives of the other colour terms as “white”, “black”, “red” or even “yellow”. One can find a few examples of such names recorded in the dictionaries of the Balkan Slavic dialects. Within the framework of this study, the material of the colour terms in the names of mushrooms was also taken into account, as mushrooms are supposed to be close to plants in the naive picture of the world. The “blue” can appear differently depending on the object of nomination: in the names of flowers and fruits, the blue is recorded mainly in competing forms of the roots ⁺модар and ⁺син, and in the mushroom names there are forms of the roots ⁺модар, ⁺виолет-, as well as ⁺плав — which is characteristic for the dialect continuum of the Serbian language. When analyzing the total corpus of lexemes one can notice an obvious predominance of the element ⁺модар in comparison with the basic and most common at this period lexemes of Bulg., Mac., Serb. син and плав. The root ⁺модар is used in the meaning of the border colour between blue and purple. Therefore, it corresponds better to the nomination of plant and mushroom, whose colours can vary in shades and in intensity.

Keywords: *South Slavic languages, Balkan Slavic languages, names of plants, names of mushrooms, blue, colour terms.*

УДК 801.81:398.3(=163/=161.2)(045)
ББК 82.3

Т. А. Агапкина
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Параллели в области вербальной магии у восточных и южных славян: «житийный» текст как заговор

Настоящая статья посвящена сходениям между балканославянскими и украинскими заговорами, а именно «житийному», или так называемому операционному, сюжету. Параллели к балканославянским «житийным» заговорам обнаруживаются не на всем пространстве украинской этнодиалектной зоны, а по линии юго-запад — северо-восток: на Гуцульщине и Буковине, в Подолии и Поднепровье, а также на Левобережной Украине. Выделяется четыре версии этого сюжета, представленные в заговорах, — «повесть хлеба», «повесть льна / конопля», «повесть брынзы / масла» и «повесть рыбы» — и устанавливается, что все четыре версии известны и у балканских славян, и у украинцев, хотя на Балканах преобладает «повесть брынзы», а у украинцев — «повесть хлеба». Показано, что совпадающие элементы сюжетики «житийных» заговоров в балканославянских и украинской традициях предстают не как атомарные факты, а как элементы системы, что выражается, в частности, в совпадении функций отдельных версий заговоров в этих традициях, а также особенностей их поэтики.

Ключевые слова: *фольклористика, заговоры, балканские славяне, украинцы, сюжет.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.3.01

В литературе нескольких последних десятилетий просматривается интерес к одной специфической группе ритуально-магических текстов. Эти тексты, по своей формальной структуре мало напоминающие заклинания, в отдельных фольклорных традициях принимают на себя магическую функцию. Их сюжетная основа кратко и однотипно прописывает этапы «жизни» и переработки некоего природного продукта растительного или животного происхождения (зерна, винограда или молока, к примеру) вплоть до получения хлеба, вина или брынзы соответственно. Подобным текстам, известным в славянской фольклорной традиции, посвящены несколько специальных работ. Это прежде всего статья Л. Раденковича «О значении одного сакраль-

ного текста о конопле и льне у славянских и балканских народов» (Раденковић 1981), а также большая работа Н. И. Толстого «Vita herbae et vita rei в славянской народной традиции» (Толстой 1994/2003); соответствующие балканославянские заговоры были учтены В. Л. Кляусом в его указателе (Кляус 1997: 99–101, 215–216).

Известно, что такие тексты (называемые «житийными», в терминологии Н. И. Толстого, или операционными, как называла их Т. В. Цивьян) бывают игровыми, хороводными, обрядовыми, повествовательными и магическими, встречаются среди загадок и быличек, они могут быть стихотворными или прозаическими, с акциональным компонентом или без одного и т. д. Нас в данном случае будет интересовать исключительно их магическая функция, когда «житийные» тексты выступают в качестве оберегов и заговоров.

В такой функции эти тексты обнаруживаются в балканославянском и украинском ареалах, причем наиболее репрезентативной является балканославянская коллекция. В Болгарии нам известно не менее 40 подобных текстов, в Восточной Сербии — около 20 (что не исключает, разумеется, того, что зафиксировано их значительно больше), в то время как в Македонии, а также в Западной Сербии и в Боснии они отмечаются единично.

Как мы уже упоминали, в «житийных» текстах речь идет о продуктах растительного и животного происхождения, описание переработки которых и составляет сюжет этого своеобразного «жития», или «повести». Общий набор этих продуктов довольно ограничен и принципиально не меняется от традиции к традиции, хотя акценты могут смещаться — продукт, производство которого в одной традиции является ведущей темой «житийных» текстов, в другой оказывается на периферии.

Начнем с Балкан. Заговоры на «житийные» сюжеты известны во всех трех балканославянских традициях. Ведущей темой «житийных» заговоров на Балканах является «повесть брынзы» (болг. *сирене*, серб. *сирење* 'брынза') или реже — «повесть молока / масла». У болгар таких заговоров мы насчитали более 30, у сербов — около 10, у македонцев — единицы¹. В самых полных вариантах подобного заговора

¹ Список вариантов: (Амроян 2005, № 10, 12, 26, 29, 33, 36, 38, 49, 57, 59 [по материалам СбНУ]; Кляус 1997: 99–101 [семь заговоров из материалов СбНУ]; Тодорова-Пиргова 2003, № 25, 28, 34, 40, 41, 42, 43, 49, 58, 62, 63, 72, 73, 82, 84, 88, 110, 128, 210, 279; Раденковић 1982, № 362, 529, 560, 562, 563, 564).

описывается, как некто (один человек / люди) берет топор, идет в лес, срубает деревья и вытесывает кольца, из которых строит загон для овец (иногда коров), после чего доит их, сквашивает молоко, процеживает его и получает брынзу.

См. в болгарском заговоре:

Оздол иде џърн чуден човек, та носи џърна чудна секира, донесе ја на џърна чудна ковачиџница, та наточи џърна чудна секира, та направи џърни чудни кола на џърни чудни волове, отиде у џърна чудна гора, набра џърно чудно пракье и набра џърни чудни колџи, та загради џърн чуден јагал, та накара џърно чудно стадо и надои џърни чудни ведрa млеко, потсири џърн чуден чебур сиренье, на направи џърн чуден оструг и закачи џърно чудно сиренье, подуха џърн чуден ветър, та разнесе џърно чудно сиренье. Да се разнесат уроџите като прах по пат, да се разнесат уроџите като пенџа по вода [Снизу идет черный чудной человек и несет черную чудную секиру, и принес ее в черную чудную кузницу, и наточил черную чудную секиру, и сделал черную чудную телегу для черных чудных волов поехал в черный чудной лес, и набрал черных чудных прутьев, и набрал черных чудных колеьев, и огородил черный чудной угол, и собрал черное чудное стадо, и надоил черные чудные ведра молока, заквасил черную чудную бадью брынзы, и сделал черный чудной багор, и повесил на него черную чудную брынзу, подул черный чудной ветер и разнес черную чудную брынзу. Пусть разнесутся уроки, как пыль по дороге, пусть разнесутся уроки, как пена по воде] (СБНУ 1900: 263–264, Царибродский округ, ныне — юго-восточная Сербия).

Завершаться сюжет может по-разному, однако общий смысл финальной части всегда один — недуг должен исчезнуть подобно тому, как исчезает полученный продукт: брынзу продают; ее разрезают и разносят на 9 сторон; съедают; брынза разлетается по ветру; брынзу продают, а деньги от нее расходятся по людям; кто-нибудь съедает брынзу и лопается от съеденного и т. д., ср. финальные фразы заговоров:

болг.: *Тако да му се прџснат уроџите* [Так пусть рассеются уроки] (Тодорова-Пиргова 2003, № 25);

Кџо се разтура парите по села и по градове, тџй да се разтурат на Иван уроџите [Как расходятся деньги по селам и городам, так пусть расточатся уроки Ивана] (там же, № 34);

Който хапнал — той са пръснал... Да са пръснат ураките! [Кто съел, тот лопнул... Пусть лопнут уроки!] (там же, № 41);

да го носят по гори, по води... да са изтърси като ръжен клас [пусть его носят по лесам, по водам... пусть осыплется, как ржаной колос] (там же, № 49);

Ко се сиреньє разнесе по циганьи и по еврее, така се разнесу почудища [Как брынза разнесется по цыганам и евреям, так разнесутся почудища-уроки] (там же, № 84) и т. д.;

серб.: *птићи... искључаше чудно сирене, растурише почудишта...* [птицы... истребили чудную брынзу, разметали / разогнали почудища-уроки] (Раденковић 1982, № 564);

како која јела — пукла... да остане Пера чист као сребро! [Которая ела брынзу — лопнула... пусть останется Пера чистым как серебро!] (там же, № 529);

да штукне у маково зрно, да га нема више [чтобы слиплось в маковое зернышко, чтобы его больше не было] (там же, № 362);

да се растура Нади уроци, кај чур по комин, кај магла по планини, кај људи по пазар [чтобы рассеялись уроки Нады, как дым по трубе, как туман по горам, как люди по базару] (Радовановић 1997: 61) и т. д.

Заключительные фрагменты таких текстов эксплицируют их функцию (ликвидировать недуг, избавлять от него человека) — собственно, именно они и превращают «житийный» сюжет в заговорный текст. При этом эти финальные фрагменты сюжетно практически не связаны с «житийной» их частью: по сути, они заимствуются из формульного «запаса» балканославянской заговорной традиции и могут завершать самые разные болгарские и сербские заговоры, не только «житийные».

«Повесть брынзы» (а также изредка «повесть молока / масла») функционирует в основном в качестве заговора от уроков и порчи (в том числе в заговорах от *почудища / почудишта*), в единичных случаях — от детской бессонницы, бесплодия и др.

В отличие от «повести брынзы», широко представленной в балканославянской традиции, остальные «житийные» сюжеты заговоров известны на Балканах в минимальном количестве записей.

Так, «повесть хлеба», рассказывающая о выращивании зерновых культур и превращении зерна в хлеб, в болгарских записях встре-

чается единично, в сербских — крайне редко². Итоговые формулы заговоров практически те же, что и в текстах, относящихся к сюжету «повести брынзы»: хлеб (обычно лепешку) съедают, разносят на стороны, продают и т. д. В функциональном отношении эти заговоры несколько более разнообразны, чем «повесть брынзы»: их читали как для лечения от сглаза, в том числе у детей, так и при кожных недугах. Вот характерный пример подобного заговора из восточной Сербии:

*Пош'л орач на орање... отишал на црвену њиву, посеја црвену пшеницу, ниче црвена пшеница, порасте црвена пшеница, узре црвена пшеница. Дојдоше црвене жене, пожеше црвену пшеницу с црвени српови, дојдоше црвени мужи, извише црвена јужа, везаше црвену пшеницу... Дојде црвен човек... отера на црвено гувно... истури црвену сламу, сабра црвену пшеницу, извеја црвену пшеницу... отера у црвену воденицу, самле црвено брашно. Сабра црвено брашно... однесе у црвени двори, покупи црвене жене, омесише црвене погаче... опекоше црвену погачу... разломише црвену погачу, изедоше црвене жене и црвени мужје црвену погачу. Растури се црвени ветар од Виду кано црвена погача... [Пошел пахарь на пахоту... он пошел на красное поле, посеял красную пшеницу, взошла красная пшеница, выросла красная пшеница, созрела красная пшеница. Пришли красные женщины, сжали красную пшеницу красными серпами, пришли красные мужчины, свили красные веревки, связали красную пшеницу... Пришел красный человек... отправился на красное гумно... сбросил красную солому, собрал красную пшеницу, провеял красную пшеницу, отправился на красную мельницу, смолот красную муку. Он собрал красную муку... отнес ее на красные дворы, собрал красных женщин, они замесили красные лепешки... испекли красную лепешку... разломил красную лепешку, съели красные женщины и красные мужчины красную лепешку. Сходит красный ветер с Виды, как красная лепешка] (Раденковић 1982, № 99, *црвен ветар* — болезнь, сопровождающаяся жаром и сыпью).*

«Повесть льна / конопли» — один из самых распространенных «житийных» сюжетов славянского фольклора. Тем не менее в балканославянских заговорах он известен мало и фиксируется, кажется, только в сербской и македонской традициях³. В этом сюжете вни-

2 (Раденковић 1982, № 99, 201, 561; Тодорова-Пиргова 2003, № 103).

3 (Раденковић 1982, № 331, 339; Радовановић 1997: 78; Амроян 2005,

мание сосредоточено на действиях по обработке льна и конопли и последующему изготовлению полотна и одежды, таких как сажать коноплю, убирать, обдирать, мочить в воде, мять, трепать, чесать, пряхть, сматывать мотовилом, сучить, сновать, навивать на навой, вводить в бёрдо, ткать полотно, кроить его, выбеливать, шить. Конец заговора, описывающий избавление от продукта (болезни), может выглядеть, например, следующим образом: «...и поцепа тежиъаву кошуљу. Растури се тежина — растурише се прободи из груди Милетиних» [и порвала рубаху посконную. Расползлась, пропала посконь — рассосалась, пропала боль в груди Милеты] (Милосављевић 1913: 217, Хомолье, пер. Н. И. Толстого). «Повесть конопли» функционирует в качестве заговора от острых болей, в основном в груди (серб. *пробод* ‘колотье’, макед. *бодеж* ‘то же’ и др.).

Наконец, единичные сербские заговоры основаны на сюжете «повести рыбы»: в них описывается, как люди ловят рыбу, готовят ее на огне и съедают, см.:

Дошла голема вода, па донела голему рибу, пошла голема девојка, понела голему торбу, с’лази у голему воду, да увати голему рибу. У торбу има голема бритву, да закоље голему рибу, да извади големо срце, да наложи големи огањ, да испече големо срце. Кој окуси од големо срце, да цркне и пукне [Пришла большая вода и принесла большую рыбу, пошла большая девушка, взяла большую сумку, спустилась в большую воду, чтобы поймать большую рыбу. В сумке у нее большой нож, чтобы зарезать большую рыбу, чтобы вынуть большое сердце, чтобы разжечь большой огонь, чтобы испечь большое сердце. Кто попробует большое сердце, пусть сдохнет и лопнет] (Радовановић 1997: 77, Сокобаня, от свинки), ср. аналогичное завершение другого заговора на сюжет «повести рыбы», так же как и предыдущие концовки заключающее в себе идею уничтожения: *Куј пре сркне, да цркне!* [Кто раньше хлебнет, пусть сдохнет!] (Раденковић 1982, № 105, Поморавле).

Таким образом, в балканославянской традиции присутствуют заговоры на четыре «житийных» сюжета — «повесть брынзы» прежде всего, а также «повесть хлеба», «повесть конопли / льна» и «повесть рыбы». Их ареал захватывает Болгарию, восточную Сербию и отдельные регионы Македонии (уточнить которые не представляется пока

возможным в силу малого количества текстов, имеющих в нашем распоряжении). Во всех этих традициях «житийные» тексты органично вписаны в балканославянскую заговорную традицию, одной из ключевых особенностей которой является регулярное использование сквозных эпитетов — «красный», «черный», «чудной», «большой», «левый», «кривой», характерных для традиции в целом.

Среди румынских заговоров операционные сюжеты также распространены достаточно широко, особенно это касается «повести конопля», причем заговоры на этот сюжет, как и у балканских славян, применяются для лечения болей, в частности прострела (см.: Цивьян 1977: 307).

Сюжетно и структурно близкие к балканославянским «житийные» заговоры известны на Украине. В отличие от балканославянских, среди украинских заговоров самым частотным оказывается сюжет «повести хлеба»⁴. Сюжет развивается аналогично балканославянскому, с разной степенью детализации действий, результатом которых становится получение хлеба: *спік чоловічище пусте коржище* (Туркевич 1905: 13), см. в украинском заговоре:

*Сокира нова топорище теше, народжена, молитвена (ворожка говорит свое имя) нарожденому, молитвеному (имя больного) от бышихи⁵ шепче, од водяной бышихи, од витряной, од прозирной⁶.
Пусти волю, пусти ярма, з пустыми плугамы пустого поля йихалы ораты, з пустыми боронамы пустый хлеб волочиты. Як виросте той пустый хлеб, пусти женцы з пустыми серпами підуть пустый хлеб жаты, пусти снопы вязаты, пусти копы класты. Пусти волю з пустыми возамы пустый хлеб йдуть пидниматы, до пустого току пусти копы возыты, пусти стогы класты, пусти молотныкы⁷ з пустыми ципамы пустый хлеб будуть молотыты, пустыми лопа-*

4 (Ткачев 1867: 231, Воронежская губ. [= Чубинский 1872/1/1: 116–117]; Драгоманов 1876: 24, Харьковская губ. и у.; Материалы для этнограф. изучения Харьковской губ. 1894: 170, Харьковская губ., Купянский у.; Милорадович 1900: 56, Полтавская губ., Лубенский у.; Туркевич 1905: 12–13, Екатеринославская губ., Бахмутский у.; Зорі 1991: 144, зап. в 1913 г., Станиславское воев., с. Жабье Кривополье (ныне – Верховина); Слов. магія 1998: 65, Житомирская обл., Овручский р-н).

5 Укр. *бешиха* ‘рожистое воспаление, рожа’.

6 Укр. *прозирати* ‘1. проглядывать; 2. проникать’.

7 Укр. *молотник* ‘тот, кто молотит’.

тамы пустый хлиб віаты, пустымы миркамы пустый хлиб будуть миряты, в пусти мишки пустый хлиб будуть набыраты, пустымы возамы, пустымы воламы пустый хлиб будуть возыты. Пустый каминь пустый хлиб буде молоты. З пустымы мишкамы пусти мирошники⁸ пустый хлиб будуть набираты. До пустой дижи пустый хлиб будуть носыты, пуста женицина пустый хлиб буде учиняты, в пуству пичь сажаты. Пуста женицина по пусти дрова ходыла, пуству пичь топыла. Як буде той пустый дым сходыты, так ныхай бышыха зійде з нарожденного, молитвеного раба Божого (имя)⁹.

Завершающие формулы этих «житийных» заговоров так же, как и на Балканах, проникнуты идеей уничтожения / изгнания недуга, хотя надо признать, что в украинских заговорах эти финальные формулы более органичны содержанию заговора и напрямую проистекают из него — в отличие от того, что мы видели в балканославянских:

Дижа не зійшлася, а бышыха розійшлася; На полудень сонце стане, а бышыхы у (имя) не стане (там же: л. 37);

...на пустому камню <пишницю> мололи; ту бишиху размолоти на хатах, по болотах, по пустых очеретах (Ткачев 1867: 231);

и той хлиб пойдидылы и сю бишиху пожыралы (Милорадович 1900: 56);

пустий хліб їли і з пустої молитвенної имр. волос ззіли (Драгоманов 1876: 25, от волосатика).

Элементом, объединяющим украинские и балканославянские «житийные» заговоры, являются также сквозные эпитеты, обязательные для украинских текстов; при этом в отличие от балканославянской украинская «повесть хлеба» использует преимущественно один такой эпитет — «пустой», символизирующий в самом общем смысле избывание болезни. Обратим внимание и на то, что балканославянские заговоры на сюжет «повести хлеба» так же, как и на Украине, могли применяться для лечения кожных болезней.

⁸ Укр. *мірошник* 'хозяин мельницы; мельник'.

⁹ *Иванов П. В.* Знахарство. Шептания и заговоры. (Материалы для характеристики мирозерцания крестьянского населения Купянского у. Харьковской губ.) // Институт этнологии и антропологии РАН (Москва). Архив. Ф. ИОЛЕАЭ. № 169. Л. 36об.–37; Слобода Ново-Глухов, ныне Кременский р-н Луганской обл. Сверено по рукописи.

В единичных записях известен на Западной Украине и особый вариант «молочных повестей», а именно «повесть масла»: заговор, который, в отличие от балканославянской традиции, практикуется только в скотоводческой магии — чтобы отвести чары и порчу, наведенную на скотину. «Черлений» (красный) или золотой человек рубит прутья, перевязывает их красными веревками и строит загон, куда заводит овец или коров, доит их, процеживает молоко, собирает сметану или сбивает масло:

Прийшов чоловік золотий, взяв золоті дійниці¹⁰, пішов у золоті загороди, надоїв золотого молока у золоті тиски — стала золота сметана. Назбирав золотої сметани у золоті колотівки¹¹, сколотив золоте масло... поніс золоте масло у золоте місто (Слов. магія 1998: 86, Ивано-Франковская обл., Косовский р-н).

А вот финальные фразы таких заговоров больше напоминают балканские тексты: они слабо связаны с содержанием текста и лишь указывают на апотропеическую направленность заговора в целом:

...Хто золоте масло уздрів — той ся розстрів [Кто золотое масло увидел, тот рассеялся] (Слов. магія 1998: 86);

Жидиньита... ци ви би сего масла не купили? А молоко жебисти поїли! Котрі їли, аби си розсіли, котрі виділи, аби си посліпли, аби не завидували на манну... [Еврейчики... вы не купили бы этого масла? И молока вы должны попить! Которые ели, чтобы разошлись по сторонам, которые видели, чтобы ослепли, чтобы не завидовали манне...] (Франко 1898: 63, Черновицкая обл., Путильский р-н).

Так же редко встречается на Украине «повесть рыбы», описывающая процесс ловли и приготовления рыбы:

Ишов чернець через чорний бор, да найшов чорну сеть, да взяв на чорни плечи, да пішов чорною дорогою, да прийшов к чорному морю, да закинув чорную сеть, да вловыв чорну плотку¹² и вкинув в чорний мех¹³, взяв на чорни плечи, принис в чорну хату, положив на

10 Укр. *дійниця* 'ведро для доения молока'.

11 Укр. *колотівка* 'мутовка, сбивалка'.

12 Укр. *плітка* 'плотва'.

13 Укр. *міх* 'мешок'.

чорну лавку и оскреб чорну плотку, вкинув в чорний горщик и затопив чорну печь... (Семенцова 1892: 286, Черниговская губ., Кролевецкий у., от падучей).

Заключительные формулы в заговорах на сюжет «повести рыбы» имеют апотропеическую направленность: *...засвітив ясну свіч, як свіча погасилась, так щоб в раба Божого имя рек вся боль утушилась* (там же), напоминая в том числе балканославянские формулы: *Десь узялись сыни люди, сыню рыбу поймали, як найились, и сами розсились* [разошлись по сторонам]. *Так щоб розсився бех и бишишньця...* (Ястребов 1894: 46, Херсонская губ., от бешихи-рожи).

Сквозные эпитеты процитированных заговоров (*черный и синий*) могут быть навеяны темой черного / синего моря.

В харьковских материалах нам встретился уникальный вариант «житийного» заговора, сюжет которого можно было бы обозначить как «повесть древесины»:

Ихав чорный чоловик у лис, заприг чорны волы, надив чорнэ ярмо, узав чорну сокиру, а у сокири чорнэ топорыще. Пойихав у чорный лис и зрубав чорне дєрево, покурыв¹⁴ нарожденому, мольтвьяному, хрещеному бышиху (Материалы для этнограф. изучения Харьковской губ. 1898: 176, ныне — Луганская обл., Новоайдарский р-н).

Мы не склонны считать этот сюжет самостоятельным, и, скорее всего, он является производным от «повести масла», действие которого, напомним, также начинается с описания человека, отправляющегося в лес, чтобы настругать деревянных прутьев для загона.

Немногим шире, чем «повесть масла» и «повесть рыбы», на Украине известна «повесть конопли», описывающая процесс выращивания конопли — от вспахивания поля под коноплю до шитья сорочки¹⁵. Как

¹⁴ Укр. *покурити* 'покадить, окурить кого-то или что-то'.

¹⁵ (Кайдль 1898: 147–148, Черновицкий у.; Верхратский 1930: 33, ныне с. Новая Прилука Липовецкого р-на Винницкой обл. [= Зорі 1991: 157]; Talko-Hrynciewicz 1893: 168, № 1, Рыжановка, ныне Звенигородский р-н Черкасской обл.). В русской традиции единственным известным нам отзвуком «повести конопли» является короткий нижегородский заговор: «Не пашут, не боронут, не сеют, не берут, не мочат, не трепят, не ткут, не шьют, не белят, только лишаи заговаривают на молитвенной крещеной и. р.» (Нижегородские заговоры 1997, № 64, Нижегородская обл., от

и на Балканах, на Украине «повесть конопля» применяется в качестве заговора от сильных болей: от *кольки / колотьби* — воспаления легких и плеврита, сопровождающегося сильными болями в груди при дыхании, а также от болей в желудке:

*Стій, колько, — на коноплі горю, стій, колько, — на коноплі скородю*¹⁶, *стій, колько, — насіння*¹⁷ *везу, стій, колько, — коноплі сію, стій, колько, — коноплі полю, стій, колько, — плоскіль*¹⁸ *беру, стій, колько, — матірку*¹⁹ *беру, стій, колько, — коноплі мочу, стій, колько, — коноплі витягаю, стій, колько, — коноплі тіпаю*²⁰, *стій, колько, — коноплі спускаю, стій, колько, — коноплі дергаю, стій, колько, — коноплі чешу, стій, колько, — коноплі пряду, стій, колько, — на тальку*²¹ *мотаю, стій, колько, — з тальки скидаю, стій, колько, — коноплі до річки несу, стій, колько, — від річки йду, стій, колько, — коноплі сушу, стій, колько, — на витушку*²² *кладу звиваю, стій, колько, — сную, стій, колько, — до ткача несу, стій, колько, — полотно золю, стій, колько, — полотно стираю, стій, колько, — полотно білю, стій, колько, — сорочку шию, стій, колько, — сорочку беру, аж тепер тобі, колько, не буде ладу* (Верхратський 1930: 33).

Как и в других «житийных» заговорах, идея прекращения / уничтожения болезни почти обязательно акцентируется в итоговой фразе:

аж тепер тобі, колько, не буде ладу (там же);

сорочки не стало, шчоб так колька колоти перестала (Talko-Hrucsewicz 1893: 168);

як з сих колопень нічо сі не зводит, так аби ся і з сеї колотьби нічо не звело [как из этой конопля ничего не поднимается / не родит-

лишая), который, судя по замечанию собирателя, читают только по воскресеньям, когда все работы запрещены и «вся энергия людей, свободных в этот день от работы, направляется на излечение болезни у конкретного человека» (там же: 86).

16 Укр. *скородити* ‘бороновать’.

17 Укр. *насіння* ‘семена’.

18 Укр. *плоскіль* ‘посконь’.

19 Укр. *матірка* ‘матерка (конопля)’.

20 Укр. *тіпати* ‘трепать, мять’.

21 Укр. *талька* ‘моток пряжи, ниток’.

22 Укр. *витушка* ‘мотушка, мотовило’.

ся, так чтобы и от этой колотьбы ничего не было] — так говорят, завязывая узлы на шнурке, который сплели из нитей, давно лишенных корней (Кайндль 1898: 147).

В украинских заговорах на сюжет «повести конопли» идея прекращения болезни / боли выражена обычно дважды — не только в заключительных строках, но и в начальных формулах каждой синтагмы: *годі тобі, колько, колоти* (Talko-Нгунцевич 1893: 168) или *стій, колько* (Верхратський 1930: 33), причем в последнем заговоре эта начальная формула повторяется 27 (тридевять!) раз, что едва ли можно считать случайностью.

Украинские заговоры на сюжет «повести конопли хлеба» сохраняют и другие архаические черты. Остановимся лишь на одном, пожалуй, самом примечательном моменте. В упомянутой выше статье «*Vita herbae et vita rei* в славянской народной традиции» Н. И. Толстой поставил «житийные» сюжеты разных жанров (заговоров, сказок, быличек, легенд, хороводных игр типа «А мы просо сеяли», театрализованных действий и др.), представляющие в концентрированном виде процесс превращения природной материи в продукт (полотно или хлеб прежде всего), в один ряд с ритуальным производством подобных вещей: «...вне устной народной словесности [...] в обрядовой сфере метаморфозы (“жизнь”) льна и конопли ярко отражаются в ритуальном производстве обыденного полотна, полотенца, пояса и обыденной рубахи» (Толстой 1994/2003: 51), а также других «обыденных» предметов²³. С точки зрения автора, эти вербальные и ритуальные формы «житийных» текстов объединяют два момента: «... во-первых, компрессия времени при имитации, повторении или исполнении жизненного процесса; во-вторых, почеркнутое стремление к полноте имитации или исполнения жизненного процесса [...] Именно завершенность и полнота цикла жизни растения или производства его продукта, а также спрессованность “жизненного” и производственного времени придают [...] всему обряду [...] бóльшую магическую силу» (там же: 70–71). Справедливость этого суждения не вызывает сомнения, при том что прямых и конкретных переключек между вербальными текстами на «житийные» сюжеты и ритуалами изготовления обыденных вещей до сих пор вроде бы не отмечалось. Тем

23 О семантической соотнесенности операционных текстов и ритуалов изготовления «обыденного» полотна писала Т. В. Цивьян (Цивьян 1977: 307).

важнее привлечь внимание к одному украинскому заговору на сюжет «повести конопли», в котором такое пересечение, кажется, имеет место. В нем перечислено 21 действие — от сеяния конопли до ношения сшитой сорочки, причем в отличие от других «житийных» заговоров каждое из этих действий обозначено двояко — и как намерение (мы будем делать то-то), и как свершившийся факт (мы сделали это), а главное — каждое совершённое действие уточняется с точки зрения времени его исполнения (*єден день*):

...будем на коноплі орати — виорали в єден день...
...будем коноплі брати — вибрали в єден день...
...будем прядиво чесати — почесали в єден день...
...будем полотно робити — зробили в єден день...
...будем в сорочках ходити — походили єден день...
(Talko-Hryncewicz 1893: 168)

Нам представляется, что такой учет «фактора времени», свертывание времени действия до одного дня, а также маркирование завершенности каждого этапа работ и процесса в целом — всё это вместе подтверждает мысль о соотнесенности между собой ритуальных и вербальных форм *vita herbae*, причем, возможно, как с точки зрения их общего смысла, так и с точки зрения происхождения.

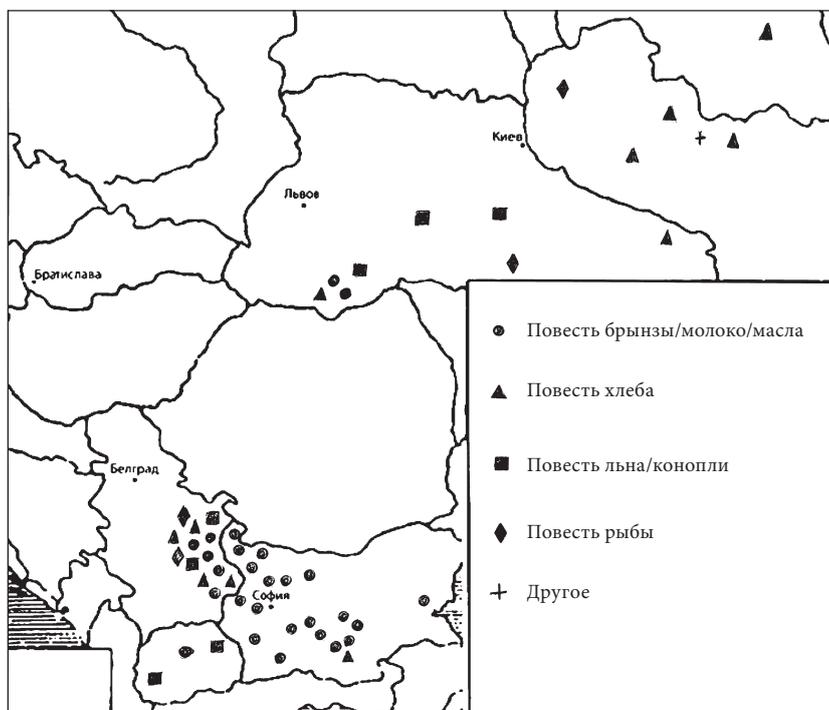
* * *

Подытожим сказанное.

Первый момент — это география описываемого явления. Исследуя славянскую вербальную магию, мы не в первый раз отмечаем сходение сюжетов балканославянских и украинских заговоров (см.: Агапкина 2016; 2019). К настоящему моменту у нас набралось уже четыре карты, которые подтверждают мысль о том, что параллели к балканославянским заговорам обнаруживаются на Украине преимущественно по линии юго-запад — северо-восток: от Гуцульщины, Покутья и Буковины через Подолию и Поднепровье и далее — на Левобережную Украину (см. карту). Поразительным образом эти сюжетные параллели по большей части обходят Полесье, во всяком случае центральное и западное, и это, конечно, ждет своих объяснений и интерпретаций. Тем не менее нельзя исключать, что новые материалы могут видоизменить немного эту картину. Особенно это касается Закарпатья, которое на этой и других картах пока остается белым пятном.

Второй момент касается, если так можно выразиться, типологии балканославянско-украинских параллелей. В данном случае речь, как мы могли убедиться, идет не о простой сюжетной перекличке, не только о том, что у балканских славян и украинцев в заговорах встречается один и тот же сюжет или мотив. Предложенные наблюдения позволяют, на наш взгляд, говорить о более глубоких связях балканославянских и украинской заговорных традиций. Совпадающие элементы сюжетики «житийных» заговоров в обеих традициях предстают не как атомарные факты, а как элементы системы. Во-первых, совпадают четыре основных сюжета «житийных» заговоров: «повесть конопли», «повесть хлеба», «повесть брынзы / масла» и «повесть рыбы» фиксируются и на Балканах, и на Украине, при том что на Балканах явно преобладает «повесть брынзы», а на Украине — «повесть хлеба». Во-вторых, и там и там композиция заговоров обнаруживает двучастный характер: собственно операционный фрагмент завершается финальной формулой, в которой разными способами выражена идея уничтожения / рассеивания / разрушения болезни. В-третьих, в значительной степени совпадают функции отдельных сюжетов этих заговоров: тексты на сюжет «повести хлеба» применяются на Балканах в том числе для лечения кожных болезней и на Украине — исключительно в этой функции (от бешихи-рожи); «повесть брынзы / масла» — для избавления от *уроков* («людских» — на Балканах и «скотьих» — на Украине); «повесть льна / конопли» — там и там от сильных болей. Наконец, в-четвертых, выявленные сюжетные параллели продолжают на уровне поэтики заговоров: характерные для балканославянской традиции сквозные эпитеты (*черный, пустой, чудной, левый, красный* и др.) присутствуют и в украинских «житийных» заговорах, при том что за их рамками такая особенность обнаруживается нечасто и уж тем более не так последовательно, как на Балканах.

Тем самым мы можем говорить фактически о едином явлении, общем для балканских славян и украинцев, о явлении комплексном и многофакторном: о традиции функционирования житийных текстов в качестве заговоров, а не просто о распространении некоего сюжета на балканославянской и украинской территориях.

Источники и литература

Агапкина 2016 — Агапкина Т. А. Карпато-южнославянские параллели в области вербальной магии и их продолжение у восточных славян // Славяноведение. 2016. № 6. С. 3–13.

Агапкина 2019 — Агапкина Т. А. Параллели в области вербальной магии у восточных и южных славян // Славянские архаические ритуалы в пространстве Европы. М.: Индрик, 2019. С. 10–38.

Амроян 2005 — Амроян И. Ф. Сборник болгарских народных заговоров. Тольятти: Тольяттинский гос. ун-т, 2005. 138 с.

Верхратський 1930 — Верхратський С. Побутова медицина сучасного села. Недуги голови, очей, вуха, горлянки, зубів, грудей // Побут. 1930. № 6–7. С. 24–36.

Драгоманов 1876 — Драгоманов М. Малорусские народные предания и рассказы. Киев: Типография М. П. Фрица, 1876. 462 с.

Зорі 1991 — Ви, зорі-зориці. Українська народна магична поезія (Замовляння) / упор. М. Г. Василенка, Т. М. Шевчук. Київ: Молодь, 1991. 334 с.

Кайдль 1898 — *Кайндль Р.* Фольклорні материяли: IV. Буковинські примівки // Етнографічний збірник. Т. 5. Львів, 1898. С. 141–159.

Кляус 1997 — *Кляус В. Л.* Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М.: Наука, 1997. 464 с.

Материалы для этнограф. изучения Харьковской губ. 1894 — Материалы для этнографического изучения Харьковской губернии // Харьковский сборник. Литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю». Вып. 8. Харьков: Типография губернского правления, 1894. С. 1–384.

Материалы для этнограф. изучения Харьковской губ. 1898 — Материалы для этнографического изучения Харьковской губернии // Харьковский сборник. Литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю». Вып. 12. Харьков: Типография губернского правления, 1898. С. 1–180.

Милорадович 1900 — *Милорадович В. П.* Народная медицина в Лубен. у. Полтав. губ. // Киевская старина. Т. 70. Кн. 1–2. 1900. С. 51–65.

Милосављевић 1913 — *Милосављевић С.* Српски народни обичаји из среза Хомольског // Српски етнографски зборник. Књ. 19. 1913. С. 1–442.

Нижегородские заговоры 1997 — Нижегородские заговоры (В записях XIX–XX веков) / сост. А. В. Коровашко, К. Е. Корепова. Нижний Новгород: [б. и.], 1997. 128 с.

Раденковић 1981 — *Раденковић Љ.* О значењу једног сакралног текста о конопљи и лану код словенских и балканских народа // Научни састанак слависта у Вукове дане. 11. Београд: Међународни славистички центар, 1981. С. 207–217.

Раденковић 1982 — *Раденковић Љ.* Народне басме и бајања. Ниш: Градина; Приштина: Јединство; Крагујевац: Светлост, 1982. 528 с.

Радовановић 1997 — *Радовановић Г.* Магијска шапутања: басме и бајалице сокобањског краја. Сокобања: [б. и.], 1997. 110 с.

СБНУ 1900 — Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. 16–17, ч. 2. София, 1900. VI, 409 с.

Семенцова 1892 — Сборник Ирины Антоновны Семенцовой, составленный из с. Будниц Кролевецкого у. Черниговской губ. // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 4. 1892. С. 285–288.

Слов. магія 1998 — Словесна магія українців / передмова В. Фісуна. Київ: Бібліотека українця, 1998. 102 с.

Ткачев 1867 — *Ткачев Г.* Этнографические очерки Богучарского уезда // Памятная книжка Воронежской губернии на 1865–1866 г. Воронеж: Типолитография губернского правления, 1867. С. 159–232.

Тодорова-Пиргова 2003 — *Тодорова-Пиргова И.* Баяния и магии. София: Проф. Марин Дринов, 2003. 560 с.

Толстой 1994/2003 — *Толстой Н. И.* Vita herbae et vita rei в славянской народной традиции // Славянский и балканский фольклор. Верования. Текст. Ритуал. М.: Наука, 1994. С. 139–168, 263–266. Переизд.: *Толстой Н. И.* Очерки славянского язычества. М.: Индрик, 2003. С. 37–72.

Туркевич 1905 — *Туркевич.* Заговор от рожистого воспаления (бышыхы) // Киевская старина. Т. 91. № 11–12. 1905. С. 66–67.

Франко 1898 — *Франко І.* Гуцульські примівки // Етнографічний збірник. Т. 5. Львів, 1898. С. 41–72.

Цивьян 1977 — *Цивьян Т. В.* ‘Повесть конопля’: к мифологической интерпретации одного операционного текста // Славянское и балканское языкознание: карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста / сост. и отв. ред. Т. М. Судник, Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1977. С. 305–317.

Чубинский 1872/1/1 — Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским. Т. 1, вып. 1. СПб.: [Тип. В. Безобразова и Комп.], 1872. 224 с.

Ястребов 1894 — Материалы по этнографии Новороссийского края, собранные в Елисаветградском и Александрийском уездах Херсонской губернии В. Н. Ястребовым. Одесса: Тип. Шт. Одесского военного округа, 1894. 202 с.

Simić 1964 — *Simić S.* Narodna medicina u Kratovu // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Zagreb, 1964. S. 309–443.

Talko-Hryniewicz 1893 — *Talko-Hryniewicz J.* Zarysy lecznictwa ludowego na Rusi południowej. Kraków: Polska akademia umiejętności, 1893. 461 s.

References

Agapkina, T. A. “Karpato-iuzhnoslavianskie paralleli v oblasti verbal’noi magii i ikh prodolzhenie u vostochnykh slavian.” *Slavianovedenie*, no 6, 2016, p. 3–13.

Agapkina, T. A. “Paralleli v oblasti verbal’noi magii u vostochnykh i iuzhnykh slavian.” *Slavianskie arkhaischeskie ritualy v prostranstve Evropy*, Moscow: Indrik, 2019, p. 10–38.

Amroian, I. F. *Sbornik bolgarskikh narodnykh zagovorov*. Togliatti: Togliatti State University, 2005, 138 p.

Civjan, T. V. “‘Povest’ konopli’: k mifologicheskoi interpretatsii odnogo operatsionnogo teksta.” *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie: karpato-vostochnoslavian-*

skie paralleli. *Struktura balkanskog teksta*, eds. T. M. Sudnik, T. V. Civjan, Moscow: Nauka, 1977, p. 305–317.

Dragomanov, M. *Malorusskie narodnye predaniia i rasskazy*. Kiev: Tipografia M.P. Fritsa, 1876, 462 p.

Franko, I. “Hucul’ski primivki.” *Etnografichnyi zbirnyk*, vol. 5, Lvov, 1898, p. 41–72.

Kaïndl’, R. “Fol’klorni materyialy: IV. Bukovyns’ki prymivky.” *Etnografichnyi zbirnyk*, vol. 5, Lvov, 1898, p. 141–159.

Klyaus, V. L. *Ukazatel’ suzhetov i suzhetnykh situatsii zagovornykh tekstov vostochnykh i iuzhnykh slavian*. Moscow: Nauka, 1997, 464 p.

“Materialy dlia etnograficheskogo izucheniia Khar’kovskoi gubernii.” *Khar’kovskii sbornik. Literaturno-nauchnoe prilozhenie k “Khar’kovskomu kalendariu”*, Khar’kov: Tipografia gubernskogo pravleniia, vol. 8, 1894, p. 1–384.

“Materialy dlia etnograficheskogo izucheniia Khar’kovskoi gubernii.” *Khar’kovskii sbornik. Literaturno-nauchnoe prilozhenie k “Khar’kovskomu kalendariu”*. Khar’kov: Tipografia gubernskogo pravleniia, vol. 12, 1898, p. 1–180.

Materialy po etnografii Novorossijskogo kraia, sobrannye v Elisavetgradskom i Aleksandrijskim uezdah Hersonskoi gubernii V. N. Yastrebovym. Odessa: Tip. Sht. Odesskogo voennogo okruga, 1894, 202 p.

Miloradovich, V. P. “Narodnaia meditsina v Luben. u. Poltav. gub.” *Kievskaiia starina*, vol. 70, kn. 1–2, 1900, p. 51–65.

Milosavljević, S. “Srpski narodni obiçaji iz sreza Homoljskog.” *Srpski etnografski zbornik*. 1913, knj. 19, p. 1–442.

Nizhegorodskie zagovory (V zapisiakh XIX–XX vekov), ed. by A. V. Korovashko, K. E. Korepova. Nizhny Novgorod: s. n, 1997, 128 p.

Radenković, Lj. *Narodne basme i bajanja*. Niš: Gradina; Priština: Jedinstvo; Kragujevac: Svetlost, 1982, 528 p.

Radenković, Lj. “O značenju jednog sakralnog teksta o konoplji i lanu kod slovenskih i balkanskih naroda.” *Naučni sastanak slavista u Vukove dane*. 11, Beograd: Međunarodni slavistički centar, 1981, p. 207–217.

Radovanović, G. *Magijska šaputanja: basme i bajalice sokobanjskog kraja*. Sokobanja: s. n., 1997, 110 p.

“Sbornik Iriny Antonovny Sementsovoj, dostavlennyi iz s. Budnic Krolevetskogo u. Chernigovskoi gub.” *Sbornik Khar’kovskogo istoriko-filologicheskogo obshchestva*, vol. 4, 1892, p. 285–288.

Sbornik za narodni umotvoreniiia, nauka i knizhnina, kn. 16–17, ch. 2. Sofia, 1900.

Simić, S. “Narodna medicina u Kratovu.” *Zbornik za narodni život i obiçaje Južnih Slavena*, 1964, s. 309–443.

Slovesna mahiia ukraïntsiv, frwd. V. Fisun. Kiev: Biblioteka ukraïntsia, 1998, 102 p.

Talko-Hryncewicz, J. *Zarysy lecznictwa ludowego na Rusi południowej*. Kraków: Polska akademia umiejętności, 1893. 461 s.

Tkachev, G. "Etnograficheskie ocherki Bogucharskogo uezda." *Pamiatnaia knizhka Voronezhskoi gubernii na 1865–1866 g.*, Voronezh: Tipolitografiia gubernskogo pravleniia, 1867, p. 159–232.

Todorova-Pirgova, I. *Baiania i magii*. Sofia: Prof. Marin Drinov, 2003, 560 p.

Tolstoy, N. I. "Vita herbae et vita rei v slavianskoï narodnoï traditsii." *Slavianskiï i balkanskiï fol' klor. Verovaniia. Tekst. Ritual*. Moscow: Nauka, 1994, p. 139–168, 263–266. Republished: Tolstoy, N. I. *Ocherki slavianskogo iazychestva*. Moscow: Indrik, 2003, p. 37–72.

Trudy étnograficheskoi-statisticheskoi ekspeditsii v Zapadno-russkii kraï. Iugo-zapadnyi otdel. Materialy i issledovaniia, sobrannye P. P. Chubinskim, vol. 1, vyp. 1, Saint Petersburg: Tipografiia V. Bezobrazova i Komp., 1872, 224 p.

Turkevich. "Zagovor ot rozhistogo vospaleniia (byshyky)." *Kievskaiia starina*, vol. 91, no. 11–12, 1905, p. 66–67.

Verkhrats'kyï, S. "Pobutova medytsyna suchasnoho sela. Neduhy holovi, ocheï, vukha, horlianki, zubiv, hrudeï." *Pobut*, no. 6–7, 1930, p. 24–36.

Vy, zori zorytsi. Ukraïns'ka narodna mahichna poeziia (Zamovliannia), ed. M. G. Vasilenko, T. M. Shevchuk. Kiev: Molod', 1991, 334 p.

Tatyana A. Agapkina

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Parallels in the verbal magic of Eastern and Southern Slavs:
the "life" of things as a charm plot

The article is devoted to the similarities between the Balkan-Slavic and the Ukrainian charms, namely, to the story, involving the "life" of things, or so-called operational plot. Parallels with the Balkan-Slavic charms that contain a "life story" of things (foodstuffs or plants) are found not throughout the entire space of the Ukrainian ethno-dialectal zone, but along the southwest-northeast line: in the Hutsul region and Bukovina, in Podolia and the Dnieper area, as well as in the Left-Bank Ukraine. There are four versions of this plot presented in charms: "the story of bread", "the story of flax / hemp", "the story of cheese / butter" and "the story of fish". The article notes that all four versions are known both among the Balkan Slavs and the Ukrainians, although "the story of cheese" dominates in the Balkans, while "the story of bread" prevails in Ukraine. It is shown that in the Balkan-Slavic and Ukrainian traditions the coinciding plot elements of the charms, containing "life stories"

of foodstuffs or plants, appear not as atomic facts, but as elements of a system. In particular, this is reflected in the fact that the functions of individual versions of texts and the features of their poetics coincide.

Keywords: *folklore studies, charms, Balkan Slavs, Ukrainians, operational plot*

Еще раз об архаике в гуральской традиционной культуре

Гурали, или горали, представляют отдельную этнокультурную группу, проживающую в горных регионах Карпат на пограничье Польши и Словакии (Силезия, Орава, Подгале, Спиш и др.). В этногенезе этой группы принимали участие не только славянские племена и народы, но и венгры, немцы, восточные романцы, тюрки и др., что обогатило гуральскую традиционную культуру иноэтничными элементами. Как славянские, так и неславянские элементы духовной культуры сохраняют свою древность, то есть архаические черты традиционной культуры гуралей включают культурную архаику населяющих этот регион народов. В разных сферах духовной культуры этого горного региона сохранилось множество архаических элементов общеславянской эпохи, которые известны также в разных концах славянского мира. В похоронной обрядности это, например, реликты «белого траура», обычай слегка ударять гробом о порог при выносе его из дома, похороны-свадьба, запреты на ряд работ в поминальные дни, чтобы «не засорить глаза» душам умерших, и др. В области народной медицины такими общеславянскими практиками являются способы лечения сглаза и порчи (гашение угольков), магия обеспечения жизни и здоровья новорожденного (передача крещеного ребенка через окно, лечение «сухотки» (чахотки) путем протаскивания через калач), способы лечения лихорадки (оставление на дороге вещи вместе с болезнью), вера в то, что лунный свет может вызвать болезнь у ребенка, и т. п. В фольклоре такими архаическими мотивами являются мотив передачи великанами предметов с одной горы на другую (балто-славянский как минимум) и мотив спящего в горе войска, в Европе являющийся кельтским по происхождению, который, однако, имеет глубокие индоевропейские истоки.

Ключевые слова: *славянская этнолингвистика, традиционная культура гуралей / горалей, славянские архаические черты, архаические фольклорные мотивы.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.3.02

Авторская работа выполнена при поддержке гранта РНФ «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистический аспект», № 17-18-01373.

В гуральской традиции, понимаемой широко — как традиции горского типа от Моравской Валахии до Бойковщины и Гуцульщины, можно наблюдать причудливое переплетение как славянских традиций, появившихся на Карпатах в разное время, так и неславянских влияний (романского, немецкого, венгерского и др.)¹. В частности, народ, заселяющий регион Спиш, представлен разными этническими группами: венграми, немцами, словаками, арумынами, русинами и др. (Grochola-Szczepanek 2012: 34).

Карпаты являются регионом активной смены населения в связи с миграциями и завоеваниями, высокогорные районы начали осваиваться только с XIV в. пришлым населением, поэтому можно сказать, что гуралы (горалы, горцы) как особая этнокультурная группа сформировались достаточно поздно, и та картина, которую мы застаем в XIX–XX вв., представляет собой сложное образование с узнаваемыми специфическими чертами носителей отдельных традиций. Как славянские, так и неславянские элементы духовной культуры сохраняют свою древность, иными словами, архаические черты традиционной культуры гуралей включают культурную архаику населяющих этот регион этносов.

В первой статье, посвященной архаическим чертам в гуральской традиционной культуре (Валенцова 2019), речь шла преимущественно о демонологических поверьях и мотивах; в настоящей статье хотелось бы обратить внимание на архаические черты в других сферах традиционной культуры и в фольклоре этого интересного карпатского региона, черты, принадлежащие общеславянской эпохе и известные многим другим славянским народам (хотя и в разной степени, с разной интенсивностью и в разных вариациях), а отчасти распространенные шире — на территории Евразии. Определить время появления славянских архаических черт в культуре современных гуралей — являются ли они наследием племен ранних эпох до Балканской миграции, или это результат позднейшей обратной миграции с Балкан на Карпаты, или эти реликты появились здесь после X в. вместе с восточнославянским населением, или еще позже, во время валашской миграции, — не представляется возможным², поскольку для духовной культуры прак-

¹ Ян Гжегожевский перечисляет народы в Карпатах: поляки, словаки, румыны, мадьяры, немцы, русины, цыгане, евреи, турки, половцы, алтайцы... (Grzegorzewski 1919).

² За исключением хронологии, связанной с такими кардинальными событиями, как распространение христианства, или с исторически засви-

тически нет ориентиров относительной хронологии, эти элементы, по словам Н. И. Толстого, наслаиваются друг на друга. Еще труднее стратифицировать фольклорные мотивы, которые более мобильны, чем обряды или лексика. Тем не менее, по мнению Ю. Е. Березкина, результаты «анализа ареального распределения фольклорно-мифологических мотивов» «помогают определить “круг общения” обществ» рассматриваемого региона (Березкин 2020, в печати).

Польские исследователи, много занимавшиеся гуральской культурой, считают, что она является частью общепольской культуры и имеет множество соответствий с культурой других польских регионов, в том числе равнинных и приморских (Мазовия, Кашубия). На этом основании делается вывод о польской основе гуральской культуры, хотя и обогащенной влиянием соседних словацкой и карпато-украинской традиций. Ян Гжегожевский, говоря об «историческом и современном единстве татранско-карпатских гуралей», все же считал эту область польской или подверженной влиянию польских говоров (Grzegorzewski 1919). Ряд характерных цитат приводит Корнелия Якубикова: «В контексте польской культуры мир гуралей стал экзотической культурной особенностью, отличающейся от низинных территорий. “Гуральщина” считалась “типичной прапольской культурой” (Kroh 1995: 66), “наиболее чистым славянским племенем” (Radziszewska 2009: 52), что привело к появлению существующего до сего дня гуральского мифа» (Jakubíková 2018: 136). «Однако же никто в Польше не одевается, не строит, не говорит, не танцует и не играет так, как подгальянские гуралы, и несмотря на это именно подгальянский фольклор кажется нам таким очень польским», «гуралы — это исконно польская нация», — цитирует М. Пинкварта Й. Дзядовец, отмечая, однако, что правда лежит где-то посередине между «польскостью» и наличием множества элементов обрядности, заимствованных у словаков, немцев, венгров, русин (Dziadowiec 2010: 48, там же расшифровка литературы).

Эти представления о «польскости» в основном пересмотрены, но все же в Польше гуралей считают прежде всего польским этносом, в том числе и на территории Словакии.

Гуральская карпатская традиция не принадлежит к числу старых, она формировалась в Средние века³, но восприняла архаику тех этни-

детельствованными фактами миграций, подтверждающими контактные заимствования.

³ Гуральские поселения относятся к самому молодому населению

ческих традиций, в первую очередь славянских, из которых складывалась. Нельзя не согласиться с этнографом К. Якубиковой, что в этом пограничном регионе надо говорить об отдельной этнографической группе гуралей, исходя из фактических отличий в обрядности и ее терминологии от собственно польской или словацкой традиций.

Наибольшее количество архаических элементов традиционно сохраняется в **похоронной обрядности**. И гуралы в этом смысле не исключение. Приведу лишь некоторые факты.

Один из них — сбивание гроба для умершего не гвоздями, а деревянными колками (так делали до сер. XX в.) (Grochal 2012: 293). Вероятно, мотивировала этот обычай символика железа как вещества «этого» света, символа прочности, твердости, здоровья (см. Левкиевская 1999: 198, 199), которая не вписывается в контекст похорон и смерти. Наоборот, после выноса из дома тела умершего хозяина у словаков, например, забивали железный гвоздь в то место, где стоял гроб, чтобы хозяин не унес с собой все хозяйство (ELKS 2: 55).

Обычай при выносе из дома гроба с телом умершего трижды ударять слегка о каждый порог — в современной интерпретации форма прощания умершего с домом или благословения им оставляемого дома (Grochal 2012: 295; Sarna 1898: 162; Gonet 1896: 332) — связан с архаическими представлениями о душе. Душа должна покинуть тело, и, если она не сделала этого в момент смерти, ее «вытряхивали» на всех порогах дома, в противном случае покойник мог стать вампиром (Толстая 1999: 164). Обычай слегка ударять гробом о порог хорошо известен также словакам (ELKS 2: 55; Michálek 1989: 258; Michálek 1983: 162 и др.), карпатоукраинцам (с. Плоске — Онишкевич 1984: 239),

Оравы (преимущественно с XVI в.) (Jakubíková 2018: 136), при этом подтверждено, что речь шла о пастухах румынско-балканского происхождения. По приходе в Западные Карпаты их также называли *Rutenowie*, так как приходили они из восточных (русинских) регионов, где, по всей вероятности, восприняли элементы русинской культуры. На Ораве «участниками валашской колонизации уже не были давние валахи, но местное население, с этнической точки зрения смешанное с группами поляков и русин» (Jakubíková 2018: 137, со ссылкой на: Bada 2015: 25). Население на Подгалье появилось только в XIII в., а предки первых поселенцев были выходцами из низинных территорий Польши. С XV в. мигрировали на польские земли, продвигаясь по изгибу Карпат, племена валашских пастухов, культура которых, обычаи и хозяйство смешивались с земледельческими до тех пор традициями древних гуралей и оказывали на них значительное влияние (Dziadowiec 2010: 50).

полешукам (в Полесье иногда считалось, что после этого умерший перестает слышать — Конобродська 2007: 190), а также фиксируется у большинства славянских народов; у русских Смоленской губ. трясли покойника не только на порогах в доме, но и в воротах, в поле, при вносе в церковь и при выносе (Толстая 1999: 164).

В запретах на некоторые работы в Задушки (поминальные дни у западных славян) сохраняется вера в приход душ умерших на землю в определенные календарные периоды. Например, нельзя прясть, тереть лен, иначе душам в глаза сыплется костра; нельзя стирать пестом, чтобы вода не забрызгала гостей с того света (Юргов — Masłowiec 2012: 266). Наряду с опасением нанести душам вред, запачкать, оскорбить их, важной является мотивировка запрета на прядение и трепание льна — «чтобы не засорить глаза умершим». Мотиву зрения и глаз покойника посвящена специальная работа Н. И. Толстого, в которой анализируются славянские представления о важности света и зрения для душ покойников, в том числе о том, что «и после пути в загробный мир покойнику нужны зрячие глаза»; поэтому у русских в некоторых местах на Троицу обметали цветами могилы родителей, чтобы прочистить им глаза (Толстой 1995: 189). У восточных славян этот мотив нередко связан с запретом на прядение в дни поминовения усопших и в пятницу, запретом на побелку, подметание, выгребание золы, стирку в поминальные дни — чтобы не замазать, не засыпать им глаза, не бить их вальком (там же: 190–191). Широко распространены такие поверья у южных славян (там же: 191–192).

Безусловно архаической является символика белого как цвета смерти и траура: умершего после омовения одевают в смертную одежду из белого хлопка (Grzegorzewski 1919: 129). У словаков в с. Штрба (окр. Попрад), по другую сторону Высоких Татр, в качестве траурной носили белую или светлую одежду — правда, только в том случае, если умер молодой человек (Švorc 1979: 11). Н. И. Толстой, считая белый траур более архаичным, чем черный, указывал, что он «еще встречается в реликтовом виде в отдельных славянских зонах» (Толстой 1995: 192). Ношение у сербов белого платка или одежды в знак траура по умершим (особенно детям) связано с желанием, чтобы покойный «видел на том свете», «чтобы ему не было темно», «чтобы был белый свет на том свете», а обряжание покойника во все светлое у русских (Череповецкий р-н, с. Колотуево) совершалось, чтобы его жизнь на том свете была светлой (Толстой 1995: 193).

В области **народной медицины** у гуралей сохранилось множество архаических магических действий, также широко известных

и практикующихся до сих пор в разных славянских зонах. Прежде всего это вера в сглаз и порчу (*czary* и *gusta*), которые «снимают» (*odczyniają*) у людей и у скота (например, если корова потеряет молоко или внезапно заболит) бросанием горящих угольков в воду и обмыванием этой водой (Delaveaux 1851: 44–45). Сглаз (*urok*) снимают, бросая в стакан с холодной водой три раза по три уголька; если они шипят и падают на дно, значит, больного сглазили; тогда этой водой обмывают больному лоб, виски и грудь, дают немного выпить, а остальное выливают на петли дверей (Gustawich 1900: 60).

Чтобы не сглазить новорожденного, посещавшие роженицу гуральские женщины трижды сплевывали через плечо и делали крестик на лбу ребенка (Grochal 2012: 271); трижды плевали на ребенка, приговаривая: *tfu, tfu, tfu na psa urok* [тьфу, тьфу, тьфу, на собаку сглаз], если ребенок не спал, выметали из четырех углов дома мусор и клали его в тряпочке под голову ребенка, или с той же целью клали в колыбель головку мака (Łukuś 2012: 230). Плевание как магическое охранное и отгонное действие, особенно от сглаза, порчи, болезни, нечистой силы, повсеместно используется у славян как распространенный способ отращения зла и опасности (Левкиевская 2009: 69). Мусор, собранный из углов или из-под порога дома, использовался для лечения детской бессонницы у западных (поляков, словаков) и восточных славян: его клали в колыбель ребенка, под подушку, в Полесье сметали под колыбель, на Волыни запаривали и мыли им голову — от бессонницы, и под. (Валенцова, Виноградова 2004: 338).

Вообще от детской бессонницы совершались разнообразные магические действия: чтобы «не унести сон», посетительницы отрывали нитку от своей одежды и клали ее в колыбель; уходя, оставляли нитки из своей одежды — на крепкий сон (Łukuś 2012: 229; Grochal 2012: 271). Обычай оставлять нитку из одежды отсылает к практике снятия сглаза, насланного невольно, не по желанию сглазившего. Вера в то, что человек может сглазить невольно, просто потому, что у него «такие» глаза, является распространенной на Карпатах, в том числе в словацкой традиции. Чтобы воспрепятствовать этому, посетитель должен сказать: *neurokom / nevroku* [чтобы не сглазить], бросить первый взгляд на посторонний предмет, а при посещении новорожденного — присесть и посидеть минутку, нередко с мотивировкой «чтобы сон не унести». Обычай посидеть немного перед уходом известен также на Волыни и в Мазовии (Виноградова, Гура 1995: 169), так до сих пор делают в русинских восточнословацких селах Улич, Убля и др. (ПМ, 2018 г.). Общим местом в славянских тради-

циях является окуривание больного, наряду с прочими веществами, дымом от волос и фрагментов одежды виновника сглаза (Левкиевская 2009а: 600). Аналогичным образом и бескидские гуралы для лечения испуга просят прядь волос у того, кто испугал, чтобы ими окурить больного, при этом если он чихнет, то и болезнь пройдет (Delaveaux 1851: 48).

Хорошо известны в разных славянских традициях и другие способы лечения болезней, отмеченные у гуралей. Например, чтобы избавиться от лихорадки, бросали на дороге старые тряпки, и тот, кто их поднимет, возьмет и лихорадку. От «сухот», особенно детских, собирали по горсти муки из нескольких домов, замешивали на освященной воде и пекли из этого теста калач с большой дырой посередине. Через этот калач протягивали ребенка до 9 раз, и бросали потом это «лекарство» на дороге, веря, что съевшая его собака возьмет и «сухоты» у ребенка (Delaveaux 1851: 45–46). Пролезание или протаскивание через отверстие природных (дерево, ветки, венок, камень) или изготовленных (рубаша, калач и др.) предметов широко использовалось в магии славян. В народной медицине протаскивание больного сквозь отверстие имело семантику «второго рождения» (Агапкина 2012: 13).

Другой старый магический способ лечения использует практику «относа» (*przez odnoszenie*) и оставления болезни на дороге. Так, например, избавлялись от лихорадки (*ograszka*): больной выходил с чашкой сваренного в молоке барвинка из дома и, отойдя несколько шагов, выпивал настой, а чашку бросал через голову за спину и не оглядываясь возвращался домой, но другой дорогой, в дом входил другими дверями или, если их нет, влезал в окно (Gustawich 1900: 61). Подобные способы обмана лихорадки, чтобы она не нашла больного, известны восточным и западным славянам (Усачева 2004: 120), ср., например, передачу младенца, которого лечили от «сухоты», обратно в дом через окно (пол. Куявское воев. — Kolberg 1962: 96).

Передачу через окно использовали также в том случае, когда в семье умирают дети. Например, в Пензенской губ. подавали ребенка с ломтем хлеба в окно нищему, а потом выкупали его за копейки (Толстая 2004: 459). Обычай «купли-продажи» ребенка, совершаемые через окно (чтобы избежать смерти или ради его излечения), известны в русской, южнославянских, полесской, карпатской традициях (Виноградова, Левкиевская 2004: 536). Передавали ребенка через окно и просто для его будущего благополучия, чаще всего, когда ребенка несли крестить или вносили его в дом после крещения (полес., кар-

пат. — Виноградова, Левкиевская 2004: 536), также у гуралей: иногда отец передает ребенка, которого несут крестить, через окно, чтобы ребенок хорошо рос (Крошченко Выжне, пов. Кросненский) (Sarna 1898: 123).

В случае, если ребенок болеет, гуралы говорят, что его наверняка *месяц перешел* (*miesiączek przeszedł*). Поэтому строго следят, чтобы свет месяца не падал на спящего ребенка. А если ребенок все же страдает, то ставят на окно стакан с водой, чтобы месяц там утонул, или выбрасывают испачканную детскую пеленку на крышу дома (Gustawich 1900: 63). Эти верования схожи с польскими (ср.: «поляки верили, что если луна “перейдет” через спящего ребенка, то ребенок заболит» — Белова, Толстая 2004: 145; месяц может увлечь ребенка на тот свет или ребенок заболит (пол. жешов.) — Гура 2012: 121), однако поверья о том, что лунный свет опасен и вреден, особенно для беременных женщин и новорожденных, известны всем славянам. Например, у русских считалось, что лунный свет вызывает бессонницу у детей (воронеж.), что если во сне на лицо светит луна, сделаешься лунатиком (Рус. Север), у белорусов некоторые детские болезни объяснялись тем, что «месяц засветил ребенка»; у македонцев в р-не Скопья новорожденных оберегали от лунного света в течение 7 дней, а детям не позволяли смотреть на месяц (Белова, Толстая 2004: 145–146). Все эти представления связаны с устойчивой ассоциацией луны (месяца) в народных верованиях с загробным миром и сферой смерти (Белова, Толстая 2004: 143).

Помимо таких бесспорно архаических элементов, как почитание земли, огня и воды, запрет использовать для строительства дерево, разбитое молнией, запрет одалживать что-либо после захода солнца, введение в новопостроенный дом сначала животных и т. п., к древним относятся дохристианские поверья о душе, которую у славян представляют в виде птиц или насекомых, пара, воздуха, иногда мыши, рыбы (см. Толстая 1999: 165–166). К. Мошинский писал, что птица в некоторых контекстах отождествлялась «с душой, готовящейся к полному отлету, или наоборот — готовящейся занять место в теле новорожденного», и приводил очень редкое свидетельство (записанное в 1932 г. в с. Бренна в Тешинском повете): *jag baba zlegńe, to iēs pusto, nimo duše, b^o i žečo zabraño, tedy ũvařić třeia kurym abo goũymba i daŕi sieš* [когда женщина родит, то она пустая, у нее нет души, потому что ребенок ее забрал, тогда надо сварить курицу или голубя и дать ей съесть], отмечая, что подобных поверий мало не только в Польше, но и в Европе в целом

(Moszyński 1967: 553–554). Что у роженицы нет души, верили также в Подолии (Кабакова 2009: 462).

Душа считается носителем жизни, самой жизнью, душой обладает прежде всего человек, «реже признается наличие души у животных, еще реже — у растений (деревьев, злаков, цветов) и других природных объектов (воды, камней)» (Толстая 1999: 162). В этой связи ценна информация, приводимая К. Мошиньским, записанная от 90-летнего гурала из Закопане: «...и овес, ячмень, пшеница имеют душу. Ведь из шелухи не будет расти, только из души. — А если завянет? — Если завянет, то в этом уже нет души. — А если его скосят и уберут с поля? — Ну, тогда на этих зернышках есть душа» (Moszyński 1967: 592, сн. 1).

В сказках, мифологических рассказах и легендах, записанных у гуралей, выделяется множество разнообразных **фольклорных** мотивов, известных и в разных славянских зонах и традициях: о великанах; о короле ужей; о белой лилии; о героях, которые побеждают драконов (*siarkan*), не пускающих людей к Большой воде, и освобождают воду (Grzegorzewski 1919: 62, 64); о богинках и Смерти (Stopka 1897: 101–102) и др. Остановимся подробнее лишь на двух из них, имеющих, судя по исследованиям коллег, значительную древность.

Первый — это мотив «передачи предметов с одной горы на другую» людьми-великанами, второй — мотив «спящего войска в горе». Оба мотива являются мифологическими и связаны с горами. Как известно, славянскую прародину помещают на низинных территориях, поэтому рассматриваемые мотивы следует признать либо заимствованиями, либо наследием индоевропейского (или доиндоевропейского?) прошлого, сохранившимся на Карпатах в результате миграции народов и идей, показателем того самого «круга общения» (Березкин 2020), с которым сталкивались предки нынешних гуралей.

Легенды о великанах можно найти во многих культурах мира, в частности славянских, балтийских, германских, финно-угорских (Королева, Четина 2019). Ю. И. Смирнов считал, что «независимые друг от друга литовские и славянские формы дают основание утверждать, что мотив и сюжет о великанах с единственным топором бытовал еще в пределах балто-славянской общности, до расщепления на балтов и славян или, если угодно, до кристаллизации балтов и славян» (Смирнов 2009: 367). В этих легендах о великанах передача предметов (топора, тесла, молота, сковороды, ступы, жернова, котелка и др.) могла заменяться обменом какими-то субстанциями

(например, огнем) или просто коммуникацией (разговором, слышанием и видением, приветствием) на большом расстоянии (Королева, Четина 2019: 129–130).

Этот мифо-эпический образ соотносят с «идеей смены мифологического времени историческим», смены поколений людей; деятельность великанов часто связывается «с характером рельефа данной местности», преобразованием ландшафта (Белова 1995: 302), ср. аналогичный сюжет у гуралей: «Когда однажды на огороде крот (соответствующей величины) нарыл кучу земли, баба взяла ее в подол и высыпала за огородом, и так появилась Бабья гора» (Орава — Rak 2016: 308). О формировании рельефа повествует и нарратив из Липтовских Сльячей об источнике горячей минеральной воды Чертовице и возвышающихся над ним двух скалах. Рассказывали, что в допотопные времена здесь в замке, окруженном огромными камнями, жили великаны (*obri*). А у его подножья было большое болото, в котором жил дракон (*šarkan*), постоянно воевавший с великанами и пускавший серное пламя. В одной из битв предводитель великанов поразил шаркана огромным камнем, а потом засыпал его другими камнями. Дракон не смог уже выбраться оттуда, лишь выдул носом отверстие — теперь это старый источник, кратер, откуда до сих пор доносится хрипение дракона. Благодаря серному огненному дыханию дракона теперь в этом месте бьют лечебные источники (Kürti 1933: 121).

Великаны отличались огромным ростом и силой, но в целом были безвредны для людей: «Когда обычные люди пахали, увидели их великаны, этих двух мужиков, то плуг и пару коней спрятали в рукавицу. Принесли домой, смотря на них как на червячков. Хозяйка набрала на ложку каши, и ее мужики и кони наелись досыта, съев лишь немного. В великанской печи шесть мужиков могли молотить» (Rak 2016: 308).

Общеславянским мотивом является передача предметов великанами через горы, реки и т. п. У гуралей великаны передают друг другу не сам топор, а на топоре — огонь, чтобы раскурить трубку: «Говорят, что когда-то давно один человек стоял на Бабьей горе, а другой на горе в Татрах, и они передавали один другому огонь на топориках»; «В давние времена были великаны, когда один стоял на Бабьей горе, а другой на Гевонте, то подавали друг другу огонь на чупаге (пастушеском топорике), огонь для трубки» (Rak 2016: 308).

О спящем войске записано несколько легенд. Одна из них рассказывает о войске в Татрах (привожу ее на диалекте с переводом):

Mówiom, że jeden, taki druciarz, jakosi set i trafił na jakosi dziure, wpat f te dziure. I była tam izba: koło stołu majo pospirane głowy na stole wojacy. A ten najstarsy, król — a mówio, że to król Bolesław — bajusy miał tszy razy koło głowy optocone. I potym jeden dźwignął głowe i pyto: — Cy jus cas? — A ten miał rozum i powiedział, że — Jesce nie cas. Ten nazat położył głowe, i oni (z drugim) wyśli stamtela. Bo jagby był powiedział, że jus cas, to byliby pofstawali, bo oni majo skońcąc wojne [Говорят, что один, такой дротарь, как-то шел и наткнулся на какую-то дыру, упал в эту дыру. Там была зала: вокруг стола, облокотившись на него, сидели воины. А у того самого старшего, короля — а говорили, что это король Болеслав, — усы были трижды вокруг головы обкручены. И потом один поднял голову и спрашивает: «Уже пора?» А тот был мудрым и сказал, что еще не пора. Тот снова положил голову, и они (с другим) вышли оттуда. Иначе, если бы он сказал, что уже пора, то они бы повставали, потому что они должны закончить войну] (Grzegorzewski 1919: 159).

Другой рассказ — из Тешинской Силезии, из с. Висла:

В Чанторые в Вржечново́й долине есть войко на конях. На св. Яна бьют барабаны. И входит воин и спрашивает, пора уже идти, или нет. Командир отвечает, что еще нет. И войско снова засыпает. Через год снова так же. Когда придет их час, они будут готовы для какой-то большой битвы. Эти воины пойдут Тешин разрушать. Война начнется от Братской студни в Тешине, а мир установят под грушей в Красной Веси. Но уж Тешин разнесут на конских подковах (Malinowski 1899: 21–22).

Нередко встречается сюжет о кузнеце, подковывающем коней спящих рыцарей:

Одного кузнеца какой-то пан попросил сделать 300 подков и гвоздей к ним, чтобы коней подковать. Пошли в Чанторыю. Вышли на гору, земля открылась. Там был большой хлев, в котором только кони стояли, а на этих конях воины сидели, и все спали. Кузнец начал подковывать. Когда закончил работу, пан спросил коваля, что он хочет за работу, а тот ответил, что возьмет то, что дадут. И пан ему положил целый мешок конского навоза. А мужик говорит: я навоз домой не понесу, у меня его дома достаточно. Вытряхнул его и пошел. Вышел на верх Чанторыи и хотел мешок еще от этого навоза очистить. Вывернул

мешок — а там золото. Коваль схатился за голову и хотел вернуться, но уже не мог найти то место, куда входил... (Malinowski 1899: 21).

Еще одну легенду о спящих рыцарях, записанную в конце XIX в. в с. Черный Дунаец, приводит по архивным записям Мачей Рак. В ней рассказчик передает слышанное от пастуха и говорит, что сам слышал такой рассказ от своего деда:

У подножья той горы, где была пропасть, жил бедный кузнец, которого дед того пастуха должен был знать. Однажды к кузнецу приехал рыцарь на коне, в железных латах, и попросил, чтобы тот в течение суток подготовил всё для подковывания тысячи коней. Для этого кузнецу пришлось продать скот, и что было странно — он успел до следующего вечера наковать столько подков, сколько надо, — они сами слетали с его наковальни. Вечером приехал рыцарь и они вместе поехали к горе, рыцарь трижды ударил скалу саблей, она открылась, и они вошли в подземелье, где тысяча воинов с длинными по пояс бородами сидели на конях, стоящих в шеренгу. Рыцарь приказал кузнецу ковать, но осторожно, чтобы не разбудить воинов. Однако когда он ковал коня последнего, задел саблю, и тот проснулся и спросил: «Уже пора?» — «Нет», — ответил рыцарь, и воин снова заснул. В награду рыцарь велел кузнецу взять стружки от копыт подкованных коней. Кузнец горько заплакал, но обрадовался хотя бы тому, что живым домой вернется. Сделал, как велел рыцарь, и собрался домой. Гора за ним закрылась. Под утро, подъезжая к дому, он почувствовал, что конь не может тянуть телегу, оглянулся, а стружки от копыт все в золото превратились (Rak 2016: 301–302).

Также рассказывают, что спящие рыцари должны быть где-то в Гевонте⁴:

Коней видел кузнец Факля, который их подковывал. Потому что подковы у коней портятся, и их надо перековывать. Рыцари спят в большом темном гроте, и каждые десять лет их старший поднимает голову и спрашивает у ангела, который их охраняет: «Уже пора?» И все рыцари поднимают головы в железных шлемах. Но ангел отвечает: «Нет. Спите». И они спят дальше. Они очень глубоко под землей. К ним может добраться только тот, кого пове-

4 Горный массив в Западных Татрах.

дет ангел. Я не раз это слышал и думал: «Это действительно может быть, потому что все в Божьей воле. И не в нашей ли мужицкой груди это спящее войско, и эта скала, под которой спят, не мы ли это?» (Przerwa-Tetmajer 1995).

Эта локальная легенда о спящем войске, которое ждет сигнала, чтобы проснуться и начать (закончить) войну, имеет высокую частотность в Польше (50 вариантов); ей посвящено специальное монографическое исследование Янины Гайдук-Нияковской⁵ (Wrocławski 2012: 41).

Речь в этих нарративах может идти о войске св. Ядвиги, Болеслава Храброго, гетмана Любомирского или вообще о войске какого-то короля. Народные мотивировки нахождения в горе войска разнородны: рыцари туда вошли, оказались заклятыми старцем, чтобы избежать поражения, или королем, а войско Болеслава Храброго отбывает там посмертное наказание (SSSL 1: 92). Связаны эти рассказы с Хелмской горой⁶; кашубской Лысой Горой; горой Бланик⁷; с горой около г. Садагура⁸; с горой под Монтвами⁹; горой Маковой¹⁰, горой Гевонт в Татрах; Бабьей Горой на Ораве и рядом др. (SSSL 1: 111).

Сюжет хорошо разработан в фольклористике. На чешском и словацком материале ему посвящена специальная статья Ганы Глошковой (Hlôšková 2012). Автор также считает этот мотив локальным, или региональным, имея в виду, что легенды связывались преимущественно с горой Особита (Osobitá) на Ораве и горой Ситно (Sitno) в Гонте.

На территории Словакии и Чехии наиболее ранние записи легенд с мотивом «спящее в горé войско» (по указателю А. Томпсона

5 *Hajduk-Nijakowska J.* Temat śpiącego wojska w folklorze polskim. Próba typologii. Opole, 1980.

6 В пещерах горы Хелмо (323 м) около с. Хелмо в повете Радомщанском (Людзьское воев.) спит заклятое войско св. Ядвиги. После битвы с татарами св. Ядвига упросила Матерь Божью, чтобы она исцелила раненого командира, а погибшим за веру заменила смерть на сон. После того, как одна девушка случайно наткнулась на пещеру и разбудила войско, предводитель с войском скрылись еще глубже в земле. Но когда будет война за веру, они проснутся и победят (SSSL 1: 144).

7 Гора в Чехии. Борода у рыцаря отросла настолько, что обмоталась шесть раз вокруг стола, и когда обмотается еще шесть раз, рыцарь выйдет из горы, чтобы начать воевать.

8 Садгора, ныне часть г. Черновцы, Украина.

9 Ныне часть Иновроцлава.

10 Гора в западных Бескидах.

D 1960.2) относятся к 1742 г.¹¹ (Hlošková 2012: 231). Известно, что он был распространен у кельтов, романцев, в рассказах о короле Артуре и его рыцарях, в легендах о Карле Великом и рыцаре Роланде. В германском фольклоре это были рассказы о горах Кифхэйзер¹², об Унтерсберге около Зальцбурга; в записях из Польши, тешинской Силезии, Чехии и Моравии упоминаются горы Бланик, Ошкобург (в Среднечешском крае), Котковице (в крае Высочина, Чехия), Туров и др.; известны подобные нарративы у литовцев и армян, персов и индийцев. Г. Глошкова соглашается с исследователями этого сюжета в том, что его истоки надо искать в жанре видений (визий), самое старое из которых в Чехии — Видение Ольдржиха из Рожмберка 1417 г. В этом пророчестве (как и других подобных) неожиданно появляется карающий или помогающий мужчина или целое войско, которое выходит из горы Бланик. Предполагают также связи с повествовательной традицией, введенной в конце XII в. Кретьеном де Труа (Chretien de Troyes) на основании древнего кельтского рыцарского романа об исчезнувшем короле Артуре (Hlošková 2012: 233). В нарративе, записанном в рамках так называемой Вольмановской акции по собиранию фольклора, также звучит мотив пробуждения и выхода войска из горы Ситно (Штявницкие врхи): к одному человеку по имени Янко Кривой, ночевавшему около Ситна, пришел воин на коне и позвал его с собой, обещая награду, только чтобы тот, когда будут спрашивать: «Пора?», ответил: «Пора». Но Янко побоялся, не пошел. Теперь уже поздно что-то исправлять, «потому что “пора” уже было сказано, когда республика была освобождена», заканчивает рассказчик (Hlošková 2012: 239).

Кельтский по происхождению европейский сюжет стал источником и западнославянских легенд. Однако сами эти кельтские легенды продолжают, видимо, более древнюю тему «спящего в горé героя или царя», имеющую глубокий мифологический смысл и философию. Я. В. Васильков, занимавшийся этой темой специально, к привлекавшимся ранее исследователями фольклорным данным с Кавказа, Балкан, из Центральной / Северной Европы добавляет индийский эпический материал, сопоставляя его с армянским эпосом «Сасунские безумцы» (Васильков 2019: 26, 27). Автор приводит сюжет из Махабхараты о брахмане-воителе Раме, который, мстя за смерть своего отца, уничтожил почти все воинское сословие и уда-

¹¹ *Matej Bel. Notitia Hungariae Novae, IV. Vieden, 1742.*

¹² Горный массив Среднегерманской горной системы, к ю.-в. от Гарца, высота до 500 м.

лился навсегда на гору Махендра; об Индре, которому Шива велит сдвинуть с места гору, под которой спят прежние «Индры», и велит ему лечь и спать в пещере до определенного времени; две беседы нынешнего Индры с прежним «Индрой», асурой Бали, в которых последний говорит о цикличности и всесии времени (Васильков 2019: 33–34).

Я. В. Васильков обращает внимание на то, что в пещере, куда уходят герои и цари, крутится Колесо времени, там создаются жизни и судьбы (женщины — пряхи и ткачихи, которых видит молодой брахман Уттанка, «творят живые существа и миры») (Васильков 2019: 27). Последний из героев армянского эпоса, Мгер Младший, проклятый своим отцом, ушел в пещеру в Ванской скале. В одном из вариантов сказания Мгер со своим конем сидит в пещере, и там же находится Колесо судьбы, «которое, непрестанно вращаясь, определяет людям их долю. Мгер, не отводя глаз, наблюдает за его вращением. Когда же колесо остановится, он выйдет из пещеры, то ли в мир справедливости и всеобщего благоденствия, то ли в мир, полный зла, который ему предстоит разрушить» (Васильков 2019: 27, там же ссылки на литературу).

В связи с пещерой в горé и ее связи с Колесом времени Я. В. Васильков предлагает гипотезу о том, что здесь «сохраняются какие-то представления и ассоциации, унаследованные от самого раннего периода в истории человеческой культуры, а именно от времени древнейших известных нам святилищ, какими были пещеры верхнего палеолита», и приводит интересные примеры наскальных рисунков в древних пещерах, каковые можно трактовать как место рождения зверей и людей, выходящих из нее, как из утробы матери, и возвращающихся туда после смерти, чтобы возродиться вновь (Васильков 2019: 34).

При таком понимании легенды о «спящем под горой короле» — о Карле Великом, Фридрихе Барбароссе, Генрихе Птицелове, Оттоне Великом, Холгере Датчанине, короле Артуре и др. германских и кельтских персонажах — можно считать частным случаем легенд о спящих или закованных в горе героях (царях). Все перечисленные персонажи, включая западнославянские, — это «национальные герои, которые спят в ожидании времени, когда нужно будет спасти свою страну или восстановить ее величие» (Васильков 2019: 31).

Гуральские нарративы унаследовали ряд мотивов европейских легенд, например, о трижды или более раз обвитой вокруг стола бороде короля (предводителя); о вопросе проснувшегося воина, не пора

ли выходить в мир; об истончающихся подковах и т. п. Ср., например: «К Холгеру Датчанину, спящему под замком Кронберг в Эльсиноре, в канун Рождества является ангел и на его вопрос о состоянии дел в Дании отвечает, что в Дании все хорошо, он может спать дальше»; «Раз в сто лет Карл Великий (или Фридрих Барбаросса) узнает у пастуха, летают ли еще над его горой вороны. Когда они перестанут летать и когда борода императора, сидящего за круглым мраморным столом, три раза обовьется вокруг этого стола, он выйдет из горы и примет участие в последней битве добра со злом» (Васильков 2019: 31); «Ирландский герой и чародей, граф Килдэра Джеральд спит вместе с дружиной в подземелье под своим замком. Раз в семь лет (или три раза в год) он покидает пещеру и объезжает равнину Кёрраг в графстве Килдэр на своем коне, подковы которого были, когда он попал в пещеру, толщиной в дюйм. Только когда подковы сотрутся и станут тонкими, как кошачье ухо, сын мельника, рожденный с шестью пальцами на обеих руках, протрубит в трубу. Тогда войско графа проснется, сразится с англичанами, и граф после победы станет королем Ирландии. Однажды, во время ночного выезда графа на Кёрраг, в открывшуюся пещеру проник прохожий. Нечаянно он разбудил одного из воинов, который спросил его: “Что, уже пора?” Тот находчиво ответил: “Еще нет” и поспешил сбежать из пещеры» (Васильков 2019: 32).

Примечательно, что во многих приводимых Я. В. Васильковым сказаниях (армянских, грузинских, абхазских, греческих, южнославянских, германских, скандинавских и др.) о прикованных в пещере или к скале героях и демонах важнейшую роль играют кузнецы. Именно они раз в год (на Рождество, на Пасху или день св. Иакова), ударяя своими молотами по наковальне, восстанавливают цепи, которыми прикованы в пещере герои или демоны. Также и в сюжете о спящем под горой войске кузнец играет важную роль, подковывая коней спящих воинов, за что получает щедрую награду¹³. Понять из современных легенд, зачем спящему конному войску надо перековывать коней, невозможно. Можно лишь реконструировать функцию кузнеца как обновляющего status quo, продлевающего текущее время. Не случайно с посещением пещеры кузнецом связан сюжет о неожиданном пробуждении одного из воинов и ответ кузнеца на его вопрос, что выходить еще не пора. Иначе говоря, и в данном случае кузнец своей работой продлевает время нахождения войска в горе.

13 Предание о кузнице, подковавшем коней спящих рыцарей, находили у всех западных славян и у литовцев (Смирнов 2002: 401).

А когда подковы (как в других вариантах легенд — цепи) истончатся — тогда их время пребывания в пещере закончится.

Славянская традиционная культура унаследовала эту древнейшую индоевропейскую семантику кузнеца и в сюжетах о магическом создании им человека (выковывает ребенка) и человеческих отношений (кует свадьбу), о его способности омолодить (воссоздать) человека и исправить его пороки (перековать голос, вылечить увечья), заковать в оковы зло (черта) и в целом о его магических функциях (Петрухин 2004: 21–22).

Размышляя над материалом, собранным в статье Я. В. Василькова, можно принять, что сюжет о спящем в горе войске восходит к древней идее восстановления (обновления) времени, цивилизации, добра и справедливости, позже переосмысленной в терминах царской власти и суженной до защиты существования отдельного народа, его государственности, свободы и независимости. По мнению Ю. Е. Березкина, процессы миграции сюжетов и мотивов и культурной диффузии (либо изоляции) не являются чем-то второстепенным; «абсолютное большинство культурных форм в абсолютном большинстве обществ заимствовано со стороны», и именно они «определили и определяют облик нашего мира» (Березкин 2020: 9).

Приведенные избранные данные из отдельных сегментов традиционной духовной культуры свидетельствуют о сохранении у гуралей не только славянской, но и индоевропейской архаики и даже палеолитической древности, расшифровать которую, однако, возможно лишь методом глубокой реконструкции.

Источники и литература:

Агапкина 2012 — *Агапкина Т. А.* Сквозь, через // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 12–16.

Белова 1995 — *Белова О. В.* Великан // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 301–302.

Белова, Толстая 2004 — *Белова О. В., Толстая С. М.* Луна, месяц // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 143–147.

Березкин 2020 — *Березкин Ю. Е.* Восточноевропейский фольклор и его соседи // Славяноведение. 2020. № 6 (в печати).

Валенцова 2019 — *Валенцова М. М.* Традиционная культура гуралей: в поисках архаики // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2019. Т. 14. № 3–4. С. 158–176.

Валенцова, Виноградова 2004 — *Валенцова М. М., Виноградова Л. Н.* Мусор, сор // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 337–340.

Васильков 2019 — *Васильков Я. В.* Герои, цари и чудовища в пещере под горой (Индия, Кавказ, Балканы, Центральная Европа) // *Этнография*. 2019. № 3 (5). С. 26–41.

Виноградова, Гура 1995 — *Виноградова Л. Н., Гура А. В.* Бессонница // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 168–171.

Виноградова, Левкиевская 2004 — *Виноградова Л. Н., Левкиевская Е. Е.* Окно // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 534–539.

Гура 2012 — *Гура А. В.* Сон // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 119–122.

Кабакова 2009 — *Кабакова Г. И.* Роженица // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 461–463.

Конобродська 2007 — *Конобродська В.* Поліський поховальний і поминальні обряди. Етнолінгвістичні студії. Житомир: Полісся, 2007. Т. 1. 353 с.

Королева, Четина 2019 — *Королева С. Ю., Четина Е. М.* Великаны, перебрасывающие топор или камни: славянские варианты сюжета в «своих» и «чужих» традициях // *Уникальное и типичное в славянском фольклоре* / сост. А. Б. Мороз, Н. В. Петров, Н. С. Петрова, О. В. Белова. М.: Изд-во РГГУ, 2019. С. 124–157.

Левкиевская 1999 — *Левкиевская Е. Е.* Железо // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 198–201.

Левкиевская 2004 — *Левкиевская Е. Е.* Наоборот // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 364–367.

Левкиевская 2009 — *Левкиевская Е. Е.* Плевок, плевать // *Славянские древности. Этнолингвистический словарь* / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 69–71.

Левкиевская 2009а — *Левкиевская Е. Е.* Сглаз // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 597–602.

Онишкевич 1984 — *Онишкевич М. Й.* Словник бойківських говірок. Київ: Наукова думка, 1984. Ч. 1. А–Н. 496 с.

Петрухин 2004 — *Петрухин В. Я.* Кузнец // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 21–22.

ПА — Полесский архив Института славяноведения РАН, Москва.

ПМ — Полевые материалы из русинских сел: Убля, Руский Грабовец, Руски Поток, Стриговец, Улич, Волова, Кленова, Кална Розтока, г. Снина (Словакия), 2018 г. Участники экспедиции — М. М. Валенцова, М. Н. Толстая (Институт славяноведения РАН).

Смирнов 2009 — *Смирнов Ю. И.* Перебрасывание единственного топора // Балто-славянские исследования. XVIII. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 354–368.

Толстая 1999 — *Толстая С. М.* Душа // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 162–167.

Толстая 2004 — *Толстая С. М.* Обман, ложь // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 457–460.

Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Глаза и зрение покойников // Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 185–205.

Усачева 2004 — *Усачева В. В.* Лихорадка // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 117–123.

Delaveaux 1851 — *Delaveaux L.* Gorale beskidowi zachodniego pasma Karpat. Rys etnograficzny zwyczajów i obyczajów włościan okolic Żywca. Kraków, Nakładem i drudziem Józefa Czecha, 1851. 153 s.

Dziadowiec 2010 — *Dziadowiec Joanna.* Góralские репрезентacje, czyli rzecz o Podhalanach i ich kulturze // ZN TD UJ — Nauki Humanistyczne. 2010. Nr. 1. S. 48–71.

ELKS — Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska. Bratislava: Veda, 1995. T. 1, 2.

Gonet 1896 — *Gonet Szymon.* Kilka szczegółów z wierzeń ludu (Okolica Andrychowa) // Lud. Lwów: Nakładem towarzystwa ludoznawczego, 1896. R. II. S. 331–334.

Grochal 2012 — *Grochal A.* Obrzędy rodzinne // Kultura ludowa Górali Spiskich / red. U. Janickiej-Krzywydy. Kraków, 2012. S. 269–298.

Grochola-Szczepanek 2012 — *Grochola-Szczepanek H.* Język mieszkańców Spisza. Pleć jako czynnik różnicujący. Kraków: Instytut języka polskiego PAN, 2012. 370 s.

Grzegorzewski 1919 — *Grzegorzewski J.* Na Spiszu. Studya i teksty folklorystyczne. Zakopane: nakładem księgarni podhalańskiej A. Z. Zembaty; we Lwowie: nakładem autora, 1919. 180 s.

Gustawich 1900 — *Gustawich Bron.* O ludzie Podduklańskim w ogólności, a Iwoniczanach w szczególności // *Lud.* Organ towarzystwa ludoznawczego we Lwowie. Lwów, 1900. T. VI. Zesz. 1. S. 36–80.

Hložková 2012 — *Hložková H.* K slovensko-českým paralelám latky o spiasom vojsku v hore // *Заядничко у словенском фолклору: Зборник радова / уред. Љ. Раденковић.* Београд, 2012. С. 227–244.

Jakubíková 2018 — *Jakubíková K.* Zwyczaje Orawy w kontekstach słowacko-polskich // *Studia orawskie / red. naukowa M. Papierz.* Kraków, 2018. S. 135–151.

Kolberg 1962 — *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Wrocław; Poznań: Polskie towarzystwo ludoznawcze, 1962. T. 3. Kujawy. Cz. 1. 353 s.

Kürti 1933 — *Kürti J.* Liptovské povesti // *Zprávy Liptovského múzea.* 1933. R. II. Č. 4. С. 117–125.

Łukuś 2012 — *Łukuś E.* Medycyna ludowa Spisza // *Kultura ludowa Górali Spiskich / red. U. Janickiej-Krzywdy.* Kraków, 2012. S. 215–244.

Machek 2010 — *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Lidové noviny, 2010. 868 s.

Malinowski 1899 — Powieści ludu polskiego na Śląsku. Z ust ludu zebrał Lucyan Malinowski. W Krakowie, nakładem akademii umiejętności. Cz. I. 1899. 78 s. Cz. II. 1901. 272 s.

Masłowicz 2012 — *Masłowicz J.* Obrzędy doroczne // *Kultura ludowa Górali Spiskich / red. U. Janickiej-Krzywdy.* Kraków, 2012. S. 245–268.

Michálek 1989 — *Michálek J. a kol.* Lud hornádskej doliny (na území Popradského okresu). Košice: Východoslovenské vydavateľstvo, 1989. 554 s.

Michálek 1983 — *Michálek J.* Stará Turá. Štúdie o histórii, ľudovej kultúre a nárečí. Bratislava: Obzor, 1983. 252 s.

Moszyński 1938 — *Moszyński K.* Niektóre przyczyny zróżnicowania kultury ludowej w Polsce // *Lud słowiański. Pismo poświęcone dialektologii i etnografii Słowian.* Kraków, 1938. T. 4. S. 65B — 117B.

Przerwa-Tetmajer 1995 — *Przerwa-Tetmajer K.* Na Skalnym Podhalu. Warszawa 1995. S. 341 // *Biuletyn Koła Dialektologicznego.* Nr 2, październik 2008. Podhale. S. 12. Доступен на: <http://filolog.uni.lodz.pl/dkn/images/biuletyn/biuletyn2.pdf>.

Rak 2016 — *Rak M.* Materiały do etnografii Podhala. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2016. 446 s.

Sarna 1898 — *Sarna Władysław*. Opis powiatu Krośnieńskiego pod względem geograficzno-historycznym. Przemysł: nakładem autora i prenumeratorów, 1898. 835 s.

SSSL 1 — Słownik stereotypów i symboli ludowych. I. Kosmos / red. J. Bartmiński. Lublin: WUMCS, 1999.

Stopka 1897 — *Stopka A.* Sabała. Portret. Życiorys. Bajki. Powiastki. Piosnki. Melodye. Kraków: S. Zwoliński i Psółka, 1897. 140 s.

Švorc 1979 — *Švorc P.* Štrba. Košice: Východoslovenské vydavateľstvo, 1979. 175 s.

Wrocławski 2012 — *Wrocławski K.* Słowiańskie podania wierzeniowe — problemy studiów komparatystycznych // Заједничко у словенском фолклору: Зборник радова / ур. Љ. Раденковић. Београд, 2012. С. 33–45.

References

Agapkina, T. A. “Skvoz', cherez”. *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy, vol. 5, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2012, p. 12–16.

Bartmiński, J. (ed.). Słownik stereotypów i symboli ludowych. T. I. Kosmos. Lublin: WUMCS, 1999. 482 s.

Belova, O. V. “Velikan.” *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy, vol. 1, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995, p. 301–302.

Belova, O. V., Tolstaya, S. M. “Luna, mesiats.” *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy, vol. 3, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, p. 143–147.

Berezkin, Iu. E. “Vostochnoevropejskij fol'klor i ego sosedi.” *Slavianovedeniie*, 2020 (в печати).

Delaveaux, L. *Gorale beskidowi zachodniego pasma Karpat. Rys etnograficzny zwyczajów i obyczajów włościan okolic Żywca*, Kraków: Nakładem i drudiem Józefa Czecha, 1851, 153 s.

Dziadowiec, J. “Góralskie reprezentacje, czyli rzecz o Podhalańcach i ich kulturze.” *ZN TD UJ — Nauki Humanistyczne*, 2010, no. 1, s. 48–71.

Encyklopédia ľudovej kultúry Slovenska, vol. 1, 2, Bratislava: Veda, 1995.

Gonet, Szymon. “Kilka szczegółów z wierzeń ludu (Okolica Andrychowa).” *Lud*, 1896, r. II, Lwów: Nakładem towarzystwa ludoznawczego, s. 331–334.

Grochal, A. “Obrzędy rodzinne”. *Kultura ludowa Górali Spiskich*. Ed. by U. Janicka-Krzywdka, Kraków: Centralny Ośrodek Turystyki Górskiej PTTK, 2012, s. 269–298.

Grochola-Szczepanek, H. *Język mieszkańców Spisza. Pleć jako czynnik różnicujący*, Kraków: Instytut języka polskiego PAN, 2012, 370 s.

Grzegorzewski, J. *Na Spiszu. Studya i teksty folklorystyczne*. Zakopane: nakładem księgarni podhalańskiej A. Z. Zembaty, we Lwowie: nakładem autora, 1919, 180 s.

Gura, A. V. "Son." *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'*, ed. by N. I. Tolstoj, vol. 5, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2012, p. 119–122.

Gustawich, B. "O ludzie Poddukłanskim w ogólności, a Iwoniczanach w szczególności." *Lud. Organ towarzystwa ludoznawczego we Lwowie*, vol. VI, 1, Lwów, 1900, s. 36–80.

Hložková, H. "K slovensko-českým paralelám latky o spiacom vojsku v hore." *Zajedničko u slovenskom folkloru: Zbornik radova*, ed. by Lj. Radenkovič, Beograd, 2012, s. 227–244.

Jakubíková, K. "Zwyczaje Orawy w kontekstach słowacko-polskich." *Studia orawskie*, ed. by M. Papierz, Kraków, 2018, s. 135–151.

Kabakova, G. I. "Roženitsa." *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'*, ed. by N. I. Tolstoj, vol. 4, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2009, p. 461–463.

Kolanowska, K. "Demonologia." *Kultura ludowa Górali Spiskich*. Ed. by U. Janicka-Krzywda, Kraków: Centralny Ośrodek Turystyki Górskiej PTTK, 2012, s. 299–310.

Kolberg, O. *Dziela wszystkie*, vol. 3: Kujawy, part 1. Wrocław, Poznań: Polskie towarzystwo ludoznawcze, 1962, 353 s.

Konobrodska, V. *Polis'kyj pochoval'nyj i pominal'ni obriady. Etnolingvistyčny studij*, vol. 1, Zhytomir: Polissia, 2007, 353 p.

Korolyova, S. Ju., Chetina, E. M. "Velikany, perebrasyvaiushchie topor ili kamni: slavianskie varianty siuzheta v "svoich" i "chuzhych" traditsiiah." *Unikal'noe i tipichnoe v slavianskom folklore*, comp. by A. B. Moroz, N. V. Petrov, N. S. Petrova, O. V. Belova, Moscow: Izdatel'stvo RGGU, 2019, p. 124–157.

Kürti, J. "Liptovské povesti." *Zprávy Liptovského múzea*, vol. II, 1933, č. 4, s. 117–125.

Levkievskaya, E. E. "Naoborot." *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'*, ed. by N. I. Tolstoj, vol. 3, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, p. 364–367.

Levkievskaya, E. E. "Plevok, plevat'." *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'*, ed. by N. I. Tolstoj, vol. 4, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2009, p. 69–71.

Levkievskaya, E. E. "Sglaz." *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'*, ed. by N. I. Tolstoj, vol. 4, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2009, p. 597–602.

Levkievskaya, E. E. "Zhelezo." *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'*, ed. by N. I. Tolstoj, vol. 2, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, p. 198–201.

Łukuś, E. "Medycyna ludowa Spisza." *Kultura ludowa Górali Spiskich*. Ed. by U. Janicka-Krzywda, Kraków: Centralny Ośrodek Turystyki Górskiej PTTK, 2012, s. 215–244.

Machek, V. *Etymologický slovník jazyka českého*, Praha: Lidové noviny, 2010, 868 p.
 Malinowski, L. *Powieści ludu polskiego na Śląsku*. Z ust ludu zebrał Lucyan Malinowski, W Krakowie: nakładem akademii umiejętności, I, 1899, 78 s.; II, 1901, 272 s.
 Masłowiec, J. "Obrzędy doroczne". *Kultura ludowa Górali Spiskich*. Ed. by U. Janicka-Krzywda, Kraków: Centralny Ośrodek Turystyki Górskiej PTTK, 2012, s. 245–268.

Michálek, J. a kol. *Lud hornádskej doliny (na území Popradského okresu)*, Košice: Východoslovenské vydavateľstvo, 1989, 554 s.

Michálek, J. *Stará Turá. Štúdie o histórii, ľudovej kultúre a nárečí*, Bratislava: Obzor, 1983, 252 s.

Moszyński, K. "Niektóre przyczyny zróżnicowania kultury ludowej w Polsce." *Lud słowiański*. Pismo poświęcone dialektologii i etnografii Słowian, vol. 4. Kraków, 1938, s. 65B–117B.

Onyshkevich, M. Ī. *Slovník bojkivs'kich govirok*, vol. 1. A–N, Kyïv: Naukova dumka, 1984, 496 p.

Petrukhin, V. Ia. "Kuznets." *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy, vol. 3, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, p. 21–22.

Przerwa-Tetmajer, K. "Śpiący rycerze (Jakby o nich chłop opowiedzieć powinien)." *Biuletyn Koła Dialektologicznego*, Nr 2, październik 2008, Podhale, p. 12. Access: <http://filolog.uni.lodz.pl/dkn/images/biuletyn/biuletyn2.pdf>.

Rak, M. "Kultura ludowa Podtatrza w zwiercadle frazeologii (wybrane zagadnienia)." *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska*, Lublin — Polonia, Vol. XXVII, sectio FF, 2009, s. 113–128.

Rak, M. *Materiały do etnografii Podhala*, Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 2016, 446 s.

Sarna, W. *Opis powiatu Krośnieńskiego pod względem geograficzno-historycznym*, Przemyśl: nakładem autora i prenumeratorów, 1898, 530 s.

Smirnov Iu. I. "Perebrasyvanie edinstvennogo topora." *Balto-slavianskie issledovaniia*, XVIII, Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2009, p. 354–368.

Stopka, A. *Sabała*. Portret. Życiorys. Bajki. Powiastki. Piosnki. Melodye, Kraków: S. Zwoliński i Psółka, 1897, 140 s.

Švorc, P. *Štrba*, Košice: Východoslovenské vydavateľstvo, 1979, 287 s.

Tolstaya, S. M. "Dusha." *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy, vol. 2, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, p. 162–167.

Tolstaya, S. M. "Obman, lozh". *Slavianskie drevnosti. Etnolingvističeskij slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy, vol. 3, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, p. 457–460.

Tolstoy, N. I. "Glaza i zrenie pokoïnikov." Tolstoy, N. I., *Iazyk i narodnaia kul'tura. Očerki po slavianskoï mifologii i etnolingvistike*, Moscow: Indrik, 1995, p. 185–205.

Usacheva V. V. "Lichoradka." *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskiĭ slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy, vol. 3, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, p. 117–123.

Valentsova, M. M. Traditsionnaia kul'tura guraleĭ: v poiskakh arkhaiki". *Slavianskiĭ mir v tret'em tysiacheletii*, vol. 14, 2019, 3–4, p. 158–176.

Valentsova, M. M., Vinogradova, L. N. "Musor, sor." *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskiĭ slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy, vol. 3, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, p. 337–340.

Vasil'kov, Ia. V. "Geroi, tsari i chudovishcha v peshchere pod goroĭ (Indiia, Kavkaz, Balkany, Tsentral'naya Evropa)." *Etnografiia*, 2019, 3 (5), p. 26–41.

Vinogradova, L. N., Gura, A. V. "Bessonnitsa." *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskiĭ slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy, vol. 1, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995, p. 168–171.

Vinogradova, L. N., Levkievskaya, E. E. "Okno." *Slavianskie drevnosti. Etnolingvisticheskiĭ slovar'*, ed. by N. I. Tolstoy, vol. 3, Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, p. 534–539.

Wrocławski, K. "Słowiańskie podania wierzeniowe — problemy studiów komparatystycznych." *Zajedničko u slovenskom folkloru: Zbornik radova*, ed. by Lj. Radenkovič, Beograd, 2012, s. 33–45.

Marina Valentsova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Once again about archaic in the Góral traditional culture

Góral's are a separate ethnocultural group living in the mountainous regions of the Carpathians on the borderlands of Poland and Slovakia (Silesia, Orava, Podhale, Spiš, etc.). In the ethnogenesis of this group, not only Slavic tribes and peoples took part, but also Hungarians, Germans, Aromanians, Turks, etc., which enriched the Góral traditional culture with other ethnic elements. Both Slavic and non-Slavic elements of spiritual culture retain their antiquity, that is, the archaic features of the traditional culture of the Góral's include the cultural archaisms of the peoples inhabiting this region. In various spheres of the spiritual culture of this mountainous region, many archaic elements of the common Slavic era have been preserved, which are also known in different parts of the Slavic world. In funeral rituals, these are, for example, relics of "white mourning", the custom of lightly hitting the coffin on the threshold when taking it out of the house, a wedding-funeral, prohibitions on a number of works on memorial days so as not to "clog the eyes" of the souls of the dead, etc. In the field of traditional medicine, such common

Slavic practices are methods of treating the evil eye and sorcery (extinguishing coals), the magic of ensuring the life and health of a newborn (passing a baptized child through a window, treating “sukhotka” (consumption) by dragging through a kalatch), methods of treating fever (leaving things on the road), the belief that moonlight can cause illness in a child, etc. In folklore, such archaic (at least Balto-Slavic) motives are the transfer of objects from one mountain to another by giants and the motive of the troops sleeping in a mountain. This motive is Celtic in origin (at least in Europe), however, it has deep Indo-European origins. Keywords: *Slavic ethnolinguistics, traditional culture of Góralcs, Slavic archaic features, archaic folklore motives.*

УДК 81'373.221+398.95:[81:39+811.162.3](045)
ББК 81.2

В. Вилмек
Остравский университет
(Острава, Чешская Республика),
Волгоградский государственный университет
(Волгоград, Россия)

Номинации лекарственных растений в Тешинской Силезии, мотивированные их лечебным действием

В исследовании рассматриваются названия лекарственных растений, применяемых в Тешинской Силезии в народной медицине и ветеринарии, в которых отражено воздействие растений на больного. Внутренняя форма названий этих трав была прозрачна для носителя языка и воспринималась им как «инструкция по применению» растения в лечебных целях. Поэтому номинации растений, мотивированные их лечебным действием, могут быть предметом этнолингвистического исследования. В качестве типичных мы указываем четыре мотивационных признака: название органа или части тела, на которые данное растение действует; болезнь, которую оно лечит; результат воздействия на больной орган; человек или животное, для лечения которых оно используется. Каждый тип номинации проиллюстрирован конкретными примерами. В ряде случаев в качестве сравнительного приводится материал современного чешского и других славянских языков.

Ключевые слова: лекарственные растения, славянские языки, этнолингвистика, чешский язык, Тешинская Силезия, этноботаника.

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.3.03

Метафорические наименования растений привлекают внимание исследователей уже давно. Способы, которыми наши предки именовали растения, свидетельствуют об очень продолжительном культурном опыте. В номинациях растений сокрыты образы, отражающие древнее мировоззрение, и эти номинации могут быть значительно старше, чем самые старые сохранившиеся лечебники и травники. Они дают нам возможность реконструировать то, как понимали наши предки физический и духовный мир. В нашем исследовании мы обратимся к метафорическим наименованиям одной важной группы растений, а именно лекарственных трав. Способность растений, которую им

приписывал человек в традиционной культуре, излечивать ту или иную болезнь обусловила появление у них устойчивых номинаций с прозрачной внутренней формой. Йозеф Чижмарж в фундаментальном двухтомном исследовании «Народная медицина в Чехословакии» в связи с этим пишет: «Своеобразие чешской народной медицины проявляется, главным образом, в том, что для многих целебных растений народ использует собственные старочешские названия, которые уже сами по себе указывают на то, от какой болезни помогают» (Šižmař 1946: 7). С точки зрения современной лингвистики это утверждение является излишне обобщенным и несколько романтизированным (его автор был по образованию фармацевтом, и в некоторых его воззрениях отражались идеи XIX века), однако в известной степени корректным. Речь идет о группе лекарственных растений, чьи названия отсылают к обозначениям болезни, симптомов или частей тела, на которые, согласно знаниям народной медицины, эти растения оказывают влияние.

Знания в области терапии и профилактики болезней были отчасти эмпирическими, отчасти иррациональными и опирались на магию и религию, что было обусловлено самим пониманием природы и причин болезни. Немаловажную роль играла и традиция, будь то традиция устная или более поздняя, зафиксированная в письменной форме. Мы не ставим себе целью проанализировать практики народной медицины с точки зрения современного научного знания, хотя в области фитотерапии официальная медицина широко использовала опыт народной медицины, который изучала и развивала. В связи с этим мы используем термин *лекарственные растения* так, как он понимается в народной медицине, а не в современной фармакологии, для которой действенность некоторых рассматриваемых растений является вторичной или вообще лишь воображаемой.

В дальнейшем описании мы будем опираться в основном на следующие исследования, посвященные метафорическим номинациям растений в чешском языке. Во-первых, это относительно старая работа одного из ведущих чешских этимологов Вацлава Махека «Чешские и словацкие названия растений» (Machek 1954), которая тем не менее с учетом некоторых замечаний современных исследователей относительно этимологии ряда наименований до сих пор остается вне конкуренции. Во-вторых, это работа Зденьки Гладкой «Метафорические названия растений в чешских диалектах» (Hladká 2000), в которой систематизируются принципы номинации растений в диа-

лектах чешского языка. Чешская традиционная медицина рассматривается в уже упомянутой двухтомной монографии Й. Чижмаржа «Народная медицина в Чехословакии» (Čižmář 1946). Четвертой работой, послужившей материалом для предлагаемого исследования, стала этнолингвистическая публикация «Растения, используемые в Тешинской Силезии в народной медицине, и их названия» (Vilímek 2015), в которой впервые удалось собрать воедино почти всю палитру номинаций растений (трав, кустарников, деревьев и грибов) местного происхождения, использовавшихся в народной медицине Тешинской Силезии.

При определении объекта исследования мы должны отметить, что в первую очередь мы ориентируемся на область народной медицины, касающейся лечения человека, хотя народная ветеринария в жизни наших предков имела по меньшей мере столь же важное значение. Хотя животноводство в Тешинской Силезии (разведение крупного и мелкого рогатого скота, в меньшей степени лошадей) играло весьма существенную, а подчас и главную роль в жизни сельской общины, в этнографических исследованиях народной ветеринарии не уделялось столь серьезного внимания, как народным практикам лечения человека.

Ареал изучаемых языковых и культурных явлений ограничивается Тешинской Силезией. Она была выбрана прежде всего потому, что это весьма своеобразный регион, в народной культуре которого на протяжении долгого времени — в горных районах вплоть до середины XX в. — сохранялись характерные особенности. Это регион проживания смешанного чешского и польского автохтонного населения, находящегося, кроме того, в тесном контакте со словацким этносом. В результате в материальной, духовной культуре и в языке населения этого региона обнаруживаются черты более широкого культурного единства славянских народов Карпат.

3. Гладка, диссертация которой посвящена метафорическим народным наименованиям растений в чешском языке, рассматривает среди наиболее распространенных факторов, обуславливающих диалектную номинацию, следующие: а) внешний вид (цветка, листа...); б) свойства (вкус, запах, движение...); в) место и время роста; г) применение (Hladká: 27–28). Также в наименовании лекарственного растения может быть упомянута практическая цель, с которой его используют. Речь идет о номинациях, указывающих на некое свойство, которое считалось настолько важным и типичным, что отразилось в названии данного растения.

Издание, посвященное лекарственным растениям, используемым в традиционной медицине в Тешинской Силезии, упоминает, согласно современной ботанической науке, 173 их вида. Им соответствует значительно большее число диалектных наименований, так как для одного растения в разных местах изучаемого региона могут использоваться разные названия, которые могут к тому же сосуществовать друг с другом. Из собранных народных названий в общей сложности 17 мотивированы их лечебным воздействием на человека (Vilímek 2015: 153–154). К ним относятся (названия даются в алфавитном порядке):

*bjedřůňec, bederník, bedernica*¹ — бедренец камнеломковый (*Pimpinella saxifraga*),

bradavňik — очанка лекарственная (*Euphrasia rostkoviana*),

čiščica — марьянник лесной (*Melampyrum silvaticum*),

dobro mysl, dobra mysel, dobromyšl, dobromyšel, dobrotňica — душица обыкновенная (*Origanum vulgare*),

hlistůňik, hlistovačůňik — золототысячник приморский (*Centaureium vulgare*),

hluzovjec, hluzak — морозник зеленый (*Helleborus viridis*),

krafska zelina — переступень белый (*Bryonia alba*),

koltunova zelina — переступень белый (*Bryonia alba*),

koštyvol, koštyfol, koščivol — окопник лекарственный (*Symphytum officinale*),

krvavňik, krvovňik — тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium*),

matično zelina olivova — мята длиннолистная (*Mentha incana*),

notkova zelina, сокращенно *notkovjanka, notka, natka* — мята полевая (*Mentha arvensis*),

pobapčane listki, babi listi, babi listek, babi uši — подорожник (виды *Plantago*),

potrava — лапчатка прямостоячая (*Potentilla erecta*),

¹ Большинство авторов, к исследованиям которых мы обращаемся, не упоминают, где именно они встретили то или иное конкретное название; термины не всегда транскрибируются корректно, к тому же могут бегемизироваться или полонизироваться. Поэтому мы решили дать их в обобщающей транскрипции, выполненной по методике Даны Давидовой для силезских диалектов чешского языка (Davidová 1992: 70–73). Ударным является всегда предпоследний слог, поэтому ударение можно не обозначать.

plučník — медуница лекарственная (*Pulmonaria officinalis*),
skřotkova zelina — переступень белый (*Bryonia alba*),
smrtolno zelina, *šmrtolno zelina* — дягиль лекарственный
 (*Archangelica officinalis*),
vředova zelina — рута душистая (*Ruta graveolens*).

Дальнейшее исследование этноботаники региона расширило этот список, добавились четыре растения и одно синонимическое наименование:

muska zelina — хвощ лесной (*Equisetum silvaticum*),
ňeštofči, *ňeštufka* — вороний глаз четырехлистный (*Paris quadrifolia*),
ňetota — плаун булавовидный (*Lycopodium clavatum*),
serdečňik — трясунка средняя (*Briza media*),
truč'ina — бешеная ягода (*Atropa bella-donna*).

Внутренняя форма приведенных выше номинаций была для рядового носителя языка вполне прозрачна и могла рассматриваться как однозначная «инструкция по применению» этого растения в народной медицине.

Здесь мы находим несколько способов мотивации, которые можно считать типичными:

1) название органа или части тела, на которую растения воздействуют (например, *serdečňik*, *plučník*, *bjedřuňec*);

2) заболевание, для лечения которого они используются (например, *ňeštofči*, *hlistňik*, *hluzak* или словосочетания типа *skřotkova zelina*, *vředova zelina*);

3) результат воздействия, лечебный эффект (например, *čiščica*, *truč'ina*, *smrtolno zelina*, *dobromyšl*, *koštyfol*);

4) человек или животное, для лечения которых используется растение (*muska zelina*, *krafska zelina*).

В народных наименованиях растений прослеживается тенденция к однословности; в этноботанике и этнозоологии с их преимущественно практической направленностью необходимости в точном разграничении отдельных видов внутри родов, как в научном естествознании, не было². Наряду с преобладающими однословными наименованиями часто встречаются номинации-словосочетания, образованные с помо-

² В народной культуре для обозначения некоторых внешне сходных видов трав, деревьев, грибов, пресмыкающихся, птиц, грызунов или насекомых до сих пор используются названия таксонов, и эти названия могут относиться к разным видам растений и животных.

щью существительного *zelina* (т. е. растение, обычно лекарственное) и прилагательного-атрибутива (см. уже упомянутые *muska*, *notkova*, *skřotkova* или *smrtolno zelina*, *vředova zelina*)³.

Попутно отметим небезынтересный факт, имеющий отношение к глубинным принципам номинации, связанным с традиционной духовной культурой, — во всех случаях речь идет исключительно о травах: среди наименований лекарственных растений, мотивированных их лечебным действием, мы не найдем ни дерева, ни кустарника.

Рассмотрим отдельные наименования и мотивационные признаки каждого из них более подробно.

1. Часто номинация восходит к части тела, на которую использованное растение должно было оказывать эффект. *Plučník* — медуница лекарственная (*Pulmonaria officinalis*) применялась как лекарство для легких: против изъязвления легких, откашливания кровью и туберкулеза легких — часто в чайных смесях вместе с другими травами, обеспечивающими аналогичный лечебный эффект (Vluka 1900: 341). На чешском языке название растения *plicník* давно зафиксировано в переводах произведений Пьетра Андрея Маггиоли, а В. Махек считает его опосредованной калькой из латыни (Machek 1954: 190–191). Заслуживает особого внимания тот факт, что это наименование настолько вписывалось в наивную картину мира той эпохи, что прижилось в Тешинской Силезии (и не только в ней) в неискаженной форме.

К этой же группе относится и *serdečník* — трясунка средняя (*Briza media*), которая в с. Грчава в виде отвара применялась против учащенного сердцебиения (Stolařík 1958: 211).

Bjedřuňec, *bederňik*, *bederňica* — бедренец камнеломковый (*Pimpinella saxifraga*) у древних славян считался травой, дающей при ее применении в народной медицине общий профилактический и терапевтический эффект и обладающей магическими свойствами, и эта вера сохранялась в народной культуре очень долго. Об этом свидетельствуют наименования этого растения в древнечешском и других славянских языках, ср. польск. *biedrzyniec*, словац. *bederňik*, *bedrovník*,

³ В наименованиях типа *hlucha pokřiva* (яснотка белая, *Laminum album*) или *vlči střešňa* (крушина слабительная, *Ramnus cathartica*) в основном актуализируется сходство формы с известным растением, которое считается так или иначе семантически первичным и от которого с помощью прилагательного образуется название более редкого или менее значимого растения. Однако их изучение находится за пределами данного исследования.

хорват. *bedrenika*, словен. *bedrenec*, рус. *бедренец* и родственные украинские и белорусские наименования. Считалось, что растение эффективно также при лечении болезней желудка, отравлений и инфекционных заболеваний, в том числе холеры и «чумы»⁴. Растению приписывались магические свойства, заключающиеся в обеспечении плодородия и защите от колдовства. Однако уже в то время, к которому восходят сохранившиеся письменные свидетельства, связанные с народной медициной, бедренец камнеломковый потерял значение, которое он имел когда-то. В современной медицине бедренец используется совершенно иначе; его влияние на пищеварительный тракт считается недоказанным (Schönfelder I., Schönfelder P. 2014: 336).

Для лечения болей в животе использовалась *potpava* — лапчатка прямостоячая (*Potentilla erecta*) (Machek 1954: 102). Отвар или спиртовую настойку пили при болях в желудке (Vluka 1900: 341), а очищенные корни ели также при болях в желудке и метеоризме (Stolařík 1958: 217). В г. Орлова *potpava* считалась очень эффективной в сочетании с бедренцом камнеломковым (*Pimpinella saxifraga*) (Vyhlídal 1901: 222). При диарее и легких воспалениях желудочно-кишечного тракта ее рекомендует и современная медицина. В народной магии ее считали «семизамковой» травой (*sedmizámková zelina*), которая позволяла замечать обман и мошенничество и защищать от них того, кто ее носил с собой.

Krvavňik, krvovňik — тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium*) — имеет ту же номинацию, что и в польском языке — *krwawnik*. Казимир Мошинский пишет, что он «у славян имеет очень разные названия, но всегда используется при лечении болезней, где в той или иной форме появляется кровь: при ранах, кровотечении, кровохарканье, геморрое» (Moszyński 1934: 224). В Тешинской Силезии соком тысячелистника протирали кровоточащие раны (Stolařík 1958: 219; Čižmář 1946: 195), в с. Грчава отвар из зелени пили при малокровии и, смешав со сливками, прикладывали к выбитому пальцу (Stolařík 1958: 219). В основе использования растения лежало, безус-

4 Лексема «чума» в истории использовалась для обозначения не только болезни, которую мы сегодня называем этим термином (лат. *pestis*), но и целого ряда тяжелых инфекционных заболеваний: «Наказание в виде пандемий... люди обозначали словом “чума”. В совокупности словом *чума* обозначались эпидемии холеры, тифа, гриппа или дифтерии» (Raclavská 2015: 89). Этот факт необходимо учитывать, сталкиваясь с терапевтическими предписаниями определенного периода времени.

ловно, наблюдение, ведь противовоспалительное и противомикробное действие содержащихся в данном растении веществ признаёт и современная фармакология.

2. Вторая группа состоит из наименований, мотивированных названием болезни, для лечения которой растение использовалось. Представления об этиологии болезней вписывались в наивную картину мира, поэтому причины возникновения заболеваний связывали с демонами, колдунами, сглазом или же нарушением религиозных и других запретов, за которые потусторонние силы наказывали. Древние славяне рассматривали болезнь как состояние, являющееся результатом воздействия нечистой силы на человека или животное. Такими злыми духами считались также демоны болезней. Из исследованных нами это, например, известная на всех чешских землях *nátka* — *notka*, антропоморфное демоническое существо, которое вызывало одноименную болезнь, и *vřed* — *vřyt*, в Силезии же также *koltun* или *skřítek* — *skřotek* (Čižmář 1946: 11, 121). Образование и просвещение (школа, календари, популярные медицинские руководства) способствовали исчезновению суеверий, однако названия, отсылающие к мифологии, в той или иной степени сохранялись до недавнего времени; в Тешинской Силезии они до сих пор встречаются в народной фразеологии (*koltun*, *vřyt*).

Внутренняя форма номинации очанки лекарственной (*Euphrasia rostkoviana*) *bradavník* прозрачна и для современного носителя языка. Это растение использовалось для лечения бородавок (Machek 1954: 215; Vyhliđal 1901: 220), хотя о способе его применения в настоящее время уже ничего не известно. Можно предположить, что речь шла о наружном применении. Современная фармакология не относит очанку лекарственную к специальным лекарственным растениям и приписывание ей терапевтического эффекта считает необоснованным (Schönfelder I., Schönfelder P. 2014: 184).

Hlistník или *hlistovačník* — золототысячник приморский (*Centaureum vulgare*) — использовался в виде отвара для борьбы с гельминтами (*hlisty*) у детей и для лечения проблем с желудком. Современная медицина использует золототысячник отдельно или в сочетании с другими растениями для лечения некоторых расстройств пищеварения, однако противопаразитарное действие этого растения не доказано (*ibid.*: 110).

Вороний глаз четырехлиственный (*Paris quadrifolia*), называемый *neštofči* или *neštufka*, использовали для лечения оспы, непосредственно накладывая на язвы плоды или промывая их настоем растения

(Vluka 1900: 339; Vyhliđal 1901: 223). Можно предположить, что основной номинации могло стать визуальное сходство ягоды и оспенного волдыря.

Термин *matiĉno zelina olivova*, используемый для обозначения мяты длиннолистной (*Mentha incana*), непосредственно мотивирован наименованием семядоли — *matka*. Согласно народным представлениям, мята лечит болезни и боли в матке (Vluka 1900: 339; Vyhliđal 1901: 223) и использовалась, например, для лечения заболеваний, сопровождаемых влагалищными выделениями. В. Махек, однако, убежден, что в номинации этого растения отразилось распространенное представление о мяте как «матери всех трав» (Machek 1954: 203).

Наименование морозника зеленого (*Helleborus viridis*) *hluzovjec*, *hluzak* происходит от названия тяжелой и сравнительно часто встречающейся в горной части Тешинской Силезии детской болезни *hluz*, сопровождающейся потерей аппетита, рвотой, диареей и вызывающей остановку роста ребенка (Āiřmář 1946: 256; Hrozek 1945: 12). Причиной болезни считалась «слабая кровь», в теле ребенка поселялась *hluz*, которая росла, «созревала» и, когда она лопалась, приводила к летальному исходу. Поэтому ее старались изгнать из тела окуриванием *hluzovcem*, а также используя довольно популярный в народной медицине порох⁵.

Труднее объяснить мотивацию наименования растений, используемых для лечения болезней, называемых в народной культуре *koltun*, *vřyt* и *notka*, так как проявления каждой из них достаточно разнообразны и с точки зрения современной медицины представляют собой симптомы широкого спектра болезней⁶. *Koltunova zelina* — одно из синонимичных названий переступня белого (*Bryonia alba*)⁷.

5 Й. Чижмарж сообщает об аналогической мотивировке названия другого растения — норичника шишковатого (*Scrophularia nodosa*), который «помогает от *hluzu* или *ochvatu*» (Āiřmář 1946: 194), т. е. туберкулеза лимфатических узлов.

6 Следует отметить, что *bohyně* (знахарки) в соседних Валахии и Моравских Копаницах различали все внутренние болезни именно в соответствии с этими тремя категориями: *nátka*, о девяти типах которых упоминалось в заклинаниях, *vřed*, которых должно было быть тридцать, и *choldún* (Āiřmář 1946: 137; ср. Hrozek 1945: 22–24).

7 Йозеф Влука (Vluka 1900: 341), который в своих работах описывал чешскую Силезию в целом, указывает на тот факт, что название *koltunova zelina* в Олавской Силезии используется для плауна булавовидного

Его использовали при лечении болезни, проявлявшейся по-разному, которую называли *koltun* (подробнее см. Vyhlídal 1902: 213–214; Hrozek 1945: 22–24). С анимистическими суевериями тесно связано и иное обозначение этой болезни, ее проявления и причины одновременно — *skřotek* (т. е. гном). Поэтому мы можем предположить, что тешинско-силезский термин *skřotkova zelina* является результатом тех же номинативных процессов⁸. Народ верил, что *колтун* живет в каждом человеческом организме, а когда активизируется, проявляется в виде болезни. Спровоцировать *колтун* могли сильные негативные эмоции: гнев, печаль, испуг и т. п. Выражаясь средствами современной профессиональной терминологии, *колтун* был психосоматическим расстройством. Феномену *колтун* в Полесье на широком славянском фоне посвящено недавнее исследование Е. Е. Левкиевской (Левкиевская 2016), в котором можно найти подробные сведения о том, как представляли природу заболевания в народной культуре и как его лечили.

В Тешинской Силезии в зависимости от внешних проявлений различали четыре типа *колтуна* (Vyhlídal 1901: 213–214; Hrozek 1945: 22–24):

1) *koltun kudlaty* — «завитый», проявляющийся в спутывании волос, часто сопровождающемся выраженным раздражением кожи головы. Магические практики и закутывание головы должны были способствовать тому, чтобы *koltun kudlaty* вышел из тела к волосам и оставил тело в покое;

2) *koltun paskudny* — «лакомый», повышал аппетит, обычно больному хотелось запретной или недоступной пищи, и если желание не было немедленно удовлетворено, то *колтун* «скручивал» больного;

3) *koltun suchy* — сухой, вызывал сильную боль в желудке или в костях и мог привести к их деформации;

4) *koltun mokry* — «влажный», вызывал гнойные воспаления суставов, возможно, и подагру.

(*Lycoperidium clavatum*), не родственного переступню, а «женщины влетают траву в волосы, чтобы им не навредил» *koltun* (ibid.: 339). Ср., например, укр. *колтунник*.

⁸ Мы придерживаемся этой гипотезы и не разделяем мнение В. Махека, который опирается на широко распространенное в чешских землях убеждение, что из корня переступня можно вырастить гнома, который будет заботиться о материальном благополучии владельца дома (Machek 1954: 227)

От *колтуна* избавлялись двумя способами: *завитый колтун* с помощью соответствующих магических практик мог быть отрезан, унесен из дома и спрятан в безопасном «нейтрализующем» его месте; остальные виды лечились. Пока *колтун* не «созрел», т. е. не слипся окончательно, лечить его было нельзя, потому что тогда бы он мог трансформироваться в более тяжелую болезнь (сумасшествие и т. д.). Он мог быть вылечен только при определенных обстоятельствах (в полнолуние, при хорошей погоде, по истечении восьми недель и т. д.) (Vyhlídal 1901: 213; Левкиевская 2016). В возможности трансформации *колтуна* в психическую болезнь, а также в запрете его стричь можно видеть отражение мифологических представлений, связанных с волосами, и приписывавшиеся волосам магические функции.

Vředova zelina — рута душистая (*Ruta graveolens*) — применялась в качестве отвара при судорогах и болях в животе, особенно у детей (Vluka 1900: 341). Эффективность применения этого растения при указанных симптомах подтверждает и современная фармакология. Болезнь, называемая в Тешинской Силезии *vřut*, имеет различные проявления; судя по представлениям, записанным в соседнем карпатском регионе Моравские Копаницы, их в общей сложности «тридевать» (Dobšovicová-Pintířová 2018: 106). Антонин Грозек, анализируя материалы из Тешинской Силезии (окрестности г. Фридека), пишет: «Болезнь проявлялась самым разным образом, и поэтому ее также по-разному лечили». Это позволяет нам поставить под сомнение правомерность предположений об этимологической связи слова *vřed* с эпилепсией⁹.

Notkova zelina, *notkovjanka* или кратко *notka*, *natka* — мята полевая (*Mentha arvensis*) — использовалась для лечения больных с помощью окуливания ею (Hrozek 1945: 30). Название происходит от болезни *nádcha*, диал. *notka*, — которую представляли в виде антропоморфного демонологического персонажа, обходившего жилища и обращавшегося к людям по имени. Если они откликались, они заболели. Считалось, что существует девять видов этой болезни, например ломкая, колючая, кровяная, сосудистая и т. д. (Maur 2007: 626). С. М. Толстая недавно высказала предположение о происхождении чешских названий *nádcha* и *natka* от разных слов и указала на семантические параллели с восточно- и южнославянским ареалом (Толстая 2019).

⁹ В. Махек неоправданно упрощает, когда выводит такое этимологическое значение, указывая, что растение «применялось для лечения болезней — родимчика, падучей болезни у детей» (Machek 1954: 137).

Любопытно, что Й. Чижмарж указывает еще пять растений, имеющих разные производные названия типа *nádchové byliny* (Čižmář 1946: 186). В Силезии о мяте полевой говорят: *Natka* — *fšech zelin matka* (*Намка* — мать всех трав) (Vluka 1900: 339), так как считается, что она обладает целебной силой всех других трав. Однако именование различных видов лекарственных растений «матерью» или «королевой» всех трав не является в чешской этноботанике редкостью и часто встречается даже в пределах одного этнографического региона: так могут называть разные травы, в общий терапевтический эффект которых верят.

Отсылку к практикам народной медицины можно усмотреть в названиях подорожника (виды *Plantago*) *pobapčane listki*, *babi listi*, *babi listek* или *babi uši*. Траву в качестве лекарственного средства часто использовали *baby* — целительницы, что отразилось и в названиях листьев подорожника, имеющих характерную форму, которые собирают знахарки; лексема *ucho* отражает сходство с формой уха, особенно уха животного. Однако В. Махек считает, что номинация *babi uši* возникла как контаминация народных названий *volské ucho*, *sviní ucho* и *babí list* (Machek 1954: 218). В чешских землях подорожник использовался не только как средство от кашля (Vyhlídal 1901: 224), но главным образом для заживления различных ран. В с. Грчава его листья прикладывали к открытым ранам и считали, что их, в отличие от листьев подорожника ланцетолистного (*Plantago lanceolata*), нужно тут же снимать с раны, «так как они вытягивают живое мясо» (Stolařík 1958: 217).

3. К наименованиям, мотивированным воздействием растения на человека, относятся, например, *dobro mysl*, *dobra mysel*, *dobromyšl*, *dobromyšel*, *dobrotňica* — душица обыкновенная (*Origanum vulgare*). Название в этой форме встречалось уже в старину, когда эта трава использовалась в виде отвара при нервных заболеваниях, головных болях, «сердечных болях от горя» (Machek 1954: 218), но главным образом для окуривания жилища, «чтобы в нем было благополучие» (ibid.: 201–202). В с. Грчава отвар душицы применялся также для лечения гнойных ран, а в истолченной форме она использовалась для лечения поврежденной кожи (Stolařík 1958: 217). Для того чтобы лечение было эффективным, душица должна быть сорвана перед днем Иоанна Крестителя (24 июня).

Koštyvol, *koštyfol*, *koščivol* — окопник лекарственный (*Symphytum officinale*) — старочешское наименование, состоящее из компонентов *kost* и *bal* — *balovati*, т. е. лечить (Machek 1954: 191). Очищенный,

истолченный и смешанный с жиром (салом или сливочным маслом) его корень использовался при повреждениях опорно-двигательного аппарата: травмах костей, суставов и сухожилий, в простонародии — «костей». Это действие в славянской культуре общеизвестно, и тот факт, что окопник помогает при сращивании костей после переломов, становится мотивационным признаком, который лежит в основе номинаций этого растения в контактной зоне славянских языков: словац. *kostihoj*, польск. *żywokost*, белорус. *жывако́ст*, укр. *живоки́ст*¹⁰.

В опубликованных полевых материалах только в с. Грчава фиксируется название *čiščica*. Там, как пишет И. Столаржик, оно обозначает марьянник лесной (*Melampyrum silvaticum*). Его использовали чаще всего в народной ветеринарии для окуривания скота; в лечении людей его применяли в форме отвара при болезнях желудка. В народной традиции считается, что он помогает только в том случае, если его собрать на праздник Травной Божьей Матери (*Matka Boža zelna*), 14 августа, а на следующий день освятить в церкви (Stolařík 1958: 216). Внутренняя форма наименования этого лекарственного растения говорит о его способности очищать. В. Махек приводит аналогичное чешское литературное наименование *čistec lesní* — чистец лесной (*Stachys silvatica*) в числе так называемых «очищающих» растений, обладающих способностью очищать раны и язвы (Machek 1954: 198). Фармацевт Йозеф Чижмарж знает о другом виде чистеца — бодяке полевом (*Cerasium arvense*), о котором говорят, что в разных регионах его используют для «очищения глаз», обмывания тела при рахите и лечении ряда заболеваний путем окуривания тела (Čižmář 1946: 186, 194), и соглашается с известным чешским этнографом Любором Нидерле, считавшим название *чистец* общеславянским.

Нередко лекарственное растение является ядовитым, поэтому и в тешинско-силезской этноботанике встречается наименование *truč'ina*, бешеная ягода (*Atropa bella-donna*), производное от глагола *truč'* 'травить, отравлять' и непосредственно указывающее на высокую токсичность растения. Так называемая «кора» этого растения, одеревенелая поверхность стебля, в с. Грчава использовалась в небольших количествах. При этом лечебный эффект зависел от способа, которым эта «кора» была получена: чтобы вызвать рвоту, в четверти

10 К. Мошинский ошибочно полагает, что польское наименование *żywokost*, скорее всего, является калькой немецкого *Beinwell* или *Bémwell* (Moszyński 1934: 226). В. Махек не принимает этого предположения, так как в немецком языке это, наоборот, заимствование из славянских языков.

литра воды заваривали щепотку «коры», соскобленной в направлении вверх; чтобы вызвать слабительный эффект, эта щепотка должна была быть соскобленной вниз (Stolařík 1958: 222). Очевидна связь с направлением опорожнения человека.

Интересным наименованием, указывающим на лечебный эффект «от обратного», является *smrtolno zelina*, *šmrtolno zelina* — дягиль лекарственный (*Archangelica officinalis*). Название отражает веру человека в абсолютную действенность растения: «...если оно не поможет против какой-либо болезни, то уже не поможет никакое растение» (записано в г. Орлова, Vyhřídál 1901: 222). Та же вера в непременно наступающий лечебный эффект от применения дягиля отражена и в другом его тешинско-силезском наименовании *and'elica*, *and'elika*, в основе которого лежит мотивационный признак «помощь ангела». Этот признак лежит и в основе латинского наименования этого растения *Archangelica*, поэтому здесь нельзя говорить о том, что эта номинация является народной славянской. По мнению П. А. Маттиоли, это название связано с верой в то, что дягиль эффективен настолько, как если бы на него указали человеку сами ангелы. Можно считать, что причиной возникновения этого названия является общее успокаивающее действие дягиля и, следовательно, возможность применять его для лечения широкого спектра заболеваний. В Тешинской Силезии корень дягиля часто использовался в народной медицине для лечения желудочно-кишечного тракта. Дягиль лекарственный вместе с бедренцом камнеломковым, подорожником ланцетолистным и мятой был одной из так называемых мощных трав, которые должны были оказывать общее лечебное действие (Junková 2007: 466).

Очень тесно с народной магией был связан плаун булавовидный (*Lycoperidium clavatum*), известный под названием *ňetota*. По словам В. Махека, его наименование указывает на его использование в магических абортивных практиках. Эта номинация представляет собой табуированное образование, о чем свидетельствует факт, что названия *netata*, *netáta* отмечены в другом месте для можжевельника, используемого с той же целью (Machek 1954: 27, 39). В соседней Словакии считали, что плаун также обладает противозачаточными свойствами (Čižmář 1946: 190).

4. К последней, небольшой группе наименований относятся словосочетания с существительным *zelina* (т. е. трава), в которых присутствует указание на использование растения для лечения определенных людей или животных. Одно из известных в Тешинской Силезии наименований переступня белого (*Bryonia alba*) *krafska zelina* — «ко-

ровья трава» — отражает его применение исключительно в ветеринарии. Корень данного растения, который является сильнодействующим слабительным, использовали для лечения запоров и вздутия живота у коров. Весьма распространенным в Чехии было поверье, что натертый корень данного растения, будучи добавленным в выпитую коровами воду, повышает удои коров и жирность молока. Была известна и магическая практика, при которой корень (антропоморфной формы) погружали в только что надоенное молоко. Бытовало мнение, что данное растение бывает «мужским», «женским» или «скотным» и от этого зависит, кого (человека или корову) данным растением следует лечить. Определялась же эта характеристика в зависимости от того, на что становился похож корень семилетнего переступня. Непосредственная связь данного растения с мифологическими представлениями и с верой в его магические свойства позволяет предположить, что *krafska zelina* отражает языковое табуирование.

Однозначно под его влиянием образовано наименование *muska zelina* — «мужская трава», хвощ лесной (*Equisetum silvaticum*). Полевой материал из с. Грчава указывает на то, что в отвар хвоща обмакивали воспаленный мужской половой орган. Отвар использовался и для внутреннего применения при кровохарканье (Stolařík 1958: 218). Действенность обоих способов применения хвоща подтверждает и современная фармакология (Schönfelder I., Schönfelder P. 2014: 174–175).

Анализ названий лекарственных растений, мотивированных их лечебными свойствами, позволяет говорить об уровне народной медицины и о восприятии окружающего мира нашими предками. Прозрачная внутренняя форма этих названий, являющаяся своего рода «инструкцией по применению» лекарственных трав, может служить доказательством того, что эти растения играли важную роль в народной медицине. Связь некоторых номинаций с народной мифологией отражает понимание этиологии болезней в народной культуре. Следует отметить, что материал нуждается в дальнейшем изучении и обобщении.

Литература

Агапкина 2010 — Агапкина Т. А. Болезнь // Славянская мифология: энциклопедический словарь / под ред. С. М. Толстой. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2010. С. 50–51.

Левкиевская 2016 — *Левкиевская Е. Е.* Колтун // Народная демонология Полесья / сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. Т. 3. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. С. 242–266.

Толстая 2019 — *Толстая С. М.* Чеш. *nádcha, náčha, nátká* и их южнославянские параллели // *Толстая С. М.* Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М.: Индрик, 2019. С. 531–539.

Усачева 2010 — *Усачева В. В.* Колтун // Славянская мифология. Энциклопедический словарь / под ред. С. М. Толстой. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2010. С. 238–239.

Cienciała 1983 — *Cienciała E.* Zioła i ich zastosowanie // *Biuletyn ludoznawczy. Zeszyt 13.* 1983. S. 143–150.

Čižmář 1946 — *Čižmář J.* Lidové lékařství v Československu. Brno: nákladem dětí autora, 1946. 328 s.

Davidová 1992 — *Davidová D.* Kapitoly z dialektologie. Ostrava: Ostravská univerzita v Ostravě, 1992. 95 s.

Dobšovicová-Pintířová 2018 — *Dobšovicová-Pintířová D.* Žitkovské bohyň. Lidová magie na Moravských Kopanících. 2. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2018. 155 s.

Hladká 2000 — *Hladká Z.* Přenesená pojmenování rostlin v českých dialektech. K sémantickému tvoření lexikálních jednotek v nářečích. Brno: Masarykova univerzita v Brně, 2000. 243 s.

Hrozek 1945 — *Hrozek A.* Jak se na Frýdecku léčovalo. Frýdek: Občanská záložna ve Frýdku, 1945. 35 s.

Junková 2007 — *Junková J.* Léčivé rostliny // Lidová kultura. Národopisná encyklopedie Čech, Moravy a Slezska / ed. S. Brouček, R. Jeřábek. Věcná část A–N. Sv. 2. Praha: Mladá fronta, 2007. S. 465–468.

Kosík 1941 — *Kosík V.* Slovník lidových názvů rostlin. Praha: Školní nakladatelství pro Čechy a Moravu v Praze, 1941. 139 s.

Kulendíka, Vrlová 2001 — *Kulendíka P., Vrlová V.* Lidové léčitelství // Těšínsko III / ed. J. Štika, I. Stolařík. Šenov u Ostravy: Tilia, 2001. S. 175–185.

Machek 1954 — *Machek V.* Česká a slovenská jména rostlin. Praha: Nakladatelství ČSAV, 1954. 386 s.

Maur 2007 — *Maur E.* Nemoci // Lidová kultura. Národopisná encyklopedie Čech, Moravy a Slezska / ed. S. Brouček, R. Jeřábek. Věcná část A–N. Sv. 2. Praha: Mladá fronta, 2007. S. 625–626.

Moszyński 1934 — *Moszyński K.* Kultura ludowa słowian. Część 2: Kultura duchowna. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1934. 722 s.

Raclavská 2015 — *Raclavská J.* Protimorová opatření a jejich realizace v praxi lidového léčitelství na Těšínsku // Léčení a léčitelství v lidové tradici /

ed. P. Číhal. Uherské Hradiště: Slovákcké muzeum v Uherském Hradišti, 2015. S. 89–97.

Rystonová 2007 — *Rystonová I.* Průvodce lidovými názvy rostlin i jiných léčivých přírodnin a jejich produktů. Praha: Academia, 2007. 736 s.

Schönfelder I., Schönfelder P. 2014 — *Schönfelder I., Schönfelder P.* Léčivé rostliny. 2. vyd. Praha: Ottovo nakladatelství, 2014. 496 s.

Stolařík 1958 — *Stolařík I.* Hrčava. Ostrava: Krajské nakladatelství Ostrava, 1958. 318 s.

Vilímek 2015 — *Vilímek V.* Rostliny používané na Těšínském Slezsku v lidovém léčitelství a jejich názvy // Léčení a léčitelství v lidové tradici / ed. P. Číhal. Uherské Hradiště: Slovákcké muzeum v Uherském Hradišti, 2015. S. 139–162.

Vluka 1900 — *Vluka J.* Slezská «aptyka» (lékárna) čili snůška prostonárodních léků rostlinných ze Slezska // Český lid. 1900. Roč. 9. Č. 5. S. 338–341.

Vyhlídal 1901 — *Vyhlídal J.* Naše Slezsko. 2. vyd. Praha: Jan Vyhlídal, 1901. 133 s.

Vyhlídal 1902 — *Vyhlídal J.* Skříték (skřotek, koltun) ve vlasech po názoru lidu českého ve Slezsku // Český lid. 1902. Roč. 11. S. 192.

References

Agapkina, T. A. “Bolezn’!” *Slavianskaia mifologija: éntsiklopedicheskiš slovar’*, ed. by S. M. Tolstaya, 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2010, p. 50–51.

Cienciała, E. “Zioła i ich zastosowanie.” *Biuletyn ludoznawczy*, zeszyt 13, 1983, s. 143–150.

Čižmář, J. *Lidové lékařství v Československu*. Brno: nákladem dětí autora, 1946, 328 s.

Davidová, D. *Kapitoly z dialektologie*. Ostrava: Ostravská univerzita v Ostravě, 1992, 95 s.

Dobšovicová-Pintířová, D. *Žitkovské bohyně. Lidová magie na Moravských Kopanicích*. 2. vyd., Brno: Masarykova univerzita, 2018, 155 s.

Hladká, Z., *Přenesená pojmenování rostlin v českých dialektech. K sémantickému tvoření lexikálních jednotek v nářečích*. Brno: Masarykova univerzita v Brně, 2000, 243 s.

Hrozek, A. *Jak se na Frýdecku léčovalo*. Frýdek: Občanská záložna ve Frýdku. 1945, 35 s.

Junková, J. “Léčivé rostliny.” *Lidová kultura. Národopisná encyklopedie Čech, Moravy a Slezska. Věcná část A–N*, ed. S. Brouček, R. Jeřábek, sv. 2, Praha: Mladá fronta, 2007, s. 465–468.

Kosík, V. *Slovník lidových názvů rostlin*. Praha: Školní nakladatelství pro Čechy a Moravu v Praze, 1941, 139 s.

Kulendíka, P., and V. Vrlová. "Lidové léčitelství." 2001. *Těšínsko III*, ed. J. Štika, I. Stolařík, Šenov u Ostravy: Tilia, 2001, s. 175–185.

Levkievskaya, E. E. "Koltun." *Narodnaia demonologiiia Poles'ia*, compl. L. N. Vinogradova, E. E. Levkievskaiia, vol. 3, Moscow: LRC Publishing House, 2016, p. 242–266.

Machek, V. *Česká a slovenská jména rostlin*. Praha: Nakladatelství ČSAV, 1954, 386 s.

Maur, E. "Nemoci." *Lidová kultura. Národopisná encyklopedie Čech, Moravy a Slezska. Věcná část A–N*, ed. S. Brouček, R. Jeřábek, sv. 2, Praha: Mladá fronta, 2007, s. 625–626.

Moszyński, K. *Kultura ludowa słowian. Część 2, Kultura duchowna*. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1934, 722 s.

Raclavská, J. "Protimorová opatření a jejich realizace v praxi lidového léčitelství na Těšínsku." *Léčení a léčitelství v lidové tradici*, ed. P. Číhal, Uherské Hradiště: Slováké muzeum v Uherském Hradišti, 2015, s. 89–97.

Rystonová, I. *Průvodce lidovými názvy rostlin i jiných léčivých přírodnin a jejich produktů*. Praha: Academia, 2007, 736 s.

Schönfelder, I., and P. Schönfelder. *Léčivé rostliny*. 2. vyd., Praha: Ottovo nakladatelství, 2014, 496 s.

Stolařík, I. *Hrčava*. Ostrava: Krajské nakladatelství Ostrava, 1958, 318 s.

Tolstaya, S. M. "Chesh. *nádcha, náteha, nátk* i ikh iuzhnoslavianskie paralleli." *Mir cheloveka v zerkale iazyka. Ocherki po slavianskomu iazykoznaniiu i étnolingvistik*e, by S. M. Tolstaya, Moscow: Indrik, 2019, p. 531–539.

Usacheva, V. V. "Koltun." *Slavianskaia mifologiiia. Ėntsiklopedicheskiĭ slovar'*, ed. by S. M. Tolstaya, 2nd ed., Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2010, p. 238–239.

Vilímek, V. "Rostliny používané na Těšínském Slezsku v lidovém léčitelství a jejich názvy." *Léčení a léčitelství v lidové tradici*, ed. by P. Číhal, Uherské Hradiště: Slováké muzeum v Uherském Hradišti, 2015, s. 139–162.

Vluka, J. "Slezská 'aptyka' (lékárna) čili snůška prstonárodních léků rostlinných ze Slezska." *Český lid*, roč. 9, č. 5, 1900, s. 338–341.

Vyhlídal, J. *Naše Slezsko*. 2. vyd., Praha: Jan Vyhlídal, 1901, 133 s.

Vyhlídal, J. "Skřítek (skřotek, koltun) ve vlasech po názoru lidu českého ve Slezsku." *Český lid*, roč. 11, 1902, s. 192.

Vítězslav Vilímek
University of Ostrava (Ostrava, Czech Republic),
Volgograd State University (Volgograd, Russia)

Denominations of Herbs in Těšín Silesia motivated
by their therapeutic effects

This study focuses on the names of medicinal plants which are used in the linguistic area of Těšín Silesia and which have been derived from their effects known in folk human and veterinary medicine. The etymology of the names of these plants was transparent to the average speaker of the language and acted as a clear guide on how to use them. It is therefore a suitable source of ethnolinguistic knowledge. We identify four typical types of motivation: the organ or part of body for which the plant is used; the disease against which the plant is used; the effect; the person or animal for whose treatment the plant is used. Each type is documented using specific examples and aided by analyses of the origin of the name of the plant and its therapeutic use as it is known in Těšín Silesia. In interesting cases, comparison with contemporary Czech and other Slavic languages is also carried out.

Keywords: *herbs, Slavic languages, ethnolinguistics, Czech language, Těšín Silesia, Cieszyn Silesia, ethnobotany.*

Авторизованный перевод с чешского А. А. Изотова

УДК 82.091
ББК 83.3

Я. Войводиц
Загребский университет
(Загреб, Хорватия)

Андрич и Пастернак: два романа о творчестве (к проблеме семантики зимы)

В тексте сравнивается поэтика двух романов: «Мост на Дрине» И. Андрича и «Доктор Живаго» Б. Пастернака. Речь идет о «нетипичных» исторических романах (хроника / «житие»), которые по-разному относятся ко времени (линейное время / преодоление линейного времени; длительный временной период / мгновение), пространству (Вышеград / «вся Русь»; статичность / движение). В обоих романах речь идет о неуничтожимом художественном творчестве, которое преодолевает все времена, и о художественном произведении, сделанном из камня (мост) и из языка (поэзия), которое из нынешнего, конкретного уходит во вневременное, в вечность. В то время как зима и холод в романе Андрича представляют собой прекращение работ на постройке моста, в романе Пастернака зима является временем творческой деятельности. Зимы и холода в обоих романах прочитаны не только сквозь призму разных климатологических и географических измерений, но и сквозь призму игры, отношений внутренней и внешней теплоты и холода, сквозь призму фольклорных элементов и, конечно, сакральных.

Ключевые слова: *Андрич, Пастернак, семантика зимы, мост, поэт, искусство.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.4.01

Изучению семантики зимы, и в том числе крипоэтики, в произведениях двух великих писателей дал толчок выдающийся исследователь поэтики Иво Андрича и руководитель научно-исследовательского проекта «Andrić-Initiative: Иво Андрич в европейском контексте», основанного в 2007 г., профессор Бранко Тошович. Он задумал тему «Холода и зимы Иво Андрича и русских лауреатов Нобелевской премии: Нобелевские крипоэтики» и конференцию, которая прошла в Москве в октябре 2019 г.

В нашем исследовании семантики зимы мы сосредоточились на поэтике двух великих романов: «Мост на Дрине» (*Na Drini ćuprija*) Иво Андрича (1892–1975) и «Доктор Живаго» Бориса Леонидовича

Пастернака (1890–1960). Это авторы одного поколения, нобелевские лауреаты, зарекомендовавшие себя и как поэты, и как прозаики. Андрич начинал свой литературный путь с поэзии¹, в то время как Пастернак и в прозе остается поэтом². Работа над произведениями велась во время Второй мировой войны и в первое послевоенное десятилетие, в жанровом отношении оба романа нетипичны: несмотря на широкий исторический контекст, они выходят за рамки собственно исторического жанра. «Мост на Дрине» — роман-хроника, что отражено в его подзаголовке — «Вышеградская хроника» (*Na Drini ćuprija. Višegradska hronika*). Хроникальный тип наррации Андрич унаследовал от католических францисканцев-летописцев³, последовательное нанизывание исторических событий органично сочетается в произведении с обращением к легендам и мифам. Пастернаковский роман — лирическая проза, сам писатель назвал ее «моя эпопея», а В. Шаламов — «романом-монологом»⁴, это своего рода отклонение от «идеального романа»⁵, но в то же время настоящее эпическое произведение, «своеобразный коррелят "Войне и миру"» Л. Н. Толстого⁶. Пастернаковский роман, как пишет Сухих в предисловии к изданию 2003 г., — это «житие», «книга о жизни некоего доктора»⁷, причем врач Юрий Андреевич Живаго является не главным героем произведения, а лирическим героем Пастернака.

Оба интересующих нас романа развертывают широкое эпическое полотно с особым отношением к пространству и времени. В романе Андрича — это линейное протекание времени (одно событие следует за другим, новое событие проистекает из предыдущего), в то время как в романе Пастернака происходит преодоление линейного течения

1 *Nemetec K. Gospodar priče. Poetika Ive Andrića. Zagreb, 2016; Вучковић Р. Велика синтеза. О Иви Андрићу. Београд; Ниш, 2011.*

2 *Фатеева Н. Поэт и проза. Книга о Пастернаке. М., 2003.*

3 *Nemetec K. Gospodar priče. Poetika Ive Andrića. Zagreb, 2016. S. 251.*

4 См.: *Сухих И. Н. Живаго жизнь: стихи и стихии // Пастернак Б. Доктор Живаго. СПб., 2003. С. 20.*

5 *Юнггрен А. О поэтическом генезисе «Доктора Живаго» // Nilsson N. A. (ed.) Studies in 20th Century Russian Prose. Stockholm, 1982. С. 229.*

6 *Гаспаров Б. Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» // Boris Pasternak and His Times. Selected Papers from the Second International Symposium on Pasternak. Berkeley, 1989 (Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts, vol. 25). С. 317.*

7 *Сухих И. Н. Живаго жизнь... С. 5.*

времени⁸. «Доктор Живаго» противопоставлен линейной причинности и «механистической каузальности, ведущей к детерминации», как заметила венгерская исследовательница поэтики Пастернака Анна Хан⁹, или, другими словами, линейная причинность событийных рядов не является движущей пружиной повествования, что приводит к полной противоположности двух романов в организации времени повествования. В пространственном смысле действие романа «Мост на Дрине» сосредоточивается в одном месте — на Вышеградском мосту, а «Доктора Живаго» — на широких пространствах России (Москва, Сибирь, Урал, Юртин, Варыкино).

Историческое время в романе «Мост на Дрине» охватывает почти четыре столетия (с 1516 по 1914 г.), в романе «Доктор Живаго» описываются события 1903–1943 гг. Андричевский хроникер и пастернаковский поэт измеряют и тем самым понимают время по-разному. Первый сосредоточивается на историческом дискурсе (человеческие судьбы в разные периоды), второй — на индивидуальном (одиночная судьба интеллектуала и поэта). Поэтому в романе Андрича нет главного героя (в метафорическом смысле это мост), в то время как в центре пастернаковского романа помещен поэт и интеллектуал Юрий Андреевич Живаго. При этом сближает оба романа категория вечности. Время, измеряемое столетиями, и время, измеряемое мгновением, сосредоточивается на вечном — на преодолении времени. Оба романа кроме исторического пласта изобилуют народными легендами, благодаря которым историческое и конкретное восходят к вневременному и мифологическому. Можно сказать, что оба романа связывает идея контрапункта, в котором особым образом перекликаются музыка / поэзия и проза. Контрапунктная «фактура» романа, по словам Гаспарова, строится в виде переплетения различных тематических и образных линий¹⁰. При этом принципы музыкальной композиции играют существенную роль в стремлении создать «нелинейную («контрапунктную») картину мира»¹¹. Роман Пастернака «строится в виде

8 Гаспаров Б. Временной контрапункт... С. 319.

9 Хан А. Концептуальная основа пространственно-временной системы в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго» // Творчество Бориса Пастернака в контексте эстетической и философской мысли XX века. Szeged: Acta universitatis syegediensis. Dissertationes slavicae sectio historiae litterarum XXV, 2015. С. 275.

10 Гаспаров Б. Временной контрапункт... С. 330.

11 Там же. С. 342.

контрапункта различных форм»¹². Это же одновременное сочетание двух и более мелодических голосов в романе-хронике Андрича ведет к синкретизму фольклорных и исторических (хроникальных) форм.

Центром романа Андрича и, в некотором смысле, главным его героем является каменный мост на боснийской реке Дрине. «Домостовое» время в романе (замысел мальчика, которого турки из деревни Соколовичи увезли с собой в Стамбул и который потом стал великим визирем Мехмед-пашей Соколовичем), строительство моста, его бытие и разрушение в последней главе романа — все это является символической основой произведения. Таким центром пастернаковского романа предстает главный герой — мальчик Юра, постепенно развивающийся как врач, интеллектуал, скептик, муж, любовник и поэт. Он как главный герой «держит» весь каркас романа с начала (смерть его матери) до конца (его собственная смерть).

Не менее важную роль в обоих романах играет пространство. В романе Пастернака оно, охватывающее «всю Русь», раскрывается в путешествиях (поезд, пешее передвижение, тарантас, езда верхом). Долгие перемещения особенно подчеркивают пространственную ширь: поездка на поезде до Юрятина или пешее странствие Юрия Андреевича, напоминающее сказочное вневременное преодоление пространства. В хронике Андрича центральным хронотопом является зона, ограниченная узкой полосой вокруг моста в маленьком боснийском городке Вышеград, метонимически представляющем всю Боснию. Мост как место в пространстве, место-символ, является не только центром повествования, но и пространством пограничья¹³. Радован Вучкович в своей книге «Большой синтез» (*Велика синтеза*) пишет, что долгое время Вышеград был местом границы, «черной линией», разделяющей один организм пополам¹⁴. Мост, таким образом, соединяет раздвоенное и раздваивает соединенное и этим подчеркивает семантику границы. Значение такой границы в пастернаковском романе имеет Юрятин на Урале: из этой точки пространства герои расходятся и здесь снова сходятся¹⁵. Урал — граница между Европой и Азией, между «здесь» и «там», центром и глушью, и на этой пространственной границе разворачивается самая важная часть романа «Доктор Живаго».

12 Там же. С. 343.

13 О значении моста подробнее: *Tošović B. Funkcijsko čitanje Ćuprije // Andrićeva Ćuprija... S. 43–109.*

14 *Вучковић Р. Велика синтеза... С. 303.*

15 *Хан А. Концептуальная основа... С. 290.*

Сделанный из камня рукотворный мост у Андрича — символ творчества. Камень, превращающийся в мост, из объекта природы становится объектом культуры, как выразилась Татьяна Цивьян, изучавшая неподвижность и движение «живого камня»¹⁶. Выходя из холода и немоты, он становится своей противоположностью, «живым камнем», помогающим человеку связать два берега, разделенных рекой Дриной. Символом творчества в романе Пастернака становится поэзия. Из объекта, из «грубого» языка мятежей истории рождается художественная «мягкая» речь — объект культуры. Оба романа славят творчество как высшую человеческую ценность, и только творчеству (искусству) удастся преодолеть время. Мост «перемощает» («premošćije») два берега, поэзия же через язык преодолевает препятствия и границы.

В романе «Мост на Дрине» все происшествия устремлены от общего к центру (к мосту). История, разные судьбы героев — все это связано с мостом как центром, главным стержнем романной структуры. В романе «Доктор Живаго» наоборот: все движется от индивидуального к общему, от индивидуальной судьбы Юрия Андреевича к поэзии как общему началу. Мост и поэзия, символы творчества, служат доказательством его бессмертия, того, что смерть нужна для рождения новой жизни. В конце романа «Мост на Дрине» умирает Али-ходжа, его смерть сопоставима со «смертью» моста. Разрушается центральная часть, ствол опорного быка моста — останавливается сердце Али-ходжи. Перед самой своей кончиной он подумал: «[...] *если рушат здесь, то ведь где-то* [курсив мой. — Я. В.], надо полагать, должны и возводить»¹⁷. Несмотря на разрушение моста в 1914 г., Али-ходжа предсказывает ему будущее. Индивидуальное становится общим, и «здесь» переносится в абстрактное «где-то». Другими словами, смерть нужна, чтобы была возможность строить¹⁸. В «Докторе Живаго» происходит то же самое. Юрий Андреевич умер не в зимний, а в душный летний день, причем остановка трамвая,

16 Цивьян Т. В. Об энантиосемии: неподвижность versus движение // Живой камень: от природы к культуре. М., 2015. С. 100.

17 Андрич И. Мост на Дрине. URL: <https://www.flibusta.site/b/105029/read>, на русский язык роман Иво Андрича «Мост на Дрине» перевела Татьяна Николаевна Вирта.

18 Для удачной постройки такого масштабного моста нужно жертвоприношение, каким являлось легендарное жертвование новорожденных близнецов, брата и сестры Стои и Остои, которых замуровали в средние опорные быки моста.

из которого он вышел, сопоставляется с остановкой сердца главного героя. Ему надо умереть, чтобы воскресла поэзия как «новая» и «вечная» постройка, появляющаяся в конце романа. «Смерть героя — это добровольная искупительная жертва во имя бессмертия»¹⁹. Она высвобождает свободную творческую субъективность, «становится вкладом в общее дело бессмертия»²⁰. Страдания и смерть доктора Живаго, по мысли А. Хан, с одной стороны, приобретают теологический смысл в контексте православной пасхальной литургии, с другой — смерть пастернаковского героя читается как рождение поэзии²¹. Чтобы родилось сильное художественное произведение, его герой должен страдать (смерть — воскресение), и герои Андрича и Пастернака — мост и поэт — проходят через страдание, таково эстетическое кредо обоих романов.

Семантика зимы в романах Андрича и Пастернака представлена широким спектром понятий и категорий, не только климатологических и географических, но и в смысле внутреннего и внешнего холода, застывших движений, прекращения деятельности или, наоборот, начала (пробуждения) деятельных сил, пробуждения внутреннего тепла вопреки внешнему холоду. Она прочитывается сквозь призму красоты зимы, ее сказочных, фольклорных и многих других элементов. Мы попытаемся показать, какую роль мотивы зимы и холода играют в семантическом и художественном поле двух романов, в центре которых — проблема универсального, неумиряющего и творческого начала.

«Мост на Дрине» — во время зимы все застыло

В начале романа «Мост на Дрине», в общем описании вышеградского моста, мы читаем, что некий Хамид умер у стен моста.

Правда, в ту ночь Хамид напился до бесчувствия и заночевал на мосту, прямо под открытым небом. А было тогда пятнадцать градусов мороза²².

Хамид умер, потому что увидел Черного Арапа (молва гласит: кто его увидит — должен умереть) в зимние холода, т. е. зима пред-

19 Хан А. Концептуальная основа... С. 287.

20 Там же.

21 Там же.

22 Андрич И. Мост на Дрине...

ставлена как угрожающая жизни человека стихия. В это зимнее, грозящее смертью время мост переходят только в случае нужды, а если и переходят, то ускоряя шаг, «вбирая голову в плечи под порывами холодного ветра, беспрестанно дующего над рекой. Никто, разумеется, не задерживается тогда на открытых балконах моста»²³. Зима как неблагоприятное время, сопровождаемое ветром и сильным морозом, сопоставляется с другими временами года, когда «вышеградский мост — истинная благодать для всех от мала до велика»²⁴. Тогда в любое время дня или ночи на диване (часть моста с выступами для сидения) можно провести деловую или дружескую встречу. Это место встречи, приятного времяпрепровождения, которому препятствует зима.

Само строительство моста прекращается зимой. Уже осенью Абид-ага предупреждает работников, что надо работать быстрее, поскольку к зиме дни становятся короче. Надвигающиеся холода не столько препятствуют работе, постройке моста, сколько являются зловещим намеком на то, что само вышеградское пространство сопротивляется турецкой силе:

[...] над Дриной сгущаются сумерки, неотвратимые и безрадостные вышеградские сумерки, неприступные горы смыкаются кольцом вокруг города, и быстро спускается ночь, тяжелая, глухая, словно последняя²⁵.

Работы над строительством моста зимой прекращаются, и, вместе с тем, распространяются слухи о том, что мост не может быть построен. Именно в преддверии зимы Радисав из Уништа²⁶ организует диверсию, решив ночью разрушить то, что строится днем. Его схватили, пытали и посадили на кол. На следующий день живой Радисав стоял высоко над касабой²⁷, словно фантастическое видение:

23 Там же.

24 Там же.

25 Там же.

26 В Боснии и Герцеговине существуют две деревни с названием Уништа. Одна находится у Вышеграда, а вторая в центре Динарского нагорья, у города Босанско Грахово. В романе, конечно, речь идет о деревне недалеко от Вышеграда.

27 Тип населенного пункта с преимущественно мусульманским населением, занятым в торговле и ремесле.

И многие из тех, что, пробудившись, думали, что им во сне привиделось все то, что на виду у всех совершилось вчера на мосту, теперь стояли и, не мигая, смотрели на продолжение своего ужасного сна наяву, среди бела дня, при ярком свете солнца²⁸.

Радисав из Уништа особым образом возвышается над городом, и его бунт, а впоследствии и смерть представляет собой парадигматическую жертву в метафизическом измерении, которое из индивидуального трансформируется в общее²⁹. Попытки Радисава начинаются не в любой день, а именно в воскресенье. В понедельник же «на краю высокого и сложного каркаса из досок и балок, словно на носу корабля, ясно и отчетливо выделялась фигура человека, насаженного на кол»³⁰.

Не случайно белградская исследовательница Яна М. Алексич пишет, что описание экзекуции Радисава напоминает распятие Христа³¹. Эти сакральные зимние дни (воскресенье как время начала пыток и начало его воскресения, и понедельник, как время высшей жертвы — когда Радисав посажен на кол, когда он восходит на небо), несомненно, раскрывают перед нами элементы перехода от индивидуального к общему, от низкого к высокому, от земного к небесному. Маленький человек из Уништа («у-ништа», рус. «в-ничто»), из «маленькой деревушки», «приземистый человек», «сильно согнутый в поясице», посаженный на кол в понедельник, в декабре месяце высоко («словно на носу корабля») возвышается над городом и своей жертвой уходит в высоту, в Небо, в новую жизнь.

Действия Радисава на короткое время остановили деятельность турок на мосту. Строительство росло, некоторое время работы на мосту шли быстро и гладко, «без задержек и помех», но зима замедлила, а потом полностью их остановила. Стройка продолжилась бы, «если бы в начале декабря не ударили жестокие морозы, а против них и сам Абид-ага был бессилён»³². Зима как высшая сила замораживает, прекращает работу низшей, земной силы:

28 Андрич И. Мост на Дрине...

29 Алексић Ј. Субверзивна ћуприја (Исходи (не)свесног субверзивног деловања маргине у роману “На Дрини ћуприја” Иве Андрића) // Andrićeva Ćuprija / Andrićs Brücke. Graz; Beograd; Banjaluka, 2013. С. 125.

30 Андрич И. Мост на Дрине...

31 Алексић Ј. Субверзивна ћуприја... С. 125.

32 Андрич И. Мост на Дрине...

В первую половину декабря таких морозов и метелей отродясь не бывало. Камень примерзал к земле, трещали деревья. Мелкий кристаллический снег заметал инструменты, предметы и целые хибары, а утром своевольный ветер относил его в другое место. Работы сами собой прекратились, и страх перед Абид-агой померк и бесследно растаял³³.

По мере того как холод становится сильнее, сила Абид-аги «тает», перед природной стихией он бессилен. Зима спасла работников, которые «побрели восвояси, кутаясь в гуни, зубуны и шали и благодаря потихоньку бога за то, что он послал на землю морозы и метели и хотя бы этой своей силой положил предел силе сильных»³⁴. Одна сила (мороз) пришла на смену другой (Абид-ага).

Кроме таких жестоких зим, были и другие, более щадящие. В следующем году, когда больше не было Абид-аги, а за постройкой моста приехал следить Ариф-бег, зима «выдалась мягкая, и работы на мосту продолжались до середины декабря»³⁵. Жизнь входит в свою колею, и зима — ее часть, неизменное звено в смене времен года: «Проходили годы, лето сменялось осенью, зима весною, уезжали и возвращались рабочие и мастера»³⁶. На смену жестокому Абид-аге приходит Ариф-бег, человек, управляющий «без крика, без палки, без брани и видимых усилий»³⁷, и зимы при нем бывают мягкими, позволяющими продолжать строительство.

После окончания строительства зима в романе Андрича предстает как время, когда все замирает и останавливается. В XIII главе, где описывается четвертый год австрийской оккупации Боснии, снег и мороз не препятствуют властям в реализации их планов.

И снова, после стольких лет затишья, на мосту появилась стража. Несмотря на морозы и снежные заносы, два жандарма день и ночь дежурили в воротах [...] Нелегкая выдалась в тот год зима, и всю эту долгую и студеную зиму два постовых из отряда карателей стояли на мосту³⁸.

33 Там же.

34 Там же.

35 Там же.

36 Там же.

37 Там же.

38 Там же.

Время зимы — это время ожидания: гайдук Яков Черклия ждал весны, чтобы пробиться в Сербию; молодой Грегор Федун из Галиции ждал весны и любви, «часами топчась на мосту и согревая дыханием пальцы в морозные, безоблачные ночи, когда от стужи трескается камень»³⁹. Весной страсти пробуждаются, и девушка Еленка помогает ему перейти мост, Федун просыпается, полный любви. Любовь несостоявшаяся у Андрича — это составная часть лихорадки страстей⁴⁰. Страсти в романе «Мост на Дрине» либо получают фаталистическое измерение, либо не осуществляются. Например, Грегор Федун перезимовал на мосту, но весной влюбился в «призрак», в то, что ему хотелось, что ему приснилось. Или у Стиковича есть чувства к Зорке, но на самом деле он ее не любит. Гласинчанин искренно любит Зорку, готов пожертвовать всем и убежать с ней в Америку, но она медлит, поскольку не любит его. Зимние ночи служат их сближению, что, однако, не приводит к созданию пары. Жизнь города в зимнее время, когда все замедляется, отвечает «неосознанной философии касабь»⁴¹, которая инстинктивно противостоит реальности жизни.

В соотношении «реальное» — «нереальное» зима играет особую роль в связи с образом Кривого (Ćorkan), который вносит в повествование лудистский элемент⁴². Кривого дразнили из-за его влюблен-

39 Там же.

40 Подробнее об этом: *Brajović T. Groznica i podvig. Ogledi o erotskoj imaginaciji u književnom delu Ive Andrića.* Beograd, 2015. 328 s.

41 *Brajović T. Groznica i podvig...* S. 144.

42 О лудистской функции моста см.: *Tošović B. Andrićeva Ćuprija...* S. 72–75. Исследователями не раз указывалось на эту часть романа и ее связь с другими текстами Андрича. Напр., Милош Джорджевич указывает на элемент игры у Андрича, начиная с его повести «Аска и волк» (*Aska i vuk*), а потом «Чоркан и швабочка» (*Ćorkan i Švabica*) (*Ђорђевић М. Ћоркан и феномен игре у роману «На Дрини ћуприја» // Andrićeva Ćuprija...* С. 255–272), Миряна Грдинич, например, пишет о генезисе героя Кривого, который появляется в романе в VII, VIII и XV главах (*Грдинић М. Генеза Ћоркановог лика // Andrićeva Ćuprija...* S. 325–334). Бранка Брленич-Вуйич также обращала внимание на Кривого сквозь призму лирических элементов (см.: *Tošović B. Andrićeva Ćuprija...*). Особое внимание любви Кривого в романе, которая непосредственно связывается с повестью «Чоркан и швабочка», уделяет Тихомир Брајовић в уже упомянутой нами книге об эротическом воображении в литературных произведениях Иво Андрича (*Brajović T. Groznica i podvig...*).

ности в красивую Пашу, и эта игра зимой скрашивала дневную скуку и заполняла длинные вечера. В конце зимы молодую красивую Пашу выдали замуж за хаджи Омера, но народ продолжал дразнить Кривого. Ему подливали рому и убеждали, что он моложе и лучше старого хаджи Омера. Замужество Паши «в ту зиму стало главной забавой завсегдатаев трактира Зарии»⁴³. Хорошо шутить в теплом трактире длинными зимними вечерами. Завсегдатаи зубоскалили в адрес Кривого, прозвучали роковые слова: «Покончи с собой!»⁴⁴. Кульминационные слова и кульминационное происшествие случилось зимней февральской ночью, когда пьяная компания гуляла у моста. Поспорили, кто отважится пройти по узкой каменной ограде моста, покрытой тонким льдом. Кривой осмелился и наподобие призрака высоко «парил». Первые его шаги были неуверенными и осторожными, но по мере приближения к середине моста они становились смелее. Он стал «невесомым и легким, как бывает иной раз во сне», «как на крыльях танцевал и реял над бездной»⁴⁵. Герой двигался по перилам, не шагая, а приплясывая, и этот танец нес его так, словно какая-то всемогущая сила управляла его движениями. На мосту, как в лиминальном пространстве, происходят и другие сказочные и магические происшествия, контакт героя с мостом вызывает в нем ощущение полета, витания в неземном пространстве. Соприкасаясь с мостом, человеческое сознание, по мысли Р. Вучковича, становится воображаемым тканьем, стремящимся преодолеть все материальное⁴⁶. И поэтому на мосту как в пограничном пространстве стираются границы между возможным и невозможным, между жизнью и смертью. Герой на мосту переходит не только границу левого и правого берега, но и границу материального и нематериального. Герой и мост как будто вместе живут и поддерживают друг друга. Этот камень моста как неживой предмет, настоящая площадка, сцена актера, «стезя великих подвигов», в игре Кривого стал живым, т. е. символика «мертвого камня», о котором пишет Т. В. Цивьян⁴⁷, превращается в символику «живого камня», помогающего герою перейти на другой берег. На той стороне находятся все желания Кривого, и мост словно переносит его туда. Мертвый, неподвижный мост в эту февральскую ночь вместе с Кривым и его

43 Андрич И. Мост на Дрине...

44 Там же.

45 Там же.

46 Вучковић Р. Велика синтеза... С. 314.

47 Цивьян Т. В. Об энантосемии... С. 100.

танцем оживает. Признак «живого камня», по словам Цивьян, — движение, «камень движется, как в вертикальном направлении (растет вверх или падает вниз), так и в горизонтальном — передвигается по земле и по воде»⁴⁸. Каменный мост вступает во взаимоотношение с людьми, о чем писал Б. Тошович, указывая на отношение «категориально разных реалий (неживого и живого)»⁴⁹. Безжизненный камень ледяных перил вышеградского моста словно ожил, помогая герою преодолеть водную бездну в зимнюю февральскую ночь. Эпизод с Кривым на зимнем мосту овеществляет легенду, делает реальностью столкновение человека с мечтой, с вечностью. Танец на каменных, узких и скользких перилах моста в зимнюю февральскую ночь остался в памяти людей и передавался из поколения в поколение потому, что был особым «волшебным», «радостным» танцем на запретном пути, «которым никогда никто не ходит»⁵⁰. Благодаря образу Кривого зимняя ночь в романе раскрывается не только как время остановки работ, пыток и ужасов, сторожей и проверок, не только как время ожидания и омертвления, но и как час волшебной игры. Танец и февральскую ледяную ночь. Превратившийся в актера, в магическую птицу, летящую над удивленным народом, Вышеградом, зимней Дриной, Кривой представляет собой «триумф свободы духа над мрачным диктатом чаршии»⁵¹ и касабы»⁵². Он стал «*homo ludens*», человеком играющим, игра же, по мысли М. Джорджевича, при встрече со смертью становится «аффирмацией жизни и искусства»⁵³. Именно этот элемент искусства — «аффирмации жизни» — будет интересовать нас в романе Пастернака.

«Доктор Живаго» — зимнее пробуждение творческих сил

В отличие от «Моста на Дрине» роман «Доктор Живаго» насыщен мотивами зимы и холода. Нередко зима раскрывается здесь как отрицательная стихия, ее «предсказывают всякие ужасы, голод и холод»⁵⁴, что Тоня выражает фаталистическими словами: «Бог даст,

48 Там же. С. 102.

49 *Tošović B.* Funkcijsko čitanje Čuprije // *Andrićeva Čuprija...* S. 47.

50 *Андрич И.* Мост на Дрине...

51 Торговый центр боснийского города, включающий в себя

рыночную площадь и прилегающие улицы.

52 *Brajović T.* Groznica i podvig... S. 169.

53 *Ђорђевић М.* Ћоркан и феномен игре... S. 270.

54 *Пастернак Б.* Доктор Живаго. СПб., 2003. С. 263.

перезимуем»⁵⁵. С семнадцатого на восемнадцатый год настала именно такая, предсказанная зима, она еще «не так пугала, как две наступавшие вслед за нею, но была уже из их породы, темная, голодная и холодная, вся в ломке привычного и перестройке всех основ существования, вся в нечеловеческих усилиях уцепиться за ускользающую жизнь»⁵⁶. Именно в зимний день Юрий Андреевич записывает, что простудился, кашляет, что у него жар, и того хуже — впервые осознает симптомы болезни сердца, унаследованной от матери. Зимой, во время пребывания у партизан, Живаго чувствует себя одиноким, скучает по своим и решает уйти. В послереволюционное время, после декабря, были «зверские морозы», «буря» приравнивалась к «суматохе»⁵⁷. Когда митинговали, повалил снег («Мостовые побелели. Снег валил, все гуще»), а когда митинги закончились, снег больше не падал («[...] снег шел реже. Вечер был сух, как рисунок углем»⁵⁸).

Зима и буря проявляют себя и в «игре» с Юрием Андреевичем в послеоктябрьской Москве, когда запорошил «реденький снежок», а потом превратился в снежную бурю, и Живаго играет с ним, или, наоборот, снег играет с героем:

Юрий Андреевич загибал из одного переулка в другой и уже терял счет сделанным поворотам, как вдруг снег повалил густо-густо и стала разыгрываться метель, та метель, которая в открытом поле с визгом стелется по земле, а в городе мечется в тесном тупике, как заблудившаяся⁵⁹.

Игра метели связана с ее движением, а оно, как заметила Ксения Нагина, разнонаправленно, это кружение и бесконечный полет⁶⁰.

55 Там же. С. 264.

56 Там же. С. 296.

57 Там же. С. 122.

58 Там же. С. 95.

59 Там же. С. 291.

60 *Нагина К. А.* Метели Серебряного века в историко-литературной перспективе // Восток-Запад: Пространство природы и пространство культуры в русской литературе и фольклоре. Волгоград, 2011. С. 269. Здесь стоит упомянуть американско-британский фильм «Доктор Живаго», снятый по роману Пастернака (реж. Дэвид Лин) в 1965 г. Известная музыка, являющаяся лейтмотивом фильма (композитор — Морис Жарр) называется «Лара-вальс». Визуальное круговое движение вальса приравнивается к такому же движению метели.

В метельном мире «верх и низ меняются местами, опрокидываются»⁶¹. Юрий на улице у мальчика купил газету с правительственным сообщением из Петербурга об образовании Совета народных комиссаров, об установлении советской власти и введении диктатуры пролетариата вместе с первыми декретами. Метель мешала ему читать газету: хлестала его по глазам и «покрывала печатные строчки газеты серой и шуршащей снежной крупью»⁶². Газету ему все-таки удалось прочитать. Он вошел в подъезд дома и при электрическом свете начал неторопливо читать (контраст между спокойствием внутреннего и водоворотом внешнего пространства). Но игра со снежной бурей не закончилась. Подходя к своему дому, герой обнаружил на тротуаре у края мостовой кучу досок и бревен. Поскольку зима была «холодная» и «голодная», надо было запастись топливом, Живаго решил кое-что забрать с собой, тем более что дома кончились дрова. Ему мешал часовой с ружьем, но тут снег оказался на руку.

Юрий Андреевич, не задумываясь, улучил минуту, когда часовой завернул во двор, а налетевший *вихрь закрутил в воздухе особенно густую тучу снежинок* [курсив мой. — Я. В.]. Он зашел к куче балок с той стороны, где была тень и куда не падал свет фонаря, и медленным раскачиванием высвободил лежавшую с самого низа тяжелую колоду⁶³.

Зима в романе означает очень разные состояния: одиночество, игру, голод и холод, революционные мятежи и военные действия. Зимой надо остановиться, окопаться, как делают партизаны, которые думали перенести стан в другое место, но вынужденно остались в лесу. Но у Пастернака зима, в отличие от страшных холодов в «Мосте на Дрине», представлена и как волшебное время года:

Давно настала зима. Стояли трескучие морозы. Разорванные звуки и формы без видимой связи появились в морозном тумане, стояли, двигались, исчезали. Не то солнце, к которому привыкли на земле, а какое-то другое, подмененное, багровым шаром висело в лесу. От него туго и медленно, *как во сне или в сказке* [курсив мой. —

61 Нагина К. А. Метели серебряного века... С. 269.

62 Пастернак Б. Доктор Живаго... С. 292.

63 Там же. С. 294.

Я. В.], растекались лучи густого, как мед, янтарно-желтого света и по дороге застывали в воздухе и примерзали к деревьям⁶⁴.

Волшебная зима больше всего раскрывается в сибирской партизанской части романа под названием «Рябина в сахаре», где описывается рябина, которая «была наполовину в снегу, наполовину в обмерших листьях и ягодах и простирала две заснеженные ветки вперед навстречу ему»⁶⁵. Любуясь красотой рябины, Живаго вспомнил большие, щедрые и белые руки Лары. Белизна снега и сахара связывается с белизной рук Лары, а белизна женщины или «белая Женщина» у поэтов-символистов, о которой пишет Аге А. Ханзен-Лёве, является объектом «мистико-эротического» или эстетического поклонения⁶⁶. Белизна в описании рябины в снегу связывается с красным, а в мифопоэтической формуле высказывается близость и противоположность белого и красного в отношениях «красный : белый = золотой : серебряный»⁶⁷. Белизна рук Лары, как фольклорной, земной женщины и сакрально-возвышенной софиологической премудрости, связывается с красным цветом рябины, что выражается и в сопоставлении белого и красного (жизнь, эротическая любовь, страсть и смерть). Снежно-белые руки Лары появлялись и в бреде Живаго, когда он лежал больным и у него темнело в глазах. В противоположность темноте перед его глазами в бреде белеют руки Лары, «белые до плеч»⁶⁸, и она как «лебедино-белая прелесть»⁶⁹. «Словно сознательным ответным движением рябина осыпала его снегом с ног до головы. Он бормотал, не понимая, что говорит, и сам себя не помня»⁷⁰. Красная с белым рябина приравнивается к Ларе, и он говорит: «Я увижу тебя, красота моя писаная, княгиня моя, рябинушка, родная кровинушка»⁷¹. И в эту зимнюю светлую ночь, «как во сне или в сказке», он ушел из лагеря, словно волшебный герой устремился к своей возлюбленной. Стрель-

64 Там же. С. 518–519.

65 Там же. С. 524.

66 Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. СПб., 2003. С. 458.

67 Там же.

68 Пастернак Б. Доктор Живаго... С. 549.

69 Там же. С. 550.

70 Там же. С. 524.

71 Там же.

ников, овеществляя свое имя, застрелился у порога дома в Варыкине в зимнюю пору, так что «снег под его левым виском сбился красным комком» и «брызнувшие капли крови скатились со снегом в красные шарики, похожие на ягоды мерзлой рябины»⁷². Белое и красное зимним утром объединяются, как объединяются небесное и земное, жизнь и смерть. Любовно-красный цвет рябины становится кроваво-красным цветом на снегу.

Волшебно метафоричны в романе описания прелести зимы:

Снег в эту зиму лежал глубоким слоем, выше порога сарая. Его дверная притолока как бы опустилась, сарай *точно сгорбился*. С его крыши почти на голову доктору *шапкой исполинского гриба* [курсив мой. — Я. В.] свисал пласт наметенного снега⁷³.

Граница или невозможность ее определения между сном и явью или жизнью и смертью раскрывается уже в начале романа, в описании снежной бури, в церковно-календарном смысле — в канун Покрова⁷⁴, в описании похорон матери мальчика Юры. В эти дни не только сильно похолодало, на дворе бушевала вьюга и воздух «дымился снегом»⁷⁵, но вьюга эта словно ожила, что достигается приемом антропоморфизации⁷⁶:

Можно было думать, будто буря заметила Юру и, сознавая, как она страшна, наслаждается производимым на него впечатлением. Она свистела и завывала и всеми способами старалась привлечь Юрино внимание⁷⁷.

Вьюга господствовала, «ничто с ней не соперничало», она была «одна на свете», снег белой тканью падал на землю, «обвивая ее по-

72 Там же. С. 640.

73 Там же. С. 614.

74 *Скороспелова Е. Б., Чаглыян Ш. К.* Семантика и функции мотива метели в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (58): в 3-х ч. Ч. 2. С. 42.

75 *Пастернак Б.* Доктор Живаго... С. 55.

76 *Скороспелова Е. Б., Чаглыян Ш. К.* Семантика и функции мотивов метели... С. 41.

77 *Пастернак Б.* Доктор Живаго... С. 55.

гребальными пеленами»⁷⁸, напоминающими покров Богородицы, которая своим покрывалом (покровом) защитила народ в храме от видимых и невидимых врагов. Таким образом, снег «превращается в погребальную пелену, белую ткань»⁷⁹. Он спасает землю от мороза и обещает воскресение, давая маленькому Юрию необходимую защиту, раскрывает трансцендентную истину. В метель, когда после похорон матери герой оказывается в келье, куда его привез дядя — священник Николай Веденяпин, снег придает мистический характер всей сцене⁸⁰. Маленький Юра постепенно становится Юрием Живаго, т. е. живым, поскольку имя Живаго, как упоминает Гаспаров, восходит к выражению из церковнославянского текста Евангелия: Сына Бога Живаго⁸¹. Таким образом, «родительный падеж прилагательного превратился в именительный падеж существительного; слово, служившее атрибутом Христа, стало именем интеллигента начала века [...]»⁸². То есть мальчик Юра в канун Покрова, в день похорон матери, начинает постепенно взрослеть, становясь Юрием Живаго, превращая смерть в жизнь и сам преобразуясь во врача, интеллигента, и впоследствии — поэта.

Кроме упомянутых примеров, связанных с зимой и холодом, включая как отрицательные, дающие «впечатление завуалированного присутствия inferнальных сил»⁸³, так и положительные, реализующиеся в трансцендентном, сакральном, в возрождении, в присутствии Провидения, нам представляется, что наиболее значительно мотивы зимы и холода раскрываются в пробуждении творческой силы главного героя, ибо она ведет к преодолению смерти, к «воскресению».

Общим для «метельных» текстов авторов-модернистов, как заметила К. Нагина, становится «мотив тканья, отсылающий к мифопоэтическому представлению о прядении как сотворении мироздания, жизни, судьбы»⁸⁴. В зиме есть нечто созидательное, она дает толчок к акту творчества, а «акт творчества приравнивается к созидательной

78 Там же.

79 *Скороспелова Е. Б., Чаглыян Ш. К.* Семантика и функции мотивов метели... С. 42.

80 *Гаспаров Б.* Временной контрапункт... С. 332.

81 Матф. 16: 16.

82 *Гаспаров Б.* Временной контрапункт... С. 352, см. также: *Фатеева Н.* Поэт и проза... С. 271.

83 *Скороспелова Е. Б., Чаглыян Ш. К.* Семантика и функции мотивов метели... С. 44.

84 *Нагина К. А.* Метели серебряного века... С. 270.

работе метели»⁸⁵. Ткацкая работа не только метели, но зимы вообще подталкивает поэта к творчеству, помогает ему в «плетении» слов в минуты вдохновения. Изучая поэзию Пастернака, М. Эпштейн в книге «Природа, мир, тайник вселенной...» (1990) обращает наше внимание на тяготение поэта к «моментальной и бурной смене впечатлений, сплетению разнокачественных образов и ассоциаций»⁸⁶. Он констатирует, что «зимних» стихотворений у Пастернака гораздо больше, чем «летних», и что «одна из своеобразных черт пастернаковского видения природы — стремление определить через нее сущность поэзии и вдохновения»⁸⁷. Именно вдохновение, побуждение к творчеству, превращающему мгновенное в вечное, роднит романы «Мост на Дрине» и «Доктор Живаго».

Зима в пастернаковском романе всегда представляет какое-либо начало: начало работы, начало пути, новых решений. В зимнее время Лара пришла к роковому решению выстроить свою жизнь независимо от других. Живаго стал собираться в дорогу, и перед его отъездом в Мелюзеее поднялась страшная буря, когда «шум урагана сливался с шумом ливня, который то отвесно обрушивался на крыши, то под напором изменившегося ветра двигался вдоль улицы [...]»⁸⁸. Накануне отъезда семьи Живаго в Юрятин поднялась снежная буря, а в день их отъезда «на дворе еще было темно. Снег в безветренном воздухе валил гуще, чем накануне»⁸⁹. Всю дорогу до Юрятина было холодно и снежно. Даже поезд останавливался из-за снежных заносов, расчистка пути заняла трое суток, на Урале его пассажиров встречает холод. Юрий с Ларой выехали из города утром зимнего дня⁹⁰, Лара уезжает в зимнее время (разлука героев), т. е. многие отъезды связаны с зимой и холодом как движущей силой, началом движения. Однако, несмотря на холода и метели, окружающее было прекрасно: двор, дом, где все собирались, разговаривали и читали. Холод снаружи и теплота внутри, красивая обстановка; вдохновленный зимой, Юрий стал вести разного рода записи. Молодой интеллигент начинает заниматься творчеством именно зимой, созидая рукотворно и духовно.

85 Там же.

86 *Эпштейн М.* Природа, мир, тайник вселенной... Система пейзажных образов в русской поэзии. М., 1990. С. 249.

87 Там же. С. 251.

88 *Пастернак Б.* Доктор Живаго... С. 234.

89 Там же. С. 320.

90 Там же. С. 592.

Какое счастье работать на себя и семью с зари до зари, сооружать кров, возделывать землю в заботе о пропитании, создавать свой мир, подобно Робинзону, подражая Творцу в сотворении вселенной, вслед за родной матерью производя себя вновь и вновь на свет!⁹¹

Именно пробуждение творческой силы героя в такую пору отличает восприятие зимы Пастернаком от видения Андрича, для которого в это время все замирает и останавливается. Живаго выражает свою любовь к зиме непосредственно, ощущая ее основными органами чувств:

Я люблю зимою теплое дыхание подземелья, ударяющее в нос корнями, землей и снегом, едва подынешь опускающую дверцу погребца, в ранний час, до зимнего рассвета, со слабым, готовым угаснуть и еле светящимся огоньком в руке⁹².

Ощущая зиму всем существом, герой ясно понимает, что ему хочется писать и надо торопиться, поскольку весной ему будет не до писания и чтения. Красота зимы, зафиксированная в его записях («Ясная морозная ночь. Необычайная яркость и цельность видимого»)⁹³, рождает вдохновение, которое возрастает от записок к стихам и достигает своего апогея в зимние вечера в Варыкине. Кульминационная часть превращения врача-интеллектуала в настоящего поэта происходит перед концовкой романа в части «Опять в Варыкине» до «Окончания» и «Эпилога», когда становится абсолютно ясно, что «философия творчества и философия бытия неотделимы друг от друга»⁹⁴. Белые, как снег, бумаги, головы спящих Лары и Катеньки на белоснежных подушках и чистота белья — все сливалось с чистотой всего окружающего, и ночи, и снега, и звезд, и месяца. Так в романе создается образ поэта в период вдохновения, когда написаны наряду с другими стихотворениями «Рождественская звезда» и «Зимняя ночь». Белый цвет зимней ночи, или же обесцвечивание, поскольку белый цвет — это не-цвет и антицвет⁹⁵, как нуль, как ничто, раскрывает возможность творения. Из «ничто» поэт творит мир поэзии — «всё». Абстрактность белизны, как

91 Там же. С. 399.

92 Там же. С. 402.

93 Там же. С. 407.

94 Хан А. Концептуальная основа... С. 277.

95 Ханзен-Лёве А. Русский символизм... С. 453.

объясняет Ханзен-Лёве, изучающий мифопоэтический символизм начала XX в., «во всех мифических и герметико-гностических цветовых системах имеет сверхъестественный, метафизический, беспредметный характер»⁹⁶. Красота зимней ночи, которая представляет собой и ночь творческую, объединяет все белое как *tabula rasa*, из которой творится мир в своем сакральном значении. Объясняя белый цвет в мифопоэтическом мире русских поэтов-символистов, Ханзен-Лёве пишет об иконе «Преображение» как о центральном типе иконы в православной иконографии, в которой «облачение преображенного Христа состоит из белого сияния, ослепляющего троих апостолов и повергающего их ниц»⁹⁷. Белое сияние связывается и с Софией — воплощением божественной Премудрости⁹⁸. В. Н. Топоров писал, что женское начало, «воплощенное в др.-греч. *Sophia*, в русской традиции осмыслялось как тождество “Земля = Дева Мария = Премудрость Божья”»⁹⁹. Белая зимняя ночь Юрия Живаго предстает как ночь «премудрости» и «преображения», пробуждения его настоящих творческих сил, и, впоследствии, его «видения», когда и месяц, и снег во дворе, и бумага, и подушки, и белье — все окутывается аурой белизны. Роскошь этой ни с чем не сравнимой прекрасной «морозной ночи была непередаваема. Мир был на душе у доктора. Он вернулся в светлую, теплую истопленную комнату и принялся за писание»¹⁰⁰. Тогда его рука как будто пишет сама, и герой чувствует, что главную работу совершает не он сам, но то, что выше его, что находится над ним и управляет им, «а именно: состояние мировой мысли и поэзии, и то, что ей предназначено в будущем, следующий шаг, который ей предстоит сделать в своем историческом развитии. И он чувствовал себя только поводом и опорной точкой, чтобы она пришла в это движение»¹⁰¹. Все в эту ночь было светло, и огонь, и месяц, и снег, и белые подушки, и бумага. Все слилось в одно, чтобы художник сотворил свое художественное произведение самым прочным материалом — языком:

Язык, родина и вместилище красоты и смысла, сам начинает думать и говорить за человека и весь становится музыкой не в отноше-

96 Там же. С. 453.

97 Там же.

98 Там же.

99 Цит. по: *Фатеева Н.* Поэт и проза... С. 272.

100 *Пастернак Б.* Доктор Живаго... С. 604.

101 Там же. С. 605.

нии внешне слухового звучания, но в отношении стремительности и могущества своего внутреннего течения. Тогда подобно катящейся громаде речного потока, самым движением своим обтачивающей камни дна и ворочающей колеса мельниц, льющаяся речь сама, силой своих законов создает по пути, мимоходом, размер, и рифму, и тысячи других форм и образований еще более важных, но до сих пор не узанных, не учтенных, не названных¹⁰².

Поэтическая сила языка «утверждает модель сверхиндивидуальной творческой субъективности»¹⁰³. Творческая деятельность Юрия Живаго в зимние ночи осмысливается как победа над смертью, и этот «виталистический характер», по словам А. Хан¹⁰⁴, и творческий потенциал творческого субъекта представляет собой победу вечного над временным.

Сила труда и длительность работы при постройке «волшебного» и «постоянного», «прекрасного» и «вечного» моста в романе Андрича и сила слова в романе Пастернака раскрывают способность человека в неблагоприятных условиях творить всевременное.

Ars longa, vita brevis

Зима останавливает работы по постройке моста и в то же время стимулирует работу Живаго, но в обоих романах творческая сила преодолевает все препятствия, показывая, как в латинской пословице «искусство вечно, жизнь коротка» (*Ars longa, vita brevis*), что вечность и всевременность искусства неуничтожимы. Как заметил Юрий Живаго в зимнее время, после похорон и отпевания Анны Ивановны, матери Тони: «Оно [искусство. — Я. В.] неотступно размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь»¹⁰⁵.

Главные герои в обоих романах «умерли», пострадали. Мост строили на протяжении длительного исторического периода, в сознании народа он был «прекрасным и вечным», но в начале Первой мировой войны в 1914 г. его разрушают. Одновременно с разрушением моста умирает и Али-ходжа, чтобы открылась возможность постройки «где-то», за пределами конкретного города, места и романа («если рушат здесь, то ведь где-то, надо полагать, должны и возводить»¹⁰⁶). Юрий

102 Там же. С. 604.

103 Хан А. Концептуальная основа... С. 281.

104 Там же. С. 285.

105 Пастернак Б. Доктор Живаго... С. 163.

106 Андрич И. Мост на Дрине...

Андреевич пишет стихи в зимнее время на протяжении длительного периода, но «личное существование героя умерщвляется, в то же самое время приобретая предметное воплощение и, таким образом, новое существование в рамках художественного текста, потому что только таким образом оно сможет стать строительным материалом для других жизней. Творческий субъект должен пожертвовать своим личным существованием ради возрождения его на более высоком уровне предметной воплощенности»¹⁰⁷. Результат творчества героя — его поэзия, «Стихотворения Юрия Живаго», из временного они уходят в вечное, вневременное, так же, как и мост, который, возможно, когда-нибудь построят столь же красивым, как в мыслях Али-ходжи. И мост, и поэзия композиционно выходят за рамки своих произведений — мост в неизвестное «где-то», поэзия — в бессмертие после ухода ее творца. Оба романа, «Мост на Дрине» и «Доктор Живаго», композиционно уходят в вечность, где и есть место настоящему искусству.

Источники и литература

Andrić I. Na Drini ćuprija. Sabrana djela Ive Andrića. Sarajevo: udruženi izdavači, 1981. Knjiga prva. 399 s.

Andrićeva Ćuprija / Andrićs Brücke. Andrić-Initiative: Graz, Beograd, Banjaluka: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität, Beogradska knjiga, Narodna i univerzitetska biblioteka Republike Srpske, Svet knjige, 2013. 1043 s.

Brajović T. Groznica i podvig. Ogledi o erotskoj imaginaciji u književnom delu Ive Andrića. Beograd: Geopoetika, 2015. 328 s.

Nemec K. Gospodar priče. Poetika Ive Andrića. Zagreb: Školska knjiga, 2016. 373 s.

Андрич И. Мост на Дрине. URL: <https://www.flibusta.site/b/105029/read> (дата обращения: 10.08.2020).

Вучковић П. Велика синтеза. О Иви Андрићу. Београд-Ниш: Алтера, 2011. 517 с.

Гаспаров Б. Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Пастернака «Доктор Живаго» // Boris Pasternak and His Times. Selected Papers from the Second International Symposium on Pasternak. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1989 (Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts, vol. 25). P. 315–358.

107 Хан А. Концептуальная основа... С. 296.

Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. СПб.: Академический проект, 2003. 816 с.

Нагина К. А. Метели Серебряного века в историко-литературной перспективе // Восток-Запад: Пространство природы и пространство культуры в русской литературе и фольклоре. Волгоград: Парадигма, 2011. С. 266–274.

Пастернак Б. Доктор Живаго. СПб.: Азбука-классика, 2003. 765 с.

Скороспелова Е. Б.; Чаглыян Ш. К. Семантика и функции мотива метели в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4 (58): в 3-х ч. Ч. 2. С. 41–44.

Сухих И. Н. Живаго жизнь: стихи и стихии // Пастернак Б. Доктор Живаго. СПб.: Азбука-классика, 2003. С. 5–50.

Фатеева Н. Поэт и проза. Книга о Пастернаке. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 400 с.

Хан А. Концептуальная основа пространственно-временной системы в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго» // Творчество Бориса Пастернака в контексте эстетической и философской мысли XX века. Szeged: Acta universitatis syegediensis. Dissertationes slavicae sectio historiae litterarum XXV, 2015. С. 273–298.

Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. СПб.: Академический проект, 1999. 512 с.

Цивьян Т. В. Об энантиосемии: *неподвижность versus движение* // Живой камень: от природы к культуре. М.: Институт мировой культуры МГУ, 2015. С. 100–110.

Эпштейн М. Природа, мир, тайник вселенной... Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 303 с.

Юнгрен А. О поэтическом генезисе «Доктора Живаго» // Studies in 20th Century Russian Prose. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1982. С. 228–249.

References

Andrich, I. *Most na Drine*. URL: <https://www.flibusta.site/b/105029/read> (accessed: 10.08.2020).

Andrić, I. “Na Drini ćuprija”. *Sabrana djela Ive Andrića*. Knjiga prva. Sarajevo: udruženi izdavači, 1981, 399 s.

Andrićeva Ćuprija / Andrićs Brücke. Andrić-Initiative: Graz, Beograd, Banjaluka: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität, Beogradska knjiga, Narodna i univerzitetska biblioteka Republike Srpske, Svet knjige, 2013, 1043 s.

Brajiović, T. *Groznica i podvig. Oglеди o erotskoj imaginaciji u književnom delu Ive Andrića*. Beograd: Geopoetika, 2015, 328 s.

Ėpshtein, M. *Priroda, mir, taĭnik vselennoĭ... Sistema peĭzazhnykh obrazov v russkoĭ poĕzii*. Moscow: Vysshiaia shkola, 1990, 303 p.

Fateeva, N. *Poĕt i proza. Kniga o Pasternake*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003, 400 p.

Gasparov, B. "Vremennyĭ kontrapunkt kak formoobrazuiushchii printsip romana Pasternaka «Doktor Zhivago»". *Boris Pasternak and His Times. Selected Papers from the Second International Symposium on Pasternak, Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts*, vol. 25. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1989, p. 315–358.

Iunggren, A. "O poĕticheskom genezise «Doktora Zhivago»". *Studies in 20th Century Russian Prose*. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1982, p. 228–249.

Mifopoĕticheskiĭ simvolizm nachala veka. Kosmicheskaia simvolika. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2003, 816 p.

Nagina, K. A. "Meteli CerebrianoĖo veka v istoriko-literaturnoĭ perspektive". *Vostok-Zapad: Prostranstvo prirody i prostranstvo kul'tury v russkoĭ literature i fol'klore*. Volgograd: Paradigma, 2011, p. 266–274.

Nemec, K. *Gospodar priĕe. Poetika Ive Andrića*. Zagreb: Ŗkolska knjiga, 2016, 373 s.

Pasternak, B. *Doktor Zhivago*. Saint Petersburg: Azbuka-klassik, 2003, 765 p.

Skorospelova, E. B.; Chaglyian, Sh. K. "Semantika i funktsii motiva meteli v romane B. Pasternaka «Doktor Zhivago»". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2016, № 4 (58): in 3 vol., vol. 2, p. 41–44.

Sukhikh, I. N. "Zhivago zhizn': stikhi i stikhii". *Pasternak B. Doktor Zhivago*. Saint Peterburg: Azbuka-klassika, 2003, p. 5–50.

Tsiv'ian, T. V. "Ob ěnantioseunii: nepodvizhnost' versus dvizhenie". *Zhivoĭ kamen': ot prirody k kul'ture*. Moscow: Institut mirovoĭ kul'tury MGU, 2015, p. 100–110.

Xan, A. "Kontseptual'naia osnova prostranstvenno-vremennoĭ sistemy v romane Borisa Pasternaka «Doktor Zhivago»". *Tvorchestvo Borisa Pasternaka v kontekste ěsteticheskoĭ i filosofskoĭ mysli XX veka*. Szeged: Acta universitatis syegediensis. Dissertationes slavicae sectio historiae litterarum XX, 2015, p. 273–298.

Xanzen-Lĕve, A. *Russkiĭ simvolizm. Sistema poĕticheskikh motivov*. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 1999, 512 p.

Vuĕkoviĕ, R. *Velika sinteza. O Ivi Andriću*. Beograd-NiŖ: Altera, 2011, 517 s.

Jasmina Vojvodić
University of Zagreb (Zagreb, Croatia)

Andrić and Pasternak: Two Novels about Creativity
(the problems of winter's semantics)

This paper compares the poetics of two novels: *The Bridge on the Drina* by Ivo Andrić and *Doctor Zhivago* by Boris Pasternak. Both historical novels are “atypical” (chronicle / *vita sacrum*), and relate to time (linear time / overcoming of linear time; long period of time / moment) and space (Vishegrad / “throughout Russia”; statics / movement) differently. Both novels, however, narrate about an indestructible artistic creation that transcends all ideas of time, and about a work of art, made of stone (the bridge) or of language (poetry), which surpasses the present and creates a sense of being beyond time and in eternity. While winter and the cold in Andrić’s novel mark the end of the work on the bridge, in Pasternak’s novel winter presents a time of inspired creativity. The paper offers an analysis of motifs of winter and the cold not only through climatological and geographical prisms, but also from the perspective of the game and the relationship between the warmth on the inside and the cold on the outside, through the prism of folklore and sacral elements. Keywords: *Andrić, Pasternak, winter, the bridge, poet, creativity.*

**От Ленина до нэпмана, от голода до яств:
нэповская Москва глазами Булгакова и Крлежи**

В данной статье Октябрьская революция рассматривается как основополагающий мифоконструкт советской (тоталитарной) мифологии, который — по словам Е. Мелетинского — должен был совершить символическую космоизацию дореволюционного Хаоса. Ведущую роль в этом процессе сыграла послеоктябрьская Москва. Теоретическую основу статьи составили труды Е. Мелетинского, Ж. Дерриды и М. Рыклина, посвященные советской Москве. М. Рыклин в книге «Коммунизм как религия. Интеллектуалы и Октябрьская революция» (2009) утверждает, что для многих европейских левых интеллектуалов послеоктябрьская Москва стала «новым Иерусалимом». Москву как новую Мекку воспринимали не только европейские левые интеллектуалы, но и большая часть русской интеллигенции, которая либо восторженно приветствовала советскую власть, либо решила с ней смириться и сотрудничать. По возвращении из Москвы выдающийся югославский хорватский писатель и уверенный ленинист Мирослав Крлежа опубликовал «Поездку в Россию» (1926) — одно из глубочайших «возвращений из СССР», которое было запрещено в советской России. После того, как не успел эмигрировать, т. е. покинуть Владикавказ и уехать за границу, Михаил Булгаков переехал в Москву, на которую возлагал большие надежды и от которой много ждал в 1920-е гг. В это время Москва была для Булгакова неистощимым источником вдохновения, о чем свидетельствуют его фельетоны двадцатых годов («Столица в блокноте» (1922); «Сорок сороков» (1923); «Золотистый город» (1923)). Несмотря на совершенно противоположные политические взгляды Булгакова и Крлежи, у них обнаруживается поразительно много общего в плане тонких наблюдений за повседневной нэповской Москвой и в плане борьбы с советской цензурой. Данная статья является первой попыткой сопоставительного исследования московских впечатлений двух выдающихся славянских писателей XX в. Ключевые слова: *Булгаков, Крлежа, эпоха НЭПа, мифоконструкт.*

«Москва — котел, — в нем варят новую жизнь».

М. А. Булгаков, «Столица в блокноте», 1923.

Москва — новая идеологическая Мекка

В тоталитарной советской мифологии¹ Октябрьская революция играет совершенно исключительную роль. Она является краеугольным камнем, основополагающим мифоконструктом советской цивилизации. Е. М. Мелетинский в труде «Миф и двадцатый век» (1998) обращает внимание на тот факт, что любая мифология стремится превратить хаос в порядок. Он подчеркивает, что главная цель мифа — поддержание гармонии, т.е. поддержание и контроль социального и космического порядка. «В мифологии нет места для неупорядоченности, потому что в мифе превалирует пафос преодоления Хаоса в Космос, защиты космоса от сохранившихся сил Хаоса. Формирование Космоса в мифе совершается в некое “раннее” мифологическое время» — пишет Мелетинский², а события «раннего» времени он называет кирпичиками мироздания. Именно такую функцию кирпича мироздания, в котором сосредоточены основные события, происходящие в советской мифологии, выполняет Октябрь. Он совершает — словами Мелетинского — символическую космизацию дореволюционного Хаоса.

Необходимо заметить, что место и герой в мифологии выполняют особенно важную роль. Это объясняет важность и популярность, которую обрела Москва — новая советская столица — после Октября. Я. К. Берендс в статье «Строительство новой Москвы: меняющийся символ советской модерности» (2015) замечает важную перемену в символической и материальной ориентации Москвы после Октябрьской революции. Пока в дореволюционном государстве Москва «служила эмблемой героического национального прошлого, большевики поставили перед собой задачу изменить эту семантику. Москва — их столица — должна была стать местом демонстрации достижений нового режима, городом, обитатели которого в повседневной жизни смогут ощутить на себе светлое коммунистическое будущее, а также коммунистической Меккой для зарубежных пилигримов»³. После-

1 См.: *Топорков А. Л.* Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm>

2 *Мелетинский Е.* Миф и двадцатый век. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky1.htm> (дата обращения: 10.08.2020).

3 *Берендс Я. К.* Строительство новой Москвы: меняющийся символ советской модерности // НЛЮ. 2015. № 133. URL: <http://www.>

октябрьская Москва, иными словами, стремится в будущее. У нее собственный утопическо-революционный дискурс и поэтому Москва двадцатых годов стала идеологической Меккой левых европейских путешественников-интеллектуалов.

Путешествия в святой город будущего, которые начиная с двадцатых годов совершали выдающиеся европейские писатели и интеллектуалы (Беньямин, Рассел, Кестлер, Жид, Брехт, Фейхтвангер и пр.), стали темой многих исследовательских трудов. Их путешествия в СССР и Москву создали литературный и религиозно-профетический жанр, который Ж. Деррида предложил называть возвращениями из СССР: «Здесь имеется в виду богатый, но кратковременный, интенсивный и насыщенный тип литературы, которому я предлагаю дать название, избранное Андре Жидом для своей знаменитой книги 1936 года — Возвращение из СССР»⁴. Полное название жанра — это *Back from Moscow, in the USSR* (а в качестве эпиграфа к нему Деррида предлагает известную песню группы Beatles «Back in the USSR», которая переворачивает название книги Жиды): «Ничего подобного не было до Октябрьской революции, повод ему дала Революция, причем дала она его в географически и политически уникальном месте, на основе незаменимого геополитического события, взятого за образец; [это место] — Москва, Советский Союз»⁵.

М. К. Рыклин в книге «Коммунизм как религия. Интеллектуалы и Октябрьская революция» (2009) утверждает, что для многих западных левых интеллектуалов Москва связывалась с большими ожиданиями. В двадцатые годы Мирослав Крлежа, как и большинство левой интеллигенции, ехал в советскую Москву с большими надеждами. По возвращении из Москвы он опубликовал «Поездку в Россию» (1926) — одно из важнейших и глубочайших возвращений из СССР. Мировой пожар, о котором писал А. А. Блок в поэме «Двенадцать» (1918), захватил и Балканы. Первые известия об Октябрьской революции были восприняты югославскими трудящимися с восторгом. С восторгом ее приняли молодые революционные поэты Мирослав

intelros.ru/readroom/nlo/nlo133-2015/27532-stroitelstvo-novoy-moskvy-menyayuschisya-simvol-sovetskoy-modernosti.html (дата обращения: 10.08.2020).

⁴ Деррида Ж. Back from Moscow, in the USSR. URL: <https://litresp.com/chitat/ru/D/derrida-zhak/zhak-derrida-v-moskve-dekonstrukciya-puteshestviya/2> (дата обращения: 10.08.2020).

⁵ Там же.

Крлежа и Август Цесарец, которые в 1919 г. славили ее на страницах левого журнала Пламен (Plamen), где, как замечает С. А. Романенко, Крлежа старался преодолеть политическую традицию иллиризма. Г. Я. Ильина подчеркивает тот факт, что именно Цесарец и Крлежа стояли «у истоков революционной литературы Югославии»⁶. Это было первое в Югославии выступление левого фронта югославской культуры и искусства.

Москву как «пульсирующую точку современности»⁷ воспринимали не только европейские левые интеллектуалы, но и большая часть русской интеллигенции, которая либо восторженно приветствовала советскую власть, либо решила с ней смириться и сотрудничать, и поэтому не покидала пределы СССР. Не успевший эмигрировать в 1920 г., т.е. покинуть Владикавказ и уехать за границу после отступления Добровольческой армии из-за того, что был болен тифом, М. А. Булгаков возложил все свои надежды и ожидания в начале двадцатых на Москву, т.е. на новый котел: «в нем варят новую жизнь»⁸. В новом котле ему пришлось вариться до смерти, так и не получив разрешения эмигрировать из советской России. О том, как во время Гражданской войны служил военным врачом у белых во Владикавказе и в Грозном, он советовал своим родным не говорить — и сам молчал, когда приехал в Москву в 1921 г. М. О. Чудакова справедливо утверждает, что Булгаков как писатель рожден революцией. Однако в географическом (и не только!) смысле можно утверждать, что Булгаков как писатель рожден Москвой (в булгаковедении уже давно исследуется так называемый московский текст Булгакова).

В советской столице он, вопреки ужасающим экзистенциальным трудностям, быстро развивался как журналист-юморист, а потом и как сатирический прозаик и выдающийся драматург, которому советская критика никогда не могла простить кровную связь с интеллигенцией

6 *Ильина Г.* Романы Августа Цесарца // Август Цесарец. Императорское Королевство. Золотой юноша и его жертвы. URL: <https://mybrary.ru/books/proza/prose-history/162557-avgust-cesarec-imperatorskoe-korolevstvo-zolotoi.html> (дата обращения: 10.08.2020).

7 *Рыклин М.* Предисловие // Жак Деррида в Москве. URL: <https://litresp.com/chitat/ru/Д/derrida-zhak/zhak-derrida-v-moskve-dekonstrukciya-puteshestviya/2> (дата обращения: 10.08.2020).

8 *Булгаков М.* Столица в блокноте. 1922. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_stolica_v_bloknote.html (дата обращения: 10.08.2020).

(по его собственному признанию в «Письме правительству СССР» 1930 г.) и сочувствие к белым, т. е. «буржуазным» героям в своих произведениях. Москва является главным героем дневниковых записей Булгакова 1923–1925 гг., которые были опубликованы впервые в 1990 г. под названием «Под пятой: Мой дневник». Если в записках 1922 г. Москва ассоциируется с голодом, нехваткой квартир, недостатком крыши над головой, плохой одеждой и пропавшими людьми, то уже в 1923 г. Булгаков рисует более веселую картину столицы, создавая образ шумного и великого города (в противовес «провинциальному» Киеву). В разгаре НЭПа, Булгаков в 1924 г. обнаруживает и фиксирует ее противоречивую природу: «В центре Москвы, начиная с Лубянки, “Водоканал” сверлил почву для испытания метрополитена. Это жизнь. Но метрополитен не будет построен, потому что для него нет никаких денег. Это гангрена. Разрабатывают план уличного движения. Это жизнь. Но уличного движения нет, потому что не хватает трамваев, смехотворно — 8 автобусов на всю Москву. Квартиры, семьи, ученые, работа, комфорт и польза — все это в гангрене. Ничто не двигается с места. Все съела советская канцелярская, адова пасть»⁹.

М. А. Булгакова с бывшей Югославией сближали до сих пор малоизученные семейные обстоятельства. Из переписки, которую писатель вел со своим братом Николаем в течение 1920-х гг., известно, что тот некоторое время жил именно в Хорватии, точнее в Загребе (где прожил девять лет, в течение которых окончил Медицинский факультет Загребского университета и в 1929 г. получил специализацию по бактериофагам, под руководством хорватского ученого Владимира Сертича, а потом переехал в Париж). Интересно отметить и тот факт, что литературное наследие Булгакова стало известно хорватским читателям уже в 1969 г. (!), когда появился в хорватском переводе (В. Флакер, загребское издательство «Наприед») последний роман Булгакова «Мастер и Маргарита» через два года после того, как в сокращенном виде он был опубликован в журнале «Москва» (1966–1967). О важности булгаковского романа для югославских интеллектуалов и о его восприятии и экранизации я уже писала в статье «Как закалялся югославский Мастер» (2017), но здесь важно остановиться на высокой оценке, которую ему в конце 1960-х гг. дал крупнейший югославский писатель XX в. — Мирослав Крлежа, значение которого для югославской культурной и литературной жизни сравнимо только с Максимом Горьким: «Крлежа известен у себя на

⁹ Булгаков М., Булгакова Е. Дневник Мастера и Маргариты. М., 2004. С. 46.

родине и во многих европейских странах как выдающийся поэт, прозаик, драматург и публицист, чье влияние выходит далеко за рамки художественной литературы. Его роль в югославской культурно-литературной жизни похожа на роль, которую играл М. Горький в советской литературной жизни, поскольку Крлежа был редактором, критиком, памфлетистом — разоблачителем мифов, политических иллюзий и сословных предрассудков»¹⁰.

Крлежа очень высоко ценил творчество Булгакова, и об этом свидетельствует Предраг Матвеевич¹¹ в книге «Восточный эпистоляр» (1994): «В нем он узнал настоящего наследника славной русской прозы, а их было, по мнению Крлежи, очень мало. Он часто его вспоминал. В своем дневнике в 1968 г. написал: Именно Булгаков — воплощение русской литературы! Шляпы долой!»¹². Как писатель Булгаков начинал с фельетонов, работал корреспондентом многочисленных московских газет и журналов (но основную часть фельетонов опубликовал в газетах «Гудок» и «Накануне») в течение 1920-х гг. и мечтал о настоящей (художественной) литературе. Несмотря на то, что сегодня большое и значительное публицистическое наследие Булгакова хорошо исследовано, не существуют свидетельств о том, что Крлежа, побывавший в Москве в 1925 г., был знаком с фельетонистикой и ранней художественной прозой Булгакова. На основе того, что Крлежа увидел в Москве (в которую попал через Вену, Дрезден, Берлин и Ригу), он написал «лирические», но одновременно и политические (памфлетные) путевые заметки «Поездка в Россию» (1926). Несмотря на откровенную симпатию к русскому революционному эксперименту, ленинизму и к большевистской России, Крлеже не повезло с советской цензурой.

«Поездка в Россию» была переведена на русский язык (Н. М. Вагаповой) и напечатана в России лишь в 2005 г. (!), спустя семьдесят лет после того, как была написана (отдельные отрывки были изданы в журнале *Иностранная литература* в 1970 г.). Более того, в первоизданном виде, в каком была напечатана в Югославии в 1926 г., она никогда больше не переиздавалась (только в сокращенном и отре-

¹⁰ *Перушко И.* Как закалялся югославский Мастер // Михаил Булгаков и славянская культура. М., 2017. С. 259.

¹¹ Выдающийся хорватский и боснийский писатель и литературовед (преподаватель Сорбонны), автор путевых заметок о СССР 1970-х гг. «Восточный эпистоляр» (1994).

¹² *Matvejević P.* Istočni epistolar. Zagreb, 2013. S. 123.

дактированном виде). Неоднозначные рассуждения и политические взгляды Мирослава Крлежи заслуживают отдельного исследования, но в двадцатые годы Крлежа, в отличие от Булгакова, был ярким коммунистом (Международная рабочая партия провозгласила его одним из самых крупных революционных писателей своего времени!), не случайно попавшим в коммунистическую Мекку и желающим, как говорил Матвеевич, почувствовать лишь толику той великой утопии, которая творилась в России.

Однако когда Крлежа опубликовал свой первый в хорватской литературе модернистский роман «Возвращение Филипа Латиновича» (1932), его — как уточняет литературный критик В. Вискович — обвинили в буржуазном психологизме¹³. Матвеевич добавляет и то, что политические взгляды Крлежи времен, когда он впервые побывал в России, после резко меняются и уже к концу тридцатых годов можно обнаружить полный разрыв Крлежи с коммунистическим движением и отторжение от советского социализма, догматизма и соцреализма в искусстве. Крлежа диктовал дух эпохи в своих публицистических текстах, которые частично «повинны» в том, что соцреализм в хорватской прозе потерпел крах и что она перешла от соцреализма к модернизму. Несмотря на совершенно противоположные политические взгляды Булгакова и Крлежи в течение двадцатых годов, у них много общего на уровне тонких наблюдений о повседневной нэповской Москве и в плане борьбы со советской цензурой.

От Ленина до нэпмана

Е. А. Яблоков в книге «Художественный мир Михаила Булгакова» (2001) заметил, что «Булгаков — писатель по преимуществу городской»¹⁴ и поэтому образ города является важным в структуре почти всех его произведений. В. Я. Лакшин отмечает, что Булгакову «нравится живописать пеструю и шумную современность — трамваи, магазины, плакаты, крики разносчиков; он буквально купается в ярких бытовых подробностях, знает описываемое на вкус, на ощупь и на цвет, глядит во все глаза и запоминает такие оттенки слов, такие его изгибы и интонации, что мы попадаем в живой трехмерный и стереофонический мир»¹⁵. Это особенно ярко выражено в московских

13 *Visković V.* Sukob na ljevici. Zagreb, 2001.

14 *Яблоков Е.* Художественный мир Михаила Булгакова. М., 2001. С. 182.

15 *Лакшин В. Я.* Булгакиада. М., 1987. С. 4.

фельетонах первой половины 1920-х гг., среди которых своим художественным мастерством выделяются «Столица в блокноте» (1922), «Сорок сороков» (1923) и «Золотистый город» (1923). В отличие от фельетонной продукции, в вышеупомянутых фельетонах Булгаков выступает как фельетонист-летописец с ярко выраженным тонким художественным видением во всей его полноте. И поэтому нельзя не согласиться с Лакшиным, который назвал Булгакова певцом Москвы на перекрестке старого с новым.

В «Петербургских записках 1836 года» Н. В. Гоголь подчеркивает гендерную окрашенность, т. е. восприятие Москвы как «женского» города: «Москва женского рода, Петербург мужского»¹⁶. В. Топоров в «Петербурге и Петербургском тексте русской литературы» (1995) напоминает, что различия Москвы и Петербурга по полу присущи и художественной литературе, и фольклору, а в культуре сложилось такое противопоставление: «Петербург как цивилизованный, культурный, планомерно организованный, логично-правильный, гармоничный, европейский город противопоставлялся Москве как хаотичной, беспорядочной, противоречащей логике, полуазиатской деревне»¹⁷. Отождествление Москвы с женским полом в фольклорных текстах преобразовалось и в отождествление Москвы с матерью. Оттуда и следующее клише: Москва-матушка, Петербург-отец. Стереотип о Москве как матери воспринял и отразил Булгаков в конце фельетона «Сорок сороков», в котором оптимистическими красками рисует *genius loci* Москвы и динамику ее неуклонного развития в 1923 г. после разрухи и голода Гражданской войны: «И, сидя у себя в пятом этаже, в комнате, заваленной букинистическими книгами, я мечтаю, как летом взлезу на Воробьевы, туда, откуда глядел Наполеон, и посмотрю, как горят сорок сороков на семи холмах, как дышит, блестит Москва. Москва — мать»¹⁸.

Москва была для Булгакова неистощимым источником вдохновения, о чем свидетельствуют и его фельетоны, и художественное творчество, а одна из возможных причин этой «завороженности» заклю-

¹⁶ Гоголь Н. В. Петербургские записки 1836 года. URL: <http://gogol.velchel.ru/index.php?cnt=15&sub=2> (дата обращения: 10.08.2020).

¹⁷ Топоров В. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 267–268.

¹⁸ Булгаков М. Сорок сороков. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_sorok_sorokov.html (дата обращения: 10.08.2020).

чается в том, что он был киевлянином, всегда мечтавшим о большом городе. Что касается материнского начала Москвы, оно было дореволюционным стереотипом, характерным для части русской классической литературы XIX в. (Гоголь, Толстой и пр.), которой вдохновлялся Булгаков. Однако революция принесла с собой совершенно новое понимание культуры, новую эстетику и перевернутый быт. Потеряла ли Москва тогда свое женское начало? Согласно Крлеже, да. В своих московских впечатлениях он его отрицает: «Согласно Толстому, всякий иностранец, глядя на нее и не зная ее материнского значения, должен чувствовать материнский характер этого города. Наполеон, и у Толстого, и по свидетельству всех историков, почувствовал женскую природу Москвы»¹⁹. Крлежа в ней увидел мужественный героизм: «С точки зрения сегодняшнего путешественника-марксиста, ничего женственного сегодня в Москве не осталось. Лозунги и знамена этого города отражают героический синтез современной активности и волюнтаризма»²⁰. Более того, у всего этого и конкретное имя: «Сегодняшняя Москва — огромная кузница ленинизма, она ленинизирована всеми возможными декоративными средствами. На вокзалах установлены памятники Ленину, и путешественник видит его, едва ступив на московскую землю, а затем наблюдает фигуру Ленина в бесчисленном множестве вариантов»²¹.

Советская мифология, как и любая политическая мифология, унаследовала многое от архаичных. У них много общего. Давайте возьмем пример мифологического объекта. Если мифологическим объектом в архаическом обществе были сверхъестественные существа, духи умерших предков (а потом Бог), Топорков выясняет, что в политической мифологии XX в. — это вожди, лидеры наций. Н. Г. Щербинина в труде «Героические мифоконструкты тоталитарной России» (2017) настаивает на том, что каждый политический миф современного общества есть «рассказ об изначальных вещах. Это рассказ о создании нового общества, о роли вождей его как демиургов, о битвах с несметными полчищами врагов, о подвиге героя-Спасителя и о запаправдашной стране Справедливости»²². Именно поэтому не удивляет, что Москва и В. И. Ленин являются основополагающими элементами советской

19 Крлежа М. Поездка в Россию. 1925: Путевые очерки. М., 2005. С. 181.

20 Там же.

21 Там же. С. 182.

22 Щербинина Н. Г. Героические мифоконструкты тоталитарной России. Томск, 2017. С. 66.

мифологической системы. У Крлежи они даже сливаются в одно целое. Для Крлежи Москва — это и есть Ленин: «Для иностранца, сегодня приехавшего в Москву, первое и самое необычное впечатление состоит в том, что вся динамика города, все движение масс несет на себе печать ирреального образа, который посмертно, символически является людям, как являлись им Христос и Мохаммед»²³.

Лояльный Ленину, Крлежа подробно описывает культ личности вождя пролетариата в постленинской Москве: «Ленинизм — это сегодняшний архимедов рычаг, достаточный для того, чтобы с его помощью приподнять весь земной шар вместе с древней, больной, декадентской Европой, вознести ее к высотам новой и более светлой культуры»²⁴. Но нельзя не заметить и тонкую иронию над происходящим, т.е. едва заметную насмешку над тенденцией вульгаризировать феномен Ленина, который из революционного деятеля превращается в товар, из идеи в продукт: «Ленина продают на углах в качестве запонок для манжет, булавок и брошек, какие носят прислуги; он — и на красной партийной звездочке в петлице рабочего халата, и на дешевой зубной пасте, и на рекламе изделий государственного металлургического треста, и в названии локомотива, и на новеньком, сверкающем красным лаком электрическом трамвае»²⁵. Интересно, что в очерке «Золотистый город» Булгакова 1923 г., посвященном открытию первой Всероссийской сельскохозяйственной выставки на территории сегодняшнего Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького, обнаруживается та же самая тенденция. Ведь в очерке, который состоит из тринадцати заметок, Булгаков иронизировал над становлением культа вождей (Троцкого и Ленина), но особенно ярко высмеивал проявление культа Ленина в форме гигантского цветника в заметке «Цветник-Ленин»: «К центру цветника непрерывное паломничество отдельных фигур. Там знаменитый на всю Москву цветочный портрет Ленина. Вертикально поставленный, чуть наклонный, двускатный щит, обложенный землей, и на одном скате с изумительной точностью выращен из разноцветных цветов и трав громадный Ленин, до пояса. На противоположном скате отрывок из его речи»²⁶.

23 Крлежа М. Поездка в Россию... С. 190.

24 Там же. С. 259.

25 Там же. С. 189.

26 Булгаков М. Золотистый город. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_zolotistiy_gorod.html (дата обращения: 10.08.2020).

В отличие от Крлежи, Булгаков описывает и отношение москвичей к культу-цветнику. Он иронически заканчивает свой очерк мотивом индустриализации и прогресса, выделяя двусмысленный мотив фантазерства: «И в заключительном слове председатель страстно говорит о фантазерах и утверждает, что народ, претворивший не одну уже фантазию в действительность в последние пять изумительных лет, не остановится перед последней фантазией о машине. И добьется. — А он не фантазер? И рукой невольно указывает туда, где в сумеречном цветнике на щите стоит огромный Ленин»²⁷. Крлежа в 1920-е годы искренне верил в ленинизм²⁸ и в Ленина (в книге «Поездка в Россию» ему посвящена целая глава «Несколько слов о Ленине»), Булгаков писал о Ленине неявно, осторожно, никогда не оценивая его роль и важность (большевиков он открыто критиковал в ранних кавказских фельетонах). То же самое он сделал в очерке-репортаже «Часы жизни и смерти» (1924), в котором описал прощание москвичей с телом мертвого вождя, избегая прямых суждений, подспудно развенчивая непогрешимость «любимого» вождя.

С другой стороны, Булгаков вполне открыто критиковал и высмеивал некоторые политические явления тогдашней Москвы. Одна из них НЭП: «Брось ты это чертово слово!»²⁹ Другая — нэпман. Непризнанным героем нэповских времен был мелкий и средний предприниматель, не имевший опоры во власти — нэпман, т.е. советский буржуй. Совбуржуй — детище Октября. Нэпманы были социальной группой «плебейского» происхождения, но совершенно новой группой — их никак нельзя считать продолжением старых дореволюционных купцов. Несмотря на то, что именно нэпман был важным экономическим винтиком страны, в народном сознании нэпач (как его называли реже) был фигурой отрицательной, сатирической, «временной», ненавидимой и презираемой. Американский журналист Морис Хиндус в своих воспоминаниях писал: «Они придумали новое слово — нэпман. Нэпман — символ вырождения, объект презрения и оскорбления! Пария, социальная свинья! Главный злодей на сцене, злодей в кинематографе, злодей в повседневной жизни! Нэпман — ярлык, ругательство, анафема!»³⁰

27 Там же.

28 Свою пьесу «Христофор Колумб» Крлежа посвятил именно Ленину.

29 *Булгаков М.* Сорок сороков. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_sorok_sorokov.html (дата обращения: 10.08.2020).

30 Цит. по: *Килин.* Традиционное общество и предпринимательские слои в России — конфликт идей. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/2725/1/pristr-01-23.pdf> (дата обращения: 10.08.2020).

Хотя его считали временным существом низшей породы, вредителем недостойным внимания и серьезного исследования, воспоминания Хиндуса показывают, что он был любимым героем советского искусства, особенно сатирического. Нэпман был объектом высмеивания на страницах иллюстрированных сатирических журналов (от «Крокодила» до «Бегемота»), героем народных шуточных стихов, предметом литературных и киноизображений. Этот карикатурный бизнесмен 1921 г. олицетворяет всю пестроту 1920-х гг., ее незаконченную природу и горизонтальную равномерность, которая для В. З. Паперного является существенным признаком Культуры ³¹. Именно нэпман становился презируемым героем многих булгаковских фельетонов и некоторых пьес («Зойкина квартира»). Особенно удачные карикатуры на нэпманов Булгаков создал в фельетоне «Сорок сороков», который состоит из четырех панорам, вторая и третья посвящены именно шумной жизни НЭПа. В народном сознании нэпман был внутренним классовым врагом. Это не могло не отразиться на его визуальном и литературном образе. Первый принцип окарикатуривания с целью унижения нэпмана как внутреннего противника народа либо зооморфизация, т. е. уподобление животным, либо демонизация, результатом чего стала потеря им человечности.

Поэтому не удивляет, что нэпманы у Булгакова — носители отрицательных ценностей. «Нэпманы уже ездили на извозчиках, хамили по всей Москве. Я со страхом глядел на их лики и испытывал дрожь при мысли, что они заполняют всю Москву, что у них в кармане золотые десятки, что они меня выбросят из моей комнаты, что они сильные, зубастые, злобные, с каменными сердцами»³². Нэпманы у Булгакова редко появлялись без женщин. Даже на советских иллюстрациях нэпман либо в компании женщины (легкого поведения), либо под руку с упитанной супругой в декольте: «Четыре накрашенных женских лица торчали среди нэпмановских голов, и стол был залит цветами. Белые, красные, голубые розы покрывали стол. На нем было только пять кусочков свободного места, и эти места были заняты бутылками»³³. Булгаков в фельетоне «Сорок сороков» делает косвенный намек на их вульгарность, подчеркивая телесное наслаждение и жадность как фундаментальный признак их природы:

³¹ Паперный В. Культура. М., 2016.

³² Булгаков М. Сорок сороков. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_sorok_sorokov.html (дата обращения: 10.08.2020).

³³ Там же.

«— Бис! — кричал нэпман, потоптал ногами, левой рукой обнимал даму за талию, а правой покупал цветок. За неимением места в фужерах на столе, он воткнул его в даму, как раз в то место, где кончался корсаж и начиналось ее желтое тело. Дама хихикнула, дрогнула и ошпарила нэпмана таким взглядом, что он долго глядел мутно, словно сквозь пелену»³⁴.

И загребский путешественник Крлежа в начале своего путешествия в «Спальном вагоне Рига — Москва» представил стереотипический образ нэпмана, который полностью соответствует и булгаковскому описанию, и вообще карикатурному образу нэпмана из советской сатиры: «Своего будущего сотоварища по купе я заприметил еще в литовском консульстве, в Берлине. Крепкий, полный, невысокого роста мужчина в бобровой шубе, прибывший в наемном автомобиле без таксометра вместе с великолепной любовницей в дорогих мехах, — в приемной литовского консульства от него веяло самоуверенностью и богатством, которого он не собирался скрывать. На вокзал на Фридрихштрассе его провожала дама, укутанная в меха»³⁵. У нэпмана Крлежи те же самые отрицательные черты поведения (жадность, невоспитанность, грубость и пр.), на которые указывает Булгаков: «Входя в наше общее купе на рижском вокзале, он препирался с бородатым русским носильщиком, к которому обращался на ты, относительно платы, причем напирал на совесть. — Сколько тебе положено по тарифу? — Два лата, ваша милость! — А если по совести? — Да не надо мне по совести, господин! Мне положено два лата! — По совести, братец мой, по совести! Хватит с тебя пол-лата. Вот тебе! А теперь проваливай!»³⁶

Однако следует указать на гораздо более интересное сходство между творчеством Крлежи и Булгакова. Оно касается мимикрии. В фельетоне-рассказе «Московские сцены» (1923) Булгаков высмеивает мимикрию старых русских буржуев и рисует картину, в которой хозяин шестикомнатной квартиры старается защитить ее от уплотнения. Он маскирует роскошную квартиру под скромную коммунистическую коммуналку и развешивает в комнатах портреты вождей (Карла Маркса, Троцкого, Луначарского и Карла Либкнехта), чтобы тем самым высказать мнимое сочувствие новой власти, хотя он их ненавидит всей душой. Если Булгаков в сатирических тонах рас-

34 Там же.

35 *Крлежа М.* Поездка в Россию... С. 125.

36 Там же.

крывает мимирию московского буржуа-приспособленца, который продолжает жить в буржуазной квартире с прислугой, обманывая жилищные инспекции и притворяясь, что он коммунист в душе, то Крлежа заканчивает историю в «Спальном вагоне» (с подзаголовком Примеры социальной мимирии) мимикрией своего соседа. Только вместо аристократа и буржуа старого типа мимикрировать под большевика стал спекулянт, нэпман: «[...] когда он вошел в вагон в Риге, на нем уже не было бобровой шубы. Не было с ним и прежних первоклассных чемоданов. В купе он размещался подо мной, и я увидел в зеркале, что он укрылся плащом, предварительно перекрестившись на сон грядущий. Наутро он вышел в черной большевистской косоворотке и в сапогах. Он скупил все московские газеты и журналы, чтобы узнать, что нового дома, потому что, как он сказал, полгода не был на родине. — Вы себе представить не можете, как приятно чувствовать себя на родине! Как приятно видеть эти русские буквы, — говорил он, листая атеистический журнал Безбожник и смеясь над карикатурами на нэпманов и прочих, с точки зрения советского строя, паразитов»³⁷.

От голода до яств

У обоих славянских писателей первая встреча с коммунистической Меккой и городом будущего описана серыми и печальными «красками». Первая панорама фельетона «Сорок сороков» Булгакова посвящена именно въезду в Москву и недаром названа «Голые времена»: «Панорама первая была в густой тьме, потому что въехал я в Москву ночью. Это было в конце сентября 1921-го года. По гроб моей жизни не забуду ослепительного фонаря на Брянском вокзале и двух фонарей на Дорогомиловском мосту, указывающих путь в родную столицу [...] Итак, первая панорама: глыба мрака и три огня»³⁸. Югославский путешественник Крлежа начинает свои путевые заметки резкой критикой пустой, капиталистической, болезненной и порочной жизни в Берлине и в остальных северноевропейских городах. Даже физиономию Берлина изображает серой, холодной и нелепой. Но, несмотря на его открытую симпатию к ленинизму и к СССР, пространство, которое он восторженно называет шестым континентом — городской ландшафт Москвы — он рисует иначе. «От первого знакомства с Москвой у меня осталось грустное впечатление. Едва ступив

³⁷ Там же.

³⁸ Булгаков М. Сорок сороков. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_sorok_sorokov.html (дата обращения: 10.08.2020).

на московскую землю, буквально в ту же секунду, когда с перрона Виндавского вокзала я махнул рукой извозчику, я вдохнул воздух печали»³⁹, — пишет Крлежа, приехав в Москву.

Булгаков усиливает трагизм картины введением мотива голода, противопоставляя его парадигме революционного героизма, в рамках которой в русской литературе и искусстве того периода (от Маяковского до Эйзенштейна) складывался образ тогдашней жизни: «Теперь, когда все откормились жирами и фосфором, поэты начинают писать о том, что это были героические времена. Категорически заявляю, что я не герой. У меня нет этого в натуре. Я человек обыкновенный — рожденный ползать, — и, ползая по Москве, я чуть не умер с голоду»⁴⁰. И поэтому в конце панорамы он резюмирует: «Возможно, что это были героические времена, но это были голые времена»⁴¹. Мотив голода заполняет страницы его дневника «Под пятой» до 1923 г., когда в записях и в фельетонистике появляется оптимизм, а вместе с ним и гастрономия. Л. В. Карасев в статье «Масло на Патриарших...» (1999) уже заметил гастрономическую эмблематику в романе «Мастер и Маргарита», т. е. маслянистость булгаковского художественного мира, отмечая следующее: «Что касается гастрономии в целом, то у Булгакова вообще преобладают лакомства жирные, лоснящиеся, промасленные»⁴². В серии зарисовок «Столица в блокноте» (1923), в которых Булгаков вводит гастрономическую метафору котла (в котором варится новая жизнь) для обозначения нового образа жизни в Москве, он заявляет: «По мере того, как я наблюдаю московский калейдоскоп, во мне рождается предчувствие, что “всё образуется”, и мы можем пожить довольно славно»⁴³.

Наряду с оптимизмом, всякие гастрономические лакомства переполнили булгаковские фельетоны, и они были преимущественно связаны с нэпманами. Пищевой код неотделим от человеческой теле-

39 Крлежа М. Поездка в Россию... С. 138.

40 Булгаков М. Сорок сороков. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_sorok_sorokov.html (дата обращения: 10.08.2020).

41 Там же.

42 Карасев Л. Масло на Патриарших, или Что нового можно вычитать из знаменитого романа Булгакова // Ex libris Н.Г. М., 1999. 5 июля. С. 11.

43 Булгаков М. Столица в блокноте. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_stolica_v_bloknote.html (дата обращения: 10.08.2020).

ности, а в литературном и визуальном изображении нэпмана еда — неотъемлемая часть его бытия. Хорошим примером этого является фельетон «Сорок сороков» Булгакова. В третьей панораме фельетона нэпманы в шумной компании, за столом, заказывают или кушают еду. «Фрачные лакеи бежали с блестящими блюдами. Нэпманы влезли и на крышу. Под ногами были четыре приплюснутых головы с низкими лбами и мощными челюстями [...] Нэпман колебался не более минуты над карточкой и заказал. Лакей махнул салфеткой, всунулся в стеклянную дыру и четко бросил: — Восемь раз оливье, два лангет-пикана, два бифштекса»⁴⁴. У булгаковских нэпманов всегда чрезмерно большой живот. Это потому, что брюхо чаще всего — символ нэпской жадности, т.е. неумеренности в получении разных гастрономических и материальных наслаждений. Совершенно другой была функция гастрономии в фельетоне «Золотистый город», начинающемся с описания свиньи в главе «Пища богов». Булгаков не только остроумно объединяет политические темы (культ Ленина и Троцкого) с повседневными (народ), но и описывает сельскохозяйственную выставку в Москве как настоящий гастрономический праздник, начиная с алкогольных напитков и узбекских шашлыков и заканчивая пельменями, кондитерскими изделиями и золотистым пивом Моссельпрома.

Булгаков передал экзотический вкус и запах узбекского павильона, очаровавший москвичей: «Колеса-гиганты, гигантские шляпки гвоздей, гигантские оглобли. Арба. Потом по берегу, вдоль дороги, под деревьями навесы деревянные и низкие настилы, покрытые восточными коврами. Манит сюда запах шашлыка москвичей, и белые московские барышни, ребята, мужчины в европейских пиджаках, поджав ноги в остроносых ботинках, с расплывшимися улыбками на лицах, сидят на пестрых толстых тканях. Пьют из каких-то безруких чашек. Стоят перетянутые в талию, тускло блестящие восточные сосуды [...] Пельмени ворчат у печей. Жаром веет. Хруст и говор. Едят маслящиеся пельмени, едят какой-то витой белый хлеб, волокут шашлык на тарелках»⁴⁵. Грандиозное пиршество на московской сельскохозяйственной выставке 1923 г., переданное мастерским пером Булгакова, было сразу замечено в берлинской редакции газеты Накануне и полу-

44 Булгаков М. Сорок сороков. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_sorok_sorokov.html (дата обращения: 10.08.2020).

45 Булгаков М. Золотистый город. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_zolotistiy_gorod.html (дата обращения: 10.08.2020).

чило большой успех, а один из возможных ответов на вопрос почему в нем так много гастрономии дал Э. Л. Миндлин в книге «Необыкновенные собеседники. Книга воспоминаний» (1968): «Много внимания автор сосредоточил на павильонах — узбекском, грузинском — и на всевозможных соблазнительных национальных напитках и блюдах в открытых на выставке чайхане, духане, шашлычной, винном погребеке и закусочных под флагами советских среднеазиатских и закавказских республик. Никто не сомневался в успехе булгаковского очерка в Берлине. И даже то, что особенно много места в этом очерке уделено аппетитному описанию восточных блюд и напитков, признано было очень уместным и своевременным. Ведь эмигрантская печать злорадно писала о голоде в наших национальных республиках!»⁴⁶

Невозможно не отметить очередное интересное совпадение булгаковского видения с видением Крлежи. Несмотря на двусмысленность Крлежи в описании политических обстоятельств после Октябрьской революции, его московские впечатления в целом положительные, и не только в политическом смысле, но и в гастрономическом. Весной Москва Крлежи становится красивее; именно весной он рисует пестроту всевозможных русских блюд на шумных московских улицах: «Центр Москвы представляет собой скопище хлеба, крымских фруктов, студня, икры, сыра, халвы, апельсинов, шоколада и рыбы. Бочонки сала, масла, икры, упитанные осетры в метр длиной, ободранная красная рыба, соленая рыба, запах юфти, масла, солонины, кож, специй, бисквитов, водки — вот центр Москвы. Итак: дымятся самовары, благоухают горячие, жирные, гоголевские пироги; мешки с мукой и бочки с маслом, здоровенные рыбины и мясной фарш, супы овощные, щи с капустой, с луком, с говядиной, с яйцом — и нищие, которые клячат бога ради. Слепые, хромые, в меховых тулупах или красных шерстяных кофтах — днем и ночью натыкаешься на них на мостовых и тротуарах»⁴⁷.

Таким образом, Москва Крлежи становится гастрономической ленинизированной Меккой. Крлежа представляет московскую и провинциальную русскую жизнь 1925 г. как изобилие еды, рисуя гиперболизированную картину, в которой все разговаривают с набитым ртом: «Вагоны и улицы заплеваны тыквенными семечками, а большинство людей,

⁴⁶ Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. Книга воспоминаний. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=235927&p=1> (дата обращения: 10.08.2020).

⁴⁷ Крлежа М. Поездка в Россию... С. 16.

с которыми вам приходится общаться, что-то жуют, пытаюсь разговаривать с набитым ртом. В учреждениях заваривают чай, едят горячие пирожки с мясом; чиновники, разговаривая с клиентом и оформляя документы, вечно чем-то шуршат в своих ящиках поверх бумаг или грызут яблоки»⁴⁸. На гастрономические впечатления Крлежи указала и Н. Б. Лебина в книге «Советская повседневность. Нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю» (2015), отмечая точные наблюдения Крлежи о местах, где за «небольшую цену предлагали обеды из трех блюд с неким выбором»⁴⁹. Однако Крлежа не отрицает существования бедных и бед в Москве, но в его впечатлениях горести советской столицы переданы более мягко, нежели невзгоды западного мира. Отличным примером является пища нищих — икра: «В Москве мне случалось видеть нищих, которые держат в руке бутерброд, намазанный слоем икры толщиной в палец. Не выпуская изо рта папиросы и не переставая жевать, они тянут извечный православный, русский, он же цыганский, припев: Подайте, люди добрые!»⁵⁰. Хорватский русист Александр Флакер подчеркивал важное обстоятельство для понимания текста Крлежи⁵¹. Одна из важнейших причин, толкнувших хорватского писателя к путешествию в Москву — это желание опровергнуть ложные утверждения европейской и хорватской печати: «Я всегда был противником фейерверков и бенгальских огней, но если вы сегодня путешествуете по России и если у вас, как у гоголевских героев, мясной фарш стоит в горле, то вы не сможете согласиться с утверждениями европейской печати о том, что Россия умирает от голода»⁵². Поэтому уже во введении он открывает причину своего путешествия и резюмирует увиденное им в России: «У нас изо дня в день печатают лживые и тенденциозные сообщения о положении дел в России, и я, уже несколько лет свободно и независимо отстаивающий логику русской концепции, опровергая измышления всевозможных писак и явно ангажированных незрелых умов, не вижу необходимости отступать от истины. В России не текут молочные реки в медовых берегах. Там хватает и горя, и бедности, как во всем мире, но кто работает, тот и ест»⁵³.

48 Там же.

49 *Лебина Н.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2016. С. 32.

50 Там же. С. 363.

51 *Flaker A.* Nomadi ljepote. Intermedijalne studije. Zagreb, 1988.

52 Ibid.

53 Там же. С. 21.

Сложно с вами, товарищи Булгаков и Крлежа!

В роковом 1925 г., когда Крлежа приезжает в Москву, начинается мучительная борьба Булгакова с беспощадной советской цензурой из-за сатирической повести «Собачье сердце» (нап. 1925 г., опубли. 1987 г.) — Политбюро в ней увидело острый памфлет на советскую современность⁵⁴. Благодаря первой волне советских булгаковедов⁵⁵ (во главе с Чудаковой) сегодня мы знаем практически все о неоднозначном отношении Сталина к Булгакову и об уничтожении Булгакова советскими цензорами, которые снимали все его пьесы с репертуара и запрещали печатать практически все драматические и прозаические произведения после 1929 г.

Что касается Крлежи, Романенко точно заметил, что Крлежа многое «не мог опубликовать ни в Советской России, ни о Советской России»⁵⁶. Некоторые произведения Крлежи опубликованы в Советском Союзе (далеко не все!) уже после выступления Н. Хрущева, но «Поездка» так и не была опубликована несмотря на то, что, по словам Романенко, она проникнута тонким ощущением русской культуры и стремлением понять русскую историю. Что интересовало великого хорватского писателя в Москве? Крлежа пишет: «Гораздо больше статистических данных меня в этой поездке интересовали люди, человеческие отношения, настроения, поступки, их освещение, их масштабы, общий климат»⁵⁷. *Сомнительное* [курсив мой. — И. П.] произведение великого югославского писателя получило большую популярность в Югославии, но в сокращенном и цензурированном виде.

Почему воспоминания Крлежи о героической кузнице ленинизма и гастрономическом изобилии нэповской Москвы были запрещены для публикации в Советском Союзе? Переводчица Наталья Вагапова в предисловии публикации «Поездки в Россию» в журнале «Иностранная литература» в 2004 г. это объясняет следующим образом: «Ответ на этот вопрос дал в свое время А. А. Сурков, принимавший Мировлава Крлежу от имени Союза писателей СССР во время его второй поездки в нашу страну, которая смогла состояться лишь в 1965 году.

54 Рукопись самой повести была изъята в 1926 году, тетрадь дневниковых записей «Под пятой».

55 Я. Лурье, В. Лакшин, А. Смелянский и др.

56 Романенко С. Сложно с вами, товарищ Крлежа! (История легального диссидента) // Поездка в Россию. М., 2005. С. 383.

57 Крлежа М. Поездка в Россию... С. 20.

По словам самого Крлежи, в ответ на вопрос о том, почему некоторые его произведения, в том числе и Поездка в Россию, не публикуются в СССР, Сурков сказал одну-единственную фразу: «Сложно с вами, товарищ Крлежа»⁵⁸. Советскому правительству было сложно, по-видимому, и с Булгаковым, и с Крлежей.

Источники и литература

Берендс Я. К. Строительство новой Москвы: меняющийся символ советской модерности // НЛО. 2015. № 133. [Электронный ресурс]: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/nlo133-2015/27532-stroitelstvo-novoy-moskvy-menyayuschisya-simvol-sovetskoj-modernosti.html> (дата обращения: 10.08.2020).

Булгаков М. Золотистый город. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_zolotistiy_gorod.html (дата обращения: 10.08.2020).

Булгаков М. Сорок сороков. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_sorok_sorokov.html (дата обращения: 10.08.2020).

Булгаков М. Столица в блокноте. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_stolica_v_bloknote.html (дата обращения: 10.08.2020).

Булгаков М., Булгакова Е. Дневник Мастера и Маргариты. М.: Вагриус, 2004. 562 с.

Ваганова Н. От переводчика. Поездка в Россию // Иностранная литература 2004. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2004/8/poezdka-v-rossiyu.html> (дата обращения: 10.08.2020).

Гоголь Н. В. Петербургские записки 1836 года. URL: <http://gogol.velchel.ru/index.php?cnt=15&sub=2> (дата обращения: 10.08.2020).

Деррида Ж. Back from Moscow, in the USSR. URL: <https://litresp.com/chitat/ru/Д/derrida-zhak/zhak-derrida-v-moskve-dekonstrukciya-puteshestviya/2> (дата обращения: 10.08.2020).

Ильина Г. Романы Августа Цесарца // Август Цесарец. Императорское Королевство. Золотой юноша и его жертвы. URL: <https://mybrary.ru/books/proza/prose-history/162557-avgust-cesarec-imperatorskoe-korolevstvo-zolotoi.html> (дата обращения: 10.08.2020).

⁵⁸ *Ваганова Н.* От переводчика // Поездка в Россию. Иностранная литература. 2004. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2004/8/poezdka-v-rossiyu.html> (дата обращения: 10.08.2020).

Карасев Л. Масло на Патриарших, или Что нового можно вычитать из знаменитого романа Булгакова // *Ex libris* Н.Г. М., 1999. 5 июля. С. 11.

Килин А. П. Традиционное общество и предпринимательские слои в России — конфликт идей. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/2725/1/pristr-01-23.pdf> (дата обращения: 10.08.2020).

Крлежа М. Поездка в Россию. 1925: Путевые очерки. М.: Гелеос, 2005. 416 с.

Лакшин В. Я. Булгакиада. М.: Правда, 1987. 48 с.

Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 488 с.

Мелетинский Е. Миф и двадцатый век. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky1.htm> (дата обращения: 10.08.2020).

Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. Книга воспоминаний. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=235927&p=1> (дата обращения: 10.08.2020).

Паперный В. Культура. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 416 с.

Перушко И. Как закалялся югославский Мастер // Михаил Булгаков и славянская культура. М.: Совпадение, 2017. С. 255–266.

Рыклин М. Предисловие // Жак Деррида в Москве. URL: <https://litresp.com/chitat/ru/Д/derrida-zhak/zhak-derrida-v-moskve-dekonstrukciya-puteshestviya/2> (дата обращения: 10.08.2020).

Топорков А. Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 10.08.2020).

Топоров В. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1995. С. 267–268.

Щербинина Н. Г. Героические мифоконструкты тоталитарной России. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 124 с.

Яблоков Е. Художественный мир Михаила Булгакова. М.: Языки славянской культуры, 2001. 424 с.

Flaker A. Nomadi ljepote. Intermedijalne studije. Zagreb: Grafički zavod Hrvatske, 1988. 278 s.

Matvejević P. Istočni epistolar. Zagreb: V.B.Z., 2013. 167 s.

Visković V. Sukob na ljevici. Zagreb: Konzor, 2001. 157 s.

References

Berends, Ai. K. “Stroitel'stvo novoï Moskvy: meniaiushchiisia simvol sovetskoï modernosti”. *NLO*, no. 133, 2015, URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/nlo133-2015/27532-stroitelstvo-novoy-moskvy-menyayuschisya-simvol-sovetskoy-modernosti.html> (accessed: 10.08.2020).

Bulgakov, M. *Sorok sorokov*. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_sorok_sorokov.html (accessed: 10.08.2020).

Bulgakov, M. *Stolitsa v bloknote*. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_stolica_v_bloknote.html (accessed: 10.08.2020).

Bulgakov, M. *Zolotistyĭ gorod*. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_zolotistiy_gorod.html (accessed: 10.08.2020).

Bulgakov, M., Bulgakova, E. *Dnevnik Mastera i Margarity*. Moscow: Vagrius, 2004, 562 p.

Derrida Zh. *Back from Moscow, in the USSR* URL: <https://litresp.com/chitat/ru/Д/derrida-zhak/zhak-derrida-v-moskve-dekonstrukciya-puteshestviya/2> (accessed: 10.08.2020).

Flaker, A. *Nomadi ljepote. Intermedijalne studije*. Zagreb: Grafički zavod Hrvatske, 1988, 278 s.

Gogol', N. V. *Peterburgskie zapiski 1836 goda*. URL: <http://gogol.velchel.ru/index.php?cnt=15&sub=2> (accessed: 10.08.2020).

Iablokov, E. *Xudozhestvennyĭ mir Mikhaila Bulgakova*. Moscow: Iazyki slavianskoĭ kul'tury, 2001, 424 p.

Il'ina, G. “Romany Avgusta Tsesartsa”. *Avgust Tsesarets. Imperatorskoe Korolevsvo. Zolotoĭ iunosha i ego zhertvy*. URL: <https://mybrary.ru/books/proza/prose-history/162557-avgust-cesarec-imperatorskoe-korolevstvo-zolotoi.html> (accessed: 10.08.2020).

Karasev, L. “Maslo na Patriarshikh, ili Chto novogo možhno vychitat' iz znamenitogo romana Bulgakova”. *Ex libris N.G.* Moskow, 1999, 5 iulia, p. 11.

Kilin, A. Tradiotsionnoe obshchestvo i predprinimatel'skie sloi v Rossii — konflikt ideĭ. [Ėlektronnyĭ resurs]: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/2725/1/pristr-01-23.pdf> (accessed: 10.08.2020).

Krlezha, M. *Poezdka v Rossiiu. 1925: Putevye ocherki*. Moscow: Geleos, 2005, 416 p.

Lakshin, V. *Bulgakiada*. Moscow: Pravda, 1987, 48 p.

Lebina, N. *Sovetskaia povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stiliiu*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 488 p.

Matvejević, P. *Istočni epistolar*. Zagreb: V.B.Z., 2013, 167 s.

Meletinskii, E. *Mif i dvadtsatyĭ vek* URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore//meletinsky1.htm> (accessed: 10.08.2020).

Mindlin, È. *Neobyknovennye sobesedniki. Kniga vospominaniï*. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=235927&p=1> (accessed: 10.08.2020).

Papernyi, V. *Kul'tura*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 416 p.

Perushko, I. «Kak zakalialisia iugoslavskii Master». *Mikhail Bulgakov i slavianskaia kul'tura*. Moscow: Sovpadenie, 2017, p. 255–266.

Ryklin, M. “Predislovie”. *Zhak Derrida v Moskve*. URL: <https://litresp.com/chitat/ru/D/derrida-zhak/zhak-derrida-v-moskve-dekonstrukciya-puteshestviya/2> (accessed: 10.08.2020).

Shcherbinina, N. G. *Geroicheskie mifokonstrukty totalitarnoi Rossii*. Tomsk: Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017, 124 p.

Toporkov, A. L. *Mify i mifologiiia XX veka: traditsiia i sovremennoe vospriiatie*. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (accessed: 10.08.2020).

Toporov, V. “Peterburg i «Peterburgskii tekst rusскоi literatury” (vvedenie v temu)». *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniia v oblasti mifopoëticheskogo*. Moscow: Izdatel'skaia gruppa “Progress” — “Kul'tura”, 1995, p. 267–268.

Vagapova, N. “Ot perevodchika. Poezdka v Rossiiu”. *Inostrannaia literature, № 8*, 2004. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2004/8/poezdka-v-rossiyu.html> (accessed: 10.08.2020).

Visković, V. *Sukob na ljevici*. Zagreb: Konzor, 2001, 157 s.

Ivana Peruško
(Zagreb, Croatia)

From Lenin to the NEPmen, from famine to gluttony:
Moscow during the NEP through the eyes of Bulgakov and Krleža

In this article, the October Revolution is considered as the fundamental mythological construct of Soviet (totalitarian) mythology, which, according to E. Meletinsky, was supposed to accomplish a symbolic cosmization of the pre-revolutionary Chaos. The post-October Moscow played a leading role in this process. The theoretical basis of the article are the works of E. Meletinsky, J. Derrida and M. Ryklin dedicated to Soviet Moscow. M. Ryklin in the book “Communism as Religion. Intellectuals and the October Revolution” (2009) argues that for many European left-wing intellectuals, post-October Moscow has become the “new Jerusalem”. Moscow as a new Mecca was perceived not only by European left intellectuals, but also by most of the Russian intelligentsia, which either enthusiastically welcomed the Soviet regime or decided to reconcile with it and cooperate. Upon his return from Moscow, the eminent Yugoslav Croatian writer and confident Leninist Miroslav Krleža

published “A Trip to Russia” (1926), one of the deepest “returns from the USSR” that was banned in Soviet Russia. Mikhail Bulgakov, after his fail to emigrate, i.e. to leave Vladikavkaz and go abroad, moved to Moscow, on which he pinned great hopes and from which he expected a lot in the 1920s. At this time, Moscow was an inexhaustible source of inspiration for Bulgakov, as evidenced by his feuilletons of the twenties in “Nakanune” (“Capital in a notebook”, 1922; “Sorok sorokov”, 1923; “The golden city”, 1923). Despite the completely opposite political views of Bulgakov and Krleža, they have strikingly much in common in terms of subtle observations of everyday Moscow during the NEP and in terms of the fight against Soviet censorship. This article is the first attempt at a comparative study of the Moscow impressions of two prominent Slavic writers of the 20th century.

Keywords: *Bulgakov, Krleža, NEP, mythoconstruct.*

**«Сомнамбула в тумане» Татьяны Толстой
или «Жизнь есть сон» в необарочной манере¹**

При анализе онейрического компонента в рассказе «Сомнамбула в тумане» Татьяны Толстой наибольшая эвристическая ценность придается традиционной барочной метафоре «жизнь есть сон»: текст прочитывается с ее ракурса. В связи с данной метафорой, выступающей в тексте важным средством моделирования нарративной реальности лишь имплицитно, следует различать два аспекта значения: 1. Субъект при полной сосредоточенности на своем внутреннем мире наблюдает объективную реальность как во сне, с рассеянным и сниженным вниманием, пассивно и растерянно. Статус реальности для него имеет только происходящее внутри его душевной сферы. Реальный же мир предстает совершенно нереальным, словно он ему снится. 2. Субъект не обязательно обращен исключительно к своему внутреннему миру, но, наоборот, может наблюдать внешний мир с обостренным бодрствующим восприятием, интенсивно ощущая, что все окружающее нереально и объек-

¹ Термин «необарокко» употребляется здесь в смысле, который ему придает М. Липовецкий в своей книге «Паралогии. Трансформации (пост)модернистского дискурса в культуре 1920–2000-х годов» (М., 2008). Определением «необарокко» в указанной книге обозначается литературное течение, или, точнее говоря, одна из тенденций, которая, наряду с концептуализмом, доминирует в русской литературе постмодернизма с 60-х гг. XX в. до 2000-х, основываясь на принципах, очень близких к барочной поэтике XVII в. К числу наиболее значимых представителей русского необарокко, согласно Липовецкому, мы можем отнести как раз Татьяну Толстую. Попутно отметим, что в поисках аналогий между барокко и постмодернизмом, которые, впрочем, и оправдывают введение понятия необарокко в дискуссию о постмодернизме, у Липовецкого есть предшественники. С одной стороны, он ссылается на книгу «Советское барокко» (Екатеринбург, 2004) П. Вайля и А. Гениса, а с другой — на исследования Омара Калабрезе (см.: *Calabrese O. Neo-Baroque. A Sign of the Times*. Princeton, 1992) и некоторых других западных авторов, которые еще до него в своих исследованиях постмодернизма пользовались понятием необарокко.

тивно подобно сновидению. Несомненно то, что действительность позднего социализма, в том виде, в каком она описана в рассказе «Сомнамбула в тумане», обладает характеристиками хаотического онейрического хронотопа, в котором события происходят сумбурно, алогично и как во сне.

Ключевые слова: *Татьяна Толстая, сомнамбулизм, фантазирование, сновидение, поздний социализм.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.4.03

Героям и героиням русской литературы всегда снились живые и яркие сны. Со временем, правда, менялось представление об их происхождении, так что в произведениях русской беллетристики XVII в. сновидения воспринимали главным образом как сообщения божественных или демонических сил, в то время как, например, в произведениях зрелого реализма истоки онейрических образов находили в основном в психике самих героев. Независимо от указанных представлений, содержание сновидений часто представляется исключительно загадочным и непонятным — в первую очередь литературным героям; но иногда, хотя намного реже, и самим читателям². Однако предполагается, что сновидения никогда не бывают бессмысленными, и потому внутри изображаемого мира нарратива целесообразно их правильно истолковать или, прибегая к определениям Фрейда, перевести их манифестное содержание в их латентную мысль. Более того, на уровне мира рассказа непонимание онейрических образов может привести к довольно неблагоприятным последствиям для героев и героинь.

Возьмем, к примеру, Доброго молодца, безымянного героя анонимной «Повести о Горе-Злочасти» XVII в., который не смог вовремя

2 Примером ситуации, которая в литературе встречается исключительно часто, нам может послужить сон Татьяны из «Евгения Онегина» Пушкина. Дело в том, что этот сон для героини остается более или менее непонятным, в то время как читателю совершенно очевидно, что ее ночной кошмар предвещает трагические события ближайшего будущего, т. е. смерть Ленского. Однако сновидение может быть непонятным и самим читателям, причем, главным образом, в том случае, когда речь идет, как указывает Ю. М. Лотман, об «информационно свободном “тексте ради текста”», то есть об искусстве, которое «осознает себя, завоевав право быть свободным от смысла и любых внешних задач [...]» (см.: *Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 222*).

понять, что во сне в облике архангела Гавриила ему явилось само Горько-Злочастие со злокозненными советами, под влиянием которых он оставил невесту, пропил имущество и упустил собственное счастье. Возможно, и Катерина, трагическая героиня повести Гоголя «Страшная месть», смогла бы уберечь себя и свою семью, если бы наяву знала то, о чем знала ее душа во сне: ее отец-колдун, питая к ней кощунственную страсть, умертвит вначале ее мужа и сына, а потом и ее саму. Не задерживаясь далее на примерах, еще раз подчеркнем, что для героев, а порой и для читателей язык сновидений, как правило, кажется довольно неопределенным — будь то ретроспективные сновидения, раскрывающие прошлое, или же проспективные сновидения, предвосхищающие будущее, будь то сны-поучения, получаемые от сверхъестественных сил, или же сны, говорящие о процессах, протекающих в глубинных слоях человеческой души, неподвластных контролю бодрствующего сознания. Однако, согласно мнению Юрия Лотмана, именно этот — условно говоря, семантический — недостаток «позволяет придать сновидению особую и весьма существенную культурную функцию: быть резервом семиотической неопределенности, пространством, которое еще надлежит заполнить смыслами»³.

Как литературный прием, который освобождает наррацию от линейности, уводя нас, с одной стороны, в чудесные и фантастические миры по ту сторону эмпирической действительности, а с другой, — в скрытые миры человеческой психики, сновидение аффируется с появлением романтизма. Дело в том, что в это время тускнеет восхищение человеческим разумом и его рациональными способностями и пробуждается интерес ко всем иррациональным аспектам его существа — от чувств, воспоминаний, интуиции и воображения до сновидений. Что касается русской литературы, то М. Р. Кац в своей книге «Сновидения и бессознательное в русской художественной прозе XIX века» приходит к заключению, что сон как прием психологической характеристики персонажей, а также как средство нарративного и тематического построения литературного произведения наибольшую популярность приобрел именно в XIX в., то есть в период романтизма и реализма. Разумеется, он не исчез из русской литературы XX в., но его постепенно вытеснили другие инновационные приемы современной художественной литературы, такие как внутренний монолог и поток сознания⁴.

3 Лотман Ю. М. Культура и взрыв. С. 226.

4 См.: Katz M. R. *Dreams and the Unconscious in Nineteenth-Century Russian Fiction*. Hanover; London, 1984. P. 152.

С одной стороны, необходимо согласиться с утверждением Каца о том, что указанные техники, свободно сочетающие чувственные впечатления, мысли, мнемические фрагменты, чувства и ассоциации фиктивных персонажей, явно снижают значение сновидения как «окна» во внутренние психические состояния героя. С другой же стороны, даже беглый взгляд на русскую литературную продукцию XX в. дает повод прислушаться и к иным литературоведческим мнениям, согласно которым ни в модернистских, ни в постмодернистских текстах не следовало бы недооценивать конструктивную роль сновидения. Так, Наталья Нагорная в книге «Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм» (2003) излагает и убедительно аргументирует тезис о богатой представленности онейрического мотивно-тематического комплекса в русской литературе XX в. При этом наибольший интерес среди модернистских писателей для нее представляют Ф. Сологуб, В. Брюсов и А. Белый, а из числа постмодернистов — Венедикт Ерофеев, Ю. Мамлеев, В. Пелевин и Д. Липскеров. Позднее в своей статье 2008 г. «Сновидения в постмодернистской прозе» Нагорная ограничит свой аналитический интерес только произведениями Венедикта Ерофеева, Ю. Мамлеева и В. Пелевина. Однако этот перечень можно пополнить еще одним именем — современной русской писательницы Татьяны Толстой. Ее рассказы в любом случае допустимо связать с понятием онейрической поэтики и рассматривать сквозь призму сновидения. Речь здесь пойдет прежде всего о ее рассказе под многозначительным названием «Сомнамбула в тумане» (1988). Как видно из него, русская писательница вдохновляется не только сновидениями в более узком смысле, но и многими иными формами психической жизни своих героев, существенно отличающимися от состояния бодрствования: в данном конкретном случае это фантазирование (грезы наяву) и сомнамбулизм.

Вообще говоря, сомнамбулизм как общее состояние духа большинства героев русской прозы конца XX в. упоминает и М. Н. Эпштейн в своей книге о постмодернизме в России, находя при этом примеры для своих утверждений именно в рассказах Татьяны Толстой:

Сомнамбулы — едва ли не преобладающие персонажи последней литературы: лица, не успевшие ничего совершить и обдумать, сразу же тонущие в апокалиптическом тумане. Вспомним рассказы Татьяны Толстой: «Петерс», «Круг», «Река Оккервиль» — о судьбах не просто не удавшихся, но выпавших

со счета; тут неудача, пожалуй, была бы еще наградой и чином. Порой эти люди агрессивны, добиваются, хлопочут, обзаводятся, но притом ухитряются как-то отсутствовать в этой жизни: троньте их за плечо, потрясите хорошенько — не заметят. Словно бы вся их активность — от лунных чар, а на земле они давно уже спят, блаженно или тревожно⁵.

В ранней прозе Татьяны Толстой мир нередко рассматривается в онейрическом ракурсе, точнее говоря, видится глазами литературных героев, живущих словно во сне и не находящих выхода из летаргии, на которую их обрекла монотонная унылая повседневность. «Сомнамбула в тумане» вышла впервые в 1988 г. в журнале «Новый мир». В духовной атмосфере перестройки многие писатели среднего и более молодого поколения отказываются от реалистического канона и начинают искать новые тематические и формально-стилистические решения (напр., Л. Петрушевская, Виктор Ерофеев, Е. Попов, В. Нарбикова и др.). Татьяна Толстая, описывая действительность позднего социализма⁶ с точки зрения суженного, полудремотного сознания своих персонажей, достигает интересных эстетических эффектов именно через такое искажение восприятия. Не случайно Марк Липовецкий отнес ее к так называемым необарочным писателям. Поскольку, согласно Липовецкому, для необарокко более чем характерен принцип репрезентации, восходящий к «классическим метафорам барокко (мир как театр, жизнь как сон)»⁷, то и к Татьяне Толстой можно применить определение «необарочного» автора, имея в виду сно Vidческий характер ее повествовательных миров⁸.

5 Эпштейн М. Н. Постмодерн в русской литературе. М., 2005. С. 201.

6 Антрополог А. Юрчак сквозь призму личного опыта последнего советского поколения анализирует период позднего социализма. По его мнению, он длится «около тридцати лет, с середины 50-х до середины 80-х годов XX в., с начала постсталинского периода до начала перестройки, когда система все еще воспринималась как вечная» (см.: Yurchak A. Everything was forever, until was no more. The Last Soviet Generation. Princeton, 2006. P. 4). Именно в тот временной период протекает действие в большинстве ранних рассказов Татьяны Толстой. Разумеется, во внутренней жизни ее героев временные границы рассказа раздвигаются, уходя в прошлое и проникая в будущее.

7 Липовецкий М. Паралогии... С. 270.

8 Анализ языкового стиля писательницы требует особого исследования.

Как бы то ни было, литературные герои Татьяны Толстой — чаще всего обычные маленькие люди, нередко отмеченные определенным физическим или психическим недостатком, или же бесконечно одинокие маргиналы. Существовая за пределами основных событий и тенденций своего времени, они в своих фантазиях создают своеобразную альтернативную действительность, прячась в ней от своей настоящей жизни. Возьмем, к примеру, персонажей наподобие Наташи («Вышел месяц из тумана», 1987) или Симеонова («Река Оккервиль», 1985), жизнь которых проходит в бесплодных дневных грезах, — а их ночные сновидения нередко намного ярче и живее всего того, что с ними происходит в состоянии бодрствования! Показателен в этом смысле сон Наташи о возвращении в Рай детства с подробным описанием родителей (в момент сновидения уже давно покойных), сидящих на лавочке в онейрическом хронотопе сказочной рощи, населенной симпатичными героями детских сказок. Регрессивная тенденция сновидения уводит героиню далеко от серой повседневности, в которую она возвращается крайне неохотно, так что пробуждение для нее мучительно и походит на выбрасывание рыбы на сушу:

[...] но густые суконные занавеси сна дрогнули, лица смазались, лес засквозил редкой марлей, и, выдернутая из воды рыба, задыхаясь и тяжелея, Наташа снова тут, — бьется, просыпаясь, в однозначных тисках своего сегодня⁹.

И даже герои, которые на первый взгляд гораздо успешнее включены в современное общество, как Зоя («Охота на мамонта», 1985) или Римма («Огонь и пыль», 1986), склонны к фантазиям, причем крайне банальным и более или менее сводящимся к советским стереотипам жизненного успеха¹⁰. Непреодолимую пропасть между стремлением к жизненной полноте и эмоциональной пустотой в реальной жизни, пропасть, которую пытаются преодолеть через мечтания, ощущают и такие герои, как Василий Михайлович («Круг», 1987) и Петерс («Петерс», 1986). Для типа экзистенции всех вышеуказанных персонажей чрезвычайно характерно душевное состояние,

⁹ Толстая Т. Вышел месяц из тумана // Толстая Т. Река Оккервиль. Рассказы. М., 2002. С. 115.

¹⁰ И Зоя, и Римма фантазируют об уютном быте и роскошно обставленной квартире, о мужьях с положением, об отпуске на юге и тому подобных вещах, выдающих их конформизм и мещанство.

в которое впадает Петерс после утомительных и бесплодных поисков любви и многократных безуспешных попыток преодолеть собственное одиночество:

Но Петерс спал и спал, и жил сквозь сон; аккуратно вытирая рот, ел овощное и пил молочное; брил тусклое лицо — вокруг сомкнутого рта и под спящими глазами, — и как-то, нечаянно, мимоходом, женился на холодной твердой женщине с большими ногами, с глухим именем¹¹.

В этот ряд маргиналов, несомненно, входит и Денисов (повествование в рассказе «Сомнамбула в тумане» ведется через призму его восприятия). Он тоже живет в собственных фантазиях, то есть функционирует в духе барочной метафоры «жизнь есть сон» (ср. Calderon de la Barca, «La vida es sueño», 1636). В драме Кальдерона эта метафора указывает на постижение главным героем, польским принцем Сехизмундо, истины об иллюзорности жизни и эфемерности всех жизненных стремлений. Жизненные события, увиденные глазами Денисова, также можно определить метафорой «жизнь есть сон», при этом Денисов, в отличие от Сехизмундо, лишен метафизической опоры и утешения в вере и не может смириться с ничтожностью и брэнностью человеческого существования.

Уже первое предложение рассказа с прозрачным намеком на вводную терцину¹² «Ада» Данте указывает с большой дозой иронии и юмора на нечто похожее на метафорический душевный ад: в нем пребывает главный герой, мучимый сильной тоской, тяжкими сомнениями и вопросами, на которые нет однозначных ответов: «Земную жизнь пройдя до середины, Денисов задумался»¹³.

Денисов задумался о смысле жизни и ее брэнности, о своих ночных страхах и о том, что до сих пор не совершил ничего достойного воспоминаний. Он думал и о своей красивой невесте Лоре, о

11 Толстая Т. Петерс // Толстая Т. Река Оккервиль. С. 235.

12 В переводе «Божественной комедии» Данте на русский язык, сделанном, кстати говоря, как раз дедом Татьяны Толстой, М. Лозинским, эти строки звучат следующим образом: «Земную жизнь пройдя до половины / Я очутился в сумрачном лесу, / Утратив правый путь во тьме долины». URL: http://wikilivres.info/wiki/Божественная_комедия/Ад (дата обращения: 11.06.2020).

13 Толстая Т. Сомнамбула в тумане // Толстая Т. Река Оккервиль. С. 397.

других женщинах, о далеких странах, в существование которых не очень верил, и о многом другом. Так, он думал о бессмысленном расположении континентов, причем его особенно раздражало положение Австралии. Валяясь на старом диване и пуская дым сигареты в географическую карту с земными полушариями, он мысленно часами «исправлял» мир: в Сибирь следовало бы добавить парочку морей, Африку опустить немного ниже, Индия могла бы остаться на своем прежнем месте, но с Австралией непременно надо было что-то делать, поскольку здесь по логике должна быть вода, а не континент.

Наррация сразу вводит нас во внутренний, субъективный мир героя, мир, который у читателя почти все время будет на первом плане, застилая своим содержанием объективную реальность повествования. «Реальный мир» рассказа, в котором движутся персонажи и происходят события, просматривается с позиции Денисова очень нечетко, потому что большую часть его психической жизни занимают фантазии.

Дело в том, что в состоянии фантазирования человек рассеян и психически отключен, поскольку его внимание направлено на внутреннее, а не на внешнее пространство. Иными словами, восприятие того, что человека окружает, притуплено или же вообще отсутствует. Согласно Фрейд, грезы наяву продиктованы подсознательными желаниями, а не рациональным мышлением. Фантазирование, кроме того, несвойственно счастливым, каких, впрочем, в прозе Татьяны Толстой мало. Ему скорее предаются неудовлетворенные и несчастные неудачники, а каждая их греза, как указывает Фрейд в своей работе «Поэт и фантазирование» (1907), по сути — «исполнение желания, исправление не удовлетворяющей человека реальности»¹⁴. Наиболее частыми, по его мнению, желаниями, наряду с эротическими, являются честолюбивые желания, преследующие цель возвеличивания личности. В анализируемом рассказе, пожалуй, для этого нет примера лучше, чем фантазии Денисова о перемещении Австралии на более подходящее место. На первый взгляд может показаться, что указанная идея с учетом своего бесславного конца никоим образом не может служить возвеличиванию личности. Однако, вопреки тому, что Денисову в своем видении не удастся переместить Австралию и окончательно исправить несовершенный мир, хотя бы на мгновение он

14 Freud S. Creative Writers and Day-dreaming // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. London, 1986. Vol. IX (1906–1908). P. 146.

присваивает себе роль Творца, всемогущего существа, принимающего решение о виде нашей планеты.

Здесь, правда, необходимо указать на нечто иное. Как и у большинства мечтателей, пассивное созерцание ментальных картин у Денисова не приводит к прорыву в действительность, т. е. к какому-либо конкретному движению или действию. Иными словами, у него отсутствует творческий заряд художника или мыслителя, способного посредством фантазии создать нечто новое, т. е. дать словесное оформление новому художественному произведению или новой идее. Так что, несмотря на горячее желание, он, по сути, не может вдохновиться своими фантазиями и реализовать в действительности свой творческий потенциал:

Пробовал Денисов изобретать — не изобреталось, пробовал сочинять стихи — не сочинялось, начал было труд о невозможности существования Австралии: сварил себе крепкого кофе и засел на всю ночь к столу. Работал хорошо, с подъемом, а под утро перечел — и порвал, и плакал без слез, и лег спать в носках¹⁵.

Костяк, вокруг которого строится рассказ, однако, образуют не столько фантазии Денисова, сколько его сон. Но и для Денисова, и для читателя он, говоря словами Лотмана, является семиотически неопределенным «пространством, которое еще надлежит заполнить смыслами». Сделаем несколько предварительных замечаний. С одной стороны, без глубокого знания психологии почти невозможно понять сон Денисова, в котором косвенным путем проявляется именно его подсознание — взять, к примеру, его иррациональные страхи или же его глубоко подавленные воспоминания, неожиданно проявляющиеся во сне. И, наконец, следует предположить, что Татьяна Толстая как писательница позднего двадцатого века вряд ли могла избежать — пусть и поверхностного — знания психоаналитического дискурса. С другой стороны, когда речь идет о вымышленных героях, которые не могут принимать реального участия в толковании своих снов, необходимо быть крайне осторожным в использовании психоаналитической герменевтики фрейдовского или юнговского толка. Впрочем, еще Фрейд в «Толковании сновидений» заметил, что литературные сны вообще не являются подходящим материалом для

¹⁵ Толстая Т. Сомнамбула... С. 400.

психоаналитического подхода¹⁶. По его мнению, они предопределены для символического толкования, при котором содержание сна пытаются «заменить другим, понятным и в некоторых отношениях аналогичным содержанием»¹⁷. Но если даже предположить, что Татьяна Толстая поместила в ткань своего рассказа не вымышленный, а настоящий сон, он может быть художественно убедительным только при условии удачного сочетания со всеми остальными компонентами структуры текста. Другими словами, литературный сон, независимо от его принадлежности реальному или воображаемому лицу, должен обладать таким же статусом, как и все остальные части художественного текста. По этой причине его не следует интерпретировать отдельно, тем более с помощью методов, отличных от используемых при толковании остального текста. Таким образом, несмотря на то, что некоторые элементы сна Денисова могут быть лучше поняты в системе глубинной психологии, здесь мы будем считать их прежде всего литературным фактом. В этом смысле мы постараемся не упускать из вида то, что сны, с одной стороны, — удобное средство для характеристики персонажа, с другой — способ тематического обогащения повествовательной структуры, а с третьей — фактор ее фабульного развития, на что, впрочем, указывал еще М. Кац, исследуя онейрический компонент в русской литературе XIX в.¹⁸

Итак, будем исходить из того, что сон Денисова, несмотря на свою относительную простоту и краткость, является ключевым смысловым узлом рассказа. От этого узла, как мы увидим, ответвляются различные потоки мыслей, говорящие не только о внутреннем мире персонажа, но на определенном абстрактном уровне и о *conditio hu-*

16 Сам Фрейд применил свой психоаналитический метод к художественным снам, описанным в новелле В. Йенсена «Градива» (ср. его работу «Бред и сновидения в “Градиве” В. Йенсена» 1907 г.). Приняв во внимание тот факт, что Йенсену в момент написания новеллы психоаналитический метод был совершенно неизвестен, Фрейд пришел к следующему выводу: «Я воспользовался этим совпадением между моим исследованием и творчеством писателя в качестве доказательства правильности моего анализа сновидений» (см.: *Фрейд* 3. Толкование сновидений. М., 2007. С. 93). Таким образом, новелла Йенсена Фрейду была интересна не своим художественным эффектом вставных сновидений, но тем, что, по его мнению, она прекрасно иллюстрирует правильность психоанализа как метода лечения.

17 Там же. С. 92.

18 *Katz M. R. Dreams...* P. 10–15.

тана вообще. То есть они говорят о том неумолимом факте, что, за редким исключением, рано или поздно мы бесследно исчезнем из человеческой памяти, словно никогда и не существовали.

Сон Денисова состоит всего из нескольких сцен, образующих в хронологической последовательности более или менее законченное целое. Вначале мы застаем Денисова в коридоре неизвестного учреждения в разговоре с тремя неизвестными людьми: стариком, мужчиной и женщиной, которая, «видоизменяясь и пульсируя так и сяк, сложилась в худую усталую блондинку»¹⁹, очень похожую на покойную сестру матери, тетю Риту. Двое мужчин и далее остались Денисову неизвестными, но он помнил их после пробуждения по многочисленным конкретным и ярким деталям. Увидев в руках у Денисова свежий хлеб и бублик с маком, три фигуры во сне вначале дернулись, а потом женщина открыто попросила у него немного хлеба. Денисову вдруг пришло в голову, что он имеет дело с жителями Ленинграда во время блокады, и заключил, что и сам он жертва ленинградской блокады, обреченная голодать. Очень неохотно он поделился бубликом со своими собеседниками, оставив при этом лучший кусок с маком себе. В следующей сцене Денисов в своей квартире в современной Москве. Он разделен временем и пространством с блокадным городом времен Второй мировой войны. Он понимает, что по улицам гуляют улыбающиеся и довольные люди, и сам он сыт, а холодильник набит продуктами. Его охватывает тошнота от собственной жадности и скупости, и он бросается искать ту тройку голодных людей. Поиски его безуспешны, очевидно, что время лишь на мгновение приоткрылось и захлопнулось вновь. В последней сцене своего сна Денисов панически колотит руками и ногами в какую-то дверь. Чуть позже за ней он увидит столовую, из которой выходят спокойные посетители, вытирая сытые рты и оставляя на тарелках остатки пищи. А трое тех, заблудившихся во времени, безвозвратно рассыпались, рассеялись, бесследно исчезли. Остальную часть рассказа Денисов остается под гнетущим впечатлением своего сна, пытаясь разгадать его скрытое значение. Он сознает, что пространственно-временные деформации онейрического хронотопа воспрепятствовали его поискам голодной тройки, потому что там, во сне,

...все иначе, и место скользит, и время валится вбок рваной волной, и все это крутится, крутится; там одна секунда стоит большая,

19 Толстая Т. Сомнамбула... С. 404.

медленная, гулкая, как заброшенный храм, другая — мелкая, юркая, быстрая, — чиркнув спичкой, сжигает тысячу лет; шаг в сторону — и ты в чужой вселенной...²⁰

Помимо дезориентированности в пространственно-временных координатах своего ночного видения, Денисов не может с уверенностью установить, кто его собеседники, и даже определить, все ли они принадлежат миру умерших или мертва только тетя Рита. Впрочем, в состоянии бодрствования Денисов помнит совершенно другую тетю Риту, отличающуюся от усталой блондинки во сне. Так, из глубин его памяти возникает образ красивой молодой женщины с белокурым валиком надо лбом, которая, готовясь к свадьбе, примеряет перед зеркалом свой цветной кушак и, довольная, напевает. Вскоре тетя Рита исчезла, вспоминает далее Денисов, а мать запретила ему упоминать ее имя. От тети Риты осталась только стеклянная пудреница, которую он во дворе обменял на перочинный ножик. Мать его за это побила, а потом ночью долго плакала. И хотя с тех пор прошло более 35 лет, ощущение вины у Денисова не исчезло, но, очевидно, усилилось, на этот раз прикрытое онейрическими образами хлеба и бублика, которыми сновидец вначале не желает делиться с другими, а позднее из-за этого горько раскаивается. Более того, после пробуждения угрызения совести у Денисова перерастают в смутное чувство долга по отношению ко всем умершим и забытым.

Комплекс представлений о еде, проходящий красной нитью через все фрагменты сна Денисова и связывающий их воедино, теперь можно разъяснить в символическом коде. По сути, следуя мыслительным усилиям Денисова в толковании своего сна, мы доходим не только до переносного значения мотивов, связанных с понятиями голода и сытости, но и до скрытого содержания онейрических сцен в целом. На одном конце этой цепи представлений — голодные и мертвые, как тетя Рита и ее друзья, а на другом — сытые и живые, как Денисов и его современники. Правда, в пространстве сна Денисова, как и в любом онейрическом пространстве, где живые сосуществуют с мертвыми, бинарная оппозиция между жизнью и смертью до некоторой степени нейтрализуется. По сути, ее лучше всего заменить топологией ленты Мёбиуса, на которой закон бинарности не действует, и потому невозможно отличить, скажем, внутреннюю

20 Там же. С. 405.

сторону от внешней или левую от правой стороны ленты²¹. Во сне, как и на ленте Мёбиуса, один член оппозиции легко и незаметно переходит в другой, или, иначе говоря, в такой пространственной модели жизнь незаметно перетекает в смерть, а смерть неприметно продолжает жизнь, так что их невозможно четко разделить. Во всяком случае, тетя Рита и ее друзья, так, как их позднее (в состоянии бодрствования) понимает Денисов, боятся не голода, а забвения, они просят не хлеба, а памяти. Впрочем, всем, кто сейчас сыт и жив, но неумолимо движется в ничто, после смерти грозит такой же метафорический голод, т. е. глубокая потребность оставить след в чужой памяти. «Что останется от нас? Что останется от нас?»²² — панически вопрошает Денисов от имени обычного маленького человека, а свои раздумья о тете Рите, женщине, короткая и непримечательная жизнь которой являет собой пример судьбы именно среднего большинства, он завершает своеобразной вариацией традиционных барочных²³ тем о бренности жизни и иллюзорности земных ценностей (*Memento mori* и *Vanitas*):

...она погибла, и порвался кушак, и рассыпалась пудра, и сгнили светлые волосы; она ничего не сделала за свою короткую жизнь, только спела перед зеркалом, и вот теперь, мертвая, старая, голодная, испуганная, мечется в государстве снов, попрошайничает: вспомни!²⁴

В основе мучительных поисков скрытого смысла своего сновидения Денисов постоянно проявляет панический страх «умереть и быть забытым, стереться из людской памяти, бесследно рассеяться

21 См.: Мазин В. Толкование сновидений в эпоху массовой коммуникации // Мазин В., Пепперштейн П. Толкование сновидений. М., 2005. С. 239–240; Užarević J. Möbiusova vrpca. Knjiga o prostorima. Beograd, 2011. S. 7–8.

22 Толстая Т. Сомнамбула... С. 415.

23 Указанные темы присутствовали в европейских литературах задолго до XVII в., но большую популярность они приобрели именно в среде барочных поэтов с их пессимистическим восприятием мира как бренной и ничтожной иллюзии. Многие из них наверняка выстроили подобное мировоззрение под влиянием духовной атмосферы, господствовавшей в католических странах Европы после Тридентского собора.

24 Толстая Т. Сомнамбула... С. 418–419.

в воздухе»²⁵. С другой стороны, эта боязнь одновременно побуждает его открыть свое истинное жизненное послание: он станет «посланцем забытых»²⁶, тех, кто умер, не совершив ничего достойного, чтобы их помнили другие.

Как мы видим, сновидение играет важную роль в самопознании Денисова, т. е. в психологической характеристике героя произведения. Кроме того, необходимо сказать, что сновидение в значительной степени движет динамикой рассказа. Дело в том, что, в отличие от грез наяву, оно заставляет сновидца после пробуждения выйти из своего внутреннего мира во внешний и предпринять в нем определенные конкретные действия. Проблема заключается только в том, что все эти действия, особенно те, в которых герой выступает «посланцем забытых и безымянных», крайне бессмысленны и безрезультатны. Проблема также состоит в том, что и все остальные персонажи ведут себя абсурдно. Образно говоря, они ведут себя как сомнамбулы, чье движение или же поведение в объективной реальности не контролируется бодрствующим сознанием. Правда, по-настоящему только отец Лоры (слегка маразматический биолог, которого отправили на пенсию) является лунатиком в буквальном смысле слова, в то время как к Денисову, Лоре и большинству остальных персонажей понятие сомнамбулизма можно применить лишь метафорически. Так, например, большинство выражений в отрывке, посвященном характеристике Лоры, необходимо понимать прежде всего в их переносном, метафорическом, а не буквальном значении:

Глупая женщина, она тоже бредет наугад, вытянув руки, обшаривая выступы и расселины, спотыкаясь в тумане, она вздрагивает и ежится во сне, она тянется к блуждающим огням, ловит неловкими пальчиками отражения свечей, хватает круги на воде, бросается за тенью дыма; она склоняет голову на плечо, слушает шуршание ветра и пыли, растерянно улыбается, озирается — где оно, то, что сейчас промелькнуло?²⁷

Как бы то ни было, ощущения потерянности и дезориентации в прагматике жизни, позволяющие провести аналогию с состоянием суженного сомнамбулического сознания, характерны не только для

25 Там же. С. 399.

26 Там же. С. 424.

27 Там же. С. 411.

Лоры, но и для Денисова и многих других персонажей рассказа. В этом смысле его название «Сомнамбула в тумане» более чем удачно.

Следует обратиться еще к одной проблеме. Как было указано выше, ранняя проза Татьяны Толстой, и тем более анализируемый рассказ, недвусмысленно вызывает в нашем сознании некоторые из значений традиционной барочной метафоры «жизнь есть сон»; попробуем определить, какие именно. При этом необходимо подчеркнуть, что Татьяна Толстая нигде в рассказе не употребляет этот метафорический топос эксплицитно. Другими словами, метафора «жизнь есть сон» лексически в тексте не выражена, но зато присутствует имплицитно, как средство моделирования нарративной реальности. Об одном аспекте значения указанной метафоры уже говорилось выше: вследствие всецелой сосредоточенности на своей внутренней жизни субъект созерцает объективную реальность словно во сне, с рассеянным и сниженным вниманием, пассивно и растерянно. Только происходящее внутри его душевной сферы обладает для него статусом реальности, а реальный мир предстает совершенно нереальным, так, словно он видит его во сне.

Метафора «жизнь есть сон», однако, имеет еще одно значение, нуждающееся в пояснении: вкратце его можно свести к замечанию, что реальность иногда объективно имеет характер сновидения. Таким образом, субъект не обязательно должен быть обращен исключительно к своему внутреннему миру, но, наоборот, может наблюдать внешний мир с обостренным бодрствующим восприятием, интенсивно ощущая при этом, что все окружающее нереально или объективно схоже со сновидением. Действительность позднего социализма, как она описана в рассказе «Сомнамбула в тумане», несомненно имеет характеристики хаотического онейрического хронотопа, в котором события происходят бестолково, алогично и как во сне. Достаточно коротко остановиться на двух эпизодах, в которых описываются предпринимаемые Денисовым действия в реальных ситуациях, правда, все еще под впечатлением от сновидения о тете Рите и ее друзьях.

Возьмем, к примеру, эпизод, в котором Денисов в роли «посланца забытых» встречается с товарищем Бахтияровым, чтобы с его помощью достать дорогостоящий импортный шкаф «Сильвия» для свадебного подарка сестре покойного Саши Макова. Все это странное предприятие Денисов затевает потому, что Саша Маков, несколько проблемный школьный товарищ Лоры, четыре года назад трагически

погиб в горах, не оставив после себя ничего примечательного, достойного памяти. Денисов, правда, не знал его лично, но все равно жалел, что несчастного юношу вскоре все забудут. Впрочем, забывать его стали и самые близкие, не высказывая никакого интереса к проекту Денисова о сохранении памяти их брата и сына. Руководствуясь девизом «жизнь идет дальше...», родственники проявляют полное равнодушие ко всем стремлениям Денисова сохранить память о Макове. Только его мать со слезами на глазах попросила Денисова «в знак памяти» о Саше помочь им достать свадебный подарок для его младшей сестры, что сам Саша, будь он жив, непременно бы сделал. В поисках вожделенного, но дефицитного в Советском Союзе товара, Денисов был направлен к товарищу Бахтиярову, сумасброднему и непредсказуемому советскому высокопоставленному лицу, который мог бы ему в этом оказать большую помощь.

Денисов застаёт Бахтиярова в веселой компании в ресторане «Лесная сказка». При виде стола Бахтиярова, над которым клубится густой табачный дым и льется шампанское, «где тяжелые женские спины, где кто-то в сиреневом галстучке, шуплый, собачистый, быстро вертится вокруг Хозяина, непрерывно его обожая»²⁸, Денисова охватило легкое волнение, но он решительно «шагнул, и пересек черту, и стал посланцем забытых, безымянных, реющих в снах...»²⁹. За этой чертой все происходит словно в каком-то адском антимире кошмарного сна. Уже сам факт, что ресторан с таким названием находится не в городе, а за его пределами, то есть вне упорядоченного городского пространства, по сути на пустом месте, может привести к утрате «чувства реальности», которое человек испытывает, находясь, к примеру, в хорошо известном месте с точными пространственными координатами. Ситуация, в которую попадает Денисов после того, как в присутствии незнакомых людей высказывает свою просьбу, напоминает дурной сон, похожий на мучительные сновидения, где все происходит помимо вашей воли, где все пристально следят за вами, а вы не в силах что-либо предпринять, чтобы выбраться из неприятной ситуации. В «Лесной сказке» Денисов точно так же попадает в центр непрерывного, несколько даже враждебного и пристального внимания, мешающего ему сосредоточиться и понять, что на самом деле с ним происходит. И хотя с самого начала он сознавал, что как посланцу забытых и безымянных ему придется многое вытерпеть,

28 Там же. С. 427–428.

29 Там же. С. 428.

сейчас ему совершенно непонятно, почему, скажем, в присутствии этих людей он должен спеть вслух городской романс о Шаровой Леночке, уничтожившей плод своей несчастной и легкомысленной любви и за это расстрелянной. Несколько садистски настроенная публика, внимательно на него смотрящая, становится все больше похожей на гротескных онейрических персонажей, на так называемые «смешанные образования»³⁰, вызывающие нередко глубоко неприятное чувство и страх. Абсурд в «Лесной сказке» достигает своего апогея в тот момент, когда растроганный Бахтияров просит Денисова залезть под стол, а тот отказывается это сделать, и все гости ресторана встают и вместе с поварами и официантами начинают скандировать: «Под стол! Про-сим! Про-сим!» Беспомощный Денисов лежал под столом свернувшись, в положении нерожденного плода, и «тупо глядел на женские ноги, на серебряные хвосты и лакированные копытца»³¹, то есть на гостей, которые, как в настоящем онейрическом пространстве, превращаются в нечисть в фольклорном духе — правда, лишь метафорически. Из этой незавидной ситуации совершенно обессиленный Денисов спасается, засыпая под столом. Попутно вспомним, что эпизод с товарищем Бахтияровым во многом напоминает сон Татьяны из «Евгения Онегина», и, возможно, благодаря этому обстоятельству мы дополнительно склонны воспринимать реальный мир «Лесной сказки» как онейрический хронотоп³².

30 См.: *Фрейд З.* Толкование сновидений. С. 272 и далее.

31 *Толстая Т.* Сомнамбула... С. 432.

32 В своем сновидении Татьяна, как и Денисов наяву, оказывается в избушке посреди леса, в которой Хозяин (Онегин) пирует с нечистой силой, т. е. с чудовищами. Бахтияров ведет себя с гостями так же, как и Онегин в сновидении Татьяны. Приведем строки Пушкина: «Он (Онегин. — Ж. Б.) знак подаст: и все хлопочут; / Он пьет: все пьют и все кричат; / Он засмеется: все хохочут; / Нахмурит брови: все молчат; / Так он хозяин, это ясно» (*Пушкин А. С.* Сочинения в 3 т. М., 1986. Т. 2. С. 266). Бахтияров также абсолютный хозяин положения за столом. По его знаку все, как и в строках Пушкина, смеются, рукоплещут, поют или молчат. Например, после своего размышления вслух, что государственный завод по производству пива носит совершенно неуместное имя «разбойника» Стеньки Разина, Бахтияров делает вывод: «“По-моему, смешно. Смейтесь!” Друзья и дамы засмеялись, сиреневый даже взвизгнул. Денисов тоже вежливо улыбнулся и отпил теплое “Буратино”» (*Толстая Т.* Сомнамбула... С. 428–429). Кроме того, Т. Толстая обозначает Бахтиярова тем же именем, каким Пушкин называет Онегина, — «хозяин», а гостей

Однако то, что повествовательный мир «Сомнамбулы в тумане» может иметь онейрический характер и без интертекстуальной привязки к какому-нибудь хорошо известному литературному сновидению, проистекает из эпизода о другом необычном деле Денисова, на которое его подвигло навязчивое желание бессмертия и славы. Дело в том, что, руководствуясь идеей возглавить «небольшое, но чистое движение» по борьбе с воровством, Денисов обвинит мясника в обвесе и от имени многочисленной толпы, стоявшей вместе с ним в очереди, потребует перевзвесить уже купленное и, по-видимому, оплаченное свыше реальной цены мясо. Согласятся почти все, кроме старичка, который воспротивится этому предложению несколько неуместными, но идеологически корректными аргументами. Поскольку ему, как участнику Великой Отечественной войны, государство оказывает доверие и накануне каждого праздника выдает паяк с деликатесными и дефицитными продуктами, старичок громко заявляет,

...что теперь он в ответ на доверие государства каленым железом выжигает половую распущенность в ихнем кооперативе «Черный лебедь» и не позволит всяким гадам в японских куртках бунтовать против нашего советского мясника, что правильно сориентированный человек должен понимать, что нехватка мяса объясняется тем, что кое-кто завел дорогих, недоступных простому народу собак и те все мясо поели; а что если масла нет — значит, и войны не будет, потому что все деньги с масла пошли на оборону, а кто носит тапки «адидас», тот нашу родину предаст³³.

Когда старик, довольный собой, ушел, большинство покупателей все же решило проверить честность мясника повторным взвешивани-

Бахтиярова обозначает метонимиями (серебряные хвосты, лакированные копыта), похожими на те, что Пушкин употребляет в описании адских чудовищ из сна Татьяны: «[...] очи всех / Копыты, хоботы кривые, / Хвосты хохлатые, клыки, / Усы, кровавы языки, / Рога и пальцы костяные, / Все указывает на нее (Татьяну. — Ж. Б.) / И все кричат: мое! мое! (Пушкин А. С. Сочинения... С. 267). И, наконец, Денисов, как и его онейрический двойник Татьяна, лишен какой бы то ни было инициативы. За исключением начала разговора с Бахтияровым, Денисов в «Лесной сказке» далее событиями не управляет — с ним они только случаются.

33 Толстая Т. Сомнамбула... С. 413.

ем уже купленного мяса. Удостоверившись в обмане, покупатели во главе с Денисовым направились в подвал к директору разбираться. Но дверь кабинета неожиданно распахнулась, и на пороге рядом с директором показался известный популярный актер Рыкушин с пестрым пакетом, наполненным говяжьими языками. Все, что последовало далее, происходило словно не наяву, а в каком-то путаном и бессмысленном сне: при виде мужественного красавца с полной сумкой аппетитных продуктов вместо возмущения и протеста толпу охватила радость узнавания. Какая-то пухлая женщина забралась на бочонок с селедкой и произнесла в честь Рыкушина восторженную речь, после чего его попросили взять на себя творческое шефство над двумястами тридцатью восемью детскими яслями с ежегодным регулярным выступлением в роли Деда Мороза. Началось братание, объятия, слезы и раздача автографов. Пионеры и школьники с визгом съезжали в подвал по шатким перилам на кучи капусты, сверху напирала толпа новых поклонников, а Денисов, совершенно забытый неблагодарной толпой, потихоньку стал пробиваться к выходу, двигаясь против общего потока.

Гнеущая повседневность позднего социализма с дефицитом и длинными очередями, на что было обречено большинство обычных людей, за исключением привилегированного меньшинства, в данном эпизоде представлена рядом сцен, которые нельзя связать в единое и логичное целое, поскольку они сменяют друг друга, следуя логике сновидений. Так, никто из участников описанных событий не реагирует в данной ситуации разумно и адекватно, кроме разве что Денисова в момент его ухода со сцены. Потому и не удивляет, что все происходящее в магазине пронизано атмосферой бессмыслицы и абсурда. В советской реальности поздних 80-х гг. прошлого века, в том виде, в каком она представлена в данном рассказе, «работа сновидения»³⁴ как будто разрушила связь между ее разобщенными частями, не заботясь о показе логических отношений между ними (в первую очередь причинности, противоположности и противоречия). Так, например, логично ожидать, чтобы недовольная толпа, последовав за справедливым Денисовым, с неприязнью отнеслась к привилегированному Рыкушину, вместо того чтобы вести себя как раз наоборот, вопреки требованиям здравого смысла.

Особенно интересен образ старика, который без особой видимой причины обрушивается на Денисова своим авторитарным дискур-

34 Фрейд З. Толкование сновидений. С. 238 и далее.

сом³⁵, или, скорее, пародией на авторитарный дискурс. Поскольку этот косный догматичный язык советской идеологии скорее относится к какой-то идеальной норме, чем к истинному положению вещей, он необходимо теряет любую связь с реальностью. Во всяком случае, нехватку мяса и сливочного масла невозможно объяснить так, как это делает рассерженный участник Великой Отечественной войны, чтобы при этом объяснение не было воспринято как обычная иллюзия. Именно вследствие неспособности авторитарного дискурса описать реальность период позднего социализма в Советском Союзе превращается, по мнению А. Юрчака, «в некий вид “постмодернистского” универсума, в котором укоренение в реальном мире более невозможно, а действительность сведена к дискурсивным симулякрам»³⁶. Под градом симулякров официальной идеологии, знаков, не поддерживаемых реальностью, человек позднего социализма не может избавиться от ощущения иллюзорности этого мира, а это лишь шаг к ощущению, что жизнь похожа на сон.

В рассказе «Сомнамбула в тумане» метафорический духовный туман, окутывающий реальный мир нарратива, не только не рассеивается, но под конец даже сгущается, так что и Денисов, и Лора и далее бродят в тумане в напрасных поисках выхода. При этом Лоре, как и Денисову, ни в чем не везет. Поскольку ей трудно рациональным и целостным взглядом охватить кошмарные будни, в которые она погружена, то в попытках помочь своему отцу-лунатику она все больше подпадает под влияние самых разных альтернативных целителей, гадалок и прозорливцев. Совершенно невероятно, например, воодушевление, с каким Лора, городская девушка, к тому же дочь зоолога, описывает Денисову некоего старца Пафнутия, известного в Москве тем, что он многих, включая и некоторых высокопоставленных представителей власти, вылечил своей слюной. Если учесть, что в период позднего социализма монолитная материалистическая модель мира постепенно теряет свою незыблемость и неопровержимость и до некоторой степени уступает сцену ярко выраженным иррационалистическим и неортодоксальным мировоззрениям, то слова Лоры перестают вызывать удивление. Результатом указанного процесса становится сосущество-

35 Понятие авторитарного дискурса здесь заимствовано у А. Юрчака, у которого оно оформилось с опорой на понятие авторитарного слова М. М. Бахтина (см.: *Бахтин М. М.* Слово в романе // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 154–157).

36 *Yurchak A.* Everything Was Forever... P. 75.

вание в сознании многих людей совершенно несовместимых картин действительности, что приводит их к мировоззренческой дезориентации и путанице. Во всяком случае, последняя попытка Лоры вылечить отца от сомнамбулизма с помощью икон и свечей пресловутой бабы Лизы заканчивается настоящей катастрофой, поскольку хитрый старик вырывается из рук мрачной провидицы и бежит в неизвестном направлении. Этим и завершается рассказ, который, тем не менее, предлагает два диаметрально противоположных и к тому же в одинаковой мере недосказанных интерпретационных решения:

Сомнамбула бежит по бездорожью, смежив вежды, вытянув руки, с тихой улыбкой, словно видит то, что не видят зрячие, словно знает то, что они забыли, ловит ночью то, что потеряно днем. Он бежит по росистой траве, по лунным пятнам и черным теням, по грибам и подорожникам, по бледным ночным колокольчикам, по маленьким лягушатам. Он взбегает на холмы, он сбегает с холмов, чист и светел под светлой луной, вереск хлещет его легкие ноги, ночь дует в спящее лицо, белые волосы развеваются по ветру, расступается лес, расцветает клен, разгорается свет. Неужели он не добежит до света?³⁷

Если судить по поэтичности орбиты движения лунатика и эстетически положительному характеру всех ее отрезков, то рассказ, с одной стороны, указывает на счастливый исход событий. Может быть, отец Лоры благодаря тому, что потерялся в прекрасном ночном пейзаже, по сути, освободился от всех скверных сторон дневной жизни и сумел «добежать до света». С другой стороны, Татьяна Толстая, возможно, словом «свет» намекала на выражение «светлое будущее» как одну из любимейших синтагм авторитарного дискурса советской идеологии, и все предложение задумано в саркастическо-ироническом тоне. В этом случае побег отца Лоры никогда не вызовет его из духовной тьмы, и он и далее останется ее пленником. Однако ни одну из вышеуказанных возможностей интерпретации текста нельзя предпочесть другой с полной уверенностью.

С точки зрения онейрической проблематики можно оставить без особого внимания тот факт, что концовка рассказа открыта и двусмысленна³⁸. В контексте данной статьи гораздо

³⁷ Толстая Т. Сомнамбула... С. 435.

³⁸ Goswilo H. The Explosive World of Tatyana N. Tolstaya's Fiction. Armonk; London, 1997. P. 150.

интереснее представляется то, что Татьяна Толстая при решении нарратологических проблем, таких как, к примеру, концовка рассказа, вновь прибегает к онейрическому мотивно-тематическому комплексу, точнее говоря, мотиву сомнамбулизма с его богатым семантическим потенциалом. Таким образом, функцию концовки рассказа берет на себя символический уровень текста. При этом именно символическим зарядом заключительной сцены — образа сомнамбулы в ночном тумане — рассказ подталкивает к выводу о том, что на важные вопросы бытия редко находятся готовые и недвусмысленные ответы, и наше настоящее и будущее редко видятся четкими и ясными. Так как по жизни мы движемся главным образом с закрытыми глазами и с ограниченным сознанием, она действительно часто похожа на сон.

Поэтому неудивительно, что в данной статье наибольшая эвристическая ценность придается традиционной барочной метафоре «жизнь есть сон» и текст прочитывается через ее призму. И, наконец, упомянем еще об одном: хотя метафорическая фраза лишь имплицитно ощутима в ткани текста, с ее помощью «Сомнамбуле в тумане» удастся сообщить нам гораздо больше, чем намеревалась сказать аполитичная русская писательница. «Я никогда не писала политических вещей»³⁹, — заявила Татьяна Толстая в одном из интервью, которое дала лет через десять после написания «Сомнамбулы в тумане». И все же дезинтеграцию политической и общественной системы позднего социализма мы воспримем намного выразительнее и ярче, отталкиваясь именно от метафоры «жизнь есть сон» как концептуальной опоры, чем если бы эта система в рассказе подверглась непосредственной идеологической критике.

Источники и литература

Бахтин М. М. Слово в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 72–232.

Вайль П., Генис А. Советское барокко // Вайль П., Генис А. Собрание сочинений: В 2 т. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. Т. 1. С. 275–506.

39 *Толстая Т. Н.* Писание как прохождение в другую реальность // Постмодернисты о посткультуре. Интервью с современными писателями и критиками / ред. С. Ролл. М., 1998. С. 139.

Липовецкий М. Паралогии. Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 840 с.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1998. 270 с.

Мазин В., Пеннерштейн П. Толкование сновидений. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 709 с.

Нагорная Н. А. Онейросфера в русской прозе XX века: модернизм, постмодернизм. Барнаул: Издательство БГПУ, 2003. 100 с.

Нагорная, Н. А. Сновидения в постмодернистской прозе. URL: http://literary.ru/literary.ru/show_archives.php?subaction=showcomments&id=1206018300&archive=1206184559&start_from=&ucat=&category=1 (дата обращения 07.05.2020).

Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Сочинения в 3 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 2. 186–353 с.

Толстая Т. Н. Писание как прохождение в другую реальность // Постмодернисты о посткультуре. Интервью с современными писателями и критиками / сост., автор предисловия и редактор книги С. Ролл. М.: Р. Элинин, 1998. С. 131–154.

Толстая Т. Н. Река Оккервиль // Толстая Т. Н. Рассказы. М.: Подкова, Эксмо-Пресс, 2002. 462 с.

Фрейд З. Толкование сновидений. М.: Академический проект, 2007. 510 с.

Энштейн М. Н. Постмодерн в русской литературе. М.: Высшая школа, 2005. 495 с.

Calabrese O. Neo-Baroque. A Sign of the Times. Princeton: Princeton University Press, 1992. 227 p.

Freud S. Creative Writers and Day-dreaming // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud / transl. from German under general editorship of J. Strachey. London: The Hogart Press and the Institute of Psycho-analysis, 1986. Vol. IX (1906–1908). 143–153 p.

Goscilo H. The Explosive World of Tatyana N. Tolstaya's Fiction. Armonk; London: M. E. Sharpe, 1997. 226 p.

Katz M. R. Dreams and the Unconscious in Nineteenth-Century Russian Fiction. Hanover; London: University Press of New England, 1984. 215 p.

Užarević J. Möbiusova vrpca. Knjiga o prostorima. Beograd: Službeni glasnik, 2011. 430 p.

Yurchak A. Everything Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation. Princeton: Princeton University Press, 2006. 331 p.

References

- Bakhtin, M. M. "Slovo v romane". Bakhtin, M. M. *Voprosy literatury i èstetiki*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1975, p. 72–232.
- Calabrese, O. Neo-Baroque. *A Sign of the Times*. Princeton: Princeton University Press, 1992, 227 p.
- Èpshtein, M. N. Postmodern v russkoi literature. Moscow: Vysshiaia shkola, 2005, 495 p.
- Freud, S. "Creative Writers and Day-dreaming". The standard Edition of the complete psychological Works of Sigmund Freud, transl. from german under general editorship of J. Strachey, vol. IX (1906–1908), London: The Hogart Press and the Institute of Psycho-analysis, 1986, p. 143–153.
- Freid, Z. *Tolkovanie snovidenii*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2007, 510 p.
- Goscilo, H. *The Explosive World of Tatyana N. Tolstaya's Fiction*. Armonk, London: M. E. Sharpe, 1997, 226 p.
- Katz, M. R. *Dreams and the unconscious in nineteenth-century Russian fiction*. Hanover, London: University Press of New England, 1984, 215 p.
- Lipovetskii, M. *Paralogii. Transformatsii (post)modernistskogo diskursa v russkoi kul'ture 1920–2000-kh gg.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008, 840 p.
- Lotman, Iu. M. *Kul'tura i vzryv*. Moscow: Gnozis, 1998, 270 p.
- Mazin, V., Peppershtein, P. *Tolkovanie snovidenii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005, 709 p.
- Nagornaia, N. A. *Oneirosfera v russkoi proze XX veka: modernizm, postmodernizm*. Barnaul: Izdatel'stvo BGPU, 2003, 100 p.
- Nagornaia, N. A. *Snovidenia v postmodernistskoi proze*, http://literary.ru/literary.ru/show_archives.php?subaction=showcomments&id=1206018300&archive=1206184559&start_from=&ucat=&category=1 (Accessed: 07.05.2020).
- Pushkin, A. S. "Evgenii Onegin". Pushkin, A. S. *Sochinenia v 3 t.* Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1986, vol. 2, p. 186–353.
- Tolstaia, T. N. "Pisanie kak prokhozhdenie v druguiu real'nost'". *Postmodernisty o postkul'ture. Interv'iu s sovremennymi pisateliami i kritikami*, Sostavitel', avtor predislovii i redaktor knigi S. Roll, Moscow: R. Èlinin, 1998, p. 131–154.
- Tolstaia, T. N. "Reka Okkervil". Tolstaia, T. N. *Rasskazy*. Moscow: Podkova, Èksmo-Press, 2002, 462 p.
- Užarević, J. *Möbiusova vrpca. Knjiga o prostorima*. Beograd: Službeni glasnik, 2011, 430 p.
- Vail', P., Genis, A. "Sovetskoe barokko". Vail', P., Genis, A. *Sobranie sochinenii v 2 t.* Ekaterinburg: U-Faktoriia, 2004, vol. 1, p. 275–506.
- Yurchak, A. *Everything Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation*. Princeton: Princeton University Press, 2006, 331 p.

Ž. Benčić

University of Zagreb (Zagreb, Croatia)

Tatyana Tolstaya's "Sleepwalker in a Fog" or "The Life is a Dream"
in a Neobaroque manner

The proposed analysis of the oneiric elements in the early prose writing by Tatyana Tolstaya, most notably in the short story "Sleepwalker in a Fog", attributes the highest heuristic value to the traditional Baroque metaphor "life is a dream", and attempts to close read the text by using this premise as a focal point. The stated metaphor which, as an important vehicle for construction of narrative reality, is present only implicitly in the text, contains two distinct semantic aspects. The first can be defined as the claim that the protagonist observes objective reality as a dream, with disintegrated and lessened attention, passively and absent-mindedly, since he is completely absorbed in his inner life. What constitutes reality for him is the activity of his spiritual sphere whereas the real world looks completely unreal, as if he were dreaming about it. The metaphor "life is a dream" has, however, another meaning which can be defined as an observation that reality can sometimes have a dreamlike character. Hence, the protagonist is not necessarily submerged into his inner life but rather observes the external world with sharp and vigilant perception, and has a strong feeling that what surrounds him is not real, i.e. that the external reality is objectively like a dream. There is no doubt that the reality of the late socialism as described in the short story "Sleepwalker in a Fog" has a quality of a chaotic, oneiric chronotope in which events evolve incoherently, illogically, and in a dreamlike manner. Keywords: *Tatyana Tolstaya, sleep-walk, daydreaming, dream, the late Socialism.*

Вброд через реку перемен: категория *границы* в романе Дубравки Угрешич

В статье содержится попытка выявить соответствия / параллели между литературным текстом и «текстом» эпохи. За основу взят роман современной хорватской писательницы Д. Угрешич «Форсирование романа-реки» (1986): он рассматривается на фоне событий 1980-х годов в Хорватии. В качестве ведущего элемента поэтической структуры произведения выделяется категория *границы*. Она прослеживается на разных уровнях организации текста: в повествовательной композиции, сюжете, характеристике персонажей, нарративной конструкции в целом. В романе описываются различные границы (ментальные, экзистенциальные, государственные, языковые) и их функция в поэтике произведения, опирающегося на принципы постмодернизма: это литература о литературе. Социальный и культурный контекст, в котором возник роман, также демонстрирует категорию *границы*, которой можно описать особенности переходной эпохи. 1980-е годы в Хорватии отмечены состоянием транзита политической власти, экономического устройства, культурной парадигмы. В статье рассмотрены различные виды искусства, популярные направления и печатные издания, задававшие тон эпохи. Показано, что в литературе, искусстве, кино это был период подъема. Выход к новым рубежам описывается посредством категории границы, которая проявилась в различных принципах нарушения привычной художественной иерархии: интертекстуальности, совмещении высокого и низкого жанров (в кино и литературе), в усилении роли маргиналий (молодежная пресса), гибридизации медиа (слияние изображения и слова). Сознание порубежного существования породило «мусорную поэтику» как контр-культурный феномен эпохи. Роман Д. Угрешич содержит все эти признаки переходности, но кроме того, опирается и на глубинные слои литературной традиции, обнаруживая соответствия балканской модели мира. В этом плане в статье упоминаются мотивы моста-перехода в прозе И. Андрича, а также лестницы в рассказе А. Шоляна. Деструкция как ведущий принцип постмодернизма, тема гибели романа, проявившиеся в

произведении Д. Угрешич, стали отражением переходной эпохи в жизни Хорватии, ее культуры, отмеченной символической границей существования.

Ключевые слова: *Хорватия, Угрешич, текст, категория границы, 1980-е годы, балканская модель мира.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.4.04

*Это — не страх ножа
или новых тенет,
но того рубежа,
за каковым нас нет.*

И. Бродский. Сидя в тени (1983)

Интерпретировать особенности произведения искусства (будь то роман или живописное полотно) исключительно на основе событий эпохи, связывать исторические события с миром автора напрямую, конечно, неправильно. Повествовательная стратегия, отбор мотивов, система персонажей, стиль лишь в малой степени детерминированы внешним по отношению к художественному пространству автора миром. Однако в истории культуры случаются периоды, взвихренные особой силой перемен, когда связи текста с его внетекстовой реальностью обнажаются, когда поэтическая система ищет для своих оснований принципы, которые приходят в резонанс с актуальной «внехудожественной» практикой автора. Речь, разумеется, не идет (или идет только отчасти) об описаниях в искусстве тех или иных реалий политической и общественной жизни. Речь идет о художественном мышлении, попадающем в резонанс с эпохой и отражающем ее на опосредованном, пропущенном сквозь множество фильтров художественного осмысления мира, уровне. Таков роман известной хорватской писательницы Дубравки Угрешич «Форсирование романа-реки»¹. В настоящей статье содержится попытка наметить параллели

Настоящая статья подготовлена в рамках проекта «Россия и Венгрия на перекрестке культур Востока и Запада: проблема пограничья», подержанного грантом РФФИ № 18-512-23002 (2018–2021).

¹ *Ugrešić D. Forsiranje romana-reke. Zagreb, 1986.* В русском переводе: *Угрешич Д. Форсирование романа-реки / пер. с хорватского Л. Савельевой. М., 2002.* В английском переводе: *Fording the Stream of Consciousness / transl. by Michael Henry Heim. London: Virago Press, 1991.*

между организацией текста этого произведения в аспекте категории *границы* — с одной стороны, и пространством *пограничья* бурной эпохи 1980-х гг. в Хорватии — с другой, а также указать на корни этих соответствий в балканской модели мира в целом.

Дубравка Угрешич (1948) — наша современница, филолог по образованию, в своих литературоведческих трудах опирающаяся на структурно-типологический анализ текста и компаративистику, редактор (совместно с А. Флакером) многотомного труда по истории и теории русского авангарда, «Понятийник русского авангарда», создававшегося в 1980–1990-х гг. коллективом лучших европейских и российских гуманитариев². Д. Угрешич хорошо знакома с русской культурой: она автор исследований по русскому авангарду, переводила художественную литературу и составляла антологии русской литературы XX в. В качестве писателя еще в 1970-е гг. выступила как один из представителей «джинсовой» прозы, а с конца 1980-х литература стала ее основным занятием. В 1990-е гг. Угрешич эмигрировала из Хорватии и в настоящее время проживает в Амстердаме. Наряду с прозой она пишет эссе на политические и общественные темы, обыгрывая клише национальных характеров с точки зрения внешнего наблюдателя-эмигранта³. Творчество Д. Угрешич получило признание в Европе и США, ее произведения переводятся на многие языки мира, в том числе и русский, она является обладателем многих престижных литературных наград.

Роман «Форсирование романа-реки», опубликованный в 1986 г., может служить своего рода компендиумом характеристик времени перемен в хорватской культуре 1980-х, отражает их и оперирует ими как литературным материалом. Можно сказать, что категория *границы* определяет синтактику, семантику и прагматику этого произведения и реализована на всех уровнях текста.

Категория *границы* проявляется, прежде всего, в использовании приема рамочной композиции. Основное повествование окружено «дневниковыми» записями «автора»: калейдоскопом банальностей быта, встреч и разговоров (среди них и вполне автобиографически достоверные — например, беседы Угрешич с Ю. М. Лотманом, с которым она встретилась во время симпозиума на Кубе), своих и чужих

2 Pojmovnik ruske avangarde / ur. A. Flaker, D. Ugrešić. Zagreb: Grafički zavod Hrvatske, 1984–1993. Vv. 1–9.

3 Один из первых опытов такого рода: *Ugresic D. Have a Nice Day: From the Balkan War to the American Dream*. London, 1994.

мыслей о литературе и жизни, в частности, навеянных проблемой авторства в ситуации постмодернизма. Тем самым задается первая и, может быть, самая важная *граница*: *граница* между жизнью и литературой (здесь и далее курсив мой. — Н. З.). Действительно, роман отвечает главным критериям постмодернистской литературы — в нем иронически пародируются литературные жанры, типажи, опровергаются литературные авторитеты, сам голос «автора» изобилует литературными аллюзиями, стилистическими цитатами, скрытыми и явными отсылками к Г. Флоберу, М. Булгакову, Х.-Л. Борхесу, Э. Йонг, У. Эко, М. Кундере. Вводятся иронически трактованные популярные в то время темы интеллектуальных дискуссий — восточноевропейского диссидентства, гендерного письма, идентичности малой нации, «смерти автора». Наконец, постмодернизм романа обнаруживается в мета-описательном принципе организации текста — как на уровне фабулы, так и построения сюжета, — это рассказ о литературе средствами литературы.

Перешагнув за пределы ироничной авторской «рамки жизни», читатель попадает в пространство повествования: действие разворачивается на международном литературном симпозиуме в Загребе в начале 1980-х, где встречаются писатели разных стран и литераторы всех мастей, а также министр культуры, аспирантка-славист из Австрии, переводчики и издатели. Сюжет пародирует жанр детектива, соединяя его типизированные признаки: здесь три смерти, украденная рукопись, литературный шпионаж, подложные документы, криминальные провокации, доноски-стукачи. Обыгрывается и много других жанров — автобиография, любовная драма, фантастика, триллер, феминистская проза. Повествование построено на соположении различных типов людей литературного труда, представляющих одновременно и разные литературные направления, а также на травестийно сниженном описании их жизненных проблем: загребского неудачника-сценариста, свою бездеятельность оправдывающего ущербностью режима, несчастного чеха, у которого во время симпозиума похитили «роман его жизни», американского киношника — предприимчивого и недалекого, а также множества других персонажей, несколькими точными штрихами создающих усредненный национальный портрет (хорват, русский, полька, венгерка, ирландец, австрийка, американец, чех). Здесь и два писателя из позднесоветской России, лишь недавно получившие возможность выезжать за границу, — невротические жертвы «железного занавеса». Здесь и любовные коллизии: эротические утехы министра со своей секретаршей, блиц-романы аспирантки-австрийки

с русским писателем Трошиным и чеха Яна Здражила с переводчицей, а также попытка изнасилования критика-женофоба группой мстящих ему писательниц.

Наряду с жанровыми трансгрессиями, многовекторность повествования сведена к набору фрагментов *mise en abyme* — рассказов персонажей о тяготах жизни в том или ином отечестве: описания югославских реалий в душевных излияниях загребчанина Пипо приятелю-американцу, чешских — в связи с Яном Здражилом, а также советских — в раздумьях Трошина перед попыткой побега на Запад и в воспоминаниях австрийки о том, как она проводила время на стажировке в Москве. Эти рассказы даны в форме речи внутреннего нарратора — своего рода свидетеля-переводчика культурных кодов — и усилены введением «писем» приезжих литераторов на родину. Типичные картины жизни и психологии писателей Восточной Европы — в Советском Союзе, Чехии, Югославии — отмечены иронией и грустным сочувствием. Все эти герои охарактеризованы состоянием недостатчи: все чего-то лишены и все стремятся выйти за пределы собственного Эго, преодолеть ту или иную реальную или воображаемую *границу*. Реальность и фикция пересекаются и в мечтах, нереализованных возможностях в отечестве.

Фиктивное и фантастическое переплелись в экскурсах в историю литературы: рассказы о забавных и пугающих эпизодах из жизни писателей прошлых эпох (своеобразная пародия на компаративистику) вложены в уста загадочной фигуры интеллектуала-француза Флагуса, как выясняется в конце, вовсе не писателя и не внука Флобера, за которых он себя выдает, а властного злодея — интригана и литературного шпиона, отслеживающего новые идеи, чтобы распылить, ратражировать и по сути изничтожить авторство как таковое с целью обрести неограниченный контроль над литературой⁴. Несущий это разрушительное начало пародийный антигерой сюжетно мотивирует принцип деконструкции, последовательно реализуемый в тексте посредством категории *границы*. Можно согласиться с мнением критика Я. Лукич, которая отметила, что, «обращаясь с живыми писателями так, как писатели обращаются со своими героями [...] Флагус *пересекает границу* между реальностью и фикцией [...] и показывает, что

4 Многие персонажи имеют реальных прототипов — так, в образе Флагуса ясно просматриваются черты профессора Загребского университета, академика Александра Флакера.

реальность — это просто один из возможных миров»⁵ [перевод с английского мой. — Н. З.]. Таким образом, выстраивается фрактальная конструкция: внешней рамке повествования автора с границей жизнь / литература вторит внутренняя оппозиция центрального персонажа *реальное / фиктивное*.

Сюжетный клубок начинает разворачиваться с эпизода случайной смерти приехавшего на симпозиум испанского поэта-коммуниста Жозе Рамона Эспера — пересечение экзистенциальной *границы* обозначено как столкновение с *границей* в физическом мире: персонаж ударился головой о *борт* бассейна и упал в воду за смертью. Роковой *границей* предшествовали ключевые слова *стена* и *кирпич-шифр*, несущие семантику *пограничья*: в своем рассказе о том, как по ассоциации с тюремной стеной, в которой заключенный часто ищет тайный ложный кирпич, испанский поэт вводил в стихотворения скрытый смысл — однако критики не удосуживались заняться его отысканием. В романе есть и еще две смерти, причем одна из них также связана с *границей*, на этот раз государственной: решив эмигрировать, советский писатель Трошин пытается пересечь *границу* по чужому паспорту, но в момент ее пересечения умирает от инфаркта. Третью смерть — министра, осознавшего конец своей карьеры — провоцирует уже упомянутый злодей Флагус, носитель деструктивного начала романа. *Границу* пересекает и рукопись чешского писателя Яна Здражила, причем многократно: виртуально — в форме мечты автора переправить роман на Запад, и дважды реально — при вывозе им рукописи из Чехословакии, а также в результате двойной кражи рукописи и *перевозки* романа в США американским киносценаристом. Для Яна *граница* — источник катарсиса: он испытывает ужас перед ней. Тот же «синдром» — как стыдливо обозначает это чувство Трошин — присущ и русским, и даже, по его мнению, их пьянство есть «протест против оскорбления, имя которому — *пересечение границы*» (105) [здесь и далее перевод с хорватского мой. — Н. З.]. Поэтому не случайно Яну, надевшему на заседании наушники с переводом, сразу же слышатся соответствующие клише политической риторики: открывающий симпозиум функционер говорит о предстоящем мероприятии как о *разрушении границы* — географической, политической и идеологической.

⁵ Lukić J. Trivial Romance as an Archetypal Genre, Fiction of Dubravka Ugrešić // URL: <https://web.archive.org/web/20060926082818/http://www.zenskestudie.edu.yu/eng/selectedpapers/Lukic.htm> (дата обращения: 18.04.2020).

Категория *границы* реализована и в противопоставлениях *мы / они, большой / малый*, приводящих в действие метафорические переносы: в Москве *большой* Маяковский противопоставлен фотографирующимся на фоне памятника *маленьким* писателям, а рассуждения о *малой* и *большой* нации рассыпаны по всему тексту романа. Противопоставления *здесь / там* как *я / они* обозначены как мечта загребского сценариста Пипы установить окна, непроницаемые для взгляда снаружи, ведь «между ним и ними [его окружением. — Н. З.] возникла какая-то невидимая *граница*». В противоположность Пипе его собеседник, прагматичный американец Марк, смотрит без иллюзий на свой западный мир и без излишнего трагизма на социалистический мир своего приятеля, а бинокль, который он постоянно носит с собой, чтобы разглядывать птичек, метафорически развенчивает *пограничье* утопии, делая зримым и близким далекое и эфемерное.

Маркирован в романе и концепт *перевода* как преодоления *границы*, чьими акторами выступают *переводчица* с чешского, *перевозчики* «багажа» (американец Марк, самовольно завладевший чужой рукописью) и агенты не менее криминального *трансфера* идей (уже упоминавшийся шпион Флагус, отслеживающий талантливые литературные замыслы и одаривающий ими посредственных писателей⁶). Важное место в романе занимает и *перевод* в буквальном смысле, выступающий *мостом* между языками и культурами: так, несколько раз использован прием повтора фразы на разных языках — примером могут служить, в частности, возгласы Яна Здражила, обнаружившего пропажу своей рукописи: «Genossen! Kollegen! Mitmenschen! Man hat mir meinen Roman gestohlen! Mein Meisterwerk!.. My novel has been stolen! My masterpiece... On m'a volé mon livre! Mon chef-d-oeuvre... Ljudi! Mne ukrali roman⁷! Moj šedevr!..» (75).

Есть и другие случаи использования приема итерации. Так, загребский поэт-карьерист Прша подвержен тайной страсти. В своем воображении он составляет так наз. «карту» — списки-каталоги некрологов еще живых писателей, классифицируя их по разным признакам: политическим характеристикам («левак, шовинист, либерал, националист, сталинист, клерикал, русофил, аполитичный, фашизо-

6 ««Шпиономания» [...] характерный признак приграничного текста». См.: *Спроге Л., Цивьян Т. В.* Переход через границу и *amor fati*: мифологическое и реальное // Балтийские перекрестки. Этнос. Конфессия. Миф. Текст. 2005. С. 414.

7 Ошибка в русском (правильно: *у меня*) — на совести автора.

идный, кагебэшник, анархоидный, американофил, анархо-либерал», 137), чертам характера («болтун, простак, скупец, эротоман, лгун, оговорщик, сплетник, зазнайка, эгоцентрик, слабак, подхалим, склонный к алкоголизму», 137) и т. п. Каталоги-перечисления однородных действий / привычек / вещей доминируют и в нарративах персонажей — и в том, как Пипо рассказывает своему американскому приятелю о своей несчастной жизни, и в воспоминаниях австрийской аспирантки об ущербной советской писательской среде, и в раздумьях о своей судьбе Трошина. Нанизывание признаков — это и характерная черта литературных историй в устах эрудита Флагуса: рассказы о внезапных и странных смертях писателей и т. п. Принцип каталога, основанный на упрощенной конструкции синтаксиса, содержит в себе начало *пограничья* как такового. Длинные цепочки перечисления однородных категорий с включением в них категорий другого ряда порождают десемантизацию основного признака, что приводит к обнулению семантики и инверсии смыслов. Возникает эффект абсурда. Автор романа умело оперирует приемом каталога, получившего широкое распространение в постмодернизме, но истоки которого можно обнаружить и в русском авангарде — и прежде всего у Д. Хармса. Произведения Хармса пользовались огромным успехом в Сербии и Хорватии конца 1970-х — начала 1980-х гг., стали объектом внимания литературоведов⁸ и были опубликованы в многочисленных переводах, в чем принимала участие и Угрешич.

Перечисление, ведущее к опрокидыванию логических связей, является неотъемлемым свойством поэтики тривиального, «мусорной поэтики», берущей истоки еще в конце 1960-х и генетически восходящей к историческому авангарду, а также к описанию энтропии мира в литературной традиции⁹. Тема мусора — это прежде всего тема вещи, дошедшей до своего края, а мотив *пограничья* вещи, ее экзистенциального предела, изоморфен дискретности синтаксиса, данному в форме каталога. Одним из провозвестников постмодернистской каталогизации вещей в Югославии можно считать белградского художника русского происхождения Леонида Шейку (1932–1970). Основатель белградской сюрреалистической группы «Медиала», которая исповедовала идею восстановления памяти культурного опыта человечества на рельсах модернизма, он в своей живописи воссозда-

8 См., например: *Vlasić A. Harms i dadaizam, Zagreb, 1997.*

9 *Топоров В. Н. Апология Плюшкина: вещь в антропоцентрической перспективе // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М., 1995.*

вал образ «свалки» истории — символического склада разнообразных вещей и визуальных цитат в условном пространстве. В своих предсмертных записках он писал: «Đubrište je za mene imalo značaj prelaznog iskušavanja moderne umetnosti; s time je moderna umetnost za mene završena» (Свалка для меня носила значение преходящего соблазна современного искусства; этим с современным искусством для меня покончено [перевод с сербского мой. — Н. З.]¹⁰). Мусор как воплощение всего банального, утратившей цельность материи, знак энтропии и смерти — это вещный аналог эфемерности человеческой жизни на границе эпох. Весь роман Угрешич — бесконечная игра «мусорными» литературными аллюзиями и штампами, ментальными стереотипами и при этом саркастическая самоирония, направленная на самоотрицание — самоустранение, подобное самоизживанию вещи в ее мусорной ипостаси.

Самоотрицание и мусорная поэтика стала и одним из главных признаков десятилетия. В чем же проявилась переключка романа с событиями эпохи?

* * *

Ситуацию, сложившуюся в это время в СФРЮ, и в Хорватии в частности, можно назвать реализацией *форсированного перехода / перевода / переноса*. Начало десятилетия было отмечено уходом из жизни двух столпов югославского, и прежде всего хорватского, общества. В мае 1980 г. в возрасте 87 лет скончался бессменный вождь социализма Иосиф Броз Тито, а в декабре 1981 — в столь же преклонном возрасте, 88 лет, Мирослав Крлежа, «классик хорватской литературы и мера недогматической, революционной левизны в хорватской культуре»¹¹. Первая смерть ускорила крах режима, вторая означила смену культурной парадигмы.

Кончина Тито, хотя давно и с тревогой ожидаемая, вызвала политическую нестабильность в партийном и хозяйственном руководстве страны, а экономический кризис, назревавший еще с 1970-х гг., разразился в полную меру. Нарастал разброд в федерации, все яснее становились центробежные устремления республик, вспыхивал национализм. Началась инфляция, нехватка продовольственных и промышленных

10 *Šejka L.* Аутобиографија // URL: <http://www.audioifotoarhiv.com/gosti%20sajta/LeonidSejka.html> (дата обращения: 25.04.2020).

11 *Pavličić J.* Abortirana dekada // *Osamdesete! Slatka dekadencija post-moderne*. Knjiga-katalog. Zagreb, 2015. S. 213.

товаров, усилились настроения неуверенности в завтрашнем дне, ожидания близящейся катастрофы. Внутренние проблемы резонировали и с внешнеполитическими: советское вторжение в Афганистан в 1979 г. болезненно отозвалось на лидирующей роли Югославии в среде не присоединившихся к основным блокам противостояния стран Третьего мира. Это десятилетие повлечет за собой войну, распад единой федерации на отдельные страны, гиперинфляцию, всплеск национализма, но также и обновление всей жизни — вступление в новую историческую эпоху и европейскую общность, обретение нового хозяйственного уклада и новой идентичности. Если не считать кровавой войны (хотя как ее не считать!) и болезненного перекроя политической карты региона, можно сказать, что состояние такого рода переходного этапа переживали все страны Восточной и Центральной Европы. Однако в Югославии эта переходность, в силу особенностей ее развития в предыдущие десятилетия, имела особенно яркие проявления: она выявила специфические черты национального менталитета, стереотипы сознания, которые опираются на значимые основания балканской модели мира: в событиях десятилетия последняя отразилась словно во множестве фрагментов расколотого зеркала.

Между тем нарастание негативных тенденций в политике и экономике часто бывает противоположно процессам в культуре: 1980-е отмечены бурным всплеском всей интеллектуальной и художественной жизни страны. И это в первую очередь относится к Хорватии. В эту декаду появлялись новые имена в литературе, менялись виды искусства, возникали новые медиа. То, что происходило здесь в эти годы, — интересный феномен на фоне не только сопредельных республик и государств, но и в плане путей сложения и развития общеевропейского постмодернизма в целом. Нынешние историки культуры, искусствоведы и критики оценивают десятилетие как очень значимое: именно восьмидесятые стали мостом, проложившим дорогу к актуальной современности¹².

Признаки *рубежа* проступали в новом соотношении видов искусства и обновлении всей поэтики. Пересечение *границ* наиболее очевидным образом проявилось в возникновении и упрочении смешанных видов, где вербальное и визуальное образовали гибридную амальгаму, однако иначе, чем это происходило на старте постмодернизма на Западе. Так, интертекстуальность западного кинематографа

12 Osamdesete! Slatka dekadencija postmoderne. Knjiga-katalog. Zagreb, 2015.

этого времени, основанная на слиянии высокого и низкого, цитатности и обыгрывании стереотипов, которые были понятны всем, в хорватском кино стала скорее принадлежностью элитарной культуры. Гибридизация в кино больше коснулась смешения жанров: переосмысление политических событий послевоенной Югославии соединилось с мелодрамой, фантастика в стиле Борхеса — с детективом, а аллегорический символизм — с политическим памфлетом (фильмы З. Тадича, Ж. Томича, Д. Шорака). Между тем из-за разразившейся вскоре войны и прочих социальных неурядиц новаторским потенциалом в хорватском кино 1980-х, а также в остальных видах искусства не суждено было развиться в полную меру, а тем более передать эстафету дальше. Поэтому видный кинокритик Ю. Павличич определил это время как «абортированное десятилетие»¹³. Молодежь в кино заявила о себе ярко и сильно, однако их энергия была остановлена *стеной-границей*, которая выстроилась из последовавших трагических событий начала 1990-х.

В искусстве ощущение существования на *рубеже* возможного осмыслялось у концептуалистов — в появившихся в ту пору перформансах, инсталляциях и видеоманифестациях. Ведущим принципом контркультурной практики художников было отражение энтропии общества. Плакат Ж. Йермана «Этот не мой мир» был представлен еще в 1976 г. на международном белградском форуме авангарда «Апрельские встречи», а в следующем десятилетии в галерее «Подвал» (Podrum) художник показал выставку своих работ в *punk*-стиле: обрезки печатных плакатов, которые он изготавливал на заказ в 1970-х, так наз. «марочные маски» — пощечина либеральному потребителю и утверждение «права на дилетантизм» как своего рода свободу самовыражения¹⁴. Нравы обуржуазившегося общества эпатировал в 1981 г. и разгуливавший нагишом по Загребу Т. Готовац — ведущий хорватский мастер перформанса и боди-арта. Он же подхватил витавшую в воздухе негативистскую идею антимузея и музея без границ, которая нашла практическое выражение в его квартирном собрании отживших свой век вещей, мелочей, подобранных на мостовой. Чуть позднее скульптор И. Кожарич, руководимый близкой идеей, принялся составлять инсталляции из груд строительного мусора. Теория хаоса,

¹³ Pavličić J. Abortirana dekada // Osamdesete! Slatka dekadencija postmoderne. Knjiga-katalog. Zagreb, 2015. S. 224.

¹⁴ Osamdesete! Slatka dekadencija postmoderne. Knjiga-katalog. Zagreb, 2015. S. 210.

эффект бабочки, культура смерти — все это находилось в поле пристального внимания художников, ощущавших крушение вертикали власти и девальвацию прежних ценностей.

Наиболее ярким проявлением новых ростков культуры стала пресса. Широкий вал иллюстративного материала в прессе выступил первой ласточкой так называемого «pictorial turn» (поворота к визуальности), прочные позиции которого все западное искусство не уступает по сию пору. Визуальный ряд был значимой формой обновления контента — в прессе публиковались эпатажные снимки, эротические фотографии, документация концептуалистских акций. Популярными стали комиксы, роль которых не ограничивалась поверхностной развлекательностью. В пространстве комиксов, например, обосновалось вполне серьезное, хотя и выполненное в шуточной форме, направление научно-популяризаторской литературы: в переводе на хорватский была издана серия американских книжек-стрипов «Маркс для начинающих», «Фрейд для начинающих», «Эйнштейн для начинающих», шуточно знакомящих широкую публику со столпами научной мысли XX в.

Характерной чертой этого периода стал активный выход на арену художественной жизни молодого поколения — именно ему стала принадлежать ведущая роль. Подобно тому как с 1970-х гг. страну наводняли американские и итальянские джинсы, обувь, техника, распространявшиеся через комиссионные магазины, а также многочисленных перекупщиков, молодежные журналы и газеты стали тем шлюзом, через который проникала западная культура: рок-музыка, эротика, актуальные художественные течения, новое в гуманитарных науках, философские дискуссии. Хотя страна не была изолирована от западного мира в той степени, как это было в Советском Союзе, идеологическое давление, политическая цензура все же существовали, поэтому свободное, подчас провокационное поведение, бунтарский дух, свойственные этой прессе, были тем новым, что будировало общество в целом. Можно сказать, что обозначение рубежа, границы эпох — было вкладом, который молодежная пресса внесла в артикуляцию *переходности* этого времени. Язык молодежи, ее голос и взгляд на мир действовали как динамит на общество, закосневшее в атмосфере заезженных штампов.

Среди молодежных изданий сразу же выделились главные — иллюстрированные журналы еженедельник «Полет» (Polet), двухнедельник «Старт» (Start), «Радио 101» (Radio 101): людям, которые ими руководили, едва исполнилось 20 лет — именно эти органы несли на

себе печать *рубѣжа* эпох. Так, один из основателей «Полета», Пера Квесич (Pera Kvesić), еще в 1970-е организовал тиражное издание школьных газет, которое стало кузницей молодых литераторов и быстро приобрело огромную популярность. Молодежные журналы и газеты-листки по всей Хорватии были распространены и раньше, но в 1980-е они впервые стали провозвестниками новой эпохи. Стоило какому-то новому начинанию, стилю репортажа, острой теме появиться в «Полете», журналы всей страны подхватывали это. Но еще более важным стало то, что прежде маргинальные издания стали влиять на центральные, серьезные печатные органы: менялся язык, взгляд на мир, *периферия осваивала центр*, диктовала нормативным устоям сдвиг, динамические преобразования.

Одним из самых влиятельных журналов десятилетия, и, по общему мнению, тем, который наиболее полно отразил *рубѣж* эпохи, выступил журнал «Кворум» (Quorum). По свидетельству историка литературы, «с самого начала “Кворум” позиционировал себя интермедиально, [...] как пространство, где соприкасаются и коммуницируют литература, музыка, изобразительное искусство, кино, критика и теория искусства»¹⁵. Критик отмечает, что журнал зафиксировал знамение времени — постмодернизм как «осознание того, что невозможно далее стремиться к стабильности этой парящей — постоянно ловимой и так и не пойманной — идентичности [...] как праву быть другим»¹⁶. Проза Д. Угрешич возникла именно в этой среде и под этими флагами. Наряду с яркими писателями своего поколения — Д. Сламингом, И. Аралицей, Д. Милошем и П. Павличичем — Д. Угрешич подхватила волну смены парадигмы, нарушая все ранее принятые *границы* и стереотипы жанров, ставя банальность на место высокого и создавая свой стиль, основанный на иронии, семантике неопределенности и литературной карнавализации. То есть возводя на пьедестал опрокинутой иерархии ценностей само пространство *пограничья*.

Акцент на визуальной информации, разрушение *преград* между видами искусства, границ дозволенного цензурой, вылазки за пределы «своего» в сторону «чужого», вестернизация первопроходцев 1980-х шли рука об руку с их отрицанием набирающего силу потребительского менталитета, с одной стороны, и противостоянием по отношению к лицемерию правящих элит, их консервативной идеологии — с

15 *Bagić K.* Filigranske pločnici, Sretne ulice i SL // *Osamdesete! Slatka dekadencija postmoderne.* Knjiga-katalog. Zagreb, 2015. S. 71.

16 *Ibid.* S. 73.

другой. Все это рождало *порубежную* черту десятилетия — «мусорную» поэтику культуры. Стиль «треш» охватил и литературу, и искусство, и кино. Интерес к «мусорной» мотивике, теме маленького человека в окружении всеобщего разлада — универсальная тенденция зарождающегося постмодернизма. В 1980-е она охватила не только Хорватию, но и всю Европу, а в России нашла, среди прочего, свое яркое воплощение в «альбомах» И. Кабакова и В. Пивоварова, одном из наиболее продуктивных сегментов советского концептуализма. Ярким проявлением демифологизации литературы стала проза уже упомянутого нами Перо Квесича. Первым произведением этого автора стал роман «Что я им делаю, что они мне делают»¹⁷: написанный слогом городской молодежи и проникнутый меланхоличной эротикой и юношеской рефлексией, он описывал банальное — каждодневные будни, детали городского быта, диалоги со сверстниками, шуточные наблюдения над собой. Наивная открытость коротких фрагментов в дневниковом стиле, как бы ни о чем, разговорный язык рождали ощущение незамутненной достоверности представленного, почти зримой документальности нарратива. Именно эта зримость много десятилетий спустя, в 2016 г., логично претворилась в первую режиссерскую работу П. Квесича — документальный фильм под названием «Dum spigo sprego», снятый «от бедра» — от первого лица, как бы на смартфоне — своего рода видео-селфи. Это фильм о личном переживании *границы*, отделяющей жизнь от смерти, рассказ о надвигающемся конце физического существования, переданный на фоне каждодневной рутины, будней сквозь призму своего Я, и тем особенно контрастирующей с глубиной экзистенциальной бездны, в которую неизбежно упирается судьба всякого человека. Здесь частное и тривиальное возведено на уровень всеобщего и трагического. Банальное и смерть — важный разворот смыслов, порожденный 1980-ми как *мостом* между эпохами.

* * *

Роман Д. Угрешич несет в себе этот дух обновления: он, и особенно категория *границы*, столь рельефно обозначенная в структуре текста, стали своего рода слепком эпохи. В нем отразились коды переходного времени, многоголосие языков культуры — полифония речи, скрещивание направлений и жанров. Однако опорные точки поэтики этого произведения можно рассмотреть и в более глубинной

17 Kvesić P. Što mi rade, što im radim. Zagreb, 1986.

перспективе. Тема преходящего, балансирующего на краю существования начала, нашедший в романе Угрешич выражение в мотивах разнообразных *мостов-переводов*, уходит корнями в литературную традицию. Категория *границы* встроена и в систему основных свойств балканской модели мира. Воплощением *граничной* зоны в романе Угрешич показан Загреб — метонимия всей Хорватии / Югославии: «Иностранцы через этот город только проезжают. Не задерживаются», отмечено устами одного из персонажей (65). Мотивы многоуровневого *перехода*, *моста* и символического *посредника* / *перевода*, то есть объекты и субъекты *транзита*, описывают самосознание, типичное для культурного пространства региона — многоязычного, поликонфессионального, многоукладного. Культурный ландшафт Балкан и эпоха перемен находят взаимные соответствия и в разнообразии природного ландшафта, отмеченного чертами разделений и связанностей: здесь горы, расщепленные бурными реками, изрезанное бухтами побережье соседствуют с плодородными полями и плоскогорьями, соединенными множеством дорог. В этом пейзаже *мост* и *путь* стали в разное время основными «героями» литературы южных славян.

В прозе Иво Андрича *мост* — один из ведущих мотивов, функционально приближенный к главным персонажам — часто вынесен в название прозаических произведений и эссе («Мост на Дрине», «Мост на Жепе», «Мосты»). Мост соединяет людей, способствует оживлению связей между ними и/или наделяет их значимой бессловесностью; он — главный агент коммуникации¹⁸. Проводниками-посредниками в повестях И. Андрича часто служат и те, кто осуществляет *пересказ* истории персонажей. Так, в повести «Проклятый двор» своего рода «мостом-переводчиком» выступает монах фра Петар, повествующий о печальной судьбе безумного Чамила, имплицитно речь последнего. При этом комментарии рассказчика, его оценки объекта пересказа, эмоциональные реакции порождают естественное приращение информации, нарративный сдвиг, создавая динамику точки зрения. Тем самым акцентируется сама операция *переноса-перевода* как литературного приема.

18 Злыднева Н. В. К проблеме коммуникационных стратегий в балканской модели мира: апофатическое высказывание // Балканский тезаурус: коммуникация в культурно-сложных сообществах / ред. И. А. Седакова, М. М. Макарецев, Т. В. Цивьян. М., 2019 (Балканские чтения 15). С. 149–153.

Мост осмысливается И. Андричем как стержень жизни: «Все эти мосты по сути своей одинаковы и в равной мере заслуживают нашего внимания, ибо указывают место, где человек наткнулся на препятствие и не остановился перед ним, но преодолел его и замостил, как мог, сообразно своим взглядам, вкусу и обстоятельствам, в которых он находился. [...] Вся наша жизнь — переход, мост, края которого уходят в бесконечность и в сравнении с которым все земные мосты — лишь детские игрушки, бледные символы. А вся наша надежда на той стороне»¹⁹.

Другое произведение Андрича — «Знаки вдоль дороги» (*Znakovi porod puta*) — посмертно изданные дневниковые фрагменты-записки, размышления о человеческой жизни и собственном пути. Разворачивающиеся во времени и нанизанные на стержень символического *пути* эпизоды памяти и раздумий рисуют полотно индивидуально-го существования как цепь бесконечных *переходов*, определяющих грани судьбы. Это дискретное состояние континуума нейтрализует и события, и людей, которые встречаются в жизни, возводя *путь* в роль основного персонажа.

Мотив *пути* нашел развитие в прозе следующих десятилетий. В творчестве А. Шоляна, одного из зачинателей «джинсовой прозы» 1960-х в Хорватии, экзистенциальная проблематика, символическая образность претворилась в тему поиска подростком собственной идентичности, метафизического дома²⁰. Лестница как метафора жизни и смены поколений — ведущая тема рассказа А. Шоляна «Пятьсот ступенек»²¹. Здесь мотивы подъема и спуска как преодоления временем пространства, вздернутого ввысь, вызывают ассоциации с гористым, трудно преодолимым балканским ландшафтом и становятся аллегорией затрудненной коммуникации. Все это находит переключку и с *мостами / дорогами* И. Андрича в контексте балканской модели мира, где, по мысли Т. В. Цивьян, «мост — космический дом в космическом интерьере, и этим обеспечивается его долговечность и прочность, контрастирующая с упадком и разрушением обычных домов.

19 Андрич И. Мосты // Иво Андрич. Рассказы, эссе, очерки / пер. с сербохорватского А. М. Романенко. Белград, 1977 (1940). С. 264, 268.

20 Šoljan, Antun // Hrvatska enciklopedija. Zagreb, 1999–2009. URL: <https://www.enciklopedija.hr/natuknica.aspx?id=59785> (дата обращения: 18.04.2020).

21 Шолян А. Пятьсот ступенек / пер. с хорватского Т. П. Поповой // Иностранная литература. 1983. № 7.

[...] Разрушение моста — переход к хаосу, к превращению мира-дома в пустыню и одновременно — смерть человека, который не может перенести разрушение своего дома»²².

Подобным образом в произведении Угрешич мотив реки, эквивалентный концепту *пути*, становится тождественным самому роману. А преодоление этой реки-романа вброд или посредством *моста-перевода*, который превращает *границу* в место не только разделения, но и связи, отражает общий вектор эпохи, открытие новой страницы культурной истории Хорватии. Вынесенное в заглавие романа слово *форсирование* (от англ. *force* — сила) — как в русском языке, так и в хорватском — окрашен военной терминологией и означает «наступление с преодолением водной преграды (препятствия), обороняемой с противоположного берега противником»²³. В этом отношении преодолеваемая роман-река — это прежде всего «граница [как] черта, за которую нельзя переходить, и одновременно [...] черта, которая побуждает к переходу»²⁴, но важно, что это еще и черта, преодолеваемая *силой* и подразумевающая борьбу с (не)видимым врагом, применение *насилия*. Переход через роман-реку — вербальный переход вброд — символически нацелен на *уничтожение* романа как жанра. После его преодоления остается только текущая мимо роман-река как бесконечная лента нанизанных на единый стержень вещей-людей-событий-рефлексий, уже утративших смысл.

Источники и литература

Андрич И. Мосты // Иво Андрич. Рассказы, эссе, очерки / пер. с сербохорватского. М.: Художественная литература; Белград: Просвета, 1977. С. 263–268.

Злыднева Н. В. К проблеме коммуникационных стратегий в балканской модели мира: апофатическое высказывание // Балканский тезаурус: коммуникация в культурно-сложных сообществах / ред. И. А. Седакова, М. М. Макарецев, Т. В. Цивьян. М.: ИСл РАН, 2019 (Балканские чтения 15). С. 149–153.

²² Цивьян Т. В. Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М., 1999. Глава I. Балканское пространство. С. 37.

²³ Толковый словарь военных терминов. URL: <http://armyby.vif2.ru/fslovar.html> (дата последнего обращения: 25.04.2020).

²⁴ Спроге Л., Цивьян Т. В. Переход через границу и *amor fati*: мифологическое и реальное. С. 407.

Топоров В. Н. Апология Плюшкина: вещь в антропоцентрической перспективе // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. М.: Прогресс: Культура, 1995. 624 с.

Толковый словарь военных терминов. URL: <http://armyby.vif2.ru/fsl-ovar.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Спроге Л., Цивьян Т. В. Переход через границу и *amor fati*: мифологическое и реальное // Балтийские перекрестки. Этнос. Конфессия. Миф. Текст. СПб.: Наука, 2005. С. 407–426.

Цивьян Т. В. Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. М.: Индрик, 1999. С. 25–43.

Шејка Л. Аутобиографија. URL: <http://www.audioifotoarhiv.com/gosti%20sajta/LeonidSejka.html> (дата обращения: 25.04.2020).

Шолян А. Пятьсот ступенек / пер. с хорватского Т. П. Поповой // Иностранная литература. 1983. № 7. С. 3–8.

Kvesić P. Sto mi rade, sto im radim. Zagreb, 1986. 186 s. (репринт: Zagreb: ЕРН. 2010).

Lukić J. Trivial Romance as an Archetypal Genre, Fiction of Dubravka Ugrešić. URL: <https://web.archive.org/web/20060926082818/http://www.zenskstudie.edu.yu/eng/selectedpapers/Lukic.htm> (дата обращения: 18.04.2020).

Osamdesete! Slatka dekadencija postmoderne. Knjiga-katalog. Zagreb: Hrvatsko društvo likovnih umjetnika, 2015. 344 s.

Šoljan, Antun // Hrvatska enciklopedija. Zagreb: Leksikografski zavod Miroslav Krleža, 1999–2009. URL: <https://www.enciklopedija.hr/natuknica.aspx?id=59785> (дата обращения: 18.04.2020).

Ugrešić D. Forsiranje romana-reke. Zagreb, 1986. 246 s.

Ugresic D. Have a Nice Day: From the Balkan War to the American Dream. London: Jonathan Cape, 1994. 240 p.

Vlasić A. Harms i dadaizam, Zagreb: Hrvatsko filološko društvo, 1997. 466 s.

References

Andrich, I. “Mosty”. *Ivo Andrich. Rasskazy, ěsse, ocherki*. Translation from serbocroatian. Moscow: Xudozhestvennaia literatura; Beograd: Prosveta, 1977 (1940), p. 263–268.

Kvesić, P. Što mi rade, što im radim. Zagreb, 1986. 186 s.

Lukić, J. *Trivial Romance as an Archetypal Genre, Fiction of Dubravka Ugrešić*. URL: <https://web.archive.org/web/20060926082818/http://www.zenskstudie.edu.yu/eng/selectedpapers/Lukic.htm> Accessed: 18.04.2020.

Osamdesete! Slatka dekadencija postmoderne. Knjiga-katalog. Zagreb: Hrvatsko društvo likovnih umjetnika, 2015, 344 s.

Shejka, L. *Autobiografija*. URL: <http://www.audiofotoarhiv.com/gosti sajta/LeonidSejka.html> Accessed: 25.04.2020.

Sholian, A. "Piat'sot stupenek." Translation from croatian by Popova T. P. *Inostrannaia literatura*, 1983, № 7, p. 3–8.

Sproge, L., Tsiv'ian, T. V. "Perekhod cherez granitsu i amor fati: mifologicheskoe i real'noe". *Baltiiskie perekrestki. Ėtnos. Konfessii. Mif. Tekst.* Saint Peterburg: Nauka, 2005, p. 407–426.

"Šoljan, Antun". *Hrvatska enciklopedija*. Zagreb: Leksikografski zavod Miroslav Krleža, 1999–2009. URL: <https://www.enciklopedija.hr/natuknica.aspx?id=59785> Accessed: 18.04.2020.

Tolkovyĭ slovar' voennykh terminov, URL: <http://armyby.vif2.ru/fslovar.html> Accessed: 25.04.2020.

Toporov, V. N. "Apologija Pliushkina: veshch' v antropotsentricheskoi perspektive". Toporov, V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz.* Moscow: Progress: Kul'tura, 1995, 264 p.

Tsiv'ian, T. V. *Dvizhenie i put' v balkanskoj modeli mira. Issledovaniia po strukture teksta.* Moscow: Indrik, 1999, p. 25–43.

Ugrešić, D. Forsiranje romana-reke. Zagreb, 1986, 246 s.

Ugrešić, D. *Have a Nice Day: From the Balkan War to the American Dream.* London: Jonathan Cape, 1994, 240 p.

Vlasić, A. *Harms i dadaizam*, Zagreb: Hrvatsko filološko društvo, 1997, 466 s.

Zlydneva, N. V. "K probleme kommunikatsionnykh strategii v balkanskoj modeli mira: apofaticheskoe vyskazyvanie". *Balkanskiĭ teaurus: kommunikatsiia v kul'turno-slozhnykh soobshchestvakh.* Moscow: ISI RAN, 2019, p. 149–153.

Nataliya V. Zlydneva

Institute for Slavic Studies, Russian Academy of Science (Moscow, Russia)

Fording the stream of changes:

The concept of *border-zone* in the novel by Dubravka Ugrešić

The article aims to identify correspondences / parallels between the literary text and the "text" of the historical time. The novel of the modern Croatian writer D. Ugrešić "*Fording the Stream of Consciousness*" is taken as a basis: it is considered against the background of the events of the 1980s in Croatia. As the core of the poetic structure of the work, the concept of *border-zone* stands out. The latter can be traced at dif-

ferent levels of the text organization: in the composition, the plot, the characters, the narrative structure as a whole. The novel describes various boundaries (mental, existential, state, linguistic). Their function in the poetics of the novel is based on the principles of postmodernism: this is literature on literature. The social and cultural context in which the novel arose also demonstrates the concept of boundary by which the characteristics of the transitional era can be described. The 1980s in Croatia marked the state of transition in politics, economy as well as culture. The article discusses various types of art, cinema, literature and print media that set the main tone. It is shown that in literature, art, and cinema this was a boom period. Access to new frontiers is described by the concept of border-zone, which manifests itself in various ways of breaking the usual hierarchy in art: intertextuality, combining high and low genres (in films and literature), enhancing the role of marginal (youth press), hybridization of media (pictorial turn). The sense of border-zone existence gave rise to “garbage poetics” as a contra-cultural phenomenon of the time. The novel of D. Ugresic contains all these signs of a transitional period. It also relies on the deeper layers of the literary tradition, revealing correspondences with the Balkan model of the world. In this regard, the article touches upon the issue of the bridge in I. Andric’s prose, as well as the stairs in the story of A. Solan. Destruction as the leading principle of postmodernism, the theme of the death of the novel, that manifested themselves in the piece of D. Ugresic, became a reflection of the transitional time of Croatia, its culture, marked by the symbolic border of existence.

Keywords: Croatia, Ugresic, text, concept of border-zone, 1980s, Balkan model of the world.

**Поиск национальной и жанровой идентичности
в современной русской и венгерской литературной сказке
(на примере творчества А. А. Кабакова, А. Д. Степанова,
и А. Мошони)**

В статье на примере сказочных произведений российских писателей А. А. Кабакова («Московские сказки»), А. Д. Степанова («Сказки не про людей») и венгерской писательницы А. Мошони («Будапештские сказки») рассматривается вопрос о взаимодействии жанровых трансформаций и национальной проблематики, а также вопрос о современных стратегиях обновления жанра авторской сказки. В качестве важного аспекта данной проблемы можно выделить вопрос о сохранении «памяти жанра» (термин М. Н. Липовецкого), которое во всех исследуемых нами текстах осуществляется на уровне всего цикла, а не на уровне отдельного произведения. Если речь идет о литературе для детей, то обращение к национальным локусам может быть связано с желанием «осовременить» сказочные тексты, сделать их интересными и для взрослого читателя, который в рамках сказочного повествования заново открывает знакомые детали повседневной жизни. Если речь идет о сказочной литературе философско-притчевого характера для взрослого читателя, то возможна противоположная стратегия, когда на первый план выходит национальный, детально выписанный локус, который получает черты фантастического (волшебносказочного, мифологического и т. д.) пространства, в рамках которого читателю открывается множество параллелей со знакомыми с детства вымышленными мирами.

Ключевые слова: *литературная (авторская) сказка, русская литература, венгерская литература, детская литература, национальная проблематика, «память жанра».*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.4.05

При поддержке гранта РФФИ № 18-512-23002 «Россия и Венгрия на перекрестке культур Востока и Запада: проблема пограничья».

Проблема идентичности, в том числе национальной — одна из самых острых проблем, которые решает европейская культура в Новейшее время. Неудивительно, что в современной прозе данная проблема ставится на материале не только «классических» жанров (роман, повесть, рассказ), но и жанров относительно маргинальных, к которым можно отнести авторскую сказку, на материале не только литературы для взрослого читателя, но и детской литературы. В то же время сама авторская сказка переживает в последние десятилетия разнообразные трансформации, результатом которых становятся новые формы сращений с другими жанрами, причем не только литературными¹. В данной статье мы попытаемся выяснить, каким образом могут быть связаны модификации в области жанра и национальная проблематика на примере нескольких литературно-сказочных произведений в двух европейских традициях — отечественной и венгерской.

«Будапештские сказки» (1982) и «Магазинные сказки» (1997) современной венгерской писательницы Ализ Мошони² (р. 1944) написаны для очень разной аудитории. Первый сборник ориентирован прежде всего на детей, в то время как второй написан явно для взрослого читателя. «Будапештские сказки» уже в предисловии заявлены как сказки для младшего читателя: «Здесь вы прочитаете, здесь вы увидите! Что нужно знать, что нужно посмотреть детям в Будапеште!»³. Форма же, в которой написаны «Магазинные сказки», сразу заставляет русского читателя вспомнить о литературе абсурда и традициях Даниила Хармса⁴, детям же она вряд ли может быть понятной и скорее вызовет у них раздражение.

¹ Эта проблематика освещалась нами в кандидатской диссертации, а также статьях 2010-х гг. Подробнее см.: Королькова П. В. Модификация жанра авторской волшебной сказки в современной чешской литературе // Славяноведение. 2010. № 6. С. 71–78; Королькова П. В. К вопросу о разграничении фэнтези и литературной волшебной сказки // Вестник МГУ Сер. Филология. 2011. № 1. С. 57–64; Королькова П. В. Современная славянская авторская сказка на жанровом пограничье: к вопросу о сохранении жанровой идентичности (на материале русской и чешской литературной сказки) // Славяноведение. 2019. № 6. С. 55–63.

² Ей также принадлежат сказочные произведения «Шкафные сказки» (2007), «Венгерские сказки» (2011) и «Автомобильные сказки старой барышни» (2015).

³ Мошони А. Сказки из Будапешта. М., 2006. С. 5.

⁴ Отметим, что «Случай» и другие произведения Хармса переводились и публиковались в Венгрии, однако вряд ли можно сказать, что

Тексты лаконичны, главную роль в них играет подтекст:

«Магазин Живой Воды

В Магазине Живой Воды покупатели кровь с молоком пьют живую воду. Все выпьем, а потом будем жить-поживать веки вечные. Или лучше глоточек-другой оставить? Не лучше ли?»⁵;

«Магазин Слепого Рока

В Магазине Слепого Рока продавец бьет мух. — Это ведь не рока рука, — рассуждают мухи. — Ее не стоит бояться»⁶;

«Магазин Женихов и Невест

В Магазин Женихов и Невест заходят женихи и невесты, рассматривают, примеряют кандалы. — Солнышко мое, подойдет тебе эти? Или тебе больше нравятся те, другие?»⁷

В данном случае авторское определение жанра — это не более чем игра с читателем, синоним слов «вымысел», «выдумки», «небылицы».

В «Будапештских сказках» действуют добрые, симпатичные и подчас весьма необычные персонажи — например, надпись на стене «РАДАИ ПРЕДУРОК», электровозы, корабль, река Дунай, турки. Их героями становятся и вполне традиционные сказочные персонажи — великаны, живущие в недрах горы Геллерт, дракон Будапешти, привидения, куклы; они с достоинством выходят из сложных ситуаций, описанных с добрым юмором. Впрочем, необычными отдельные герои могут показаться лишь читателю, слабо знакомому с европейской авторской сказкой XX в., где в качестве действующих лиц, выполняющих функции протагонистов, антагонистов, вредителей, волшебных помощников и т. д., выступают самые разнообразные существа, предметы и даже явления, и традиция эта продолжается в XXI в. Вымышленный мир «Будапештских сказок» — это принципиально добрый

они широко известны. В то же время литература абсурда хорошо знакома венгерскому читателю по творчеству известного писателя Иштвана Экрена (подробнее об этом см.: *Хетени Ж.* «Оптические иллюзии» Хармса и Эркена. Эссе-минутки о том, что может быть абсурдом // *Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность.* 2016. № 4. С. 128–144).

5 *Мошони А.* Сказки из Будапешта. С. 62.

6 Там же. С. 75.

7 Там же. С. 123.

мир, в котором нет антагонистов и вредителей. В этом отношении, а также в том, что в произведениях может присутствовать тонкий философский подтекст, они больше всего напоминают «Девять сказок» Карела Чапека и «Озорные сказки» Йозефа Лады, в которых, используя сказочную поэтику, авторы выражают свое отношение к основным онтологическим вопросам⁸. Впрочем, такого глубокого философского плана, как в текстах Чапека, в «Будапештских сказках» нет, однако писательница заставляет взрослого читателя (если речь идет о венграх) взглянуть на давно знакомые места как на нечто волшебное или по меньшей мере необыкновенное, а для зарубежного читателя создает картину волшебного «тридевятого царства», которое, тем не менее, существует в действительности, хотя и где-то далеко. Это вновь объединяет «Будапештские сказки» Мошони и «Девять сказок» Чапека, создает план, интересный для читателей разных возрастов и национальностей⁹.

Уместно отметить здесь и тот факт, что оба сборника представляют собой единство текста и изображения. Иллюстрации Агнеш Хай и Йозефа Пинтера являются не менее важной составляющей книги, чем текст, однако если в «Будапештских сказках» они выполнены в детской манере и призваны привлечь внимание ребенка (книги для детей дошкольного и младшего школьного возраста практически всегда

8 Так, в сказках Чапека появляются то тонкие философские интонации, то глубокий философский подтекст, который понятен только взрослому читателю и который сближает данные произведения с притчей. В «Девяти сказках» можно найти почти весь спектр вопросов, волновавших писателя на протяжении его жизни. Чапек-философ ставит серьезные проблемы, которые были актуальны для Чехии межвоенного двадцатилетия и многие из которых остаются актуальными и в XXI в. При этом для детей сказки остаются интересными и познавательными, а взрослым они не кажутся скучными, заставляя взглянуть на знакомые вещи и проблемы под необычным углом (подробнее см.: *Королькова П. В. Современная славянская авторская сказка. ...; Королькова П. В. Герой и читатель как со-творцы в чешской литературной сказке XX в. (на примере произведений К. Чапека и Й. Лады) // Человек-творец в художественном пространстве славянских культур. М.; СПб., 2013. С. 203–213).*

9 В современной русской литературе авторами ярких сказочных произведений, написанных одновременно для ребенка и для взрослого читателя, являются Л. Е. Улицкая («Три сказки») и М. Л. Москвина, в текстах которых присутствует тонкий философско-иносказательный или сатирический смысловой пласт.

издаются с иллюстрациями), то в «Магазинных сказках» вне зависимости от тематики отдельных текстов читатель видит на картинках сюжеты из жизни антропоморфных шахмат, слабо или никак не связанные с повествованием. Можно сказать, что текст и рисунок объединяет лишь рамка. Эти иллюстрации не являются иллюстрациями в прямом смысле слова, но в контексте постмодернистского произведения они могут быть прочитаны как отдельный текст, дополняющий текст литературный, или подтекст, который читатель может попробовать расшифровать. В российском же издании оба сборника оказались под одной обложкой и общим названием «Сказки из Будапешта», хотя написаны они с разницей около 15 лет и в Венгрии никогда не издавались вместе. Однако произошло это не в силу причин совсем уж внелитературного характера (ведь у А. Мошони есть и другие сказки, которые составили бы с «Будапештскими сказками» более однородное целое — по крайней мере, они обращены к одной возрастной аудитории). В свое время это был выбор директора венгерского культурного центра Илоны Киш — человека, хорошо знакомого с современной литературной ситуацией. Важно, что и сама писательница, с которой Илона Киш дружит, не была против подобного симбиоза. Получилось, что книга в целом предназначена одновременно взрослому читателю и ребенку, что в современной литературной ситуации уже не является большой редкостью.

«Сказки не про людей» (2009) А. Д. Степанова (р. 1965) и «Московские сказки» (2005) А. А. Кабакова (1943–2020), безусловно, стоит отнести к области взрослого чтения, к жанру философской сказки-притчи. Финалы в них либо трагически-философские, «андерсеновские»¹⁰, либо открытые, либо трагикомические. В этих текстах смех почти всегда сочетается с грустью. Игра, которую ведут с нами писатели, — это одновременно игра в узнавание «первоисточника», аллюзий и скрытых цитат, языковая игра, изложение серьезных нравственно-философских и остросоциальных тем средствами «несерьезного», «детского» жанра. В произведениях обоих авторов можно говорить и об игре в узнавание архетипических моделей внутри современной российской жизни. Позже мы обратимся к вопросу о том, с какими типами русской авторской сказки вступают в диалог тексты Степанова и Кабакова и как жанровые модификации канона влияют на тему национальной идентичности в произведениях, о которых идет речь.

¹⁰ Напомним, что Г. Х. Андерсен не любил детей и свои сказки писал исключительно для взрослых.

Рассмотрим подробнее вопрос о жанре текстов, в названиях которых и А. Мошони, и А. Д. Степанов, и А. А. Кабаков использовали слово «сказка». Присутствует ли в них «память жанра», о которой говорит М. Н. Липовецкий как об обязательном структурообразующем элементе литературной сказки (ведь если «память жанра» перестанет ощущаться, сказка утратит свою жанровую суть)?¹¹ Ответ на этот вопрос в целом будет утвердительным в случае с «Будапештскими сказками», «Сказками не про людей» и «Московскими сказками», однако следует отметить, что «память жанра» в каждом из 12 текстов Мошони, 10 текстов Степанова и 12 текстов Кабакова проявляется очень по-разному.

М. Н. Липовецкий делит носители «памяти жанра» литературной сказки на обязательные и факультативные. К обязательным относятся игровая семантика повествовательной структуры и нравственный императив (непременное столкновение добра и зла), к факультативным — пространственно-временные формулы и иные стилистические клише, устойчивые функции персонажей, речевые формулы, характеристики сказочного хронотопа, отдельные мотивы, тропы и т.д. Обязательные носители «памяти жанра» в «Будапештских сказках» Мошони присутствуют всегда, в то время как системы в использовании факультативных элементов, закономерностей относительно их количества или приоритетности мы не находим¹². Ведь это именно

¹¹ По определению М. Н. Липовецкого, литературная сказка — это художественное произведение, в котором аксиологически ориентированная картина мира фольклорной волшебной сказки лежит в основе сюжета и образует структурно-семантический каркас повествования, воспринимаемый читателем через систему *носителей «памяти жанра»* (узнаваемые элементы художественного мира сказки — ситуация волшебных испытаний, отдельные мотивы, система образов, устойчивые функции персонажей, интонационно-речевой строй либо отдельные тропы, стилистические клише и т. п., а также игровая семантика и устойчивый нравственный императив («жанровая ситуация») фольклорной волшебной сказки) (подробнее см.: *Липовецкий М. Н. О чем «помнит» литературная сказка? Семантическое ядро историко-литературных модификаций жанра // Модификация художественных форм в историко-литературном процессе. Свердловск, 1988. С. 5–21; Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки. На материале русской литературы 1920–1980-х гг. Свердловск, 1992).*

¹² Это черта, в целом характерная для европейской авторской сказки XX в. Важно лишь то, чтобы элементов «памяти жанра» было достаточно

сборник литературных сказок, которые по отдельности не всегда можно было бы отнести к этому жанру. Так, например, полный текст одной из них выглядит следующим образом:

В Пеште есть школа.

В школьные годы сюда ходил Шандор Петефи.

Петефи, не вертись на стуле.

Петефи срывает урок.

Петефи не принес физкультурную форму.

Петефи ест под партой.

ЗОЛОТЫМИ БУКВАМИ записаны замечания

Шандору Петефи¹³

Данный текст не содержит элементов «памяти жанра» авторской сказки, и кажется, что он случайно попал в эту часть книги из сборника «Магазинных сказок»¹⁴. Важно отметить, что, скорее всего, книгу ребенку будет читать взрослый (ведь текст предназначен для детей дошкольного и младшего школьного возраста), и в этом контексте «сказка» о школе Петефи может быть воспринята как игра со взрослым читателем и обращение прежде всего к нему. Впрочем, остальные произведения в сборнике не столь радикальны в аспекте переосмысления жанра.

Таким образом, приведенный выше текст может быть воспринят как сказка, только находясь в ряду других текстов, в которых «память жанра» будет присутствовать хотя бы в определенной степени. Данную особенность можно последовательно наблюдать в последней четверти XX и начале XXI в., например, в русской и чешской литературе на материале множества произведений¹⁵. В рамках одного цикла встречаются тексты, предназначенные как для ребенка, так и для взрослого

для того, чтобы читатель «узнал» в тексте сказку (зачастую «подсказка» в виде названия играет важную роль, однако она может оказаться игрой, мистификацией).

13 *Мошони А.* Сказки из Будапешта. С. 30–31.

14 Таким образом, в русском издании жанровое определение «Магазинных сказок» усложняется самим фактом соседства с «Будапештскими сказками» и перекличкой между отдельными текстами в сборниках.

15 Эту проблему мы освещали ранее (см. *Королькова П. В.* Модификации жанра авторской сказки...; *Королькова П. В.* Современная славянская авторская сказка...).

читателя, в них сочетаются принципы фольклоризованной сказки (то есть сказки, последовательно воспроизводящей фольклорный канон), «антисказки» (сказки, вступающей в диалог с фольклорной традицией в результате последовательного нарушения канона и превращения его в полную противоположность), литературы нонсенса, в которых активно используются гротеск, гиперболы, парадоксы, мистификация, языковая игра, неожиданные ассоциации, а также отдельные (факультативные) мотивы и образы, заимствованные из легенды, предания, былички, фэнтези, притчи и т. п. За счет этого диалог с фольклорно-сказочной традицией и традицией фольклористической и авторской сказки XIX–XX вв. возникает не на уровне отдельных текстов, а на уровне сборника в целом, и зачастую далеко не все произведения цикла можно по отдельности назвать сказками: в его рамках может происходить как воссоздание, так и разрушение фольклорно-сказочной традиции, и вариации могут быть самыми разнообразными. К такому типу сказочных сборников можно отнести и «Будапештские сказки» А. Мошони.

В случае же «Магазинных сказок», как мы уже отметили, в вопросе жанра мы имеем дело с литературной мистификацией, ни одного элемента «памяти жанра» в большинстве текстов здесь нет, и слово «сказка» означает лишь «вымысел», «фантазии». Авторское жанровое определение призвано создать определенные ожидания, которые с первым же текстом будут разрушены, в чем заключается один из смыслов этой игры. Впрочем, исключения встречаются и в этом цикле: приведем в качестве примера текст «Магазин четверговой кастрюльки», где сюжет развивается по законам волшебной сказки:

В магазин Четверговой Кастрюльки зашли два покупателя, но четверговая кастрюлька оказалась настолько уродливой, что ни один не захотел ее купить.

— Нет, нет. Лучше я завтра суп приготовлю. Или послезавтра.

— Да мне все равно, — сказал продавец, — но ни завтра, ни послезавтра кастрюль у меня не будет. Сейчас или никогда!

— Тогда лучше никогда, — сказал первый покупатель.

— Лучше сейчас, — сказал другой.

Только он это сказал, как четверговая кастрюлька превратилась в прекрасную девушку.

— Я твоя, ты мой, — сказала прекрасная девушка, — а без супа мы обойдемся!¹⁶

16 Мошони А. Сказки из Будапешта. С. 63.

Наличие приведенного выше текста, причем ближе к началу сборника, говорит о том, что сказочная «память жанра» здесь все-таки присутствует, ведь так же, как в случае с «Будапештскими сказками», эти произведения — единый цикл, предназначенный для взрослого читателя и рисующий перед ним модель мироздания средствами литературных микроформ, анекдота, абсурда, для которой характерно нарушение причинно-следственных связей, гротескная демонстрация нелепости и бессмысленности человеческого бытия, несоответствие формы содержанию.

Отчасти похожая ситуация в отношении жанрового диалога (но, напомним, не в отношении читательской аудитории) складывается со сказочными сборниками ряда современных российских писателей. Так, в «Московских сказках» А. А. Кабакова, «Рассказах о Родине» (2010) Д. А. Глуховского и «Сказках не про людей» А. Д. Степанова авторы вступают в диалог с традициями самых разных жанров — мифа, легенды, анекдота, былички (Кабаков), обращаются к «памяти жанра» текстов таких классиков, как Г. Х. Андерсен («Севастопольский вальс» Степанова), А. С. Пушкина («Ходок» Кабакова) и др. Предлагая читателю сложный и разнообразный сказочный мир, авторы помещают под одним переплетом тексты, очень разные по своим характеристикам: здесь встречаются как примеры последовательного обращения к «памяти жанра», так и произведения, тяготеющие к «жанровой периферии», то есть к иным жанрам. Многогранный диалог с фольклорно-сказочной традицией и традицией авторской сказки XIX–XX вв. возникает здесь не на уровне отдельных текстов, а на уровне сборника в целом. Связана подобная тенденция с подвижностью и постоянной готовностью жанра к обновлению, с игровым принципом организации его художественного мира, а с другой стороны, с размыванием границ литературных жанров как общей тенденцией современного литературного процесса. В то же время именно за счет того, что сборник воспринимается как единое произведение, сохраняется сама жанровая идентичность авторской сказки. Однако в случае с произведениями российских писателей речь идет о литературной игре и о текстах, предназначенных исключительно взрослому читателю.

Таким образом, между текстами А. Мошони, К. Чапека, Й. Лады, с одной стороны, и А. Д. Степанова, А. А. Кабакова, Д. А. Глуховского, Л. С. Петрушевской и др. — с другой, есть существенное отличие, иллюстрирующее различную судьбу авторской сказки в разных национальных литературах. Дело в том, что в русской литературе

жанр усложнен традицией сказки-сатиры, ведущей свое начало еще от М. Е. Салтыкова-Щедрина, нравственно-философской сказки Серебряного века (А. М. Ремизов, Ф. Сологуб, М. А. Кузмин), советской сказки-притчи (Ю. К. Олеша, А. П. Гайдар, Е. Л. Шварц и др.), а также «сказки культуры», или «дважды литературной» сказки, для которой характерно воспроизведение и вместе с тем переосмысление известного сюжета («Тень», «Снежная королева», «Золушка» Шварца и др.). Эти тексты обращены прежде всего (а зачастую исключительно) ко взрослому читателю. Вместе с тем во второй половине XX в. практически отсутствует народно-литературная сказка, поэтому авторская сказка этого времени вплоть до сегодняшнего дня ориентируется в значительной степени на «память жанра», трансформированную в соответствии с индивидуально-творческими поисками и типами художественного мышления¹⁷.

Без освещения вопроса о жанровой идентичности исследуемых текстов невозможно понять смысл двух принципиально различных стратегий, которыми пользуются авторы в постановке вопроса о том, что такое «национальное», поскольку выбор жанра является одним из основополагающих факторов в раскрытии проблематики. Дело в том, что и сказки А. Мошони, и сказки А. Д. Степанова и А. А. Кабакова можно назвать глубоко национальными, но национальное проявляется в них по-разному. То, как происходит поиск национальной идентичности в сказочных произведениях этих писателей, иллюстрирует два варианта развития и существования (можно сказать, «выживания») жанра в современном европейском литературном процессе.

Сказки Мошони названы «будапештскими», каждый текст пронизан деталями национальной жизни (локусы — Буда, Пешт, Цепной мост, Дунай, гора Гелерт, острова Маргит и Чепель, Будапештский туннель, рестораны «У Белого голубя», «У Золотой бочки», «У Черного ворона», Южный вокзал и др.; гуляш и знаменитые кондитерские и т. д.). Здесь много венгерских имен и фамилий, в том числе у

17 Подробнее см.: *Липовецкий М. Н.* Поэтика литературной сказки...; *Овчинникова Л. В.* Русская литературная сказка XX века. История, классификация, поэтика: Учеб. пособие. М., 2003; *Кривошапова Т. В.* Русская литературная сказка конца XIX — начала XX века. Акмола, 1995; *Абрамюк С. Ф.* Трансформация образа фольклорно-сказочного героя в творчестве современных советских писателей-сказочников // Художественный метод и творческая индивидуальность автора. Томск, 1979; *Королькова П. В.* Современная славянская авторская сказка...

всех пяти привидений, и даже надпись на стене, ставшая героиней сказки, в национальном отношении не безлика (в ней фигурирует венгерское имя). Эта особенность также сближает сказки Мошони со сказками Чапека и ряда других чешских авторов. Национальный контекст позволяет «осовременить» жанр авторской сказки, приблизить его к читателю, сделать интересным не только для детей, но и для взрослых.

В то же время истории из «Магазинных сказок» абстрактны и наднациональны. Ни один из описанных магазинов (магазин Любо-рудования, магазин Жизнеутверждающих пончиков, магазин Предостерегающих знаков, магазин Сладких Речей, магазин Негодяев и т. д.) не может существовать во внелитературной действительности, в этих текстах нет примет ни времени, ни места, ни национальной проблематики как таковой. За счет этой обобщенности происходит выход на экзистенциальный, философский, общечеловеческий уровень, однако напомним, что русскоязычный читатель находит эти тексты под обложкой «Сказки из Будапешта». Для русскоговорящего читателя далекий Будапешт обретает черты сказочного «пространства невозможного» (конечно, в рамках игры, предложенной автором).

Совершенно иной прием использует в своих сказках А. А. Кабаков: он создает беспощадную сатиру на «тучные» и беспредельные двухтысячные, в деталях выписывает современную социальную и политическую ситуацию в России, используя узнаваемые мотивы и сюжеты, причем далеко не только сказочные¹⁸ (Летучий голландец, Вавилонская башня, Дон Жуан, Вечный Жид, Красная Шапочка, Икар, Царевна-лягушка, неразменный пятак, ковер-самолет, Спящая красавица, человек-невидимка и Прометей), а также фантастический элемент, вторгающийся в повседневную жизнь чиновников, политиков, олигархов, светских львиц, полицейских-взяточников, бывших спецназовцев, журналистов, мигрантов, запойных пьяниц и т. д. Вместе с тем это ироничные, глубоко философские, весьма тонкие и остроумные размышления о природе русского человека, о пути России. В «Московских сказках» Россия представлена как особенный локус, иногда с чертами волшебного сказочного пространства, находящегося между Востоком и Западом. Так, например, вечный жид Кузнецов-Агасфер, покинув Советский Союз, ни в одной стране мира не находит успокоения, и лишь встреча с подвыпившим олигархом

¹⁸ В этом отношении слово «сказки» в названии сборника также можно прочитать как синоним слова «вымышленные истории».

Добролюбовым открывает ему глаза: «Нет на свете ничего вечного... Кончается путь, пора... ты дома, убог и холоден дом, вражда и зависть разделяют населяющих его, но это дом твой, и домашние твои, и сюда приводит дорога, в какую бы сторону она ни вела»¹⁹. В сказке «Красная и Серый» совершенно в гоголевском духе (и даже с цитированием стиля «Мертвых душ» из лирического отступления о птице-тройке) сравниваются европейские государства и Россия: «И примерно через два с половиною часа езды пересекаешь ты и это государство, минуешь его язык, национальную кухню, древнюю и богатую культуру, героическую кровавую историю, мощную экономику, развитую на базе продуктивного сельского хозяйства и современных технологий, взвешенную мировую политику и прочую херню. Тесно, скучно, душно! Как вы, господа, живете тут, в этой тоске?»²⁰

В свою очередь «Сказки не про людей» Степанова можно рассматривать как совмещение этих стратегий: некоторые из текстов обладают высокой степенью абстрактности пространственно-временных характеристик («Барсучья нора», «У попа была собака», «Шахматная сказка»), в других же («Жар-птица», «Иван Тургенев», «Сказка о московском муравье», «Звездный Бобо») на материале современной российской действительности затрагиваются самые актуальные, острые и болезненные национальные вопросы («Иван Тургенев» — вопрос о российской интеллигенции и проблемы русско-американских

19 Кабаков А. А. Московские сказки. М., 2005. С. 102.

20 Там же. С. 104. См. также: «Проснешься потом на рассвете в муках, взглядишься, с трудом опираясь на локоть, в пейзаж за стеклом — а там все та же Родина, и железо то же, и дым, и поля, и жидкий проселок, будто и не проехал поезд за ночь шестисот километров... везде царит знакомый до последнего слова язык, впереди еще трое суток пути, и никаких границ не будет, одна страна кругом, а там, где кончается она, кончается и жизнь» (там же. С. 105); «Если помните, начали мы с рассуждений о разнице между их мещанским счастьем и нашей неистребимой духовностью. Так вот, вдруг, когда сочинение это уже перевалило по крайней мере за треть, подумалось: а не свалить ли отсюда к такой-то матери? Честное слово, сил больше нет... Двор грязный, собаки ходят с безнадежными глазами, асфальт в дырах, мусор, перед бутиком насрано... блядство и беспредел! И идите вы в жопу с вашей духовностью, и подайте мне ту промытую до скрипа тоску и скучный порядок, хочу лицемерных улыбок и очереди на усыновление чужих дефективных детей, хочу чистоты и старательности, мелочности и индивидуализма, надо-ело!!!» (там же. С. 116) и др.

отношений²¹; «Сказка о муравье», «Внутренний мир» и «Звездный Бобо» — еврейский, кавказский и среднеазиатский вопрос). Однако собственно национальное может выступать в них не для создания местного колорита, а для того, чтобы по принципу контраста подчеркнуть вневременной, общечеловеческий, философско-притчевый характер повествования, как это происходит в «Жар-птице», «Сказке о муравье», «Внутреннем мире», «Звездном Бобо». Этому способствует и множество литературных и исторических аллюзий (отметим, что А. Д. Степанов — профессор русской литературы, критик и переводчик).

Таким образом, в области авторской сказки национальная проблематика — одна из важнейших в современных литературах большинства европейских стран — может раскрываться с новых ракурсов и по-разному, вступая во взаимодействие со стратегиями «обновления» жанра. Если речь идет о литературе для детей, то обращение к национальным локусам может быть связано с желанием «осовременить» сказочные тексты, сделать их интересными и для взрослого читателя, который в рамках сказочного жанра заново открывает знакомые детали повседневной жизни. Если речь идет о сказочной литературе философско-притчевого характера для взрослого читателя, то возможна противоположенная стратегия, когда на первый план выходит национальный, детально выписанный локус, который получает черты волшебного-сказочного, мифологического и т. д. пространства (и, шире, хронотопа), в рамках которого читателю открывается множество параллелей со знакомыми с детства фантастическими мирами. Конечно, вариантов взаимодействия жанровых трансформаций и национальной проблематики существует значительно больше, однако представляется, что именно эти два являются принципиально важными соответственно для детской литературы и литературы для взрослого читателя.

²¹ Это вечные вопросы, которые всегда задаются с интонацией легкой и грустной иронии, в текстах, тяготеющих к жанру притчи, на них не дается прямых ответов. Так, в сказке «Иван Тургенев» американцы рассуждают о поведении прибывшей из московского зоопарка гориллы следующим образом: «Ему явно не нравится видеть себя со стороны... И ты знаешь... это очень хорошо. Так не ведут себя гориллы. Я догадываюсь, что так ведут себя русские интеллигенты. И это значит только одно: Иван недоволен собой и хочет стать лучше. Он хочет стать человеком, и мы должны ему помочь» (Степанов А. Д. Сказки не про людей. М., 2009. С. 84); героями «Сказки о московском муравье» становятся профессор Владимир Ильич Мурашик и муравей-еврей Кацнельсон и т. д.

Источники и литература

Абрамюк С. Ф. Трансформация образа фольклорно-сказочного героя в творчестве современных советских писателей-сказочников // *Художественный метод и творческая индивидуальность автора.* Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. С. 138–147.

Кабаков А. А. Московские сказки. М.: Вагриус, 2005. 304 с.

Королькова П. В. Герой и читатель как со-творцы в чешской литературной сказке XX в. (на примере произведений К. Чапека и Й. Лады) // *Человек-творец в художественном пространстве славянских культур.* М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 203–213.

Королькова П. В. К вопросу о разграничении фэнтези и литературной волшебной сказки // *Вестник МГУ. Сер. Филология.* 2011. № 1. С. 57–64.

Королькова П. В. Модификация жанра авторской волшебной сказки в современной чешской литературе // *Славяноведение.* 2010. № 6. С. 71–78.

Королькова П. В. Современная славянская авторская сказка на жанровом пограничье: к вопросу о сохранении жанровой идентичности (на материале русской и чешской литературной сказки). *Славяноведение.* 2019. № 6. С. 55–63.

Кривошапова Т. В. Русская литературная сказка конца XIX — начала XX века. Акмола: АКМУ, 1995. 80 с.

Липовецкий М. Н. О чем «помнит» литературная сказка? Семантическое ядро историко-литературных модификаций жанра // *Модификация художественных форм в историко-литературном процессе.* Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988. С. 5–21.

Липовецкий М. Н. Поэтика литературной сказки. На материале русской литературы 1920–1980-х гг. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1992. 185 с.

Мошони А. Сказки из Будапешта. М.: Время, 2006. 136 с.

Овчинникова Л. В. Русская литературная сказка XX века. История, классификация, поэтика: Учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2003. 312 с.

Степанов А. Д. Сказки не про людей. М.: Livebook; Гаятри, 2009. 224 с.

Хетени Ж. «Оптические иллюзии» Хармса и Эркена. Эссе-минутки о том, что может быть абсурдом // *Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность.* 2016. № 4. С. 128–144.

References

Abramiuk, S. F. “Transformatsiia obraza fol'klorno-skazochного gerоia v tvorchestve sovremennykh sovetskikh pisatelei-skazochnikov”. *Xudozhestvennyi metod i tvorcheskaia individual'nost' avtora*. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1979, p. 138–147.

Kabakov, A. A. *Moskovskie skazki*. Moscow: Vagrius, 2005, 304 p.

Korol'kova, P. V. “Gerоi i chitatel' kak so-tvortsy v cheshskоi literaturnоi skazke XX v. (na primere proizvedenii K. Chapeka i I. Lady)”. *Chelovek-tvorets v khudozhestvennom prostranstve slavianskikh kul'tur*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2013, p. 203–213.

Korol'kova, P. V. “K voprosu o razgranichenii fentezi i literaturnоi volshebnoi skazki”. *Vestnik MGU Filologiiia*, 2011, № 1, p. 57–64.

Korol'kova, P. V. “Modifikatsiia zhanra avtorskoi volshebnoi skazki v sovremenno cheshskоi literature”. *Slavianovedenie*, 2010, № 6, p. 71–78.

Korol'kova, P. V. “Sovremennaia slavianskaia avtorskaia skazka na zhanrovom pogranich'e: k voprosu o sokhranении zhanrovoi identichnosti (na materiale russkоi i cheshskоi literaturnоi skazki)”. *Slavianovedenie*, 2019, no. 6, p. 55–63.

Krivoshchapova, T. V. *Russkaia literaturnaia skazka kontsa XIX — nachala XX veka*. Akmola: AKMU, 1995, 80 p.

Lipovetskiĭ, M. N. “O chem «pomnit» literaturnaia skazka? Semanticheskoe iadro istoriko-literaturnykh modifikatsii zhanra”. *Modifikatsiia khudozhestvennykh form v istoriko-literaturnom protsesse*. Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1988, p. 5–21.

Lipovetskiĭ, M. N. *Poetika literaturnоi skazki. Na materiale russkоi literatury 1920–1980-kh gg*. Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1992, 185 p.

Moshoni, A. *Skazki iz Budapeshta*. Moscow: Vremia, 2006, 136 p.

Ovchinnikova, L. V. *Russkaia literaturnaia skazka XX veka. Istoriia, klassifikatsiia, poetika*: Ucheb. posobie. Moscow: Flinta; Nauka, 2003, 312 p.

Stepanov, A. D. *Skazki ne pro liudei*. Moscow: Livebook; Gaiatri, 2009, 224 p.

Xeteni, ZH. “«Opticheskie illiuzii» Xarmsa i Erkenia. Esse-minutki o tom, chtо mozhet byt' absurdum”. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty*, 2016, no. 4, p. 128–144.

Polina V. Korolkova
Russian State University of Humanities (Moscow, Russia)

Looking for national and genre identity in the modern Russian
and Hungarian author fairy tale
(on the example of the texts by A. Kabakov, A. Stepanov and A. Mosonyi).

The essay deals with the interaction between the genre transformations of the author fairy tale and the national problematics, as well as the question of the modern strategies of genre renewal on the example of the texts by modern Russian and Hungarian writers (“The Moscow fairy tales” by A. Kabakov, “The fairy tales not about people” by A. Stepanov, “The Budapest fairy tales” and “The supermarket fairy tales” by A. Mosonyi). Among other questions, I address the so-called “genre memory” (M. Lipovetsky’s term), which in the texts by Kabakov, Stepanov, and Mosonyi functions at the level of entire cycles but rarely at the level of separate texts. With regard to the field of children’s literature, the national locus makes the texts appear more modern-looking and therefore appealing to an adult reader who rediscovers the details of everyday life. The opposite strategy is often applied in the philosophical, parable or political fairy tales, when the authors give priority to the nation-specific, nuanced and recognizable locus, which at the same time receives the features of the fairy tale or mythological space.

Keywords: *literary (author) fairy tale, Russian literature, Hungarian literature, children’s literature, national problematics, the memory of the genre.*

**Возможности реализма
(размышления в связи с «новым» романом
Лайоша Мештерхази)**

Реализм как базовый принцип отражения и осмысления действительности концентрирует в себе достижения многих эпох развития литературы, добавляя к ним философский, аналитический подход, условность и фантастику, иронию. Эффективность реализма была убедительно продемонстрирована большинством национальных литератур XX столетия, в том числе в странах, которые не находились традиционно в центре общего внимания. Одна из бесспорных вершин реалистической литературы XX в. — роман венгерского писателя Лайоша Мештерхази «Загадка Прометея» (1973), на примере которого можно показать едва ли не все сильные стороны реализма. Этот роман — вершина творческого пути венгерского писателя. А недавно был обнаружен его первый, не изданный в свое время роман «Масленица» (1943), в котором уже можно видеть особенности его зрелого мастерства. Читая эту довольно объемную книгу, в чем-то, может быть, еще ученическую, замечаешь, во-первых, те черты, которые выдают наличие прирожденного таланта, а во-вторых — и в-главных, — гуманистическую сущность авторского видения мира: не просто сочувствие обделенным, но стремление вскрыть корни зла, царящего в современном общественном устройстве, и направить мысль читателя в конструктивное русло.

Ключевые слова: *реализм, венгерская литература, Мештерхази.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.4.06

Мне представляется очень неправильным, неразумным то, что многие люди, идя на поводу у конъюнктуры (политической, социальной, эстетической), с пренебрежением, а то и с презрением относятся к достижениям реалистической литературы XX в. Реализм — как базовый принцип отражения и осмысления человеческого бытия во всех его формах и аспектах — является, вне всяких сомнений, итогом многовековых поисков в сфере словесного искусства. Он вобрал в себя, соединяя в разных пропорциях, все, что было наиболее сильным

и эффективным в литературе тех или иных эпох, в творчестве тех или иных художников слова. Например, стремление показать самое важное, «стержневое» в человеке и обществе, как это делал классицизм, и желание эмоционально окрасить картину жизни, что свойственно романтизму, и... но тут нужно остановиться, потому что исчерпать все существенное невозможно. Главное же — реализм, в различной степени, обогатил отражение действительности интеллектуальным, философским анализом, научился пользоваться условностью, фантастикой, сделав их инструментами познания, добавил к трезвости иронию, которая помогает приблизить к человеку даже самую высокую абстракцию...

Чтобы все это не повисло в воздухе, возьму лишь один конкретный пример. Пример, который, мне кажется, убедительно подтверждает сказанное выше.

Не так уж вроде бы и давно, во второй половине 70-х (Господи Боже, как же давно: чуть ли не полстолетия назад!), в журнале «Иностранная литература» (далее — «ИЛ») был напечатан роман венгерского писателя Лайоша Мештерхази «Загадка Прометей». Публикация не просто вызвала интерес: она стала событием. Она стала **ярким** событием — на фоне того литературного материала, который печатался в «ИЛ», как и в других советских журналах и издательствах, знакомивших нашу общественность с новинками зарубежной литературы. Ни в коем случае не хочу бросать камень в огород своего любимого журнала: просто нужно вспомнить (а мне вспомнить нетрудно: сам по мере сил участвовал в той «сизифовой» деятельности), с какими невероятными муками приходилось отбирать, вылавливать в море мировой литературной продукции произведения, чтобы они и не были уж слишком скоромными, а в то же время разоблачали «их нравы», и чтобы, не дай Бог, не критиковали социалистическую систему и социалистическую идеологию — ну и чтобы все-таки представляли какое-никакое качество. Результаты этого отбора попадали на столы высококомпетентных чиновников Главлита, Отдела культуры ЦК и т. д., и те, по каким-то им одним известным критериям, накладывали запрет на самые порой интересные вещи¹.

¹ Нет смысла слишком углубляться в эту неисчерпаемую тему. Хочу лишь отослать тех, кому это интересно, к попавшейся мне недавно на глаза статье Е. А. Кацевой «Описание одной борьбы (Франц Кафка — по-русски)» («Знамя», 1993, № 12): трагикомические перипетии того, как пробивался к советскому читателю Кафка, стоят, честное слово, какого-нибудь запутанного детектива в смеси с драмой абсурда.

Так что «Загадка Прометея» стала в этом отношении настоящим подарком читателю. Никаких грехов, из названных выше, в романе не просматривалось. И, Боже мой, он был так остроумно, оригинально, свежо написан, так увлекал интеллектуальной игрой!.. Правда, что скрывать: ко всяким там интеллектуальным играм высококомпетентные органы склонны были относиться с подозрением, однако Лайош Мештерхази (и в данной ситуации это, пожалуй, было решающим фактором) давно зарекомендовал себя как писатель, твердо стоящий на прочном фундаменте самого передового в мире метода — метода социалистического реализма. Так что какие уж тут подозрения!

О соцреализме, после его бесславной кончины, написано уже столько! Но не могу удержаться, чтобы не добавить в копилку совсем немного (как говорится, буквально два слова).

С одной стороны, соцреализм — это, конечно, прокрустово ложе, куда не просто пытались «утрамбовать» никак туда не укладывающихся художников, но куда многие старались втиснуться добровольно и с огромной охотой: очень уж это выгодно иной раз было. С другой стороны, «ложе» было каким-то странным, чуть ли не резиновым. Туда, например, ухитрились уложить антисоветский, в сущности, роман «Тихий Дон» Шолохова и еще много чего. Да и «Мать» М. Горького, не будь на нее навечно навешена этикетка с сообщением, что это — первое и как бы эталонное произведение соцреализма, воспринималась бы, вероятно, как интересная попытка вывести образ нового человека, чуть-чуть даже сверхчеловека (влияние Ницше), показать возможность едва ли не мгновенного преображения и очищения личности (библейский мотив превращения Савла в Павла), попытка, может быть, более удавшаяся, чем стремление увидеть сверхчеловеческое в маргиналах, вроде бродяги и вора Челкаша...

Но в данном случае, в истории с Мештерхази, более уместно, вероятно, прозвучит мысль о том, что и в тесных рамках «самого передового метода» могли рождаться вещи, которые, формально даже и укладываясь в эти рамки, на деле были шире, объемнее, содержательнее, сложнее, чем того требовал и чем подразумевал канон. Ведь и в советской литературе, на протяжении как минимум полувека бывшей оплотом соцреализма, появилось немало произведений, за которые нам и сейчас не стыдно перед миром. Причем я имею в виду не только авторов гонимых, заклеенных как отщепенцы, но и тех, кто канон принимал или, во всяком случае, не отвергал его ни словом, ни делом (приходят на память Л. Леонов, В. Катаев, Ч. Айтматов, В. Астафьев,

В. Шукшин, Ю. Трифонов... Уверен, перечислять можно долго; хотя относительно многих имен возможны разные мнения).

В конце концов, в литературе и искусстве, например, классицизма, где эстетические нормативы были, как представляется, еще более жесткими, чем в соцреализме, выростали творцы, которых мировая культура ценит не за то, что они были классицистами, но за то, что они, будучи классицистами, создавали шедевры мирового значения.

У Дмитрия Быкова, в его книге о Пастернаке, я недавно встретил слова, которые, при всей их простоте и очевидности, подействовали на меня как откровение. Говоря о некоторых стихотворениях А. Вознесенского (на которого сильно повлиял Пастернак), Быков пишет: «...на таких высотах вообще уже неважно — где авангард, где традиция»².

В самом деле, если, скажем, попытаюсь оценить поэзию Крученых, мы все время должны помнить, что он был футуристом, то для творчества Маяковского принадлежность поэта к футуризму играет далеко не решающую роль. А для Есенина его участие в группе имажинистов так и совсем никого (кроме разве что специалистов-есениноведов) не интересует.

«Загадка Прометея», мне кажется, убедительнейшим образом подтверждает эту (понимаемую мной, может быть, шире, чем имел в виду, в данном конкретном случае, Д. Быков) мысль. Да, Лайош Мештерхази «числился» по ведомству соцреализма — но разве этот роман (о других его произведениях здесь нет возможности говорить) не выводит писателя на ту самую высоту, где нет особого смысла говорить о каких-то школах и направлениях? «Загадка Прометея» — «просто» очень большое, мудрое, духовно емкое (ладно, не стану употреблять здесь слово «великое», придержу его в уме) произведение.

И, надо сказать, читатели «ИЛ» это сразу почувствовали. Недалом спустя год после публикации романа журнал напечатал подборку, составленную из писем в редакцию. Писем восторженных, довольно толковых, хотя и отражающих образ мысли (или, пользуясь появившимся позже словечком, «двоемыслия») того времени. Так, читательница из Еревана, подмечая тягу Мештерхази к поискам идеального героя (собственно, и Горький этим грешил), к изображению «качественного роста человека», тут же спешит добавить: «Человек начнет получать удовольствие от себя, то есть будет доволен самим собой, а также от своей работы, оттого что удалось выполнить задачи, постав-

² Быков Д. Борис Пастернак. М., 2011 (ЖЗЛ, вып. 962). С. 390.

ленные на XXV съезде КПСС»³. Куда более дельным представляется мнение другой читательницы, преподавателя истории из Воронежского университета. Подчеркивая, что писателя заинтересовал не Прометей-бунтарь, а Прометей «пожилой, усталый, начисто лишенный атрибутов героического», автор письма делает на удивление точный и пронизательный вывод: «...именно этот понятный, даже обыденный Прометей несет с собой загадку — загадку Прометея, которая на самом деле оказывается загадкой Человека, жившего тысячелетия назад и живущего теперь»⁴.

А сейчас я хочу сообщить нечто, что в этой истории с книгой Лайоша Мештерхази поразило меня больше всего. «Загадку Прометея» — читают и сейчас! Читают и пишут отзывы. Конечно же, в благословенном интернете. Наберите в поисковой строке, скажем, Яндексa, фамилию автора, название книги, слово «отзывы» — и перед вами появятся, для начала, сразу пять пространных записей, в сущности — маленьких эссе; последняя запись датирована 5 апреля 2017 г. Авторы их, как теперь принято, скрываются под придуманными никами, так что невозможно определить ни их возраст, ни профессию, ни местонахождение. По хорошему слогу чувствуется, что это люди образованные и, скорее всего, гуманитарии. (Во всяком случае, «рабочего железобетонного завода № 3», как в упомянутой выше подборке, здесь явно нет — хотя рабочий тот показался мне слегка подозрительным: слишком уж грамотно, четко, аргументированно — одним словом, интеллигентно — он пишет: не рабочий, а прямо доцент какой-то.) И главное, они в общем сразу видят суть того «передового метода», на фундаменте которого якобы стоит Мештерхази. В обществе «заматерелого социализма», как выражается автор одного из отзывов (фигурирующий под ником «yuliara»), по-другому сказать что-либо существенное было бы чрезвычайно трудно, и потому «автор о многом, важном для него, говорит обиняками, эзоповым языком, используя подходящие мифические и реальные события. Он рассуждает, как устроена жизнь, государство, каким должен быть достойный правитель, а каким — достойный народ. Увы, что касается достойного народа, то тут нас, как и автора, ожидает большое разочарование»⁵.

3 Там же.

4 Там же.

5 URL: <https://www.livelib.ru/book/1000565284/reviews-zagadka-prometeya-lajosh-meshterhazi> (дата обращения: 08.03.2020).

Что и говорить, звучит невероятно актуально...

И ведь действительно ирония Мештерхази, обычно добродушная, иногда становится просто-таки ядовитой. Чего стоит, например, такая деталь: описывая царский двор в Микенах (куда Геракл привез освобожденного им Прометея), подробно характеризуя господствующие там нравы: мелочные интриги, подсиживания, лицемерие, грызню, — писатель, как бы сочувственно, вздыхает, соболезнуя этим жалким людям: «...они были всего лишь простыми смертными. И они ужасно серьезно принимали ту коротышку жизнь, которая была им отпущена, стонали под гнетом властей предержавших и собственных страхов». «И они жили еще не при коммунизме»⁶ — совсем уж издевательски звучит финальный аккорд этой тирады.

Не менее ядовитым (думаю, даже для современников; и только вершители издательской судьбы романа делали, ради собственного спокойствия, вид, будто никакого яда тут нет, а есть, напротив, искренность и чистая вера) выглядит пассаж о печальной судьбе многих предыдущих революций, на фоне которых так триумфальна нынешняя — социалистическая. «Ведь за столько тысячелетий, горьких тысячелетий, мы — первые, кому удалось наконец осуществить такую революцию, которая больше не влечет за собой появления нового слоя избранных, когда не существует больше протекции, человек не измывается над человеком, пользуясь властью, когда только труд и способности дают право на выдвижение и нет больше разного вида и ранга воровства и проституции, никто не может, не трудясь, за счет других приобрести имущество и власть... И так далее, см. наших классиков — и самые искренние наши намерения, на пути осуществления которых, однако, иной раз возводят препоны отдельные периферийного характера явления»⁷. Всё по схеме: огромные успехи — отдельные недостатки...

В подобном ключе роман можно было бы цитировать и цитировать. Но пора, наконец, сказать, почему я пишу здесь о книге, появившейся в Венгрии в 1973 г. и опубликованной у нас в 1976 г. (хотя сама по себе книга эта, как видим, заслуживает того, чтобы о ней размышлять и писать, а уж тем более читать ее и перечитывать сегодня).

Причина довольно проста. Спустя какое-то время после кончины Лайоша Мештерхази (1979) в его архиве был обнаружен совершенно

⁶ *Мештерхази Л.* Загадка Прометея: Роман, рассказы. Кишинев, 1985. С. 197.

⁷ Там же. С. 131.

готовый роман, законченный в 1943 г. В тот момент (это был разгар войны) роман не мог быть опубликован главным образом из-за его тематики — речь о ней пойдет ниже. После войны книга тоже не слишком подходила для издания — в общем, по тем же соображениям. После смены режима, в 90-е годы, когда тематические и идеологические ограничения практически исчезли, возобладали иные моменты: прежде всего следует иметь в виду, что читательская аудитория резко отвернулась от всего, что связано было с социализмом, а точнее, что связано было с диктатурой коммунистов. При этом неприятие касалось не только соцреализма (а имя Мештерхази все-таки было прочно связано с соцреализмом, хотя, как я пытался показать, вопрос этот, мягко говоря, далеко не однозначен). Были старательно «забыты», выпали из культурного оборота и многие другие художественные явления, которые кадаровская «мягкая диктатура» просто терпела, в лучшем случае стараясь видеть и позитивно оценивать свойственный им («буржуазный» или «абстрактный») гуманизм; теперь же они — пускай молчаливо — воспринимались как соучастники режима. (Увы, венгры то в том, то в этом бывают удручающе похожи на нас...)

Название романа — «Farsang». Буквальное значение этого слова — «масленица»; поскольку же масленичная неделя повсеместно представляла собой период не только обильных застолий, веселья, игрищ, но — у многих народов Восточной Европы, венгров в том числе, — еще и выходы ряженных, то название можно перевести и как «масленичный карнавал».

А если учесть содержание книги, то название это лучше перевести как — «Шабаш».

Однако — всё по порядку.

В 1938–1939 гг. Лайошу Мештерхази, студенту филологического факультета Будапештского университета, выпало целый учебный год слушать лекции в Парижском университете; после этого он — как и другие студенты-венгры — вынужден был вернуться на родину: ситуация в Европе накалялась. В основе романа и лежит судьба нескольких молодых людей, поставленных историей перед нелегкой задачей: необходимостью выбрать оптимальный путь.

Немного удивительно (мне, по крайней мере) было узнать, что этот довольно короткий период, годы где-то с 1939-го по 1941-й или, может быть, даже чуть дольше, был в Венгрии периодом эйфории. Политическое и идеологическое сближение с гитлеровской Германией, предвоенная конъюнктура, взбодрившая экономику, возвращение, при моральной поддержке Гитлера, части Трансильвании (огромные

территориальные утраты — почти две трети прежней территории, — понесенные страной после Первой мировой войны, стали крайне тяжелой травмой для общественного сознания венгров, так что их воодушевление после победоносного похода в Трансильванию понять не так уж трудно) — все это не могло не стать мощным стимулом для самочувствия той части общества, которая ориентирована была на предпринимательство и интересовалась политикой. Мештерхази весьма красочно (я бы сказал, уверенной, даже опытной рукой) живописует эти разлитые в обществе настроения. Особенно впечатляет при чтении романа, вызывая, может быть, даже некоторую растерянность, тот — один из доминирующих в книге — мотив, который связан с последовательно проводимой тогдашней властью линией на деюдификацию (есть ведь, кажется, такой термин) политической и экономической элиты страны, — до депортации, то есть отправки в концлагеря и физического истребления евреев, было еще далеко: эти вещи начнутся в 1944 г. с оккупацией Венгрии гитлеровскими войсками — однако то, что можно назвать поражением в правах, принимало все более интенсивную форму. Как ни странно это звучит, но процесс этот стал еще одним стимулом для эйфории: карьеристы и стяжатели всех мастей и оттенков ринулись захватывать освобождающиеся там и сям посты и хлебные местечки. Мештерхази дает весьма выразительные образы таких молодых людей, которые — кто, может быть, с некоторым стеснением, кто предельно цинично — используют подвернувшийся шанс. Без прикрас рисует писатель этот (вот где налицо тот самый «шабаш», который просвечивает в названии романа) парад амбиций, жадности, жестокости, вероломства, за которыми стоят трагедии и даже гибель людей, вина которых — только в том, что они родились «не от тех» родителей.

Роман этот — образец «добротного» критического реализма. Точность образных характеристик, психологических мотивировок, меткая, нередко злая ирония, прекрасное владение языком — все это позволяет, думается, поставить эту книгу в то направление всемирной литературы XX в., ведущими представителями которого были Томас Манн, Голсуорси, Драйзер...

Выше я говорил о «Загадке Прометея» — вершине творческой эволюции Мештерхази. «Масленица» же — первая, хотя и значительная, веха этого пути. Тридцать лет, разделяющие их, — огромная дистанция, особенно если иметь в виду сложность и насыщенность исторического пути, пройденного Венгрией в эти годы, и мировоззренческую, человеческую эволюцию самого Лайоша Мештерхази.

Конечно, в «Масленице» еще нет той уверенной, виртуозной, как бы немного даже небрежной, эссеистской интонации, которая будет захватывать и пленять читателя в «Прометее». Тут, пожалуй, еще многовато мировоззренческих монологов и диалогов, когда герой излагает (чаще всего логично, убедительно) свое видение мира, выходя к той или иной из господствующих в ту эпоху концепций, от марксизма до нацизма. (Мне кажется, в этом у раннего Мештерхази также можно ощутить влияние М. Горького.) И знаменитая ирония Мештерхази тут еще только формируется, только еще учится быть легкой, но не легковесной, часто маскируясь под серьезность.

И тем не менее: тот, кто прочел, хотя бы уже и довольно давно, «Загадку Прометей», и здесь, в первом романе, уловит кое-что от зрелого писателя; причем кое-что существенное, что позволяет сказать: да, это *уже* он, Лайош Мештерхази.

У меня был большой соблазн сказать: если в «Масленице» мы видим Мештерхази *до того*, как он стал коммунистом и, в той или иной мере, с доверием воспринял нормативы соцреализма, то в «Прометее» он предстает перед нами *после* — после того как избавился от утопических представлений о мире и человеке... Сказать так можно (собственно, я и сказал), но следует иметь в виду, что это — огромное упрощение. Хотя бы потому, что, отказавшись от коммунизма как сугубо партийного подхода к действительности, вовсе не нужно отказываться от гуманизма (принципиальной и последовательной защитницей которого коммунистическая идеология всегда старалась себя представлять), — более того, лишь освободившись от партийных шор, гуманизм и становится гуманизмом настоящим, плодотворно творческим, живым.

Примерно таким, каким наполнена «Загадка Прометей».

Но все-таки сильнее хочется найти что-то общее между двумя романами, а следовательно, в творчестве Мештерхази в целом, — имея в виду прежде всего художественную, эстетическую материю.

И это — дело вовсе не безнадежное.

Уже в своем первом романе, который лежит сейчас передо мной, писатель продемонстрировал способность выявить и показать такие черты и особенности жизни человека и общества, которые, может быть, и тогда, и позже мало кто видел, и это характеризует его творчество куда красноречивее, чем самый скрупулезный научный анализ.

Вот пришла новость: германские войска вступили в Польшу. Ну да, это нам сейчас прекрасно известно: именно 1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война, так что эта дата имеет роковой — для

всего современного человечества, для нашей цивилизации — смысл. Но, надо думать, и в Венгрии, в тогдашней наэлектризованной атмосфере ощущалось, — не разумом, так чувствами, — что свершилось нечто непоправимое; пускай еще трудно было предвидеть, чем это обернется. Как реагирует на это венгерское общество?

Война.

Долгое время ее не осмеливались называть по имени. Цензура вычеркивала это слово из газет; тех, кто произносил его вслух, задерживали как распространителей панических слухов.

[...]

Детективы дежурили в кинотеатрах, чтобы во время журнала кинохроники не звучало выкриков одобрения или осуждения; детективы шныряли в толпе, собиравшейся перед редакциями газет, и задерживали тех, кто допускал громкие замечания, комментируя вывешиваемые на плакатах новости»⁸.

В разговорах о событиях можно было пользоваться только словом «конфликт».

И вот что мы видим в «Загадке Прометея». Атрей, царь Микен, одержимый идеей господства над всем (тогдашним) миром, все силы, всю свою хитрость бросивший на подготовку завоевательного похода против Трои, в разговоре с миротворцем Гераклом стремится убедить его, что он, Атрей, принципиальный противник кровопролития. Он клянется сделать все, «чтобы помочь достигнуть соглашения, избежать войны, бессмысленной, братоубийственной войны»⁹. (В Атрее, как его изобразил Мештерхази, просматриваются черты Гитлера; так же как в понятии «атреизм», которым пользуется Мештерхази, много общего с фашизмом.) Но едва ли не самое удивительное здесь то, что лицемерие Атрея падает на благодатную почву: микенское общество принимает его за чистую монету — или с готовностью поддерживает официальную ложь. «Да, тот, кто разбирается в эллинской ситуации, — с великолепным лукавством замечает Мештерхази, — сказал бы в то время только одно: “Троянская война? Вот уж нонсенс, право!”»¹⁰

Родство между двумя романами можно обнаружить и в том, как выстроена в них структура персонажей. «Загадка Прометея»

⁸ *Mesterházi L.* Farsang. Budapest, 2013. 94. old.

⁹ *Мештерхази Л.* Загадка Прометея. С. 214.

¹⁰ Там же. С. 216.

представляет нам широкую панораму «эллинского» мира, где действующие лица — тираны, циники, хитрецы, злодеи или просто пешки, которыми можно вертеть, как марионетками. Не лучше и боги-олимпийцы: самодур Зевс, интриганка Гера, туповатый мужлан Гефест, потаскушка Афродита и т. д. В соответствии с этим и весь древнегреческий мир — это сплошные интриги, войны, подсиживание друг друга, обман, убийства, грабежи. Во всей этой мешанине взаимной злобы, вражды, преступлений выделяются два героя: полубог Геракл и титан Прометей. Они настолько чисты в своих помыслах и поступках, что тираны и хитрецы используют их простодушие в своих целях.

Задаваясь вопросом, почему Прометей, после того как был освобожден Гераклом, не оставил практически никакого следа в богатейшей древнегреческой мифологии, Мештерхази ясно дает понять: этот бог («бог с подмоченной репутацией») не совершил ни одного злодеяния (он «не творил никаких фокусов-покусов, не творил чудес. [...] Он работал. А поскольку знал, что от плохой работы плох и создаваемый мир, работал точно, красиво...») Это тоже загадка Прометея), а потому и не был увековечен в мифах.

Но и в «шабаше», изображенном в первом романе Мештерхази, есть один персонаж, журналист Ласло Ваги, который противостоит всеобщему безумию, остается единственным — или почти единственным — трезвым, нормальным человеком в толпе карьеристов и корыстолюбцев, захмелевших от вороха легких соблазнов. Как пишет в небольшом послесловии к книге сын писателя, Миклош Мештерхази, подготовивший ранний роман отца к печати, — среди персонажей есть человек, «который пытается понять, почему никто вокруг него не понимает простой вещи: в том, что происходит, главное — совсем не в умении извлечь барыш [...] в общем, почему никто не понимает: близится момент, когда многим и многим предстоит умереть»¹¹.

Есть в этом романе, написанном Лайошем Мештерхази непосредственно перед войной и в самом начале войны, и кое-что поражающее читателя сильнее, чем злоключения древних греков, хотя мы и понимаем, что не такие уж они древние греки. И это «кое-что» приоткрывает нам еще одно измерение общественного человеческого бытия, измерение, которое, может быть, способно вывести нас за пределы всяких идеологий. Потому что любая идеология, будь она прогрессивной или реакционной, — это система норм, правил, отношений,

¹¹ *Mesterházi L. Farsang. 392. old.*

которая призвана создать некоторое «равновесие» бытия, так или иначе примиряя с ним людей, ею (системой) охваченных. А здесь?..

Ласло Ваги с приятелем гуляют в окраинном районе Будапешта, рассуждая о высоких вопросах (социальная справедливость и т. п.). Увлеченные беседой, они выходят в заснеженное поле (время — канун Рождества) — и неожиданно обнаруживают, что вокруг, сколько хватает взгляда, возвышаются холмики, напоминающие могилы, но *изнутри* этих «могил» пробивается свет. Встретившийся им священник объясняет: это поселение бедняков, которые не в состоянии содержать хотя бы нищенскую лачугу. Эти люди, потеряв работу, вырыли себе землянки, где ютятся с женами и детьми. И даже наряжают у себя крохотные рождественские елки: детям ведь нужен праздник...

Нагнувшись и заглянув в щель «окна», Ласло «увидел пару мерцающих свечек, и детскую головку, и возле нее — еще одну. Они лежали рядом друг с другом»¹².

Священник объясняет, что таких «поселений» только вокруг Будапешта — несколько десятков.

Подобная тематика встречается у так называемых «народных писателей»: Дюлы Ийеша, Ласло Немета, Петера Вереша и других — это было целое мощное направление в венгерской литературе 30-х гг. «Народные писатели» открывали широкой общественности ту Венгрию (серия издаваемых ими книг так и называлась «Открытие Венгрии»), те огромные пласты населения — в основном крестьянство, — которым было и не до проблем справедливого распределения благ: им нужно было просто выжить... То, что Мештерхази сомкнулся с «народными писателями» хотя бы в этом одном аспекте, свидетельствует о необычайной широте его видения, его писательских интересов. Не случись на его пути социалистического, коммунистического зигзага, неизвестно, куда бы вывела его логика созреваания.

Однако о том, что она вывела его к «Загадке Прометея», мы едва ли можем сожалеть.

Во всяком случае, прочтя другой его роман, семьдесят лет пролежавший в столе, убеждаешься: писала его та же рука, что написала «Загадку Прометея».

12 Ibid. 251. old.

Источники и литература

- Быков Д. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2011. 425 с. (ЖЗЛ, вып. 962).
Меустерхази Л. Загадка Прометея: Роман, рассказы. Кишинев: Литература артистикэ, 1985. 543 с.
Mesterházi L. *Farsang*. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 2013. 396. old.

References

- Bykov, D. *Boris Pasternak*. Moscow: Molodaia gvardiia. 425 p. (ZhZL, no. 962).
Meshtekhazi, L. *Zagadka Prometeia: Roman, rasskazy*. Kishinev: Literatura artistike, 1985, 543 p.
Mesterházi, L. *Farsang*. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 2013, 396. old.

Yuri P. Gusev

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The capabilities of realism: Some reflections on the “new” novel of Lajos Mesterházy

The realism as a basic principle to reflect on and to understand the reality, incorporates the achievements from many epochs of the development of literature, adding a philosophical, analytical approach, irony, conventionality and fiction. The effectiveness of realism has been convincingly demonstrated by most national literatures of the 20th century, among them the literatures that by tradition have not been in the focus of general attention. One of the undisputed peaks of realistic literature of the 20th century is the novel of the Hungarian writer Lajos Mesterházy “The Riddle of Prometheus” (1973), which can be used as an example to show almost all the strengths of realism. This novel is the peak of the creative path of the Hungarian writer. Recently his first and unpublished novel “The Pancake Day” (1943) was discovered, in which one can already see the features of his future skill. When reading this rather voluminous book that still shows some immaturity, one cannot help noticing the features that attest his inborn talent, but most importantly, the humanist nature of his worldview. He does not only sympathize with the poor, but also strives to uncover the roots of evil that dominates in the modern social order and to lead the readers’ thought into a constructive direction.

Keywords: *realism, Hungarian literature, Mesterházy.*

«Сараево. План города»: специфика хронотопа

Место действия романа М. Ерговича «Сараево. План города» (2015) — родной город писателя, ключевое для всего его творчества пространство. Это своего рода изменчивая романизованная карта. В романе описано сразу несколько культурно-исторических Сараево: это и османский город, и австро-венгерский, и Сараево времен королевства Югославия, и город эпохи Тито, а затем и Сараево до и после войны 1990-х гг. в Боснии и Герцеговине. Пространство города в романе — прошлое нынешнего настоящего города, отмеченного для автора политическими и идеологическими попытками перекодировать и даже стереть историческую память. Фрагментированный текст романа состоит из личных воспоминаний, литературных сюжетов, истории города, размышлений о памяти и забвении, — это памятник старому, исчезающему или уже исчезнувшему Сараево. По мнению Э. Казаса, Ергович создал самый объемный, исчерпывающий и наиболее достоверный образ Сараево в боснийской литературе.

Ключевые слова: *М. Ергович, «Сараево. План города», хронотоп, сараевский текст, городской текст, боснийская литература.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.4.07

Миленко Ергович родился в Сараеве в 1966 г. С 1994 г. живет в Загребе, окончил филологический факультет Сараевского университета. С 1990-х гг. активно пишет для газет и журналов на территории бывшей СФРЮ¹. В 1988 г. он получил награду Мака Диздара за сборник стихов «Обсерватория Варшава» (“Opservatorija Varšava”), в 1990 г. — награду Веселко Тенжера за журналистскую деятельность, в 1994 г.

¹ В 1990-х гг. сотрудничал с еженедельной газетой «Воскресная Далмация» (“Nedjeljna Dalmacija”) как журналист, позже стал заместителем ее главного редактора, писал для боснийского журнала «Дни» (“Dani”), для газеты «Утренний лист» (“Jutarnji list”), для сербской газеты «Политика» и сплитского еженедельника “Feral Tribune” и др.

— премию мира имени Эриха Марии Ремарка и награду «Ксавер Шандор Джальский» за сборник «Сараевское Мальборо» (“Sarajevski Marlboro”)², в 2003 г. — итальянскую литературную премию «Гринцане Кавур» за сборник рассказов «Мама Леоне» (“Мама Leone”), в 2007 г. — награду Меши Селимовича за роман «Рута Танненбаум» (“Ruta Tannenbaum”) и др. Его тексты переведены на многие европейские языки³. Действие большей части его произведений развивается на просторах бывшей Югославии, за исключением романа «Бьюик Ривьера», который повествует о встрече беженца из Боснии и беженца из Сербии на американской земле. Ергович — активный участник литературной жизни Боснии и Хорватии, сам себя он не считает ни хорватским и ни боснийским писателем, «а принадлежащим только тем, кто по собственному желанию читает его книги на языке, на котором они написаны, независимо от того, какой они национальности»⁴ [здесь и далее перевод с боснийского мой. — *Е. III*].

В центре внимания Ерговича простые люди, события их жизни: как уличный фотограф, он находит красоту в повседневности, которая становится катализатором для рассуждений о Боснии, (бывшей) Югославии, их истории и современности. Он не только пишет о самых разных (чаще — боснийских) семьях и их частных историях, но и ведет «летопись проблемы идентичности, проблемы, ставшей причиной самых страшных страданий в Европе»⁵, что делает его творчество особенно востребованным в обоих полушариях планеты. Однако географически мир Ерговича-писателя — это Босния, и уже — Сараево.

2 Первый, самый известный и успешный, сборник рассказов о Боснии во время войны — «Сараевское Мальборо» («Sarajevski Marlboro») — вышел в 1994 г.

3 Публикации на русском языке: Рассказы // Иностранная литература. 2006. № 10. С. 251–258; Из книги «Мама Леоне» // Иностранная литература. 2010. № 7. С. 90–100; Отец, главы из книги // Иностранная литература. 2011. № 6. С. 151–164; Роман «Gloria in Excelsis». М., 2018 (Серия «100 славянских романов»); Вилимовски // Иностранная литература. 2019. № 10. С. 6–103.

4 Miljenko Jergović // Vecernji.hr. URL: <https://www.vecernji.hr/enciklopedija/miljenko-jergovic-18474> (дата обращения: 10.09.2020).

5 Doris L. Jergović nije ni bosanski, ni hrvatski, ni balkanski, on je europski i svjetski pisac (перевод с немецкого Anne-Kathrin Godec) // Fraktura.hr. URL: <https://www.jergovic.com/ajfelov-most/jergovic-nije-ni-bosanski-ni-hrvatski-ni-balkanski-on-je-europski-i-svjetski-pisac/> (дата обращения: 10.09.2020).

Место действия романа М. Ерговича «Сараево. План города» (2015), а также его дебютного сборника рассказов «Сараевский Мальборо» и других его романов («Отец», «Род», «Барабаны ночи») — родной город писателя. Это ключевое для его творчества пространство: в «Сараевском Мальборо» город показан через призму восприятия героев, в романе «Род» — это место, где вершится судьба семьи переселенцев, пытающихся укорениться в городе, их отторгающем, в «Барабанах ночи» Сараево до и во время Первой мировой войны показано глазами главного героя Йосипа Губерника в форме дневниковых записей — и снова это город, отторгающий героя. По мнению хорватского литературного критика Б. Алейбеговича, романом «Отец» (2010) Ергович открыл в своем творчестве новую главу, посвященную исследованию соотношения документальной реальности и художественного вымысла, эта же проблематика станет ключевой и в последующих романах — «Род» (2013) и «Сараево. План города». И если «Отец» посвящен исследованию отношений героя с родителем, а «Род» — роман-сага о семье прадеда Ерговича, его детей и внуке, то «Сараево. План города» — своеобразная надстройка над предыдущей книгой, его можно читать как ее составную часть [...]. В новой книге Ергович переносит тематический фокус с семьи на более широкий — городской — план⁶. Это роман, в котором именно город становится главным действующим лицом, это своего рода изменчивая романизованная карта, собранная из звуков, запахов и воспоминаний, деревьев, переулков, улиц и площадей, синагог, мечетей и старых домов, неразрывно связанных с человеческими судьбами и историческими событиями. Как точно отметил Э. Казас, это «антропологический роман, исследующий мнемотопическую сеть города; в его повествовании встречаются и дополняют друг друга различные дискурсы: научный, в первую очередь антропологический, культурно-мемуарный, социологический, историографический и повествовательный, в первую очередь биографический и хронический, повествование часто переходит в поэзию, когда рассказчик, описывая события из своей собственной жизни, переключается на исповедальное воспоминание самого себя⁷.

⁶ Alejbegović B. Literarni spomenik rodnome gradu. Nova Istra. Br. 3–4. 2016. S. 325.

⁷ Kazaz E. Arhiv alternativne prošlosti. Magazin Plus. <https://magazinplus.eu/enver-kazaz-arhiv-alternativne-proslosti/> (дата обращения: 10.09.2020).

Это не роман в привычном понимании жанрового термина, поскольку в нем отсутствуют сюжетная основа и центральные персонажи, а текст сильно фрагментирован. В центре «Сараево. План города» лежит не одна история, а огромное их количество, так что главным персонажем становится человеческая жизнь в ее многообразии, происходящая на фоне городского пространства, во многом им и определяемая. Описание каждой улицы или площади перетекает в микророман о чьей-то жизни. Не имея возможности посвятить каждому герою достаточное пространство текста, Ергович дарит им своего рода вечную жизнь в своем литературном городе. Город — это прежде всего люди, именно они его строили, создавали его внешний облик, они же его меняют.

В романе сосуществует несколько нарративов. «Я»-нарратор из авторской современности, проживающий в Загребе, появляется и проявляется только в собственном воображаемом прошлом Сараево, где он обращается к себе прошлому, на «ты»: «Дальше ты сам, потому что я уже не уверен, карабкаюсь по памяти»⁸ (S. 20). «Я»-нарратор стилистически и лексически близок рассказчику из книги «Всякая всячина»⁹ (“Tušta i tma”, 2014), созданной на основе e-mail-переписки М. Ерговича и С. Басары¹⁰. Вероятно, имеет смысл говорить и о бессловесном «ты»-нарраторе: о том, к кому постоянно обращается романное «я» Ерговича, кто ходит по описываемым улицам и вспоминает быт 1970-х и 1980-х гг., о том, чьи воспоминания делают роман таким живым, ярким, теплым, наполненным любовью к утраченному детству. В романе присутствует и историографический нарратив: это всеведущий обезличенный (лишенный автобиографических черт) автор, описывающий городскую реальность или озвучивающий документы, призванный воссоздать прошлое города, показать его в развитии. Нарратор-историограф приводит те или иные факты, дает характеристику описываемому времени, часто прибегает к использо-

8 Здесь и далее цитируется: *Jergović M. Sarajevo. Plan grada. Zagreb: Fraktura, 2015.* Страницы указаны в тексте.

9 Подробнее см.: *Шатко Е. В. Взгляд на эпоху: диалог М. Ерговича и С. Басары в книге «Всякая всячина» // Вектор non-fiction в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Н. Н. Старикова. М., 2018. С. 212–228. (Серия «Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы»).*

10 Светислав Басара — сербский писатель, драматург, колумнист и эссеист.

ванию перечня: так, например, 4 страницы занимает список выпускников гимназии с указанием адреса и рода занятий, а предпоследняя глава практически полностью состоит из перечисления кафе, буфетов и ресторанов Сараева 1937 г. с указанием имен владельцев и адресов. Поскольку Егрович долгое время живет в Загребе, создание каталога сараевских улиц по воспоминаниям актуализирует в романе тему памяти и забвения.

Совмещение различных нарративов, как техника пэчворк, объединяет социальное, культурологическое и историческое исследование города с глубоко личной исповедью героя, рассказывающего о своем прошлом, о детстве и молодости, о потерянном доме, невозможности укорениться нигде, кроме как в нереальном, вымышленном Сараеве: «Сложно полностью описать город, Сараево, в котором ты жил, по воспоминаниям, и через описание каждой детали, каждого закоулка и фасада, перестать видеть это место во сне и так прогнать его из головы. Это большая затея, может и до конца жизни продлиться. Поэтому лучше сдать и принять то, что как будто из-за какого-то проклятия сны происходят там, где тебе быть нельзя, где ты быть больше не можешь» (с. 101). Складывается ощущение, что книга «Сараево. План города» — и есть часть такой «большой затеи» длиной в жизнь.

Пространство романа — это, в первую очередь, сам город¹¹. Четко ограниченное место действия¹² будто дает автору карт-бланш во временной организации произведения. В романе описано сразу несколько культурно-исторических портретов Сараева: это и османский город (1462–1878), и австро-венгерский (1878–1918), и Сараево времен Королевства Югославия (1918–1945), и город эпохи Тито (1945–1992), а затем и Сараево до и после войны 1990-х гг. в Боснии и Герцеговине. Это также и онейрическое пространство или воспоминания о снах «я»-нарратора. В романе совсем мало современного города, как мало его и в жизни автора, питающего неприязнь к нынешнему отношению людей к памяти: они не видят дальше чем на один год вперед и потому бездумно меняют вековые мостовые на асфальт.

В заметке об авторе (к каждому своему роману Егрович пишет новую) указано: «...родился в Сараево в 1966 г. В последние годы за-

11 За исключением нескольких упоминаний Загреба длиной не более предложения.

12 Или точнее — место воспоминаний, личных или архивных; фрагментарность текста и отсутствие сюжета не позволяют говорить о «действии» в привычном понимании термина.

нимается исследованием соотношения документальной реальности и фикции». Вот и в романе сосуществуют Сараево *реальный, культурный и личный*. *Реальный* город — это описания улиц, зданий, площадей, целых городских кварталов, их жителей. Это своего рода прогулка с экскурсоводом-Ерговичем, который, ссылаясь то на книгу Алии Бейтича 1973 г. «Улицы и площади Сараева», то на телефонный справочник 1941 г., рассказывает то целые семейные саги, то богатую на события биографию политического деятеля, то описывает быт типичной сараевской узенькой улочки. Будто рассматривая карту города, автор описывает улицы, одну за другой, каждая становится толчком к личному воспоминанию или же к рассказу о жизни человека, жившего здесь или давшего этой улице название. Большое внимание автор уделяет смене названий улиц: во-первых, знание и использование старого названия позволяет вычислить «настоящего сараевца», во-вторых, это отметины эпох, историко-социальных процессов на лице города. Для Ерговича «это всегда насилие над памятью», ведь «город, в котором улицы меняют названия, практически превращается в какой-то другой город» (s. 263). Зачастую именно факт смены названия провоцирует то или иное авторское размышление или становится толчком к началу нового сюжета. Исключением и поводом для сопоставления на первый взгляд несопоставимого становится для автора переименование улицы Мустафы Голубича (революционера и сотрудника Коминтерна) в улицу Тина Уевича (хорватского поэта эпохи СФРЮ): «...эта парочка имела некоторые общие характеристики — Тин любил севдалинки, а Мустафа прекрасно их пел. Тин любил террористов, покушающихся на чью-то жизнь, а Мустафа убивал людей, Тин верил в лучший мир, а Мустафа в коммунистическую партию» (s. 264).

Сараево *культурный*, «обязательно отличающийся от карты и плана реального города [...], существует так, как его написали: есть только те улицы, которые живы в рассказах и, может, стихах хороших писателей. Некоторые в реальности маленькие, зажатые между домами, едва заметные улочки и тупики на литературной карте города важнее и заметнее широких городских шоссе, бледных и безмянных...» (s. 15). Автор обращается не только к литературным текстам, но и к народным песням, романсам. Улицы, названные в честь деятелей искусства (писатель и драматург Бранислав Нушич или композитор Стеван Морканьяц), становятся отправной точкой для исследования параллелей между их судьбами, современной им общественной жизнью и процессами, протекающими во временной плоскости автора — «здесь и сейчас».

Сараево как *личный* город наполнен детскими воспоминаниями автора, поданными сквозь призму его эмоций и реакций. Этот город ненадежен, зыбок, это «город из сна» (с. 24): «С тех пор как я больше не приезжаю в Сараево [...] его улицы начали растворяться у меня перед глазами. Я вижу каждое здание, мечеть и домик так, как бы они выглядели на макете в Музее города, но подозреваю, что это не то Сараево, что было, пока мы там жили, и не то, что есть сегодня, а какое-то третье Сараево, формирующееся в моей голове, чьи очертания смешиваются с реальными воспоминаниями, перекрывают и подавляют их, так что я больше не знаю, что я помню, а что создано стремлением к этому городу, как фантомная, ложная память» (с. 265). К пространству личного города относятся сны «я»-нарратора: «Большинство моих снов по какой-то сложившейся матрице, описанной в учебниках психологии, имеет место в Сараево» (с. 97).

Нельзя не отметить, что все три ипостаси Сараева, представленные Ерговичем, связаны с прошлым, город сегодняшней, по мнению писателя, отмечен политическими и идеологическими попытками перекодировать или даже стереть историческую память. Поэтому роман — попытка сохранить то, чего больше нет, то, что запечатлено в памяти людей. В самом начале романа, вспоминая деда, Ергович говорит о том, что для него так ценно и что необходимо сохранить, пока оно не исчезло: «Это память. Моему Деду было необычайно важно, чтобы у людей была память. Он ничего не имел против тех других, тех, которые забывали или которые откуда-то сюда перебрались, ему просто было важно, чтобы рядом с ним были те, кто помнит, и ему было приятнее, если таксист посмотрит на него этим своим таксистским взглядом искоса и скажет: “Сепетаревац¹³?”, а не молча ответит ему на улицу Миле Радоевича. Его жизнь была — память. [...] Прошлое, прошлое роскошное и богатое на истории. Поэтому и были важны таксисты, что спрашивали: “Сепетаревац?”. Они показывали, что тоже помнят, что и им память важна. Они были его братьями по памяти» (с. 11). Кажется, что и Ергович предлагает читателю окунуться в его собственное «важно»: в личные воспоминания, литературные сюжеты, историю города, даже простой телефонный справочник, чтобы стать его братом по памяти о давнем, исчезающем или уже исчезнувшем Сараево.

Книга пропитана духом 1970-х и 1980-х, того времени, в котором рос тот «ты», к которому обращается Ергович. Но улицы, по ко-

13 Старое название улицы Миле Радоевича.

торым «ты» ходил с бабушкой за руку, наблюдая за жизнью своего района, несли (и несут) на себе отпечаток и других времен: вот дома, построенные еще в эпоху Османской империи, а по этим улицам из города во время оккупации уводили евреев. Так личная карта памяти Ерговича, положенная в основу романного хронотопа, будто подталкивает рассказчика завернуть за угол и вспомнить или даже узнать и тут же рассказать историю жизни других людей (известных или нет — неважно), и тем самым стать ближе к самой Истории города. Автор мастерски рассказывает биографии и тех, кого он знал лично, и тех, чьи жизни теперь — сухие архивные справки; забытое и утраченное оживает на страницах романа и становится вечным. «У этого города потихоньку начинает не хватать частей. Исчезают улицы и целые районы так же, как исчезают люди. [...] За последние десять лет я разошелся, где-то, может, и резко, в обстоятельствах для меня неудобных, со многими сараевскими знакомыми и друзьями, с кем-то, кого я раньше называл приятелями. [...] Они пропали, как пропадают улицы, по которым я долго не ходил, да и не думал о них. Сараево из сна — маленький город, населенный мертвыми» (s. 24). Так Ергович делает попытку удержать ускользающее время.

Важно отметить, что, даже стремясь сохранить свою личную память, в том числе о детстве, Ергович не приукрашивает действительность: отказываясь от романтизации мультирелигиозности и многонациональности города, он показывает напряженные отношения между людьми, рассказывает о конфликтах, непонимании, неприятии, говорит об утраченной идентичности. В этом смысле Сараево становится Боснией и Герцеговиной в миниатюре. Роман художественно подтверждает сказанное Ерговичем на круглом столе, посвященном национализму, отраженному в литературе: «Они [националисты. — *Е. Ш.*] вам объясняют, кто вы такой на самом деле в смысле национальной идентичности. [...] Когда боснийские националисты в сараевских газетах пишут обо мне с целью поставить меня на место, они пишут: хорватский писатель, бывший сараевец. Как будто можно быть бывшим сараевцем. Как будто вы можете в паспорте поменять место рождения. А вы не можете, даже если хотите»¹⁴.

О Сараеве писали И. Андрич, например, в эссе «Это город», Д. Джамоня, действие произведений которого чаще всего развивается на фоне так наз. альтернативного Сараева времен Югославии,

14 URL: <https://www.jergovic.com/ajfelov-most/sarajevo-plan-gradajedan-pogled/> (дата обращения: 10.09.2020).

И. Самоковлия, перенесший на страницы своих повестей и рассказов жизнь сараевских евреев, Д. Карахасан, создавший в своих эссе мультирелигиозный и многонациональный образ боснийской столицы. По мнению Э. Казаса, Ергович создал самый объемный, исчерпывающий и наиболее достоверный образ города Сараево в боснийской литературе¹⁵. Исследование этого образа, его топоса и мифологии в творчестве как вышеупомянутых, так и других писателей может стать началом изучения сараевского текста как феномена боснийской литературы, а может быть, и некоторых литератур Центральной и Юго-Восточной Европы. Такого рода исследование позволит выявить повторяющиеся, устойчивые характеристики художественного воплощения города, обнаружить и высветить различия в его трактовке, отражающие индивидуальные особенности авторов.

Источники и литература

Alejbegović B. Literarni spomenik rodnome gradu. Nova Istra, 2016. Br. 3–4. S. 325–329.

Doris L. Jergović nije ni bosanski, ni hrvatski, ni balkanski, on je europski i svjetski pisac (перевод с немецкого Anne-Kathrin Godec) // *Fraktura.hr* [сайт]. URL: <https://www.jergovic.com/ajfelov-most/jergovic-nije-ni-bosanski-ni-hrvatski-ni-balkanski-on-je-europski-i-svjetski-pisac/> (дата обращения: 10.09.2020).

Jergović M. Sarajevo. Plan grada. Zagreb: Fraktura, 2015. 474 s.

Kazaz E. Arhiv alternativne prošlosti. Magazin Plus. <https://magazinplus.eu/enver-kazaz-arhiv-alternativne-proslosti/> (дата обращения: 10.09.2020).

Miljenko Jergović // *Vecernji.hr* [сайт]. URL: <https://www.vecernji.hr/enciklopedija/miljenko-jergovic-18474> (дата обращения: 10.09.2020).

Nonin G. Ajflov most. Sarajevo. Plan grada. Jedan pogled. <https://www.jergovic.com/ajfelov-most/sarajevo-plan-grada-jedan-pogled/> (дата обращения: 10.09.2020).

Ергович М. Вилимовски // Иностранная литература. 2019. № 10. С. 6–103.

Ергович М. Из книги «Мама Леоне» // Иностранная литература. 2010. № 7. С. 90–100.

Ергович М. Отец, главы из книги // Иностранная литература. 2011. № 6. С. 151–164.

¹⁵ *Kazaz E.* Arhiv alternativne prošlosti. Magazin Plus. URL: <https://magazinplus.eu/enver-kazaz-arhiv-alternativne-proslosti/>

Ергович М. Рассказы // Иностранная литература. 2006. № 10. С. 251–258.
Ергович М. «Gloria in Excelsis». М.: Центр книги Рудомино, 2018. 544 с. (Серия «100 славянских романов»).

Шат'ко Е. В. Взгляд на эпоху: диалог М. Ерговича и С. Басары в книге «Всякая всячина» // Вектор non-fiction в современных литературах Центральной и Юго-Восточной Европы / отв. ред. Н. Н. Старикова, М., 2018. С. 212–228. (Серия «Современные литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы»).

References

“Miljenko Jergović”. *Vecernji.hr*. URL: <https://www.vecernji.hr/enciklopedija/miljenko-jergovic-18474> (accessed: 10.09.2020).

Alejbegović, B. “Literarni spomenik rodnome gradu.” *Nova Istra*. Br. 3–4. 2016, s. 325–329.

Doris, L. Jergović nije ni bosanski, ni hrvatski, ni balkanski, on je europski i svjetski pisac (translation from german Anne-Kathrin Godec). *Fraktura.hr*. URL: <https://www.jergovic.com/ajfelov-most/jergovic-nije-ni-bosanski-ni-hrvatski-ni-balkanski-on-je-europski-i-svjetski-pisac/> (accessed: 10.09.2020).

Ergovich, M. “Iz knigi «Mama Leone»”. *Inostrannaia literatura*. 2010, № 7, p. 99–100.

Ergovich, M. “Otets, glavy iz knigi”. *Inostrannaia literature*. 2011, № 6, p. 151–164.

Ergovich, M. “Rasskazy”. *Inostrannaia literatura*. 2006, № 10, p. 251–258.

Ergovich, M. “Vilimovski”. *Inostrannaia literatura*. 2019, № 10, p. 6–103.

Ergovich, M. *Gloria in Excelsis*. Moscow: Tsentr knigi Rudomino, 2018, (Seriiia «100 slavianskikh romanov»), 544 p.

Jergović, M. Sarajevo. Plan grada. Zagreb: Fraktura, 2015, 474 s.

Kazaz, E. “Arhiv alternativne prošlosti”. *Magazin Plus*. <https://magazinplus.eu/enver-kazaz-arhiv-alternativne-proslosti/> (accessed: 10.09.2020).

Nonin, G. Ajflov most. Sarajevo. Plan grada. Jedan pogled. <https://www.jergovic.com/ajfelov-most/sarajevo-plan-grada-jedan-pogled/> (accessed: 10.09.2020).

Shat'ko, E. V. “Vzgliad na epochu: dialog M. Ergovicha i S. Basary v knige «Vsiakaia vsiachina»”. *Vektor non-fiction v sovremennykh literaturakh Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy*. Ed. N. N. Starikova, Moscow, 2018, Seriiia “Sovremennye literatury stran Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy”, p. 212–228.

Evgeniia V. Shatko

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

“Sarajevo. Plan grada”: the specifics of the chronotope

The scene of the novel written by M. Jergović “Sarajevo. Plan grada” (2015) — the writer’s hometown, the key space for all his writing. It’s some sort of a fluid romanized map. The novel describes several cultural and historical Sarajevoes at the same time, such as an Ottoman city, and Austro-Hungarian, and Sarajevo during the Kingdom of Yugoslavia, and a city of the Tito era, and then Sarajevo before and after the war of the 1990s. in Bosnia and Herzegovina. The space of the city in the novel is the past of the today’s city, marked for the author by political and ideological attempts to recode and even erase the historical memory. The fragmented text of the novel consists of personal memories, literary plots, the history of the city, reflections on memory and obliteration — it is a monument dedicated to the old, disappearing or even already disappeared Sarajevo. According to E. Kazas, Jergović created the most voluminous, comprehensive and most reliable image of Sarajevo in Bosnian literature.

Keywords: *M. Jergović*, “*Sarajevo. Plan grada*”, *chronotope*, *Sarajevo text*, *urban text*, *Bosnian literature*.

УДК 821.162.4-1(Штрпка И.)
ББК Ш33(4Сло)64-8,445

А. Громинова
Университет свв. Кирилла и Мефодия
(Трнава, Словакия)
Н. В. Барковская
Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

Опыт феноменологической онтологии в книге Ивана Штрпки «Куда плащ, туда и ветер» (2018)

На материале книги стихов одного из крупнейших современных словацких поэтов, Ивана Штрпки, рассматриваются особенности поэтики и мироощущения автора. Высказывается гипотеза об итоговом характере книги с опорой на жанровую модель, предложенную О. В. Мирошниковой. Сложность поэтического языка обусловлена стремлением автора показать то, «чего нельзя увидеть», выразить ощущение «пустых форм». Ключевые слова в книге — *пустота* и *свет*. Подробно анализируется пример текста, представляющего собой «длинный верлибр». Смысловую доминанту задает аллюзия на супрематизм Казимира Малевича, картина которого «Белое на белом» провозглашает беспредметность как условие свободы сознания. Далее пустой мир, «не место», раскрывается через попытку артикуляции, порождения речи и смысла. Субъект речи принципиально одинок — это «голосное» сознание, пытающееся осознать себя. Это не личность, а некая пульсирующая точка, из которой исходит попытка речи. Штрпка передает феноменологию сознания субъекта, пытающегося обрести себя из себя самого, а через себя — и мир, «другого», передает усилие сознания наделять смыслом «пустой» мир. Феноменология сознания, представленная Штрпкой, соотносима с категориальным аппаратом, обоснованным в философии Сартра. Поиск самоидентичности в богооставленном мире завершается образом всеобъемлющего океана, с ритмом движения которого сливается дыхание и речевое усилие говорящего. Делается вывод о том, что Штрпка сохранил прежние амплуа «одинокое бегуна» и в совершенно новых социокультурных обстоятельствах первых десятилетий XXI в.

Ключевые слова: *современная словацкая поэзия, философская поэзия, итоговая книга стихов, авангардизм, супрематизм.*

Иван Штрпка (*Ivan Štrpka*) — словацкий поэт старшего поколения, родился в июне 1944 г. в Глоговце. Первая книга стихов вышла в 1969 г. Штрпка входил в трнавскую поэтическую группу «Одинокие бегуны» (*Osamelí bežáci*). В 1970-е гг. был наложен запрет на публикацию его книг. По словам Владимира Петрика, эта группа попала под каток «нормализации» с самого начала своего существования¹. Только после 1989 г. поэт снова получил возможность свободного творчества.

Иван Штрпка тяготеет к усложненной и гротескной форме выражения, его поэтика строится на аллегориях, метафорах, аллюзиях. С 2008 г. выходило трехтомное собрание сочинений поэта², одним из самых ярких произведений в котором можно назвать поэму «Интермедии. Марионетки, укороченные на голову» (впервые опубликована в Праге в 1997 г.³), с ее мощным антитоталитарным пафосом⁴. В 2019 г. вышла первая словацкая монография о поэте⁵.

В 2018 г. поэту исполнилось 74 года, вышла 15-я книга его стихов — «Куда плащ, туда и ветер»⁶. Можно предположить, что эта книга имеет итоговый характер, выражает поэтическую личность автора наиболее завершено, вот почему обращение к ней интересно для истории словацкой поэзии и, шире, общеевропейской.

Книга стихов Ивана Штрпки «Куда плащ, туда и ветер» (*Kam plášť, tam vietor*) состоит из трех частей: «Ясные места» — «Куда плащ, туда и ветер» — «Темные места». Это по-прежнему неурегулированный (гетероморфный⁷) стих, тексты большого объема.

1 *Петрик В.* Современная словацкая литература в потоке времени // Мecenat и мир. 2008. № 37–40. URL: <http://www.mecenat-and-world.ru/37-40/petrik.htm> (дата обращения: 15.11.2019).

2 *Štrpka I.* Básne I. Levoča; Levice, 2008. 265 s.; *Štrpka, I.* Básne II. Levoča; Levice, 2013. 334 s.; *Štrpka I.* Básne III. Levoča; Levice, 2014. 333 s.

3 *Štrpka I.* Medzihry. Bábyk kratšie o hlavu. Praha, 1997. 65 s.

4 *Громинова А., Барковская Н.* Лирическая поэма Ивана Штрпки «Интермедии. Марионетки, укороченные на голову»: семантика заглавия и метафорика сюжета // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2017. V. 62. I. 2. P. 475–486.

5 *Redény Z.* Krátka správa o dlhej trase osamého bežca: Poézia Ivana Štrpku. Levoča, 2019. 264 s.

6 *Štrpka I.* Kam plášť, tam vietor. Bratislava: Artforum, 2018. 125 s.

7 *Орлицкий Ю. Б.* Гетероморфный (неупорядоченный) стих в русской поэзии // Новое литературное обозрение. 2005. № 73. С. 187–202.

В анонсе на сайте книжного магазина Artforum⁸ приводятся слова Штрпки: «У меня было представление пустых форм. То, что нельзя показать, увидеть». Концепцию пустоты подчеркивают иллюстрации Дороты Садовской, подсчитавшей, что слова с корнем *пуст-* употребляются в книге более ста раз, а вторым по частотности стало слово «свет». Визуальный образ пустоты призваны дать иллюстрации художницы, на которых изображены, на фоне пустынного ландшафта, освещенные солнцем пустые пластиковые формы.

В данной статье мы попробуем ответить на вопросы: почему *пустота* становится главным предметом поэтического переживания? зачем показывать пустоту, то есть то, что нельзя увидеть? как выразить словами непредставимое и невыразимое? Наша гипотеза состоит в том, что данная книга стихов Штрпки представляет собой своеобразную модификацию жанра итоговой книги. На фоне этой жанровой традиции творческая индивидуальность словацкого поэта проступает рельефнее. Сама идея движения от белого к черному, от ясного к темному, лежащая в основе композиции книги, достаточно показательна. Так, например, триптих Юрия Казарина «Каменные элегии», который также обнаруживал в себе черты итоговой книги поэта, составили три тонкие книжечки: первая — с белой обложкой, вторая — черная, третья — серебристая или серая, как бы синтез тезиса и антитезиса⁹. Концептуальное наполнение такого сочетания ахроматических обложек мы уже анализировали¹⁰. Но в книге Штрпки логика композиции другая: не от тезиса к антитезису и синтезу, а от тезиса — через срединную часть-медиатор — к антитезису, т. е. гармония не достигается, примирения полюсов света и тьмы, этих бинарных оппозиций или сторон противоречия, не происходит.

В данной статье мы ограничимся рассмотрением только первой части книги («Ясные места»), точнее, замыкающего ее текста¹¹, исходя из допущения, что в книге стихов как сложном художественном единстве каждая ее часть концентрирует смысл целого.

8 <https://www.vydavatelstvoartforum.sk/sk/knihy/ivan-strpka/kam-plast-tam-vietor/>

9 Казарин Ю. Каменные элегии. Екатеринбург, 2009–2011.

10 Барковская Н. В., Верина У. Ю., Гутрина Л. Д., Жибуль В. Ю. Книга стихов как феномен культуры России и Беларуси. М.; Екатеринбург, 2016. С. 315–325.

11 Štrpka I. Kam plášť, tam vietor. Bratislava, 2018. S.116–120. Далее страница в цитате указывается в круглых скобках.

Теоретическая модель итоговой книги на материале русской классической поэзии была разработана О. В. Мирошниковой¹² и У. Ю. Вериной¹³. Согласно О. В. Мирошниковой, системное единство итоговой книги определяется рядом факторов: авторское (не читательское и не издательское) архитектурное расположение и координация текстов, цикличность структуры, универсальность модели мира как рубежного «бытия-на-пороге», подведение итогов, тяжба с быстротекущим временем, поиск незабываемых ценностей, метафорика «жизненного пути» (его «вечернего» или «осеннего» этапов), биографизм «последних книг», фиксированность героя в одном ограниченном локусе (усадебная комната), но при этом частное трансформируется в мировое, домашнее пронизывается вселенским, монологизм осложняется порывами диалогической интонации, желанием высказать «последние слова».

Относительно понятия «итоговости» следует сделать уточнение, опираясь на концепцию «последнего стихотворения», предложенную Ю. В. Казариным. В антологии «последнего стихотворения» в русской поэзии Казарин пишет, что последнее стихотворение — это факт преимущественно жизни, а не смерти¹⁴, такое стихотворение может не быть хронологически последним, это «итоговый поэтический текст духовно-идентифицирующего и метатекстового характера»¹⁵, соединяющий в себе все лучшее, что есть в творчестве поэта, а также обозначающий завершение формирования поэтической личности¹⁶. Другими словами, итоговая книга стихов — не фактически последняя, но концентрированно выражающая поэтическую индивидуальность в ситуации некоей рубежности, пороговости — причем нередко для целого поколения. Штрпка родился во время Второй мировой войны, молодость его пришлась на советскую эпоху, зрелость совпала с крахом советской системы и развитием в начале XXI в. постиндустриального, глобализованного, «информационного» общества, оно

12 *Мирошникова О. В.* Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектура и жанровая динамика. Омск, 2004. С. 116–120.

13 *Верина У. Ю.* Обновление жанровой системы русской поэзии рубежа XX–XXI вв. Минск, 2017. 307 с.

14 Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII–XX вв.: Антология-монография / автор-сост. Ю. В. Казарин. Екатеринбург, 2004. С. 542.

15 Там же. С. 47.

16 Там же. С. 39.

же — потребительское «общество спектакля» (Ги Дебор), с его новыми «перформансами насилия» (М. Липовецкий, Б. Боймерс). Кажется, что Иван Штрпка сохранил амплуа «одинокого бегуна» и в новых условиях, так неповторимо индивидуален его поэтический мир.

Перейдем к анализу избранного стихотворения.

Nastal čas jasu a vetra, čas tápania a útrap bielej na bielej.
Niet začiatku. Niet konca. A vietor márne naháňa svoj plášť.
Je iba prázdny pohyb. Prázdny pohyb. Tieň tečie naopak. (36)

Наступило время яркости и ветра, время блужданий и страданий белого на белом.

Нет начала. Нет конца. А ветер бесполезно гоняет свой плащ.

Есть только пустое движение. Пустое движение. Тень течет на оборот.

(Здесь и далее подстрочный перевод А. Громиновой)

Начало стихотворения сразу задает философский ракурс. Словацкая поговорка «kam vietor, tam plášť» («куда ветер, туда плащ») означает: «бесхарактерный, непостоянный человек». В стихотворении речь идет о *бесполезном* движении, «*блуждании*», дважды повторяется указание на «*пустое движение*», т. е. безрезультатное, бессмысленное, движение без продвижения. Яркий и пустой мир без начала и конца, в котором возможно только возвратное «течение», заставляет страдать. Выражение «*белое на белом*» отсылает к известному образцу супрематизма Казимира Малевича — картине «Белое на белом» («Белый квадрат», 1918), написанной после знаменитого черного квадрата и красного квадрата. По мысли художника, белый квадрат выражает белый мир, это знак чистоты творчества. Напомним, что квадрат на картине Малевича «Белое на белом» немного сдвинут к краю и чуть повернут, что создает иллюзию движения. В трактате «Супрематизм: Мир как беспредметность или Вечный покой» (1922) Малевич отрицает все «предметное» (государство, наука, быт, миметическое искусство) и провозглашает «беспредметность» как залог свободы и равенства: «Только тогда отменится “ужас сильного и слабого, повелевающего и подчиняющегося”». Человеческая деятельность катастрофична, а в природе царит равновесие силы и слабости, великого и малого. Надо перестать строить вавилонские башни, нужно прорваться к Беспредметной Вселенной, которая горит в экстазе творчества, движется в вихре беспредметного возбуждения.

Владимир Стерлигов, ученик Малевича, близкий к обэриутам-абсурдистам, писал: «Белый квадрат на белом квадрате. Где-то, когда-то, в каком-то уголке Вселенной один маленький человечек правильно подумал о кусочке Всеобщей истины и воплотил ее. Он написал белое на белом. Белый квадрат на белом квадрате. Это ли не пример чистейшего прикосновения к Истине и не пример ли это прекрасной фантазии, освобожденной от всяких излишеств, когда это так, то имя сотворившего исчезает и сотворенное становится безмянным»¹⁷. Как и Д. Хармс и А. Введенский, В. Стерлигов преклонялся перед мистикой абсурда, перед великим Ничто.

Белый, как известно, вбирает все цвета спектра, может трактоваться как изначальная полнота — или пустота, содержащая в потенции все актуальное. Другой известный пример авангардизма — «Поэма конца» (1913) Василиска Гнедова — представляет собой белый типографский лист, в верхней части которого помещено название. В. Кандинский в трактате «О духовном в искусстве» говорит о белом до-начальном: «Белый цвет действует на нашу психику, как великое безмолвие, которое для нас абсолютно. Внутренне оно звучит как не-звучание, что довольно точно соответствует некоторым паузам в музыке... Это безмолвие не мертво, оно полно возможностей. Белый цвет звучит как молчание, которое может быть внезапно понято. Белое — это Ничто, которое юно, или еще точнее — это Ничто доначальное, до рождения сущее. Так, может быть, звучала земля во времена ледникового периода»¹⁸. Таким образом, отрицая начала и концы в вихре пустого движения, Штрпка вписывает свою образность в русло авангардизма.

Далее образ *не-места* трактуется как процесс говорения, как речь, которая ничего не знает из того, что было до нее и что будет после нее:

Reč nie je miesto — v nej získavame dych sebaútvarania a nastolenia,
ale ona sama nevie nič o sebe samej ani o mlčaní priepasti
o výdych za sebou, o nádych pred nami. (36)

Речь не является местом — в ней мы приобретаем дыхание формирования самого себя и становления,

но она сама ничего не знает о самой себе, ни даже о молчании бездны
о выдохе после себя, о вдохе перед нами.

¹⁷ Букша К. Малевич. М., 2013 (ЖЗЛ: Малая серия. Вып. 54). С. 28.

¹⁸ Кандинский В. В. О духовном в искусстве. URL: <https://www.livemaster.ru/topic/1267173-vasilij-kandinskij-o-tsvete> (дата обращения: 16.10.2019).

Так возникает проблема субъекта — того, кто проявляется, формируется через речь и оживляет своим дыханием безначальную Вселенную, пытается внести смысл в вечную пустоту. Дыхание — не только способ артикуляции, это и душа, дух. Субъект в стихотворении Штрпки принципиально одинок — это «голое» сознание, пытающееся осознать себя. Это отнюдь не личность, это некая пульсирующая точка, от которой исходит попытка речи. Такого субъекта еще не было в мировой поэзии. Если обратится к русской традиции выстраивать типологию форм субъектности в лирике (Б. О. Корман, С. Н. Бройтман), то аналогов мы не найдем: это и не «собственно автор», и не «лирический герой», и не ролевой или масочный герой, и не неосинкретический субъект. Но это и не кризисный, фиктивный, диссоциированный субъект, характерный для современной поэзии, переживающий невозможность однозначной самоидентификации; так, авторы сборника «Субъект в новейшей русской поэзии» обнаруживают и изучают многоипостасную модель поэтического субъекта (Х. Шталь), «отчужденного» субъекта (О. Соколова), «мерцающего» субъекта (К. Корчагин), «номадического» субъекта (Н. Фатеева) и др.¹⁹

Если для всякого лирического «я» действует «принцип неопределенности»²⁰, благодаря которому читатель может заполнить это явленное в стихотворении «я» содержанием своей души, то для субъекта философской лирики эта предельная обобщенность субъекта наиболее характерна²¹.

Лирический субъект в стихотворении Штрпки погружен в состояние медитации, потому так много риторических вопросов. Штрпка передает не монолог-размышление, а феноменологию сознания некоего субъекта, пытающегося обрести себя из себя самого, а через себя — и мир, «другого» (Бога, друга, любимую...). В начале текста его сознание «беспредметно», автор передает ощущение усилия, напряжения

¹⁹ Субъект в новейшей русской поэзии: теория и практика. Series: Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien / ed. H. Stahl and E. Evgrashkina. Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Warszawa; Wien, 2018. 448 p.

²⁰ Эткинд Е. Г. Разговор о стихах // Эткинд Е. Проза о стихах. СПб, 2001. С. 44–48.

²¹ См., например, об этом: *Спивак Р. С.* Русская философская лирика. 1910-е годы: И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский: Уч. пособие. М., 2003. С. 17.

сознания, стремящегося наделить смыслом «пустой» мир и «пустое» «я». Если использовать терминологию К. Brentano, Э. Гуссерля, то можно сказать, что в стихотворении воссоздается интенциональность сознания.

Некое «я» находится в инициальной точке «здесь и сейчас» (на что указывают формы глаголов, обилие назывных предложений), т. е. в настоящем времени (или вне времени), это уже не прошлая жизнь «я», но и не будущее его состояние. Лирический субъект Штрпки может быть назван экзистенциальным субъектом.

Согласно Ж.-П. Сартру, в сознании нет ни психологического субъекта, который уже есть объект для сознания, ни трансцендентального субъекта, который только производится нашим психологическим субъектом²². По мнению Сартра, «le Je transcendental, c'est la mort de la conscience»²³ («Трансцендентальное Я есть смерть сознания». — перевод А. Г., Н. Б.). Стержневой идеей Сартра является констатация антагонизма между сознанием и бытием, субъектом и объектом, свободой и необходимостью, причастностью и отчуждением, а также стремление найти их синтез и примирение.

Представляется, что разобраться в сложности природы лирического субъекта в избранном стихотворении Штрпки поможет введенное Сартром различие «бытия-в-себе» (неосознанного), «бытия-для-себя» (экзистенция, переживаемая здесь и сейчас, осознаваемая как чистое Ничто) и «бытия-для-других» (Я как объект для другого). Экзистенция не может быть выражена в слове-понятии, но язык образов способен ее передать — как то «дыхание», которое организует весь текст в «Ясных местах». Отметим, что инициирует процесс медитации (и движение лейтмотивов, т. е. лирический сюжет) именно субъект, поэтому автор, давая название книге, изменил поговорку: не *ветер развеивает плащ*, а наоборот — *куда плащ, туда и ветер*. Субъективное начало организует весь поэтический мир.

Toto je holé miesto. Výdych. / Nádych. Nič ticho našľapuje za nami.
 “Roztvor oči!” Videnie videnia je videním. Čas redne, tieň sa stráca.
 Zabití prázdnom lásky bez stretnutia žijú ďalej. Zväčšené nespavosťou
 spomalenej vnímavosti počujem všetky vlastné kroky vo mne aj vlastné hlasy,
 ako miznú tesne vedľa mňa. (36)

22 Колядко В. И. Предисловие // Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М., 2000. С. 3.

23 Sartre J.-P. The Transcendence de l'ego. Paris, 1966. P. 25.

Každú chvíľu
 ma ktosi predchádza a chvíľu pokračuje ďalej predo mnou —
 a pri tom vlastne ja sám v tejto chvíli náhle ako Nikto,
 len neprítomne kráčam za sebou. (37)

Myšlienka konca myslí samu seba.
 Myslí na seba a hľadá na teba,
 aj keď nemyslí. (36)

Это голое место. Выдох. / Вдох. Ничто тихо ступает за нами.
 «Открой глаза!» Видение видения является видением. Время
 редет, тень теряется. Убитые пустотой любви без встречи живут
 дальше. Увеличенные бессонницей замедленной внимательности, я
 слышу все собственные шаги во мне и собственные голоса, как они
 исчезают прямо рядом со мной.

Поминутно
 кто-то меня обгоняет и на мгновение продолжает идти дальше
 передо мной —
 но при этом оказывается, что и я сам в эту минуту внезапно,
 как Никто,
 только бессмысленно шагаю за собой.

Идея конца подразумевает саму себя.
 Думает о себе и смотрит на тебя,
 и даже если не думает.

И вскоре еще раз прозвучат слова «Вдох. / Выдох», соответствующие началу и концу речевого периода. Затем появляется упоминание чужих высказываний («говорит кому-то кто-то»), «слова зыбкие», «крик плавает в устах», снова дважды (дистанцированно) повторится «Вдох. / Выдох», затем — «белый голос», «ясный голос», «грохот божьих телег». Наконец, завершает текст образ огромного, как океан, всеобъемлющего «неохваченного выдоха и вдоха».

Параллельно с выравниванием «дыхания» субъекта и формированием субъектности в процессе речи начинают проявляться некие детали мира внешнего: голые паруса одежды и простыней, сохнувших на веревке, извилистые улицы города, камни на побережье, площади и тупики, трамваи и кафе. Это «мир пустой. Дыхание без божества». Однако все пустые, беззвучные не-места начинают наполняться звуками и криками — по мере того как всё чаще даются «чужие» реплики,

содержащие риторические вопросы, восклицания и приказы, хотя, скорее всего, это самовопрошание, поскольку «Я снаружи и внутри», «Я приближаюсь к себе». Детали мира внешнего — некие проекции внутреннего состояния, феномены сознания. Несколько раз герой оказывается перед *белой стеной*, залитой солнцем, однажды на ней даже замерла ящерица, но в этой стене скрываются «промоины» и ступени, ведущие вниз, часто это просто тупик, и только «белый голос» проходит сквозь стены. Другой повторяющийся, как кошмар, образ — *поезд с пустыми вагонами*, пронсящий мимо, в направлении Океана и обратно (символ пустого движения). Пунктиром по тексту проходят образы *тени и зеркала, отражения* (как символы внутренней раздвоенности, несовпадения внешнего и внутреннего: «Môžete mi nazrieť do hlavy, ale nikdy // ma tam nenájdete» (42) — «Вы можете заглянуть в мою голову, но вы никогда меня там не найдете»).

Наиболее отчетливо призрачность внешних образов-видений представлена в описании телерепортажа с автогонки «Гран-при Ф-1». В этом репортаже, увиденном «в плазме экрана» в кафе, вдруг появляются личные имена, нарекающие «я-для-других» (имена знаменитых гонщиков: Льюс Хэмилтон, Айртон Сенна, Себастьян Феттель, Ник Хайдфельд), яркий цвет (синяя машина гонщика). Гонщики воплощают силу, волю к победе, соблазн больших денег, игру со смертью — это концентрированная «предметность» в поэтическом мире беспредметности. Но это лишь тени на экране, возможно, просто старая запись, ведь Айртон Сенна «давно убится» (в 1994 г.), зато «по истечении моря времени и реклам в сети телеканалов» из комы выходит «великий Шуми» (Шумахер вышел из комы в 2014 г.). Лирический субъект задается вопросом: «Куда идет их звезда? Где она кончается? Где начинается?». Рефреном повторяются слова «*пустое движение*». В этой гонке рядом живые и мертвые, «оригиналы» и миллионы их кинокопий, вся суэта житейского мира, его быстротечность, иллюзорность, брэнность.

Эпизод автогонки (где каждый из персонажей — призрачный *он*, кинокопия) оттеняет погруженность лирического субъекта в себя и в поиск истины мира, внося ноту драматизма, борьбы, грохота, криков.

Как писал М. М. Бахтин, в форме исповеди герой не может завершить себя до целостности изнутри своей субъективности, для обретения полноты существования нужен «другой» (мир, человек, Бог). «Чистый одинокий самоотчет невозможен, — пишет Бахтин, — чем ближе к этому пределу, тем яснее становится другой предел, действие другого предела, чем глубже одиночество (ценностное) с

самим собою и, следовательно, покаяние и прехождение себя, тем яснее и существеннее отнесенность к богу. В абсолютной ценностной пустоте невозможно никакое высказывание, невозможно само сознание»²⁴.

С. Н. Булгаков еще в «Свете невечернем» (1917) писал: «То болезненное, люциферическое *я*, которое сознает себя в противопоставлении к всякому другому *я* как к *не-я*, должно приобрести с ним совместимость и тем получить положительное, а не отрицательное только определение. Если формула первого: *я есть не не-я, и я больше всякого не-я*, то формула второго: *я есмь ты, он, мы, вы, они*»²⁵. Позднее, в «Трагедии философии» (1920–1921), Булгаков будет доказывать нераздельность и неслиянность *я* и *не-я*: «Эта область сказуемости (то есть существования и речи. — А. Г., Н. Б. должна быть понята и истолкована как *не-я* в *я*, т. е. нечто такое, что, будучи *я*, все-таки оставалось бы еще не освещенным светом *я*, т. е. неосознанным, как бы сумерками *я*, или без- (до-, под-)сознательным *я*»²⁶. Без *ты* всякое *я* теряется в раздирающих его антиномиях. Согласно С. Н. Булгакову, любовь есть особый способ познания субъектом субъекта: «...это выход за себя не в свою собственную природу, но *за себя в себя же*, т. е. *в ты*»²⁷.

Организует текст, помимо лейтмотивов *вдоха / выдоха, поезда, тени, белой стены*, система реплик, данных курсивом, в кавычках. Эти реплики не приписаны конкретному субъекту: возможно, это сам размышляющий, возможно, это скрытые цитаты из других текстов (так, фраза о том, что меня нет в моей голове, отчасти напоминает известное восклицание Григория Сковороды: «Мир ловил меня, но не поймал»), возможно, это некий обобщенный «Другой», мир или Бог. Но совершенно отчетливо выражено желание обрести этого «Другого»:

Dotýka sa ma tvoja neprítomnosť.
Moja neprítomnosť sa ťa dotýka.
Prítomnosť prázdna sa odohráva v medzere

²⁴ Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 126.

²⁵ Булгаков С. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. URL: https://www.litmir.me/br/?b=314997&p=1#section_2 (дата обращения: 10.11.2019).

²⁶ Булгаков С. Н. Сочинения в 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 348.

²⁷ Там же. С. 410.

svetla medzi dvomi telami —
vo svetle tejto skutočnosti sa môžeme
jeden v druhom celkom ľahko rozplynúť. (46)

Меня затрагивает твое отсутствие.
Мое отсутствие тебя затрагивает.
Присутствие пустоты происходит в щели
света между двумя телами —
в свете этой действительности мы можем
один в другом легко разлиться.

Среди вставных реплик настойчиво повторяются: «Где след?», «Открой глаза!», «Отзовись!», «Где ты?» и особенно — «Покажи голую ладонь». Что значит эта просьба-приказ показать голую ладонь? Продемонстрировать безоружность, дружескую открытость? Или это обращение к Богу-сыну (ср. у Блока: «И жалко смотрит из одежды / Ладонь, пробитая гвоздем...»)?

Поиск самоидентичности, поиск смысла в богооставленном мире, что-то таящем, скрывающем за ярким светом, завершается, кажется, нотой надежды. Последние 11 строк стихотворения обращены к «мы», ко всем людям:

Držme sa neistoty. Oprime sa o nespojitelné. (49)

Давайте держаться неуверенности. Давайте опираться на несоединимое.

И заключительная часть фиксирует обращение лирического субъекта к «ясному устью пустых мест представлений, агломераций блужданий и улиц» —

na samý pokraj počiatku a konca, od konca do počiatku
a od spojenia do spenenia, až tam, kde v jednom
neobsiahnuteľnom výdychu a vdychu sa všetky rozochvené
prudko pulzujúce pláne svetla menia v Oceán. (49)

на самый край начала и конца, с конца до начала
и с соединения до вспенивания, и даже туда, где в одном
необъятном выдохе и вдохе все трепещущие,
резко пульсирующие пустоши света превращаются в Океан.

Финал стихотворения, где сливаются ритмы ветра, света, волн, дыхания, рисует трепет единого Универсума, с неразрывностью рождений и смертей, где нет ничего отчужденного и автономного. Мучительное состояние обособленности преодолевается в «океаническом чувстве» родственного единения с безграничным и вечным. Такое трансперсональное состояние знакомо было Ф. И. Тютчеву: «Всё во мне, и я во всём! [...] Дай вкусить уничтоженья, / С миром дремлющим смешай!» («Тени сизые смешались...», 1835). И русский космизм (К. Циолковский, В. Вернадский, А. Чижевский, С. Трубецкой) опирался на философию Всеединства, развивавшуюся В. С. Соловьевым, актуализировавшим платоновское понятие Мировой души, и отразился в творчестве многих русских писателей и художников XX в., вплоть до образа Соляриса в фильме А. Тарковского по мотивам романа С. Лема.

Само понятие «океаническое чувство» приписывают Р. Роллану, обсуждавшему данный вопрос с З. Фрейдом в переписке конца 1920-х гг.²⁸ «Океаническое чувство» можно трактовать как экзистенциальный опыт постижения сакральных основ бытия. П. Тиллих писал об «океаническом чувстве»: «Оно дает нам опыт Священного, того, к чему нельзя прикоснуться, что внушает благоговейный ужас, предельный смысл, источник предельного мужества»²⁹.

Так стихотворение, начинавшееся с «белого на белом», замыкается в круг, соединяя «начала и концы»: Океан столь же безграничен, как и свет «ясных мест». Павел Флоренский писал, что свет неделим: «нельзя уединить часть светового пространства, нельзя отрезать часть света». Истолковывая метафизическое значение цвета, Флоренский подчеркивает, что выражение «белый свет» есть только обозначение света как такового, чисто аналитическое подчеркивание его целостности: «Он — свет ли, Бог ли, — полнота, в нем нет никакой односторонности»³⁰.

Сама организация стихотворного текста Штрпки производит впечатление полноты. Текст большого объема (272 строки), он длится, простирается на несколько страниц. Разбитый на строфы

28 Максименко Л. А. Номо cosmicus: феномен «океанического чувства» // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 20.

29 Тиллих П. Теология культуры // Избранное. Теология культуры. М., 1995. С. 241.

30 Флоренский П. А. Небесные знамения / Флоренский П. А. Иконоста́с: Избр. труды по искусству. СПб., 1993. С. 310, 313.

разного объема, рисующие в каждой части свое «видение» или свой виток размышлений, текст заставляет читателя искать нелинейные связи между отдельными частями, как бы упущенные в белых межстрочных пробелах «скрепы» — аналогии, контрасты, градации. Существование таких связей диктуется вновь и вновь повторяющимися лейтмотивами, становящимися опорными точками для возникновения эмоционально-интеллектуального подтекста. Характерные для «длинного» верлибра³¹ приемы каталога или фабульности здесь отсутствуют. У. Ю. Верина пишет: «“Индуктивный” верлибр в силу того, что строится на сочинительном сопоставлении, уравнивает между собой объекты и образы, приближается к библейскому стиху, который в длинных перечнях создает образ бытия. В стихе такого типа сюжет возникает из ряда сопоставленных деталей, а не разворачивается во времени через ряд соподчиненных причин, следствий, условий и т. д. Это придает стиху надвременное, обобщенное звучание»³². Такое время «протекания» текста контрастирует с краткими временными промежутками, периодически мерцающими в тексте: «на минуту», «поминутно», «каждые 10 секунд», слова, поезда и фильмы «идут слишком быстро». Так волна проходит свой путь в короткий промежуток времени, умирает и возрождается вновь.

Подводя итоги, мы можем сказать, что новая книга стихов Ивана Штрпки представляет собой философскую лирику экзистенциальной направленности. Один из наиболее ярких словацких поэтов, он не только продолжает традиции «словацкой модерны», но и определяет глубоко интеллектуальное звучание современной словацкой поэзии в общеевропейском контексте. Его поэтический космос, вместе с тем, не имеет конкретной национальной «привязки», поскольку те «последние вопросы», о которых идет речь в книге, вняты каждому человеку: одиночество и страх, поработанность суетным временем, поиск самого себя и смысла жизни, стремление прикоснуться к глубинной основе существования. И в этом аспекте книгу «Куда плащ, туда и ветер» можно назвать итоговой книгой стихов для поколения, пережившего и советский период «нормализации», и его крушение, и «ветер» новой эпохи. Яркая особенность

31 Верина У. Ю. Обновление жанровой системы русской поэзии рубежа XX–XXI вв. Минск, 2017. С. 99, 102.

32 Верина У. Ю. Обновление жанровой системы русской поэзии конца XX — начала XXI в. Дисс. ... д. филол. н. М., 2019. С. 172.

философских размышлений Штрпки — их «беспредметность», заставляющая задуматься о феномене свободы (или несвободы) индивидуального сознания от реалий экономического, социального, культурного порядка (или беспорядка). Это очень личная поэзия, порождающая эффект сопричастности при отсутствии прямого автобиографизма.

Источники и литература

Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.

Барковская Н. В., Верина У. Ю., Гутрина Л. Д., Жибуль В. Ю. Книга стихов как феномен культуры России и Беларуси. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. 673 с.

Букия К. Малевич. М.: Молодая гвардия, 2013 (ЖЗЛ: Малая серия, вып. 54). 336 с.

Булгаков С. Свет не вечерний. Созерцания и умозрения. М.: Путь, 1917. 426 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/6/svet-nevechernij-sozertsanija-i-umozrenija/4_10 (дата обращения: 10.11.2019).

Булгаков С. Н. Сочинения в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1. 603 с.

Верина У. Ю. Обновление жанровой системы русской поэзии рубежа XX–XXI вв. Минск: БГУ, 2017. 307 с.

Верина У. Ю. Обновление жанровой системы русской поэзии конца XX — начала XXI в. Дисс. ... д. филол. н. М., 2019. 450 с.

Громинова А., Барковская Н. Лирическая поэма Ивана Штрпки «Интермедии. Marionетки, укороченные на голову»: семантика заглавия и метафорика сюжета // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2017. V. 62. I. 2. P. 475–486.

Максименко Л. А. Homo cosmicus: феномен «океанического чувства» // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 19–25.

Мирошникова О. В. Итоговая книга в поэзии последней трети XIX века: архитектоника и жанровая динамика. Омск: Омск. гос. ун-т, 2004. 339 с.

Казарин Ю. Каменские элегии. Екатеринбург: Уральский меридиан, 2009–2011.

Кандинский В. В. О духовном в искусстве. URL: <https://www.livemaster.ru/topic/1267173-vasilij-kandinskij-o-tsvete> (дата обращения: 16.10.2019).

Колядко В. И. Предисловие / Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М.: Республика, 2000. 639 с.

Орлицкий Ю. Б. Гетероморфный (неупорядоченный) стих в русской поэзии // Новое литературное обозрение. 2005. № 73. С. 187–202.

Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII–XX вв.: Антология-монография / автор-сост. Ю. В. Казарин. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 548 с.

Спивак Р. С. Русская философская лирика. 1910-е годы: И. Бунин, А. Блок, В. Маяковский: Уч. пособие. М.: Флинта; Наука, 2003. 408 с.

Субъект в новейшей русской поэзии: теория и практика. Series: Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien / ed. H. Stahl and E. Evgrashkina. Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Warszawa; Wien: Peter Lang, 2018. 448 с.

Тиллих П. Теология культуры // Тиллих П. Избранное. Теология культуры. М.: Юрист, 1995. 479 с.

Петрик В. Современная словацкая литература в потоке времени // Мecenat и мир. 2008. № 37–40. URL: <http://www.mecenat-and-world.ru/37-40/petrik.htm> (дата обращения: 15.11.2019).

Флоренский П. А. Небесные знамения // Флоренский П. А. Иконостас: Избр. труды по искусству. СПб.: Мифрил, Русская книга, 1993. 366 с.

Эткинд Е. Г. Разговор о стихах // Эткинд Е. Проза о стихах. СПб.: Знание, 2001. 448 с.

Redéy Z. Krátka správa o dlhej trase osamelého bežca: Poézia Ivana Štrpku. Levoča: Modrý Peter, 2019. 264 s.

Sartre J.-P. The Transcendence de l'ego. Paris: Librairie de philosophie J. Vrin, 1966. 135 p.

Štrpka I. Medzihry. Bábky kratšie o hlavu. Praha: Torst, 1997. 65 s.

Štrpka I. Básne I. Levoča; Levice: Modrý Peter — KK Bagala, 2008. 265 s.

Štrpka I. Básne II. Levoča; Levice: Modrý Peter — KK Bagala, 2013. 334 s.

Štrpka I. Básne III. Levoča; Levice: Modrý Peter — KK Bagala, 2014. 333 s.

Štrpka I. Kam plášť, tam vietor. Bratislava: Artforum, 2018. 125 s.

References

Bakhtin, M. M. "Avtor i geroi v esteticheskoi deiatel'nosti." *M. M. Bakhtin. Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow: Iskusstvo, 1979, 424 p.

Barkovskaia, N. V.; Verina, U. Iu.; Gutrina, L. D.; Zhibul', V. Iu. *Kniga stikhov kak fenomen kul'tury Rossii i Belarusi*. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2016, 673 p.

Buksha, K. *Malevich*. Moscow: Molodaia gvardiia, 2013, 336 p. (ZhZL: Malaia seriia, vyp. 54).

Bulgakov, S. *Svet nevechernii. Sozertsaniia i umozreniia*. URL: https://www.litmir.me/br/?b=314997&p=1#section_2 (accessed: 10.11.2019).

Bulgakov, S. N. *Sochineniia v 2 t.* Vol. 1. Moscow: Nauka, 1993. 603 p.

Etkind, E. G. "Razgovor o stikhakh". *Etkind, E. Proza o stikhakh*. Saint Petersburg: Znanie, 2001, 448 p.

Florenskii, P. A. *Nebesnye znameniiia / Florenskii P. A. Ikonostas*: Izbr. trudy po iskusstvu. Saint Petersburg: Mifril, Russkaia kniga, 1993, 366 p.

Grominova, A., Barkovskaia, N. "Liricheskaia poema Ivana Shtprki «Intermedii. Marionetki, ukorochennye na golovu»: semantika zaglaviia i metaforika siuzheta." *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 2017, vol. 62, I, 2, p. 475–486.

Kandinskii, V. V. *O dukhovnom v iskusstve*. URL: <https://www.livemaster.ru/topic/1267173-vasilij-kandinskij-o-tsvete> (accessed: 16.10.2019).

Kazarin, Iu. *Kamenskie elegii*. Ekaterinburg: Ural'skii meridian, 2009–2011.

Koliadko, V. I. "Predislovie." *Sartr, J.-P. Bytie i nichto*. Moscow: Respublika, 2000, 639 p.

Maksimenko, L. A. "Homo cosmicus: fenomen «okeanicheskogo chuvstva»." *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*. 2010, № 4, p. 19–25.

Miroshnikova, O. V. *Itogovaia kniga v poezii poslednei treti XIX veka: arkhitektonika i zhanrovaia dinamika*. Omsk: Omsk. gos. un-t, 2004, 339 p.

Orlitskii, Iu. B. "Geteromorfnyi (neuporiadochennyi) stikh v russkoi poezii." *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2005, № 73, p. 187–202.

Petrik, V. "Sovremennaia slovatskaia literatura v potoke vremeni." *Metsenat i mir*. 2008. № 37–40. URL: <http://www.mecenat-and-world.ru/37-40/petrik.htm> (accessed: 15.11.2019).

Poslednee stikhotvorenie 100 russkikh poetov XVIII–XX vv.: Antologiiia-mono-grafiia. Ed. Iu. V. Kazarin Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2004, 548 p.

Redéy, Z. *Krátká správa o dlhej trase osamelého bežca: Poézia Ivana Štrpku*. Levoča: Modrý Peter, 2019, 264 p.

Sartre, J.-P. *The Transcendence de l'ego*. Paris: Librarie de phylosophie J. Vrin. 1966, 135 p.

Spivak, R. S. *Russkaia filosofskaia lirika. 1910-e gody: I. Bunin, A. Blok, V. Maikovskii: Uch. posobie*. Moscow: Flinta; Nauka, 2003, 408 p.

Sub'ekt v noveishei russkoi poezii: teoriia i praktika. Series: Neuere Lyrik. Interkulturelle und interdisziplinäre Studien. Ed. H. Stahl and E. Evgrashkina. Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Warszawa; Wien: Peter Lang, 2018, 448 p.

Štrpka, I. *Medzihry. Bábky kratšie o hlavu*. Praha: Torst. 1997, 65 s.

Štrpka, I. *Básne I*. Levoča; Levice: Modrý Peter — KK Bagala. 2008, 265 s.

Štrpka, I. *Básne II*. Levoča; Levice: Modrý Peter — KK Bagala. 2013, 334 s.

Štrpka, I. *Básne III*. Levoča; Levice: Modrý Peter — KK Bagala. 2014, 333 s.

Štrpka, I. *Kam plášť, tam vietor*. Bratislava: Artforum, 2018, 125 s.

Tillikh, P. “Teologija kul’tury.” *Tillikh, P. Izbrannoe. Teologija kul’tury*. Moscow: Iurist, 1995, 479 p.

Verina, U. Iu. *Obnovlenie zhanrovoi sistemy russkoi poezii rubezha XIX–XX vv*. Minsk: BGU, 2017, 307 p.

Verina, U. Iu. *Obnovlenie zhanrovoi sistemy russkoi poezii kontsa XX — nachala XXI v*. Diss. ... d. filol. n. Moscow, 2019, 450 p.

Andrea Grominova

University of Ss. Cyril and Methodius (Trnava, Slovakia)

Nina V. Barkovskaya

Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia)

The experience of phenomenological ontology in the book of Ivan Štrpka
“Where the cloak, there is the wind” (2018)

Based on the material of the poetry book of one of the major modern Slovak poets — Ivan Štrpka, the article examines the features of poetics and author’s world-attitude. A hypothesis is expressed about the final character of the book “*Where the cloak, there is the wind*”, relying on the genre model of the final book of poems proposed by O. V. Miroshnikova. The complexity of the poetic language is due to the author’s desire to show “what cannot be seen”, to express the feeling of “empty forms”. The key words in the book are emptiness and light. The initial text in the book, which is a “long *vers libre*”, is analyzed in detail. The semantic dominant is defined by the allusion to the suprematism of Kazimir Malevich, whose painting “White on White” proclaims pointlessness as a condition of freedom of consciousness. Further, an empty world, “not a place”, is revealed through an attempt to articulate, produce speech and meaning. The subject of speech in the poem is fundamentally lonely — it is a “naked” consciousness, trying to realize itself. This is not a person, but a kind of pulsating point from which an attempt at speech comes. Thus, the extremely generalized form of the poetic subject is investigated, the “landscape” of the pointless space is drawn, in which the very possibility of poetry arises. Štrpka conveys the phenomenology of consciousness of the subject, trying to find himself from himself, and through himself — and the world, the “other”, conveys the effort of consciousness to give meaning to the “empty” world. The phenomenology of consciousness represented by Štrpka is comparable with the

categorical apparatus substantiated in Jean-Paul Sartre philosophy. The search for self-identity in a God-given world ends with the image of a comprehensive ocean, with the rhythm of movement of which the speaker's breathing and speech effort merge. It is concluded that Štrpka retained the role of a "lone runner" in completely new sociocultural circumstances of the first decades of the 21st century.

Keywords: *modern Slovak poetry, philosophical poetry, the final book of poems, avant-garde, suprematism.*

УДК 929(Головацкий)
ББК 63.3(0)53

Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Белорусское имение Я. Ф. Головацкого

В статье рассматривается история владения известным славяноведом Я. Ф. Головацким и его семейством небольшим имением Вотня, располагавшимся на правом берегу Днепра в Быховском уезде Могилевской губернии. Здесь он, недавний профессор Львовского университета и подданный Австрийской империи, провел в окружении местного белорусского, преимущественно православного, населения в общей сложности не менее двух лет, регулярно приезжая сюда год за годом в летние месяцы. В развитие и благоустройство своего белорусского имения Я. Ф. Головацкий вкладывал «все свои сбережения», создал тут прочное хозяйство с прекрасным парком. Вотня постепенно стала для Я. Ф. Головацкого и живой исследовательской лабораторией при изучении как прошлого, так и настоящего белорусов, что отразилось, например, в оценке ученым известного «Словаря белорусского наречия» И. И. Носовича. Многие годы после кончины владельца Вотни в 1888 г. имение было местом жительства его вдовы и дочерей, принося доход, использованный также для учреждения специального стипендиального фонда «имени Якова Головацкого» при Научном обществе имени Т. Г. Шевченко во Львове.

Ключевые слова: *Я. Ф. Головацкий, славяноведение, белорусы, имение Вотня, Могилевская губерния, И. И. Носович.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.5.01

Выдающийся славист, заложивший основы научных исследований в целом ряде направлений различных гуманитарных наук, Я. Ф. Головацкий (1814–1888) был на протяжении многих лет тесно связан с белорусской землей. Здесь в Быховском уезде Могилевской губернии он приобрел в начале 1870-х гг. имение Вотня, в котором, по нашим подсчетам, провел во время своих летних отпусков в общей сложности не менее двух лет. Деятельность Я. Ф. Головацкого, в подавляющей степени принадлежа Галиции, касалась также Белоруссии, Литвы, Польши и всей западной части тогдашней Российской

ской империи¹. Выходец из семьи сельского священника на востоке Львовщины, Я. Ф. Головацкий, по его собственным словам, рос в окружении «одних крестьян», которых он называл «все чистая однолитая хлеборобы — Русь»². В жизни, общественной деятельности и научном творчестве Я. Ф. Головацкого очень много неизвестного, да и в целом всему этому по-прежнему даются весьма противоположные оценки, а было бы правильнее вслед за Иваном Франко говорить о нем так: «визначний галицько-руський учений»³. Главным источником в изучении письменного наследия Я. Ф. Головацкого остается, помимо напечатанных многочисленных сочинений, его раздробленный личный архив, рассредоточенный в основном в Киеве⁴ и во Львове⁵, содержащий значительное количество неопубликованных работ ученого, обширнейшую переписку, многочисленные деловые документы, в том числе так или иначе касающиеся могилевского имения Вотня.

Это имение Я. Ф. Головацкий приобретает всего лишь через пять лет после того, как в 1868 г. он вместе со всем своим многочисленным семейством принимает российское подданство, которое строго было согласовано с австрийскими властями, и поселяется в Вильно. Документы из личного архива Я. Ф. Головацкого достаточно детально отображают весь этот процесс вплоть до принятия ими присяги на верность Российской империи. 3 мая 1868 г. по ходатайству «бывшего профессора Львовского университета Головацкого о принятии его с женой Мариєю, сыновьями Ярославом и Всеволодом и дочерью Людмилою, Ольгою, Феклою и Софиєю-Святославою в подданство России» «Его Величество [...] Высочайше соизволил на удовлетворение этого ходатайства по предварительном сношении с Австрийским Правительством». Последнее немедленно было исполнено и, согласно ответу «Австрийско-

1 *Щавинская Л. Л.* Яков Головацкий как исследователь восточнославянских книжных культур // *Славянский мир в третьем тысячелетии: человек, общество, народ в истории, языке и культуре.* М., 2014. С. 35–46.

2 Институт литературы им. Т. Г. Шевченко Национальной академии наук Украины. Отдел рукописных фондов и текстологии (далее — ИЛ НАНУ. ОР). Ф. 104. Ед. хр. 128. Л. 1.

3 *Франко І.* Збір творів: у 50 т. Київ, 1986. Т. 47: *Історичні праці (1898–1913).* С. 260.

4 ИЛ НАНУ. ОР Ф. 104.

5 Львовская национальная научная библиотека им. В. Стефаника. Отдел рукописей. Ф. 36.

го Министерства иностранных дел», «Австрийское Правительство не встречает препятствия на удовлетворение [...] ходатайства бывшего профессора Головацкого». Затем последовательно принимаются соответствующие распоряжения по «приведению [...] Головацкого и его семейства к присяге на подданство России», после которой ему следует чин «статского советника с предоставлением прав на получение соответствующей пенсии с зачетом выслуги на оную времени бытности его в должности ординарного профессора Львовского университета»⁶. В отличие от главы семейства, который пребывает в Вотне в основном около двух месяцев в году, его жена и некоторые дети сразу же начинают жить в имении по полгода и более. Весной 1874 г. Я. Ф. Головацкий удостоверяет в особом документе: «Дано сие супруге моей Марии Андреевне и дочери моей Людмиле Яковлевне Головацким на проезд и пребывание в Могилевской губернии, Быховского уезда в имении Вотни с настоящего числа в продолжении шести месяцев. В чем собственноручною подписью и приложением печати удостоверяю. Председа[тель] Вил[енской] археогр[афической] комиссии Действит[ельный] статский Советник Я. Головацкий. Вильна 12 мая 1874 г.»⁷

Сохранившиеся в архиве Я. Ф. Головацкого отпускные билеты свидетельствуют, что он отправлялся из Вильно, где постоянно проживал и работал, в Вотню во второй половине июня, а обратно возвращался в августе. Этот порядок его поездок в имение сохранялся вплоть до 1887 г. Весной 1888 г., за два месяца до своей кончины в Вильне, Я. Ф. Головацкий вновь собирался летом приехать в Вотню и планировал проводить там раскопки курганов. В своем письме от 8 марта 1888 г. к профессору Д. Я. Самоквасову он приглашал его приехать к нему «в имение Вотню возле Нового Быхова» для совместной археологической работы⁸. Тогда же, в самом начале 1888 г., Я. Ф. Головацкий подает прошение о переводе его в Киев на подобную занимаемой им должность⁹, что стало причиной многих жизненных обстоятельств, в том числе семейных утрат.

Имение Вотня приносило Я. Ф. Головацкому небольшой доход, но смысл его приобретения был в другом — он и вся семья Головац-

6 ИЛ НАНУ. ОР. Ф. 104. Ед. хр. 129.

7 Там же. Л. 57.

8 Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (далее — ГИМ. ОПИ). Ф. 104. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 36.

9 Российский государственный исторический архив. Ф. 970. Ед. хр. 711. Л. 1.

ких нуждалась в сельском просторе, в близости к земле и, видимо, в общении с простым деревенским людом, среди которого выросла и супруга М. А. Головацкая, урожденная Бурачинская, дочь священника из глухого гуцульского села Криворивни, знаменитого своим славным историческим прошлым и народными промыслами. Всего в имении Вотня было 1151 десятина земли, из них почти половину составляли леса, 157 десятин находилось под пашней и 52 десятины под сенокосом¹⁰. Славянские древности в окрестностях Вотни, их раскопки заинтересовали Я. Ф. Головацкого сразу же после его появления здесь. Не без его участия удалось привлечь к подобной исследовательской работе самого графа А. С. Уварова, который здесь «разрыл с десятка курганов»¹¹. Знакомство во время пребывания в Вотне с живым могилевским народным говором позволило Я. Ф. Головацкому со знанием дела оценить известный «Словарь белорусского наречия» И. И. Носовича: «Словарь Носовича... бесспорно займет почетное место в славянской лексикографии. Он богат собранием слов, речений, пословиц, поговорок белорусского народа... Носовича словарь — первый белорусский словарь, но он до того полон, что может равняться и с лучшими словарями славянских наречий...»¹².

Через четверть века после кончины Я. Ф. Головацкого его дети, сын Всеволод и дочь Ольга, составили по просьбе Ф. Ф. Аристова свои воспоминания об отце, в которых есть и сведения о пребывании ученого в Вотне. По их словам, «к “Вотне” он очень привязался и все свои сбережения вкладывал в нее. Не мог дождаться времени, когда он будет в “Вотне”. Там он почти не занимался литературным трудом. Читал только письма и газеты, а остальное время посвящал физическому труду. Устраивал новые дорожки, скамейки, сажал елочки, которые теперь уже стали большими прекрасными деревьями и составляют украшение парка. Всегда ходил с топориком, маленьким и острым, и по целым дням

10 Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях. В 3 кн. / сост. по прогн. [с предисл.] и под ред. А. С. Дембовецкого. Могилев-на-Днепре: тип. Губ. правл., 1884. Кн. 3. С. 48–49.

11 ГИМ. ОПИ. Л. 36; *Головацкий Я.* Археологические раскопки курганов, произведенные графом А. С. Уваровым в имении Вотня Могилевской губернии // Виленский вестник. 1880. № 228. С. 1–2.

12 Российская национальная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 777. Оп. 1. Ед. хр. 558. Л. 5–6.

бывал на воздухе, причем загорал, терял в весе, но чувствовал себя превосходно. После обеда немного спал, накрывшись газетою. Очень любил купаться и ежедневно купался, иногда даже несколько раз в день и не особенно обращая внимание на погоду. Был великолепным пловцом. Любил кататься по лесу и всегда говорил с любовью: “Моя Вотня”¹³.

После кончины супруга имение Вотня перешло в руки М. А. Головацкой, которая продолжала жить в нем с дочерьми еще в течение нескольких десятилетий. Накануне Первой мировой войны она вместе со своими детьми в память о муже и отце учредила при Научном обществе имени Т. Г. Шевченко во Львове специальный стипендиальный фонд «имени Якова Головацкого», часть капитала которого составлял доход от имения Вотня.

Источники и литература

Государственный исторический музей в Москве. Отдел письменных источников (ГИМ. ОПИ).

Институт литературы им. Т. Г. Шевченко Национальной академии наук Украины. Отдел рукописных фондов и текстологии.

Львовская национальная научная библиотека им. В. Стефаника. Отдел рукописей.

Российская национальная библиотека. Отдел рукописей.

Российский государственный исторический архив.

Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели: Исслед. по неизд. источникам: В 3 т. М.: Галиц.-рус. о-во в Петрограде, 1916. Т. 1. XVI+304 с.

Головацкий Я. Археологические раскопки курганов, произведенные графом А. С. Уваровым в имении Вотня Могилевской губернии // Виленский вестник. 1880. № 228.

Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях. В 3 кн. / сост. по прогр. [с предисл.] и под ред. А. С. Дембовецкого. Могилев-на-Днепре: тип. Губ. правл., 1884. Кн. 3. [6]+55+329 с.

Франко І. Збір творів: у 50 т. Київ: Наукова думка, 1986. Т. 47: Історичні праці (1898–1913). 766 с.

¹³ *Аристов Ф. Ф.* Карпато-русские писатели: Исслед. по неизд. источникам: В 3 т. М., 1916. С. 112.

Щавинская Л. Л. Яков Головацкий как исследователь восточнославянских книжных культур // Славянский мир в третьем тысячелетии: человек, общество, народ в истории, языке и культуре. М.: ИСл РАН, 2014. С. 35–46.

References

Gosudarstvennyi istoricheskii muzei. Otdel pis'mennykh istochnikov (Moscow). Institut literatury im. T. G. Shevchenko Natsional'noi akademii nauk Ukrainy. Otdel rukopisnykh fondov i tekstologii (Kyiv).

L'vovskaia natsional'naia nauchnaia biblioteka im. V. Stefaniaka. Otdel rukopisei (Lviv).

Rossiiskaia natsional'naia biblioteka. Otdel rukopisei (Moscow).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (Saint Petersburg).

Aristov, F. F. *Karpato-russkie pisateli: Issled. po neizd. istochnikam: V 3 t. Moscow: Galits.-rus. o-vo v Petrograde, 1916, vol. 1, XVI+304 p.*

Golovatskii, Ia. "Arkheologicheskie raskopki kurganov, proizvedennye grafom A. S. Uvarovym v imenii Votnia Mogilevskoi gubernii." *Vilenskii Vestnik*. 1880, № 228.

Opyt opisaniia Mogilevskoi gubernii v istoricheskom, fiziko-geograficheskom, etnograficheskom, promyshlennom, sel'skokhoziaistvennom, lesnom, uchebnom, meditsinskom i statisticheskom otnosheniakh. V 3 kn.: Sost. po progr. [s predisl.] i pod red. A. S. Dembovetskogo. *Mogilev na Dnepre: tip. Gub. pravl., 1884, book 3, [6]+55+329 p.*

Franko, I. *Zbir tvoriv: u 50 t. Kyi'v: Naukova dumka, 1986, vol. 47: Istorychni praci (1898–1913), 766 p.*

Shchavinskaia, L. L. "Iakov Golovatskii kak issledovatel' vostochnoslavianskikh knizhnykh kul'tur." *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii: chelovek, obshchestvo, narod v istorii, iazyke i kul'ture* / ed. E. S. Uzeneva. Moscow: ISl RAN, 2014, p. 35–46.

Yuriy A. Labyntsev, Larisa L. Shehavinskaya
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The Belarusian estate of Ya. F. Golovatsky

The article describes the history of Votnya, a small estate on the right bank of Dniepr river in Bykhovskiy uyezd of Mahilyow Governorate, at the time it belonged to the well-known slavist Ya. F. Golovatsky and his family. After Ya. F. Golovatsky ceased to be a professor of Lviv University, he, a subject of the Austrian Empire, spent here at least two years in total surrounded by the local Belarusians, predominantly Orthodox. Ya. F. Golovatskiy would regularly come here year after year in the summer months. He invested “all his savings” into the development and improvement of his Belarusian estate and created a strong household with a beautiful park. For Ya. F. Golovatsky, Votnya gradually became a vibrant research laboratory to study both the past and the present of Belarusians. This was reflected, for example, in his assessment of the famous “Dictionary of the Belarusian dialect” by I. I. Nosovich. For many years after the death of the owner of Votnya in 1888, his widow and daughters lived in the estate. It brought income that was also used to create a special scholarship foundation named after Yakov Golovatsky in the framework of the Shevchenko Scientific society in Lviv.

Keywords: *Ya. F. Golovatsky, Slavic studies, Belarusians, the estate of Votnya, Mahilyow Governorate, I. I. Nosovich.*

**Методологическое новаторство В. Н. Перетца
в изучении истории литературы.
К 150-летию со дня рождения ученого**

В статье анализируются методологические взгляды академика В. Н. Перетца, выдающегося русского ученого и педагога. Отказавшись следовать канонам культурно-исторической школы русского литературоведения, ученый пытался в своих работах «Из лекций по методологии истории русской литературы» (Киев, 1914) и «Краткий очерк методологии истории русской литературы» (Пг., 1922) найти новые подходы к анализу литературных произведений. Он полагал, что «история литературы рассматривает и изучает формальную сторону памятников словесного творчества, ее эволюцию, оставляя историку культуры — изучение содержания, собственно идейную сторону памятников прошлого как таковую». Суждения Перетца были схожи с положениями, принятыми последователями школы русского формализма, членами ОПОЯЗа («Общества изучения поэтического языка»), и даже оказали определенное влияние на развитие формализма на начальном этапе. Это обстоятельство отмечали такие близкие к этому научному сообществу исследователи, как В. М. Жирмунский, и его активные члены, как Р. О. Якобсон. Родство теоретических положений Перетца с приемами школы русского формализма вызвало в 1920-е гг. критику со стороны последователей «марксистской» методологии. Перетц в спорах формалистов с «марксистами» явно сочувствовал первым, полагая, что они пытаются «воскресить филологию». Свою «Методологию» сам Перетц характеризовал как «не марксистскую» и питал слабые надежды на возможность ее публикации, хотя и продолжал работу над ней. Однако расширенная версия так никогда и не была им закончена и опубликована. Дважды за границей переиздавался его «Краткий очерк», прежде чем быть еще раз напечатанным на родине в 2010 г., спустя 88 лет после первого издания.

Ключевые слова: *В. Н. Перетц, В. М. Жирмунский, Р. О. Якобсон, П. Н. Сакулин, методология, история литературы, русский формализм.*

Имя Владимира Николаевича Перетца хорошо знакомо всем специалистам по истории древнерусской и украинской литературы раннего Нового времени, но особую известность ученый приобрел как создатель знаменитого «Семинария русской филологии», начавшего работу в Киевском университете в 1907 г. В период существования Семинария научную подготовку в нем получили многие видные ученые-филологи, а не только специалисты по средневековой литературе.

Важнейшим условием успешности научной работы Перетц считал работу с источниками. В данном случае он следовал заветам своего учителя А. И. Соболевского. Еще в начале своей научной карьеры Перетц интересовался у него возможностью защитить в качестве диссертации одну из своих работ. На это Соболевский в письме от 9 января 1896 г. отвечал: «Из “Кук[ольного] т[еатра]”¹ можно сделать диссертацию, но лишь такую, которая может пройти тихо, но может и вызвать шум и встретить препятствия. Ведь материала у Вас немного и он весь чужой, а исследование не даст других выводов, кроме очень мелких»². Здесь Перетц не только подчеркнул фразу в письме, но и сделал примечание на полях: «Верно!». И одним из основных принципов работы Семинария стало положение, четко сформулированное от имени его участников в книге, изданной к пятилетию Семинария: «Главное, чего мы стремимся избегать, — тем, где можно отделаться компиляцией по готовым пособиям, не обращаясь к источникам. Каждый должен научиться работать над сырым материалом, на “черном дворе науки”, как говорят некоторые ученые-белоручки; ибо без “черного двора” — нельзя попасть в блестящие чертоги подлинного, прочного знания»³.

В книге, посвященной двадцатилетию Семинария, отмечалось, что основным принципом, положенным в основу его работы, «всегда оставался *филологический* метод научного исследования как первый отправной момент всяких серьезных филологических

1 Перетц В. Н. Кукольный театр на Руси. Исторический очерк // Ежегодник имп. Театров, сезон 1894–1895 г. 1895. Кн. 1. С. 85–185. Приложение.

2 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 78. Л. 6.

3 Семинарий русской филологии при имп. Университете св. Владимира под руководством проф. В. Н. Перетца. Первое пятилетие. Киев, 1912. С. 7.

штудий»⁴. Подчеркивалось значение освоения филологического метода для других гуманитарных наук: «Подчас стремление к строгой научности работы, напоминающее в филологии принципы точных и естественных наук, создавало то, что даже в случаях отхода отдельных учеников от филологических наук в области иных научных дисциплин (напр., социальные науки, история музыки и др.) они чувствуют плодотворное значение филологической подготовки “школы В. Н. Перетца”»⁵.

Принципиальные положения филологического метода Перетц сформулировал в специальных работах, посвященных методологическим вопросам, и прежде всего в книге, озаглавленной «Из лекций по методологии истории русской литературы»⁶. В своем письме от 2 января 1914 г. своему учителю А. И. Соболевскому он писал: «Посылаю Вам книгу: чтите и не кляните, обобрал я и Вас, и Вас[илия] Мих[айловича] (Истрина⁷. — *М. Р.*) — но “честно” — везде поставил ссылки на пособия, кот[орыми] пользовался. Хоть выпустил без особой обработки — для студ[ентов] вместо литографич[еских] лекций, все же, вероятно — не ужоу кое-кому, и меня будут честить, особенно москвичи вроде Мих[аила] Нест[оровича] (Сперанского⁸. — *М. Р.*), которые до сих пор от публицистики в науке отойти не могут, и вместо истории литературы пишут историю чего угодно, кроме самой литературы. М[ожет] б[ыть], я и ошибаюсь, но — не могу себя переделать, и думается, что и впредь не смогу сочинять фальсификаций, вроде той, напр[имер], которую мне предлагал почтенный А. Е. Грузинский⁹ (чай, знаете?): по 3-м повестям древнерусским написать “Историю др[евне]р[усской] повести с культурно-историч[еской] точки зрения”. Я, конечно, отказался. Но ведь ни он, ни поклонники

4 Семинарий русской филологии акад. В. Н. Перетца. Участники Семинария — своему руководителю. Л., 1929. С. 28.

5 Там же. С. 30.

6 *Перетц В. Н.* Из лекций по методологии истории русской литературы: История изучения. Методы. Источники / Корректированное издание на правах рукописи. Киев, 1914. VIII, 496 с.

7 Истрин Василий Михайлович (1865–1937) — литературовед, специалист по древнеславянским памятникам, академик Петербургской академии наук (1907).

8 Сперанский Михаил Несторович (1863–1938) — филолог, фольклорист и византинист, академик Российской академии наук (1921).

9 Грузинский Алексей Евгеньевич (1858–1930) — литературовед.

Пыпинской¹⁰ и Скабичевской¹¹ “историй”¹² — никогда не поймут, почему я не могу так писать!..¹³»

Уже из этого письма видно, что для Перетца его книга была не только пособием для студентов; она содержала принципиальные положения, важные для литературоведения как науки. Поэтому неудивительно, что книга получила у некоторых коллег самые высокие оценки. Так, А. И. Яцимирский¹⁴ писал Перетцу девятого февраля 1914 г.: «От Вашей “Методологии” я в восторге, читаю с наслаждением и просил бы позволения свои мысли и дополнения напечатать в виде рецензии или статьи. А когда Вы будете печатать на правах книги, конечно, пришлю из своего запаса все, что пожелаете»¹⁵.

Отозвался и коллега Перетца из Новороссийского университета А. В. Рыстенко, которого ученый после своего избрания академиком в том же 1914 г. предполагал сделать своим преемником в Киевском университете. Он писал Перетцу 14 июня 1914 г.: «С интересом читаю Вашу “Методологию”, слежу за “Отчётами”¹⁶... Вот когда, с переходом Вашим в Академию, откроется для Вас возможность чистой научной работы, не прерываемой лекциями!»¹⁷

Однако Перетца не привлекала возможность прекращения преподавательской деятельности, напротив, он активно начал строить свой Семинарий «уже на новой почве»¹⁸. Литографированные издания его лекций не остались и без внимания научной молодежи. Ю. Г. Оксман¹⁹

10 Пыпин Александр Николаевич (1833–1904) — литературовед, этнограф, академик Петербургской Академии наук (1898). Виднейший представитель культурно-исторической школы в русском литературоведении.

11 Скабичевский Александр Михайлович (1838–1911) — литературный критик и историк литературы.

12 Имеются в виду работы по истории русской литературы Пыпина (*Пыпин А. Н. История русской литературы*. СПб., 1898–1899. Т. 1–4) и Скабичевского (*Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы*. 1848–1908 гг. СПб., 1909. 7-е изд. VIII, 487 с.).

13 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 250. Л. 4–6.

14 Яцимирский Александр Иванович (1873–1925) — филолог-славист.

15 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 97. Л. 56об.

16 Имеется в виду публикация «Отчетов» о научных экскурсиях Семинария русской филологии.

17 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 73. Л. 4.

18 СПбФ АРАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1141. Л. 14.

19 Оксман Юлиан Григорьевич (1894–1970) — литературовед.

вспоминал: «С осени 1914 г. прист[упил] к чтению лекций и к ведению семинария по др[евней] рус[ской] лит[ературе] в С.-Петерб[ургском] унив[ерситете] акад. В. Н. Перетц, переехавш[ий] в Петерб[ург] из Киева после избрания акад[емиком]. (Большой соблазн объединиться вокруг Перетца). Вся наша группа пушкинистов присут[ствовала] на вст[упительной] лекции В. Н.»²⁰. Но Перетц был резок в суждениях о коллегах и их научных достижениях не только в своих письмах, и это обстоятельство произвело отрицательное впечатление на членов Пушкинского семинария С. А. Венгерова²¹.

Как писал Ю. Г. Оксман: «...его грубые нападки на изуч[ение] рус[ской] лит[ературы] XIX в. вообще и на пушкиновед[ение] в частности оттолкнули большую часть студ[енческого] актива от участия в сем[инарии] Перетца. Перешли к Перетцу С. Д. Балухатый²², С. А. Еремин²³, Никифоров²⁴ сохранил “двойное подданство” [нрзб], а все прочие остались верны Пушк[инскому] сем[инарию]»²⁵. Возможно, что в лекциях Перетц задел и Венгерова, который принадлежал к уже устаревшему, по мнению ученого, культурно-историческому направлению, что вызвало естественную обиду у участников этого семинария.

Юные студенческие активисты не могли себе представить, что у Перетца, как бы сейчас выразились, «древника», были весомые профессиональные основания подвергнуть труды специалистов по истории литературы XIX в. жесткой критике. Потому сложившаяся ситуация представлялась им, как вспоминал Оксман, следующим образом: «Дурные манеры провинциал[ьного] ученого сноба оттолкнули меня и моих ближ[айших] друзей (Тынян[ова]²⁶, Масл[ова]²⁷, Комаров[ича]²⁸) от приобщения к этому кладезю филол[огической] науки». Это умо-

20 РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Д. 179. Л. 44.

21 Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920) — литературный критик, историк литературы, библиограф.

22 Балухатый Сергей Дмитриевич (1892–1945) — литературовед, член-корреспондент Академии наук СССР (1943).

23 Еремин Степан Антонович (1886 — после 1931) — филолог-славист.

24 Никифоров Александр Исаакович (1893–1942) — филолог и этнограф.

25 РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Д. 179. Л. 44–44об.

26 Тынянов Юрий Николаевич (1894–1943) — писатель, поэт, драматург, сценарист, переводчик, литературовед и критик.

27 Маслов Георгий Владимирович (1895–1920) — поэт.

28 Комарович Василий Леонидович (1894–1942) — литературовед.

заклучение о провинциальности петербуржца Перетца выглядело особенно курьезным в устах четырех студентов, приехавших в Петроград из провинции. Внимания заслуживает следующее признание, по-видимому, общее для Оксмана и всех его друзей: «Мы предпочитали его книгу личным отношен[иям], тому, что он читал»²⁹. О том, что под книгой имелось в виду упоминавшееся выше издание «Методологии» Перетца, нет никаких сомнений. Данное обстоятельство было впервые отмечено в комментариях к изданию статей Ю. Н. Тынянова³⁰. В тех же комментариях филологи, специалисты в том числе и по истории русского формализма, отмечали «несомненную близость раннему Опоязу»³¹ некоторых положений Перетца, утверждавшего целью историка литературы «изучение формальной стороны литературных произведений, того, «как» выразил поэт свою идею, а не того, «что» выразил он»³².

Желание превратить курс лекций в полноценную книгу не оставляло ученого даже в труднейших условиях Гражданской войны, в период общей смуты и разрухи, во время его работы в Самаре. Перетц писал 11 июля 1919 г. Никольскому³³: «Пробую заниматься пересмотром своего курса методологии»³⁴. Эти занятия закончились вполне успешно, труд был подготовлен к печати. Уже 17 октября 1920 г. Перетц с долей нетерпения сообщал Истрину: «Государст[венное] издательство (его Сам[арское] отделение) собирается печатать краткий Курс методологии истории лит[ературы], кот[орый] я написал в авг[усте] — сент[ябре]. Но сможет ли при ужасной типографской разрухе — сомневаюсь. Оригинал — лежит!»³⁵ В попытку продвинуть дело с изданием включились студенты, о чем свидетельствует письмо

29 РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Д. 179. Л. 44об.

30 Чудакова М. О. [Комментарий к статье «Георгий Маслов»] // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / сост. Е. А. Тоддес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова. М., 1977. С. 452.

31 ОПОЯЗ — «Общество изучения поэтического языка» — объединение теоретиков литературы и лингвистов, представителей «формальной школы».

32 Тоддес Е. А., Чудаков А. П., Чудакова М. О. [Комментарий к статье «Литературный факт»] // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. С. 514.

33 Никольский Николай Константинович (1863–1936) — литературовед, библиограф, академик Петербургской академии наук (1916).

34 СПбФ АРАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 559. Л. 63об.

35 Там же. Ф. 332. Оп. 2. Д. 118. Л. 39–39об.

от 10 февраля 1921 г., направленное Соболевскому: «Издательский студенческий комитет Социально-исторического факультета Самарского государственного университета предпринял переиздание курса методологии русской литературы академика В. Н. Перетца (“Из лекций по методологии русской литературы”, Киев, 1914 г.). Но вследствие целого ряда причин издание этого насущного пособия для учащихся высшей школы тормозится и откладывается в дальний ящик; поднялся даже вопрос о необходимости и научной ценности данного пособия. Ввиду того, что означенный курс в равной степени необходим для всех русских университетов, где идут занятия по русской литературе, Издательский комитет просит Вас, как представителя кафедры истории русской литературы Московского университета, присоединить Ваше компетентное мнение к ходатайству Издательского комитета, дабы придать ему больший вес в глазах Государственного издательства.

По возможности просим присоединить просьбу студенчества, работающего по вышеуказанной кафедре». Под текстом подпись «Председатель Комитета Мих[аил] Каргер»³⁶. Судя по тому, что название университета «Московский» вписано в машинописный текст от руки, письмо рассылалось и по другим университетам. Однако и эта инициатива не повлияла на перспективу издания Курса в Самаре.

Будущий известный ленинградский археолог М. К. Каргер³⁷ не состоял постоянным членом Семинария Перетца, но посещал его лекции и в Самаре, и после переезда в Петроград. Возможно, поэтому он счел возможным обратиться к ученому с просьбой, а тот, в свою очередь, живо откликнулся на нее. Так, 10 ноября 1925 г. Перетц просил знаменитого юриста, почетного академика А. Ф. Кони «помочь добрым советом» Каргеру, «моему слушателю по Университету». «Он, — писал ученый, — пострадал в одном деле — по-моему, незаслуженно. Но вследствие болезни сердца я лишен возможности лично быть ему полезным. К тому же я не обладаю сотою долею того авторитета, который имеете Вы»³⁸.

После возвращения в 1921 г. в Петроград Перетц начинает свою преподавательскую деятельность не только в Университете, но и в Институте истории искусств, который по старой памяти продолжали

36 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 181. Л. 1

37 Каргер Михаил Константинович (1903–1976) — археолог, историк архитектуры.

38 РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1284. Л. 1.

называть «зубовским». И если впечатление о студентах в университете не радовало Перетца («Я начал лекции, — писал он Соболевскому³⁹ 21 октября 1921 г., — слушат[елей] много. Но все — зеленая молодежь, им еще гимназия нужна, начитанность = 0»⁴⁰), то впечатление от слушателей в Институте истории искусств было совершенно другим. Об этом можно узнать из письма к Перетцу уже упоминавшегося его ученика, в то время профессора Самарского университета, С. Д. Балухатого. Письмо свидетельствует о том, что именно методологические наблюдения Перетца оказались в этом институте поняты и востребованы. Итак, Балухатый писал 21 июля 1921 г.: «Приятно было читать Ваши строки о докладах в Институте — работы этого учреждения и их стремления мне понятны. Я не удивлен, но душевно обрадован сердечным отношением литературной молодежи этого Института к Вам. Именно Ваши мысли в “Методологии” и Ваши беседы наталкивали на рациональный стилистический анализ произведений и новой литературы. В этом смысле идейная связь между Вами и все растущей группой “стилистов” несомненна, и остается пожелать увидеть Вам в скорейшем времени и непреременные результаты Вашей закваски»⁴¹.

С не меньшим энтузиазмом о молодых сотрудниках того же института отозвалась в своем дневнике Е. П. Казанович⁴², на которую их научные поиски произвели сильное впечатление. «Талантливый кружок словесников собрался в Зубовском институте, — записала Казанович 10 октября 1921 г. — Жирмунский⁴³ их объединил, или это объединение идет из первоисточника — и университетского семинария, — не знаю, но только делают они интересную и полезную

39 Соболевский Алексей Иванович (1856/1857–1929) — филолог-славист, академик Петербургской академии наук (1900).

40 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 290. Л. 15об.

41 РО ИРЛИ. Ф. 25. Д. 216. Л. 3об. Что касается Балухатова, как отмечалось в первом томе Литературной энциклопедии, вышедшем в 1930 г., он, «будучи учеником акад. В. Н. Перетца, применяет его филологические принципы к изучению произведений новой русской лит-ры» ([Без подписи] Балухатый Сергей Дмитриевич // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1929. Т. 1. Стб. 717).

42 Казанович Евлалия Павловна (1885–1942) — литературовед, библиотечарь Пушкинского Дома.

43 Жирмунский Виктор Максимович (1891–1971) — литературовед, академик Академии наук СССР (1966).

для науки, хотя, может быть, и слишком узкую, по мнению некоторых старых ученых, работу, делают ее бодро, молодо, талантливо. Они применяют новые ученые методы, стремятся поставить словесность на новый путь, отчасти указанный Веселовским, и научиться у них есть чему. Есть среди них и совсем оригинальные дарования, как Виктор Шкловский⁴⁴, маленький гений; есть и более обычные, как сам Жирмунский; есть и не вполне еще выяснившиеся — как Виноградов⁴⁵. Последний открывает своими этюдами о Гоголе⁴⁶ новую страницу в изучении этого крупного, причудливого художника⁴⁷. Упомянутый в записи Жирмунский был председателем Отдела словесных искусств Института, а Перетц возглавлял в том же Отделе Секцию поэтического фольклора.

С 1922 по 1930 г. при Институте существовало знаменитое издательство «Academia». Возможно, что одной из первых научных книг, опубликованных в издательстве, была работа Перетца «Краткий очерк методологии истории русской литературы»⁴⁸. Уже шестого марта 1922 г. он сообщал Соболевскому: «Одно большое издательство, “Academia” (но несколько не менее хищное, чем другие детища НЕР’а), напечатало краткий конспект моих лекций по введению в Историю русской литературы. Если Гофман⁴⁹ согласится взять для Вас и Михаила Несторовича (Сперанского. — М. Р.) экземпляры — то я пришлю с ним. А по почте — боюсь: пропадет,

44 Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) — писатель, литературовед.

45 Виноградов Виктор Владимирович (1895–1969) — лингвист-славист, академик Академии наук СССР (1946).

46 Первый доклад Виноградова о сюжете «Невского проспекта» был прочитан 22 мая 1921 г. на заседании Общества изучения художественной словесности при Российском институте истории искусств, второй — 25 сентября (*Виноградов В. В.* Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос» // Начала. Пг., 1921. № 1. С. 82–105).

47 ОР РНБ. Ф. 326. Д. 18. С. 177–178.

48 *Перетц В. Н.* Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. Пг., 1922. 164 с. Эту книгу Перетц на странице, предшествующей «Предисловию», сопроводил особым посвящением своим ученикам и привел их список (33 фамилии) с указанием места работы и должности.

49 Гофман Модест Людвигович (1887–1959) — литературовед, пушкинист.

как теперь говорится⁵⁰). Это же письмо свидетельствует о том, что ученый внимательно следил за работами своих коллег по Институту. «Молодежь наша, — писал Перетц, — умеет находить издателей: видели вы “Гавриладиу”, изд[анную] Томашевским⁵¹, новые книжечки Гофмана, Эйхенбаума⁵², Жирмунского? — и шрифт, и бум[ага] отличные. О содержании — скажу — на любителя. Но Томаш[евский] и Гофм[ан] — дельные люди»⁵³.

Какие же общетеоретические положения из книг Перетца могли привлекать научную молодежь, настроенную на поиски новых подходов к изучению истории литературы? Ученый считал, что «предметом истории литературы — является сама литература, а не биография, не история и психология творчества отдельных лиц; что литература — есть поэзия, а поэзия — это то, что, будучи выражено в слове, независимо от целей и намерений автора, внушает нам, “суггестирует” известные настроения, заставляет нас, в силу свойств избранной поэтом формы, в которую облечены его идеи, — переживать и чувствовать эти идеи. Таким образом для нас суть заключается не в какой-то “черте”, отделяющей памятник, имеющий культурно-историческое значение, памятник “прозаический”, от памятника литературного, “поэтического”, которую когда-то разыскивали последователи культурно-исторической школы, а в том, что история литературы рассматривает и изучает формальную сторону памятников словесного творчества, ее эволюцию, оставляя историку культуры — изучение содержания, собственно идейную сторону памятников прошлого как таковую». И далее: «...история создания этих памятников, их источники, отношение к последним авторов, стиль этих памятников и своеобразие композиции — все это остается предметом изучения историка литературы»⁵⁴.

Для Перетца было важно подчеркнуть, что многочисленные научные методы гуманитарной науки, «кроме филологического, статистического и сравнительно-исторического, в изолированном

50 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 290. Л. 20–20об.

51 Томашевский Борис Викторович (1890–1957) — литературовед, текстолог.

52 Эйхенбаум Борис Михайлович (1886–1959) — литературовед.

53 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 290. Л. 20об.

54 *Перетц В. Н.* Краткий очерк методологии истории русской литературы. С. 19.

применении влекут за собой исследователя в область не историко-литературных вопросов» и оставляют без внимания «существеннейшую сторону творчества в слове — самое слово, формы творчества, существенную сторону, составляющую отличие истории литературы от других исторических наук»⁵⁵. «Предметом историко-литературного анализа, — продолжал ученый, — является изучение истории развития сюжетов, их понимания и трактовки авторами разных эпох; изучение композиции и стиля как выразителя духа эпохи и индивидуальности поэта. Таким образом, история литературы — не есть только история книг, или только история идей самих по себе. Она есть история литературных форм, воплощающих идеи, и идей — поскольку они влияли на эволюцию форм»⁵⁶.

В деловой записке руководству Пушкинского дома в 1933 г. Перетц подчеркивал: «Вряд ли надо в наше время подробно доказывать, что каждый памятник словесного творчества, каково бы ни было его содержание и первоначальное назначение, может быть изучен и как продукт именно словесного искусства, с точки зрения его стилистики, художественного словесного оформления [...]. Таким образом, в выборе материала для изучения принципиальной разницы между историком новой и древней литературы нет». И далее: «Ни идеалистическое, ни материалистическое освещение литературного материала невозможно до тех пор, пока самый материал не будет переработан приемами строгой филологической критики. И в этом моменте работы, первом, во всяком правильно построенном научном исследовании, историк новой и древней литературы сойдутся на одном и том же методе...»⁵⁷

То, что теоретические принципы, выработанные Перетцем, возможно, оказали влияние на взгляды молодых исследователей, составивших в будущем школу русского формализма, отметил Жирмунский. В статье «К вопросу о “формальном методе”», опубликованной в том же издательстве «Academia» на следующий год после выхода «Краткого очерка» Перетца, он писал: «Расширение научного кругозора в сторону формальных вопросов отчетливо намечилось за последнее десятилетие, отчасти под влиянием известных работ ак. Ал-дра Ник. Веселовского

55 Там же. С. 101.

56 Там же. С. 102.

57 *Рождественская М. В.* К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932–1947 гг.) // ТОДРЛ. СПб., 1989. Т. 42. С. 9.

и А. И. Потебни, методологических указаний ак. В. Н. Перетца и лингвистических теорий проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ»⁵⁸.

Через год в программной статье «Задачи поэтики» Жирмунский уже прямо указывал на значение в этом отношении лекций Перетца: «Вопрос о пересмотре методов изучения литературы чаще всего приводил к решению, что поэзия должна изучаться как искусство и что обычные построения проблем истории культуры “на материале” художественной словесности должны уступить место поэтике исторической и теоретической. В этом отношении существенные вехи были поставлены уже в 1914 г. акад. В. Н. Перетцем в его “Лекциях по методологии истории русской литературы”»⁵⁹.

Работы самого Жирмунского произвели на Перетца самое благоприятное впечатление. Несколько позже, во время кампании по выборам в Академию в 1926 г., Перетц писал 26 января Сперанскому: «У меня есть на примете молодой кандидат. Скоро о нем, м[ожет] б[ыть], услышите в Москве — поедет к родным, а заодно и где-нибудь докладец прочтет: это В. М. Жирмунский. [...] Его дело — в будущем, когда немного подрастет»⁶⁰.

На методологические положения Перетца в их соотношении с положениями формализма обратил внимание и Р. О. Якобсон, сам бывший активным участником ОПОЯЗа, в своих лекциях, читанных в университете г. Брно в 1935 г. Характеризуя работу Перетца 1914 г. «Из лекций по методологии истории русской литературы», Якобсон отмечал ее новаторские положения. Он писал: «Перетц осуждает характерное для того времени неразличение поэтической функции и познавательной функции. Он приходит к заключению, что жизнь, как ее описывает литература, не является изображением действительности, но поэтической творческой функцией. Он заявляет, что основная задача литературного историка — не содержание произведения, а то, как оно выражено». «Важной стороной литературы для него, — продолжал Якобсон, — становится форма в широком понимании этого термина, и эту формальную точку зрения Перетц считает единственно возможным отправным пунктом для историка литературы. Он определяет историю литературы как историю литературных форм,

58 Жирмунский В. М. К вопросу о «формальном методе» // Вальцель О. Проблема формы в поэзии. Пг., 1923. С. 6.

59 Жирмунский В. М. Задачи поэтики // Задачи и методы изучения искусств. Пг., 1924. С. 126.

60 СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 94.

воплощающих идеи и истории идей только постольку, поскольку они влияли и влияют на развитие форм»⁶¹.

Следует отметить, что некоторые ученики Перетца, прошедшие школу его Семинария, использовали в своих исследованиях методы, сближавшие их с методологическими поисками ОПОЯЗа. Так, Эйхенбаум в письме 11 октября 1925 г. Б. М. Ляпунову отзывался об А. Н. Имшенецкой-Жилинской, состоявшей членом Семинария Перетца со дня его основания в 1907 г.: «Я знаю Анну Николаевну давно, и как раз на днях познакомился с ее работой о метафорах в языке Лермонтова. Работа эта состоит из теоретического вступления о метафоре вообще и подробной классификации лермонтовских метафор. Работа — интересная, тщательная и в научном отношении совершенно зрелая. Она свидетельствует о широте интересов и знаний Анны Николаевны, примыкающей к той группе современных лингвистов (Якубинский⁶², Виноградов, Бернштейн⁶³), которые занимаются изучением “поэтического языка”. Для нашего факультета такие руководители очень нужны, потому что они подготавливают студентов не только к чисто лингвистической работе, но и к занятиям по стилистике и теории литературы»⁶⁴.

Переписка Перетца со Сперанским свидетельствует и о том, что он и после публикации «Краткого очерка» продолжал работу над новым изданием своей теоретической работы, хотя для ученого становилось все очевиднее, что ему вряд ли удастся реализовать свои замыслы. Так, 26 марта 1925 г. он с горечью писал: «А тут еще мне подложили гадость. Я Вам говорил, что в Унив[ерситете] я уже 2-й год лишен права читать Методологию ист[ории] литер[атуры], ибо для этого нужен “спец” иного покроя [...] субъект, кот[орый] “завоевал” у меня методол[огию], — некий Назаренко⁶⁵». И в этом же письме:

61 *Якобсон Р. О.* Формальная школа и современное русское литературоведение. М., 2011. С. 40.

62 Якубинский Лев Петрович (1862–1945) — филолог, лингвист.

63 Бернштейн Сергей Игнатьевич (1892–1970) — лингвист.

64 СПбФ АРАН. Ф. 752. Оп. 2. Д. 359. Л. 1–2.

65 Назаренко Яков Антонович (1893–1985) — профессор Ленинградского университета. Его учебник «История русской литературы XIX в.» к 1931 г. выдержал девять изданий, а в 1931 г., как отмечено в Литературной энциклопедии, «эта немарксистская и ненаучная книга была разоблачена» и осуждена за извращение марксизма ([*Н. Л.*] Назаренко Яков Антонович // Литературная энциклопедия. В 11 т. М., 1934. Т. 7. Стб. 575).

«О подделках — материала много; у Хлуд[ова] (опись Попова) — в прибавл[ениях] целая группа таких рукоп[исей]. Я ими тоже собрался заняться — на всякий случай, ежели, напр[имер], моя не марксистская Методология найдет себе издателя»⁶⁶. Этой надежде не удалось осуществиться.

Следует отметить, что методологические работы Перетца интересовали и приверженцев так называемого социологического направления в литературоведении. П. Н. Сакулин⁶⁷ отмечал, между прочим, в письме Перетцу от 1 октября 1926 г.: «Нечего говорить, с каким исключительным интересом штудировал я Ваши лекции по методологии. Методологические проблемы издавна были предметом моего пристального внимания, и для меня важно было свои мысли сверять с Вашими взглядами. В ваших научных работах меня всегда поражали точность анализа, острота и свежесть подхода и широта кругозора. Не говоря, разумеется, об огромной эрудиции»⁶⁸. Это внимание со стороны Сакулина к его работам у Перетца восторга не вызывало. Так, несколько ранее, 13 января того же года, он писал Сперанскому: «От Сакулина я получил его новый елаборат: цитаты и цитаты из книг, не только плохо переваренных, но порою даже просто непонятых. Он так изложил, напр[имер], мои соображения о периодизации, что я диву дался; упустил из виду самое существенное — невозможность абсолютно периодизировать литературу, ибо в одно и то же время, только в разных слоях (а это ему, “марксисту”, надо знать), сосуществует продукция разного времени. Видимо, этот “XV” том стóит XIV и на бирже учености — не создаст Павлу Никитичу ни славы, ни дивидендов»⁶⁹.

Весь 1927 г. прошел у Перетца под знаком борьбы против выдвижения кандидатуры Сакулина в академики от ОРЯС. Главной причиной отрицательного мнения о работах Сакулина являлось именно несогласие Перетца с его методологическими подходами к истории литературы. В своих отзывах Перетц указывал: «Работа проф. Сакулина “Социализм в русской литературе” и его две книжки, посвященные методологии истории литературы, — в сущности являются компиляциями, и притом тенденциозными. При этом тенденциозность

66 СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 57об.–58об.

67 Сакулин Павел Никитич (1868–1930) — литературовед, академик Академии наук СССР (1929).

68 РГАЛИ. Ф. 1277. Оп. 1. Д. 75. Л. 8.

69 СПбФ АРАН. Ф. 172. Оп. 1. Д. 226. Л. 85–85об.

их бьет мимо цели, о чем свидетельствуют журнальные отзывы “социалистов”, радикально расходящихся с проф. Сакулиным, ищущим всюду “социализм”, — даже там, где его никогда не было, и обосновывающего (в последних двух книжках) “социологический метод” в историко-литературном исследовании, сводя это последнее — к старой публицистической оценке творчества русских писателей, возвращая, таким образом, науку о литературе к ее донаучному состоянию». И далее: «Что касается работ проф. Сакулина по теории поэзии (см. в изд. Ак. Худ. Г. “Искусство”), то эта большая работа, как и некоторые доклады его, страдают тем недостатком, что являются отставшими от поступательного движения нашей науки примерно на 20 лет»⁷⁰.

Не менее тщательно Перетц проанализировал и работу Сакулина «Социологический метод в литературоведении»⁷¹. Вывод ученого был также неутешителен: «Автор ее — эклектик: он собирает свой мед со всех цветов без разбору и тщится примирить и объединить непримиримое и необъединимое — марксизм и идеализм; все это для того, чтобы обосновать свой “социологический метод”. Нашел ли он этот универсальный и единственный метод? Думается — нет, так как на с. 183 “Соц[иологического] мет[ода]” говорит, между прочим: “...во многих случаях, чтобы не дискредитировать метода, предпочтительнее пока (?) оставлять факты без социологического объяснения”. Этот печальный вывод получился у пр[офессор]а Сакулина потому, что он под “социологическим методом” подразумевает исключительно способ толкования, а не исследования литературных фактов, т. е. сводит дело к публицистике на основе литер[атурных] данных. Интересно, какой же другой метод автор книги предлагает “пока” — т. е. когда не рискует применить свой социологический? Говорю “свой” — ибо социология — наука еще недостаточно оформленная, и сколько социологов — столько “социологий” и столько же своеобразных социологических способов объяснения литературных памятников; иначе говоря, в зависимости от того, будет ли “социология” идеалистическая или материалистическая, — дело сводится к публицистике во имя временных, групповых и классовых идеалов... Как все это далеко от науки, ищущей истину и изобретающей методы, т. е. пути познания ее»⁷².

70 СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1166. Л. 23.

71 Сакулин П. Н. Социологический метод в литературоведении. М., 1925. 240 с.

72 СПбФ АРАН. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1166. Л. 25об.

Близость методологических положений Перетца к формалистам не осталась незамеченной и для критиков формализма, относивших себя к марксистскому направлению. Известный литературовед П. Н. Медведев⁷³ в 1928 г. опубликовал специальное исследование о формализме⁷⁴. В бахтиноведении автором этой работы принято считать М. М. Бахтина⁷⁵.

Так, Медведев / Бахтин отмечал: «Может быть, некоторое значение в процессе развития формального метода имели работы и лекции акад. В. Н. Перетца по методологии истории русской литературы. Правда, они могли оказать влияние лишь возбуждением интереса к самим вопросам методологии литературоведения». В данном месте автор отсылал к наблюдениям Жирмунского. При этом далее Медведев / Бахтин решительно заявлял: «Сами же работы являлись образцом академического эклектизма и никаких положительных и продуктивных новых точек зрения не заключали в себе»⁷⁶.

О наступлении так называемых марксистов на формалистов Перетца, явно сочувствуя последним, с сарказмом замечал в письме Соболевскому 11 марта 1927 г.: «В общ[ественной] жизни — депрессия; воюют только “формалисты”, пытающиеся воскресить филологию, с “марксистами”, отрицающими все, кроме танца от печки»⁷⁷.

Развернутую критику методологических взглядов Перетца проделал П. Н. Берков⁷⁸, тогда еще начинавший свою научную карьеру крупнейший специалист по русской литературе XVIII в. Фактически вся его статья о Перетце в восьмом томе Литературной энциклопедии, опубликованном в 1934 г., посвящена анализу и критике взглядов

73 Медведев Павел Николаевич (1891–1938) — литературный критик, теоретик и историк литературы.

74 *Медведев П. Н.* Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику. Л., 1928. 232 с.

75 См., например: *Пешков И. В.* «Делу» — венец, или еще раз об авторстве М. Бахтина в «спорных текстах» // Медведев П. Н. [Бахтин М. М.]. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику // Бахтин М. М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000. С. 602–635.

76 *Медведев П. Н.* [Бахтин М. М.]. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику. С. 237.

77 РГАЛИ. Ф. 449. Оп. 1. Д. 290. Л. 85об.

78 Берков Павел Наумович (1896–1969) — литературовед, член-корреспондент АН СССР (1960).

ученого. В своих оценках он явно солидаризировался с приведенной нами оценкой Перетца Медведевым / Бахтиным.

Берков отметил все работы Перетца, касавшиеся теоретических вопросов: «“О некоторых основных настроениях русской лит-ры в ее историческом развитии”, Киев, 1904; “Из лекций по методологии истории литературы”, Киев, 1914; “К вопросу об основаниях научной литературной критики”, “Ученые известия Самарского университета”, 1919, II; “Краткий очерк методологии истории русской литературы”, П., 1922)». Следует отметить, что проделанный им разбор, несмотря на все сопутствующие анализу обязательные идеологические оценки, представляет несомненный интерес. «В продолжение своей сорокалетней научной деятельности (первая печатная работа его вышла в 1892 г.) П. стоял на откровенно идеалистических позициях, что особенно отразилось в его трудах, специально посвященных проблемам методологии, к-рым П., в противоположность своим учителям (за исключением А. Веселовского), уделял серьезное внимание», — заявлял Берков. И далее: «П. не создал цельной и выдержанной историко-литературной концепции, являясь характерным представителем старого академического эклектизма, но, в отличие от других своих современников, подводя под него “теоретическую” базу».

В отличие от Медведева / Бахтина Берков считал влияние идей Перетца на формирование формализма существенным. Он приводил ряд цитат из работ ученого, в которых подчеркивалось значение формального метода. В частности, указывал на высказывание Перетца о том, что «при историко-литературном изучении вытекает “формальная точка зрения, единственно для нас возможная”». Из чего Берков заключал: «Это признание Перетца объективно открывало широкую дорогу тем формалистским штудиям, которые начали появляться в 1914–1916». И далее: «П. считает, что “изучение единой стороны литературных произведений историку литературы полезно для выяснения эволюции их формы”». При этом Берков все-таки полагал, что было бы «ошибкой квалифицировать методологию П. той поры как формалистскую: признавая формальный (“филологический”) метод “основой и главным, если не единственным путем” литературоведения (“Из лекций...”, стр. 216–222), П. вместе с тем утверждал, что “универсального (разрядка П.) метода нет, есть различные методы, путем коих мы изучаем, исследуем материал, сообразно его качествам и поставленным заданиям” (“Краткий очерк”, стр. 8; стр. 29–30)».

Берков, взявшись за критику методологических взглядов Перетца, не мог по известным обстоятельствам времени пройти мимо той

критики, которой ученый подверг «марксистский подход». Заметим, что и критика эта могла отразиться только в дореволюционном издании работ Перетца. Берков указывал, что ученый считает историю литературы «бесклассовой и при соблюдении известных методических требований совершенно объективной [...]». Поэтому, полагает П., “нельзя обязывать науку «истории литературы» следить за отражением в литературе «классовых противоречий», как этого требует марксистская критика (Фриче)” [...], и хотя “принадлежность художника к тому или иному классу, его классовые симпатии неизбежно отражаются в его творчестве”, но для представителя бесклассовой науки, “историка литературы, памятники литературные важны вовсе не потому, что отражают классовые интересы и симпатии, а потому, что сами в себе заключают свою своеобразную историю”».

В завершение своего анализа Берков отмечал, что «П. известен как прекрасный педагог, воспитавший ряд литературоведов “филологического” направления», и «стремление Перетца приблизиться к марксистскому литературоведению»⁷⁹. Учитывая то, что весной 1934 г., в год выхода тома энциклопедии, Перетц был арестован, перспектива его приближения к марксистскому методу представляется маловероятной.

После осуждения Перетца по «Делу славистов» его имя более чем на 20 лет исчезает из советской науки и возникает вновь накануне его реабилитации и восстановления в звании академика в 1957 г. В 1962 г. появляется большой биографический очерк о Перетце⁸⁰, в котором вскользь, на одной странице, упоминаются в том числе и его методологические работы. Но акцент в краткой характеристике данных исследований сделан на значении их как пособия для начинающих ученых⁸¹, без каких-либо упоминаний об элементах «формализма» в подходах Перетца к изучению литературы. Писать в эпоху единственно верной «марксистской» методологии о книгах, в названии которых присутствовало слово «методология», иначе было невозможно. Характерно, что и в статье о Перетце в «Краткой литературной энциклопедии», автором которой, как и очерка, также была В. П. Адрианова-

⁷⁹ Берков П. Перетц Владимир Николаевич // Литературная энциклопедия. В 11 т. М., 1934. Т. 8. Стб. 536–538.

⁸⁰ Адрианова-Перетц В. П. Владимир Николаевич Перетц (1870–1935) // Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков. М.; Л., 1962. С. 206–233.

⁸¹ Там же. С. 225.

Перетц⁸², работы ученого по методологии вообще не упоминаются⁸³. В знаменитой «Текстологии» Д. С. Лихачева Перетц представлен как создатель школы текстологов, его работа охарактеризована как «единственное для дореволюционной науки краткое руководство по текстологии»⁸⁴.

С начала 1990-х гг. имя Перетца как теоретика литературы стало мелькать в работах, посвященных формализму, и, наконец, в 2010 г., спустя 88 лет, в России⁸⁵ появилось второе издание его «Краткого очерка методологии»⁸⁶, снабженное обширным предисловием украинского ученого С. К. Росовецкого⁸⁷ и научной биографией Перетца, написанной московским исследователем, специалистом по истории социальных и гуманитарных наук А. Н. Дмитриевым⁸⁸. Росовецкий поместил в интернете значительно расширенный вариант предисловия⁸⁹, дополнив его разделы говорящими заголовками: «Методология литературоведения в “Кратком очерке...”»: Воплощение традиций общеевропейской филологии»; «Методологическое новаторство “Краткого очерка...”»: “Филологический метод”»; «Методологическое новаторство “Краткого очерка...”»: Манифестация формализма».

82 Адрианова-Перетц Варвара Павловна (1888–1972) — литературовед, член-корреспондент Академии наук СССР (1943).

83 *Адрианова-Перетц В. П.* Перетц Владимир Николаевич // Краткая литературная энциклопедия. М., 1968. Т. 5. Стб. 671–672.

84 *Лихачев Д. С.* Текстология (на материале русской литературы X–XVII веков). Л., 1983. Изд. второе. С. 35.

85 За границей репринты обеих книг Перетца были выпущены издательством Mouton в 1969 и 1970 годах (*Дмитриев А. Н.* К биографии академика В. Н. Перетца // Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. М., 2010. С. 35).

86 *Перетц В. Н.* Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. М., 2010. 244 с.

87 *Росовецкий С. К.* Памятник истории литературоведения — или университетское пособие на все времена? // Перетц В.Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. С. 3–24.

88 *Дмитриев А. Н.* К биографии академика В. Н. Перетца // Там же. С. 25–35.

89 *Росовецкий С. К.* Об академике Владимире Николаевиче Перетце (1870–1935) URL: <http://aej.org.ua/History/1440.html> (дата обращения: 20.03.2020).

Отмечая, что в русской традиции начало «изучения истории формализма в литературоведении» возводят к работе «В. Б. Шкловского “Воскрешение слова”, вышедшей из печати в 1914 г. в Петербурге», а в американской указывают на то, что ведущую «роль в возникновении течения сыграл Р. Якобсон», Росовецкий призывает обратить внимание на время, когда Перетц впервые сформулировал свои теоретические воззрения.

Возможно, что смелое предположение Росовецкого и не найдет поддержки у историков русского формализма, тем не менее мы полагаем необходимым его привести. Итак, исследователь пишет: «Если речь заходит о приоритете, то стоит припомнить, что В. Н. Перетц десятью годами раньше В. Шкловского, а именно в отзыве на магистерскую диссертацию А. М. Лободы “Русские былины о сватовстве” (1904), писал, что “историк литературы является лишь исследователем приемов и способов, которыми создается литературное явление как таковое”, его наука “имеет дело с формулами, а с реальной действительностью — история”»⁹⁰.

Новое издание «Краткого очерка» окончательно закрепляет за методологическими трудами Перетца его значение как крупного теоретика, не только опередившего своих коллег-современников, специалистов по древнерусской и украинской литературе раннего Нового времени, но и находившегося на острие развития всей науки о литературе.

Источники и литература

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ).
Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ).

Рукописный отдел Института русской литературы (РО ИРЛИ).
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН).

Адрианова-Перетц В. П. Перетц Владимир Николаевич // Краткая литературная энциклопедия. М., 1968. Т. 5. Стб. 671–672.

Адрианова-Перетц В. П. Владимир Николаевич Перетц (1870–1935) // Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI–XVIII веков. М.; Л., 1962. С. 206–233.

⁹⁰ Росовецкий С. К. Памятник истории литературоведения... С. 18.

Балухатый Сергей Дмитриевич // Литературная энциклопедия: В 11 т. М., 1929. Т. 1. Стб. 717.

Бахтин М. М. (под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М., 2000. 640 с.

Берков П. Перетц Владимир Николаевич // Литературная энциклопедия. В 11 т. М., 1934. Т. 8. Стб. 536–538.

Виноградов В. В. Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос» // Начала. Пг., 1921. № 1. С. 82–105.

Жирмунский В. М. К вопросу о «формальном методе» // Вальцель О. Проблема формы в поэзии. Пг., 1923. С. 8–23.

Жирмунский В. М. Задачи поэтики // Задачи и методы изучения искусств. Пг., 1924.

Лихачев Д. С. Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. 2-е изд. Л., 1983. 645 с.

Медведев П. Н. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику. Л., 1928. 232 с.

Назаренко Я. А. История русской литературы XIX в. Л.; М., 1925. IV+384 с.

[*Н. Л.*] Назаренко Яков Антонович // Литературная энциклопедия. В 11 т. М., 1934. Т. 7. Стб. 575.

Перетц В. Н. Из лекций по методологии истории русской литературы: История изучения. Методы. Источники / Корректированное издание на правах рукописи. Киев, 1914. VIII, 496 с.

Перетц В. Н. Кукольный театр на Руси. Исторический очерк // Ежегодник имп. театров, сезон 1894–1895 г. 1895. Кн. 1. С. 85–185. Приложение.

Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. Пг., 1922. 164 с.

Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. М., 2010. 246 с.

Пытин А. Н. История русской литературы. СПб., 1898–1899. Т. 1–4.

Рождественская М. В. К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932–1947 гг.) // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 1989. Т. 42. С. 3–52.

Росовецкий С. К. Об академике Владимире Николаевиче Перетце (1870–1935). URL: <http://aej.org.ua/History/1440.html> (дата обращения: 20.03.2020).

Сакулин П. Н. Социологический метод в литературоведении. М., 1925. 240 с.

Семинарий русской филологии акад. В. Н. Перетца. Участники Семинария — своему руководителю. Л., 1929. 58 с.

Семинарий русской филологии при императ. Университете св. Владимира под руководством проф. В. Н. Перетца. 1 пятилетие 1907–1912. Киев, 1912. 64 с.

Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы. 1848–1908 гг. СПб., 1909. 7-е изд. VIII+487 с.

Тоддес Е. А., Чудаков А. П., Чудакова М. О. [Комментарий к статье «Литературный факт»] // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / сост. Е. А. Тоддес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова. М., 1977. С. 507–518.

Чудакова М. О. [Комментарий к статье «Георгий Маслов»] // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / сост. Е. А. Тоддес, А. П. Чудаков, М. О. Чудакова. М., 1977. С. 450–453.

Якобсон Р. О. Формальная школа и современное русское литературоведение. М., 2011. 280 с.

References

Otdel rukopisei Rossiiskoi natsional'noi biblioteki (Saint Petersburg).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv literatury i iskusstva (Moscow).

Rukopisnyi otdel Instituta russkoi literatury (Moscow).

Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN (Saint Petersburg).

Adrianova-Peretts, V. P. “Peretts Vladimir Nikolaevich.” *Kratkaia literaturnaia entsiklopediia*. Moscow, 1968, vol. 5, stb. 671–672.

Adrianova-Peretts, V. P. “Vladimir Nikolaevich Peretts (1870–1935).” *Peretts, V. N. Issledovaniia i materialy po istorii starinnoi ukrainskoi literatury XVI–XVIII vekov*. Moscow; Leningrad, 1962, p. 206–233.

Bakhtin, M. M. (pod maskoi). *Freidizm. Formal'nyi metod v literaturovedenii. Marksizm i filosofiia iazyka. Stat'i*. Moscow, 2000, 640 p.

“Balukhatyi Sergei Dmitrievich.” *Literaturnaia entsiklopediia: V 11 t.* Moscow, 1929, vol. 1, stb. 717.

Berkov, P. “Peretts Vladimir Nikolaevich.” *Literaturnaia entsiklopediia: V 11 t.* Moscow, 1934, vol. 8, stb. 536–538.

Chudakova, M. O. “[Kommentarii k stat'e «Georgii Maslov»].” Tynianov, Iu. N. *Poetika. Istoriia literatury. Kino* / eds. Toddes, E. A.; Chudakov, A. P.; Chudakova, M. O. Moscow, 1977, p. 450–453.

Iakobson, R. O. *Formal'naia shkola i sovremennoe russkoe literaturovedenie*. Moscow, 2011, 280 p.

Likhachëv, D. S. *Tekstologia. Na materiale russkoï literatury X–XVII vekov*. 2-e izd., Leningrad, 1983, 645 p.

Medvedev, P. N. *Formal'nyĭ metod v literaturovedenii. Kriticheskoe vvedenie v sotsiologicheskuiu poëtik*. Leningrad, 1928, 232 p.

Nazarenko, Ia. A. *Istoriia russkoï literatury XIX v.* Leningrad; Moscow, 1925, IV, 384 p. [N. L.] “Nazarenko Iakov Antonovich.” *Literaturnaia èntsiklopediia*: V 11 t. Moscow, 1934, vol. 7, stb. 575.

Peretts, V. N. *Iz leksiĭ po metodologii istorii russkoï literatury: Istoriia izucheniia. Metody. Istochniki / Korrektornoe izdanie na pravakh rukopisi*. Kiev, 1914, VIII+496 p.

Peretts, V. N. *Kratkiĭ ocherk metodologii istorii russkoï literatury. Posobie i spravochnik dlia prepodavatelei, studentov i dlia samoobrazovaniia*. Petrograd, 1922, 164 p.

Peretts, V. N. *Kratkiĭ ocherk metodologii istorii russkoï literatury. Posobie i spravochnik dlia prepodavatelei, studentov i dlia samoobrazovaniia*. Moscow, 2010, 246 p.

Peretts, V. N. “Kukol'nyĭ teatr na Rusi. Istoricheskiĭ ocherk.” *Ezhegodnik imp. Teatrov, sezon 1894–1895 g.* 1895, book 1, p. 85–185, attachment.

Pypin, A. N. *Istoriia russkoï literatury*. Saint Petersburg, 1898–1899, vol. 1–4.

Rozhdestvenskaia, M. V. “K istorii Otdela (Sektora) drevnerusskoï literatury IRLI AN SSSR (1932–1947 gg.)” *Trudy otdela drevnerusskoï literatury*. Saint Petersburg, 1989, vol. 42, p. 3–52.

Rosovetskiĭ, S. K. *Ob akademike Vladimire Nikolaeviche Perettse (1870–1935)*. URL: <http://aej.org.ua/History/1440.html> (accessed: 20.03.2020).

Sakulin, P. N. *Sotsiologicheskiiĭ metod v literaturovedenii*. Moscow, 1925, 240 p. *Seminariĭ russkoï filologii akad. V. N. Perettsa. Uchastniki Seminariia — svoemu rukovoditel'iu*. Leningrad, 1929, 58 p.

Seminariĭ russkoï filologii pri imperat. Universitete sv. Vladimira pod rukovodstvom prof. V. N. Perettsa. I piatiletie 1907–1912. Kiev, 1912, 64 p.

Skabichevskiĭ, A. M. *Istoriia noveĭsheĭ russkoï literatury. 1848–1908 gg.* Saint Petersburg, 1909, 7-e izd., VIII+487 p.

Toddes, E. A.; Chudakov, A. P.; Chudakova, M. O. “[Kommentariĭ k stat'e «Literaturnyĭ fakt»].” Tynianov, Iu. N. *Poëtika. Istoriia literatury. Kino* / eds. Toddes, E. A.; Chudakov, A. P.; Chudakova, M. O. Moscow, 1977, p. 507–518.

Vinogradov, V. V. “Siuzhet i kompozitsiia povesti Gogolia «Nos».” *Nachala*. Petrograd, 1921, № 1, p. 82–105.

Zhirmunskiĭ, V. M. “K voprosu o «formal'nom metode».” Val'tsel', O. *Problema formy v poëzii*. Petersburg, 1923, p. 8–23.

Zhirmunskiĭ, V. M. “Zadachi poëtiki.” *Zadachi i metody izucheniia iskusstv*. Petersburg, 1924.

Mihail A. Robinson

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The theoretical innovation of V. N. Peretz in the field of methodology
for studying the history of literature.

To the 150th anniversary of the birth of the researcher

The article analyzes the methodological views of the academician V. N. Peretz, an outstanding Russian researcher and teacher. Refusing to follow the canons of the cultural-historical school of Russian literary criticism, in his works “From Lectures on the Methodology of the History of Russian Literature” (Kiev, 1914) and “A Brief Essay on the Methodology of the History of Russian Literature” (Petrograd, 1922) the researcher tried to find new approaches to the analysis of literary works. He believed that “the history of literature examines and studies the formal side of the works of verbal creativity, its evolution, leaving the cultural historian to study the content, the ideological side of the monuments of the past as such.” Peretz’s judgments were similar to those adopted by the followers of the OPOYAZ school (The Society for the Study of Poetic Language), and even had a certain influence on the development of formalism at the initial stage. This circumstance was noted by such researchers close to this research community as V. M. Zhirmunsky and its active members like Roman Jakobson. The relationship of Peretz’s theoretical positions with the methods of the Russian formalist school caused criticism from the followers of “Marxist” methodology in the 1920s. In the disputes between the formalists and the “Marxists”, Peretz clearly sympathized with the former believing that they were trying to “resurrect philology.” Peretz himself characterized his “Methodology” as “not Marxist” and had faint hopes for the possibility of its publication, although he continued to work on it. However, he never finished and published the extended version. His “Short Sketch” was reprinted twice abroad before being printed again in his homeland in 2010, 88 years after the first edition.

Keywords: *V. N. Peretz, V. M. Zhirmunsky, R. O. Jakobson, P. N. Sakulin, methodology, history of literature, Russian formalism.*

Эмилий Диллон, англо-русский ученый и его архив в США

Данная статья посвящена отдельным эпизодам жизни уникального по своим талантам и многогранности деятельности Эмилия Диллона, англичанина, многие годы прожившего в России и считавшего ее своей второй родиной. Диллон был ученым-ориенталистом, полиглотом, журналистом, писателем, который всегда оказывался в самый интересный момент во многих «горячих точках» мира на рубеже XIX–XX вв., получив в конце жизни в Великобритании звание академика. Он был первым переводчиком на английский язык «Крейцеровой сонаты» Л. Н. Толстого, с которым поддерживал деловые и дружеские отношения. Попав в Россию еще в 1877 г., он покинул ее только в 1917 г. Получив образование во Франции, Германии и России, он стал уникальным человеком, чьи таланты с успехом использовали разведки многих стран. Период преподавания в Харьковском университете был кратким, и после получения должности корреспондента лучшей в то время английской газеты *The Daily Telegraph* в Санкт-Петербурге началась его яркая карьера журналиста, выполнявшего самые невероятные поручения английского, российского и, возможно, других правительств и государственных лиц. С. Ю. Витте неслучайно называл его верным человеком и «первым среди публицистов своего времени»¹. Находки в архиве библиотеки Стэнфордского университета позволили раскрыть его тайную миссию на восставшем в 1897 г. Крите, где он вместе с еще двумя военными корреспондентами из Англии выполнял поручения командиров международной эскадры четырех держав — покровительниц Греции — Англии, России, Франции и Италии, оккупировавшей остров. Его корреспонденции и заметки дают уникальную картину взаимоотношений на Крите двух непримиримых сторон — инсургентов (христиан) и мусульман. Архив Диллона в США богат и другими материалами, которые могут быть интересны и исследователям-славистам. Ключевые слова: Э. Диллон, учеба и преподавание в России, корреспондент «*The Daily Telegraph*», восстание на Крите 1897 г., миссия Диллона на Крите, личный архив в США.

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.5.03

¹ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 414.

В библиотеке частного Университета в Стэнфорде в разделе Особые коллекции хранится обширный архив академика Эмилия Диллона (1854–1933 гг.)², удивительного человека, выдающегося ученого-лингвиста, журналиста и писателя, многие годы прожившего в России и считавшего ее второй родиной. Наиболее емкая цитата о нем имеется в «Воспоминаниях» крупного политического деятеля России, министра финансов графа С. Ю. Витте³. Э. Диллон сопровождал С. Ю. Витте в его поездке в Америку на пароходе в июле 1905 г., после окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг., куда Витте направлялся для обсуждения условий будущего мира с Японией при посредничестве американцев. Витте высоко отзывался об Эмилии Диллоне. Он писал, что из сопровождавших его иностранных корреспондентов выделялся «доктор русского университета, англичанин, весьма порядочный и верный человек, очень талантливый, пользующийся большой известностью в Англии и Америке, публицист Диллон. Он, как бывший профессор сравнительного языковедения в Харьковском университете, хорошо говорит и пишет по-русски, отлично знает Россию и в особенности современное состояние, имея связи со всеми партиями и слоями общества». Министр также указывал: «Что касается Европы, то в сущности Диллон и Гедеман (корреспондент *Matin*. — О. С.) дирижировали все сообщения в европейскую печать»⁴. Любопытный факт, отмеченный Витте в его воспоминаниях: «Из середины океана было дано Диллоном по воздушному телеграфу его интервью со мной по поводу предстоящих моих переговоров. Это было первое интервью со времени существования прессы, которое было дано по воздушному телеграфу с середины океана. Интервью это, где я высказывал мой образ действий, затем было, конечно, напечатано во всех европейских газетах, и оно определило, как я смотрю на дальневосточную мою задачу»⁵.

Эмилий Диллон, или Эмилий Михайлович, как называли его в России, являлся, без преувеличения, выдающейся, многогранной личностью. Он был ученым-ориенталистом, полиглотом, журналистом, писателем, который всегда оказывался в самый интересный момент во многих «горячих точках» мира на рубеже XIX–XX вв., получив в конце жизни звание академика.

2 Department of Special Collections. Stanford University Libraries. E. J. Dillon Papers.

3 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 414–415.

4 Там же. С. 412–413.

5 Там же. С. 416.

Несмотря на все это, Э. Диллон до сих пор не заслужил достойной его биографии книги или монографического описания. Поэтому приходится по крупицам собирать данные о его жизни, пользоваться краткими справками в библиографических и энциклопедических словарях, например в самом крупном энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, изданном в Санкт-Петербурге в 1890–1907 гг. Эмилий Джозеф Диллон родился 9 (21) марта 1854 г. в Дублине. Родители дали ему классическое образование, надеясь, что сын станет католическим священником. Но у мальчика рано обнаружились необыкновенные лингвистические способности, которые развивались по мере его обучения в Англии, затем во Франции, где он слушал лекции в *College de France*, после в Тюбингенском и Лейпцигском университетах, где занимался философией и сравнительной филологией. Круг интересов молодого ирландца был весьма широк: он изучал литературу, древние, классические, современные европейские и восточные языки (общее число их — 26), историю философии и религии, делал первые шаги в области сравнительного языкознания. Широкая эрудиция и талант к языкам открывали перед ним широкий выбор профессий в будущем.

В Россию Диллон попал, как пишут, по личному приглашению (однако выяснить, от кого он его получил, пока не удалось) еще в 1877 г., как раз накануне Русско-турецкой войны, и поселился в Одессе, самом многонациональном портовом городе. В 1880–1881 гг. на русском языке в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Одесских новостях» и «Одесском вестнике» были опубликованы его статьи и рассказы, которые были замечены читающей публикой. В 1880 г. Э. Диллон выдержал экзамен на магистра восточных языков в Санкт-Петербургском университете. В том же году Диллон опубликовал большую рецензию на первые два выпуска «Всеобщей истории литературы» под редакцией В. Ф. Корша⁶, где подробно проанализировал ошибки русских и немецких ученых, касающиеся литературы древнего Востока. Диллон имел смелость выступить в защиту русского гениального химика Д. И. Менделеева, которого в ноябре 1880 г. забаллотировали на выборах в Российскую Императорскую академию наук. Он интересовался студенческими волнениями, а полиция начала интересоваться его университетскими знакомствами. Впоследствии Э. Диллон считал, что именно это привело к тому, что

⁶ Всеобщая история литературы: В 4 т. / под ред. В. Ф. Корша, А. Кирпичникова. СПб., 1880–1892.

в мае 1881 г. двери Санкт-Петербургского университета вдруг неожиданно закрылись для него. Однако выход вскоре нашелся, факультет восточных языков был еще и в Харькове. Судьба благоволила этому целеустремленному человеку. Перейдя на филологический факультет Харьковского университета, Эмилий Михайлович в 1883 г. защитил магистерскую диссертацию по сравнительному языкознанию, а в 1884 г. — докторскую и был назначен экстраординарным профессором. Диллон стал автором многих ученых сочинений по языкознанию, истории религий, критических и литературных статей на русском, английском, немецком и французском языках⁷.

Однако в Харьковском университете, хотя его и избрали в экстраординарные профессора, он не был утвержден министерством и только исполнял обязанности профессора (по временно вакантной должности) на кафедре сравнительного языкознания (с августа 1884 г. по январь 1887 г.). Не получив полноценной должности, Диллон подал прошение об отставке и перебрался вновь в Одессу. Так закончилась его педагогическая деятельность и началась яркая карьера журналиста, выполнявшего самые невероятные поручения английского, российского и, возможно, других правительств и государственных лиц. С. Ю. Витте не случайно называл его верным человеком и «первым среди публицистов своего времени»⁸. С годами Э. Диллон станет «полуофициальным послом» мира, а возможно, и агентом сразу нескольких разведок, но прежде всего — английской.

Его статьи, печатавшиеся в июле 1887 — феврале 1888 г. в газетах «Одесские новости» и «Одесский вестник», были замечены не только в России, но и в Англии, и вскоре Диллон получил предложение от ведущей лондонской газеты *The Daily Telegraph* (а затем и журнала *Contemporary Review*) стать ее специальным корреспондентом в Санкт-Петербурге, куда он немедленно перебрался.

С этого времени он, как английский корреспондент ведущей газеты, в совершенстве владеющий русским языком, находился в центре

⁷ Следует назвать, к примеру, статьи Э. Диллона «Michael Katkoff» (*Contemporary Review*, 1887 г.), «Russian Orthodoxy and Russian Sects» (*American Catholic Quarterly Review*, 1890 г.), «Mickiewicz, the National Poet of Poland» (*Fortnightly Review*, 1890 г.). Ему принадлежит книга «Дуализм в Авесте» (*Диллон Э. Дуализм в Авесте*. СПб., 1881), а также статья «История скандинавской литературы в средние века» во «Всеобщей истории литературы» (*Всеобщая история литературы*. Т. 2) и др.

⁸ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 414.

всех важнейших политических, культурных, общественно-исторических событий России. Среди его новых русских знакомых оказались известные писатели, художники, композиторы, политические деятели. В числе близких друзей были В. С. Соловьев и Н. С. Лесков.

В западной, особенно английской, историографии имя Эмилия Диллона до сих пор представляет интерес лишь благодаря его близкому знакомству с великим русским писателем и мыслителем Л. Н. Толстым. Диллон, который произвел хорошее впечатление на Льва Николаевича, стал одним из первых переводчиков опубликованной в Англии, но запрещенной тогда в России повести «Крейцера соната», которая имела колоссальный успех. Затем случилась шумная история, связанная с публикацией за границей статьи Толстого «О голоде». Находясь в России, Эмилий Михайлович не раз посещал Ясную Поляну и брал интервью у Льва Николаевича, который поставил ему условие не публиковать эти материалы при его жизни. Диллон сдержал слово, и книга «Граф Лев Толстой. Новый портрет» впервые вышла в Лондоне только в 1934 г.⁹ Но он сам уже не дождался выхода тиража. Книга Э. Диллона, а также его статьи о Л. Н. Толстом, а позже и о России, которую он наблюдал в революционные 1905–1906 и 1917 гг., не были переведены на русский язык, скорее всего из-за его неприятия нового строя в России. Исключением стала одна небольшая глава из его книги, опубликованная в сборнике «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников»¹⁰. А между тем это уникальный труд, поскольку сам Диллон в те годы искренне разделял толстовские идеи. В 1972 г. в Нью-Йорке книга Э. Диллона была переиздана и теперь вполне доступна для исследователей. Об этом поведала молодая исследовательница А. Ю. Кунгурцева в работе «Л. Н. Толстой в современном английском и американском литературоведении»¹¹.

9 *Dillon E. J. Count Leo Tolstoy. A New Portrait. New York, 1972; Dillon E. J. Russia Today & Yesterday. London; Toronto, 1929; Dillon E. J. Count Tolstoy's Faith and Practice // The Review of Reviews. 1892. Vol. V. No 25. P. 35–37; Dillon E. J. Count Tolstoy — His Disciples and Traducers. A Russian Literary Causerie // The Review of Reviews. 1892. Vol. V. No 28. P. 414–416.*

10 *Диллон Э. Мое первое посещение Ясной Поляны // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1978. Т. 1. С. 473–478.*

11 *Кунгурцева А. Ю. Л. Н. Толстой в современном английском и американском литературоведении // lit-yaz.ru. 22.01.2015. URL: <http://www.lit-yaz.ru/literatura/102750/index.html?page=9> (дата обращения: 09.07.2020).*

Однако жизнь Эмилия Диллона не ограничивалась его научной и журналистской деятельностью, но была также насыщена событиями международной политики, о чем практически нет исследований. Диллон, чрезвычайно смелый журналист и человек, никогда не сидел на месте. Во время армянской резни 1890-х гг. в Турции он предпринял опасное путешествие в Армению и Курдистан и установил виновность в погроме турецких солдат и турецкого правительства.

Он стал по указанию английского правительства свидетелем и летописцем одного из острейших политических событий конца XIX — начала XX в. — все еще неразрешенного критского вопроса. Греческое государство, созданное в результате войны за независимость 1821–1829 гг. при поддержке великих европейских держав-покровительниц — Англии, России и Франции, оставило за своими границами значительные греческие земли, в том числе остров Крит, издавна населенный греками и по праву считавшийся частью эллинистического мира. Критские восстания, целью которых было присоединение острова к греческому королевству, происходили в XIX в. почти каждые десять лет. В конце XIX в. вспыхнуло очередное критское восстание, вызвавшее греко-турецкую войну и оккупацию острова великими державами, стремившимися не допустить возникновения большой европейской войны. Бурные события на Крите (блокада критского побережья, спасение православного населения от турецкой резни, высадка и оккупация острова военно-морскими силами четырех европейских держав в 1897 г. — Великобритании, Италии, России и Франции, начало многолетней миротворческой операции 1897–1909 гг. и многое другое) описаны в трудах российских и зарубежных историков¹². В результате присутствия крупного контингента войск на «Великом острове Средиземноморья» и флотов европейских держав в критских водах Турции пришлось в 1897 г. вывести войска с острова, признать автономию, дарованную Криту четырьмя державами-покровительницами, а также смирить-

12 С. Т. Хроника дипломатической истории Крита с 1896 по 1913 гг. // Известия МИД. 1913. Кн. 4; *Μουρέλος Ι. Δ.* Ιστορία της Κρητης. Τ. Ι–3. Ιρακλιον, 1950; *Ιστορία του Ελληνικου Έθνους*. Αθήνα, 1980. Τ. ΙΓ (13); *Psomiades H. J.* The Eastern Question: The Last Phase. Thessaloniki, 1968; *Jelavich B., Jelavich J.* The Establishment of the Balkan National States, 1804–1920. Washington, D.C., 1980; *Κοφός Ο.* Ελληνισμος στην περίοδο 1869–1881. Αθήνα, 1984; *Соколовская О. В.* Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М., 2006; и др.

ся с назначением верховным комиссаром четырех держав на Крите греческого принца Георга.

Занимаясь историей русского присутствия на Крите, мне посчастливилось найти личный архив Э. Диллона, хранящийся среди прочих личных архивов в библиотеке частного университета в Стэнфорде (Калифорния), а затем, после непродолжительной переписки, получить уникальные материалы¹³.

В ходе работы над материалами личного фонда Эмилия Диллона пришло понимание настоящего масштаба этой личности, хотя, по понятным причинам, меня интересовали его критские материалы. Приведу лишь архивное описание содержания одной из десятков коробок с его материалами под номером 7, с датировкой 2 августа 1896 г. — 24 января 1901 г. В ней собраны телеграммы от разных лиц, письма к Диллону, черновики и газетные вырезки множества статей Диллона для греческих и английских газет, различные заметки по истории Греции и Крита, т. е. подготовительный материал для публикаций в прессе. Среди имен: сам Э. Диллон, его коллега Натаниэль Беннет, идеолог и руководитель критского восстания и будущий премьер Греции Элефтериос Венизелос, турецкий султан Эдем-паша, капитан Негрепонте, принц Константин Греческий, ставший в 1897 г. верховным комиссаром великих держав на Крите, эллинофил Джон Геннадиус, руководитель критских повстанцев полковник Т. Вассос¹⁴, русский контр-адмирал Д. Г. фон-Фелькерзам, командир эскадренного броненосца «Император Николай I» (тогда еще капитан I ранга. — *О. С.*), находившегося на Крите в составе международной эскадры, и многие другие. Материалы на английском, французском,

13 Приношу свою благодарность руководству библиотеки за разрешение пользоваться архивом и за помощь в копировании и отправке всех отобранных мною материалов. Финансовые издержки взял на себя американец русского происхождения, коллекционер и ученый Александр Махов. Хорошее дело всегда притягивает хороших людей. После опубликования в Греции моей статьи о миротворческой миссии великих европейских держав на Крите в 1897–1909 гг. А. Махов прислал мне копии уникальных открыток, изданных русскими войсками на Крите, которые украсили обложку моей первой монографии по Криту (*Соколовская О. В. Россия на Крите...*).

14 Вассос Тимолеон (1836–1929) — полковник, затем генерал-лейтенант греческой армии. Вместе с сыном Андреасом Вассосом участвовал в высадке греческих войск на Крите в помощь инсургентам весной 1897 г.

немецком, греческом, турецком и русском языках, которыми прекрасно владел Диллон.

Документы свидетельствуют, что Э. Диллон не только информировал правительства великих держав о происходящем в эти годы в Греции и на Крите, но был связующим звеном между ними и правительством Греции, греческой королевской семьей, послами великих держав в Турции и Греции, капитанами судов, находящихся в критских водах, а также выполнял поручения ключевых участников критских событий.

Особый интерес для меня, безусловно, представляли папки из коробки № 4 с делами от 4-го по 27-е, озаглавленные «Критская война 1897 г.» и датированные 16 марта 1897 г. — 23 июня 1914 г. Каждая папка содержала значительный объем документов, вырезок, газет и даже книжек¹⁵. Это помогло собрать уникальный материал, посвященный восстанию на Крите, а также роли английских корреспондентов в нем.

Зимой 1897 г. в связи с усилением восстания на Крите на остров прибыли на кораблях великих держав лучшие представители европейской прессы — известные и весьма опытные корреспонденты. Так, к прибытию на Крит 45-летний Э. Диллон считался самым известным специальным корреспондентом ведущей лондонской газеты *The Daily Telegraph*, журнала *Contemporary Review* и других.

Эмилий Диллон оказался в компании еще двух выдающихся англичан: военного корреспондента *The Times* сэра Эрнеста Натаниэля Беннетта (1865–1947), будущего британского академика, политика, исследователя и писателя, который был на 11 лет моложе Диллона; а также одного из лучших английских художников-иллюстраторов конца Викторианской эпохи, военного корреспондента Мэлтона Приора (1845–1910), по чьим рисункам, публиковавшимся в журнале «Иллюстрированные лондонские новости», английская публика знала в лицо всех действующих лиц критской эпопеи. Можно назвать их пребывание на Крите секретной миссией, которую доверило им английское правительство. В обязанности Диллона и Беннета входил сбор информации в противоборствующих группировках на Крите (т. е., с одной стороны, среди восставших христиан и пришедших к ним на помощь греческих войск во главе с полковником Т. Вассосом, которые высадились с разрешения греческого короля Георга I на острове вес-

15 Department of Special Collections. Stanford University Libraries. E. J. Dillon Papers. Box. 4. F. 19. P. 2.

ной 1897 г., а с другой стороны, среди критских мусульман и турецких войск). Оба журналиста являлись также агентами адмиралов четырех держав-покровительниц, выполнявшими деликатные поручения, осуществляли связь между военными, дипломатами и политиками Крита, Греции и великих держав. Сам Беннетт позже открыто признавался, что выполнял задания британского генерального консула на Крите Альфреда Биллиотти и адмиралов великих европейских держав. При этом, как свидетельствуют документы — дневники, черновики сообщений и статьи Диллона и Беннетта, которые хранятся в Стэнфордском университете, — они лично сочувствовали разным группировкам и религиозным общинам, воюющим на Крите. Видимо, в этом также изначально заключался глубокий смысл.

Беннетт еще не раз возвращался на Крит и окончательно уехал только в конце 1898 г., когда остров покинули сначала греческие, а позже турецкие войска. В статье «Среди критских инсургентов» он с возмущением описывал события марта 1898 г., когда весь турецкий гарнизон из Ретимно отплыл с Крита, а инсургенты спускались с гор и обстреливали отходящие силы. Это было повторением кошмара, пережитого мирным турецким населением Крита в начале 1897 г. Оказавшиеся в окружении инсургентов и прибывших на остров греческих добровольцев в деревне Конданос, турки смогли добраться до набережной в Селино для эвакуации с острова только благодаря действиям международного отряда, который оттеснил инсургентов и помог посадке на суда. И даже после этого, как писал Беннетт, инсургенты стремились преследовать и грабить несчастных беженцев¹⁶.

Доброжелательное отношение, искреннее сочувствие, которые испытывал Беннетт к туркам, будут иметь продолжение: он станет турецким спецкором *The Manchester Guardian*, подружится с выдающимся реформатором Мустафой Кемалем Ататюрком и напишет замечательную книгу о Турции, которая будет лежать на тумбочке возле умирающего Ататюрка в 1938 г.

В многочисленных статьях Э. Диллона, хранящихся в оттиках или в черновиках в архиве Университета в Стенфорде, таких как «Судьба Греции» 1897 г., очерки о Крите, «Греция и Крит» и др., написанных непосредственно на острове, наоборот, сильно чувствуются традиции эллинофильства, заложенные еще во времена Байрона, которые сохранялись и на рубеже веков: английская пресса всегда бурно выражала свою поддержку восставшим христианам на Крите

16 Ibid.

и стала исподволь приводить читателя к мысли о конце турецкого владычества на острове. Э. Диллон был признанным в Греции и в Европе эллинофилом. Его корреспонденции и сообщения с острова демонстрировали сочувствие греческому христианскому населению. Первые же корреспонденции Диллона, например его «Эпизоды критской жизни», датированные 8 марта 1897 г., опубликованные в *The Daily Telegraph* (16 марта 1897 г.), произвели сенсацию и способствовали активизации европейской политики по умиротворению пылающего острова.

Следует отметить чрезвычайную смелость Э. Диллона, Н. Бэннета и М. Приора, которые не сидели в относительно спокойной столице Крита Кане (Ханье), а постоянно путешествовали по гористому острову. Путешествия были опасными, и во время этих прогулок они могли легко попасть под пули инсургентов или турок. Приор славился тем, что мог в гуще военных событий зарисовать их с необычайной точностью и скоростью. Затем его наброски обрабатывались профессиональными рисовальщиками для журнала.

Хочется привести несколько эпизодов из жизни Крита, написанных Диллоном и почерпнутых мною в личном фонде архива Стэнфордского университета. Заметки частично использованы в моей второй монографии по Криту¹⁷ и являются характерными для образа мыслей и стиля письма Диллона.

«Вчера было воскресенье, — писал Диллон, — и оно было омрачено на Крите сражением [...]. В местечке, названном Малакса, находящемся на расстоянии часа ходьбы от Канеи, мусульмане занимали крупное здание, называемое блокгаузом, в то время как христиане намного свободнее расположились в различных пунктах вокруг него. Христиане, за неимением артиллерии, не могли быстро вытеснить мусульман и вынуждены были открывать огонь по любой голове в тюрбане, которая показывалась из-за здания. Ситуация не менялась в течение нескольких недель, но провизия у оборонявшихся сокращалась [...]. Они привыкли жить малым, но не были мастерами жить вообще без всего. Если бы был найден выход и возможность пополнить свои запасы, они бы держались; но их вездесущий противник был невидим; а его присутствие обнаруживалось лишь теми разрушени-

¹⁷ Соколовская О. В. Великий остров Средиземноморья, Греция и миротворческая Европа. 1897–1909 гг.: К 100-летию присоединения Крита к Греции. М., 2013.

ями, которые происходили вокруг»¹⁸. Диллон отмечал, что «какие бы недостатки критяне ни имели, они храбры и тверды — неважно, христиане или мусульмане»¹⁹. Христиане-инсургенты, которые располагались на высотах вокруг деревни Малакса, по его мнению, были людьми именно такого типа. «Они спали на открытом воздухе, темно-синее море плескалось у их ног внизу, а сверху нависали горы с заснеженными вершинами. Их укрытием служили то стволы оливы, то валуны или разрытая земля, остатки старинных каменных стен, т. е. все, что только можно было себе придумать». «И так они ждали день за днем, — продолжал Диллон, — направив свой острый взгляд, чтобы поймать тень неосторожного турка и приготовиться выстрелить в эту еле различимую мишень». Мусульмане, которые оказались зажатыми в Малаксе, умудрились все же сообщить о своем бедственном положении друзьям и сородичам в Кане, и последние решили доставить им провизию, что было нелегко осуществить. Вокруг были рассередоточены христиане-стрелки, а что еще хуже, нужно было пройти через три маленьких христианских деревни внизу, расположенных возле Кане. «Белые домики этих деревушек красиво контрастировали с ярко-зелеными цветущими оливковыми посадками, — писал Диллон. — Зоркие глаза должны были видеть, а чуткий слух улавливать слабые звуки приближения мусульман, идущих на поддержку сородичей». Риск был велик, «600 стойких мусульман, включая солдат регулярных войск и жаждущих христианской крови добровольцев, вышли темной ночью из Кане и направились в Малаксу. Через некоторое время они без всяких помех доставили мешки с мукой, сухарями и другими жизненно важными продуктами страдающим друзьям, лица которых теперь сияли [...]. Теперь мусульманам можно было продержаться еще недели две, ожидая, что удача окажется на их стороне. [...] Уже совсем рассвело, когда посланники, как триумфаторы, окрыленные удачей проведенной рискованной операции, вооруженные до зубов, с развернутыми флагами и баннерами, отправились в обратный путь». «Это были одни из тех сладких минут южного приморского утра, когда все расцветает нежнейшими красками весны, а морской прибой ласково шумит и переливается оттенками голубого [...], — писал поэтично Диллон. — Всего-то каких-

18 Department of Special Collections. Stanford University Libraries. E. J. Dillon Papers. Box. 4. F. 10. P. 1. Черновики статей Э. Диллона для The Daily Telegraph за 1897 г.

19 Ibid. P. 2.

нибудь 15 минут пути на север и уже видны [...] минареты, хорошо охраняемые турецкими войсками гарнизоны, а также лежащие в руинах улицы Канеи. На высотах к востоку располагались два вражеских для турок лагеря; они были хорошо видны и различимы благодаря греческим флагам — это были христиане, находившиеся в монастыре в деревне Элиас. Орудия с военных кораблей пытались снести греческие флаги, провоцировавшие османов. Но турецкий гарнизон, находившийся поблизости, молчал, потому что все были мертвы». И далее: «По звукам стрельбы невозможно было сказать, чья брала [...]. В численном отношении турки превосходили греков вдвое, кроме того, пришедшие из Канеи, где не существовало проблем с провизией, находились в лучшей форме. Если бы им позволили сойтись в открытом бою — они были бы счастливы. Но не имелось видимого противника, с кем следовало сражаться. Они с трудом различали что-либо или кого-либо, в то время как пули летели в них градом [...]. В конце концов потесненные мусульмане, числом около 120 человек, решили вернуться обратно в город, а по пути передохнуть в гарнизоне. Другая группа, продолжая стрелять на ходу, постепенно приближалась к христианской деревушке, неподалеку от которой находился и я. [...] После огненной вспышки из самого большого и самого белого дома христианской деревушки повалил серо-голубой дым, затем из другого дома и т.д.» «Это была мусульманская месть, — заключал автор статьи, — они ее жаждали в отношении невидимого врага на высотах гор, которого невозможно ни поймать, ни наказать. Поджог деревень присущ только мусульманам Крита. Два вероисповедания враждовали между собой, и это была настоящая война, на которой все средства хороши». Как только пожар разгорелся и красные языки пламени охватили крыши домов, а балки стали с грохотом падать на землю, отряд, подняв раненых, продолжил свое движение к городу. Картина была впечатляющая: «Длинные шеренги смуглых мужчин, напоминавших демонов, двигались вдоль иссушенной белой дороги в священном молчании. Суровые, бесчувственные, жестокие лица людей, с полным отсутствием обычных человеческих эмоций, людей, преступивших все границы дозволенного, имели выражение, сходное с дьявольским. Некоторые из мусульман потеряли свои тюрбаны и кое-как обвязали головы платками. У некоторых одежда была изорвана в клочья. Если бы не трагичность момента, вид этих людей показался бы даже комичным. Три героя, похожих на головорезов, шли, засунув сигареты за ухо, как заправские клерки прячут свои карандаши. Двое раненых ехали верхом на мулах. Картину дополня-

ло ужасное человекоподобное существо: обернутое в мокрые окровавленные тряпки, со спутанными волосами, дрожащими руками, бледное, с глазами, мутно смотрящими куда-то. Он вдруг замер и мне показалось, что он умер». На вопрос Диллона: «Этот человек мертв?» последовал спокойный ответ: «Аллаху виднее». «Бесчувственных, в промокших насквозь от крови одеждах, людей везли как туши убитого скота на рынок, — писал Диллон. — Одних раненых везли, других поддерживали под руки, а третьи брели сами, преодолевая боль. Кто-то стонал, кто-то молился, кто-то страдал молча, а кто-то проклинал громко врага. Но почти у всех спины и грудь были перетянуты широкими кожаными ремнями с патронташами, в которых даже оставались еще пули, не нашедшие христианскую мишень. Казалось, что все были даже воодушевлены, но держались, понятно, лишь на нечеловеческой ненависти к врагу». «Они казались настоящим божьим бичом, как и их враги, превратившие радостный плодородный остров в океан ужасных разрушений, — размышлял Е. Диллон. — Безжалостной рукой были срублены старые оливы, дома разрушены, поля и рощи уничтожены, источники воды засыпаны или отравлены. Свежий морской воздух теперь пропитался стойким запахом сгоревших кож животных и человеческих костей: это был апофеоз религиозной вражды. Ненависть, которая вдохновляла этих учеников “Бога мира”, поощрялась турецкими властями острова, приводила к смертям и разрушениям [...]». «Невозможно создать рай на земле, уничтожая ростки добра», — восклицал Диллон²⁰.

Восставшие христиане тем временем не приняли автономный статус и требовали союза с Грецией, подчиняясь теперь только высадившемуся на остров с греческими войсками полковнику Т. Вассосу, который обосновался со своим штабом в горах в деревне Аликиану. Адмиралы приняли решение послать для сбора информации о настроениях среди христиан, живущих в отдаленных районах, Диллона и Беннетта, которые путешествовали отдельно. А также они должны были раздать, по возможности, агитационный материал, подготовленный адмиралами.

Публицистическим результатом поездки Э. Диллона к инсургентам стала его статья в *The Daily Telegraph* от 27 марта 1897 г., которая называлась «Вместе с главарями инсургентов. Потрясающие приключения нашего специального корреспондента! “Союз с Грецией или смерть!”». Диллон писал: «Канея. Вечер. Пятница. Я только что

20 Ibid. P. 5.

завершил одну из самых интересных поездок в моей жизни, полную приключений, трудностей и незабываемых сцен, происходивших в дикой, горной стране, без дорог, мостов и полностью неприспособленной для человеческой жизни. Особое внимание было уделено взглядам критского населения на “автономию”, провозглашенную адмиралами 6 марта. Мне было поручено посетить провинции, раздать прокламации, собрать мнения людей и суммировать их взгляды»²¹.

Диллон получил пропуск во внутренние районы Крита и, одетый критским священником, который якобы в свое время присоединился к восставшим инсургентам в Акротири, приступил к выполнению задания. Как и все инсургенты, он теперь носил на плече винтовку и револьвер за поясом. Из лагеря повстанцев в Акротири Диллон с шестью компаньонами, включая Э. Венизелоса²², отправился в дальнее путешествие в горы. На другой берег Суда-бей их переправил русский паровой катер. «Через два часа мы все-таки высадились у подножия крутой горы в провинции Кидония, — писал Диллон. — Лил дождь, и, промокшие до нитки, мы поднялись по почти перпендикулярной дороге на гору с грузами за спиной, засыпая и спотыкаясь на каждом шагу и в постоянном напряжении, что могли быть убиты турками, которые находились в форте недалеко от нас. После нескольких часов ходьбы в таких условиях мы добрались до деревни Мегалокоорафья, где не смогли найти даже сухую одежду. Вожди инсургентов послали за сторонниками в соседнюю деревню, и вскоре появилось множество разных людей, которым было предложено прочитать прокламации (их читали лидеры) и обсудить их. Некоторые зло отказывались, некоторые отходили прочь, но все были не согласны с автономией и восклицали: “У нас должен быть только союз с Грецией, или мы умрем с оружием в руках! Да здравствует король Георг!”»²³

«Руководители инсургентов, по нашему приближении, собрали митинг жителей и передали прокламации главе деревни, — писал Диллон. — Выстрелы недовольства были ответом, и все начали го-

21 Ibid. P. 6.

22 Венизелос Элефтериос (1864–1936) — выдающийся критский революционер и греческий политический деятель, после 1910 г. неоднократно был премьер-министром Греции.

23 Department of Special Collections. Stanford University Libraries. E. J. Dillon Papers. Box. 4. F. 10. P. 7. Черновики статей Э. Диллона для The Daily Telegraph за 1897 г.

ворить одновременно. Толпа все увеличивалась. Некоторые сидели в стороне на мулах, но большинство стояло с оружием за плечами. Там были мэры, экс-мэры, нотабли и экс-депутаты из главного города Вамоса и из всех окружающих деревень провинции Апокорона. Среди них я заметил много священников, вооруженных так же, как и я. Большинство жителей соседних деревень принесли с собой греческие флаги, вызывавшие оглушительные приветствия. На крышах домов постоянно стояли люди, а ветки старой оливы были увешаны детьми. Старики в черном стояли под деревьями, спрятавшись от непогоды. Было около 3 тыс. человек, одетых во всевозможные одежды [...]. Большинство принадлежало к одному типу критских людей: красивые, бесстрашные, хорошо сложенные». «Мэр Вамоса сказал: “Мы объединены теперь с Грецией! Нам нравится быть под защитой ее войск. Нам нравятся законы и порядки во внутреннем Крите, и мы будем поддерживать их, если Европа оставит нас в покое. Мы отвергаем автономию и никогда не будем сотрудничать в ее установлении. Мы будем ей сопротивляться, пока не кончатся патроны. Вот наши взгляды и взгляды всех критян [...]”. Экс-депутат собрания Крита Паппадакис также произнес краткую речь: “Европа не понимает критский вопрос и поэтому находится на ложном пути. Мы знаем, чего мы хотим и почему. Наши причины носят не только сентиментальный характер, но и экономический тоже. Мы все хотим поддержать союз с Грецией любой ценой”. Его выступление получило громкую поддержку слушателей»²⁴. Диллон обратился к инсургентам с просьбой лично поговорить с людьми и задать им простой вопрос: хотели бы они принять автономию как шаг в сторону присоединения и почему, и когда они решили оказать сопротивление Европе. «Мой вопрос вызвал исключительное волнение [...], — отметил он. Один из лидеров инсургентов д-р Венизелос забрался на скалу и прочел громким голосом прокламацию адмиралов, объясняя значение автономии; он попросил высказаться людям. Затем написали ответ адмиралам и зачитали всем собравшимся. Дождь и ветер не испугали толпу: так важен был обсуждаемый вопрос. Переговоры сопровождались канонадой из соседней деревни, на которую где-то отвечали, что свидетельствовало о начале новой битвы [...]. Но обсуждение продолжалось. Какой-то крестьянин сказал: “Мы теперь свободны при короле Георге, и нам ничего не надо более, но если Европа хочет снова завоевать нас, мы готовы умереть. Я

24 Ibid.

сам потерял моего дорогого сына в битве, и я встречу смерть, если христианская Европа хочет забрать мою жизнь. Но мы будем сопротивляться автономии до самого конца»²⁵.

«На следующее утро с гор спустилась еще группа вооруженных до зубов инсургентов — человек 100, и им тоже раздали копии прокламации адмиралов, — продолжал описание событий Диллон. — Старый человек, 75 лет, д-р Милоноянаки, бывший директор Банка Крита, взял слово: “Мы все хотим союза с матерью-Грецией. По этому пункту нет разногласий между нами. Европа может уничтожить нас, но не может изменить наших убеждений. Пока хоть один грек жив, мы будем говорить, как делаю сейчас я: союз или смерть!”²⁶

Диллон записал после посещения внутреннего Крита следующее: «Если критяне так упрямы, бесстрашны и фанатичны, то трудно себе представить, каким путем смогут адмиралы, генералы и дипломаты установить автономию против их воли»²⁷. По прибытии в Суду Э. Диллон доложил свои наблюдения адмиралам, которые уже после вспыхнувшей в мае 1897 г. греко-турецкой войны постепенно передали управление Критом экспедиционному корпусу четырех держав во главе с их верховным комиссаром принцем Георгом Греческим. В 1898 г. под нажимом великих держав турецкие войска покинули Крит, а инсургенты, сначала организовав революцию 1905–1906 гг. и потребовав немедленного присоединения острова к Греции, в конце концов поняли всю нереальность такого быстрого решения критского вопроса, существовавшего на протяжении всего XIX в., смирились с действиями и намерениями великих держав-покровительниц — Англии, России, Франции и Италии — и сложили оружие.

Окончательно остров Крит был присоединен к Греции в 1913 г. в результате победоносных для греков двух Балканских войн 1912–1913 гг. Эмилий Диллон был также свидетелем и летописцем Балканских войн, находясь все это время в разных точках военных действий. В архиве библиотеки Стэнфордского университета имеется обширный материал об этом и других интереснейших отрезках жизни и аспектах деятельности Э. Диллона. Материалы ждут своих исследователей.

25 Ibid. P. 8.

26 Ibid.

27 Ibid.

Источники и литература

- Витте С. Ю.* Воспоминания. М.: Соцэкгиз, 1960. Т. 2. 639 с.
- Всеобщая история литературы: В 4 т. / под ред. В. Ф. Корша, А. Кирпичникова. СПб.: К. Риккер, 1880–1892.
- Диллон Э.* Дуализм в Авесте. СПб.: Тип. В. Ф. Демакова, 1881. 247 с.
- Диллон Э.* Мое первое посещение Ясной Поляны // Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 1. С. 473–478.
- Кунгурцева А. Ю.* Л. Н. Толстой в современном английском и американском литературоведении // lit-yaz.ru. 22.01.2015. URL: <http://www.lit-yaz.ru/literatura/102750/index.html?page=9> (дата обращения: 09.07.2020).
- Соколовская О. В.* Великий остров Средиземноморья, Греция и миротворческая Европа. 1897–1909 гг.: К 100-летию присоединения Крита к Греции. М.: Исл РАН, 2013. 410 с.
- Соколовская О. В.* Россия на Крите. Из истории первой миротворческой операции XX века. М.: Индрик, 2006. 148 с.
- С. Т.* Хроника дипломатической истории Крита с 1896 по 1913 г. // Известия МИД. 1913. Кн. 4. С. 196–218.
- Dillon E. J.* Count Leo Tolstoy. A New Portrait. New York: Haskell House, 1972. 286 p.
- Dillon E. J.* Count Tolstoy — His Disciples and Traducers. A Russian Literary Causerie // The Review of Reviews. 1892. Vol. V. No 28. P. 414–416.
- Dillon E. J.* Count Tolstoy's Faith and Practice // The Review of Reviews. 1892. Vol. V. No 25. P. 35–37.
- Dillon E. J.* Russia Today & Yesterday. London; Toronto: Dent, 1929. 338 p.
- Jelavich B., Jelavich J.* The Establishment of the Balkan National States, 1804–1920. Washington, D. C.: University of Washington Press, 1980. 374 p.
- Psomiades H. J.* The Eastern Question: The Last Phase. Thessaloniki: Institute for Balkan studies, 1968. 145 p.
- Ιστορία του Ελληνικού Έθνους. Αθήνα: Εκδοτική Αθηνών, 1980. Τ. ΙΓ(13). σσ. 471.
- Κωφός Ε.* Ο ελληνισμός στην περίοδο 1869–1881. Αθήνα: Εκδοτική Αθηνών, 1981. σσ. 197.
- Μουρέλος Ι. Δ.* Ιστορία της Κρήτης. Ηράκλειον: Τυπογραφείον “Ελευθέρας Σκέψεως”, 1950. Τ. Ι–3.
- Department of Special Collections. Stanford University Libraries. E. J. Dillon Papers.

References

- Vitte, S. Iu. *Vospominaniia*. Moscow: Sotsekgiz, 1960, vol. 2, 639 p.
- Vseobshchaia istoriia literatury*: V 4 t. Eds. V. F. Korsh, A. Kirpichnikov. Saint Petersburg: K. Rikker, 1880–1892.
- Dillon, E. *Dualizm v Aveste*. Saint Petersburg: Tip. V. F. Demakova, 1881, 247 p.
- Dillon, E. “Moe pervoe poseshchenie Iasnoi Poliany”. *L. N. Tolstoi v vospominaniakh sovremennikov*: V 2 t. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1978, vol. 1, p. 473–478.
- Kungurtseva, A. Iu. “L. N. Tolstoi v sovremennom angliiskom i amerikanskom literaturovedenii”. *lit-yaz.ru*. 22.01.2015. URL: <http://www.lit-yaz.ru/literatura/102750/index.html?page=9> (accessed: 09.07.2020).
- Sokolovskaia, O. V. *Velikii ostrov Sredizemnomor'ia, Gretsii i mirotvorcheskaia Evropa. 1897–1909 gg.: K 100-letiiu prisoedineniia Krita k Gretsii*. Moscow: ISl RAN, 2013, 410 p.
- Sokolovskaia, O. V. *Rossii na Krite. Iz istorii pervoi mirotvorcheskoi operatsii XX veka*. Moscow: Indrik, 2006, 148 p.
- S. T. “Khronika diplomaticheskoi istorii Krita s 1896 po 1913 g.” *Izvestiia MID*, 1913, book 4, p. 196–218.
- Dillon, E. J. *Count Leo Tolstoy. A New Portrait*. New York: Haskell House, 1972, 286 p.
- Dillon, E. J. “Count Tolstoi — His Disciples and Traducers. A Russian Literary Cause”. *The Review of Reviews*, 1892, vol. V, no 28, p. 414–416.
- Dillon, E. J. “Count Tolstoi’s Faith and Practice”. *The Review of Reviews*, 1892, vol. V, no 25, p. 35–37.
- Dillon, E. J. *Russia Today & Yesterday*. London; Toronto: Dent, 1929, 338 p.
- Jelavich, B., Jelavich, J. *The Establishment of the Balkan National States, 1804–1920*. Washington, D. C.: University of Washington Press, 1980, 374 p.
- Psomiades, H. J. *The Eastern Question: The Last Phase*. Thessaloniki: Institute for Balkan studies, 1968, 145 p.
- Istoria toy Ellhnikoy 'Ethnoys*. Athēna: Ekdotikē Athhnōn, 1980. T. I'G(13), 471 p.
- Kwfos, E. *O ellhnismos sthn periodo 1869–1881*. Athēna: Ekdotikē Athhnōn, 1981, 197 p.
- Moyrelos, I. D. *Istoria ths Krēths*. Hrakleion: Typografeion “Eleytheras Skepsews”, 1950, vol. I–3.
- Department of Special Collections. Stanford University Libraries. E. J. Dillon Papers.

Olga V. Sokolovskaya

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Emile Dillon, an English-Russian researcher, and his archive in the USA

This article is devoted to individual episodes of the life of Emile Dillon, unique in his talents and versatile of activity. He was an Englishman who lived in Russia for many years and considered it his second homeland. Dillon was an orientalist, polyglot, journalist, writer, who always found himself at the most interesting moment in many of the world's hotspots at the turn of the 19th and 20th centuries, receiving the title of academic at the end of his life in the UK. He was the first English translator for “Kreutzer Sonata” by L. N. Tolstoy, with whom he was in friendly relations. Having come to Russia in 1877, he left it only in 1917. Educated in France, Germany, and Russia, he became a unique man whose talents were successfully used by the intelligence of many countries. The period of teaching at Kharkov University was brief and after receiving the position of a St. Petersburg correspondent for “The Daily Telegraph”, the best English newspaper of the time, his bright career as a journalist started. He carried out the most incredible errands of English, Russian and possibly other governments and government officials. It is no coincidence that S. Yu. Witte called him a faithful man and “the first among the publicists of his time”. The findings in the archives of the Stanford University Library revealed his secret mission to the rebellious Crete in 1897, where he, along with two other war correspondents from England, carried out the assignments of the commanders of the international squadron of the four patron states of Greece — England, Russia, France and Italy (the latter occupied the island). His correspondence and notes give a unique picture of the relationship on the island of two irreconcilable parties — the insurgents (Christians) and the Muslims. The Dillon Archive in the United States is rich in other materials that may be of interest to slavists.

Keywords: E. Dillon, study and teaching in Russia, a correspondent of “The Daily Telegraph”, the Crete uprising in 1897, Dillon’s mission to Crete, personal archives in the United States.

УДК 930:94 (497.2)
ББК 63.4(3)

*А. А. Кудрявцев,
Институт археологии РАН
(Москва, Россия)
Н. С. Гусев
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)*

Балканская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1946 г. и ее влияние на развитие советско-болгарских связей в области археологии

В январе — феврале 1946 г. в рамках задач Балканской археолого-этнографической экспедиции АН СССР сотрудники Института истории материальной культуры и Института этнографии осуществили рабочую командировку в Болгарию. Эта страна рассматривалась как регион, изучение которого даст новые сведения о раннем этапе истории славян, а также была важна с учетом возросшего для советской исторической науки значения Византии. Болгарские власти уделяли большое внимание визиту советских ученых, им оказывали содействие государственные и научные организации, пресса освещала их поездку по стране. Сотрудники экспедиции на протяжении всего своего пребывания в Софии читали публичные лекции, затем изданные отдельным сборником статей. По возвращении глава экспедиции П. Н. Третьяков представил в Президиум АН СССР закрытый отчет, в котором довольно критически оценил уровень болгарской археологии, что, однако, вполне объяснимо конъюнктурными соображениями. Хотя результаты экспедиции получили одобрение руководства АН СССР и БАН, запланированные совместные археологические исследования так и не состоялись. Несмотря на это, проведение Балканской экспедиции имело большое значение как для советской стороны, так и для ученых Болгарии, заложило основы дальнейшего сотрудничества в области археологии. Позднее оно воплотилось в нескольких совместных экспедициях на территории СССР и Болгарии, имевших разносторонний охват целей работ. В статье также представлен очерк состояния болгарской археологии перед визитом советских ученых, рассмотрен подготовительный этап экспедиции и ее работа в Болгарии.

Авторская работа А. А. Кудрявцева выполнена при поддержке гранта Минобрнауки МК-1429.2019.6.

Ключевые слова: *Болгария, археология, А. В. Арциховский, Б. Д. Греков, П. Н. Третьяков, Институт истории материальной культуры, Институт этнографии, советско-болгарские научные связи.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.5.04

С древнейших времен территория Балкан и Болгарии в частности являлась одним из самых оживленных перекрестков мировой истории, через которые проходили народы и племена, за территорию которых боролись империи и национальные государства. Все это предопределило богатое археологическое наследие региона. На любительском уровне интерес к нему стал возникать в Болгарии еще в середине XIX в., но лишь после обретения страной свободы дилетантское собирание древностей получило научную основу. Произошло это благодаря чешским ученым — историку К. Иречку, археологам В. Добрускому, братьям Х. и К. Шкорпилам. К. Иречек подготовил опубликованное в 1882 г. «Руководство по собиранию географических и археологических материалов»¹. В Добруский же стал первым директором Археологического музея, возникшего 23 сентября 1892 г. на базе Отдела ценностей Болгарской народной библиотеки². 18 мая 1905 г., в день именин князя Фердинанда, музей был открыт для посещения. Собранная коллекция поначалу составляла всего 165 предметов, через 12 лет фонды насчитывали уже 23000 единиц хранения. Выставленные артефакты вызвали живой интерес публики — за первые 5 месяцев экспозицию осмотрело 86 тысяч посетителей³. Полевые исследования приобрели некоторый размах. Археологические изыскания проводились по всей стране, участие в них принял и Русский археологический институт в Константинополе⁴.

В 1901 г. было создано Болгарское археологическое общество, целью которого декларировалось «выявление, сохранение и изучение

1 Българската археология – минало и настояще // Национален археологически институт с музей при БАН. URL: <http://naim.bg/bg/content/category/1234/101/> (дата обращения: 27.07.2020).

2 Подробнее см.: *Юркова Й.* 110 години Археологически музей // Археология. 2003. № 1. С. 5–7.

3 Слово на проф. Васил Николов, директор на Археологическия институт с музей на Българската академия на науките по случай 100 години от открив // Археология. 2004. № 3–4. С. 125.

4 *Мавродинов Н. П.* Раскопки и исследования в Болгарии в последние годы // Советская археология. М., 1955. Вып. XXIV. С. 144.

памятников прошлого в границах Целокупной Болгарии и пробуждение в народе интереса к ним»⁵. Подобная формулировка предполагала определенную ангажированность в деле национального объединения и распространение интересов за существующие пределы Болгарии. Особенно отчетливо это проявилось в годы Первой мировой войны, когда болгарские археологи, историки, этнографы приняли участие в комплексных экспедициях в оккупированных Македонии, Добрудже, Поморавье. Данные мероприятия были нацелены на доказательство исторических, культурных и этнографических прав на эти земли⁶. В 1920 г. на базе Болгарского археологического общества был создан Археологический институт. Его первым директором стал Б. Филов, будущий премьер-министр страны в 1940–1943 гг., член Регентского совета в 1943–1944 гг.⁷

В 1910 г. Болгарское археологическое общество стало издавать свои «Известия». Эту серию продолжил Археологический институт, вдобавок публиковавший серийные издания «Художественные памятники Болгарии», «Материалы по истории Софии», «Популярная археологическая библиотека» и др. Параллельно Археологический музей издавал свой ежегодник и серийные «Раскопки и исследования». Помимо того, материалы по археологии Болгарии появлялись в периодических изданиях университетов и региональных музеев, не говоря уже о сборниках статей и монографиях⁸. Нередко болгарские авторы издавались за рубежом, на французском, немецком, английском и других ведущих языках того времени.

С середины 1920-х по конец 1930-х гг. в стране активно изучались памятники архитектуры и археологии, были сделаны открытия в области изучения каменного века, античности и средневековья. Хотя обучения собственно археологии, как и во многих других странах, не существовало. Чаще всего в эту сферу приходили историки, фило-

5 Българската археология – минало и настояще...

6 *Конева Р.* Голямата среща на българския народ. Културата и предизвикателствата на войните 1912–1918 г. София, 1995. С. 69, 95; *Тодев И., Гешева Й., Кандиларов Е., Марчева И., Понпетров Н., Христов Д.* Кратка история на Българската академия на науките. София, 2019. С. 48–49.

7 1 февраля 1945 г. по приговору Народного суда Б. Филов будет казнен, а его имя исчезнет из анналов болгарской археологии. См., напр.: *Миятев К.* Предговор // Библиография на българската археология (1879–1955) / съст. С. Георгиева, В. Велков. София, 1957. С. 7–11.

8 Там же. С. 8–9.

логи и искусствоведы, иногда, правда, будущие археологи учились и стажировались в Европе, подобно К. Миятеву, руководителю доверенных экспедиций в Мадаре, Преславе, Плиске, будущему директору Народного этнографического музея (1939–1944) и Археологического института (1952–1963)⁹, или Н. Мавродинову, специалисту по средневековому искусству, директору Археологического музея (1944–1949). В итоге при проведении изысканий нередко допускались методические ошибки и упущения. В качестве яркого примера этому можно привести то, что до середины века при раскопках средневековые арабские дирхемы зачастую не фиксировались и не хранились, поскольку арабская вязь делала их похожими на монеты Османской империи, напоминавшие о трагических страницах прошлого¹⁰.

В первые годы Второй мировой войны жизнь в стране не изменилась кардинально в сторону ухудшения, что касалось и науки. В 1940 г. Болгарская академия наук была переименована в Болгарскую академию наук и искусств, государственных средств на нее стало выделяться больше. И современный болгарский историк Н. Поппетров относительно начала 1940-х гг. указывает: «Академия вошла в период интенсивного развития. Подобно болгарскому государству, она находилась в фазе успешной модернизации»¹¹. Не вдаваясь в подробности этой модернизации на фоне наступления на академические и университетские свободы, отметим, что тесное взаимодействие с союзниками шло в том числе и в сфере археологии. В конце 1930-х — начале 1940-х гг. на территории Болгарии работали две немецкие экспедиции, в 1941–1942 гг. — одна итальянская¹², в 1942 г. К. Миятев был избран иностранным членом Германского археологического института¹³, а в 1943 г. Н. Мавродинов опубликовал в Будапеште книгу об искусстве протоболгар на материале Надьсентмиклошского клада¹⁴.

Вновь расширившиеся границы и ожившая надежда на реализацию программы национального объединения активизировали и дея-

9 Дончева-Петкова Л. Ученият Кръстю Миятев // Приноси към българската археология. София, 1993. Т. II. С. 7–8.

10 Мавродинов Н. П. Раскопки и исследования... С. 144.

11 Тодев И., Гешева Й., Кандиларов Е., Марчева И., Поппетров Н., Христов Д. Кратка история... С. 55.

12 Мавродинов Н. П. Раскопки и исследования... С. 122, 130.

13 Дончева-Петкова Л. Ученият... С. 10.

14 Mavrodinov N. Le Trésor Protobulgare de Nagyszentmiklós // Archaeologia Hungarica. Budapest, 1943. Vol. XXIX. 282 p.

тельность ученых в этом направлении. В 1942–1943 гг. в Софии выходил историко-этнографический журнал, посвященный болгарскому наследию на северном побережье Эгейского моря¹⁵. Однако военные годы не оказались периодом расцвета и стабильности страны. Уже в 1941 г. были введены ограничения по отпуску товаров потребления, стало не хватать фуража, поскольку все больше и больше товаров уходило в Германию¹⁶. Замерла и экспедиционная деятельность — сведений о более-менее серьезных археологических полевых изысканиях за 1940–1945 гг. найти не удалось. А в 1944 г. война пришла в Болгарию — с 10 января начались налеты англо-американской авиации на Софию и другие крупные города. 11 масштабных, иногда многочасовых, в несколько сотен самолетов, бомбардировок привели к разрушению четверти городского фонда строений, но что более важно — навели ужас на болгар. Уже к 16 января столицу надолго покинули почти все ее жители¹⁷. 21 января руководство БАН объявило, что академия приостанавливает свою научную и издательскую деятельность¹⁸, почти все научные журналы не выходили в этот год.

Новый этап в истории Болгарии и болгарской науки начался 9 сентября 1944 г. — в результате переворота власть перешла представителям партий, объединившихся в 1942–1943 гг. в Отечественный фронт (ОФ), где первую скрипку играли коммунисты. Одновременное вступление на территорию страны частей РККА создавало благоприятные условия для закрепления власти ОФ, упрочения влияния СССР, хотя номинально контролировала страну Союзная контрольная комиссия¹⁹.

Желание новых властей трансформировать государство касалось, помимо прочего, культуры и науки. 10 февраля 1945 г. директор болгарского радиовещания писатель О. Василев обратился к лидеру

15 *Иванчев Д.* Български периодичен печат, 1844–1944: анотиран библиографски указател. София, 1962. Т. 1. С. 83–84.

16 *История на България.* София, 1999. Т. 3: История на нова България, 1878–1944 / Стателова Е., Грънчаров С. С. 612.

17 *Якимова И.* Битката за София. Как войната преобрази столичния град // Великите сили, Балканите и България през Втората световна война. Международна научна конференция 21–23 април 2015, София / съст. А. Гребенаров. София, 2016. С. 318, 325.

18 *Тодев И., Гешева Й., Кандиларов Е., Марчева И., Понпетров Н., Христов Д.* Кратка история... С. 56.

19 *България в XX век: очерки политической истории* / отв. ред. Е. Л. Валева. М., 2003. С. 296.

болгарских коммунистов, главе Международного отдела ЦК ВКП(б) Г. Димитрову с донесением, в котором указал на необходимость пользоваться сложившейся ситуацией для перестройки жизни страны. Наиболее эффективно, по его мнению, это можно было бы осуществить, напрямую заимствуя опыт у СССР. «К Союзной Контрольной Комиссии или под какой-либо другой формой в Болгарию должно быть послано гораздо больше советских специалистов из всех отраслей государственной, общественной и культурной деятельности», — писал О. Василев, уточняя, что «речь идет не о писателях, которые бы нам что-нибудь прочли, или об артистах, которые бы нам что-нибудь спели, а об организаторах, политических деятелях, государственных деятелях». Г. Димитров дал письму ход²⁰.

Параллельно по линии Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) Болгарию посещали советские деятели культуры и науки. В частности, в 1945 г. в стране побывали Ансамбль народного танца под руководством И. А. Моисеева, театр кукол С. В. Образцова, писатель Л. М. Леонов и многие другие²¹. Среди ученых-историков главную роль играл академик Н. С. Державин, считавшийся в тот момент ведущим болгаристом СССР. В Болгарии его принимали на высшем уровне, удостоивали аудиенции первые лица страны, в Софии назвали улицу в его честь²². 27 мая 1945 г., за день до инсульта, прервавшего трехмесячное турне академика по Балканам, Н. С. Державин в интервью радиостанции «София» отметил высокий уровень болгарской науки. Впрочем, он явно считал необходимым дополнительное «воспитание» со стороны советских товарищей, поскольку добавил: «Но впереди еще много работы. Мы должны вступить на новый путь и начертать линию новой культурной деятельности»²³.

Отечественный историк М. Ю. Досталь решение отправить на Балканы историко-этнографическую экспедицию связывала с успехом визита Н. С. Державина и пожеланиями, высказанными в июне —

20 Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. В 2-х тт. Документы / отв. ред. Т. В. Волокитина. М., 1999. Т. 1: 1944–1948. С. 140–141.

21 *Бирюзов С. С.* Советский солдат на Балканах. М., 1963. С. 280–281.

22 Подробнее см.: *Досталь М. Ю.* Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы). М., 2009. С. 383–386. Отметим, что улица до сих пор носит это название.

23 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р5283. Оп. 17. Ед. хр. 49. Л. 158.

июле 1945 г. на праздновании 220-летия АН СССР²⁴. Отметим, что там присутствовали также главы югославской и болгарской академий²⁵. Однако осуществлению первой советской археолого-этнографической экспедиции на Балканы способствовал еще ряд обстоятельств. Так, весной 1945 г. на Всесоюзном археологическом совещании директор Института истории материальной культуры Б. Д. Греков в пленарном докладе заявил о необходимости исследования территории Балкан и даже поставил вопрос о воссоздании Русского археологического института в Константинополе²⁶. А в конце июня вице-президент АН СССР В. П. Волгин направил секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову и заместителю председателя СНК Н. А. Вознесенскому докладную записку с ходатайством о содействии в получении разрешения организовать ряд экспедиций в балканские страны. «Интересы развития отечественной науки в области этнического состава славян Балканского полуострова, истории их материальной культуры и искусства близких нам народов, а также назревшая потребность расширения диапазонов тематики соответствующих институтов АН СССР делают своевременной постановку вопросов о научных экспедициях», — обосновывал просьбу вице-президент АН СССР²⁷.

К записке были приложены три официальных письма на имя В. П. Волгина — от Б. Д. Грекова, директора Института этнографии С. П. Толстова и ученого секретаря М. Г. Рабиновича, директора Института истории искусств И. Э. Грабаря с проектами по организации археологических и этнографических исследований на Балканах, а также проведению обследования балканской архитектуры и живописи соответственно²⁸.

Программа работ ИИМК отличалась весьма впечатляющим размахом для первых послевоенных месяцев. В ней был изложен план изучения археологических памятников Дунайского бассейна и Балкан, обусловленный «необходимостью разработки и правильного пони-

24 *Досталь М. Ю.* Как Феникс... С. 387.

25 Юбилейная сессия в Отделениях (Отделение истории и философии) // *Вестник АН СССР.* 1945. № 7–8. С. 118–126.

26 Тезисы и проекты резолюций по докладам на Всесоюзном археологическом совещании в Москве 24 февраля — 2 марта 1945 г. М., 1945. С. 8.

27 Архив Российской академии наук (далее — АРАН). Ф. 2. Оп. 1 (1945). Д. 248. Л. 1, 11.

28 Там же. Л. 2–10.

мания проблем, связанных с происхождением славян, их расселения и миграций»²⁹.

Деятельность экспедиции планировалось разделить на два этапа. В начальный, двухмесячный, период члены экспедиции должны были ознакомиться с археологическими фондами музеев Чехословакии, Венгрии, Югославии и Румынии, а также установить научные контакты с местными археологическими учреждениями в целях организации совместных исследований. В Болгарии следовало посетить Софию, Тырново и Пловдив.

Сроки реализации второго этапа предполагалось определить после завершения первого. На этой стадии планировалось обследование районов с целью наметить места будущих раскопок. Среди них основное место занимала территория Болгарии, в первую очередь — правый берег Нижнего Дуная. Предусматривалась широкая археологическая разведка и последующие раскопки в Преславе, Тырново, Силистре, Плиске. «Задачи работ в этих районах заключаются в выявлении антского слоя в придунайских городищах, а также слоев эпохи Киевской Руси. Необходимо продолжать археологические исследования в Абобе-Плиске, начатые русскими учеными еще 40 лет назад», — говорилось в записке³⁰.

Задачами этого этапа в рамках решения проблем славянского этногенеза являлось также выявление поселений дославянских племен — дако-фракийских племен в треугольнике Галац — Тырново — Варна и раскопки курганных могильников скифо-сарматского времени в бассейне р. Марицы. В программу были включены исследования поселенческих памятников энеолита и бронзового века на территории Румынии и Молдавии для «изучения древнейших этапов истории земледельческих племен Нижне-Дунайского региона, связанного с культурами Поднепровья»³¹.

Планируемая программа Института этнографии базировалась на разработке проблем этногенеза южных славян, исследовании их историко-культурных связей с восточными славянами, расселения на Балканском полуострове. Отмечалось, что все работы экспедиции должны быть тесно увязаны с археологическим изучением региона. В то же время ученые считали необходимым ответить на, пожалуй, самый большой этнополитический вопрос того времени — выяснить

29 Там же. Л. 4.

30 Там же.

31 Там же. Л. 5.

этнический состав Македонии. «Этот вопрос до настоящего времени не разрешен. Сербы, болгары и греки стараются доказать национальную принадлежность Македонии», — разъясняли авторы проекта. Кроме того, задачей являлось выявление русского элемента в Болгарии, чтобы проследить историко-культурные связи Древней Руси и Болгарии, их отражение в быту, материальной и духовной культуре современного болгарского народа³².

В проекте Института истории искусств сообщалось, что детальное изучение памятников балканской архитектуры и живописи может осветить происхождение многих из форм древнерусского и раннемосковского зодчества. Значительная часть работ советских архитекторов и искусствоведов планировалась в Болгарии³³, но этот проект, к сожалению, в итоге не был реализован.

В записке В. П. Волгина также упоминалось, что археологические памятники именно на территории Румынии и Болгарии «представляют огромный интерес для решения исторических вопросов»³⁴. И если в плане Румынии, безусловно, подразумевались поселения яркой трипольской культуры, то Болгария рассматривалась как регион, изучение которого, предположительно, даст новые сведения о раннем этапе истории славян. А их в свою очередь можно было бы связать с результатами исследований советских археологов в Среднем Поднепровье. Болгария была важна и с учетом возросшего для советской исторической науки значения Византии. К тому же, как упоминалось выше, в Болгарии уже проводил археологические исследования Русский археологический институт, и возобновление подобных работ могло рассматриваться как продолжение этой традиции.

Далеко идущие цели работ Балканской экспедиции были включены в пятилетний план научно-исследовательских работ ИИМК на 1946–1950 гг. Они содержали следующие задачи: исследования поселений эпохи энеолита и бронзового века, а также обследования средневековых памятников на Нижнем Дунае, возобновление раскопок в Плиске, изучение этнографических и антропологических данных, публикация трудов экспедиции³⁵.

Согласно изначальному плану, в состав экспедиции от ИИМК были включены специалисты по каждой эпохе, отраженной в про-

32 Там же. Л. 8.

33 Там же.

34 Там же. Л. 2.

35 Там же. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 26. Л. 83.

екте, — от бронзового века до средневековья. В дальнейшем список делегации подвергся корректировке. На распорядительном заседании Президиума АН СССР от 4 ноября 1945 г. был утвержден обновленный состав экспедиции в Болгарию, Югославию и Румынию³⁶. Из него исключили историков-антиковедов, а также специалистов по археологии эпохи раннего железного века, при этом ввели исследователя Старой Ладogi и онежских петроглифов В. И. Равдоникаса, антрополога В. В. Бунака и этнографов П. Г. Богатырева и С. А. Токарева. Руководителем назначили Б. Д. Грекова, а сроки экспедиции ограничили двумя месяцами. Планировалось ее отправить в том же месяце.

Вероятно, основным инициатором организации поездки советских археологов и этнографов на Балканы был сам Б. Д. Греков. Его положение академика, директора двух академических институтов (ИИМК и Института истории) и президента исторической секции ВОКС могло содействовать одобрению экспедиции на высоком государственном уровне.

Определенную роль в планировании Балканской экспедиции играл и П. Н. Третьяков, занимавшийся вопросами происхождения славян и впоследствии разработавший свою концепцию по этому вопросу. В 30-х гг. он активно исследовал славянские поселения в Среднем Поднепровье, и предполагаемые раскопки на Балканах вполне могли стать продолжением данных исследований. Наличие в изначальном проекте Балканской экспедиции пунктов о раскопках памятников эпохи бронзы и раннего железного века также можно связать именно с научными интересами П. Н. Третьякова. Формируя свое видение славянского этногенеза, он выделял в материалах археологических культур Восточной Европы указанных периодов протославянские элементы³⁷.

В целом проект Балканской экспедиции мог быть и косвенно связан с планами восстановления Русского археологического института, озвученными на заседаниях Всесоюзного археологического совещания. С учетом политической обстановки можно предположить, что при определенных обстоятельствах он имел шанс появиться в одной из балканских стран. Для правительственных структур проведение Балканской экспедиции было важной гуманитарной акцией и, надо полагать, одним из актов советской культурной дипломатии на Балканском полуострове в послевоенный период.

36 Там же. Д. 512. Л. 5.

37 Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С. 20–82.

Несмотря на постановление Президиума АН СССР об отправке историко-археологической экспедиции на Балканы в ноябре 1945 г., сроки ее работы были перенесены. К тому времени снова сократился состав участников. В. В. Бунак, Т. И. Кругликова и Т. С. Пасек были исключены. Б. Д. Греков не смог поехать по состоянию здоровья. Прошение о его замене на П. Н. Третьякова в качестве руководителя экспедиции В. П. Волгин 10 декабря 1945 г. подал на имя начальника Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова³⁸.

В итоге экспедиция вылетела на Балканы в следующем составе: П. Н. Третьяков, А. В. Арциховский, В. И. Равдоникас, Б. А. Рыбаков, П. Г. Богатырев и С. А. Токарев. Ее изначальные цели сильно ограничили, оставив, таким образом, лишь этнографическую составляющую и различные аспекты изучения средневековой истории славянских народов Балканского полуострова. Тем не менее даже в таком виде отправка экспедиции являлась важным достижением, открывая значимые перспективы как в плане международных контактов, так и в сфере исследований в области славяно-русской археологии в целом.

11 января делегация покинула Москву. Дорога заняла двое суток, поскольку перелет состоялся с остановкой в Бухаресте. 12–13 января ушло на знакомство с Софией и ее памятниками, посещение одного из них — шедевра средневекового болгарского искусства Боянской церкви — А. В. Арциховский отдельно зафиксировал в своей записной книжке³⁹. А затем началось то, что А. В. Арциховский в письме М. Н. Тихомирову назвал «бесчисленными банкетами в нашу честь», на которых участники экспедиции «сидели со скукой»⁴⁰. 15 января в малом салоне БАНИ состоялся торжественный вечер в честь гостей. С приветственным словом обратился секретарь Историко-филологического отделения академии, известный этнолог и филолог Ст. Романски. Затем с докладом «Славянская керамика в Болгарии и ее значение для славянской археологии Балкан» выступил ученый секретарь Института археологии К. Миятев⁴¹. Он рассказал о ранее распространенном ошибочном отождествлении керамики Преслава, Плиски, Мадара и Калугерицы с протоболгарской культурой, хотя указанные артефакты имели очевидные параллели в славянской куль-

38 АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1945). Д. 248. Л. 14.

39 Там же. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 16. Л. 25об.

40 Там же. Ф. 693. Оп. 4. Д. 91. Л. 2.

41 Отечествон фронт. 1946. 15 януари.

туре, распространенной «от Балтики до Болгарии»⁴². Стоит отметить, что данная речь вполне ложится в довольно устойчивую специфику амбивалентной болгарской идентичности XIX — первой половины XX вв.: в зависимости от характера отношений с Россией/СССР в публичном пространстве чаще упоминались тюркские протоболгарские или славянские корни народа. 17 января состоялось заседание Историко-филологического отделения БАНИ, где П. Н. Третьяков сделал доклад на тему «Восточнославянские племена накануне возникновения древнерусского государства»⁴³.

Лекции советские ученые читали на протяжении всего своего пребывания в Софии. Чаще всего это происходило в БАНИ и Софийском университете, всего их состоялось 11. Выступления вызвали интерес публики, и БАНИ совместно с Обществом культурной связи Болгарии и СССР обратились к делегатам с просьбой предоставить тексты лекций для их последующей публикации⁴⁴. В 1947 г. сборник вышел из печати⁴⁵. В целом власти уделяли визиту значительное внимание. В официальной газете «Отечествен фронт» печатались анонсы лекций, сведения о встречах и планах советских археологов и этнологов, публиковались их фотографии⁴⁶, содействие оказывали государственные и научные организации, министерство информации и искусства во главе с Д. Казасовым, советский посланник С. П. Кирсанов⁴⁷.

Но все же поездка носила статус экспедиции, имела свои четкие цели, а потому осмотром болгарской столицы и ее достопримечательностей ученые не ограничились и совершили две поездки по стране. Обставлены они были довольно помпезно — сопровождали делегатов директор Археологического музея Н. Мавродинов, директор Этнографического музея Х. Вакарелски и академик Ст. Романски⁴⁸, об их планах и маршрутах писали газеты, экскурсии устраивали местные руководители музеев, а саму дорогу ученые проводили в царском вагоне⁴⁹. 20–22 января делегация посетила Пловдив и его окрестности, в том числе и Бачковский монастырь, а затем возвратилась в Софию.

42 Там же. 16 януари.

43 Там же. 18 януари.

44 АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 9.

45 Славянска археология и этнография в Съветския Съюз. София, 1947.

46 Отечествен фронт. 1946. 18 януари; Там же. 6 февруари.

47 АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 12.

48 Там же. Л. 11.

49 Там же. Ф. 693. Оп. 4. Д. 91. Л. 2.

25 января⁵⁰ выехали в Северную Болгарию, где осмотрели Варну, Преслав, Мадару и Плиску⁵¹, и вернулись 30 января⁵². По неизвестной причине не был совершен визит в Тырново, столицу Второго болгарского царства, хотя это предполагалось изначальными планами, и болгарские газеты писали о маршруте, пролегающем через Тырново, при этом не упоминали Варну⁵³. Накануне отъезда из Болгарии советских археологов и этнологов министр Д. Казасов дал в фешенебельном Юнион-клубе⁵⁴ торжественный обед в честь почетных гостей⁵⁵.

3 февраля советские ученые отправились в Югославию, затем — в Румынию и оттуда 9 марта — в СССР. А 7 февраля по линии ВОКС из Болгарии в Москву отправили ящик с этнографическими материалами, собранными экспедицией, а также «письмо руководителя Балканской экспедиции Академии наук СССР проф. Третьякова для тов. Волкова, спецотдел Академии наук СССР»⁵⁶. К сожалению, пока не удалось ни найти это письмо, ни идентифицировать товарища Волкова.

Бытовых впечатлений приобрели участники экспедиции множество. «Вообще, боюсь надоест Вам и всем по возвращении своими рассказами», — писал А. В. Арциховский М. Н. Тихомирову⁵⁷. Однако, как потом сообщил Артемий Владимирович К. Миятеву, в Москве приходилось много рассказывать о поездке по Балканам — «никто не имеет ясного представления о жизни в этих странах»⁵⁸. В дальнейшем немалую роль сыграли установленные между учеными личные связи, благодаря им шел книгообмен, планировались и осуществлялись командировки коллег. Через ВОКС в Болгарию пересылали недостающую научную литературу по археологии и этнологии⁵⁹.

50 Отечествен фронт. 1946. 26 януари.

51 АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 16. Л. 25об.

52 Отечествен фронт. 1946. 31 януари.

53 Там же. 26 януари.

54 Это было не историческое здание клуба 1884 г., разрушенное во время англо-американских бомбардировок; но в том, что все оставалось на прежнем, подчеркнуто европейском и аристократическом уровне, сомневаться не приходится.

55 Отечествен фронт. 1946. 2 февруари.

56 ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 17. Ед. хр. 49. Л. 105–106.

57 АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 91. Л. 2.

58 Научен архив на Българската академия на науките (далее – НАБАН). Ф. 95. Оп. 1. А. е. 35. Л. 1об.

59 ГАРФ. Ф. Р5283. Оп. 17. Ед. хр. 48. Л. 118.

Впрочем, основной целью поездки была научная. Археологи на основании осмотра музейных коллекций пришли к выводам о сходстве многих археологических памятников на территории СССР и Болгарии и о тесных связях южного и восточного славянства в средние века⁶⁰. Этнологи же получили возможность не ограничиваться в изучении страны музеями, поскольку им удалось посетить болгарские села и увидеть там празднование Сурвы в селе Дивле⁶¹, свадьбу близ Шумена, Бабин день⁶² и Крещение близ Софии⁶³, а также совершить визиты в деревни старообрядцев и мусульман⁶⁴. Полевой материал вкуче с музейными коллекциями позволил им заключить, что в быту болгарской деревни сохранились «многие архаичные черты славянской культуры, бытовавшие в области восточного славянства в IX–XI вв.»⁶⁵. Подробно официальные научные результаты были изложены в статьях П. Н. Третьякова⁶⁶, А. В. Арциховского⁶⁷, П. Г. Богатырева⁶⁸ и С. А. Токарева⁶⁹. Более интересны же сведения, приведенные в помеченном «для служебного пользования» отчете П. Н. Третьякова для Ученого совета ИИМК и Президиума АН СССР. Учитывая новизну материала, его важность и в то же время не прикрытую никакой «братской» риторикой трезвую оценку болгарской науки середины XX в., приведем пространную цитату с небольшими купюрами:

Переходя к общей характеристике состояния археологической науки в Болгарии, прежде всего следует отметить, что в этой срав-

60 АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 6–7.

61 Праздновалось 14 января. В газете неточно назвали это куцерским праздником (Отечествен фронт. 1946. 15 януари), а в отчете экспедиции — праздником «Сурвакаре» (АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 3).

62 Праздновался 21 января.

63 АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 7.

64 Токарев С. А. Этнографические наблюдения в славянских странах (1946 г.) // Советская этнография. 1946. № 2. С. 204–205.

65 Там же. Л. 3.

66 Третьяков П. Н. Балканская археолого-этнографическая экспедиция // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1947. № 3. С. 279–284.

67 Арциховский А. В. Археологическая поездка на Балканы // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 100–107.

68 Богатырев П. Г. Отчет о поездке в Балканские страны // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1947. Вып. 3. С. 82–94.

69 Токарев С. А. Этнографические наблюдения...

нительно небольшой стране имеется значительное число археологических учреждений, главным образом музеев, которыми проводятся полевые исследования, организуется охрана и изучение памятников древности, и, наконец, их публикация [...]

При наличии в стране выдающихся памятников старины археологические исследования в Болгарии привели к ряду крупнейших открытий [...] Но наряду с этим, отмечая значительный размах археологических исследований в Болгарии, следует указать на их бросающуюся в глаза ограниченность. Археологическая наука в Болгарии является не столько частью исторической науки, сколько частью истории искусств и истории архитектуры в их обычной буржуазной трактовке. Археологов привлекают лишь те памятники, которые, по их мнению, имеют художественное значение. Предметы бытового назначения, остатки поселений, рядовых жилищ, следы ремесел и мн. др., составляющие основной объект изучения советских археологов, здесь, как правило, остаются без внимания и погибают. Вследствие этого и методика раскопок носит весьма примитивный характер и сводится к задаче вскрытия архитектурных остатков или к поискам эффектных вещей без достаточного изучения культурных наслоений всего встречающегося в их толще материала. Те памятники, которые не обещают эффектных находок, как то: места сельских поселений различного времени, могильники сельского населения, земляные укрепления и т. п., совершенно не исследуются. По этой же причине очень плохо изучены в Болгарии поселения палеолита (известно 2–3 местонахождения), неолита, эпохи бронзы и раннего железного века. Внимание археологов привлекают преимущественно античность, древнеболгарские города и храмы.

В соответствии с обрисованным выше характером археологической науки в Болгарии, перечисленные выше болгарские музеи представляют собой хранилища древних вещей, сгруппированных преимущественно по формально-типологическому признаку без каких-либо попыток их исторической интерпретации. [...]

Несколько иную оценку должны получить этнографические исследования в Болгарии. Прежде всего следует отметить, что в Болгарии, где крестьянское население хранит в своем быту много старины и национальных черт, объем этнографических исследований сравнительно невелик, а их идейно-теоретическое содержание чрезвычайно бледно. Собственно этнографическими исследованиями занимается лишь народный Этнографический музей в Софии и отчасти Университет. Из серьезных этнографов можно назвать

лишь одного Х. Вакарельского — директора этнографического музея. В области фольклора и народной музыкальной культуры имеется также лишь Кацарова. Провинциальные музеи обладают очень небольшими случайными собраниями этнографических материалов и почти никакой научно-исследовательской работы в этой области не ведут. В Университете этнографическая работа является незначительным дополнением к обширным филологическим исследованиям в главе с С. М. Романским⁷⁰.

Приведенную характеристику болгарской науки нельзя воспринимать дословно и безапелляционно. Ее требуется рассматривать через призму момента и целей автора документа. Отчет предназначался, видимо, в том числе и для сотрудников государственных структур и дипломатических ведомств. А это диктовало определенные правила. Во-первых, занимая административные посты, П. Н. Третьяков не мог избежать подобных идеологических оценок и риторики. Во-вторых, в стране, где, как тогда утверждалось, до 1944 г. существовал фашистский режим, не могло быть все правильно. Это естественным образом экстраполировалось на науку. А похвалы болгарским коллегам со стороны ученого из страны, освободившей Европу от фашизма, могли быть восприняты как минимум с настороженностью. В-третьих, в межвоенный период болгарская археология развивалась в основном в русле западной традиции, и П. Н. Третьяков критиковал именно эти порядки, подчеркивая их буржуазный характер. В то же время отчет является ценным наблюдением о методике раскопок и состоянии болгарских музеев в послевоенный период. Это косвенно подтверждается статьей Н. Мавродинова, оценивающей положение археологии в Болгарии к середине 1950-х гг.⁷¹ В-четвертых, вполне вероятно, что П. Н. Третьяков, приводя подобные оценки, таким образом призывал развивать научные связи с зарубежными коллегами, чтобы помочь им преодолеть указанные «пережитки».

В заключение П. Н. Третьяков по пунктам перечислил достижения экспедиции, в которые входили и предварительные договоренности об организации совместных археологических исследований на Дунае, и предложил осуществить ряд мероприятий для дальнейшего сотрудничества. Среди них он указал посылку в балканские научные учреждения советской археологической, этнографической и истори-

70 АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 4–8.

71 См.: Мавродинов Н. П. Раскопки и исследования...

ческой литературы, командировку на Балканы советских археологов — специалистов по палеолиту, античности, хазаро-болгарским древностям, антропологов, историков архитектуры и искусства, организацию славянских научных съездов по археологии и этнографии, а также создание общих периодических научных изданий⁷².

Уже 12 марта 1946 г. П. Н. Третьяков выступил с докладом о предварительных итогах работы Балканской археолого-этнографической экспедиции на Ученом совете ИИМК. В частности, он сообщил и о достигнутых с БАН договоренностях относительно планов по организации совместных археологических и этнографических исследований в северо-восточной Болгарии осенью 1946 г.

В последующем обсуждении Б. Д. Греков указал на наличие со стороны югославских ученых запроса на аналогичную экспедицию в их стране, а потому выразил мнение, что это надо осуществить «хотя бы в миниатюрном масштабе»⁷³. Вдобавок он вписывал успех экспедиции уже в более масштабные проекты: «У нас существует план создания специального института славяноведения, который должен будет охватить все виды науки, элементарно конечно, связанные с изучением славянства [...] Я думаю, близок тот день, когда наши желания будут осуществлены, и мы сможем поставить эту работу на должную высоту. То, что нам сегодня сообщил начальник археологической экспедиции, является подтверждением того, что наши надежды осуществимы»⁷⁴. Как известно, эти надежды вскоре реализовались.

Выступавшие после С. П. Толстов, В. Н. Лазарев, В. И. Пичета оценили работу экспедиции и ее дальнейшие перспективы исключительно положительно. Звучали предложения расширить масштаб работ за счет организации исследований на территории Югославии, Румынии, привлечения к работе искусствоведов⁷⁵. В. П. Волгин в своих выводах подчеркнул значимость договоренностей о работах в Болгарии и добавил: «Мы должны сделать все от нас зависящее для того, чтобы эту программу осуществить. Это будет очень большим достижением для нашей советской археологической науки и для на-

72 АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 28.

73 Здесь нельзя не отметить присущего болгарам и сербам еще с XIX в. ревнивого отношения к знакам симпатии и близости со стороны России / СССР.

74 АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1946–1948). Д. 1. Л. 35–36.

75 Там же. Л. 25–28.

шего общения с весьма близкими нам славянскими странами»⁷⁶. В своем заключительном слове П. Н. Третьяков заметил, что необходимо сосредоточиться именно на небольших раскопках в Болгарии с учетом ограниченных возможностей. С другими же балканскими странами следует только налаживать книгообмен и посылать исследовательские группы⁷⁷.

В течение 1946 г. П. Н. Третьяков еще дважды выступал на заседаниях сектора Древней Руси Ленинградского отделения ИИМК с докладами о средневековых памятниках Балканского полуострова и праздновании Сурве в западной Болгарии⁷⁸. Позже он опубликовал статью, посвященную материальной культуре славянского населения в Болгарии и основанную на сопоставлении археологического и этнографического материала, собранного во время Балканской экспедиции⁷⁹.

Как выше упоминалось, А. В. Арциховский также представил статью по материалам своих лекций в Болгарии⁸⁰ и публично провел разбор монографии Н. Мавродинова о Надьсентмиклошском кладе. Отметив исследователя как крупнейшего болгарского археолога и приведя множество достоинств его монографии, Артемий Владимирович перешел к критике в духе отчета П. Н. Третьякова, упомянув связь Н. Мавродинова с французскими научными центрами: «Недостатком работы прежде всего является изолированное изучение истории прикладного искусства в отрыве от социально-экономической истории, что для западноевропейских археологов типично [...] Они не интересуются ни хозяйством, ни общественными отношениями, они и не собирают для этого необходимых материалов». В конце докладчик сообщил, что болгарский коллега «осваивает сейчас марксистско-ленинскую методологию»⁸¹. Опять же А. В. Арциховский, будучи во многом и теоретиком советской археологии, не мог упустить идеологическую составляющую, но вместе с тем для научной общественности он осуществил глубокий анализ труднодоступной публикации очень яркого и важного памятника, каким является Надьсентмиклошский клад.

76 Там же. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 34. Л. 31.

77 Там же. Л. 43.

78 Там же. Д. 27. Л. 70.

79 *Третьяков П. Н.* Восточнославянские черты в быту населения Придунайской Болгарии // Советская этнография. 1948. № 2. С. 170–183.

80 *Арциховский А. В.* Культурное единство славян в средние века // Советская этнография. 1946. № 1. С. 84–90.

81 АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–1об.

Но главным научным итогом экспедиции стала публикация в 1947 г. под грифом БАН⁸² отмеченного выше сборника из семи статей участников Балканской экспедиции, написанных по материалам прочитанных в Болгарии лекций⁸³. Предисловие к нему написал глава историко-филологического отделения академик С. Романски. Он представил характеристику состояния археологии в Советском Союзе, достижения в изучении материальной культуры славян до образования Древнерусского государства, результаты исследований Киева, Новгорода, Старой Ладogi.

Работы Балканской экспедиции получили одобрение и на уровне Президиума АН СССР⁸⁴, что обусловило дальнейшее ее планирование. В отчет о научно-исследовательской работе ИИМК за 1946 г. были включены итоги поездки и озвучены дальнейшие цели на 1947 г. — организация археолого-этнографических исследований в Нижнем Подунавье для обследований славянских поселений⁸⁵.

Однако совместные археологические исследования так и не состоялись, несмотря на то, что еще 12 мая 1947 г. председатель БАН академик Т. Павлов сообщил в письме в Президиум АН СССР о том, что со стороны болгарской стороны все готово относительно договоренностей, заключенных в начале 1946 г., и предложил начать исследования уже в августе 1947 г.⁸⁶ В итоге второй этап Балканской экспедиции реализован не был.

Представляется, что одним из факторов, не позволивших осуществиться амбициозному проекту, являлось развертывание широко-масштабных раскопок в самом Советском Союзе. О недостаточном внимании к археологическому изучению русских городов, в особенности разрушенных во время Великой Отечественной войны, было заявлено на заседании Президиума АН СССР, посвященном полевым исследованиями 1946 г.⁸⁷ В 1947 г. А. В. Арциховский продолжил прерванные раскопки в Новгороде, в дальнейшем начались масштабные археологические исследования в Пскове, Москве и в других городах и регионах СССР.

82 1 февраля 1947 г. Болгарская академия наук и искусств получила прежнее наименование — БАН.

83 Славянска археология и этнография в Съветския Съюз. София, 1947.

84 АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1946). Д. 440. Л. 5.

85 Там же. Ф. 1909. Оп. 1. Д. 27. Л. 3.

86 Там же. Ф. 457. Оп. 1. Д. 85 (1945–1956). Л. 8–9.

87 Там же. Ф. 1. Оп. 36. Д. 88. Л. 43.

Вероятно, наиболее значительную роль сыграли последующие идеологические кампании 1948–1949 гг., затронувшие ИИМК, Институт этнографии и самих участников Балканской экспедиции. В 1948 г. поддержанный П. Н. Третьяковым В. И. Равдоникас выступил с публичной критикой положений учебника А. В. Арциховского «Введение в археологию» и последовавшим выводом о безыдейности трудов московского коллеги. В 1949 г. в ИИМК прошло антикосмополитическое собрание. В ходе дискуссии Б. А. Рыбаков обвинил в космополитизме В. И. Равдоникаса. После к обвинениям присоединился А. В. Арциховский. В 1948 г. П. Г. Богатырев был изобличен в космополитизме и уволен из Института этнографии⁸⁸. Очевидно, что продолжение какой-либо совместной деятельности участников Балканской экспедиции стало невозможным.

В этих условиях проект Балканской экспедиции был отодвинут. Тем не менее он заложил основы дальнейшего сотрудничества, реализованного в налаженном книгообмене, установлении научных контактов. Планы проведения совместных археологических исследований впервые воплотились в 1954 г., когда силами Болгаро-советской археологической экспедиции под руководством М. И. Артамонова были проведены раскопки средневекового городища у с. Попино в северо-восточной Болгарии⁸⁹.

В 1956 г. Б. А. Рыбаков организовал Советско-Болгарскую экспедицию, в течение одного полевого сезона осуществившую масштабные археологические исследования в детинце Чернигова. В раскопках участвовали сотрудники Археологического института БАН С. Н. Георгиева и Ж. Н. Выжарова⁹⁰. Отметим, что несколько ранее, в 1952 г., Ж. Н. Вы-

88 Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М.; СПб., 2016. С. 183–185; 254–256; Алымов С. С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940 — 1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 97 (3). С. 7–36.

89 Артамонов М. И. Болгаро-советская археологическая экспедиция 1954 г. // Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук, на пленуме Института истории материальной культуры и сессии Ученого совета Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1954 г. М., 1955. С. 36–37; Выжарова Ж. Славяно-Българското селище край село Попина, Силистренско. София, 1956.

90 Рыбаков Б. А. Отчет Советско-Болгарской экспедиции 1956 г. // Архив Института археологии РАН. 1956. Р-1. № 1349.

жарова защитила кандидатскую диссертацию в Институте этнографии⁹¹. В январе 1957 г. К. Миятев в письме Б. А. Рыбакову передавал благодарность болгарских археологов за участие в Советско-Болгарской экспедиции и рассказал о незабываемых впечатлениях от экспедиций в СССР, «посещения Новгорода и других замечательных городов», которыми поделилась С. Георгиева. Директор Археологического института БАН отмечал необходимость дальнейших совместных исследований. В этом же письме он упоминал совещание в Софии с А. В. Арциховским и П. Н. Третьяковым в 1946 г., когда идея совместных исследований была озвучена впервые⁹². Б. А. Рыбаков согласился с мыслями К. Миятева и даже наметил три основные темы совместных изысканий (фракийская, славянская, протоболгарская), предложил проводить тематические семинары с участием археологов из СССР, Болгарии, Румынии, Венгрии и Чехословакии⁹³. Однако столь масштабный проект так и остался на бумаге. Хотя общие полевые исследования продолжались.

В 1977–1980 гг. силами Болгаро-Советской археологической экспедиции проводились раскопки Плиски. В 1978 г., через три года после своего возникновения, Советско-Венгерская экспедиция по изучению Маяцкого археологического комплекса, расположенного на территории Воронежской области, стала Советско-Болгаро-Венгерской и в таком виде проработала до 1982 г. включительно⁹⁴.

Заложенные еще в изначальном проекте Балканской экспедиции планы исследования поселений энеолита и бронзового века воплотились в начале 1960-х гг., когда были организованы многолетние раскопки Болгаро-Советской экспедицией телья Эзеро в юго-восточной Болгарии (1961–1971 гг.). Следующим подобным археологическим объектом на территории Болгарии, изучение которого проводилось совместно с отечественными археологами в период с 1982 по 2001 гг., стал тель Юнаците под Пазарджиком⁹⁵.

91 *Выжарова Ж. Н.* Пахотные орудия на территории Болгарии и их этническое определение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1952.

92 НАБАН. Ф. 95. Оп. 1. А.е. 274. Л. 3.

93 Там же. Л. 4.

94 *Плетнева С. А.* Стратиграфические исследования Плиски (работы Советского отряда 1977–1980) // Плиска – Преслав. Шумен, 1992. № 5. С. 35–62; Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / отв. ред. С. А. Плетнева. М., 1984.

95 *Мерперт Н. Я., Черных Е. Н.* Болгаро-Советская археологическая экспедиция // Вопросы истории. 1974. № 6. С. 208–214; *Катинчаров Р. В.*

Среди всех многочисленных международных проектов советских и российских археологов именно экспедиции с болгарскими коллегами отличались столь разносторонним охватом целей исследований.

Балканская археолого-этнографическая экспедиция 1946 г. носила в основном ознакомительный характер. При этом она вполне развивала традиции, заложенные археологами Русского археологического института при раскопках Плиски и Преслава. Благодаря лекциям и публикациям ее участников общественность балканских стран в полной мере смогла ознакомиться с достижениями и открытиями советской археологии и этнографии, на примере археологических данных проследить единство славянской материальной культуры. Публикации, вышедшие в Советском Союзе по результатам поездки, в очередной раз представили многообразие балканского региона, его богатство разновременными археологическими памятниками и перспективы для этнографических исследований.

Очевидно, что такое сотрудничество было особо важным в атмосфере послевоенного времени. Несмотря на нереализованный проект совместных раскопок в конце 1940-х гг., итоги работы Балканской экспедиции 1946 г. имели большое значение для советских и балканских ученых, а также для установления научных связей, реализованных в дальнейшем.

Источники и литература

Архив Института археологии РАН

Архив Российской академии наук (РАН)

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Научен архив на Българската академия на науките (НАБАН)

Альмов С. С. Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940-х — 1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 97 (3). С. 7–36.

Артамонов М. И. Болгаро-советская археологическая экспедиция 1954 г. // Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук, на пленуме Института истории материальной культуры и сессии Ученого

Мацанова В. Х., Мерперт Н. Я., Тутов В. С., Авилова Л. И. Селищна могила при село Юнаците (Пазарджишко). София, 1995. Т. I.

совета Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1954 г. М.: Б. и., 1955. С. 36–37.

Арциховский А. В. Археологическая поездка на Балканы // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 100–107.

Арциховский А. В. Культурное единство славян в средние века // Советская этнография. 1946. № 1. С. 84–90.

Библиография на българската археология (1879–1955) / съст. С. Георгиева, В. Велков. София: БАН, 1957. 382 с.

Бирюзов С. С. Советский солдат на Балканах. М.: Военное издательство, 1963. 334 с.

Богатырев П. Г. Отчет о поездке в Балканские страны // Краткие сообщения Института этнографии. М.: АН СССР, 1947. Вып. 3. С. 82–94.

Болгария в XX веке: очерки политической истории / отв. ред. Е. Л. Валева. М.: Наука, 2003. 463 с.

Въжарова Ж. Славяно-Българското селище край село Попина, Силистренско. София: БАН, 1956. 63 с.

Выжарова Ж. Н. Пахотные орудия на территории Болгарии и их этническое определение: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1952. 15 с.

Дончева-Петкова Л. Ученият Кръстю Миятев // Приноси към българската археология. София: Аргес, 1993. Т. II. С. 7–16.

Досталь М. Ю. Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы). М.: Индрик, 2009. 464 с.

Иванчев Д. Български периодичен печат, 1844–1944: аотиран библиографски указател. София: Наука и изкуство, 1962. Т. 1. 503 с.

История на България. София: Анубис, 1999. Т. 3: История на нова България, 1878–1944 / Е. Стателова, С. Грънчаров. 648 с.

Катинчаров Р. В., Мацанова В. Х., Мерперт Н. Я., Титов В. С., Авилова Л. И. Селищна могила при село Юнаците (Пазарджишко). София: Агато, 1995. Т. I. 156 с.

Конева Р. Голямата среща на българския народ. Културата и предизвикателствата на войните 1912–1918 г. София: Марин Дринов, 1995. 227 с.

Мавродинов Н. П. Раскопки и исследования в Болгарии в последние годы // Советская археология. М.: АН СССР, 1955. Вып. XXIV. С. 121–154.

Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука, 1984. 277 с.

Мерперт Н. Я., Черных Е. Н. Болгаро-Советская археологическая экспедиция // Вопросы истории. 1974. № 6. С. 208–214.

Отечествен фронт. 1946. 15 януари — 3 февруари.

Плетнева С. А. Стратиграфические исследования Плиски (работы Советского отряда 1977–1980) // Плиска–Преслав. Шумен: БАН, 1992. № 5. С. 35–62.

Славянска археология и етнография в Съветския Съюз. София: Печатница на БАН, 1947. 167 с.

Слово на проф. Васил Николов, директор на Археологическия институт с музей на Българската академия на науките по случай 100 години от откриване // Археология. 2004. № 3–4. С. 125–127.

Тезиси и проекти резолюций по докладом на Всесоюзном археологическом совещании в Москве 24 февруари — 2 март 1945 г. М.: Оргкомитет по созыву совещания, 1945. 30 с.

Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х — 1953 г.). М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 424 с.

Тодев И., Гешева Й., Кандиларов Е., Марчева И., Поппетров Н., Христов Д. Кратка история на Българската академия на науките. София: Марин Дринов, 2019. 127 с.

Токарев С. А. Этнографические наблюдения в славянских странах (1946 г.) // Советская этнография. 1946. № 2. С. 200–210.

Третьяков П. Н. Балканская археолого-этнографическая экспедиция // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1947. № 3. С. 279–284.

Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М.: АН СССР, 1953. 312 с.

Третьяков П. Н. Восточнославянские черты в быту населения Придунайской Болгарии // Советская этнография. 1948. № 2. С. 170–183.

Юбилейная сессия в Отделениях (Отделение истории и философии) // Вестник АН СССР. 1945. № 7–8. С. 118–126.

Юркуова Й. 110 години Археологически музей // Археология. 2003. № 1. С. 5–7.

Якимова И. Битката за София. Как войната преобрази столичния град // Великите сили, Балканите и България през Втората световна война. Международна научна конференция 21–23 април 2015, София / съст. А. Гребенаров. София: Симолини-94, 2016. С. 315–331.

Mavrodinov N. Le Trésor Protobulgare de Nagyszentmiklós // Archaeologia Hungarica. XXIX. Budapest: Akadémia kiadó, 1943. 282 p.

References

Arkhiv Instituta arkeologii RAN (Moscow).

Arkhiv Rossiiskoi akademii nauk (Moscow).

Gosudarstvennyy archiv Rossijskoj Federacii (Moscow).

Nauchen arhiv na Balgarskata akademiya na naukite (Sofia).

Alymov, S. S. “Kosmopolitizm, marrizm i prochie «grekhi»: otechestvennye etnografy i arkeologi na rubezhe 1940 — 1950-kh godov”. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 97 (3), 2009, p. 7–36.

Artamonov, M. I. “Bolgarno-sovetskaia arkeologicheskaja ekspeditsiia 1954 g.”. *Tezisy dokladov na sessii Otdeleniia istoricheskikh nauk, na plenumе Instituta istorii material'noi kul'tury i sessii Uchenogo soveta Instituta etnografii im. N. N. Miklukho-Maklaia, posviashchennykh itogam arkeologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniu 1954 g.* Moscow, 1955, p. 36–37

Artsikhovskiy, A. V. “Arkeologicheskaja poezdka na Balkany”. *Voprosy istorii*, no. 10, 1946, p. 100–107.

Artsikhovskiy, A. V. “Kul'turnoe edinstvo slavian v srednie veka”. *Sovetskaia etnografiia*, no. 1, 1946, p. 84–90.

Bibliografiya na balgarskata arheologiya (1879–1955) / ed. by Georgieva S., Velkov V. Sofia: BAN, 1957, 382 p.

Biriuzov, S. S. *Sovetskii soldat na Balkanakh*. Moscow: Voennoe izdatel'stvo, 1963, 334 p.

Bogatyrev, P. G. “Otchet o poezdke v Balkanskie strany”. *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii*, vol. 3, Moscow: AN SSSR, 1947, p. 82–94.

Bolgariia v XX veke: ocheпки politicheskoi istorii / ed. by E. L. Baleva. Moscow: Nauka, 2003, 463 p.

Doncheva-Petkova, L. “Ucheniyat Krastyu Miyatev”. *Prinosi kam balgarskata arheologiya*. Sofia: Arges, 1993, vol. II, p. 7–16.

Dostal', M. Iu. *Kak Feniks iz pepla... (Otechestvennoe slavianovedenie v period vtoroi mirovoi voiny i v pervye poslevoennye gody)*. Moscow: Indrik, 2009, 464 p.

Istoriya na Bulgariya. Sofia: Anubis, 1999, vol. 3: Istoriya na nova Bulgariya, 1878–1944 / Statelova E., Grancharov S., 648 p.

Ivanchev, D. *Balgarski periodichen pechat, 1844–1944: anotiran bibliografski ukazatel*. Sofia: Nauka i izkustvo, 1962, vol. 1, 503 p.

“Iubileinaia sessiia v Otdeleniakh (Otdelenie istorii i filosofii)”. *Vestnik AN SSSR*, no. 7–8, 1945, p. 118–126.

Katincharov, R. V., Matsanova, V. H., Merpert, N. Ya., Titov, V. S., Avilova, L. I. *Selishtna mogila pri selo Yunatsite (Pazardzhishko)*. Sofia: Agato, 1995, vol. I, 156 p.

Koneva, R. Golyamata sreshta na balgarskiya narod. Kulturata i predizvikelstvata na voynite 1912–1918 g. Sofia: Marin Drinov, 1995, 227 p.

Maiatskoe gorodishche. Trudy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoi ekspeditsii / ed. by S. A. Pletneva. Moscow: Nauka, 1984, 277 p.

Mavrodinov, N. “Le Trésor Protobulgare de Nagyszentmiklós”. *Archaeologia Hungarica*, vol. XXIX. Budapest: Akadémia kiadó, 1943, 282 p.

Mavrodinov, N. P. “Raskopki i issledovaniia v Bolgarii v poslednie gody”. *Sovetskaia arkheologiya*, vol. XXIV, Moscow: AN SSSR, p. 121–154.

Merpert, N. Ia., Chernykh, E.N. “Bolgaro-Sovetskaia arkheologicheskaiia ekspeditsiia”. *Voprosy istorii*, no. 6, 1974, p. 208–214.

Otechestven front. 1946. 15 ianuari — 3 fevuari.

Pletneva, S. A. “Stratigraficheskie issledovaniia Pliski (raboty Sovetskogo otriada 1977–1980)”. *Pliska–Preslav*, no. 5. Shumen: BAN, 1992, p. 35–62.

Slavyanska arheologiya i etnografiya v Savetskiya Sayuz. Sofia: Pechatnitsa na BAN, 194, 167 p.

“Slovo na prof. Vasil Nikolov, direktor na Arheologicheskiya institut s muzey na Balgarskata akademiya na naukite po sluchay 100 godini ot otkriv”. *Arheologiya*, no. 3–4, 2004, p. 125–127.

Tezisy i proekty rezoliutsii po dokladam na Vsesoiuznom arkheologicheskom soveshchaniu v Moskve 24 fevralia — 2 marta 1945 g. Moscow: Orgkomitet po sozyvu soveshchaniia, 1945, 30 p.

Tikhonov, V. V. *Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaia istoricheskaia nauka (seredina 1940-kh — 1953 g.)*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2016, 424 p.

Todev, I., Gesheva, Y., Kandilarov, E., Marcheua, I., Poppetrov, N., Hristov, D. *Kratka istoriya na Balgarskata akademiya na naukite*. Sofia: Marin Drinov, 2019, 127 p.

Tokarev, S. A. “Etnograficheskie nabliudeniia v slavianskikh stranakh (1946 g.)”. *Sovetskaia etnografiia*, no. 2, 1946, p. 200–210.

Tret'iakov, P. N. “Balkanskaia arkheologo-etnograficheskaiia ekspeditsiia”. *Izvestiia AN SSSR. Seriya istorii i filosofii*, no. 3, 1947, p. 279–284.

Tret'iakov, P. N. “Vostochnoslavianskie cherty v bytu naseleniia Pridunaisko Bolgarii”. *Sovetskaia etnografiia*, no. 2, 1948, p. 170–183.

Tret'iakov, P. N. *Vostochnoslavianskie plemena*. Moscow: AN SSSR, 1953, 312 p.
Vazharova, Zh. *Slavyano-Balgarskoto selishte kray selo Popina, Silistrensko*. Sofia: BAN, 1956, 63 p.

Vazharova, Zh. N. *Pahotnye orudiya na territorii Bolgarii i ih etnicheskoe opredelenie*: candidate's thesis. Moscow, 1952, 15 p.

Yakimova, I. “Bitkata za Sofiya. Kak voynata preobrazi stolichniya grad”. *Velikite sili, Balkanite i Bulgariya prez Vtorata svetovna vojna. Mezhdunarodna nauchna konferentsiya 21–23 april 2015, Sofiya* / ed. by A. Grebenarov. Sofia: Simolini-94, 2016, p. 315–331.

Yurukova, Y. “110 godini Arheologicheski muzey”. *Arheologiya*, no. 1, 2003, p. 5–7.

Andrey A. Kudryavtsev

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Nikita S. Gusev

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

The Balkan archaeological and ethnographic expedition of the Academy of Sciences of the Soviet Union in 1946 and its influence on the development of Soviet-Bulgarian relations in archaeology

Within the framework of the Balkan archaeological and ethnographic expedition of the Soviet Union Academy of Sciences in January-February of 1946 scientists of the Institute for the History of Material Culture and the Institute of Ethnography carried out works in Bulgaria to establish scientific contacts and to organize joint archaeological researches. This country was considered as a region, the study of which will give new information about the early stage of the history of the Slavs, and was also important in view of the increased importance of Byzantium for Soviet historical science. The Bulgarian authorities paid great attention to the visit of Soviet scientists. They were supported by state and scientific organizations, and the press covered their trip around the country. Members of the expedition gave public lectures in Sofia, then published a separate collection of articles. On his return, the head of the expedition, P. N. Tretyakov submitted a closed report to the Presidium of the Soviet Union Academy of Sciences, in which he rather critically assessed the level of Bulgarian archaeology. This, however, can be explained by opportunistic reasons. Although the results of the expedition were approved by the leadership of the Soviet Union Academy of Sciences and the Bulgarian Academy of Sciences, the planned joint archaeological research did not take place. Despite this, the conduct of the Balkan expedition was of great importance for both the Soviet side and the Bulgarian scientists, despite of the fact-finding character of the Balkan expedition and the unrealized plans for the joint archaeological research. The expedition laid the foundation for further cooperation in archaeology field. Later it came true in several joint expeditions to the territory of the USSR and Bulgaria, they had a diverse scope of work goals. The article also informs of the Bulgarian archaeology achievement before the visit of Soviet delegation, its preparatory stage and investigation in Bulgaria.

Keywords: *Bulgaria, archaeology, A. V. Artsikhovskiy, B. D. Grekov, P. N. Tret'iyakov, Institute for the History of Material Culture, Institute of Ethnography, Soviet-Bulgarian scientific relations.*

Галина Яковлевна Ильина. К 90-летию со дня рождения

Галина Яковлевна Ильина — выдающийся отечественный литературовед-югославист, исследователь истории и типологии литератур южнославянских народов, всю свою жизнь она посвятила их изучению и популяризации. Благодаря ее усилиям освоение литературного процесса болгарской, боснийской, македонской, сербской, словенской, хорватской и черногорской литератур приобрело в нашей стране комплексный и систематический характер. Галину Яковлеву с полным правом можно считать основоположницей академической школы российской литературоведческой югославистики, подготовленные ею научные кадры в настоящее время успешно продолжают разрабатывать тематику и проблематику литератур югославского и пост-югославского пространства. Галина Яковлевна стала первым в Российской Федерации литературоведом-югославистом, которому было присвоено ученое звание профессора РАН по специальности «Литературы народов стран зарубежья».

Ключевые слова: *литературы народов Югославии, болгарская литература, история славянских литератур, компаративистика.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.8.01

24 января 2020 г. исполнилось бы 90 лет со дня рождения одного из самых авторитетных в Российской Федерации и уважаемых за рубежом специалистов по югославянским литературам, доктору филологических наук, профессору Галине Яковлевне Ильиной, проработавшей в Институте славяноведения РАН 62 года: с января 1956 по январь 2018 г. Последние четверть века она была ведущим научным сотрудником отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы. Галина Яковлевна внесла выдающийся вклад в изучение и популяризацию литературы и культуры южных славян, в первую очередь литератур народов, проживавших в 1918–1991 гг. в едином государстве Югославия (сербов, хорватов, черногорцев, боснийцев, словенцев, македонцев). Благодаря ее подвижничеству

исследование литератур югославян приобрело в нашей стране глубокий и систематический характер, а подготовленные ею научные кадры позволяют говорить о сформировавшейся академической школе литературоведческой югославистики.

Галина Яковлевна родилась 24 января 1930 г. в Москве. Ее отец, писатель Яков Наумович Ильин (1905–1932), работал корреспондентом газет «Комсомольская правда» и «Правда», входил в группу «Литфронт» (1930), его можно назвать одним из зачинателей жанра советского производственного романа (опубликованный посмертно незавершенный роман «Большой конвейер» повествует о строительстве Сталинградского тракторного завода). От отца Галина Яковлевна унаследовала интерес к художественному слову. Мать, по воспоминаниям Галины Яковлевны, тоже была прекрасной рассказчицей, хотя ее профессия была далека от литературы. Легендарная директор «Трехгорки» Анна Алексеевна Северьянова (1908–1969) прошла путь от комсомольского вожака до замминистра, с конца 1970-х гг. ее имя носит одна из московских улиц. На улице, названной в честь матери, в скромной квартире, главным богатством которой были книги, Галина Яковлевна и прожила большую часть жизни.

После окончания школы она поступила на филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, в 1952 г. закончила кафедру славянской филологии (группа сербскохорватского языка). Затем обучалась там же в аспирантуре (1952–1955), в 1956 г. защитила кандидатскую диссертацию о творчестве классика болгарской литературы Алеко Константинова и пришла работать в сектор литературоведения Института славяноведения РАН, где в это время уже трудилась целая когорта выдающихся славистов: Т. П. Агапкина, В. И. Злыднев, Л. С. Кишкин, С. В. Никольский, Б. Ф. Стахеев, С. А. Шерлаимова.

Это были сложные для отечественной славистики годы. Славистическая наука постепенно восстанавливала силы после разгрома в середине 1930-х гг.¹, но именно в югославистике этот процесс происходил медленно, с серьезными препятствиями, причины которых крылись в остром межгосударственном и межпартийном конфликте СССР и СФРЮ (в 1948–1953 гг. дипломатические отношения между странами даже были разорваны). Существенные разногласия сохранялись и после восстановления отношений, почти вплоть до распада

¹ По известному «Делу славистов» (1934) было арестовано около 130 ученых, многие из которых были расстреляны или погибли в лагерях.

СССР, особенно напряженно проявляясь в области гуманитарных наук. В литературе и культуре это касалось трактовки природы социалистического искусства. Литературы Югославии уже в начале 1950-х гг. отказались от социалистического реализма как эстетической основы и художественной практики (главенствующих в СССР) и обратились к западноевропейским нереалистическим течениям, что вызвало резкую критику официального советского литературоведения. Изучение литературного процесса Югославии XX в. было весьма сложным и даже небезопасным делом. Исследователь находился под пристальным взглядом блюстителей чистоты марксистско-ленинского учения. Кроме того, в самих литературах Югославии с середины 1950-х гг. шли яростные дискуссии о развитии художественного слова. Изучение литератур югославян требовало от молодого ученого не только знаний и кругозора, но и твердости, самостоятельности мышления и умения ориентироваться в противоречивых явлениях. Именно эти качества у Галины Яковлевны были. Мягкость и доброжелательность сочетались в ней с сильным характером, готовностью отстаивать свою точку зрения, исследовательской решительностью и принципиальностью. Она была наделена работоспособностью и тонким художественным чутьем, которое помогало ориентироваться в сложных обстоятельствах стремительно развивавшихся литератур СФРЮ. Как отметил в своем обзоре, посвященном итогам полувековой деятельности Института славяноведения, С. В. Никольский, в 1950–70-е гг. в центре внимания литературоведов оставался реализм, «непосредственное исследование нереалистических течений XX века и их вклада в литературу отчасти сдерживалось и достаточно еще распространенным тогда в советском литературоведении скептическим и предвзятым отношением к ним», однако в ряде работ, в том числе принадлежавших перу Г. Я. Ильиной, «было положено начало их серьезному анализу и преодолению априорно настороженного подхода»².

Круг научных интересов Галины Яковлевны был широк: история южнославянских литератур в XX в., сравнительное изучение литератур Центральной и Юго-Восточной Европы, теория и методология литературоведческих исследований, русско-югославянские литературные и культурные связи. Ею написано свыше двухсот работ, мно-

² Никольский С. В. Разработка проблематики литератур народов Центральной и Юго-Восточной Европы от древности до 1945 года // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 176.

гие из которых сегодня можно назвать каноническими³. Это, в первую очередь, фундаментальное исследование истории романа в литературах Югославии — монография «Развитие югославского романа в 20–30-е годы XX в.» (1985), легшая в основу ее докторской диссертации. Отличительной чертой этой книги является то, что обширный материал сербской, хорватской и словенской литератур проанализирован в широком контексте художественных поисков межвоенной эпохи не только в литературе, но и в живописи, театре, культуре в целом. Основное внимание уделено романному творчеству классика хорватской литературы Мирослава Крлежи, который был ключевой фигурой литературного процесса тех лет.

Галина Яковлевна является автором ряда обобщающих работ по литературам народов Югославии. Ее труды отражают современный взгляд отечественной науки на историю и особенности развития славянских литератур, что по-прежнему остается весьма сложной, дискуссионной областью гуманитарных исследований. Она соавтор таких академических изданий, как «История литератур западных и южных славян в трех томах», т. 3 (2001), «История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны в двух томах», т. 1, 2 (1995, 2001), автор глав «Хорватская культура» и «Сербская, боснийская и черногорская культуры» в коллективной монографии «История культур славянских народов в трех томах», т. 3 (2008).

Будучи несомненно одаренным исследователем литературы, Галина Яковлевна пользовалась большим авторитетом среди коллег, ее отличали «стремление сочетать историко-литературный подход к рассматриваемым явлениям с теоретическим их осмыслением» (В. А. Хорев⁴), высокая эрудиция и культура, широта научных взглядов, литературоведческое чутье, увлеченность и крайняя добросовестность. Ее имя хорошо известно в литературоведческих кругах России, стран СНГ и за рубежом, прежде всего в Хорватии, благодаря выступлениям на многочисленных международных конгрессах и конференциях, съездах славистов, сотрудничеству с крупнейшими европейскими

3 Об этом подробнее: Ильина Галина Яковлевна // Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук: Биобиблиографический словарь. М., 2012. С. 174–175; К юбилею Галины Яковлевны Ильиной // Славяноведение. 2005. № 3. С. 117–118.

4 Хорев В. А. Изучение литератур стран Центральной и Юго-Восточной Европы после 1945 г. // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. С. 183.

учеными (например, А. Флакером), публикациям в совместных с литературоведами стран Восточной Европы трудах и иностранной периодике (хорватские журналы «Umijetnost rječi», «Croatica», «Kronika»). Итогом многолетнего изучения литературы Хорватии стала монография «Хорватская литература XX века» (серия «Литература XX века», 2015). Это первое в отечественной славистике концептуальное, научное исследование сложного и богатого феномена хорватской литературы. Теоретической основой монографии стал историко-литературный подход в сочетании с принципами сравнительного литературоведения. Автор подчеркивала, что именно литература стала важнейшим проявлением национального самосознания хорватского народа, сохранившего свою идентичность в сложнейших исторических условиях многовекового отсутствия государственности. Богатство народных традиций, тесная связь с фольклором, значимость художественного опыта прошлых эпох придали хорватской литературе неповторимый национальный облик, что в сочетании с широкой опорой на художественные поиски европейской (и русской) литературы стало основой ее бурного роста и обогащения в XX в. В монографии русскоязычному читателю стал впервые доступен уникальный материал, собранный и заново осмысленный ученым. Важным дополнением к книге является опубликованная Галиной Яковлевной «Библиография переводов хорватской литературы на русский язык» (2016), которая охватывает более 400 единиц переведенных произведений поэзии, прозы и драмы, написанных хорватскими авторами с эпохи Возрождения до начала XXI в. Библиография дает представление об устойчивом интересе русских переводчиков к хорватской литературе.

Энциклопедизм и аналитический ум Галины Яковлевны проявились при подготовке «Лексикона южнославянских литератур» (2012), инициатором создания и ответственным редактором которого она являлась. Этому предшествовал опыт сотрудничества в таких масштабных проектах, как «Литературный энциклопедический словарь» (1987), «Краткая литературная энциклопедия. В 9-ти тт.» (1962–1978). «Лексикон» стал первым в России и зарубежных славянских странах справочно-энциклопедическим изданием по семи южнославянским литературам: болгарской, боснийской, македонской, сербской, словенской, хорватской и черногорской, начиная с зарождения в них художественного слова до рубежа XX–XXI вв. Одной из самых сложных проблем, с которыми пришлось столкнуться ученому, стал вопрос формирования национальных литератур в многонациональном регионе, народы которого говорят на близкородственных языках. В

настоящее время «Лексикон» — одно из самых востребованных русскоязычных справочных славистических изданий.

Важное место в научной деятельности Галины Яковлевны занимало еще одно весьма трудоемкое направление — редакторская работа. В 1970–80-е гг. она была членом редколлегии РЖ РАН по литературоведению, членом редколлегии «Библиотеки югославской литературы», за время всей своей научной карьеры выступила в качестве ответственного редактора шести авторских монографий⁵ и члена редколлегии более пятидесяти коллективных трудов. Ведущий специалист по литературам Болгарии и Югославии XX в., она была активным популяризатором южнославянских литератур на советском и постсоветском пространстве, составителем, автором предисловий и примечаний к целому ряду книг ведущих болгарских и югославских писателей, среди которых Й. Радичков, Й. Йовков, А. Константинов, А. Цесарец, В. Парун, С. Матавуль, Р. Зонович, В. Калев, М. Крлежа и многие другие. Благодаря ее рецензиям в журналах «Художественная литература за рубежом», «Советское славяноведение» («Славяноведение»), «Вопросы литературы» русскоязычная читательская аудитория знакомилась с новыми именами и явлениями современных славянских литератур.

Галина Яковлевна являла собой пример ученого, который не на словах, а на деле думал о перспективах развития славяноведения, о научной смене. На протяжении всей своей жизни она поддерживала тесные связи с alma mater: читала спецкурсы, руководила дипломными работами, была членом диссертационного совета по зарубежной литературе филологического факультета МГУ. Можно сказать, что большинство литературоведов-югославистов факультета со второй половины 1950-х гг. до самого последнего времени в той или иной степени являются ее учениками. Под ее руководством в 1989–2003 гг. было подготовлено и защищено семь кандидатских диссертаций по четырем основным литературам Югославии: О. Л. Кирилловой по

⁵ *Витт В. В.* Стефан Жеромский. М., 1961; *Богданов М. Б.* Сербская сатирическая проза конца XIX — начала XX века и некоторые вопросы теории сатиры. М., 1962; *Пономарева Н. Н.* Современная болгарская драматургия. М., 1974; *Кириллова О. Л.* Между мифом и игрой: о поэтике Андрича. М., 1992; *Старикова Н. Н.* Словенский исторический роман 1920–1930-х годов: Типология, генеалогия, поэтика. М., 2006; *Старикова Н. Н.* Литература в социокультурном пространстве независимой Словении. М., 2018.

сербской литературе (1989), Е. В. Степановой по хорватской литературе (1992); Н. Н. Стариковой по словенской литературе (1993); А. Е. Евстратовой (2003) по македонской литературе, а также по проблемам русско-югославянских литературных связей: Е. Н. Авсюкевич (1994), В. В. Юнак (1996), Д. Маравич (2000). Галина Яковлевна была научным консультантом, оппонентом, рецензентом нескольких десятков кандидатских и докторских диссертационных работ, до конца жизни охотно и безвозмездно помогала молодым аспирантам и соискателям. Например, автору последней подготовленной в отделе современных литератур ЦЮВЕ кандидатской диссертации «Художественная структура романов Милорада Павича (некоторые аспекты поэтики)» (2020) Е. В. Шатько. В 2001 г. решением Высшей аттестационной комиссии Г. Я. Ильиной было присвоено ученое звание профессора РАН по специальности «Литературы народов стран зарубежья». Она стала первым в Российской Федерации литературоведом-югославистом, получившим это академическое звание.

Ученики Г. Я. Ильиной продолжают благородное и — увы! — в современных условиях тотального удушения славистики крайне непростое дело изучения, преподавания и продвижения югославянских литератур в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Минске, Белграде, Баку, Загребе. В ее лице они нашли истинного Наставника, сумевшего привить вкус и интерес к работе с художественным текстом, показать пример неравнодушного отношения к науке, дать путевку в самостоятельную литературоведческую жизнь. Многие из них — нас — передают исследовательскую эстафету своим ученикам, а это значит, что школа российской литературоведческой югославистики, основанная Галиной Яковлевной Ильиной, продолжает жить и развиваться.

Источники и литература

Богданов М. Б. Сербская сатирическая проза конца XIX — начала XX века и некоторые вопросы теории сатиры. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 152 с.

Витт В. В. Стефан Жеромский. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 343 с.

Ильина Г. Я. Библиография переводов хорватской литературы на русский язык. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. 78 с.

Ильина Г. Я. Развитие югославского романа в 20–30-е годы XX в. М.: Наука, 1985. 288 с.

Ильина Г. Я. Хорватская литература XX века. М.: Индрик, 2015. 440 с.

Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М.: Индрик, 1996. 424 с.

К юбилею Галины Яковлевны Ильиной // Славяноведение. 2005. № 3. С. 117–118.

Кириллова О. Л. Между мифом и игрой: о поэтике Андрича. М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1992. 122 с.

Лексикон южнославянских литератур / отв. ред. Г. Я. Ильина. М.: Индрик, 2012. 592 с.

Пономарева Н. Н. Современная болгарская драматургия. М.: Наука, 1974.

Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук: Биобиблиографический словарь / отв. ред. М. А. Робинсон, А. Н. Горяинов. М.: Индрик, 2012. 528 с.

Старикова Н. Н. Литература в социокультурном пространстве независимой Словении. М.: Индрик, 2018. 392 с.

Старикова Н. Н. Словенский исторический роман 1920–1930-х годов: Типология, генеалогия, поэтика. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2006. 192 с.

References

Bogdanov, M. B. *Serbskaia satiricheskaia proza kontsa XIX — nachala XX veka i nekotorye voprosy teorii satiry*, Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1962, 152 p.

Il'ina, G. Ia. *Bibliografiia perevodov khorvatskoĭ literatury na russkiĭ iazyk*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2016, 78 p.

Il'ina, G. Ia. *Razvitiie iugoslavskogo romana v 20–30-e gody XX v.* Moscow: Nauka, 1985, 288 p.

Il'ina, G. Ia. *Xorvatskaia literatura XX veka*. Moscow: Indrik, 2015, 440 p.

Institut slavianovedeniia i balkanistiki. 50 let. Moscow: Indrik, 1996, 424 p.

“K iubileiu Galiny Iakovlevny Il'inoĭ.” *Slavianovedenie*, 2005, № 3, p. 117–118.

Kirillova, O. L. *Mezhdu mifom i igroĭ: o poĕtike Andricha*. Moscow: In-t slaviano-vedeniia i balkanistiki RAN, 1992, 122 p.

Leksikon iuzhnoslavianskikh literatur, ed. G. Ia. Il'ina. Moscow: Indrik, 2012, 592 p.

Sotrudniki Instituta slavianovedeniia Rossiĭskoĭ akademii nauk: Biobibliograficheskiĭ slovar' / eds. Robinson, M. A., Goriainov, A. N. Moscow: Indrik, 2012, 528 p.

Vitt, V. V. *Stefan Zheromskiĭ*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1961, 343 p.

Nadezhda N. Starikova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Galina Yakovlevna Ilyina: On the occasion
of her 90th Birthday

Galina Yakovlevna Ilyina is an outstanding Russian literary critic specializing in Yugoslav literatures. A researcher of the history and typology of the literatures of the South Slavs, she devoted her whole life to their study and popularization. Thanks to her efforts, the development of the literary process of the Bulgarian, Bosnian, Macedonian, Serbian, Slovenian, Croatian and Montenegrin literature has acquired a complex and systematic character in our country. Galina Yakovlevna can rightfully be considered the founder of the academic school of literary Yugoslav studies in Russia, the academic personnel trained by her are currently successfully continuing to develop the themes and problems of the literatures of the Yugoslav and post-Yugoslavian space. Galina Yakovlevna became the first Yugoslav literary critic in the Russian Federation who was awarded the academic title of Professor of the Russian Academy of Sciences with the qualification Literature of the Peoples of Foreign Countries.

Keywords: literature of the peoples of Yugoslavia, Bulgarian literature, history of Slavic literatures, comparative studies.

УДК 93/94
ББК 63.3

И. В. Чуркина
независимый исследователь
(Москва, Россия)

Краткая автобиография Петера Когоя

Вниманию читателя предлагается краткая автобиография словенца Петера Когоя — участника партизанского движения в Югославии в годы Второй мировой войны, коммуниста, эмигрировавшего в СССР в 1948 г., после принятия Информбюро резолюции по Югославии. Большую часть своей долгой жизни он провел в Москве. Учился в МГУ им. М. В. Ломоносова, затем много лет работал сотрудником словенской секции Московского радио, вплоть до ее ликвидации в 1994 г. и своего ухода на пенсию. Автобиография П. Когоя, написанная им в 1990-е годы, — искренний и эмоциональный рассказ очевидца о борьбе югославских партизан, о жизни словенского эмигранта в России на протяжении второй половины XX в. и восприятии им происходивших в ней событий. В ней также содержатся интересные материалы о русско-словенских отношениях этого периода. Свою автобиографию П. Когой передал виднейшему русскому специалисту по истории Словении, в то время также председателю русско-словенского Общества друзей Словении «Триглав» д. и. н. И. В. Чуркиной, она находится в ее личном архиве. И. В. Чуркина осуществила перевод текста на русский язык, написала к нему комментарии и вступительное слово. Ключевые слова: *Петер Когой, русско-словенские отношения, словенская секция Московского радио, Общество друзей Словении «Триглав».*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.6.01

Словенец Петер Когой (1925 — ?) 18-летним юношей стал участником партизанского движения в Югославии в годы Второй мировой войны. В послевоенные годы (1946–1948) он был членом югославского посольства в Тегеране и, как и некоторые другие югославские коммунисты той поры, эмигрировал в СССР в 1948 г. после известной резолюции Информбюро по Югославии, ознаменовавшей начало раскола в коммунистическом движении и политике Югославии и СССР. С тех пор он поселился в Москве. Закончил философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, работал сотрудником словенской секции Московского радио вплоть до ее ликвидации в 1994 г.

После распада Югославии и образования независимого государства Республики Словении при активном сотрудничестве временного поверенного в делах Республики Словении в Российской Федерации Романа Кокаля 8 февраля 1992 г. (в День Прешерна) в Москве было создано российско-словенское Общество друзей Словении «Триглав». В него входили югославские эмигранты, решившие остаться в России и после образования независимой республики Словении, а также российские специалисты, занимающиеся словенскими сюжетами. Петера Когоя я встретила на одном из первых заседаний Общества. Он резко выделялся среди других — высокий, красивый, прекрасно говоривший на русском языке.

Общество «Триглав» в 1990-е годы планировало опубликовать сборник воспоминаний словенских эмигрантов в России. К сожалению, этот проект так и не был осуществлен. Однако в моем личном архиве осталась машинописная рукопись записок П. Когоя, предоставленная мне автором. Это автобиография автора (8 с.) и дополнение к ней (3 с.). Я сочла своим долгом перед этим незаурядным человеком перевести и опубликовать их. В связи с необходимостью объединить два разных текста пришлось осуществить некоторые логические перестановки его частей, а также сделать несколько купюр.

Записки Когоя отличаются искренностью, из них видно, как на протяжении второй половины XX в. менялись убеждения коммуниста, во многом обусловленные изменениями политики руководства как Югославии, так и нашей страны, в которой он провел большую часть своей жизни. При этом он неизменно оставался русофилом, с симпатией относящимся к русскому народу и верящим в его будущее.

Петер Когой

Краткая автобиография

8 января 1925 г. в семье сапожника в Шмартно у Локи Лепольда Когоя родился шестой ребенок. Это был я. Через несколько дней я был крещен в Шмартенской католической церкви и получил имя Петер. Моя мать, Розалия Когой, в девичестве Саксида, и отец переехали в Штирию из Приморья во время Первой мировой войны. Поэтому в Штирии нам дали прозвище «беженцы», что всегда звучало несколько презрительно. Обувная мастерская отца успешно работала до появления знаменитого «Бати»¹, который разорил многих мелких предпринимателей.

¹ Чешская обувная фирма. Основана Томашем Батей в 1894 г. в Злине. В 1938 г. — это уже большой концерн, объединявший не только чешские, но и 63 иностранные компании.

Школу в Шмартно я окончил накануне Второй мировой войны, и отец отдал меня учиться торговому делу в магазин «Йосип Повер — Рико Мршич» в Брасловче в часе ходьбы от Шмартно. Там меня и застала война и интернирование в Боснию, куда была сослана наша семья в составе: отец, мать и два сына — Йоже и я. В начале оккупации немцы сразу же интернировали много словенских семей на юг тогдашней Югославии, те семьи, которые они считали неблагонадежными для их так называемого «нового порядка»². Самый старший брат Михаил в то время служил в армии. Как югославский солдат он попал в плен к немцам и затем был переведен в концентрационный лагерь Дахау³. Второй по старшинству брат Иван был в это время помощником пекаря в пекарне Веленья. Его вскоре мобилизовали и отправили в Германию. Что с ним случилось потом, мы так никогда и не узнали. Сестра Мария была прислугой в семье государственного чиновника в Белграде. Когда немцы вошли в Белград, она попала в руки группы немецких насильников и была искалечена на всю жизнь: сошла с ума.

Мы вчетвером жили в Боснии сначала в Баня-Луке, затем нас вместе со многими словенскими семьями депортировали в Котор-Варош. Когда число узников в обоих словенских лагерях — Котор-Вароше и Баня-Луке — сильно сократилось, нас в 1942 г. снова вернули в Баня-Луку.

Через несколько дней в лагерь пришли немцы и отобрали десяток мужчин и парней для работы на продовольственных складах немецкой армии. Там мы работали с утра до вечера, а ночевать уходили в лагерь. Я уже знал немного немецкий язык, а там овладел им еще лучше, что мне позднее очень пригодилось у партизан. В начале лета 1943 г. мой отец стал прозрачно намекать, что, возможно, нам удастся

2 Третий рейх — название Германии с 24 марта 1933 г. до мая 1945 г. Возникло с приходом к власти нацистов и исчезло после их разгрома.

3 Дахау — фашистский концентрационный лагерь, основанный 22 марта 1933 г. До начала Второй мировой войны в нем содержались противники нацистского режима, которые работали на промышленных предприятиях. Во время Второй мировой войны Дахау приобрел известность как один из самых ужасных концентрационных лагерей. Там проводились медицинские опыты над заключенными. 28 апреля 1945 г., за день до его освобождения американскими войсками, подпольная организация узников подняла восстание, сорвав план уничтожения оставшихся заключенных.

установить связь с партизанами в окрестностях Баня-Луки. Не могло быть и речи о том, чтобы организовать побег большому количеству людей, ведь шпионов повсюду хватало, в том числе и между нами, словенцами. Поэтому отец предложил уйти только нам с братом. Неожиданно Йоже сказал, что он не умеет воевать и был бы партизанам только обузой, чего он не хочет. «Принуждать вас никто не может», — сказал отец. Так я остался один, но колебаний у меня не было. Тем же вечером, когда стемнело, я перешел реку Врбас. Ночью немцы на той стороне не охраняли реку. Без особых трудностей я пришел в село, в которое меня направил отец. Там меня перед рассветом ожидало два партизанских курьера, с ними я ушел в неизвестность и уже утром был в Прняворском партизанском отряде. Я получил ружье и пять патронов. «Впредь ты будешь вооружаться сам», — сказал командир отряда, к которому меня причислили.

Так началась моя новая партизанская жизнь, о которой можно было бы написать обширный роман. Я расскажу только о главных событиях тех лет, участником и свидетелем которых я оказался. Через некоторое время я вместе с несколькими другими партизанами из отряда был переведен в Краишскую бригаду 5-го корпуса НОА (Национально-освободительная армия). Подразделения этого корпуса действовали в боснийских городах: Сараево, Баня-Лука, Бихач, Сански-Мост, Прнявор, Петровац, Яйце, Ключ, Добой, Дервента и др. Среди самых крупных событий я бы отметил взятие Баня-Луки в новогодние дни 1944 г. и уже известный немецкий десант в Дрвар, который должен был захватить Верховный штаб во главе с маршалом Тито.

Во время Баня-Лукской операции я был ранен и отправлен на лечение, а позднее на отдых в Дрвар. Там меня отправили на высшие санитарные курсы под руководством генерала Гойко Николиша. Как известно, в это время в Дрваре находилась база Верховного штаба НОА Югославии. Перескочу несколько вперед и расскажу, что в то время при Верховном штабе находилась Военная миссия Советского Союза, членом которой был также ныне покойный Владимир Владимирович Зеленин⁴, который затем стал доктором исторических наук и исследователем национально-освободительной борьбы в Югосла-

4 Зеленин Владимир Владимирович (1920–1998) — советский и российский историк, доктор исторических наук, заведующий сектором истории Центральной и Юго-Восточной Европы в период общего кризиса капитализма Института славяноведения и балканистики АН СССР.

вии, написавший о ней несколько книг. С ним я впоследствии встречался множество раз в Москве, и мы вспоминали о тех событиях в Дрваре во время войны. Оба мы пережили это дерзкое нападение немецких десантников, стремившихся захватить весь Верховный штаб во главе с Тито. Конечно, фашистский десант не добился успеха, а Верховный штаб русские летчики переправили на остров Вис. Я вернулся в бригаду, а после освобождения Белграда был отозван из нее на особые курсы дипломатических представительств в иностранных государствах.

Если не ошибаюсь, во второй половине 1945 года мне в министерстве иностранных дел сообщили, что я назначен в новое югославское представительство в Тегеране. С этого момента начинается новая глава в моей жизни. Работа в дипломатическом представительстве — это совсем другое, нежели партизанская война или, еще раньше, довоенная жизнь. Здесь наряду с новой работой проходило мое обучение и образование. Моя личность получила новое содержание и обрела новый смысл. Посланник Алиходжич, очень образованный человек, стал мне своего рода духовным отцом, советчиком и учителем. Когда мы разговаривали — иногда целыми вечерами — о жизни, о людях, о политике, о его богатом жизненном опыте, он любил повторять как некое жизненное кредо: «Помни, дорогой Перо, и не забывай: нет предела людской злобе». Сколько раз я вспоминал и до сих пор иногда вспоминаю эти его слова, когда вижу, что день за днем происходит вокруг нас и во всем мире.

Работа в посольстве мне нравилась, хотя часто приходилось оставаться в канцелярии до глубокой ночи. Состав посольства сначала был немногочислен: посланник, советник с женой, секретарь с женой, я и шофер. Мы поддерживали хорошие отношения с советским посольством, особенно хорошо я был знаком с его секретарем Ворониным. Так проходили наши дни в работе, а для меня также и в учебе: я старался овладеть русским и французским языками и читал все, что мне помогало восполнить недостаток образования.

Между тем я узнал от министерства иностранных дел в Белграде, что мои родители живы и здоровы и вернулись из Боснии в Словению.

Здесь я должен вернуться на несколько лет назад, в годы войны. Как уже упоминалось, я был ранен во время Баня-Лукской акции и эвакуирован в направлении Котор-Вароша, где находился один из партизанских госпиталей. Немецкие танки прошли от Баня-Луки до этого госпиталя (куда мы были направлены из-за ранений) раньше,

чем мы туда приехали, они разрушили его и убили несколько раненых, которых наши не успели эвакуировать. Меня в то время там не было, так как партизаны и бригадные подразделения из Баня-Луки возили своих раненых по деревенским дорогам, и потом нас отправили в другой госпиталь у Скандр-Вакуфа.

По своим каналам отец узнал, что я был ранен у Баня-Луки и вместе с другими ранеными отправлен в тот госпиталь, который был разрушен и где, согласно распространявшимся немцами слухам, они убили тысячи партизан и весь обслуживающий персонал. А позднее отец не имел никаких вестей обо мне, и родители поверили, что смерть настигла и меня, и к концу войны уже почти потеряли надежду. Опечаленные, они вернулись домой в Словению одни, так как брат мой Йоже вскоре после моего ухода из Баня-Луки был мобилизован в хорватскую домобранскую армию⁵.

О том, что я жив и здоров и, более того, являюсь государственным чиновником и работаю в югославском посольстве в Тегеране, мои родители узнали уже после моего отъезда в Тегеран, по-видимому, из сообщения министерства иностранных дел, которое они получили в начале 1946 года. Затем они получили мое первое письмо из Тегерана, а также, чуть позже, я начал отправлять им деньги и посылки (особенно мама радовалась кофе, который я регулярно посылал домой наряду с деньгами, так как кофе там невозможно было купить). Можно себе представить, как счастливы были отец и мать, когда получили от меня весточку.

Жизнь и работа в посольстве были для меня интересны во всех отношениях, и более всего потому, что я встречался со многими интересными людьми, как в дипломатических кругах, так и в других слоях населения в Тегеране. С тех пор как помню себя, мне всегда нравилось наблюдать за людьми в разных обстоятельствах: как они ведут себя, как говорят, как смеются, как реагируют в различных ситуациях: рассерженные, опечаленные, развеселившиеся, озабоченные, скучающие. Можно себе представить, какую пищу давали в этом отношении разнообразные дипломатические и другие приемы, а также общение в посольстве и вне него. С удовольствием вспоминаю приемы в советском посольстве, когда после окончания его официальной части приглашенные гости расходились, а нас, югославов, советский

⁵ Домобранцы — вооруженные силы Независимого государства Хорватии, созданного нацистской Германией. Во главе — Анте Павелич. Воевали на стороне фашистов.

посол Садчиков⁶ задерживал, как он говорил, на рюмку водки, чтобы мы в непринужденной обстановке поболтали о том о сем. Во время одной из таких бесед посланник Алиходжич выполнил данное мне обещание — что замолвит за меня слово, чтобы я по окончании службы в посольстве поехал учиться в Москву. Ответ был настолько положительным, что я уже видел себя студентом в России.

Но вот наступил 1948 год, год пресловутой резолюции Информбюро против Югославии. Это была настоящая бомба, которая привела в замешательство многих людей в мире⁷.

Мне было стыдно на следующий день, как обычно, приветствовать своего друга секретаря советского посольства Воронина словами «Доброе утро». Такое же чувство было у посланника Алиходжича, и, вероятно, также и у русских, так как в течение многих дней никто никому не звонил, и между нами установилось мучительное молчание, которому не было видно конца. Потом мы с посланником Алиходжичем решили, что я позвоню Воронину по какому-нибудь незначительному вопросу, например, что я не получил последний номер бюллетеня, который издавало советское посольство в Тегеране. У меня тряслись руки, когда я набирал номер телефона, а когда услышал его такой знакомый, удивительно спокойный голос, то смог сказать только «алло» и у меня пересохло в горле. Для него было довольно этого краткого «алло», чтобы понять, кто ему звонит. Он приободрил меня, и мы сразу же договорились о встрече. Мы встретились за городом. Я ему рассказал все: о том, что у нас еще нет никаких инструкций из Белграда, что мы не знаем ни как себя вести, ни что делать, что мы получили только одну зашифрованную телеграмму с обещанием, что разъяснение вместе с документами из министерства нам пришлют

6 Садчиков Иван Васильевич (1906–1989) — советский чрезвычайный и полномочный посол в Югославии (1945–1946) и в Иране (1946–1959).

7 На совещании в Бухаресте участников Информбюро в июне 1948 г. была принята резолюция, в которой Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) обвинялась в закулисной критике СССР и ВКП (б) и отходе КПЮ от марксистской теории. В июле 1948 г. V съезд КПЮ отклонил резолюцию. В конце сентября 1949 г. советское правительство денонсировало советско-югославский союзный договор, за ним последовали страны народной демократии. В ноябре 1949 г. на совещании Информбюро была принята резолюция, в которой югославское руководство обвинялось в установлении в стране антикоммунистического фашистского режима.

позже, но это «позже» так и не наступило. Воронин был осторожен, корректен и дал понять, что не имеет права давать какой-либо совет и что мы должны сами решить, что делать.

В этом смятении и неизвестности созрело решение, принять которое мы все сначала боялись, понимая, что оно станет для нас судьбоносным: искать правду самим, и поскольку из Белграда разъяснений не приходит, обратиться к Москве. Так осенью 1948 г. мы, четыре члена югославского посольства в Тегеране — посланник Алиходжич, я, административный курьер посольства Брешич и шофер Урличич, все — члены Коммунистической партии Югославии, очутились в Москве. Тайно уехать из Тегерана нам помогло советское посольство, хотя журналисты в Тегеране день и ночь дежурили у советского и нашего посольств и сообщали, что между нами нет никаких контактов. Только на следующий день, когда мы в Джульфе пересекли ирано-советскую границу, советское посольство сообщило об этом пораженным журналистам в Тегеране. Последние не знали, как объяснить, что они могли проглядеть такое, и кто их так провел.

В Москву мы прибыли с надеждой, что самое большее через два или три месяца все эти недоразумения уладятся и нас никто не упрекнет за наш поступок. Но время шло, а события развивались в противоположном направлении. Антиюгославская пропаганда сделала свое дело, и мало-помалу у нас, по крайней мере у меня, появилось горькое осознание того, что наши страны все больше и больше погружаются в страшную совинформовскую раздвоенность и раскол. Это было очень печально.

Единственным моим утешением было то, что я смогу осуществить свое потаенное желание продолжить образование.

Приезд в Москву означал для меня начало нового этапа моей жизни. Я вспомнил слова начальника отдела кадров министерства иностранных дел новой Югославии в Белграде, который нам летом 1945 г. перед отъездом в Тегеран сказал, что, если кто хочет продолжить свое образование, он сможет это сделать после краткого срока службы за границей в наших дипломатических представительствах. Я вспомнил это, поскольку его слова совпадали с мнением тех людей, которые нас встретили в Москве. Они сказали, что тот, кто желает продолжить свое образование, имеет для этого в Москве все возможности. Я очень обрадовался и через пару дней предстал перед компетентной комиссией из трех профессоров Московского университета. Не прошло и получаса, как они поняли, насколько мало я подготовлен к учебе в университете. Заметив мою растерянность, они поддержали

мое стремление учиться и сказали, что при желании и старании все можно исправить. Мне не хватало знаний, чтобы продолжить официальное обучение. Все равно я должен был попытаться. Одного года учебы на подготовительных курсах было мало. Я быстро понял, как мало я получил, занимаясь в Тегеране. Два года обучения на подготовительных курсах и шесть лет обучения на философском факультете Московского университета, во время которых я должен был, как мне сказал один из трех профессоров, «засучить рукава и напрячь мозги», и диплом об окончании университета был в моем кармане.

Я никогда не забуду всестороннюю помощь, практическую и моральную, которую мне оказали преподаватели, профессора, администрация факультета и, конечно, мои сокурсники. Без нее мне бы не помогли мои «засученные рукава и напряжение мозгов». И я могу утверждать, что за восемь лет учебы я узнал совершенно новый тип межличностных отношений. Ведь я убедился в том, что высказывание древних римлян, приведенное в теории Гоббса⁸, «человек человеку волк», далеко не всегда соответствует действительности, что в большинстве случаев человек человеку скорее «друг и брат».

Это мое убеждение еще больше укрепилось впоследствии, когда я стал работать в словенской секции Московского радио [...] Работа мне нравилась уже потому, что для меня означала связь с моей родной Словенией: ведь я каждый день раз или два по полчаса говорил по радио на родном языке, доказывая себе, что его не забыл, сообщал разные новости, рассказывал о мировых или об отечественных событиях, в убеждении, что делаю что-то полезное и необходимое людям.

У нас были непосредственные связи с людьми из Словении, поскольку приходили письма от наших слушателей, иногда очень интересные. Люди спрашивали то об одном, то о другом, их интересовала жизнь здесь, иногда они рассказывали, что происходило у них. В такие праздники, как Рождество, Новый год, майские и другие, мы получали красивые открытки с поздравлениями и сами посылали поздравления всем нашим корреспондентам. По радио мы загадывали нашим слушателям разные загадки и шарады, с наградами для победителей. Часто победители конкурсов сами приезжали за наградами к нам в Москву, так что у нас было много личных встреч.

⁸ Гоббс (Hobbes) Томас (1588–1679) — английский философ-материалист. Утверждал, что государство является результатом договора между людьми. Оно положило конец догосударственному состоянию людей, когда шла война всех против всех.

Завязывались у нас и другие контакты со словенцами. Вспоминаю встречи [...] с известным словенским поэтом Миле Клопчичем⁹, который по приглашению русского поэта Алексея Суркова несколько раз приезжал в Москву на пушкинские праздники. В таких случаях мы всегда приглашали Клопчича к нам на радио, чтобы он мог тут поделиться с земляками впечатлениями о встречах со «своими русскими братьями», как он часто говорил. Однажды к нам приходил также его сын Рок Клопчич, словенский виолончелист, который давал концерты в России. Особенно я вспоминаю его рассказ о впечатлениях, которые он получил, выступая в Йошкар-Оле, [...] главном городе Марийской республики [...], где живут татары, чувашаи, удмурты, башкиры, мордва и другие малочисленные народы, о которых цивилизованная Европа мало знает. Они [...] знали, когда на концерте при исполнении классических музыкальных произведений нужно аплодировать, а когда нет.

В то время в Москве побывал также словенский шахматный гроссмейстер Бруно Парма, на турнире в честь русского шахматного чемпиона Александра Алехина¹⁰. Я лично тогда интервьюировал гроссмейстера Парму, который интересно рассказывал об этом международном турнире, и [...] за это интервью был удостоен похвалы руководства нашего радио.

Помню также двух словенских летчиков-спортсменов, которые приезжали из Словении на международные спортивные соревнования по высшему пилотажу. Я вел репортаж по радио на аэродроме, где эти мастера показывали свои головокружительные акробатические номера. Оба словенских пилота — Славо Орожин из Краня и Сречко Пукл из Целя — были очень довольны, когда перед началом соревнований встретили меня на аэродроме, ведь они не ожидали, что найдут здесь своего земляка.

Обо всем этом я пишу, гордясь тем, что и моя довольно маленькая родина Словения имеет вес в семье народов нашей планеты, и что моя работа на Московском радио способствовала этому. Меня очень огорчило, когда в 1994 году было решено закрыть, наряду с другими языковыми секциями Московского радио, также и отделение по веща-

9 Клопчич Миле (1905–1984) — словенский поэт, переводчик стихотворений А. С. Пушкина на словенский язык.

10 Шахматный турнир в честь Александра Александровича Алехина, знаменитого русского шахматиста, проводился Шахматной федерацией СССР в Москве в 1956, 1971 и 1976 гг.

нию на словенском языке. Наверное, это должно было произойти, ведь в двери уже стучалась «перестройка», а из истории нам известно, что всякая реформа неизбежно является метлой, которая вместе с кучей мусора выметает и кое-что полезное.

[...] Те первые годы в СССР — несколько лет до смерти Сталина и особенно несколько лет после его смерти — были временем важнейших событий, в чем-то реальных, но, скажу честно, большею частью освещавшихся чересчур крикливо, надуманно, спекулятивно. События то мчались неизвестно куда, извергались как разбуженный вулкан, то протекали более спокойно и обещали что-то новое, лучшее [...].

Это были годы прилежной учебы в университете и работы на Московском радио. Передачи, которые мы выпускали каждый день для словенских слушателей, всегда наполняли меня радостью и гордостью. Если бы я знал тогда, что все это была хитрая пропаганда, далекая от правды. Проходили дни, месяцы, годы. Мой личный рост шел своим путем, и другим он быть не мог. В 1950 году я женился, а в 1953 году окончил университет. Пятого марта 1953 года пришла весть, что Сталин смертельно болен. В ночь на шестое марта я не смыкал глаз, но я ожидал совсем другой вести: сообщения о рождении моего первенца, ведь накануне я отвез жену в родильный дом. Чтобы время шло скорее, я вертел ручку радиоприемника без всякой цели. Судьбе было так угодно, что в течение часа от пяти до шести утра я услышал сообщение о смерти Сталина, а затем зазвонил телефон и акушерка, с которой я договорился накануне вечером, очень мило меня поздравила с рождением сына и сказала, что он крепыш и его мамочка тоже здорова и в полном порядке. Во мне все пело и радовалось от счастья и гордости. В шесть часов утра, когда стали работать все радиостанции, народ узнал о смерти Сталина. Началась всеобщая скорбь, которая с каждым часом того дня перерастала в некое для меня непонятное и неприемлемое отчаяние: люди вели себя так, будто настал конец света, конец всего живого. В те дни я видел несчастные, заплаканные лица, размышлял о горьких, искренних слезах людей, которые оплакивали подобного себе человека, человека, который мог так чудовищно обращаться с ними именно потому, что они такие: молчаливые, страдающие, переносящие невероятные трудности, терпеливые, легковверные, но в трудные времена способные на то, чтобы, если это понадобится, уничтожить пять Наполеонов и десять Гитлеров. Удивительное чудо!

Потом пришло время, когда Хрущев уничтожил миф о Сталине. Он совершил известную поездку в Югославию, был также в Слове-

нии, встретился и с шахтерами в Веленье¹¹. После долгих лет изоляции я смог написать домой письмо, что прежде было невозможно, потом начались долгожданные посещения родных мест в Словении. Начиная с 1966 г. каждый год во время отпуска я возил всю семью в Словению. Отец и мать были бесконечно счастливы, и мы тоже. Они так рады были видеть двух своих внуков и никак не могли поверить, что дожили до этого.

Здесь я бы мог завершить эту краткую автобиографию, но считаю, что будет лучше, если я расскажу еще о некоторых событиях своей жизни в эпоху, начавшуюся в 1985 г., эпоху великих реформ, последствия которых испытал и я. Не важно, когда началась эволюция моих взглядов на данные события и на все, что меня окружало здесь каждый день. Ложь и ложь повсюду, в официальной и личной сферах, в большом и малом, сокрытие и извращение правды, допустимое и недопустимое, несносный террор... Все это чудовищно влияло на нормальные процессы и создавало тяжелую атмосферу. В таких условиях было логично, что я радовался любой возможности перемен. По историческим примерам я знал, что такие перемены и вообще реформы не протекают гладко и легко, и многого ожидал, воспринимал с пониманием и спокойствием, многое оправдывал. Но вскоре появились неслыханные перегибы, и вместо возвращения прежде затоптанных человеческих ценностей со дна на поверхность начала подниматься самая грязная пена, которую человек только может себе представить. Конечно, я даже на это смотрю с пониманием, ведь грязь не очистить, если ее не увидишь. Этот процесс очищения будет продолжаться непрерывно, и общество само об этом позаботится, когда ему надоест эта грязь.

Когда в конце 1994 года были прекращены передачи Московского радио на словенском языке [...], я, естественно, расстроился из-за того, что мне пришлось выйти на пенсию. Разочарован я был и тем, что меня не признали ветераном войны и не дали соответствующих привилегий. С такой пенсией, которая мне назначена, я не могу думать о поездке в Словению, и это больше всего меня задело. По натуре я

¹¹ После смерти Сталина в 1953 г. были восстановлены дипломатические отношения между СССР и СФРЮ. Лидер СССР Н. С. Хрущев в 1955 г. посетил Югославию, где с 27 мая по 2 июня провел переговоры с И. Тито. В Белградской декларации Югославия признавалась социалистическим государством, указывалось на необходимость сотрудничества и уважения суверенитета.

оптимист, и мне стыдно жаловаться на судьбу, кузнецом которой был главным образом я сам. Как всякий словенец, я был искренне рад провозглашению независимости Словении, рад приезду в Москву первых официальных представителей моей родины. Я начал чувствовать себя в посольстве как дома начиная с первых дней его открытия. Всякий раз, когда я приближаюсь к зданию посольства на улице Чехова, меня радует весело трепещущий словенский государственный флаг, хотя по всей России я могу увидеть тысячи таких же, ведь Россия и Словения имеют три одинаковых цвета на флагах, для меня же этот словенский флаг означает нечто особенное.

Iskra V. Churkina
(*Moscow, Russia*)

A brief autobiography of Peter Kogoy

The reader is offered a brief autobiography of Peter Kogoy — a Slovenian member of the partisan movement in Yugoslavia during World War II, a Communist who emigrated to the USSR in 1948, after the Information Bureau adopted a resolution on Yugoslavia. He spent most of his long life in Moscow. He studied at Lomonosov Moscow State University, then worked for many years as an employee of the Slovenian section of the Moscow radio, until its liquidation in 1994 and his retirement. The Autobiography of P. Kogoy, written by himself in the 1990s, is a sincere and emotional eyewitness account of the struggle of the Yugoslav partisans, about the life of a Slovenian emigrant in Russia during the second half of the twentieth century and his perception of the events. It also contains interesting materials about Russian-Slovenian relations of this period. P. Kogoy gave his autobiography to I. V. Churkina, doctor of history, the Russian premier expert on the history of Slovenia, at that time also the Chairman of Triglav, the Russian-Slovenian society of friends of Slovenia. It is located in her personal archive. I. V. Churkina translated the text into Russian, wrote comments and introductory remarks.

Keywords: *Peter Kogoy, Russian-Slovenian relations, the Slovenian section of Moscow radio, Triglav — a society of friends of Slovenia.*

УДК 801.81:94»1941/45»(=16)(045)
ББК 81.41

Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

**Воспоминания о Второй мировой войне
(по материалам полевых исследований 2016–2019 гг.
в Белоруссии, Польше, Словении, Италии, Аргентине
и Уругвае)**

В статье публикуются собранные авторами за последние четыре года в разных экспедициях (Белоруссия, Польша, Словения, Италия, Аргентина, Уругвай) нарративы о Второй мировой войне на славянских языках. Представлены тексты на русском, белорусском, украинском, польском и словенском языках. О войне рассказывают как участники событий, так и те, кто родился уже после войны.

Ключевые слова: *Вторая мировая война, память, устная история, освобождение, оккупация, победа, диалект, полевое исследование, славянские языки.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.6.02

В 2020 г. в нашей стране отмечают 75 лет победы в Великой Отечественной войне. Военная тема часто возникает в беседах с информантами в диалектологических, этнографических и фольклорных экспедициях. Существуют специальные полевые исследования, посвященные военной тематике, изучающие, в частности, нарративы о войне и военный фольклор¹. Однако чаще всего исследователи-линг-

¹ Войны кровавые цветы. Устные рассказы о Великой Отечественной войне / сост. А. В. Гончарова. М., 1979; Великая Отечественная война в зеркале псковской народной речи: сборник текстов о Великой Отечественной войне из фольклорного архива лаборатории ПГПУ / ред.-сост. Н. В. Большакова, сост. Н. Г. Савина. Псков, 2010; *Белецкая Е. М.* Фольклорное поле Великой Отечественной // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2010. Вып. 2. С. 99–108; Великая Отечественная война в зеркале народной речи и фольклора: Тексты. Исследования. Аудиоприложение / под общ. ред. Н. В. Большаковой, сост. Н. В. Большакова, М. И. Муратова, Г. И. Плошук (ПсковГУ), В. А. Лобач (Полоцкий ГУ). Псков, 2016; *Энгелькинг А.* Сказ полесского села, или О фольклоризации памяти о Второй

висты сталкиваются с этой проблематикой «не специально»: во время интервью разговоры о войне возникают непроизвольно, и чаще всего их инициаторами являются информанты. Поводом к такому разговору может быть как регион проведения экспедиций, где велись ожесточенные боевые действия и где произошли трагические события, так и идентичность самого исследователя (исследователи из России), если он ведет полевую работу в другой стране. За всё время в нашем архиве было собрано много историй, связанных с военным временем, началом войны, немецкой оккупацией, освобождением, рассказанных как мирными жителями, так и бывшими военными². Отдельную группу рассказов составляют свидетельства воевавших на восточном фронте солдат армий стран-сателлитов Германии (речь идет прежде всего о солдатах венгерской, румынской и итальянской армий).

Рассказы о войне — свидетельство эпохи, они очень эмоциональны и никого не оставляют равнодушным. Спустя 70–75 лет война жива в народной памяти, о ней говорят не только участники событий, кто всё видел своими глазами, но и те, кто родился уже после войны. Для настоящей публикации были отобраны нарративы о войне, собранные авторами в последние четыре года полевой работы в разных регионах.

Так, в Прекмурье (Словения), в единственной словенской области, освобожденной РККА (апрель 1945 г.), в городах Мурска-Собота и Лендава воздвигнуты памятники солдатам Красной армии, на кладбище захоронены погибшие бойцы. Во время экспедиции многие информанты, узнав о том, что исследователи приехали из России, рассказывали об освобождении и о том, чем им запомнились советские солдаты³.

Несколько небольших фрагментов, записанных от русских, украинцев и белорусов, потомков мигрантов в Аргентине (провинция Мисьонес) и Уругвае (Монтевидео, Сан-Хавьер), свидетельствуют о том, что в то время через различные местные комитеты в СССР отправляли материальную помощь, собранную соотечественниками за

мировой войне // *Славяноведение*. 2018. № 6. С. 27–46.

² См. также рассказы: *Толстая М. Н.* Воспоминания о войне из Псковской области // *Славянский мир в третьем тысячелетии*. 2015. С. 72–95; *Толстая М. Н.* Рассказы о войне из Селижаровского района Тверской области // *Живая старина*. 2015. № 3. С. 13–17.

³ *Huber I.* Občutenje druge svetovne vojne na Goričkem // *Vojne na Slovenskem. Pričevanja, spomini, podobe*. Ljubljana; Petanjci, 2012. S. 77–91.

рубежом⁴. У многих из них в СССР остались родственники, которые прошли войну, многие из них погибли. Память о том периоде живет до сих пор в заокеанских общинах наших соотечественников, ежегодно широко отмечается День Победы (например, в Сан-Хавьере, центре русских переселенцев, местный кинотеатр называется *Pobieda*).

Рассказы из Брестской области Белоруссии (Малоритский р-н), одной из первых областей в СССР, принявших на себя удар в начале войны, — эмоционально тяжелые и страшные, собеседники, которые в то время были маленькими детьми, не могут спокойно рассказывать о том времени⁵. История нашего собеседника из долины реки Натизоне (провинция Фриули-Венеция-Джулия) в Италии, словенца по происхождению, 96-летнего П., стала для эксплораторов неожиданностью. П., узнав, что исследователи приехали из Москвы, рассказал, что он в 1941 г. был в рядах итальянской армии на Дону. Фашистский режим Муссолини угнетал славянские национальные меньшинства, словенцев и хорватов, многие были отправлены на восточный фронт⁶. Авторы посчитали нужным включить этот текст в подборку, поскольку П. проводит важные исторические параллели и дает тем самым свою оценку войне. Воспоминания о войне, записанные от информантов на территории Белостоцкого и Мазовецкого воеводств Польши (Южное Подляшье), также возникли в качестве реплики на сообщение о том, что исследователи приехали из России. Представители старшего поколения (1920–1930-х г. р.) сохранили самые теплые впечатления о советских солдатах, проходивших через их родные села. Такие воспоминания записываются практически в каждом доме, и они часто очень эмоциональны: в них рассказывается, как солдаты веселились, танцевали, пели, празднующие окончание военных действий; плакали, отправляясь на фронт; молились вместе с местными жителями, принимали участие в

4 Русские в Уругвае: История и современность. Монтевидео, 2009. С. 134–135.

5 Швед И. А. Устные воспоминания жителей Брестской области о Великой Отечественной войне // 70-летие победы в Великой Отечественной войне: современное осмысление. Материалы междунар. науч.-практ. конф. с участием студентов / Нижегородский филиал МИИТ. Нижний Новгород, 2015. С. 92–95.

6 Подробнее о мемуарах итальянцев, участвовавших в войне против СССР, см.: Коксова А. С. Восточный фронт глазами итальянских участников Второй мировой войны: обзор мемуаристики // Научный вестник Крыма. № 4 (9). 2017. С. 1–14.

их ритуалах (например, в ужине в Рождественский сочельник)⁷. Также полны драматизма нарративы о войне, записанные в Витебской области Белоруссии, эти истории часто сопряжены с темой холокоста, которой мы не касаемся в настоящей публикации⁸.

Одни тексты публикуются в фонетической записи, в других передаются только наиболее яркие особенности речи информантов (например, собеседница в [3] говорит на литературном языке со значительными фонетическими особенностями, характерными для прекмурского наречия). Тексты на восточнославянских языках не переводятся на русский язык (за исключением [5], так как он содержит много испанских слов).

[1] жен. 1946 г. р., жен. 1948 г. р. (Белоруссия, Малоритский р-н, Брестская обл., Новолесье), зап. Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская в 2018 г.

— А у нас бул^а бал'шайа с'им'й^а. Ну и нэ хватало йиды, в'идно, пол'а мало бул^о. Зымл'и мало бул^о, муй бат'ко ходы'у, заропкы. Шчэ був брат од'ин и друг'ый, то вжэ ным^а. Од'ин на фронт'и пог'иб мэншый. А старш^ого пов'исылы ф сэл'и. В'ишалы [плачет] на дарогу, туд^а, ф той край.

— Там туй сторон'и, да, там д'эр'эво.

— Двох пов'исылы.

— И такайа на сэл^о бул^а в'этка, грубайа, и на туй в'этк'и на сэл'и, согналы фс'их люд'и и в'ишалы тых. Хто ф парт'изанах бу'у, хто...

— Хто, фсп'и'у фтэч'и, в борозн'и дэ-йакуйу лыжав, ну гр'атк'и дэ, в огорот, куды-нэб'ут' трохы.

— А тыйи остальыс'.

— А тыйи фс'и фс'о сэл^о окружылы и фс'их туд^а ф той край, туд^а... ну и там дэр'эво, йа вжэ и нэ помн'у йакойэ тойэ дэр'эво бул^о.

— Вйас. Вйаз був.

— Воно так^о, гол'ака бул^а на сэл^о. Грубайа, и на тый гол'ак'и тых

⁷ Об исторической памяти и устной истории в культуре Польши см.: *Hajduk-Nijakowska J. Doświadczenie pamięci. Folklorystyczny kontekst opowieści wspomnieniowych*. Opole, 2016.

⁸ Теме истории и культуры евреев в Белоруссии, и в частности холокосту, посвящены исследования Центра славяно-иудаики «Сэфер», например: *Желудок: Память о еврейском местечке* / отв. ред. И. Копченова. М., 2013; *Глубокое: Память о еврейском местечке* / отв. ред. И. Копченова. М., 2017. Материалы экспедиций доступны в базе данных <http://sfira.ru/>.

двох пов'ісылы на... машына, маты, ну йак маты казала... гаворыла, то йа тойэ и кажэ. Бо ж мэнэ шэ и н'э було. И машыну борты открэлы, и тых двох... а той бат'куў брат, д'эс'атн'иком буў, и йому трэба було шос' то-о, тут зробіты, а нэ було когэ вырадыты у парт'ызанам, а у поб'іх, туды казаты, там, соопштты.

— Ну шо н'эмцы ф сэл'і.

— А тот опоздав. И йогэ вз'алы, и ф Томашоўку⁹ дв'и нид'іл'и там допрашувалы, ббылы. Маты кажэ, такый страшний! Замучуваный гэт' кажэ був [плачет].

— Вона жэ, там дывылыс'а.

— Ну и другый шчэ из' н'им. И зробілы дв'и п'эт'л'і, машыну борты пооткрывалы, а бат'ко, маты, ну хто ф сэлэ, хто нэ фсп'іў фтэчы, фс'их, и ус'іх опкружылы, з афтаматамы, с тым, з оружыём. И тых пов'ісылы, и шэ по н'им'эцк'и шос' там маты казала, гаворыў, пос'л'и той по пол'с'к'и пэрэводыв, то вжэ йак побылы. Тых пов'ісылы, в'іс'ат', маты з бат'ком дывл'аца ус'і [плачет]. Ну и фс'и л'уды ш! а тод'і давай с п'истал'эта стрыл'аты. Д'іда, бабу, на кол'іна ставай! Кóло машыны там, и на кол'энках, и в затылок. Ис п'истал'эта стрыл'алы. То д'ит шэ, кажэ, пудн'авс'а.

— Тры рэзы пуднымавс'а. Тры рэзы стрыл'ав, у гóлову, а вун тры рэзы пуднымавс'а — такый здорóвый був. И такый рóстом, кажут', ныс'кый.

— Нэвэлыкый такый бат'ко муй рóстом.

— И тры рэзы фставав.

— А вжэ бабу нэ було ш чогó ббыти, маты так кажэ, шо вжэ вона так дохóдыла. Шо то, бабу ростр'ил'алы, а тогó пов'ісылы. И вс'о. Ну и фс'им: «Ид'іты!» Фс'им вжэ: «Росхóттэс'а!» А сэлэ окрúжонэ. «Фс'о, росхóттэс'а до дóму!» — ну а куды йих, за сэлóm могоыла, вжэ я нэ ходыла туды, прóшлого шэ ййздыла, с'ой год ужэ йа нэ могоу, ужэ на в'илос'ип'эду ййхаты, нычóго [плачет]. Ну и там похоронылы за сэлóm, на высóкэму такэму м'ісц'у, од дорóгы выдно тáко, йак в Гúту¹⁰ ййдыш.

[2] жен. 1937 г. р. (Белоруссия, Брестская обл., Малоритский р-н, Бродятин), зап. Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская в 2019 г.

⁹ Томашовка — поселок в Брестском районе Брестской области вблизи границ с Польшей и Украиной.

¹⁰ Гута — деревня, расположенная недалеко от д. Новолесье в Малоритском р-не Брестской обл.

Муй бат'ко був на пырыдов'ий. Забрáлы де-то ф sóрок трэт'ом чы sóрок ч'ит'в'óртом, ужé йак зайн'алы Красна áрм'ийа, в'ин туд'й... И т'ыко, тут булы, в'ес' м'ишóк проб'ыт'ыйи, и ф спыны булы проб'ыт'ыйи в'ес' м'ишóк, а в'ин нэ ран'эный був. Ну в'ин вжэ стар'йшыи був, казав, т'ыйи молод'ыйи, шо то прызв'аныи булы, так'ыйи нытырпл'óныйи, йак молод'ыйи, в'ысуныц'а и нымá, и нымá. И отáк шо в'ин б'эз'в'эс'т'ыйи пропáв, казáла тóко, йа ны знáйу дэ, бат'ко то роскáзував. Будап'эшт! Казав вжэ, такáйа булá разр'уха выль'ика, шо ны мóжна булó, од'он огóн' ход'ыв! И от вóны дэ-то в йакóмус' пóгрубовы сыд'йл'и, и вжэ фс'о кóнчылос'а, вжэ нымá чым стр'ил'áты, и от вóны там, вжэ ид'ут', ид'ут', ид'ут', вжэ ч'уты, кр'ыч'эт': «Урá! Урá!» Кáжэ, а мы в'ыйшлы, стáлы т'уйу рóту пытáтыс'а, в йак'ий в'ин йэ, а то вжэ йи давнó и нымá. Так прыстáв до др'угай, кóнчылас' вуйнá, и вжэ ны знав, быз'в'эс'т'ыйи пропáв, и фс'о вжэ. Колы то, прышóв в'ин' вжэ де-то в áвгуст'и, ф sóрок п'áтому. Ну йакá йа шэ булá? Йа пómн'у, сус'йткa мэнэ вз'алá нá нуч, а вон'ы то. И мойá сыстрá прышлá, кáжэ: «Бат'ко наш прышóв!» И пómн'у, йак зáрас дэн' той, бат'ко, вжэ в'ин поправл'оный так'ый, сыд'ыт', фс'и позбыгáлыс'а. Подáрки нам прыв'йс, йакáс' мат'эр'ийа такáйа трóшкы на плáт'ийи. Мук'ы пшэнычнэий прыв'йс, а йакáйа туд'й н'иш'ита булá! А т'ыйи фс'и булы, начавáлы ф кл'уны, а йа ф сус'йткы, бо намолот'ылы ж'ыта чи прóса, йа ны знáйу... И отчын'эйэ бат'ко кл'ун'у, н'э! прыхóдыт', такáйа хáтка... тык був, той гл'ын'аныи, т'ыко однá п'ич, к'уры сыд'йлы, йэк з'ымно, такáйа п'ич, так фхóдыты, и так туд'ы до окнá...

[3] жен. 1950 г. р. (Словения, Мурска-Собота), зап. Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская в 2018 г.

Moj oče se začel skrivati, in so prišli madžarske žandari in so pretikali fse seno, nej najšli so ga nej, ker pri nas je fsakši kmet ma tüdi gorice, ker je vas pot brejgom, pod hribom... kasneje so si bunker izkopali, pa tisto bunker, so potem tudi jih kasneje že najšli pa v zapor. Skratka končal v zaporu v Körmendu na Madžarskem. Drügi njegov brat mlajši, Martin... on je pa bil mobilizirani v Madžarsko vojsko, in potem seveda so jih poslali na fshodnu fronto, na rusko fronto, tam je, enkrat se un predal v rusko ujetništvo, in potem so s teh vojakof, z območja s terena bivše prve Jugoslavije, je formirala Rdeča armada vaša, ne vem, posebne bataljone, in oni so potem potiskali Hitlera nazaj, ja, proti Nemčiji. Za njega sploh niso znali domači, če je žif ali mrtef, nej. In so za njega že dali maše služiti, to katoliška vera ma ta običaj, ka daš za maše.... in so za njega že maše služili kot za pokojnega, ampak je on preživu to, preživu tudi Sremsko fronto,

ki se je ustavila tam v bližini Beograda, ve mestu Šid, to je nedaleč od Beograda je ogromno pokopališče... moj stric Martin je preživu to vojno, prišel domow, ma tudi seveda potrdilo, bil je f sestavi rdeče armade, in je potem tudi seveda status partizana mel. Ko se vrnu, ker sta oba sinova bila odsotna, so bili doma samo ženske in stari oče, dedek moj. In je potem prišla sem Rdeča armada v začetku aprila devetnajsto petinštirdeset. Takrat so se že zapori odprli, je oče že prišel peške domov iz Körmenda, ker se je že to fse umikalo, fse je šlo seveda v raskroj. Pri nas nova hiša bila dokaj velka za tisti čas, če so leta devetnajsto štirdeset začeli delati. Se je tu nastanila, en odred vojske, takrat se je ta Rdeča armada, se je razporedila po teh posameznih vaseh. In moja mama je fsigdar pravila, ka je pri nas bil ve velki hiži, največjem prostoru v hiši, ki je mela eno velko sobo, eno manjšo sobo, kuhinjo, špajzo, zgornjo klet, kjer so hranili žito, nej, za kruh pa sejanje, da se je tam nastanil pukovnik, polkovnik, ne vem če je bil polkovnik. Ona je tak spominjala, ker je mel še tepih pravi f sobi. In so potem tudi ruski konji, rdečearmejski konji so fse naše seno pojedli [смех], ampak zdaj! V zahvalo so püstili eno kobilo, Sürka, in mi smo to ime ohranili. Sürka kobila, takša pegasta, tovarna kobila je to bila. No, in moj stari oča, dedek je te, tisto kar je nej dobu za nevesto devetnajsto tretjega leta, nej, kot doto, ni dobu konja, je zdaj prišel do konja! In nas vnuke je fsake telko časa smo se na kolesa seli, in je on zapregal to kobilo Sürku, in smo se pelali ve varoš. V Sobotu, nej. To je bil takšen imeniti spomin! No in jaz sem spraševala moje stare starše, sem spitala, kak so se sporazmili s temi Rusi? Eni so prišli, ta ukrajinski del je prišel tam mimo Lendave, ta drugi del ruski je pa prišel dol iz Goričkoga. In so pravili, ka so te Ukrajince, oni so pravli Ukrajinci, ka bole, kak recimo ove, razmili so pa fse! Fse so se sporazmili. Bil je neki verjetno od tega polkovnika, če je bil polkovnik, ja, neki recimo pomočnik je skrbel za garderobo, verjetno oblačila, tisti je bil Miška. In tega Miška so se z izjemno hvaležnostjo spominjali. Staremu očeti so püstili eno takšno kapo, ki je mela naušnike, pa tüdi tü gore nej, to sküper zvezati, in on je to nosu, kar se ga jaz spomnim, pozimi je on vedno mel, ne vem kak smo pravli, tisto kapo, nej, mislim batirana kapa je bila. To je bila takša prešita verjetno seveda za mrzle razmere. In je nosiu še telovnik, no skratka, ostala je ta kobila. Namesto sena. Vem, ka so tudi k goricam šli, pa so fse lagve, sode voskopali, pa so seveda jedna vojska ne! Ni pa bilo, ker je bilo to vojaški razpored tak, jaz v mojem okolišu tü, ta fara Bogojina, se ne spomnim teh zgodb, ka bi ženske preganjali, fsaka vojna je norost, in tu se ženske niso čutile ogrožene... Zdaj ko sem jaz tak stara, mi je zelo žal, ka nisam več spitala, ka bi več to znala, ampak dobro. Skratka usnovno je to, ka so vaši rojaki ostali zapisani ve dobrem

spominu! In ka smo mi dobili kobilu, ki si jo moj oče tak strašno želim... Morate iti, tam so vaši rojaki zakopani, čez petsto! To je cela takšna, ene vrste aleja... rusko pokopališče, oziroma ta del, takoj pri vhodu je ta ruski del, in je to urejeno, vzdrževano, ja.

[Мой отец начал прятаться, и пришли венгерские жандармы и начали прокалывать сено, его не нашли, потому что у нас у каждого крестьянина были виноградники, потому что село расположено у холма... позже они себе выкопали бункер. И в этом бункере их позже уже нашли и отправили в тюрьму, он [отец] оказался в тюрьме в Кёрменде¹¹ в Венгрии. Его младший брат был призван в венгерскую армию, и их, конечно, послали на восточный фронт, на русский фронт. Там он сдался русским в плен. И потом из тех солдат, с территории бывшей первой Югославии, ваша Красная армия сформировала специальные батальоны, и они потом теснили Гитлера назад к Германии. О нем совсем ничего дома не знали, жив он или мертв. И по нему уже заказывали заупокойные мессы, потому что в католической вере есть обычай, когда заказывают мессы... и о нем уже мессы служили как за покойного. Но он выжил, прошел также через Сремский фронт, который остановился там вблизи Белграда в городе Шид, это недалеко от Белграда¹², огромное кладбище... Мой дядя Мартин выжил в этой войне, пришел домой, у него, конечно, было подтверждение, что он был в составе Красной армии, и у него, конечно, был статус партизана. Когда он вернулся, поскольку оба сына отсутствовали, дома были только женщины и мой дедушка. И потом пришла сюда Красная армия в начале апреля 1945 года. Тогда уже тюрьмы открыли, и отец пришел пешком домой из Кёрменда, потому что все уже отступали, всё распалось. У нас был новый дом, довольно большой для того времени, его начали строить в 1940 году. В нем разместился военный отряд, потому что Красная армия тогда расположилась в деревнях. И моя мама всегда говорила, что у нас был в большом доме, в самом большом помещении в доме, в котором была большая комната, комната поменьше, кухня, кладовка, наверху помещение, где хранили зерно, для хлеба и на посев. И там

¹¹ Кёрменд (венг. Kőrmend) — город на западе Венгрии, расположен недалеко от современной венгерско-словенской границы.

¹² В с. Адашевцы в окрестностях г. Шид (Сербия) расположен мемориальный комплекс, посвященный Сремскому фронту, который был прорван югославской армией при помощи советских войск в апреле 1945 г.

поселился полковник, не знаю, был ли он полковник, она [мама] так вспоминала, потому что у него в комнате был еще ковер. И русские кони Красной армии съели всё наше сено [смех], но в благодарность нам оставили одну кобылу Сюрку. И мы это имя сохранили. Кобыла Сюрка, пегая, на ней перевозили груз. Ну и мой дедушка, который в 1903 году не получил в приданое коня, сейчас получил коня! И он запрягал кобылу Сюрку и нас, внуков, возил на повозке в город, в Мурску-Соботу. Это такое прекрасное воспоминание! Ну и я спрашивала своих родителей, как они общались с этими русскими. Одни пришли, украинская часть пришла из Лендавы, а вторая русская часть пришла из области Горичко, и они говорили, что они этих украинцев — они говорили, украинцы — лучше понимают, чем других, но понимали они всё! Всё понимали. И у этого полковника, если он был полковник, был некий помощник, который заботился об одежде, его звали Мишка. И этого Мишку вспоминали с особой благодарностью. Дедушке оставили одну такую шапку-ушанку, и наверху так же было, там всё завязали, и он это носил, как я его помню, зимой он всегда носил. Не знаю, как мы называли эту шапку, думаю, что это была шапка на вате. Она так была сшита, вероятно для холода. И он носил жилет, и осталась эта кобыла вместо сена. Знаю, что они ходили к виноградникам в погреба, и все бутылки и бочки выкопали, конечно, бедная армия! Не было того, я в своей округе в Богоине не помню историй, чтобы женщин преследовали, и здесь женщины чувствовали себя в безопасности. Сейчас, когда я старая, мне очень жаль, что я больше не расспрашивала, чтобы больше узнать. Но основное то, что ваши соотечественники оставили хорошую память! И что мы получили кобылу, которую мой отец так страшно хотел... Вы должны пойти, там ваши соотечественники похоронены, более пятисот!¹³ Это такая своего рода аллея... русское кладбище, то есть та его часть при входе — это русская часть, и всё это обустроено, поддерживается, да].

[4] муж. 1923 г. р. (Италия, Фриули-Венеция-Джулия, провинция Удине, Ознебрида), зап. Г. П. Пилипенко, М. В. Ясинская в 2018 г.

Beh, allora! E táko je, jas sem biw ȳor, sem biw ȳo na Dónu! Ánda smo ben- mi smo bli odzát, zmerej odzát, ánda smo bežál, wsi hudíci, Hitler i Mušolíni, wse smo šabotál, nísmo tel díelat nič, ka smo mórali kopát, kar so bli... *Allora*, potle zak so bli, narbúl obnoréli za tíste narét, za tíste, iti šarkát ȳo Rúsijo, je jaw Napoleóne, *mai* nobéden se ne smíe da príde pa oníeyat ȳo

¹³ Собеседница говорит о кладбище в г. Мурска-Собота.

Rúsiju! Je uešáfaw lecjón velik, Napoleón! Anda so šabotáli, pa Hítler i Mušolíni. Anda mi smo bilí otróc, smo míel, še dvájset líet ne. Anda nísem šew ne volontár, nísem šel, da biw, šuw *aggređire*, da sem šew štakát drúye, ta pa ne... Zíma je bílo táko mras, da sem biw že zmřznjen tle, na pršte-e omřznjen, púwno ih je bilo zmřznjenih že... Anda láčni, nísmo míel za jest, zak je blo, níso perpeljáli... táko je! [...] Za dvajz dni bo *noventasei*, šestendevedeset.

[Ну хорошо! Ну вот так. Я был там, я был на Дону! И мы были позади, всегда позади, и мы бежали. Все черти, Гитлер и Муссолини. Мы саботировали, не хотели ничего делать, мы должны были копать. И они сошли с ума, идти в Россию. Наполеон сказал, никогда никто пусть не идет в Россию! Он преподавал большой урок, Наполеон! И это проигнорировали Гитлер и Муссолини. Но мы были дети, нам не было и двадцати лет. Я не пошел добровольцем, чтобы наступать и атаковать других... Зима была, был мороз, и я уже замерз, пальцы обморожены, много было замерзших. И голодные, у нас не было еды. [...] Вот так через двадцать дней будет девяносто шесть лет].

[5] муж. 1941 г. р. (Аргентина, провинция Мисьонес, Обера), зап. Г. П. Пилипенко в 2019 г.

И в'ин, тáто, т'ута бу'у, *suegro* Сэноны, то тут роб'ылы *encuentro*, шоп помагáты *aliados contra* Х'ытлэр. И з'в'ис'и ишло багáто *este-e*, шо бул'о, то руб'ылы... И йуг'о брат'ы заб'ылы н'ймц'а, зроб'ылы шоб, шо роб'ыв ту, э, *rozo*, йак то б'удэ, и т'ойу *matryl'uidóroyu* там. Муйá т'йтка, э, *sal'váryла víду*, э, *matrimonio judios*, э, жылы, т'икáлы од, э *nazi*. И мáлы дыт'ыну, нэну. И знáлы, шо вон'ы, то з'ал'ы, попрус'ылы мой'у т'йтку, дал'ы ту р'ат'унку, дыт'ыну, и муйá т'йтка вз'áла у п'ич. Перейшла *racia*, и та дыт'ына жый'о. Нагуч'ылас *ingeniera*, и та муйá т'йтка то булá маты йий'и. *Historia* гáрна! Багáто йэ чо'г'о, т'ыл'кы шо йа кал'ичу, нэ м'о'жу балакáты *completo*, йак хот'и'у бы.

[И он, отец, был тут. Свекор Зеноны, и здесь устраивали собрания, чтобы помогать союзникам против Гитлера. И отсюда шло много [посылок], что здесь делали¹⁴. И его [отца] братья убили немца¹⁵.

14 Информант говорит про комитет помощи СССР, созданный в г. Обера во время войны.

15 Речь идет о южных районах современной Ровенской области и северных районах современной Тернопольской области Украины (историческая область Волинь).

Сделали так, чтобы он вырыл колодец, и его из пулемета. Моя тетка спасла жизнь. Еврейская пара убежала от нацистов, и у них была маленькая девочка. И они попросили мою тетку, чтобы спасла ребенка. И моя тетка взяла и сунула в печь. Прошла облава, и ребенок остался жив. Она выучилась на инженера, и моя тетка стала ей матерью. Красивая история! Много чего можно рассказать, только я калечу язык, не могу полностью разговаривать, как хотел бы].

[6] жен. 1926 г. р. (Уругвай, Монтевидео), зап. Г. П. Пилипенко в 2018 г.

Йа хачу пьказат' то, шо нашы рус'каи, э, п'ир'идавал'и, пьлуч'ил'и патом атв'эт, пьтаму шо п'исал'и, пашла наша помач ва врэм'яа вайны. Эт'и арм'ин'ины атв'эт'ил'и, и прыслал'и нам атв'эт арм'ин'ины, и н'ихто н'э знал читат'. И й'эзд'ил'и у Пайсанду¹⁶, шоп пр'ечитат'. Хат'эла пьказат' то, што ан'и сабрал'и у Сан-Хав'йэри, майа мама, была, э, многа л'эт съб'ирал'и.

[7] муж. 1941 г. р. (Уругвай, департамент Рио-Негро, Сан-Хавьер), зап. Г. П. Пилипенко в 2018 г.

Пьсылал'и, бьл'и. *Поркэ*¹⁷ када посл'э вайны, када вайна была, патом атс'эдавь пас... пьсылал'и, *поркэ* там, т'ук'и, дл'а н'их, ад'ожу атс'эдавь.

[8] муж. 1942 г. р. (Аргентина, провинция Мисьонес, департамент Ванда, Лануссе), зап. Г. П. Пилипенко в 2019 г.

Трыцац' вас'мом року, п'эрат вайнойу [п'рийэхал'и], была аказ'ийа вьйэхац' стул' з Б'эларус'и, п'рийэхал'и с пашпартам пол'ск'им, бо было зайн'ато, Б'эларус'ийа была зайн'ата пат Пол'скай... п'эрад вайнойу п'рийэхал'и, бо брат майэго тата растрэл'ил'и н'эмцы...¹⁸ бо йон хав'аус'а ад вайны, н'э хац'эл иц'и... П'эрад жонкай, п'эрад дз'эц'м'и. Йаг была вайна, два брата майэй мамы ум'эрл'и на вайн'э тэш. Йэдна с'астра майэго тата тэш уц'эклá да л'эсу, жыла в л'эс'и, была партызанка. Йаг была вайна, та йана была партызанка, знайэш, што то партызанка, н'э? И так.

¹⁶ Город в Уругвае, в 50 км от Сан-Хавьера, центра русской миграции.

¹⁷ Исп. *porque* — потому что.

¹⁸ Собеседник рассказывает о событиях под г. Слонимом, современная Гродненская обл. Белоруссии.

[9] жен. 1933 г. р., Адамув (Польша, Люблинское воеводство, Люковский повет), зап. А. В. Гура, М. В. Ясинская в 2017 г.

...U nas kiedyś, ja jak byłam w tem czterdziestym w którym te roku, w trzecim, jak szły tutaj od Rosji Niemców wyganiały, to u nas tu było od Garwolina, tu był front, jak szły, a do nas były stancje na tem... to tych ruskich żołdatów było pełno, i to takie stare po siedemdziesiąt lat, furazerkę miał, tylko nauszniki, bo to była zima, to myśmy się uczyli mówić od nich, to też jak taki był jeden to ach jak płakał, nam szkoda była i mama płakała razem z nim, bo na front szedł, a to było akurat po Wigilii, ony u nas na Wigilię były, razemśmy jedli Wigilię, to jeden powiedział, że niewierzący, ale kiedyś opłatkem połamał z nami, ale na front miało iść, to się pożegnał trzy razy, jestem niewierzący, ale dziś wierzę, mówi, i ten opłatek wziął i lzy im pociekły, a ten co miał dzieci to płakał jak nie wiem, rodzice razem z nim płakali...

[*A Pani też mówi po rosyjsku?*] Nie! Tyle co od nich nauczyłam, a kiedyś od tych żołnierzy. [*A oni jakiś piosenki śpiewali te żołnierzy?*] Śpiewali, jeden był taki, powiedziały że to był Ukrainiec jakiś, jak on chodził, to słoma była na... w pokoju na całej podłodze, bo ony na tej słomie spały, i jak on chodził, jak to się mówi trepoczka czy jak, i śpiewał i tupał i... ojejku kochany! Jeden grał na harmoszce, a jeden to był taki jąkaty, tak się jąka, że nie mógł słowa powiedzieć, a jak śpiewał, Pan myśli, ani razu się nie zająkał... ani razu się nie zaczął jak śpiewał, a tak to trudno było słowo powiedzieć, taki był jąkaty... śpiewał nie...

[У нас когда-то, когда я была... в сорок каком-то году, в сорок третьем¹⁹, когда шли здесь из России, немцев гнали, то у нас здесь был от Гарволина²⁰, здесь был фронт, когда они проходили, а у нас были станции, русских солдат было полно, и такие старые, лет по семьдесят. У него была пилотка, только наушники, потому что была зима, и мы учились от них разговаривать, и тоже был один такой, он прямо плакал, нам было его жалко, и мама плакала вместе с ним, потому что он шел на фронт. И было это как раз после Вигилии²¹, они у нас и на Вигилию были, мы вместе ужинали. И один сказал, что он неверующий, но поделился с нами облаткой, а на фронт надо

19 На самом деле в 1944 г.

20 Гарволин (пол. *Garwolin*) — город в Польше в современном Мазовецком воеводстве.

21 Вигилия (пол. *Wigilia*) — Рождественский сочельник (в католическом календаре — вечер 24 декабря).

было идти — он три раза перекрестился. «Я неверующий, но сегодня верю», — говорит. Взял эту облатку, и у него слезы потекли, а тот, у кого были дети, плакал как не знаю что, и родители мои плакали с ним. (А вы тоже по-русски говорите?) Нет! Только то, чему от них научилась, когда-то от тех солдат. (А они и песни пели какие-нибудь?) Пели, один был такой, говорили, что он был украинцем, так он так плясал, тут была солома в комнате по всему полу, и они на этой соломе спали, и как он плясал, как это называлось «трепак» или как, и пел, и притоптывал... Боже мой! Один играл на гармошке, а другой был такой заика, и когда заикался, не мог слова выговорить, а когда пел, только представьте, ни разу не заикнулся, как начинал петь... и трудно было слово сказать, так заикался... а когда пел — нет!]

[10] муж. 1937 г. р., Лив (Польша, Мазовецкое воеводство, Венгровский повет), зап. А. В. Гура, М. В. Ясинская в 2017 г.

Ja pamiętam właśnie, po prostu mam sentyment, ja pamiętam jak Rosjanie tylko front minął w dzień, następny dzień po froncie, jak oni się ładnie bawili, jak oni byli serdeczni, jak byle co wszystko jedno nie wybrzydza... tańczyli, kuchnia, zupę gotowali. Ojej! Tańczyli “Kazaczka”... Pamiętam... obrudzeni, zanedbani trochę, bo to front, wojna, ale tak miło zobaczyć było po tych Niemcach, po tych s kurwy syna hitlerowcach... tak i pamiętam w tych szynelach te Niemcy z tymi awtomatami tylko, każdy dla nich to był wróg... ludzie sobie nie zdają sprawy w ogóle, teraz najważniejsza solidarność... będą mieli umowy, będą mieli wszystko... tylko niech się coś ruszy to... kto nam pomoże? Tak jak w czasie tej wojny Anglicy, Francuzi tyle naobiecywali nam... pomogli... dupę pokazali nam! Ludzi tacy, nie umieją sobie docenić co by było, gdyby było...

[Я помню как раз, у меня такое воспоминание — помню, как русские, как только фронт прошел, на следующий день как они хорошо праздновали, какие они были сердечные, что они только не вытворяли — плясали, готовили, суп варили. Ой-ой! Плясали «казачка»... Помню. Грязные, неухоженные немного, ведь фронт, война, и так мило было их видеть после этих немцев, этих проклятых гитлеровцев. Как вспомню в тех шинелях, эти немцы со своими автоматами, для них каждый был врагом. Люди не отдают себе отчета, что главное — солидарность, будут соглашения — будет всё... а если что-то пойдет не так — кто нам поможет? Как во время той войны англичане, французы — столько нам наобещали... помogli... задницу нам показали! Люди такие, не умеют ценить то, что было, чтобы оно было...]

[11] жен. 1932 г. р., Рудзенко (Польша, Мазовецкое воеводство, Отвицкий повет), зап. А. В. Гура, М. В. Ясинская в 2017 г.

Boże Kochany! Przecież to... Ja już byłam... tu Ruscy weszli. To byli bardzo... bardzo byli dobrzy tu u nas! Naprawdę! [*To było w czasie wojny?*] Tak! W czasie wojny, tak... ale to bardzo dobrzy byli, oni się dzielili z nami tu, no! Tak! Nie można... myśmy tu mieli takich naprawdę ludzi... [*A Niemcy tu też byli?*] A Niemcy to byli też, ale znowu Niemcy to też wam powiem takie zdarzenie... oni byli bili, o co niebądź im się nie podobało, jechał szosom chłop, jak im się nie podobało, wyszedł z samochodu, wziął sobie gumę, tak i zbił go, zbił go, wszedł w samochód i pojechał... byli okropni! Ale byli stateczni, słowni! Ukraść — nie, Bóg bronii, coś! Ruskie to wiem cy ludzi latali za kobietami, latali za kobietami, tak! A Niemcy, oni się brzydzili polskich kobiet, byli już inny. Tylko takie powiem zdarzenie. Tu mama trzymała gęsi, a tu stawy zaraz blisko, ony chodziły na te stawy, oni zobaczyli, bo oni się stołowali u dziedzica, Niemcy. Zobaczyli te gęsie, przygnali te gęsie, te gęsie ich przyprowadziły, no i pytają się cy mamusi: “Czy to twoje?” — “Tak, moje”. Już nie pamiętam, może te gęsie było tam z dziesięć, tak... ile tam nie wiem, czy dwie, czy trzy te gęsie żeby były takie gotowe do jedzenia, żeby one się ugotowali. Tak zrobili, ale ile oni zapłacili za te gęsie... tutaj gęsie warte były nawet... dużo pieniędzy dali, dużo! Myśmy tak samo sieroty zostały po ojcu, mama była wdową. Tak... to rozmawiali jako my tu dziś, to może oni trochę się tu i żalowali... i druga sprawa, druga taka sprawa... druga sprawa to była taka. Brat był, bo został dwanaście lat miał... brat lubiał konie, miał dwanaście lat jak my zostali, on najstarszy, a ja miałam cztery lata, i czworo nas było... on lubiał konie, to on musiał mieć takiego biegłego, to niemożliwe, to taki był... a myśmy mieli... bo ten koń był wojskowy, gdzieś był zabity Niemiec i musiał z tego konia spaść, ten koń... przyleciały tu dowsze dwóch tych koniej i złapał jeden! Nu i tak jak sprzedał mojej mamie tego konia. A ten koń taki był biegły, był taki... Zgrabny się nazywał. I oni chodzili tam, co mówię, córka za drogą mieszka, myśmy tam mieli bo tak s sąsiadami śmy mieli razem, było ogrodzone, i tego sąsiada koń chodził i nasz chodził ten koń, tak. I tak spodobał się ten koń nasz tym Niemcom. Nu i mama zaczęła prosić, płakać, że tu sieroty są tylko i mówi... Toj to mówi: Nu jak, mówi... zabierzecie konia — co ja zrobić? Panie, jak wydał papier, taki upisał, siadł do stołu i tak mowi... Póki my będziemy w Polsce, to Pani tego konia nikt nie weźmie. Panie, byli obilizacje tych koni, tylko pojechał brat, pokazał ten papier, kazali jechać do domu. Tacy byli, tak! A Ruscy to znowu nie powiem, mówię, byli bardzo grzeczni, u nas tu stali, bo tu stali oni po wsiach przecież, to miał jeden cztery gwiazdki, a drugi był czy s trzoma gwiazdkami. Panie,

na kolana mnie brali, ciastka mi przywozili, bo to byli lotniki, samolotami jeździli. Panie, jakie byli grzeczni, w pokoju stały dwóch braci moich razem z nimi, i oni tak powiedzieli: “Kładźta się jak już będzie cichutko, jak nikt nie będzie chodził, a raniutko wstajta, jak tylko się uwidni, żeby nikt was nie zastał”... bo przychodzili Niemcy tu do nich, koledzy, i spali razem cały czas, nie Niemcy, tylko Rusczy, przychodzili, tak...

[Боже мой! Я была здесь, когда вошли русские. Они были очень, очень добры к нам! На самом деле! (Это было во время войны?) Да, во время войны. Они были такими добрыми, делились с нами здесь, да! У нас на самом деле были такие люди. (А немцы тоже были?) И немцы тоже были... и немцы, я вам расскажу такую историю... они даже били, если им что-то не понравится. Вот ехал мужик по дороге, если им что-то не нравилось, он выходил из машины, брал кнут, бил, избивал, потом садился в машину и уезжал. Были ужасные! А те были почтенные, порядочные! Украсть — нет, упаси Боже, что-нибудь! Знаю, что русские ухаживали за женщинами, да! А немцы — они брезговали польскими женщинами, они уже были другие. Такую вам расскажу историю. У мамы были гуси, а здесь пруды близко, и они ходили на эти пруды, ну и немцы увидели. Они обедали здесь у хозяина. Увидели этих гусей, пришли за ними, проследили и спрашивают у мамы: «Это твои?» — «Да, мои». Я не помню уже, этих гусей было может быть около десятка, да. Уж не знаю, два или три гуся, чтобы она их приготовила, чтобы можно было их съесть. Так они сказали, но они заплатили за этих гусей, эти гуси были дорогие! Но они много денег дали, много! Мы остались сиротами после смерти отца, мама осталась вдовой. Вот так мы разговаривали, как сейчас, может, они нас немного и пожалели... И вторая история. Брату было 12 лет, брат любил лошадей, ему было 12, когда мы остались, он был самый старший, а мне было 4 года, нас было четверо... и он любил лошадей, у него был такой резвый конь, что невозможно, был такой... а у нас был... этот конь был военный, где-то убили немца, этот немец, видимо, упал с коня, и два таких коня сюда прибежали, и один мужик поймал и продал моей маме этого коня. А этот конь был такой резвый, Стройный его звали. И они там паслись, через дорогу, где сейчас моя дочка живет. У нас там с соседями пополам было огорожено — и соседа конь пасся, и наш. И этот наш конь понравился немцам. И мама наша начала просить, плакать, говорила, что мы тут сиротами остались... «Ну как, — говорит, — заберете коня, что я буду делать?» Представляете, и он выдал бумагу, сел и

написал, сел за стол и так говорит: «Пока мы будем в Польше, никто у вас этого коня не заберет». И вот когда экспроприировали этих коней, брат поехал, показал эту бумагу, ему сказали ехать домой. Вот такие были, вот так! А русские были очень вежливые, они у нас тут квартировали. Ведь они по деревням жили в основном. У нас один был с четырьмя звездочками, а второй, кажется, с тремя. И они меня брали на колени, печенье мне привозили, это были летчики, летали на самолетах. Какие они были обходительные! В комнате с ними жили два моих брата, и они так сказали: «Ложитесь спать, пока будет тихо, пока никто не будет ходить, а пораньше встаньте, как только рассветет, чтобы никто вас не застал...» — потому что приходили к ним сюда немцы, друзья, и они всё время вместе спали, не немцы, русские приходили, да...]

[12] жен. 1929 г. р., пос. Бешенковичи (Белоруссия, Витебская обл., Бешенковический р-н), зап. Г. А. Сивохин, М. В. Ясинская в 2016 г.

С"астрў ў вайнў уб'йл'и, м'йлаи... А хто уб'йў, йа вам раскажў, дваццэдз' гадобў йэй было, вот сустрэл'ис'и к нам ў вайнў, пал'ицз'йск'ии... парц'изаны и народник'и²², а с аднога боку народн'ик'и ишл'и, з другога боку — парц'изаны, сустрэл'ис" и, аткрыл'и бой у нас, ў дз'арэўн'у, у Дворышчы, аткрыл'и бой, йаны прадупрадз'йл'и, н'э выхадз'иц'и н'ихт'о с хаты, там у сус"этк'и чэрыз дарогу запал'йл'и хл'эў, и йаны паб'эгл'и тушыц', с'истра майа и брат ишч'о быў жывы́й, а мы з маткай астал'ис"а. Паб'эгл'и тушыт той хл'эў, кап хата ййнайна н'э загар'элас'и и С"ц'ипан'йтк'ина, а чэрыз дарогу бапка жыла, йанá бапц'исткай была, С'ц'ипан'йтка. А йаны йак страканўли, так йа па... йанá ишч'о аднў хату прыйшла, и ус"о, и заб'йл'и ийэ... ну и заб'йл'и... матку ран'ил'и, хату спал'ил'и нашу, запал'ил'и. Ай, мы с"ад'им, прыб'эх, с'ад'им... ишч'о прыб'эгла йанá, с'эстра, дамóў, за в'адром. Матка: «Дачўшка майá, будз'эм мы свайб вынас'ит'», а йанá: «Мама, мы дал'ока, мы н'э загарымс'а аттул'». В'адрó схват'ила и паб'эгла, йак паб'эгла, так йэ заб'йл'и, дз'аўчынай анá была здрав'эй за м'ан'э и вышэ, и вышэ... Стáршайа, анá была сама стáршайа, а тады брат — ужэ пам'ор, вóс'эм'ис'ат гадóў быў, было майэмў, пам'ор, — а тады йа уш у во... тады йа... ишч'о тады хац'эли их и судиц', а матка: «Ай, ужó йа дачкў н'э в'арнў, — кáжэц', — йак хóчыц'э, што хóчыц'э з' йим'и дз'элайц'э». Матка паб'эгла за йэй, сус'этка б'ажыц' кáжыц': «Ай у Сáшка павал'илас'а, заб'йл'и

л'ихадорк'и!» Мátка туды, а йанá ишчо стагна́ла, мátка цуп за йайэ: «Дачу́шка майá, хадз'и дамóй!» — тагну́т' йайэ, а йаны па мátк'э! Йак стракану́л'и! И чéл'ус' ишо тут, и у чéл'ус' йэй, и ў пазванóшн'ик, прыпаўзла мátка дамóй, на масту́ рынулаc'а. Прышл'и пал'иц'. Прышл'и пал'иц' хату́ нашу, наро́дн'ик'и йéты, агá. А за хл'авóм у нас схуваўшы была́ парц'изáнка, схува́лас' ат йих тады, чавó-то аны́ за туйу парц'изáнку. Ну йа в рýк'и цылува́ц', брат выл'ис, пал'иц'. «Дз'адз'ичк'и, — ка[ж]у́, — н'э пал'иц'а, на́шу с'астру́ заб'ил'и и мátку рáн'ил'и». Йаны м'ан'э атп'эхну́л'и, а ў нас было́ пад адну́ с"вас" хáта, с"эн'и и хл'эў... И йаны у хл'эву́ вьшл'и, чвырк зажыгáлк'и, с"эна васплам'ан'илас", и ўс"о, и пашлá, и пашл'и. Мáмачка, дава́й з бра́там мы мátку т'агну́т' вон, а йак рáз было́ ув'эчэры, ву вóс'им', п'эрад М'икóлай. А с"н'эгу́ мно́га тады нары́ла! Мátку вьт'агнул'и, у в'ишн'ик там на гарóт, хáтку запал'ил'и, а сам'и мы у вакóп у сус"этк'и акóп, у вакóп у той, с"адз'им, тóл'к'и хáтка тр'ашчы́ц' на́ша, гары́ц'. Ўс'о, м'йлаи, да груб'энк'и [до печи]. Мы ў вайну́ два рáзы згарéл'и. П'эрвы́й рас йак фронт ишоў згарéл'и, ўс"о пагарéла, и тады́ йак йэга, йашчó, йашчó згарéла хáтка. Мы нагарувáл'ис', нагарувáл'ис"и настрадáл'ис"... Ну и штó ш, с"астру́ прыц'агну́л'и на сáначках, трóху успакóбилас"а, с"астру́ прыц'агну́л'и на сáначках к сус'эду ў хáту, памы́л'и, на кут палажы́л'и, мátка ў прыстрóйэчку л'ажы́ц' л'а дз'варэй... Во, назáўтрага прышл'и, прышл'и йéты, наро́дн'ик'и йéты, прышл'и — мátка маха́иц' йим, даб'эйц'э м'эн'э, паказы́вайэц' йийи́ ужó, даб'эйц'э, трóдна йэй. Пастайáл'и ц'йхан'ка, пастайáл'и и пашл'и моўчкам. Дак йаны тады у нас с"эм чалав'эк заб'ил'и! Шэс" хат спал'ил'и.

Источники и литература

Белецкая Е. М. Фольклорное поле Великой Отечественной // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2010. Вып. 2. С. 99–108.

Великая Отечественная война в зеркале народной речи и фольклора: Тексты. Исследования. Аудиоприложение / под общ. ред. Н. В. Большаковой; сост. Н. В. Большакова, М. И. Муратова, Г. И. Площук (ПсковГУ); В. А. Лобач (Полоцкий ГУ). Псков: Логос, 2016. 332 с.

Великая Отечественная война в зеркале псковской народной речи: Сборник текстов о Великой Отечественной войне из фольклорного архива лаборатории ПГПУ / ред.-сост. Н. В. Большакова, сост. Н. Г. Савина. Псков: Логос, 2010. 67 с.

Войны кровавые цветы. Устные рассказы о Великой Отечественной войне / сост. А. В. Гончарова. М.: Современник, 1979. 286 с.

Глубокое: Память о еврейском местечке / отв. ред. И. Копченова. М., 2017. 376 с.: ил.

Желудок: Память о еврейском местечке / отв. ред. И. Копченова. М., 2013. 328 с.: ил.

Коскова А. С. Восточный фронт глазами итальянских участников Второй мировой войны: обзор мемуаристики // Научный вестник Крыма: электронный журнал. 2017. № 4 (9). С. 1–14. URL: <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/162/pdf> (дата обращения: 15.06.2020).

Русские в Уругвае: История и современность. Монтевидео: Мастерграф, 2009. 230 с.

Толстая М. Н. Воспоминания о войне из Псковской области // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2015. С. 72–95.

Толстая М. Н. Рассказы о войне из Селижаровского района Тверской области // Живая старина. 2015. № 3. С. 13–17.

Швед И. А. Устные воспоминания жителей Брестской области о Великой Отечественной войне // 70-летие победы в Великой Отечественной войне: современное осмысление. Материалы междунар. науч.-практ. конф. с участием студентов / Нижегородский филиал МИИТ. Нижний Новгород, 2015. С. 92–95.

Энгелькинг А. Сказ полесского села, или О фольклоризации памяти о Второй мировой войне // Славяноведение. 2018. № 6. С. 27–46.

Hajduk-Nijakowska J. Doświadczenie pamięci. Folklorystyczny kontekst opowieści wspomnieniowych. Opole, 2016. (Studia i Monografie; № 536). 294 s.

Huber I. Občutenje druge svetovne vojne na Goričkem // Vojne na Slovenskem. Pričevanja, spomini, podobe. Ljubljana; Petanjci, 2012. S. 77–91.

References

Beletskaya, E. M. "Fol'klornoe pole Velikoi Otechestvennoi." *Vestnik TvGU. Seriya «Filologiya»*, no. 2, 2010, p. 99–108.

Engelking, A. "Skaz polesskogo sela, ili o fol'klorizatsii pamiati o Vtoroi mirovoi vojne." *Slavianovedenie*, no. 6, 2018, p. 27–46.

Glubokoe: Pamiat' o evreiskom mestechke, ed. by I. Kopchenova. Moscow, 2017, 376 p., il.

Hajduk-Nijakowska, J. *Doświadczenie pamięci. Folklorystyczny kontekst opowieści wspomnieniowych*. Opole, 2016, Studia i Monografie, no. 536, 294 s.

Huber, I. "Občutenje druge svetovne vojne na Goričkem." *Vojne na Slovenskem. Pričevanja, spomini, podobe*, Ljubljana; Petanjci, 2012, s. 77–91.

Koskova, A. S. "Vostochnyi front glazami ital'ianskikh uchastnikov Vtoroi mirovoi voiny: obzor memuaristiki." *Nauchnyi vestnik Kryma*, no. 4 (9), 2017, p. 1–14, <http://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/162/pdf>. Accessed 15 June 2020.

Russkie v Urugvae: Istorii i sovremennost'. Montevideo: Mastergraf, 2009, 230 p.

Shved, I. A. "Ustnye vospominaniia zhitelei Brestskoi oblasti o Velikoi Otechestvennoi voine." *70-letie pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine: sovremennoe osmyslenie. Nizhegorodskii filial MIIT*, Nizhni Novgorod, 2015, p. 92–95.

Tolstaya, M. N. "Rasskazy o voine iz Selizharovskogo raiona Tverskoi oblasti." *Zhivaia starina*, no. 3, 2015, p. 13–17.

Tolstaya, M. N. "Vospominaniia o voine iz Pskovskoi oblasti." *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii*, 2015, p. 72–95.

Velikaia Otechestvennaia voina v zerkale narodnoi rechi i fol'klora. Teksty. Issledovaniia. Audioprilozhenie, ed. by N. V. Bol'shakova, compilers: N. V. Bol'shakova, M. I. Muratova, G. I. Ploshchuk (Pskov State University); V. A. Lobach (Polotskii State University). Pskov: Logos, 2016, 332 p.

Velikaia Otechestvennaia voina v zerkale pskovskoi narodnoi rechi. Sbornik tekstov o Velikoi Otechestvennoi voine iz fol'klornogo arkhiva laboratorii PGPU, ed by N. V. Bol'shakova, compiler N. G. Savina. Pskov: Logos, 2010, 67 p.

Voiny krovavye tsvety. Ustnye rasskazy o Velikoi Otechestvennoi voine, compiler A. V. Goncharova. Moscow: Sovremennik, 1979, 286 p.

Zheludok: Pamiat' o evreiskom mestechke, ed. by I. Kopchenova. Moscow, 2013, 328 p.

Gleb P. Pilipenko,

Maria V. Yasinskaya

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Memories of the World War II (based on field researches of 2016–2019 in Belarus, Poland, Slovenia, Italy, Argentina and Uruguay)

The narratives about World War II collected by the authors over the past four years during their field work in various regions (Belorussia, Poland, Slovenia, Italy, Argentina, Uruguay) are published in this paper. The paper contains narratives in Russian, Belorussian, Ukrainian, Polish and Slovene languages. Both war witnesses and those born already after the war talk about the war.

Keywords: *World War II, memory, oral history, liberation, occupation, victory, Slavic dialects, field research, Slavic languages.*

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)

А. С. Симова
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

**«Выдающийся, но неизвестный» болгарский царь:
новое исследование о правителе средневекового
болгарского царства Иване Асене II**

Цар Иван Асен II (1218–1241). Сборник по случаю 800-годовщины от неговото възшествие на българския престол. Съставителство и редакция В. Гюзелев, И. Илиев, К. Ненов. — Пловдив: Фондация «Българско историческо наследство», 2019. — 290 с.

В рецензии рассмотрена публикация материалов международной конференции «Царь болгарам и грекам», проведенной по случаю 800-летия воцарения Ивана Асеня II. В сборнике представлены статьи, посвященные особенностям легитимации власти нового царя, положению и юрисдикции болгарской церкви, отошедшей от унии с Римом, вопросам брачной дипломатии. Важную часть сборника составляют статьи, в которых значительный вклад в изменение представлений о политических реалиях времен Второго Болгарского царства приносят памятники нумизматики. Новое звучание в сборнике получили такие темы, как отношения Болгарии с афонскими монастырями, Дубровником, Сербией, Римом и кочевниками.

Ключевые слова: *средневековая Болгария, Второе Болгарское царство, царь Иван Асень II, Асени, Афон, Дубровник, болгарская патриархия, легитимация, брачная дипломатия, новые источники.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.7.01

Сборник «Царь Иван Асень II» представляет собой публикацию материалов международной конференции «Царь болгарам и грекам», проведенной в ноябре 2018 г. в Институте исторических исследований БАН по случаю 800-летия воцарения Ивана Асеня II (1218–1241). Несомненного внимания заслуживает блестящий коллектив авторов, включающий таких болгарских исследователей, как В. Гюзелев, А. Данчева-Василева, П. Ангелов, И. Йорданов, И. Илиев, А. Николов, К. Павликянов и др. Не менее примечательна и «иностранный»

часть коллектива, представленная европейскими медиевистами, в числе которых, например, сербский историк В. Станкович, итальянский исследователь Ф. Далль Альо и греческая исследовательница Е. Гарцоника.

В первой, задающей тон всему сборнику, статье В. Гюзелева «Царь Иван Асень II (1218–1241) в исследованиях и источниках о его личности и управлении (состояние и предстоящие задачи)» (с. 3–18) представлен обзор важнейших работ о болгарском правителе начиная с XVIII в. и заканчивая современностью, а также связанных с его правлением источников. Отдавая должное колоссальной работе, проделанной в свое время В. Златарским, П. Никовым, П. Мутафчиевым, И. Дуйчевым, И. Божиловым и другими болгарскими медиевистами, В. Гюзелев отмечает, что правление Ивана Асеня II и его личность изучены в недостаточной степени. По мнению автора, наука нуждается во всеобъемлющем труде о данной эпохе, включающем в себя информацию о политической истории, социально-экономическом развитии, книжности, архитектуре, искусстве, церкви и связях Болгарии периода правления Ивана Асеня с папским Римом и, наконец, личности царя в контексте его времени и контактов с его выдающимися современниками: императором Священной Римской империи Фридрихом II Гогенштауфеном (1220–1250), венгерским королем Белой IV (1235–1270), французским королем Людовиком Святым (1226–1270), никейским императором Иоанном III Дукой Ватаци (1222–1254).

Статья А. Данчевой-Василевой «Царь Иван II Асень (1218–1241) и латинские константинопольские императоры» (с. 19–39) посвящена перипетиям брачной дипломатии, обусловленным попытками Ивана Асеня II через союз с Венгрией и Латинской империей добиться опекуновства над малолетним латинским императором Балдуином II (1228–1261) и вместе с ним — права на контроль над Константинополем. Исследовательница проводит детальный анализ тактики искусного лавирования болгарского царя в переговорах с папской курией, латинскими баронами, императором Фридрихом II Гогенштауфеном и укрепляющей свои позиции на юго-востоке Европы Никейской империей.

В статье И. Илиева «Заметки о церковной политике царя Ивана II Асеня» (с. 41–47) рассматривается вопрос о судьбе Афона после битвы при Клокотнице 1230 г., в которой болгарский царь одержал верх над эпирским деспотом Феодором Комнином. Исследователь убедительно показывает, как в результате изменений в церковно-административном устройстве некогда эпирских земель, перешедших

к Болгарии, связи Афона с болгарской политической и духовной властью в регионе становятся более тесными.

Статья В. Станковича «Иван Асень II: как важно быть ромеем, и борьба за господство в Юго-Восточной Европе» (с. 49–54) посвящена феномену «ромейства» на примере «возвращения в византийский мир» царя Ивана Асеня II (с. 53). По утверждению исследователя, именно начиная с эпохи царя Ивана Асеня II в Болгарии утверждается новая политическая модель, включающая в себя полное возвращение к православию после краткого периода унии с Римом и тесную связь с византийским правящим домом путем заключения брачных союзов. Важной составляющей новой модели стало принятие «ромейства» как части политической идентичности (с. 53). Как пишет В. Станкович, в этом отношении царь Иван Асень положил начало новой тенденции в политике балканских правителей, которой они следовали вплоть до установления османского владычества в XV в.

Особого внимания заслуживает статья И. Йорданова «Золотая печать царя Ивана Асеня II (1218–1241)» (с. 57–64). Исследователь приходит к выводу, что науке известно две такие печати, лишь одна из которых является подлинником. Сравнивая их, автор представляет уникальное изображение и описание оригинала печати, хранящейся ныне в монастыре Зограф (с. 63–64). Изготовление же широко известной реплики печати, изображение которой вошло во многие публикации, Йорданов связывает с празднованием 1300-летия Болгарского государства.

Интересной, хотя довольно спорной, представляется ряд гипотез, изложенных Ж. Жековой в статье «Монетное дело первых Асений — необходимая мера или пропаганда идей» (с. 65–77). Согласно ей, самыми ранними официальными монетами с именем и титулом средневекового болгарского правителя можно считать монеты, традиционно приписываемые правителю Филадельфии Феодору Манкафе. В таком случае надписи на монетах предлагается читать как «Феодор, василевс ромеев». По мнению исследовательницы, этот титул стоит рассматривать как политический ход, отражающий претензии одного из основателей династии Асений на титул ромейского василевса, обозначенные им во время знаменитого посольства болгар к императору Священной Римской империи Фридриху Барбароссе (1155–1190) в 1189 г. В дальнейшем, по утверждению автора, цари Калоян и Борил прибегали к имитации византийских монет, основываясь на одноименности болгарских и византийских правителей (с. 70–71). Как отмечает Ж. Жекова, лишь новый статус Ивана Асеня II после триумфальной победы при Клокотнице позволяет ему печатать свою собственную монету, а не имитацию (с. 74).

К особенностям средневековой болгарской политической практики обращается и Т. Попов в своей статье «Две монеты царя Иоанна II Асеня с деспотом Мануилом Комнином Дукой и деспотом Михаилом II Дукой — источник по истории Фессалоники и Эпира после 1230 г.» (с. 79–94). В центре внимания исследователя — судьба Фессалоникийской империи (1224–1246) в период царствования Ивана Асеня II. Согласно выводам исследователя, монеты, на которых изображены фессалоникийский деспот (а не император, как принято считать) Мануил Комнин Дука (1230–1237) и эфирский деспот Михаил Дука (1231–1266/68), а в качестве их сюзерена — Иван Асень II, — яркие свидетельства того, что именно при Иване Асене II был положен конец Фессалоникийской империи, в то время как Фессалоника, Эфир и Фессалия были интегрированы в Болгарское царство.

В статье Д. Марьяновича и Р. Филиповича «*Сербские земли* в Тырновской надписи болгарского царя Ивана Асеня II» (с. 95–101) ставится вопрос о том, что подразумевалось создателями надписи под «сербскими» землями: исторические сербские земли между Адриатикой и Диррахием, или же речь идет о болгарском влиянии на Сербское государство, чей новый король, Стефан Владислав, правивший с 1234 г., был зятем Ивана Асеня II (с. 99). Ссылаясь на грамоту Ивана Асеня II Дубровнику и косвенные данные более позднего времени, авторы оставляют вопрос открытым, склоняясь, тем не менее, к первой гипотезе (с. 101).

Уточняющий характер носит статья П. Ангелова «Наименования византийцев в средневековой болгарской литературе» (с. 103–106), в которой исследуется проблема употребления этнонимов «эллины», «греки», «ромей» в средневековой болгарской литературе.

В статье Б. Мирчевой «Произведение эпохи царя Иоанна-Асеня II — “Успение Кирилла”» (с. 107–114) поднимается вопрос о датировке этого средневекового памятника. Исследовательница присоединяется к мнению большинства ученых, что «Успение Кирилла» — текст, написанный в столице Болгарии, Тырново, для прославления равноапостольного Константина-Кирилла в сонме болгарских святых после восстановления Болгарского царства и воссоздания Болгарской патриархии в 1235 г. На основании некоторых текстологических параллелей между «Успением» и другими кирилло-мефодиевскими источниками Б. Мирчева делает вывод о том, что «Успение» возникло на базе южнославянских списков Пространного жития Константина-Кирилла и демонстрирует наибольшую близость к двум спискам авторства Владислава Грамматика (1469 и 1479 г.) (с. 111). Созданный

по политическим соображениям, текст использовался с целью защиты православия в рамках «болгарского религиозно-политического набора текстов второй половины XIV в.» (цит. авт. — прим. А. С.) (с. 114).

Статья Е. Костовой «Болгария, Босния и Рагуза: дубровницкая модель в урегулировании двусторонних отношений» (с. 115–125) проливает свет на слабо изученные нюансы болгаро-дубровницких отношений в период правления Ивана Асеня II. Так, сопоставив царскую грамоту купцам Дубровника с грамотой боснийского бана Кулина (1180–1204), автор приходит к выводу о том, что они не были освобождены от пошлин, а должны были платить так наз. «кумерку», или «поклон» (с. 120). Особый интерес Дубровника к сухопутной торговле на Балканах начиная с конца XII в. исследовательница объясняет двумя факторами. Первый фактор — ограниченные возможности дубровницких купцов в торговле по морю в период с 1205 по 1358 г., когда город попадает под власть Венецианской республики, второй — влияние Четвертого крестового похода, кардинально изменившего политическую ситуацию на Балканах и вынудившего Дубровник искать новых торговых партнеров.

В статье Д. Петровой «Византийская краткая хроника, содержащая сведения о восстановлении Болгарской патриархии в 1235 г.» (с. 127–130) исследованы малоизученные пометки, сделанные в краткой византийской хронике, которая содержится в рукописи gr. 408 (672) библиотеки Марциана в Венеции. Эти краткие сведения о восстановлении Болгарской патриархии в 1235 г. и об осаде Фессалоники в 1383–1387 гг. турками-османами, по мнению исследовательницы, были позаимствованы из «Истории» Георгия Акрополита и некоей не сохранившейся до наших дней краткой хроники.

Статья В. Станковой «Образ и легитимность царя Иоанна II Асеня в средневековых болгарских текстах» (с. 131–139) затрагивает проблему легитимации власти Ивана Асеня II, которая, по ее утверждению, строится на его родственных связях (как «сына старого Асеня», одного из основателей династии) и небесном покровительстве. В связи с последним особый интерес представляет исследование популярности культов св. Димитрия Солунского и Архангела Михаила в период правления Ивана Асеня (с. 138).

В статье С. Аризановой «Облачение средневековых болгарских царей в конце XII — XIV вв.» (с. 141–169) представлены скрупулезно собранные сведения об облачении болгарских царей на основании имеющихся письменных источников, археологических материалов и произведений изобразительного искусства.

В статье «Тырново 1218 г.: коронация или узурпация?» (с. 173–186) итальянский исследователь Ф. Далль Альо опровергает устоявшийся в историографии взгляд на воцарение Ивана Асеня II как легитимный акт и, соответственно, незаконность восшествия на престол «узурпатора» Борила, его дяди. Автор убедительно показывает, что к моменту своего свержения в 1218 г. Борил был полностью законным царем болгар, в то время как молодой Иван Асень, вторгшийся с наемной армией, — несомненный узурпатор, сместивший законного правителя (с. 186). В подтверждение своей концепции Далль Альо подчеркивает, что после смерти царя Калояна реальным конкурентом Борила был не малолетний племянник Калояна Иван Асень, а его двоюродный брат, Алексей Слав (с. 180).

Статья С. Георгиевой «Брачная дипломатия Иоанна II Асеня» (с. 187–204) посвящена особенностям укрепления авторитета этого болгарского царя через политику династических браков. Особый интерес представляет гипотеза С. Георгиевой о неизвестной дочери царя Ивана Асеня, ставшей в 1234 г. супругой нового сербского короля. Согласно этой гипотезе, речь идет о незаконнорожденной дочери или дочери от первого брака, то есть до его женитьбы на венгерской принцессе и до того, как он стал царем (с. 200).

Статья А. Николова «Царь Иоанн Асень II и «монгольский ужас» (с. 205–211) освещает малоизученный период последних лет правления болгарского царя. Автор приходит к выводу, что последние годы управления Иоанна Асеня, которые традиционно представляются как мирные и успешные, по сути, проходят под знаком постоянной монгольской угрозы и в попытках овладеть волной беженцев из половецких степей при сохранении хороших отношений со всеми соседями и с папой (с. 211).

Статья К. Павликинова «Святая гора Афон во времена болгарского царя Ивана Асеня II» (с. 213–220), помимо ряда дискуссионных вопросов о болгарском влиянии на Афон в годы правления Ивана Асеня II, затрагивает тему дальнейшей судьбы примаса Василия, главного участника заключения унии Болгарии с Римом в 1204 г. Исследователь приводит сведения из письма анкирского митрополита Христофора, столкнувшегося на Афоне с неким безымянным архиепископом, который отказывался вернуться в Тырново и заняться своими прямыми обязанностями. По мнению К. Павликинова, этот иерарх может быть отождествлен с примасом Василием, который к 1232 г. уже был неудобен для политики болгарского царя и был заменен будущим болгарским патриархом Иоакимом I (с. 218).

Е. Гарцоника в своей статье «Некоторые черты центростремительной и центробежной политики Ивана Асеня II: историографический и экономический подход к статусу Второго Болгарского царства» (с. 221–252) представляет детальный анализ основных событий становления Второго Болгарского царства и выдвигает интересную гипотезу, согласно которой отправление основателями династии Петром и Асенем их младшего брата Калояна в качестве заложника в Византию было частью стратегии кооперации византийского двора и болгар против враждебных западных сил (с. 227).

Проблему отношения к пленным, однако на этот раз болгар к византийцам, рассматривает в своей статье «Несколько случаев знатных пленников при управлении первых Асений» В. Ангелов (с. 253–258). Исследователь подчеркивает, что именно через характеристику отношения болгарских правителей к пленным рисуют их образы византийские авторы.

В своей статье «Церковные соборы XIII в.» (с. 259–265), помимо всего прочего, Б. Николова подробно останавливается на проблеме отсутствия упоминания о главе Болгарской церкви, примасе Василии, в описании антибогомильского собора 1211 г. Это несоответствие исследовательница объясняет тем обстоятельством, что единственный источник информации о соборе, «Синодик» царя Борила, подвергся редактированию после 1235 г., когда в связи с восстановлением болгарского патриаршества упоминание об униате Василии могло восприниматься как неуместное.

В статье С. Раковой «Иван Асень II и идея Болгарского царства в свете новых источников» (с. 267–277) скрупулезно анализируется не только богатая письменная традиция, освещающая период правления царя, но и демонстрируется, какие возможности для изучения данного периода предоставляют предметы изобразительного искусства и археологический материал.

Сборник статей представляет большой интерес для отечественных медиевистов, филологов и культурологов. Книга носит фундаментальный характер, затрагивая наиболее актуальные для современной болгарской медиевистики аспекты, проливая свет на ранее не изученные обстоятельства и детали, поднимая новые темы и подвергая переосмыслению давно устоявшиеся в исторической науке представления о болгарских средневековых реалиях XIII в. Новый взгляд на такую значимую для средневековой болгарской истории эпоху, как правление «выдающегося, но неизвестного» царя Ивана Асеня II, несомненно, должно послужить основой для ее дальнейших, более углубленных, исследований.

Источники и литература

Цар Иван Асен II (1218–1241). Сборник по случай 800-годишнината от неговото възшествие на българския престол / съставителство и редакция В. Гюзелев, И. Илиев, К. Ненов. Пловдив: Фондация «Българско историческо наследство», 2019. 290 с.

References

Tsar Ivan Asen II (1218–1241). Sbornik po sluchay 800-godishninata ot negovoto vŭzshestvie na bŭlgarskiya prestol. Eds. V. Gyuzelev, I. Iliev, K. Nenov. Plovdiv: Fondatsiia “Bŭlgarsko istoricheskoto nasledstvo”, 2019. 290 p.

Anastasia S. Simova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

An “outstanding but not famous” Bulgarian tsar:
a new study about Ivan Asen II, the ruler of the medieval Bulgarian Empire

The review considers the publication of the materials of the international conference “The tsar of the Bulgarians and Greeks”, held on the occasion of the 800th anniversary of the accession of Ivan Asen II. The collection contains papers about the peculiarities in the legitimation of power of the new tsar, the position and jurisdiction of the Bulgarian Church, which departed from the union with catholic Rome, and issues of marriage diplomacy. An essential part of the collection are papers in which the numismatic sources make a significant contribution to reconsideration of the political realities of the Second Bulgarian Empire. The issues such as Bulgaria’s relations with the monasteries on the Mount Athos, Dubrovnik, Serbia, Rome and nomads have assumed a new importance. Keywords: *medieval Bulgaria, Second Bulgarian Empire, Tsar Ivan Asen II, the Asenids, Athos, Dubrovnik, the Bulgarian patriarchy, legitimation, marriage diplomacy, new sources.*

ББК 63.3(0)61
УДК 94(438).081

Ю. А. Борисёнок
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

«Польско-белорусский узел» 1918–1921 гг. в интерпретации современной польской историографии

Materski W. (wybór i opracowanie). Węzeł polsko-białoruski 1918–1921. Dokumenty i materiały. — Warszawa, 2018. — 868 s.

1918–1921 гг. стали важным рубежом в формировании как польской, так и белорусской государственности. Цели и стремления различных политических сил с обеих сторон подробно отражены в не имеющем аналогов в польской историографии обширном сборнике документов и материалов, опубликованном в Варшаве в 2018 г. под редакцией известного польского историка Войцеха Матерского. Значимость книги не только в том, что в ней впервые напечатаны несколько десятков источников по белорусской тематике, в том числе из архивов США и Великобритании, но и в новой для исторической науки Польши постановке ряда исследовательских проблем. Среди них стоит выделить понятие «польско-белорусского узла» и сравнение попыток восстановления польской государственности с 1916 г. с формированием белорусских государственных структур с 1918 г.

Ключевые слова: *история Польши, история международных отношений, польская историография, Ю. Пилсудский, В. Матерский.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.7.02

В 2018 г. в Институте политических исследований Польской академии наук был опубликован солидный по объему и качеству исследовательской работы сборник документов и материалов «Польско-белорусский узел 1918–1921»¹. Такой формат издания по бело-

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-59-00001/20 «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок».

¹ *Materski W.* (wybór i opracowanie). Węzeł polsko-białoruski 1918–1921. Dokumenty i materiały. Warszawa, 2018.

русской проблематике данного периода для современной польской историографии стал новаторским. В этом несомненная заслуга редактора-составителя книги и автора предисловия к ней — видного историка Войцеха Матерского (р. 1944). 482 документа из архивов Польши, Республики Беларусь, России и других стран, созданных с марта 1918 г. по март 1921 г. и выявленных при участии известного белорусского специалиста В. Е. Снапковского, в хронологическом порядке помещены в основную документальную подборку (s. 53–747). В приложении опубликованы еще 19 источников 1921–1936 гг., время появления которых выходит за избранные временные рамки, ограниченные Рижским миром (s. 748–793). Среди текстов, опубликованных впервые, — интересные материалы архивов институтов Ю. Пилсудского в Нью-Йорке и Лондоне, а также из архивов МИД Великобритании.

Все документы в сборнике напечатаны на польском языке, в оригинале и переводах с русского, белорусского, английского, литовского, немецкого и итальянского: подобное «отступление от классических принципов издания источников» объясняется в предисловии желанием привлечь к чтению не только профессиональных историков, но и более широкий круг польской общественности (s. 45). Белорусские события августа 2020 г., вполне возможно, действительно обратят внимание части польской читающей публики на важную публикацию документов по истории соседней страны, доселе мало известной в условиях традиционной неконфликтной повседневности.

В своем подробном предисловии к книге (s. 7–46) В. Матерский не только обращает внимание на важнейшие источники, с которыми предстоит познакомиться читателю, но и высказывает ряд важных концептуальных обобщений, развивающих тему в рамках современной польской исторической науки и дополнительно любопытных в свете того, что в 2019 г. российская историография пополнилась качественным исследованием Д. А. Коротковой по тому же периоду 1918–1921 гг. и во многом совпадающей проблематике². Одно из таких обобщений — сама постановка вопроса о «польско-белорусском узле» 1918–1921 гг. Такое обозначение множества противоречий, возникших в этот переломный для становления государственности поляков и белорусов период, позволяет объемно представить как остроту разногласий, так и невозможность их преодолеть иначе как превратив

² Короткова Д. А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг. М., 2019.

узел в гордиев. Именно таким разрешением спора на белорусском направлении стал Рижский мир 1921 г., не только завершивший польско-советскую войну, но и разделивший этническую белорусскую территорию на советскую и польскую части.

По оценке В. Матерского, «1918 г., так же как и три последующих года до Рижского мира, формально определившего характер и форму польско-белорусских отношений, — это период, богатый событиями, исключительно важный для обеих наций, поляков и белорусов. Это время споров об отношении Беларуси к меняющейся концепции организации территориального и структурного упорядочения на северо-западных землях бывшей Российской империи, к возрожденной польской государственности. Это также период своеобразной игры польских политиков белорусской картой с Германией, Россией, Литвой и Антантой, а также с самими белорусами, но это также время непрерывной внутренней конфронтации — прежде всего между федералистами и инкорпораторами» (s. 8).

В. Матерский совершенно верно считает, что книга может служить не только «путеводителем по малоизвестным архивным фондам, а также документальным публикациям, прежде всего белорусским», а также «иллюстрацией, легитимизирующей нынешнее состояние знаний» о теме, но и стимулом для дальнейших исследований (s. 7–8). Одним из таких перспективных исследований может стать дальнейшая разработка проблематики «польско-белорусского узла», предполагающая не только выход за пределы хронологических рамок 1918–1921 гг., но и углубленный подход к отраженным в публикации сюжетам. Несмотря на впечатляющий общий объем 501 архивного документа, «польско-белорусский узел» рассматривается в публикации, как правило, с политико-дипломатической точки зрения, которая не всегда обеспечивает приемлемую достоверность исторической реальности.

В частности, важнейший для белорусской истории рассматриваемого периода вопрос об этнической территории в предисловии В. Матерского фактически обходится стороной. Правда, утверждается, что в сентябре 1919 г. польские части «достигли рубежа Любань — Борисов — Двинск, осуществляя контроль над большинством белорусских территорий» (s. 24). Можно предположить, что польский историк разделяет официальную точку зрения современной белорусской историографии, согласно которой предметом исторического изучения могут быть, как правило, границы современной Республики Беларусь. Но в условиях 1918–1921 гг. подходы к этнотерриториальной проблеме

были иными и притом различными, и эти важные «узелки» обязательно стоит добавить к «польско-белорусскому узлу» при дальнейших исследованиях, в том числе и с той целью, чтобы избежать туманных формулировок. Пример тому — оценка В. Матерским «далеких от однозначности» упоминаний Беларуси в тексте Рижского мирного договора 1921 г.: «Можно отстаивать как позицию, что буква договора касалась исключительно Беларуси в географическом понимании, так и то, что она касалась государства с этим названием» (s. 39). Здесь хорошо понятны рубежи провозглашенной 31 июля 1920 г. из нескольких уездов одной лишь Минской губернии «второй БССР», но неясны и не конкретизированы белорусские пределы «в географическом понимании», равно как и то, как они соотносятся с тогдашней этнической картиной.

Имеет интересную исследовательскую перспективу и тезис В. Матерского о том, что ситуацию с провозглашением в марте 1918 г. в Минске Белорусской народной республики (БНР) «можно признать в значительном приближении сравнимой с появлением на польских землях Регентского совета; в обоих случаях объем автономии сочетался скорее с германским (Центральных держав) протекторатом, нежели с процессом, целенаправленно стремящимся к независимости» (s. 16).

Правда, провозглашенное в ноябре 1916 г. Германией и Австро-Венгрией Польское королевство польский историк оценивает довольно высоко: «В ноябре 1917 г. Регентский совет провозгласил первое правительство (премьера Яна Кухажевского), положив начало системе власти, продолжавшейся до окончания войны, правда, зависимой от оккупантов, но имевшей основные признаки отдельной государственности» (s. 9). По отношению же к «квазигосударственным» белорусским структурам применяются несколько иные формулировки: с одной стороны, БНР именуется «иллюзией белорусской государственности», с другой, на взгляд В. Матерского, в случае с провозглашенной 1 января 1919 г. «первой БССР» «фикция советской Беларуси была столь очевидной, что она создавала для большевистских властей реальную проблему» (s. 14, 19). Стоит заметить, что умозрительное разделение на «иллюзию» и «фикцию», т. е. на две различные словесные конструкции, не лишено смысла. Различие между БНР и белорусскими советскими республиками было существенным. У первой из них, и документы сборника это хорошо показывают, были большие проблемы с военной составляющей формирующейся государственности, за БССР при очевидной буферности всегда стояла военная мощь РККА.

Сами же выводы об «иллюзии» и «фикции» восходят к видению ситуации тогдашними польскими политиками, и в частности Ю. Пилсудским, который и был автором хлесткого высказывания о «белорусской фикции». Оно имело вполне конкретный тактический смысл в условиях, когда польская государственность возрождалась в унитарном варианте и в сложнейших условиях вынуждена была оформлять свои границы, пресекая попытки соседних народов осуществить свои державные проекты. Белорусская государственность в практические расчеты Пилсудского не входила никогда и ни в каком виде.

Даже на уровне умозрительных проектов белорусского «буфера» между Польшей и Советской Россией польские власти не заходили дальше осуществившейся в 1920–1924 гг. в реальности «второй БССР» из уездов Минской губернии. Как справедливо подчеркивает В. Матерский, уже летом 1919 г. «было очевидно, что даже эвентуальное признание белорусской государственности Варшавой может ограничиться Минщиной, оно не охватит исконные белорусские земли Виленщины и Гродненщины» (s. 25). В этом и корень проблемы, мучившей меньшевистских белорусских политиков, недоумевавших, почему Польша медлит с формальным признанием БНР и постоянно откладывает даже разговоры на эту тему.

А после благоприятного для Польши изменения геополитической обстановки, как свидетельствует один из опубликованных в сборнике документов, запись в дневнике чиновника Гражданского управления польскими землями М. С. Коссаковского от 5 марта 1920 г., намерения Варшавы излагались простым языком и открытым текстом: «Пилсудский в Вильно уже отчетливо заявил Ивановскому, что белорусы обязаны порвать с фикцией государственности, забыть, что когда-то существовала Белорусская рада как суррогат правительства, и Ивановский на это вынужден был согласиться» (s. 413). Такая позиция Пилсудского лишала сколько-нибудь серьезных политических перспектив тех белорусских деятелей, которые подобно Вацлаву Ивановскому или Антону Луцкевичу пытались делать ставку на союз с возрождающейся Польшей, — Варшава нуждалась исключительно в их лояльности, но не в их деятельности в национальном белорусском направлении.

Документы сборника убедительно доказывают, что белорусскому национальному проекту активно мешали и в случае необходимости противодействовали сразу как минимум четыре влиятельных течения польской политики: 1) сторонники Ю. Пилсудского, в теории разделявшие концепцию федерализма, от которой на практике пришлось в итоге полностью отказаться; 2) приверженцы национал-демократов

и их лидера Р. Дмовского, отстаивавшие модель инкорпорации в отношении белорусских земель; 3) польские землевладельцы и часть интеллигенции белорусских территорий, выступавшие, исходя из своих имущественных и ментальных интересов, за несбыточный в политических условиях 1918–1921 гг. вариант возвращения для возрождающейся Польши границ Речи Посполитой 1772 г.; 4) польские коммунисты на советской службе, в своей деятельности не стремившиеся учитывать национальные интересы белорусов.

Именно с точки зрения столь разнородной, но последовательно антибелорусской польской силы стоит рассматривать нашедший отражение и в предисловии В. Матерского тезис более чем столетней давности о слабости белорусского национального движения. По мнению польского историка, белорусское движение к 1918 г. «располагало относительно слабыми политическими элитами, опытность которых трудно сравнить с грузинскими, украинскими или польскими» (s. 13). К тому же «только формирующееся национальное движение [...] ограничивалось узкими интеллигентскими кругами» (s. 15). Документы сборника свидетельствуют о том, что такая оценка полностью соответствует взглядам Ю. Пилсудского и его соратников в указанный период. Они не отрицали само существование белорусского движения, как это в спекулятивном виде представил Р. Дмовский 8 октября 1918 г. в своей записке о территории польского государства, направленной президенту США В. Вильсону: «Белорусы представляют собой абсолютно пассивный расовый элемент. Среди них нет никакого национального движения; нет также даже зачатков белорусской литературы» (s. 77).

Взяв на вооружение аргумент о слабости белорусского движения и сведя его к тонкому интеллигентскому слою, Пилсудский развязывал себе руки в белорусском вопросе. Такое упрощение реальной политической ситуации в Беларуси было выгодно и большевикам, в том числе польского происхождения. В. Матерский нащупывает интересную исследовательскую перспективу, оценивая начавшиеся 22 июля 1919 г. тайные переговоры советского представителя и одновременно известного польского революционера Ю. Мархлевского с польской стороной как «неблагоприятные для дела интегральности белорусских земель изменения в отношениях Варшавы и Москвы» (s. 23). Действительно, любое прагматичное, исходившее из реальной ситуации и военной силы сторон советско-польское разграничение в тот период означало раздел белорусского этнографического пространства, которое и состоялось в итоге в марте 1921 г. по условиям Рижского мира.

Тезис же о слабости белорусского движения нуждается как минимум в трех существенных корректировках. Во-первых, сравнивать его с движением других народов ушедшей в историю Российской империи и тем более с ситуацией в Закавказье не всегда уместно, учитывая особый формат развития национальных процессов на белорусских землях.

Во-вторых, в реальности у национального движения белорусов была достаточно обширная социальная база — действительно узкий слой интеллигентов в первом поколении, каковыми были очень многие видные белорусские политики той эпохи, опираясь на широкую крестьянскую основу.

В-третьих, в историографии до сих пор сохраняется очень удобное для советской исторической науки искусственное сведение национального движения белорусов только к несветской ее части. Национальное движение логичнее рассматривать комплексно, объединяя его небольшевистский и советский варианты, на самом деле имевшие друг с другом много общего. Именно в таком ключе проблема излагается в важном документе, впервые публикуемом в сборнике, — в фрагментах донесения агента польской разведки Раймунда Нихольма от 19 ноября 1920 г. о его беседах в кулуарах мирной конференции в Риге (s. 662–667).

Под именем Нихольма скрывался известный в будущем польский литератор и политик Ежи Стемповский (1883–1969). Он активно общался в Риге как с представителями эмигрантского белорусского правительства во главе с Вацлавом Ластовским, так и с руководителем «второй БССР» Александром Червяковым. Полномочия всех белорусских политиков ни польская, ни советская сторона не признали, их участие в политическом процессе в столице Латвии ограничилось кулуарами. У Нихольма-Стемповского появилась уникальная возможность в частных беседах сравнить программы и личную политическую компетентность двух направлений белорусской политики.

Касаясь отношений с группой Ластовского, польский разведчик справедливо отметил, что «польско-белорусские отношения вошли тогда в безнадежную фазу». Расчеты этой части политиков на сближение с Польшей не оправдались, в Ригу они приехали с исчерпанными финансами, не имея «никаких инструкций или полномочий». Политическое лицо группы своеобразно: «...все ее члены принадлежат к одному типу людей чувственных, впечатлительных, импульсивных, действующих в соответствии с непредсказуемыми сентиментальными инстинктами [...], все производят впечатление людей честных, непро-

дажных, твердо верящих в свое дело. Одновременно и, собственно, благодаря вышеперечисленным чертам, это люди упрямые в своих доктринах, невыносимые в работе и лишённые позитивности. Для того чтобы прийти с ними к согласию на практической почве, требуется немало доброй воли и терпеливости» (с. 663–664). Таким образом, имея серьёзные дела с эмигрантским правительством автор донесения не рекомендует, что полностью соответствовало установкам Ю. Пилсудского.

Совершенно по-иному отражены Нихольмом-Стемповским настроения и перспективы советского белоруса. «Примерно 10 октября я познакомился с председателем белорусского ревкома Червяковым, о котором позже Душевский говорил мне как о своем старом товарище и политическом воспитаннике. Кроме этого, отношений между Червяковым и группой Ластовского не было [...]. Душевский приехал в Ригу только после отъезда Червякова. Червяков произвел на меня впечатление человека более уравновешенного, спокойного и рассудительного [...]. Для меня очевидно, что Червяков совсем не коммунист, даже не социалист, но хороший белорусский националист, который из соображений оппортунизма работал с большевиками» (с. 665).

Безусловно, оценка убежденного, как показали дальнейшие события, большевика Червякова как «националиста», а также приведенное в анализирующей донесение Стемповского статье Я. Пискуровича мнение о том, что «в случае удачного завершения переговоров делегации БНР с польской делегацией в Риге Червяков должен был открыто перейти в антибольшевистский лагерь»³, весьма преувеличены, но замечания польского разведчика о единстве корней небольшевистской и советской версий белорусского движения и их национальной основе принципиально важны.

В значительной степени верным оказался и сделанный осенью 1920 г. прогноз Червякова о перспективах раздела белорусских этнических земель по итогам переговоров в Риге: «Раздел белорусской территории несомненно вызовет в части страны, уступленной Польше, национальное белорусское движение, стремящееся к соединению с советской Беларусью. Размеры этого движения в значительной мере зависят от политики, которую польское правительство будет проводить в своей части страны. Сложно, впрочем, предполагать, чтобы польская

3 *Piskurewicz J. Tajna misja Jerzego Stempowskiego na Konferencji Pokojowej w Rydze // Rok 1918. Odrodzona Polska i sowiecka Rosja w nowej Europie. Warszawa, 2019. T. II. S. 155.*

политика, до сих пор покровительствовавшая интересам крупных землевладельцев, могла удовлетворить белорусского крестьянина» (с. 666). При этом посланец Минска не исключил, что при грамотно построенной политике поляков на советской стороне даже может появиться движение, призывающее к присоединению к Польше.

Таким образом, благодаря активной работе Стемповского в Риге еще накануне подписания мирного договора 1921 г. у польских спецслужб была достоверная информация, позволявшая сделать необходимые поправки в курс на белорусском направлении. Как известно, эти наработки разведки не пригодились: линия Ю. Пилсудского на игнорирование в практической политике «белорусской фикции» фактически проводилась затем в течение всего межвоенного периода.

Документы сборника позволяют подробно проследить не только разногласия, которые проявлялись между польскими политиками при обсуждении белорусского вопроса, но и отсутствие в Варшаве даже тактического, не говоря уже о стратегическом, решения этой проблемы, которая при подробном знакомстве с источниками не кажется второстепенной для национальных интересов возрождающегося государства. Представляется, что сформировавшиеся уже в 1918–1921 гг. позиции сторон предопределили итоговую неудачу Польши в геополитическом споре с большевиками на белорусском направлении. Важно и то, что на фоне часто снисходительного отношения Варшавы к «польско-белорусскому узлу» в Москве еще со времен Брестского мира был наготове рецепт урегулирования в свою пользу похожих ситуаций.

Лично Л. Д. Троцкому принадлежит хладнокровно реализованная советскими властями после Рижского мира идея полезности разделения белорусских и украинских земель с целью последующего продвижения большевистских ценностей. Эту дипломатическую новацию он, по словам участника брестских переговоров М. Н. Покровского, огласил еще в феврале 1918 г.: «Тут и произошел эпизод, ради которого стоит обо всем этом писать: когда литовский представитель Мицкявичус-Капсукас горячо возопил против операции, проводимой Альфатером над его родиной, Троцкий заявил, что для Литвы даже выгоднее быть разрезанной, ибо тогда русская половина станет революционным очагом для немецкой»⁴. Именно эту тактику, о которой

4 Первые шаги большевистской дипломатии. Дневниковые записи академика М. Н. Покровского / публ. А. В. Есиной // Вестник Российской академии наук. 1993. № 2. С. 158.

затем предупреждал Стемповского Червяков, затем использовал в Риге на переговорах с Польшей близкий к Троцкому советский дипломат А. А. Иоффе, что подтверждают и опубликованные в сборнике В. Матерского документы. Как известно, та же линия «разрезания» во благо «революционного очага» была впоследствии реализована И. В. Сталиным и его соратниками с привлечением приоритетных проектов советской белорусизации и советской украинизации⁵.

Таким образом, современная польская историография усилиями В. Матерского пополнилась важным документальным изданием, объемно отражающим современный уровень разработки белорусского вопроса сквозь призму труднейшего для польской государственности периода ее возрождения в 1918–1921 гг.

Источники и литература

Борисёнок Ю. А. На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Россией и Польшей в первой половине XX века. М.: Родина Медиа, 2013. 352 с.

Короткова Д. А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг. М.: Центрполиграф, 2019. 222 с.

Первые шаги большевистской дипломатии. Дневниковые записи академика М. Н. Покровского / публ. А. В. Есиной // Вестник Российской академии наук. 1993. № 2. С. 152–163.

Materski W. (wybór i opracowanie). Węzeł polsko-białoruski 1918–1921. Dokumenty i materiały. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2018. 868 s.

Piskurewicz J. Tajna misja Jerzego Stempowskiego na Konferencji Pokoju w Rydze // Rok 1918. Odrodzona Polska i sowiecka Rosja w nowej Europie. T. II. Warszawa: Instytut Historii Nauki PAN; Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2019. S. 149–159.

⁵ *Борисёнок Ю. А.* На крутых поворотах белорусской истории: общество и государство между Россией и Польшей в первой половине XX века. М., 2013. С. 100–104.

References

Borisenok, Yu. A. *Na krutykh povorotakh belorusskoy istorii: obshchestvo i gosudarstvo mezhdru Rossiiyey i Pol'shey v pervoy polovine XX veka*. Moscow: Rodina Media, 2013, 352 p.

Korotkova, D. A. *Belorusskiye zemli v sovetsko-pol'skikh otnosheniyakh. Razmen-naya karta v protivostoyanii dvukh derzhav. 1918–1921 gg.* Moscow: Tsentrpoligraf, 2019, 222 p.

Materski, W. (wybór i opracowanie). *Węzeł polsko-białoruski 1918–1921. Dokumenty i materiały*. Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 2018, 868 s.

“Pervyye shagi bol'shevistskoy diplomatii. Dnevnikovyye zapisi akademika M. N. Pokrovskogo.” Publ. A. V. Yesinoy, *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 1993, № 2, p. 152–163.

Piskurewicz, J. “Tajna misja Jerzego Stempowskiego na Konferencji Pokojowej w Rydze.” *Rok 1918. Odrodzona Polska i sowiecka Rosja w nowej Europie*. Vol. II. Warszawa: Instytut Historii Nauki PAN; Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2019, s. 149–159.

Yuriy A. Borisyonok

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

The “Polish-Belarusian Knot” 1918–1921 in the interpretation of modern Polish historiography

1918–1921 became an important milestone in the formation of both Polish and Belarusian statehood. The goals and aspirations of various political forces on both sides are reflected in detail in an extensive collection of documents and materials, which has no analogues in Polish historiography. It was edited by the famous Polish historian Wojciech Materski and published in Warsaw in 2018. The significance of the book is not only that it first published several dozen sources on Belarusian topics, among them those available only in the archives of the United States and Great Britain, but also in a new formulation of a number of research problems for the historical science of Poland. Among them, it is worth highlighting the concept of the “Polish-Belarusian knot” and the comparison of attempts to restore Polish statehood since 1916 with the formation of Belarusian state structures since 1918.

Keywords: *history of Poland, Belarusian statehood, the history of international relations, Polish historiography, J. Pilsudski, W. Materski.*

УДК 9(94)
ББК 63.3(0)61, 63.3(0)62, 63.3(4)6

И. И. Баринов
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Белорусская эмиграция в Чехословакии: взгляд из Прешова

Hoptová L. Bieloruská emigrácia na území Československa (1918–1945). — Prešov: Vydateľstvo Prešovskej univerzity, 2017. — 144 s.

В рецензии рассматривается первая монография на словацком языке, посвященная белорусской эмиграции в Чехословакии между 1918 и 1945 гг. Дается оценка степени изученности проблемы в Словакии и возможности развития межстрановых исследований в области белорусистики.

Ключевые слова: *Чехословакия, белорусская эмиграция, межвоенный период, Вторая мировая война.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.7.03

События 1914–1920 гг., до основания потрясшие старую Россию, обусловили массовый исход людей за ее пределы и формирование зарубежных диаспор. Этот процесс не обошел стороной ни один из регионов бывшей империи, коснулся он и территории Белоруссии. По объективным причинам группы белорусов, оказавшиеся отрезанными от своей исторической родины, заметно уступали по размерам таким крупным сообществам, как русская или украинская. Этим, помимо прочего, объясняется то, что исследования по белорусской диаспоре — как межвоенного, так и более позднего времени — немногочисленны и исходят в основном от собственно белорусских авторов. В случае с книгой Луцианы Гоптовой мы имеем пример взгляда извне, который уже сам по себе является нетривиальным.

Автор начинает повествование с обширной предыстории возникновения белорусской диаспоры, затем переходя к анализу ее взаимоотношений с чехословацким правительством. Как отмечает Гоптова, в случае с Чехословакией выбор белорусов был обусловлен сразу несколькими факторами, в первую очередь общеславянской близостью и гуманитарными программами, которые чехословацкое государство организовало для эмигрантов из России. Так, белорусы смогли участвовать в «русской акции помощи», позволившей эми-

грантам получать среднее и высшее образование в государственных образовательных учреждениях (s. 22–24). Далее Гоптова подробно рассматривает противоречия правительства Белорусской народной республики и ее Рады, в том числе в ходе 2-й Берлинской конференции 1925 г., и дальнейшее превращение Праги в политический центр белорусской эмиграции (s. 34–40).

Следует отметить, что основное внимание автора уделено белорусским студентам в Чехословакии (s. 22–34, 44–49). Используя материалы из Национального архива Чехии и редкие материалы из собственного собрания, Гоптова описывает организацию учебного процесса и белорусское студенческое движение, в особенности его культурно-просветительскую активность. В данном контексте автор освещает малоизвестные страницы деятельности главы Белорусской громады в Праге Николая Вершинина, который фактически представлял интересы студентов в переговорах с правительством.

На фоне достоинств работы выделяется ряд серьезных недостатков. В первую очередь это связано с композиционной составляющей исследования. Фактически книга распадается на три неравные части: хроника жизни белорусской диаспоры в Чехословакии, биографические портреты некоторых ее деятелей и отдельные документы, относящиеся к рассматриваемому периоду. Таким образом, по форме работа скорее являет собой сборник очерков, при этом различающихся по глубине изучения тематики. Учитывая, что речь идет о монографии, подобный формат представляется несколько странным.

Во многом из-за этого многие события из жизни диаспоры вообще выпадают из поля зрения. К примеру, такому малоизученному и важному сюжету, как деятельность Культурного общества имени Скорины, посвящен один абзац (s. 42), а белорусским корреспондентским курсам — одна строчка (s. 70). С другой стороны, ощущается определенный перекокс в плане хронологии. Хотя автором был заявлен отрезок 1918–1945 гг., в основном описаны 1920-е и частично 1930-е. Напротив, всему периоду Второй мировой войны, наиболее сложному и драматичному для белорусов Чехословакии, в книге уделено меньше места, чем тому же студенчеству.

Сама белорусская диаспора предстает абсолютно статичной: не показаны ни динамика ее развития, ни внутренние противоречия, приведшие к ее упадку уже в конце 1930-х гг. Связи с другими белорусскими группами в Европе (Литва, Германия, Франция) намечены лишь пунктирно. Сосредотачиваясь на национально ориентированных, Гоптова полностью выпускает из внимания просоветские бело-

русские организации, которые также действовали в Чехословакии в указанное время¹.

Определенные вопросы есть и к источникам. Автор хорошо разработала соответствующие фонды Национального архива Чехии, однако в работе совершенно не представлены документы Государственного архива Российской Федерации. Как установлено белорусскими исследователями, именно там после 1945 г. оказался (по крайней мере частично) белорусский архив пражского времени². Не были использованы и мемуарные свидетельства непосредственных участников событий, прежде всего поэтессы Ларисы Гениуш, неоднократно упоминаемой в книге.

Вместе с тем, несмотря на концептуальное несовершенство, работа Гоптовой является новым шагом в изучении белорусской эмиграции, к которому уже обращались в Прешове³. Наряду с аналогичным чешским изданием⁴ она может стать хорошим подспорьем для совместного исследования белорусской тематики в когда-то общем государстве.

Источники и литература

Буча А. Дзейнасць беларускіх прасавецкіх арганізацый у Чэхаславакіі ў 1920-я гады // *Przegląd Środkowo-Wschodni*. 2019. № 4. S. 449–478.

Буча А., Кашаварова Н., Сабалеўская В. Лёс архіваў БНР паводле справаздачы супрацоўніка Аператыўнага штаба Розенберга // *Гадавік Цэнтра беларускіх студыяў*. Варшава, 2018. С. 354–375.

Kolenovská D., Plavec M. Běloruská emigrace v meziválečném Československu: studie a dokumenty. Sociopolitický aspekt. Praha: Karolinum, 2017. 287 s.

Ňachajová M., Šelepec J. Tlačé ruskej, ukrajinskej a bieloruskej emigrácie vo fondoch ŠVK v Prešove: bibliografia. Prešov: Štátna vedecká knižnica v Prešove, 2007. 181 s.

¹ *Буча А.* Дзейнасць беларускіх прасавецкіх арганізацый у Чэхаславакіі ў 1920-я гады // *Przegląd Środkowo-Wschodni*. 2019. № 4. S. 449–478.

² *Буча А., Кашаварова Н., Сабалеўская В.* Лёс архіваў БНР паводле справаздачы супрацоўніка Аператыўнага штаба Розенберга // *Гадавік Цэнтра беларускіх студыяў*. Варшава, 2018. С. 359.

³ *Ňachajová M., Šelepec J.* Tlačé ruskej, ukrajinskej a bieloruskej emigrácie vo fondoch ŠVK v Prešove: bibliografia. Prešov, 2007.

⁴ *Kolenovská D., Plavec M.* Běloruská emigrace v meziválečném Československu: studie a dokumenty. Sociopolitický aspekt. Praha, 2017.

References

Bucha, A. “Dzeïnasts’ belaruskikh prasavetskikh arhanizatsyïy Chëkhaslavakii ŭ 1920-ia hady.” *Przełqd Środkowo-Wschodni*, 2019, № 4, p. 449–478.

Bucha, A., Kashavarova, N., Sabaleŭskaia, V. “Lios arkhivaŭ BNR pavodle spravazdachy supratsoŭnika Aperatyŭnaha shtaba Rozenberha.” *Hadavik Tsëntra belaruskikh studyiaŭ*. Warsaw, 2018, p. 354–375.

Kolenovská, D.; Plavec, M. Běloruská emigrace v meziválečném Československu: studie a dokumenty. Sociopolitický aspekt. Praha: Karolinum, 2017, 287 s.

Ňachajová, M.; Šelepec, J. Tlače ruskej, ukrajinskej a bieloruskej emigrácie vo fondoch ŠVK v Prešove: bibliografia. Prešov: Štátna vedecká knižnica v Prešove, 2007, 181 s.

Igor’ I. Barinov

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

The Belarusian emigration in Czechoslovakia: A view from Prešov

The review examines the first monograph in the Slovak language dedicated to the Belarusian emigration in Czechoslovakia between 1918 and 1945. It assesses the research of the problem in Slovakia and the possibility of developing intercountry research in the field of Belarusian studies.

Keywords: *Czechoslovakia, Belarusian emigration, interwar period, World War II.*

УДК 930
ББК 63.3(0)6, 63.3(4)6

К. В. Шевченко
Филиал Российского государственного
социального университета
(Минск, Республика Беларусь)

Анатомия национально-территориальных конфликтов в Центральной и Восточной Европе в 1938–1949 гг.

Сальков А. П. Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.). — Минск: БГУ, 2019. — 743 с. ISBN 978-985-566-777-4

В изданной в 2019 г. монографии известного белорусского ученого-слависта А. П. Салькова представлен детальный анализ многочисленных национально-территориальных конфликтов в Центральной и Восточной Европе в 1938–1949 гг., а также показана роль СССР в их разрешении. Изучив колоссальный по объему архивный материал и опубликованные дипломатические документы, автор приходит к выводу о важности этнической и исторической аргументации, а также геополитических и идеологических интересов СССР и других мировых держав в разрешении конкретных национально-территориальных конфликтов в Центральной и Восточной Европе. Общим итогом действий советской дипломатии в ходе урегулирования национально-территориальных конфликтов в данном регионе стало обеспечение геополитических интересов и идеологических предпочтений Советского Союза.

Ключевые слова: *национально-территориальные конфликты, Центрально-Восточная Европа, СССР, внешняя политика, геополитические интересы.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.7.04

Крах Ялтинско-Потсдамской системы, распад СССР, Чехословакии и Югославии и последующая реанимация целого ряда межнациональных и территориальных конфликтов в Центральной и Восточной Европе обусловили заметный рост интереса исследователей к данной проблематике. Монографическое исследование кандидата исторических наук, заведующего кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета БГУ А. П. Салькова, опубликованное в конце 2019 г., посвящено комплексному анализу на-

ционально-территориальных конфликтов в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР в 1938–1949 гг. Данный капитальный труд одного из ведущих белорусских историков-славистов является успешным итогом его многолетних научных изысканий, включая колоссальную по объему работу с фондами российских архивов и опубликованными документами на большинстве языков государств — фигурантов упомянутых конфликтов.

Автором основательно проработаны все имеющиеся отношение к исследуемой проблематике фонды Архива внешней политики РФ (АВП РФ), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), а также Национального архива Республики Беларусь (НАРБ). Кроме того, автор активно привлекал огромный по объему пласт документов, опубликованных за последние десятилетия в многочисленных сборниках, посвященных внешней политике СССР и стран Центральной и Восточной Европы, как на русском, так и практически на всех языках государств данного региона, анализируемых в исследовании. Нельзя не отметить и большое число использованной автором мемуарной литературы на русском и других языках исследуемого региона, включая самые последние издания.

Монография представляет особую ценность как в силу слабой изученности данной проблематики в отечественной историографии, так и по причине резко возросшего в настоящее время внимания к поднимаемым вопросам в странах региона, системно и масштабно реализующих государственную политику памяти, которая в известной степени неизбежно реанимирует полемику вокруг традиционных национально-территориальных споров. Как справедливо отмечает во введении автор, «в историческом славяноведении и в восточно-европейском регионоведении одним из наименее изученных вопросов остается проблема национально-территориальных конфликтов в Центрально-Восточной Европе в период Новейшего времени. Их перманентная череда пришлась на предвоенные годы, период Второй мировой войны и послевоенного урегулирования, когда роль СССР в их позитивном решении от незначительной возросла до определяющей» (с. 9).

Работа А. П. Салькова, в максимальной степени учитывающая наработки всей предшествующей русскоязычной и зарубежной историографии, включая самые последние труды по данной тематике, отличается строго выверенной и детально проработанной логической

структурой. Монография состоит из двух разделов, каждый из которых, в свою очередь, делится на четыре главы, включающие несколько параграфов. Примечательно, что только содержание работы занимает шесть страниц; объем же самой монографии превышает 60 условных печатных листов (743 страницы текста).

Первый раздел работы, посвященный Карпато-Альпийскому региону, включает главы, с большой полнотой анализирующие чехословацко-венгерский национально-территориальный конфликт в Южной Словакии (Верхней Венгрии), венгерско-румынский конфликт в Трансильвании, югославско-австрийский конфликт в Южной Каринтии (Словенской Корошке) и словенских пограничных районах Южной Штирии, а также югославско-итальянский конфликт в Юлийской Крайне и вокруг Триеста.

Второй раздел работы целиком посвящен Балканскому региону. Данный раздел включает главы, содержащие подробный, подчас детализированный анализ албанско-греческого национально-территориального конфликта в Южной Албании (Северном Эпире) и Чамерии, болгарско-румынского конфликта в Южной Добрудже, греческо-болгарского конфликта в Западной Фракии, а также югославско-болгарского конфликта на Западных окраинах и в Восточной (Пиринской) Македонии.

Важным преимуществом исследования является рассмотрение каждого из национально-территориальных конфликтов в Центрально-Восточной Европе в самом широком историческом и международном контексте. Анализ каждого из сюжетов в полной мере интегрирован в общеисторические процессы, имевшие место в указанный промежуток времени. При этом каждая глава начинается с параграфа, описывающего исторические и этнические предпосылки конфликта и динамику его последующего развития с учетом позиций всех вовлеченных сторон и интересов великих держав. Подобный подход дает возможность в полной мере воссоздать сложную, противоречивую и многомерную картину исследуемых конфликтов и выявить все факторы, в той или иной степени влиявшие на ситуацию. Это позволяет лучше уяснить роль советского фактора в развитии и урегулировании конфликтов, которая, как справедливо отмечает во введении автор, возросла от незначительной в предвоенные годы до определяющей в период послевоенного международно-правового урегулирования.

Особый интерес представляет успешная разработка автором необходимого понятийного аппарата, включая развернутые дефиниции

национально-территориального конфликта, узла национально-территориальных противоречий, а также представлений о компенсационных цепочках и балансе исторических и этнических аргументов при предъявлении претензий на обладание спорной территорией. Так, А. П. Сальков исчерпывающим образом определяет вводимое им понятие «национально-территориальный конфликт» как «межгосударственный спор, основанный на субъектной принадлежности территории, ее национальном составе и характере установленного там правового режима, что в условиях поступательного развития приводит к договорному, арбитражному или военному решению с воздействием на массовое сознание и дипломатическим обоснованием этнических и исторических аргументов по обладанию спорным краем, использованием влияния великих держав или региональных блоков в целях получения спорной территории, ее выгодного раздела, ревизии границы или защиты прав меньшинства» (с. 10). Из данной дефиниции логически вытекает следующее ключевое для данного исследования понятие — «исторический узел национально-территориальных противоречий», определяемый автором как «системная совокупность нескольких взаимосвязанных национально-территориальных конфликтов в рамках обширного региона» (с. 10).

Предваряя анализ конкретных национально-территориальных конфликтов, А. П. Сальков указывает, что «баланс, убедительность и легитимная признанность» этнических и исторических аргументов принадлежности того или иного спорного края «являлись важнейшими факторами урегулирования. Причем и великие державы, и непосредственные участники конфликта манипулировали как соотношением, так и содержанием этих аргументов, провоцируя мнения об их предвзятости или тенденциозности. Иные аргументы (стратегические, экономические, инфраструктурные) толковались как подчиненные и в большинстве случаев не принимались в расчет» (с. 11).

Как обоснованно подчеркивает автор монографии, «при отсутствии формального нормативно-правового документа на обеих мирных конференциях по итогам двух мировых войн как данность был принят приоритет этнической аргументации — численного превосходства одного народа над другим на определенной территории» (с. 11). При этом А. П. Сальков заранее и вполне обоснованно предупреждает читателя о «коварстве этнического подхода». Это коварство, по его мнению, заключалось в том, что «этнический показатель, как правило, учитывался на момент международного урегулирования, чему обычно предшествовали политические или военные события, искажавшие этническую кар-

тину спорного края (миграция населения в виде бегства, эвакуации или изгнания, геноцидальные этнические чистки), что вело к игнорированию этногеографических факторов и актуализировало спекулятивные трактовки этногенеза вовлеченных в конфликт народов» (с. 11).

Творчески используя обширный фактологический материал, автор убедительно показывает, что именно жонглирование этническими и историческими аргументами с неизменным учетом собственных геополитических интересов и идеологических приоритетов и составляло основу поведения дипломатии СССР и других великих держав в решении конкретных национально-территориальных конфликтов в Центральной и Восточной Европе. «В вопросе соотношения этнической и исторической аргументации позиция советской дипломатии, транслировавшей взгляды и решения высшего руководства, не была однолинейной и постоянной на протяжении периода, — обоснованно констатирует А. П. Сальков. — В обстоятельствах отдельно взятых конфликтов, а также с учетом геополитических интересов или идеологических резонансов Москвы центр тяжести смещался в сторону более выгодных аргументов» (с. 12). Пожалуй, наиболее ярко это проявилось в действиях советской дипломатии в ходе разрешения чехословацко-венгерского конфликта в Южной Словакии, югославско-австрийского конфликта в Южной Каринтии, югославско-итальянского конфликта в Юлийской Крайне и вокруг Триеста, а также в ходе греческо-болгарского конфликта в Западной Фракии, которые детально проанализированы автором в его исследовании. Любопытно, что, по его словам, И. В. Сталин, который «на редкость уверенно владел содержанием сложной триестинской проблемы» (с. 391), счел нужным внести существенные коррективы в поведение советской дипломатии, в решающий момент предложив не срывать парижское совещание министров иностранных дел в июне-июле 1946 г. «из-за вопроса о Триесте» (с. 391). Сказанное в полной мере относится и к стратегии и тактике советской дипломатии при разрешении конфликтов в иных регионах Европы, находящихся за пределами географических рамок исследования. Именно таким образом, в частности, действовала советская дипломатия в отношении серболужицкого национального движения в 1945–1948 гг., цель которого заключалась в выходе Лужицы из состава Германии и либо в ее последующем вхождении в состав соседней Чехословакии, либо в образовании независимого серболужицкого государства¹.

¹ Шевченко К. В. Лужицкий вопрос и Чехословакия в 1945–1948 годах. М., 2004.

Разумеется, реальные пружины разрешения многочисленных национально-территориальных конфликтов отнюдь не сводились к простой механической комбинации вышеупомянутых факторов. Так, в монографии обращается внимание на то, что в отношении Венгрии в определенный период времени позиция советской дипломатии была не лишена, по словам А. П. Салькова, «политической злости и мести» (с. 216), вызванных активным участием венгерской армии в войне против СССР на стороне гитлеровской Германии. Оказавшийся впоследствии в советском плену начальник венгерского Генштаба генерал-полковник Г. Верт свидетельствовал, что Будапешт таким образом стремился заручиться дополнительной поддержкой Берлина, «чтобы обеспечить удержание всех приобретенных территорий — Трансильвании, Южной Словакии, Закарпатья, Баната и Бачки» (с. 216). Схожую мотивацию демонстрировали в ходе Второй мировой войны и другие сателлиты Германии, включая Словакию и Румынию.

Автор периодически делится с читателями и любопытными, отчасти забавными архивными находками, передающими специфический колорит изучаемой эпохи. Так, в ходе встречи с В. М. Молотовым 29 декабря 1945 г. посол Чехословакии в СССР Й. Горак в числе прочего «вторично просил о получении разрешения от И. В. Сталина на посвящение ему симфонии видного чешского композитора Витезслава Новака» (с. 117). Заметим, что эта примечательная просьба имела место в декабре 1945 г., т.е. задолго до прихода коммунистов к власти в Чехословакии в феврале 1948 г.

Весьма важным представляется и основанное на архивных материалах замечание А. П. Салькова о том, что «в Берлине исходили из идеи превращения Дунайского бассейна в сплошную немецкую этническую территорию. Особый интерес вызывали те участки Дуная, к которым прилегал югославский междуречный бассейн Бора и ущелье Железные Ворота на румынско-сербской границе... После Второго Венского арбитража количество немецкого населения Венгрии увеличилось до 700 тысяч человек... Берлин стремился создать своеобразный “германский коридор”, тянущийся непрерывно с севера на юг от Австрии вплоть до Железных Ворот на среднем течении Дуная и почти достигающий дунайской границы Болгарии. Как вполне реальная воспринималась вероятность введения в соответствующих областях Венгрии, Югославии и Румынии под давлением Германии региональной национальной автономии немецкого меньшинства или даже провозглашения “независимости” этих областей (может быть, с последующим их объединением в “федерацию” или присоединением

к Германии)» (с. 203–204). Таким образом, прямым объектом нацистской «расовой инженерии» должны были стать не только народы завоеванных Германией стран, но и сателлиты Берлина.

Важным преимуществом работы является ее оснащенность богатым картографическим материалом, наглядно визуализирующим все исследуемые проблемы и существенно облегчающим восприятие излагаемой информации. Представленные в монографии шестнадцать цветных карт раскрывают как территориальную динамику общерегиональных процессов, так и развитие конкретных конфликтов между вовлеченными сторонами. Полезным и удобным для читателя является и наличие пространственных и географического указателей, а также списка использованных карт.

Капитальное монографическое исследование А. П. Салькова, впервые вводящее в научный оборот большой объем ранее не использованных источников, включая документальные публикации последних лет и даже месяцев, является новаторским трудом и, вне всякого сомнения, крупным достижением современной белорусской историографии. Выполненная на высоком академическом уровне и содержащая ряд ценных наблюдений и выводов монография вносит весомый вклад в развитие исторической науки и наверняка вызовет пристальный интерес не только историков-славистов и специалистов в области международных отношений в России и других странах СНГ, но и историков из стран Центральной и Восточной Европы, тем более что доступ к широко представленным в работе материалам российских архивов у них ограничен.

Остается лишь выразить сожаление в связи с тем, что столь актуальное и значимое с академической точки зрения исследование издано микроскопическим тиражом в 100 экземпляров. Поэтому монография А. П. Салькова изначально обречена стать библиографической редкостью, которая, к сожалению, вряд ли будет доступной широким кругам исследователей за пределами Республики Беларусь.

Источники и литература

Сальков А. П. Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.). Минск: БГУ, 2019. 743 с.

Шевченко К. В. Лужицкий вопрос и Чехословакия в 1945–1948 годах. Москва: М. Колеров, 2004. 287 с.

References

Salkov, A. P. *Natsionalno-territorialnye konflikty v Tsentralno-Vostochnoi Evrope vo vneshnei politike SSSR (1938–1949 gg.)*. Minsk: BGU, 2019, 743 p.

Shevchenko, K. V. *Luzhitskii vopros i Chekhoslovakia v 1945–1948 godakh*. Moscow: M. Kolerov, 2004, 287 p.

Kirill V. Shevchenko

Russian State Social University (Minsk Branch) (Minsk, Belarus)

An anatomy of national-territorial conflicts in Central and Eastern Europe in 1938–1949

A solid monograph written by the well-known Byelorussian historian and expert in the field of Slavonic Studies A. P. Salkov and published in Minsk in 2019 focuses on wide-scale, detailed and in-depth analysis of numerous national and territorial conflicts in Central and Eastern Europe in 1938–1949 and the role of USSR in their resolution. On the basis of an enormous amount of archival sources and published documents, the author comes to a conclusion that a combination of ethnic and historical arguments as well as geopolitical and ideological preferences of the USSR and other great powers played a key role in the process of conflict resolution in that part of Europe. The overall result of the actions of the Soviet diplomacy in the process of settlement of national and territorial conflicts in this region was to ensure the geopolitical and ideological interests of the USSR.

Keywords: *national and territorial conflicts, Central and Eastern Europe, USSR, foreign policy, geopolitical interests.*

УДК 821.161.2
ББК 83.3(4)

Е. В. Байдалова
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

Новый взгляд на эволюцию украинского литературоведения

Демська-Будзуляк Л. М. Українське літературознавство від ідеї до тексту: неокласичний дискурс: монографія. — Київ: Смолоскип, 2019.— 600 с.

Рецензируемый труд киевского литературоведа Л. М. Демской-Будзуляк посвящен крайне важному, но недостаточно изученному наследию украинских неоклассиков в области литературоведения. В обширной монографии представлено теоретическое осмысление их научных работ, а также предпосылок и контекста появления украинских современных студий. Автор использует социокультурный подход для анализа эволюции украинского литературоведения, особое внимание уделяет литературному канону Н. Зерова как попытке перекодирования национальной культурной традиции.

Ключевые слова: *украинское литературоведение, неоклассики, социокультурный подход, современный, дискурс, Н. Зеров.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.3-4.7.05

В 2019 г. украинское литературоведение пополнилось новым, крайне важным монографическим исследованием киевского ученого Л. М. Демской-Будзуляк. В центре данной работы — эволюция украинского литературоведения, а именно теоретическое осмысление путей становления современного украинского литературоведения первой трети XX в. как научной / интеллектуальной практики и вместе с тем способа реализации культурных ценностей. Внимание автора сосредоточено на процессах трансформации традиционалистского литературоведения, сформированного в контексте традиционного культурного дискурса, в современное, которое возникает в пространстве распространения идей современного мировоззрения. Проявлением и вершиной последнего становится неоклассический дискурс¹. Автор использует междисципли-

¹ В украинском литературоведении явление неоклассицизма первой трети XX в. традиционно связывают с художественной и интеллекту-

нарный подход, а главной исследовательской методологией становится дискурс-анализ как социоконструктивистский подход, в основе которого — понимание, что все знания конструируются и поддерживаются социумом в соответствии с его историко-культурной предопределенностью и социокультурными запросами, образующими прямую связь между знанием и социальными процессами. Исследование, безусловно, заполняет лауну, существующую в украинском литературоведении, поскольку впервые в нем рассматривается неоклассический дискурс в описанном выше аспекте.

Монография состоит из вступления, пяти разделов, которые делятся на главы и подглавы, выводов, обширной библиографии, а также именного указателя. Данный труд основан на серьезном теоретическом материале, включающем в себя многочисленные актуальные работы немецких, французских, американских, польских, украинских, русских и др. ученых-гуманитариев. Предваряет издание цитата из письма Николая Зерова к Максиму Рыльскому от 4 апреля 1923 г., отражающая сущность неоклассицизма как явления: «...Я себе как прекрасную мечту рисую возможность работать вместе с Вами, с гг. Якубским и Филиповичем, около одного литературного дела. Если бы нашлись еще товарищи, которым не завязаны глаза на ту истину, что если не брать на свой корабль ничего из прошлого, если по коряковскому способу “распаплюжить” все традиции, то корабль в конце концов пойдет ко дну. А мы бы построили Арго!»² (с. 5).

Во вступлении автор обращает внимание на то, что особенность современных гуманитарных наук — в соотношении их с типами культурного сознания и социокультурными практиками. Такой же подход применительно к своему материалу предлагает и Л. Демска-Будзуляк. Выбор предмета исследования (теоретическое осмысление эволюции национального литературоведения) ученая объясняет кризисом современной литературоведческой науки Украины, симптомы которого наблюдаются в «отсутствии четкого видения целей научных иссле-

альной деятельностью так называемой группы неоклассиков, к которой относят Н. Зерова (1890–1937) как неформального лидера и П. Филиповича (1891–1937), М. Рыльского (1895–1964), М. Драй-Хмару (1889–1939), О. Бургардта (Ю. Клена) (1891–1947) и В. Домонтовича (В. Петрова) (1894–1969) (его к этой группе в своих трудах присоединил известный украинский лингвист и литературовед Ю. Шевелев (Ю. Шерех) (1908–2002)).

² Здесь и далее ссылки на рецензируемое издание приводятся в тексте рецензии в скобках с указанием страницы.

дований, размытости методологии, нехватке эволюционного единства между научными поколениями, разрыве между проблематикой, концептуальными вопросами и путями их решения» (с. 19). Автор приводит остроумное сравнение украинского научного литературоведения с телом, у которого к настоящему моменту довольно детально описаны анатомия и физиология, однако отсутствует осмысление тех нервных и психологических импульсов, которые приводят к тому, что тело функционирует как единый организм (с. 29).

Центральным вопросом работы становится не сама по себе история украинского литературоведения как научной дисциплины (не то, что происходило), а социокультурные взаимосвязи и взаимовлияния (почему и как это происходило). Таким образом, литературоведение рассматривается не как сумма историко-литературных событий, биографий, методологий, фиксаций смен стилевых и жанровых форм словесности, но как часть культуры, интеллектуальная практика, находящаяся в тесной взаимосвязи с другими социокультурными дискурсами: экономическим, политическим, социальным и др.

Научный интерес к деятельности неоклассиков исследовательница справедливо объясняет тем, что конец XIX в. — 20-е гг. XX в. были знаковыми для украинского литературоведения: в это время произошло становление научной дисциплины, происходили поиски предмета и объекта исследования, которые пришлось на эпоху национального возрождения и украинизации. Закончился же этот период насильственным переформированием украинской культурной парадигмы в соответствии с коммунистической идеологией.

Первый раздел рассматривает становление литературоведения как отдельной научной отрасли в парадигме западноевропейской, а позднее и украинской гуманитарной науки, которое происходило в соответствии с модернизацией общества. Это переход от традиционного / «холодного» типа культуры (по определению К. Леви-Строса), основанного на идее преемственности культурной традиции, к современному / «горячему», который базируется на рациональном мышлении и критическом переосмыслении предыдущей традиции. Долгое время две центральные парадигмы литературоведения — традиционное и современное — сосуществуют. Это происходит до момента завершения в обществе процесса культурной модернизации.

Украинский неоклассицизм рассматривается в контексте европейского, при этом автор обозначает, что к настоящему моменту в европейской культуре, в том числе литературе, нет единого определения явления неоклассицизма первой трети XX в. Однако украинская

исследовательница вслед за М. Фойк³ предлагает рассматривать его как отдельный модернизационный проект, возникающий в среде традиционной культуры, но при этом наделенный современным сознанием и направленный в сторону модернизации национальной культуры. Таким образом, неоклассицизм исследуется не как художественное направление, стиль или метод, а как широкий культурный дискурс, чьей задачей в культурах «холодного» типа, лишенных государственности, становится стремление предложить собственную стратегию обновления культуры на фундаменте национальной классической традиции.

Во втором разделе представлена история украинского литературоведения данного периода как существенной составляющей эволюции национальной культурной парадигмы. Используя методологию постколониальных исследований, автор указывает на то, что украинское литературоведение как наука формировалось параллельно с процессами создания нации и государства, и вводит понятия контрдискурса и альтернативного дискурса литературоведческих исследований, возникающих на периферии, в маргине относительно имперского центра. Именно эти дискурсы позволяют начаться этапу трансформации традиционалистского литературоведения в современное, что приводит к становлению литературоведения как полноценной научной дисциплины. В работе заслуженно подчеркивается исключительная роль в этом процессе историко-теоретических взглядов и интеллектуальной деятельности И. Франко и В. Перетца.

Много внимания в исследовании уделено происходящему в период недолгого существования независимого украинского государства. Подчеркивается значение для развития литературоведения создания научных институций (Украинской академии наук, кафедр национальной литературы, научных отделов), выпуска специализированных научных изданий, появления первого поколения профессиональных филологов, объединенных «общим историческим и культурным опытом, системой ценностей и мировоззрением» (с. 225). Политика коренизации (украинизации) советской власти, как указано в монографии, вносит существенные коррективы в процессы, происходящие в культуре: порождает раскол между национальной образованной интеллигенцией и не/малообразованными низами, статус литературоведения меняется с

³ Фойк М. Неокласицизм у Східно та Центральноевропейській літературі як складова європейського пізнього модернізму // Питання літературознавства. Чернівці, 2013. Вип. 87. С. 118–127.

периферийного на центральный, а методология переориентируется от философско-позитивистской к модерно-формалистской.

Третья и четвертая главы, посвященные теории и методу (третья) и интеллектуальным практикам (четвертая) неоклассического дискурса украинского литературоведения, безусловно, являются кульминацией данного исследования. На обширном теоретическом и историческом материале рассматривается и осмысливается практическая деятельность неоклассиков, причем автор, в отличие от традиционного круга неоклассиков, объединяемых литературной критикой на основе общей эстетической платформы, предлагает расширить круг «действующих лиц», объединив ученых по принципу общего культурного мировоззрения и научного метода. Таким образом выделяются литературоведы, которые в своей интеллектуальной деятельности «двигались в сторону модерного литературоведения» (с. 283): историки литературы (Н. Зеров, В. Петров, П. Филипович, А. Шамрай), рассматривающие литературно-исторический процесс как цикличную смену культурных форм / стилей, и теоретики литературы (Н. Зеров, В. Державин, Б. Якубский, Б. Навроцкий), использующие формальный подход для анализа художественных текстов.

В четвертой главе подробно анализируется отличие литературоведения неоклассического дискурса от русской формальной школы, подчеркивается влияние не столько ее самой, сколько ее дискурса, а также противостояние не только традиционалистскому литературоведению, но и марксистскому, начиная с конца 1920-х гг. В этой связи отдельное внимание уделяется не так хорошо известной (на фоне инициированной Н. Хвылевым литературной дискуссии 1926–1928 гг. о путях развития национальной литературы) дискуссии вокруг проблем содержания и формы 1923–1930-х гг. как части более широкой российской, но со своими национальными особенностями, для которой был характерен синтез взглядов русской формальной и немецкой морфологической теорий. По мысли исследовательницы, «русский формализм уверенно двигался в сторону структурализма, украинский — в сторону психолингвистики и далее в рецептивную эстетику» (с. 347).

Поскольку процесс культурной трансформации традиционалистского (историкоцентричного) в модерное (формоориентированное) литературоведение был прерван советской научной и культурной политикой, по мысли исследовательницы, именно дискурс неоклассицизма остался наиболее современной формой украинского литературоведения. Для его представителей характерен научный интерес к проблемам классики (как вневременного явления и вместе с тем способа само-

идентификации народов, которые относительно поздно встали на путь культурной модернизации), формы, стиля, литературного канона. Обретают актуальность идеи культурной морфологии, которые украинские неоклассики применяют к истории литературы, трактуя ее как постоянное чередование / цикличность классики и не-классики.

Автор также освещает специфику методологического подхода неоклассического дискурса, в основе которого лежат принципы реставрации и реконструкции. В литературоведческих работах принцип реставрации предполагал освобождение текста / автора от идеологического вписывания в исторически обусловленные нарративы, освещение его культурной и эстетической ценности, а принцип реконструкции— способность в переломные моменты сберечь / консервировать выдающиеся образцы национальной культуры, на основе которых впоследствии можно провести реконструкцию традиции, адаптировав ее к современности.

В работах Н. Зерова, «первого среди молодого поколения пореволюционного литературоведения»⁴, максимально полно воплотился неоклассический дискурс литературоведения; автор предлагает периодизацию и подробный анализ его научной деятельности. Выводом становится новаторская идея о том, что его научные исследования необходимо рассматривать с точки зрения морфологии культуры, а не классического литературоведения. Важнейшей заслугой ученого признается создание нового литературного канона на основе современной традиции национальной культуры через смещение акцентов от утилитарного (характерного для традиционалистского литературоведения) к эстетическому подходу при рассмотрении художественных текстов.

Несомненный интерес, несмотря на некоторые повторы, представляет пятая, последняя глава «Формирование современного литературного канона учеными-неоклассиками», в которой самым внимательным образом анализируются наиболее значимые с точки зрения создания истории национальной литературы и литературного канона работы Н. Зерова. Безусловной удачей можно считать привлечение архивного материала: лекций, планов теоретических курсов самого литературоведа, материалов для подготовки научных исследований. Переосмысление литературного канона в работах ученого-неоклассика основывается на современной традиции национальной культуры: происходит переход от «истории авторов» к «истории текстов». В ра-

⁴ *Наснко М. К.* Історія українського літературознавства. Київ, 2001. С. 170.

боте анализується ревізія Зеровим творчості таких фігур української літератури, як І. Котляревський, Г. Квитка-Основьяненко, Т. Шевченко, П. Кулиш, І. Франко, Л. Українка, переоцінка считавшихся писателями «второго ряду» А. Свидницького, О. Стороженко, Я. Щоголева, М. Черемшини і, наоборот, стремління змінити місце Марко Вовчок в національному каноні як «незаслужено возвищеної суб'єктивної літературної критикою» фігури (с. 517). Автор відзначає, що літературний канон ученого во багатьох підкріплений роботами його сучасників-єдиномышленників. «Он пропонує ввести абсолютно іншу культурну традицію, ґрунтовану на ідеології національної культурної еліти, на універсальних цінностях і представлену художественними текстами високого естетического якості» (с. 517).

Книга Л. М. Демської-Будзуляк, енциклопедична по своєму характеру і обсягу матеріала, пропонує свіжий погляд на еволюцію українського літературознавства. Її поява — помітне і своєчасне подія в україністиці. Разом з тим використання міждисциплінарного підходу, актуальних досліджень світової гуманітаристики, увага до внутрішньому соціокультурному контексту роблять цю працю цікавою для широкого кола спеціалістів-гуманітаріїв.

Источники и литература

Демська-Будзуляк Л. М. Українське літературознавство від ідеї до тексту: неокласичний дискурс: монографія. Київ: Смолоскип, 2019. 600 с.

Леви-Строс К. Тотемизм сьогодні. Неприручена думка / пер. с франц. А. Островського. М.: Академічний проєкт, 2008. 520 с.

Наєнко М. К. Історія українського літературознавства. Київ: Видавничий центр «Академія», 2001. 360 с.

Фойк М. Неокласицизм у східно- та центральноєвропейській літературі як складова європейського пізнього модернізму // Питання літературознавства. Чернівці, 2013. Вип. 87. С. 118–127.

References

Dems'ka-Budzuliak, L. M. Ukrain's'ke literaturoznavstvo vid ideї do tekstu: neoklasychnyї dyskurs: monohrafiia. Kyїv: Smoloskyp, 2019, 600 p.

Foïk, M. "Neoklasytsyzm u Skhidno ta Tsentral'noievropeï's'kiiï literaturi iak skladdova ievropeï's'koho pizn'oho modernizmu." *Pytannia literaturoznavstva*. Chernivtsi, 2013, vyp. 87, p. 118–127.

Levi-Stros, K. *Totemizm segodnia. Nepriruchennaia mysl'* / per. s frants. A. Ostrovskogo. Moscow: Akademicheskii proekt, 2008, 520 p.

Naienko, M. K. *Istoriia ukrains'koho literaturoznavstva*. Kyïv: Vydavnychnyi tsentr "Akademiia", 2001, 360 p.

Ekaterina V. Baydalova

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Science (Moscow, Russia)

The new approach to the evolution of the Ukrainian literary studies

The new book by L. M. Dems'ka-Budzuliak is devoted to the very important but not well-studied works of Ukrainian neoclassicists about literature. This extensive monograph provides a theoretical comprehension of neoclassicist academic works and also the background of modern Ukrainian studies. The author uses sociocultural approach and pays special attention on M. Zerov' literary canon as an attempt at recording national cultural tradition.

Keywords: *Ukrainian literary studies, neoclassicists, sociocultural approach, modern, discourse, M. Zerov.*

УДК 94
ББК 63.3(0)

М. Ю. Дронов, Е. П. Серапионова
Институт славяноведения РАН
(Москва, Россия)

К 60-летию Мирослава Даниша

DOI:10.31168/2073-5731.2020.3-4.8.02

7 августа 2020 г. свое шестидесятилетие отпраздновал словацкий историк, профессор Мирослав Даниш, имя которого хорошо известно коллегам не только на родине, но и в России, а также других странах постсоветского пространства. Это неудивительно, учитывая, что всю свою профессиональную жизнь М. Даниш посвятил в первую очередь проблемам истории и культуры славянских народов.

М. Даниш родился в Братиславе, однако с 1964 г. живет в селе Кралёва-при-Сенци. После окончания гимназии в г. Сенец он поступил на философский факультет Университета им. Коменского в Братиславе по специальности «История». Успешно окончив университет на родине, Даниш продолжил обучение в аспирантуре Университета им. Т. Г. Шевченко в Киеве. В 1989 г. там же состоялась успешная защита его кандидатской диссертации, после чего он вернулся в Братиславу – теперь уже в качестве преподавателя на кафедре всеобщей истории философского факультета университета Коменского. В 1994 г. Даниш стал доцентом, а в 2011 г. – профессором всеобщей истории. Начиная с 2007 г. он также преподает в Высшей школе Danubius, где некоторое время занимал пост проректора по науке и международному сотрудничеству и исполнял обязанности ректора.

За годы преподавательской работы он, как преподаватель и особенно научный руководитель аспирантов (докторантов), подготовил многих достойных специалистов. Впечатляет и его личная научная библиография. Кроме многочисленных учебных пособий по истории, в его активе сотни научных публикаций, посвященных самым разным сюжетам Средневековья, Нового и Новейшего времени. На данный момент на сайте Университета им. Коменского значатся 335 опубликованных работ М. Даниша на словацком, русском, украинском, английском, азербайджанском и немецком языках.

По словам юбиляра, его с детства притягивал к себе русский язык и всё, что связано с Россией, а этот интерес со временем трансформировался в серьезное профессиональное увлечение историка. Так, уже

свою дипломную работу Даниш посвятил антицерковной оппозиции в Древней Руси в первой половине XIV в. Солидная кандидатская диссертация ученого касалась словацко-украинских связей в XVIII столетии. Неоднократно Даниш находился в научных командировках в Чешской Республике, России, на Украине, где, кроме работы в архивах и библиотеках, выступал с лекциями перед студентами.

М. Даниш — активный член многочисленных профессиональных сообществ, в частности, Комиссии историков России и Словакии (КИРС), заседания которой проходят раз в два года поочередно в каждой из стран. В 2016 г. он возглавил словацкую делегацию на VI заседании Комиссии, проходившем в столице Республики Марий Эл Йошкар-Оле. А в 2020 г. Даниш был избран заместителем председателя словацкой части КИРС. Признанием большого вклада ученого в укрепление российско-словацких научных контактов стало награждение его 4 ноября 2014 г. медалью А. С. Пушкина, которую ему вручил Президент РФ В. В. Путин.

Не раз Даниш выступал в роли организатора международных научных форумов, автором интересных идей и проектов. Много времени и внимания уделяет юбилар и редакторской работе. Так, еще с 1992 г. Даниш редактирует региональное издание «Kráľovské zvesti». В 1998–2000 гг. он являлся главным редактором популярного исторического журнала «Historická revue». Начиная с 2000 г. Даниш — председатель редакционного совета периодического научного сборника «Acta historiae Posoniensis». В 2005 г. ученый основал новый специализированный журнал — «Byzantinoslovaca».

Талантливый человек — талантлив во всём. Мирослав Даниш не только видный ученый, но и поэт. Из печати вышел уже не один сборник его стихов, а сам автор принят в Союз словацких писателей. Его поэзия переведена на украинский и русский языки.

От имени российских коллег поздравляем Мирослава с юбилеем и желаем ему здоровья и новых творческих побед!

Сведения об авторах

Адельгейм Ирина Евгеньевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. adelgejm@yandex.ru

Агапкина Татьяна Алексеевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. agapi-t@yandex.ru

Байдалова Екатерина Викторовна — младший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. kuzmukk@mail.ru

Баринов Игорь Игоревич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. barinovnoble@gmail.com

Барковская Нина Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург). n_barkovskaya@list.ru

Бенчич Жива — PhD., доцент кафедры русского языка и литературы отделения восточнославянских языков и литератур философского факультета Загребского университета (Загреб, Хорватия). zbencic@ffzg.hr

Борисёнок Юрий Аркадьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. rodina2001@mail.ru

Валенцова Марина Михайловна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. mvalent@mail.ru

Вернер Инна Вениаминовна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований славянской книжности Института славяноведения РАН. inna.verner@mail.ru

Вилимек Витезслав — PhD., старший преподаватель кафедры славистики философского факультета Остравского университета (Острава, Чешская Республика), доцент кафедры теории и практики перевода Института филологии и межкультурной коммуникации Волгоградского государственного университета. vitezslav.vilimek@osu.cz

- Войводиц Ясмينا* — PhD., профессор кафедры русского языка и литературы отделения восточнославянских языков и литератур филологического факультета Загребского университета (Загреб, Хорватия). jvojvodi@ffzg.hr
- Горный Александр Сергеевич* — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси, археологии и специальных исторических дисциплин Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (Гродно, Республика Беларусь). litvin_horny@tut.by
- Громинова Андреа* — PhD., доцент, зав. кафедрой русского языка Университета им. Св. Кирилла и Мефодия (Трнава, Словацкая Республика). andrea.grominova@gmail.com
- Гусев Никита Сергеевич* — кандидат исторических наук, ученый секретарь Института славяноведения РАН, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. gusevns@gmail.com
- Гусев Юрий Павлович* — доктор филологических наук, независимый исследователь. juguszev@yandex.ru
- Дронов Михаил Юрьевич* — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. mikhaildronov@rambler.ru
- Злыднева Наталия Витальевна* — доктор искусствоведения, зав. отделом истории культуры славянских народов Института славяноведения РАН. natzlydneva@gmail.com
- Королькова Полина Владимировна* — кандидат филологических наук, доцент кафедры славистики и центральноевропейских исследований Российского государственного гуманитарного университета. korolkovapolina@mail.ru
- Кудрявцев Андрей Алексеевич* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-отраслевого архива Института археологии РАН. a-kudravtsev@yandex.ru
- Лабынцев Юрий Андреевич* — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. slavia@hotbox.ru
- Марней Людмила Петровна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. mlss@bk.ru
- Неменский Олег Борисович* — научный сотрудник отдела истории средних веков Института славяноведения РАН. nemenski@yandex.ru

- Носов Борис Владимирович* — доктор исторических наук, зав. отделом истории славянских народов Центральной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. bnossov@mail.ru
- Перушко Ивана* — PhD., доцент кафедры русского языка и литературы отделения восточнославянских языков и литератур философского факультета Загребского университета (Загреб, Хорватия). perukoivana@gmail.com
- Пилипенко Глеб Петрович* — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН. glebpilipenko@mail.ru
- Поливанова Анастасия Константиновна* — младший научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН. nastiapo@yandex.ru
- Робинсон Михаил Андреевич* — доктор исторических наук, руководитель Центра междисциплинарных исследований славянской книжности Института славяноведения РАН. m.a.robinson@mail.ru
- Серационова Елена Павловна* — доктор исторических наук, зав. отделом истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН. seracionovae@mail.ru
- Симова Анастасия Сергеевна* — кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории средних веков Института славяноведения РАН. andobychina@gmail.com
- Соколовская Ольга Владимировна* — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. elolga@mail.ru
- Старикова Надежда Николаевна* — доктор филологических наук, зав. отделом современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. nstarikova@mail.ru
- Тимофеев Алексей Юрьевич* — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института новейшей истории (г. Белград, Сербия). al.timofev@gmail.com
- Флоря Борис Николаевич* — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, зав. отделом истории средних веков Института славяноведения РАН. sredveka_inslav@land.ru
- Фролова Мария Михайловна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. marinafrolova59@mail.ru

- Чиварзина Александра Игоревна* — ученый секретарь Научно-образовательного центра славистических исследований Института славяноведения РАН. mss-vah@yandex.ru
- Чуркина Искра Васильевна* — доктор исторических наук, независимый исследователь. kirilina.ljuba@rambler.ru
- Шатько Евгения Викторовна* — младший научный сотрудник отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН. eshatko@gmail.com
- Шевченко Кирилл Владимирович* — доктор исторических наук, профессор Российского государственного социального университета (филиал в г. Минске, Республика Беларусь). shevchenkok@hotmail.com
- Щавинская Лариса Леонидовна* — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь отдела восточного славянства Института славяноведения РАН. slavia@hotmail.ru
- Якушкина Екатерина Ивановна* — кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. jkatia@yandex.ru
- Ясинская Мария Владимировна* — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН. marusiaya@gmail.com

Note on the Authors

- Adel'geym Irina Evgen'evna* — Doctor of Letters, leading research fellow, Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. adelgejm@yandex.ru
- Agapkina Tatyana Alekseevna* — Doctor of Letters, leading research fellow, Department of Ethnolinguistics and Folklore, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. agapi-t@yandex.ru
- Barinov Igor' Igorevich* — Candidate of History, senior research fellow, Department of Eastern Slavic Studies, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. barinovnoble@gmail.com
- Barkovskaya Nina Vladimirovna* — Doctor of Letters, professor, Chair of Literature and Methods of Teaching Literature, Institute of Philology, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg). n_barkovskaya@list.ru
- Baydalova Ekaterina Viktorovna* — junior research fellow, Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. kuzmukk@mail.ru
- Benčić Živa* — associate professor, Department of Philosophy, University of Zagreb (Zagreb, Croatia), zbencic@ffzg.hr
- Borisyonok Yuriy Arkadyevich* — Candidate of History, associate professor, Chair of History of South and West Slavs, Department of History, Lomonosov Moscow State University. rodina2001@mail.ru
- Chivarzina Aleksandra Igorevna* — academic secretary, Academic and Educational Centre of Slavic Studies, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. mss-vah@yandex.ru
- Churkina Iskra Vasilyevna* — Doctor of History, independent researcher. kirilina.ljuba@rambler.ru
- Dronov Mihail Yuryevich* — Candidate of History, research fellow, Department of Eastern Slavic Studies, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. mikhaildronov@rambler.ru
- Florya Boris Nikolaevich* — Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, head of the Department of Medieval History, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. sredveka_inslav@land.ru
- Frolova Maria Mihaylovna* — Candidate of History, senior research fellow, academic secretary, Department of South-East Europe Slavs' Early Modern History, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. marinafrolova59@mail.ru
- Gorniy Aleksandr Sergeevich* — Candidate of History, associate professor, Chair of History of Belairs, Archeology and Special Historical Disciplines, Yanka Kupala State University of Grodno. litvin_horny@tut.by

- Grominová Andrea* — PhD., associate professor, head of the Chair for Russian Language, Ss. Cyril and Methodius University (Trnava, Slovak Republic). andrea.grominova@gmail.com
- Gusev Nikita Sergeevich* — Candidate of History, academic secretary, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences; senior research fellow, Department of Slavic History of the World Wars Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. gusevns@gmail.com
- Gusev Yury Pavlovich* — Doctor of Letters, independent researcher. juguszev@yandex.ru
- Korol'kova Polina Vladimirovna* — Candidate of Letters, associate professor, Chair for Slavic and Central European Studies, Russian State University for the Humanities. korolkovapolina@mail.ru
- Kudryavtsev Andrey Alekseevich* — Candidate of History, research fellow, Academic and Sectoral Archive, Institute for Archeology, Russian Academy of Sciences. a-kudravtsev@yandex.ru
- Labyntsev Yuriy Andreevich* — Doctor of Letters, leading research fellow, Department of Eastern Slavic Studies, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. slavia@hotbox.ru
- Marney Lyudmila Petrovna* — Candidate of History, senior research fellow, Department of Modern History of Slavic Peoples in Central Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. mlss@bk.ru
- Nemenskiy Oleg Borisovich* — research fellow, Department of Medieval History, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. nemenski@yandex.ru
- Nosov Boris Vladimirovich* — Doctor of History, head of the Department of Modern History of Slavic Peoples in Central Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. bnossov@mail.ru
- Peruško Ivana* — PhD., associate professor, Department of Philosophy, University of Zagreb (Zagreb, Croatia). perukoivana@gmail.com
- Pilipenko Gleb Petrovich* — Candidate of Letters, senior research fellow, Department of Slavic Linguistics, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. glebpilipenko@mail.ru
- Polivanova Anastasia Konstantinovna* — junior research fellow, Department of Slavic Linguistics, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. nastiapo@yandex.ru
- Robinson Mihail Andreevich* — Doctor of History, head of the Centre of Interdisciplinary Research of Slavic Literatures, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. m.a.robinson@mail.ru
- Serapionova Elena Pavlovna* — Doctor of History, head of the Department of Slavic History of the World Wars Period, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. serapionovae@mail.ru

-
- Shchavinskaya Larisa Leonidovna* — Candidate of Letters, senior research fellow, academic secretary, Department of Eastern Slavic Studies, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. slavia@hotmail.ru
- Shatko Evgeniia Viktorovna* — junior research fellow, Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. eshatko@gmail.com
- Shevchenko Kirill Vladimirovich* — Doctor of History, professor of Russian State Social University (affiliated branch in Minsk, Belarus). shevchenkok@hotmail.com
- Simova Anastasia Sergeevna* — Candidate of History, research fellow, Department of Medieval History, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. andobychina@gmail.com
- Sokolovskaya Ol'ga Vladimirovna* — Doctor of History, leading research fellow, Department of South-East Europe Slavs' Early Modern History, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. elolga@mail.ru
- Starikova Nadezhda Nikolaevna* — Doctor of Letters, head of the Department of Modern Literatures of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. nstarikova@mail.ru
- Timofeev Aleksey Yuryevich* — Doctor of History, professor, leading research fellow, Institute for Recent History (Belgrade, Serbia). al.timofev@gmail.com
- Valentsova Marina Mihaylovna* — Candidate of Letters, senior research fellow, Department of Ethnolinguistics and Folklore, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. mvalent@mail.ru
- Verner Inna Veniaminovna* — Candidate of Letters, research fellow, Centre of Interdisciplinary Research of Slavic Literatures, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. inna.verner@mail.ru
- Vilimek Vítězslav* — PhD., senior lecturer, Department of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, University of Ostrava (Ostrava, Czech Republic), associate professor, Department of Theory and Practice of Translation, Institute of Philology and Intercultural Communication of Volgograd state universit. vitezslav.vilimek@osu.cz
- Vojvodić Jasmina* — professor, Department of Philosophy, University of Zagreb (Zagreb, Croatia). jvojvodi@ffzg.hr
- Yakushkina Ekaterina Ivanovna* — Candidate of Letters, associate professor, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. jkatia@yandex.ru
- Yasinskaya Mariya Vladimirovna* — Candidate of Letters, research fellow, Department of Ethnolinguistics and Folklore, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. marusiaya@gmail.com
- Zlydneva Natalia Vitalyevna* — Doctor of Art, head of the Department of Cultural History of Slavic Peoples, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences. natzlydneva@gmail.com

Научное издание

Славянский альманах

3-4 2020

Издательство «Индрик»

Начиная с 2019 года в нашем журнале введены новые правила представления рукописи, доступные по электронному адресу:
<http://inslav.ru/page/pravila-napravleniya-i-opublikovaniya-nauchnyh-statey-v-zhurnale-slavyanskiy-almanah>

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
(495) 938-01-00
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
38,0 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

